В
М
РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
Генерал-лейтенант Н.Н. Головин

Военные Мемуары 1914 1918

Генерал-лейтенант
Н.Н. Головин

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Военные мемуары

Н.Н. ГОЛОВИН

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Москва
«Вече»

УДК 821.161.1-3
ББК 63.3
Г61

Scan By Vitaliius & Kali

Головин, Н.Н.

Г61 Россия в Первой мировой войне / Н.Н. Головин. — М. : Вече, 2014. — 544 с., ил. — (Военные мемуары).

ISBN 978-5-4444-1667-9

Знак информационной продукции **12+**

История Первой мировой войны в отечественной и зарубежной литературе в основном представлена работами, анализирующими преимущественно военно-политическую, стратегическую, оперативно-тактическую и социально-экономическую составляющие. Социологическая и социально-психологическая сторона проблемы, связанная с изучением войны как социального явления, оставалась, как правило, вне поля зрения исследователей. А между тем сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась ни в лагере победителей, ни в стане побежденных, лежит именно в области анализа ее «живой силы» — психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте и гражданского населения в тылу.

Этот пробел во многом восполняется фундаментальной работой, принадлежащей перу русского военного теоретика Николая Николаевича Головина (1875—1944).

УДК 821.161.1-3
ББК 63.3

ISBN 978-5-4444-1667-9

© Головин Н.Н., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ГЕНЕРАЛ ГОЛОВИН И ЕГО КНИГА

Имя генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875—1944) мало о чем говорит не искушенному в военных вопросах читателю. А между тем в истории русской военной мысли XX века оно занимает далеко не последнее место благодаря не столько обширному научному наследию, сколько делу всей его жизни — Высшим военно-научным курсам в Париже. Головин приблизил учебную программу курсов к программе знаменитой Николаевской академии Генерального штаба. Необычность всего предприятия состояла в том, что впервые в мировой практике национальная военная академия возникла и начала работу в иностранном государстве. У подобного феномена, разумеется, была и своя предыстория, о которой мы и расскажем в самых общих чертах.

Случилось так, что после поражения в Гражданской войне 1917—1922 годов многочисленная Русская армия под командованием генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля оказалась в рассеянии и сотни тысяч русских военнослужащих вынужденно находились сначала в галлиполийских лагерях, а затем понемногу стали разъезжаться по балканским странам. Даже побежденная армия продолжала оставаться серьезным военным ресурсом, и ее вожди и основатели были убеждены в том, что с падением в России большевистского режима эта часть русской военной силы в изгнании должна будет влиться в новые национальные вооруженные силы, станет прочной основой для новой армии. Военная наука европейских стран в то время не стояла на месте, усиленно делая попытки осмыслить опыт недавней Великой войны 1914—1918 годов и на основании сделанных заключений и выводов реформировать армии и военную политику в целом.

В 1920-е годы в России не существовало благоприятного политического климата для объективного и не политизированного изучения действий российской армии в мировой войне и попытки такого рода жестко пресекались правительством, будучи по недалекости ума объявленными «реакционными» и «буржуазными». В СССР существовала Красная армия, и в ее истории не было

такой вехи, как Великая война, а следовательно, и военная наука должна была начинаться с чистого листа, с официально утвержденной даты — 23 февраля 1918 года.

В эмиграции, напротив, оказалось значительное количество военных ученых, чей боевой и научный потенциал настойчиво требовал своевременного осмысления и обобщения, а главное, мог быть передан в лучших традициях российской императорской армии молодому поколению офицеров. Их боевой опыт в большинстве своем исчерпывался лишь участием в Гражданской войне. В 1920—1927 годах в изданиях русской зарубежной военной периодики, и прежде всего в белградском «Военном сборнике», были опубликованы многочисленные научные статьи и монографии по проблемам стратегии, тактики, истории военного искусства. Руководитель Русской армии в рассеянии барон Врангель задолго до своей безвременной кончины, последовавшей в апреле 1928 года, стал задумываться о подготовке и образовании молодых военных кадров, на которые он возлагал особые надежды, справедливо считая их наследниками славных боевых традиций императорской армии. В эмиграции в силу заботы о хлебе насущном большинство чинов армии были заняты на самых различных работах (от строительства автомобильных дорог и добычи угля до активного участия в разработке сложных инженерных проектов во многих отраслях промышленности) и потому основной формой обучения являлись кружки самообразования. Именно в те годы Николай Николаевич Головин являлся руководителем кружков высшего военного самообразования в Королевстве СХС, Болгарии, Чехословакии и Франции.

Однажды барон Врангель обратился к Головину с просьбой о том, чтобы тот представил ему соображения по созданию системы военного образования, пригодной для преподавания в условиях почти полной занятости потенциальных учеников, которая смогла бы успешно сочетать необременительность обучения с основательностью и глубиной настоящей академической школы. Врангель предложил генералу попытаться собрать существующий фактический материал о Великой войне, благо в военной среде русского зарубежья было немало непосредственных участников и свидетелей, и, проанализировав его, фрагментарно включить его в тематические лекции по стратегии, тактике и другим дисциплинам. Выбор бывшего Главнокомандующего Русской армией пал на Головина

еще и потому, что генерал уже тогда являлся официальным представителем Гуверовского института войны, революции и мира в Европе, занимался сбором документов и материалов по истории российской эмиграции. Кроме того, генерал уже читал курсы лекций по военной истории в Военной академии в Вашингтоне, в Высшей военной школе и Институте славянских исследований Парижа. Поначалу Головин отказывался, ссылаясь на необходимость дальнейшего сбора данных по истории мировой войны и, в частности, участия в ней Российской империи, однако при этом сама мысль Врангеля показалась ему достойной всяческого воплощения. Наряду с собственными поисками и обобщением богатейшего исторического материала Головиным проводилась работа по подбору потенциального преподавательского состава из числа бывших профессоров императорских военных академий и видных ученых, оказавшихся в изгнании.

Наконец, событие, которое так долго ждала русская военная общественность за рубежом, состоялось. 22 марта 1927 года в присутствии 200 слушателей профессор Н. Н. Головин вступительной лекцией открыл «Военно-научные курсы систематического изучения современного военного дела». Состав слушателей курсов был, в основном, однороден — бывшие офицеры, которые по окончании курсов причислялись к Российскому Генеральному штабу. Курсы работали по программам, близким к программам бывшей Императорской Николаевской военной академии (Академии Генерального штаба) и военных академий европейских государств. Успех открытых курсов превзошел все ожидания, и после открытия Курсы Головина просуществовали еще 11 с половиной лет. За это время курсы окончили свыше 400 офицеров, из которых 82 получили высшее военное образование и были награждены академическим знаком. Их своеобразные филиалы — Белградские военно-научные курсы и Русский военно-научный институт — функционировали вплоть до 1944 года и за 13 лет провели 6 выпусков. За это время на курсах обучались около 200 офицеров, из которых полный курс закончили 77 человек. Лекции, в том числе и те, что послужили основой книги «Усилия России в мировой войне», были переведены на 8 языков. Личный архив, основу которого составили научные труды Головина, был передан в 1947 г. его сыном в Гуверовский институт войны, революции и мира, где он находится и по сей день.

После Второй мировой войны в Париже энтузиастами военного дела был восстановлен «Институт по исследованию проблем войны и мира имени профессора Н. Н. Головина». Случилось это 31 октября 1951 года благодаря усилиям ближайшего соратника Н. Н. Головина по Высшим военно-научным курсам, профессора, полковника А. А. Зайцова, собравшего преподавательский коллектив из оставшихся во Франции слушателей курсов и профессоров. Под руководством полковника Зайцова, а после его кончины в 1954 году полковника А. Г. Ягубова продолжалась и деятельность другого научного заведения, существовавшего в зарубежье, — «Института по исследованию проблем войны и мира».

Предлагаемая вниманию читателя книга впервые увидела свет в Париже в 1939 году, в то самое время, когда деятельность Высших военно-научных курсов профессора Головина была в самом ее зените. Годы кропотливого труда и практической семинарской работы позволили Головину отшлифовать и систематизировать свой труд для полноценного издания в виде двух томов, содержание которого дает исчерпывающую картину предвоенной и военной жизни Русской армии во всем ее многообразии. Несмотря на серьезность темы, Головин постарался уйти от нарочитого академизма в своей работе, что делает ее легко читаемым и вместе с тем глубоко познавательным трудом. Многогранный педагогический талант Николая Николаевича Головина базируется и на значительном личном опыте. Иначе говоря, авторский и преподавательский успех его был обусловлен и богатейшей биографией генерала. Образование получил в Пажеском корпусе в 1894 году, куда был принят как сын генерала, имевшего известные заслуги перед Россией, продолжив учебу в Николаевской академии Генштаба в 1900-м. После Пажеского корпуса Головин вышел корнетом в лейб-гвардии конно-артиллерийскую бригаду, а после его служба продолжилась в 37-м пехотном полку и 2-й гвардейской пехотной дивизии, где он пребывал в должности старшего адъютанта штаба и командира эскадрона.

После отбытия необходимого для карьеры срока на строевых должностях Головин перевелся в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа в должности обер-офицера для особых поручений и помощника адъютанта, однако через год оказался в Варшавской крепости в должности начальника строевого отделения. В период с 1905-го по 1909 г. исполнял должность заведующего

передвижением войск Петербургско-Двинского района, совмещая службу с научной деятельностью секретаря Общества ревнителей военных знаний. В 1907 г. Николай Николаевич защитил диссертацию по военной психологии, темой которой стало «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца», на звание экстраординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба. В своей диссертации Головин одним из первых обосновал важность моральных и духовных качеств военнослужащего. В 1908—1909 годы он сочетал исполнение служебных обязанностей с педагогической деятельностью в Академии и осенью 1908 г. был откомандирован на год во Французскую Военную академию для изучения зарубежного опыта высшей военной школы. В свою бытность в Париже Николай Николаевич установил самые дружеские отношения с начальником академии генералом Ф. Фошем. По возвращении в Россию им был представлен отчет под названием «Французская высшая военная школа», в котором обосновывалась необходимость реорганизации военного обучения в России. В 1909 г. Головин защитил диссертацию на звание ординарного профессора и через год приступил к практическому осуществлению своей программы реформирования процесса обучения в академии. Проводил научные изыскания в области развития военного искусства и военной психологии. Предложения Н. Н. Головина по реорганизации учебного процесса не встретили поддержки военного министра генерала В. А. Сухомлинова и части профессоров Академии, объединившихся на почве недоброжелательности к теориям Головина, во главе с генералом А. Байовым. Конфликт профессоров привел к тому, что в начале 1914 г. молодой полковник Н. Н. Головин был отправлен на службу в качестве командира 20-го драгунского Финляндского полка в Вильманстранд.

В конце июля 1914 г. он был назначен командиром лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, во главе которого и выступил на разразившуюся к тому времени войну. За отличное командование полком Головин был вскоре произведен в генерал-майоры. После ранения и контузии в ноябре 1914 года Головин был назначен вр. и. д. генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. В марте 1915 г. его наградили георгиевским оружием. С октября 1915 г. генерал Головин был назначен и.д. начальника штаба армии. В самом конце 1916 года за составление плана действий армии в мае 1916 года на

Стрыпе его наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. В апреле 1917 г. Головина перевели на должность и.д. начальника штаба помощника Главнокомандующего армиями Румынского фронта. Весной 1917 года он выдвигался на должность начальника Академии Генерального штаба, но этому назначению не суждено было состояться. В августе 1917 года Головин был пожалован чином генерал-лейтенанта, а в октябре того же года его перевели в распоряжение министра-председателя и Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского. После прихода к власти большевиков в октябре 1917 года, развала фронта и армии Головин еще продолжал некоторое время числиться по Генеральному штабу, находясь уже в составе РККА, и состоял в распоряжении начальника Всероссийского главного штаба. В июне 1918 года Головин был отчислен как не получивший назначения и, недолго думая, выехал в Киев, уже занятый германскими войсками.

В конце года Николай Николаевич поступил в Добровольческую армию, находясь в качестве помощника бывшего командующего Румынским фронтом генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Дмитрия Григорьевича Щербачева. Сам Дмитрий Григорьевич был военным представителем русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании.

Вскоре Николай Николаевич с новой миссией выехал через Одессу в Париж, а затем и Лондон, где занял должность помощника по военным вопросам С. Сазонова — официального представителя адмирала А. В. Колчака и генерала А. И. Деникина на Версальской конференции государств — победителей в мировой войне. Находясь за границей, Головин участвовал в переговорах о предоставлении помощи белым армиям и даже встречался по этому поводу с сэром У. Черчиллем, военным министром английского правительства. Летом 1919 года принял Николай Николаевич предложение адмирала Колчака возглавить штаб его армии. В августе 1919 года, по своем прибытии из Франции, он был назначен в распоряжение адмирала А. В. Колчака, и в уже в сентябре 1919 г. на него была возложена разработка штата штаба Верховного главнокомандующего. По разработанному им плану и при его непосредственном участии в сентябре 1919 г. была успешно осуществлена Тобольско-Петропавловская наступательная операция колчаковских войск, однако в октябре 1919 г. в связи с последствиями контузии, полученной на германском фронте, Го-

ловин был эвакуирован в Токио. В 1920 г., после поражения армий адмирала А. В. Колчака, уехал во Францию. Работа за границей и успешная работа курсов вызывали настороженность в СССР. В 1928 году советский полпред в Париже потребовал от французских властей немедленно закрыть курсы генерал-лейтенанта Головина. Впрочем, на это французский маршал Фош возразил, что профессор Головин и его учебное заведение являются достоянием Французской республики. Претензии советского правительства были отвергнуты как несостоятельные, и курсы продолжили свое существование.

Начавшаяся война в Европе внесла в жизнь Головина свои коррективы. После оккупации германскими войсками части Франции он занял в Париже пост в Комитете взаимопомощи русских эмигрантов, преобразованном в апреле 1942-го в Управление делами русских эмигрантов во Франции. Там Головин занимался отправкой добровольцев на работу в Германию и пополнением РОА генерала А. А. Власова подготовленными офицерами. 10 января 1944 года Головин умер от разрыва сердца после того, как получил сообщение от представителей французского движения Сопротивления с угрозой расправы. Похоронили Николая Николаевича Головина на кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Эта книга не переиздавалась на родине автора главным образом по причинам, связанным с политической конъюнктурой, оставаясь в тени поздних попыток осмысления уроков и результатов Великой войны. Ставшая доступной российскому читателю спустя десятилетия, эта работа генерала Головина, на наш взгляд, и по сей день не утратила своей актуальности и свежести. Она восполнила собой значительный пробел, долгое время существовавший в отечественной военной истории. Одним из несомненных достоинств книги стал ее тщательно проработанный исторический материал в сочетании с критическим осмыслением роли и участия России в Первой мировой войне. Все вместе это делает предлагаемый труд Николая Николаевича Головина познавательным чтением для самого широкого круга читателей и в наши дни[1].

О. Г. Гончаренко

---

[1] Оригинальное название книги — «Военные усилия России в Мировой войне». Данное издание выходит под названием «Россия в Первой мировой войне». — *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Ни к одной из наций, — пишет в своих мемуарах бывший британский министр Уинстон Черчилль, — Рок не был так беспощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже на виду; она претерпела бурю, когда наступила гибель...»

Действительно, судьба России представляет явление, еще не бывалое в истории войн: Россия оказалась пораженной без решительной победы ее врагов над Российской армией на театре войны. Империя, занимавшая 1/6 часть суши земного шара, с населением, достигавшим 167 миллионов, начала разлагаться изнутри; это разложение передалось армии; развал армии, в свою очередь, привел к развалу всего государства.

Трагический для России исход войны заслуживает особого научного интереса, ибо его изучение способствует освещению социальных процессов, происходящих в государствах как следствие огромного военного напряжения, вызываемого условиями современной войны.

Автор отдает себе отчет о всей трудности разрешения вопроса о «военном напряжении» государства, трудности, проистекающей из сложности самого понятия «военное напряжение». Задача исследователя осложняется еще тем, что многие из проявлений «военного напряжения» лежат в такой туманной и пока малодоступной области, как область психики народных масс. К этому нужно добавить, что разгром русских военных архивов во время большевистского переворота и вызванной им Гражданской войны лишает возможности использовать документы в полном их объеме.

Вот почему на предлагаемую работу нужно смотреть как на первичную попытку разобраться в материалах для разрешения сложнейшей социологической проблемы. Эту работу можно уподобить тропам, которые намечаются первыми путешественниками в неведомых странах. Тем, кто пойдет затем в эту новую область,

предстоит расширить эти тропы, обратив их в торные пути, или же использовать их для проведения новых путей в направлении, оказавшемся ближе к истинному.

Задача, поставленная настоящему труду, определяет собою и его построение.

Военное напряжение страны обуславливается потребностью фронта в «живой силе», т.е. в людях, и потребностями фронта в материальной части, т.е. в вооружении, во всевозможного вида снабжениях и в средствах транспорта. На подробное изучение этих вопросов, в особенности же потребности и расхода «живой силы», и направлено главное внимание исследователя. Самый ход военных действий рассматривается в очень общих чертах и лишь поскольку это необходимо для объяснения возникновения различного рода потребностей фронта, а также для освещения воздействия боевых событий на социальную психику.

При оценке потребовавшегося в течение войны напряжения России крайне распространен был такой подход: возможности России оцениваются пропорционально численности ее населения и размерам ее территории, применяя масштаб Западной Европы. Существовал своего рода «мираж» колоссальных возможностей, созданный колоссальностью размеров России.

Дабы избежать подобной ошибки, автор посвящает три первые главы своего труда рассмотрению условий, определявших возможности России проявить то высокое напряжение, которого потребовала от нее большая европейская война.

Эти главы следующие:

Глава первая — Русские законы о всеобщей воинской повинности.

Глава вторая — Условия, затруднявшие возможности России в полной мере использовать многочисленность ее населения.

Глава третья — Условия, затруднявшие надлежащее устройство и оборудование российской вооруженной силы.

Без предварительного изучения вопросов, рассматриваемых в вышепоименованных трех главах, невозможно разрешение интересующей нас проблемы, так как только в этом случае мы останемся в атмосфере реальностей, среди которых происходили жертвоприношения России в минувшую войну.

Начиная с главы четвертой, автор приступает к изучению военных усилий, которые потребовались от России. Эти главы следующие:

Глава четвертая — Численность людей, призванных на военную службу.

Глава пятая — Потери Русской армии в личном составе.

Глава шестая — Распределение призванных на военную службу людей между войсками и тылом.

Глава седьмая — Потребности Русской армии в вооружении и в разного рода боевом техническом снабжении.

Глава восьмая — Потребности Русской армии в продовольствии и прочем снабжении.

Глава девятая — Транспорт.

Таким образом, в главах четвертой — девятой автор устанавливает объективные размеры усилий России. Для того же, чтобы подойти к освещению вопроса о психическо-социальном напряжении, которое вызвали эти усилия, автор счел нужным ввести в свой труд еще две главы:

Глава десятая — Ход войны и настроение армии и тыла в кампании 1914, 1915 и 1916 гг.

Глава одиннадцатая — Разложение армии в 1917 году.

С целью избегнуть в этих главах субъективности в оценке явлений автор применил следующий метод: он возможно чаще предоставляет слово другим участникам событий, причем при выборе этих свидетелей автор принимает все меры, дабы обеспечить по возможности всестороннее освещение исторических фактов. Этим объясняется обилие выдержек в тексте и документов в приложении.

В заключение автор считает нужным сказать, что настоящая книга является лишь частью той большой работы по исследованию войны, которую он задумал под общим наименованием «Социология войны». Удастся ли ему довести всю эту работу до конца, автор не знает, но он считает, что меры, принимаемые современными цивилизованными народами для предотвращения возможности новой войны, значительно выиграют в своей действительности от подробного изучения самой войны как явления социальной жизни. Лечение всякой болезни становится на верный путь лишь после того, как хорошо изучена природа самой болезни. А война есть социальная болезнь.

Н. Головин

Глава первая

РУССКИЕ ЗАКОНЫ О ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Устав 1874 года и его предшественники. — Территориальное распределение тягот воинской службы. — Сроки службы. — Сравнение с германским законом. — Распределение тягот воинской службы по возрастам. — Казачьи уставы о воинской службе. — Военный министр генерал В. А. Сухомлинов.

УСТАВ 1874 ГОДА И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

В последний период существования крепостного права все классы общества, сколько-нибудь возвышавшиеся над уровнем народных масс, были освобождены от обязательной воинской службы. Это изъятие распространялось на дворян, купцов, почетных граждан и лиц, обладавших образованием. Освобождением от воинской службы пользовались также немецкие колонисты и переселенцы из других стран. Кроме того, предоставлялись льготы по отбыванию воинской службы жителям Бессарабии, отдаленных областей Сибири, инородцам и т.д. В общем, более 30 % населения или вовсе были освобождены, или могли откупиться денежным взносом от поставки рекрутов[1]. Комплектование армии носило на себе яркий отпечаток сословного строя: вся тяжесть воинской повинности выпадала на низшие классы русского населения, на

[1] Для одной Европейской России (без Польши и Финляндии), по данным 10-й народной переписи 1858 г., этот процент равнялся 20, но к этой цифре нужно еще добавить население Бессарабии, некоторых областей Сибири, всех инородцев, а также население Польши и Финляндии.

так называвшиеся тогда податные сословия. Среди них и производились рекрутские наборы. Самый выбор рекрутов из помещичьих крестьян фактически зависел от власти помещика. Рекрутский же набор в среде прочих крестьян (государственных, удельных) и в среде мещан производился на основании Рекрутского устава 1831 г. Последний устанавливал «очередной» порядок, принимая во внимание интересы семей, из которых должны были браться рекруты. До 1834 г. действительная служба продолжалась 25 лет. Затем срок был уменьшен до 20 лет, с тем что остальные 5 лет нижний чин числился в бессрочном отпуске. Длительность службы совершенно отрывала взятых рекрутов от прочей массы населения и потому фактически превращала всех чинов армии как бы в отдельное сословие.

После освобождения крестьян в 1861 г. подобный порядок комплектования вооруженной силы не мог продолжать существование.

Правительство императора Александра II, перестраивавшее Россию на новых социальных началах, не могло оставить в силе столь несправедливое распределение воинской повинности. Вместе с тем победы Германии в войне 1870—1871 гг. совершенно ясно показывали, что вооруженная сила современного государства не может основываться на прежних, сравнительно небольших и оторванных от народа, чисто профессиональных армиях. Вооруженная сила, выставляемая государствами во время войны, все более и более приближалась к «вооруженному народу».

В докладе императору Александру II, поданном военным министром, генералом (впоследствии графом) Милютиным, значится: «Ваше Императорское Величество, обратив свое внимание на чрезвычайное усиление численности вооруженных сил европейских государств, на необыкновенно быстрый переход их армий, особенно германской, от мирного положения к военному и на обширно подготовленные ими средства к постоянному пополнению убыли чинов в действующих войсках, повелели военному министру представить соображения о средствах к развитию военных сил империи на началах, соответствующих современному состоянию вооружений Европы»[1].

[1] Военно-статистическое обозрение России. Изд. Военного министерства. 1871. Ч. IV.

В Манифесте же императора Александра II от 1 января 1874 г., в котором объявлялась в России всеобщая воинская повинность, правительство считало нужным выдвинуть новую идею всенародной государственной защиты в качестве основной идеи общеобязательной воинской службы.

«Сила государства, — говорится в Манифесте, — не в одной численности войска, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высокого развития только тогда, когда дело защиты Отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело».

Закон об общеобязательной воинской службе был издан в виде Устава 1874 года о всеобщей воинской повинности.

Параграф первый этого закона гласил: «защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного...», таким образом, воинская служба объявлялась *общеобязательной, всесословной и личной.*

Согласно принципам нового устройства вооруженной силы, армия, содержащаяся в мирное время, должна прежде всего служить школой для подготовки запаса военнообученных людей, посредством призыва которых при мобилизации разворачивалась армия военного времени. В связи с этим Устав о воинской повинности назначает совсем иные, нежели раньше, сроки службы. Первоначально таковой срок был установлен в 5 лет, а затем сокращен до 4 и 3 лет. Стена, разделявшая армию от народа, таким образом рушилась, и социальная связь между ними устанавливалась чрезвычайно тесная.

Устав о воинской повинности 1874 года просуществовал в течение 40 лет, вплоть до мировой войны. Правда, в 1912 г. был издан закон об изменении Устава, но эти изменения, которые вводил в «Устав о воинской повинности 1874 года» закон 1912 г., не могли еще вполне отразиться в действительной жизни, так как уже через два года вспыхнула мировая война.

Вот почему изучение условий, созданных российским законодательством для использования на войне «живой силы» государства, должно основываться прежде всего на рассмотрении Устава о воинской повинности 1874 года.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯГОТ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Согласно Уставу 1874 г., полное освобождение от воинской службы предоставлялось всему инородческому населению Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, Сибири, а равно самоедам, обитающим в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии. Это освобождение было сохранено и законом 1912 г.

До 1887 г. все население Закавказья, а равно и инородцы Северного Кавказа были тоже совершенно освобождены от воинской службы. Но затем нетуземное население всего Кавказа было постепенно привлечено к отбыванию воинской повинности на общем основании. Кроме того, привлечены были к воинской службе (но согласно особому, облегченному положению) некоторые из горских племен Северного Кавказа.

Освобождено было также от воинской службы все население Туркестанского края, Приморской и Амурской областей и некоторых отдаленных местностей Сибири. По мере проведения железных дорог в Туркестане и Сибири это изъятие сокращалось.

Финляндия до 1901 г. отбывала воинскую повинность на основании особого положения. Но в 1901 г. из опасения за столицу империи — С.-Петербург в случае войны с Германией правительство расформировало финские войска и впредь до обработки нового Положения вовсе освободило население Финляндии от воинской повинности.

Наконец, на основании особых казачьих уставов отбывало воинскую службу казачье население областей: Войска Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского. Но казачьи уставы не только не представляли собою облегчения в отбывании воинской службы, но в некоторых отношениях предъявляли к населению большие требования, нежели общий Устав. Существование особых казачьих уставов объяснялось желанием правительства дать казакам закон, хоть и построенный на тождественных с общим Уставом основаниях, но в то же время приспособленный к их быту и историческим традициям.

Подводя итоги вышесказанному, можно выразить следующими цифрами распределение тягот «воинской повинности» на все население Российской империи в 1914 году:

А.	Подлежало «воинской повинности»:	
	на основании общего Устава	87,5 % населения
	на основании казачьих Уставов	2,5 % населения
	всего	90 % населения
Б.	Было вовсе освобождено от «воинской повинности»	10 % населения

Отсюда мы видим, что по сравнению с прежним рекрутским уставом наши законоположения о воинской повинности значительно расширяли базу, на которой строилось комплектование вооруженной силы. Освобождение части населения от воинской службы хотя и сохраняется, это освобождение *утрачивает прежний сословный характер*, оно обусловливается причинами общегосударственного порядка, и его можно уподобить освобождениям от воинской службы, предоставляемым прочими европейскими государствами населению своих колоний. Таким образом, в указанных выше освобождениях нельзя еще видеть нарушение основных начал, а именно: общеобязательности, всесословности и личного долга на которых стремился базироваться наш закон о воинской повинности.

СРОКИ СЛУЖБЫ

Идея личного долга каждого гражданина защищать свое отечество составляет основной принцип закона об обязательной воинской службе.

Проведение этой идеи в среде коренного населения России получало особое моральное значение. Но для того чтобы в сознании народных масс, в особенности малокультурных, эта идея укоренилась, необходимо было, чтобы закон об обязательной воинской службе в самой полной степени стремился к социальной справедливости. Всеми европейскими государствами в основу законоположений об обязательной воинской службе положены возраст и физическая годность призываемого гражданина. Подобная постановка вопроса в самом деле наиболее отвечает идее общеобязательной воинской службы. Молодой и здоровый человек является лучшим воином и легче переносит все тяжести боевой жизни. С понижением возраста бойцов уменьшается и число многосемейных солдат, которым военная служба несрав-

ненно труднее, чем холостым солдатам. Поэтому молодая армия способна проявить большую энергию, нежели армия, заполненная пожилыми людьми, часто обремененными многочисленным семейством.

Минувшая война заставила ввести некоторые компромиссы для квалифицированных работников, знание и умение которых государству полезнее приложить не на фронте, а в тылу. Но все эти компромиссы не нарушают основной идеи закона об обязательной воинской службе в том случае, если они диктуются исключительно пользою государства, а не личною. Вот почему, говоря выше, что законы об обязательной военной службе должны стремиться осуществить в самой полной мере справедливость, мы добавили слово «социальную». Мы хотели этим выделить идею, что речь идет не о справедливости в обыденном понимании индивидуальной жизни, а о справедливости, обуславливаемой пользой всего социального организма.

Подобная точка зрения вызывает большие осложнения, но и в этих осложненных условиях правильное решение будет найдено только в том случае, если в основу распределения тягот, накладываемых на плечи населения законом об обязательной воинской службе, будет положен возрастной принцип; иначе говоря, распределение этих тягот должно быть произведено по возрастным слоям мужского населения страны, соблюдая наибольшую равномерность в требованиях внутри каждого возрастного класса и понижая эти требования по мере увеличения возраста класса.

Посмотрим теперь, в какой мере было выполнено это основное требование нашим законом.

Призыву подлежали молодые люди, которым только что минул 21 год. В мирное время принятые на службу молодые люди поступали в постоянные войска, состоявшие из армии, флота и казачьих войск. После отбытия действительной службы в течение установленного законом срока чины армии, флота и казачьих войск перечислялись в «запас». Ко времени издания закона 1912 г. срок действительной службы равнялся для пехоты и артиллерии (кроме конной) 3 годам, для прочих сухопутных войск — 4 годам и для флота — 5 годам. В запасе чины, служившие в пехоте и артиллерии (кроме конной), числились 15 лет, чины прочих сухопутных войск — 13 лет и чины флота — 5 лет.

Чины запаса предназначались для укомплектования в случае мобилизации частей действующей армии. В мирное время

чины запаса могли призываться на учебные сборы, но не более двух раз за все время, и каждый раз не долее как на шесть недель. Из стремления к экономии продолжительность учебных сборов была на деле сокращена: так, лица, состоявшие на действительной службе более трех лет, призывались только раз и на две недели, а лица, прослужившие менее трех лет, — два раза, но каждый раз лишь на три недели.

По окончании установленного законом срока пребывания в запасе лица, в нем состоявшие, перечислялись в государственное ополчение, в котором и состояли до 43-летнего возраста.

СРАВНЕНИЕ С ГЕРМАНСКИМ ЗАКОНОМ

Отсюда мы видим, что русский закон распределял обязанности воинской службы на три возрастных слоя. Для того чтобы убедиться, насколько подобное упрощенное решение вопроса не обладало гибкостью для полного проведения в жизнь возрастного принципа, мы отсылаем читателя к помещенной в конце книги схеме № 1. В ней мы указываем для сравнения решение того же вопроса германским законодательством. В то время как наше законодательство подразделяло тяготы воинской повинности на три слоя, германское законодательство подразделяло их на шесть. В мирное время это различие не могло непосредственно сказываться, ибо на мирном положении тяготы обязательной воинской службы несли только те лица, которые состояли на действительной службе, остальные же, числившиеся в запасе или ополчении у нас и в резерве, ландвере и ландштурме в Германии, не отрывались от своей частной жизни. Но в военное время различие между указанными в таблице категориями было существенным. У нас I и II категории шли сразу же с объявлением войны в ряды действующих войск умирать на полях битв, а III категория частью шла на пополнение потерь действующей армии, частью же на формирование особых ополченских частей для тыловой службы, т.е. без риска увечий и смерти. В Германии с объявлением войны сразу же предназначались для активных военных действий II и III категории. IV категория (ландвер I разряда) предназначалась для формирования особых частей, на которые предполагалось первоначально возложить второстепенные боевые задачи. V категория (ландвер II разряда) формировала особые части, пред-

назначаемые первоначально для тыловой службы, но они могли быть привлечены впоследствии для второстепенных боевых задач. VI категория (ландштурм старше 39 лет) формировала особые части, предназначавшиеся исключительно для тыловой службы и для охраны границ. Наконец, I категория (ландштурм моложе 20 лет) могла быть призвана в случае надобности в виде досрочных призывов на укомплектование действующих войск.

В предвидении громадной потребности в «живой силе» в случае европейской войны германское законодательство предоставляло Военному министерству известную свободу в распоряжении возрастными классами, так, например, младшие возрасты ландвера в случае надобности могли быть употреблены на укомплектование полевых и резервных войск, а младшие возрасты ландштурма II разряда — на укомплектование ландвера.

Из сравнения данных приводимой нами схемы (№ 1) мы прежде всего видим, что Германия готовилась к проявлению большего напряжения на войне, нежели Россия. Германия считала нужным для своей защиты иметь в распоряжении армии 28 возрастов, в то время как Россия — только 22.

В следующей главе мы рассмотрим особые условия, существовавшие в России и не позволявшие ей такого же «напряжения людьми», какое было доступно для других западноевропейских государств. Но здесь нужно обратить внимание на различие отношения русского и германского законодательств к вопросу об использовании более молодых возрастов. Призывной возраст, согласно русскому законодательству, определялся так: ежегодный призыв происходил в октябре месяце, причем призывались молодые люди, которые к 1 октября этого же года достигли 21 года. По германскому же законодательству привлекались молодые люди, которым в предыдущем году исполнилось 19 лет. Предъявляя вместе с тем очень строгие требования к физической готовности новобранца, германское законодательство предоставляло отсрочку для поступления на службу физически не вполне доразвившимся молодым людям. Это приводило к тому, что средний призывной возраст несколько повышался, равняясь 20 с половиной годам. Подобная система позволяла, не форсируя слабосильной части мужского населения, все-таки иметь призывный возраст на год моложе нашего.

Но мало того. Германское законодательство предвидело необходимость в случае войны досрочных призывов. Оно устанав-

ливало порядок, согласно которому всякий немец по достижении им 17-летнего возраста зачислялся в ландштурм, т.е. делался военнообязанным.

Наш устав 1874 года совершенно не предвидел возможности в случае войны досрочного призыва. Закон 1912 года сделал попытку исправить этот недочет. Но наше молодое народное представительство не отдавало себе отчета в том грандиозном напряжении, которое потребуется от России через два года. Не вполне отдавало себе отчет в этом и наше военное ведомство. И вышеуказанная попытка вышла очень робкой. Закон 1912 года хотя и предусматривал возможность досрочных призывов, но говорил о них очень неопределенно.

Ст. 5 закона 1912 г. гласила: «При возникновении чрезвычайных обстоятельств военного времени, вызывающих настоятельную необходимость ускорить поступление новобранцев в ряды войск, очередной призыв может быть по Высочайшему повелению, объявленному Высочайшим указом Правительствующему Сенату, произведен ранее сроков, в предыдущей статье (ст. 4) указанных...»

Между тем ст. 4 говорит о сроках призыва в данном году; указание же на то, по достижении какого возраста молодые люди подлежат призыву, мы находим в ст. 2, на каковую в ст. 5 ссылки не имеется.

Дальнейшее сравнение данных схемы № 1 показывает нам, что, несмотря на то что Германия готовится к призыву в случае войны гораздо большего числа возрастных классов, нежели Россия, тем не менее она создает такую систему, которая позволяет ей сообразовать размер использования своей живой силы с размерами выясняющихся потребностей войны, строго придерживаясь при этом возрастного принципа.

Эта система не только обладает гибкостью; внимательное отношение к возрастному принципу придает ей и моральное значение, соответственно воспитывая народное сознание.

Нельзя сказать того же о русском законе. Хотя он рассчитан на меньшее напряжение, чем германский, в нем отсутствует гибкость. Он не дает возможности осуществить в напряжении страны справедливую последовательность в использовании возрастных классов. Характеризуя одним словом, наш закон — *кустарен*.

Эту кустарность он унаследовал от Рекрутского устава 1831 г. Но последний отвечал другому заданию, а именно — ведению

войны профессиональной армией, в то время как новое задание требовало ведения войны вооруженным народом.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯГОТ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ ПО ВОЗРАСТАМ

Отсталость русского законодательства об обязательной воинской службе от требований современной войны обнаруживается еще ярче, если мы углубим наш анализ.

Выше мы уже упоминали о том, что закон об обязательной воинской службе при проведении на практике принципа долга каждого гражданина защищать свое отечество вынужден делать некоторые отступления от абсолютно для всех одинакового исполнения этого долга.

Подробно мы остановимся на этом вопросе в следующих главах. Здесь же мы затронем другой вопрос, связанный с только что указанным, а именно — вопрос о том, в какую из указанных на схеме № 1 категорий зачислялись лица, получавшие в мирное время освобождение от действительной службы. На первый взгляд может показаться, что этот вопрос имеет только формальное значение, но на самом деле это не так.

Согласно русскому Уставу о воинской повинности 1874 г., лиц, не принятых в мирное время на действительную службу, зачисляли сразу же при призыве в государственное ополчение. Последнее подразделялось нашим законом на два разряда:

I разряд — предназначался не только для формирования особых ополченских частей, но мог быть также использован для укомплектования действующих войск.

II разряд — предназначался исключительно для укомплектования особых ополченских частей, которые применялись только как охрана тыла или как рабочая сила.

Как мы увидим дальше, наибольшее развитие в области льгот получила в нашем законодательстве льгота по семейному положению. Ею пользовались до 48 % призываемых. И вот приблизительно половина этого числа (льготные I разряда) зачислялись прямо в ополчение II разряда, т.е. в случае войны освобождались законом от настоящей боевой службы. Другая половина льготных по семейному положению зачислялась в ополчение I разряда. Хотя по смыслу закона ратники ополчения II разряда могли быть при-

влечены в случае надобности на пополнение действующих войск, но, согласно нашим же законоположениям, учет велся лишь ратникам I разряда, служившим ранее в войсках (т.е. в возрасте от 39 до 43 лет) и только младшим четырем возрастам прочих ратников I разряда. Численность этой части ополчения I разряда считалась достаточной «для вероятной потребности: 1) в дополнительном укомплектовании для постоянных войск и 2) для формирования ополченских частей»[1].

Таким образом, наш закон намеревался освободить не только от боевой службы, но и от всякого вида военной службы также и ратников I разряда, за исключением ранее служивших на действительной службе и четырех младших возрастов.

В итоге вместо распределения тягостей воинской службы по возрастным слоям наш закон как бы отсекал часть мужского населения, предназначая ее для воинской службы вплоть до 43-летнего возраста, и освобождал совершенно другую от боевой и даже от всякого вида военной службы.

Мировая война, вспыхнувшая в 1914 году, нарушила все расчеты Российского военного ведомства. Пришлось во время войны спешно изменять законоположения. Но основные дефекты Устава о воинской повинности сказались во всей своей силе. На схеме № 2 указаны сроки призывов возрастных классов в различных категориях наших военнообязанных. Из этой картограммы ярко видно, что возрастной принцип был совершенно нарушен.

Для пояснения нашей мысли на примере посмотрим, как отразилась мировая война на людях призыва 1897 г.

В 1914 г. люди этого призыва находились в возрасте 38 лет.

Согласно изложенному нами выше, они могут быть в отношении тяготы, выпадающей на них с объявлением войны, разделены на три категории.

Первая: прошедшие действительную службу, числящиеся последний год в запасе.

Вторая: зачисленные в 1897 г. в ополчение I разряда.

Третья: зачисленные в 1897 г. в ополчение II разряда.

Первые в первый же день объявления мобилизации были призваны в действующую армию и выступили в ее рядах в поход, вторые начали призываться лишь 25 марта 1916 г., т.е. через два-

[1] *Редигер*. Комплектование и устройство вооруженной силы. 1900. С. 533.

дцать месяцев после начала войны; а третьи начали призываться только 25 октября 1916 г., т.е. через двадцать семь месяцев. Для того чтобы эта третья категория могла быть привлечена к боевой службе, а не оставалась бы в частях ополчения, потребовалось даже радикальное изменение закона.

Это громадное различие в требованиях государства к вышеуказанным трем категориям предрешалось еще в 1897 г., в большинстве случаев в зависимости от того, каким работником был тогда в семье своего отца (или деда) призываемый. С тех пор прошло 17 лет. Семья отца, а тем более деда распалась (при этом по мере удаления от крепостного права выделение молодых семей происходило все раньше и раньше). К 1914 г. семья призываемого стала совершенно самостоятельной единицей. Между тем создавалась такая картина: глава многочисленной семьи, с детьми малолетками, идет на поле брани, а здоровый бобыль блаженствует в тылу и только через 27 месяцев кровавой бойни призывается, и часто лишь для того, чтобы в далеком тылу окарауливать запасы.

Социальная несправедливость получилась громадная. Она еще увеличивается, если сравним 42-летнего многосемейного бывшего солдата, хотя уже и числившегося ратником I разряда, но призванного уже через пять дней после объявления мобилизации и вскоре затем попавшего в ряды действующих войск, с 21-летним холостым молодым человеком, по положению в семье отца попадающим в ратники II разряда. Могло случиться так, что этот молодой человек, освобожденный от боевой службы, оказывался сыном того бывшего солдата, который сам шел умирать за Родину.

С целью компенсировать нарушение экономических интересов семей, из которых уходил глава, правительство назначило выдачу особого денежного пайка. Мера эта была разумная и справедливая. Но этими деньгами восстанавливалась лишь экономическая справедливость, но не социальная: жизнь, увечье — деньгами не искупаются.

Отсюда мы видим, что наш закон коренным образом нарушал принцип использования «живой силы» по возрастам. Вместо деления мужского населения по горизонтальным возрастным слоям, как это мы видим на картограмме № 1, в действительности мужское население Российской империи было разделено как бы по вертика-

лям (см. схему № 2), причем это деление крайне неравномерно распределяло тяготу воинской службы во время войны, налагая всю ее на плечи одной части населения и почти освобождая от нее другую. Вместе с нарушением принципа «возрастного» использования населения идея общеобязательности воинской повинности терялась. В нарушение возрастного принципа наш закон позволял своего рода последовательность. Призыв ратников ополчения I разряда производился после исчерпания всех возрастов лиц, прослуживших в мирное время в войсках, а призыв ратников ополчения II разряда производился только после использования почти всех возрастных классов ополчения I разряда.

Схема № 2 с обозначенными на ней сроками призыва представляет в этом отношении весьма интересную иллюстрацию.

Такая постановка дела не могла во время войны упрочить в наших народных массах сознание общеобязательности долга защищать свое отечество. Для малокультурных масс русского народа практическое осуществление закона было гораздо убедительнее, нежели слова о священном долге, напечатанные в первой статье закона. После революции на солдатских митингах часто слышались фразы: «мы тамбовские» или «мы пензенские», «до нас неприятель еще далеко, так нам незачем сражаться». Эти фразы формулировали не столько отсутствие патриотизма в низах русского народа, сколько отсутствие понимания идеи общей обязательности воинской службы. Наши законоположения о «воинской повинности», как мы видели, и не воспитывали народного сознания в этом направлении.

Германское законодательство в противоположность нашему крайне внимательно отнеслось к этому вопросу, и главным воспитательным приемом ему послужило тщательное проведение возрастного принципа в своих требованиях к гражданам. Вынужденное, так же как и русское (хотя и в меньшей степени), считаться с освобождениями от действительной службы в мирное время, оно создает для этих лиц особую категорию, под названием Эрзац-резерва. Все физически годные для службы в мирное время, а также отпущенные из войск до истечения общего срока службы зачислялись в этот Эрзац-резерв[1].

С объявлением войны чины Эрзац-резерва, не достигшие 28-летнего возраста, призывались наравне со своими сверстника-

[1] *Редигер.* Комплектование и устройство вооруженной силы. 1900. С. 533.

ми, числившимися в резерве, на укомплектование полевых и формирование резервных войск. Чины Эрзац-резерва 28—32-летнего возраста призывались наравне со своими сверстниками, числившимися в ландвере 1-го призыва. Наконец, чины Эрзац-резерва в возрасте 32—38 лет призывались, опять-таки наравне со своими сверстниками, ландверистами для формирования частей ландвера 2-го призыва. По достижении 38-летнего возраста чины Эрзац-резерва зачислялись на общем основании в ландштурм.

Отсюда мы видим, что с объявлением войны все освобождения и льготы, которые вынуждено было сделать германское законодательство для мирного времени, теряли свое значение и все население Германской империи уравнивалось в своих обязанностях по защите отечества.

КАЗАЧЬИ УСТАВЫ О ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ

Мы уже упоминали выше о том, что 2,5 % населения Российской империи в отношении воинской повинности подчинялось особым казачьим уставам. Мы говорили также, что причина выделения казачьего населения объяснялась стремлением не нарушать тех исторических традиций, которые сложились у казаков.

Основным типом для казачьих уставов послужил Устав о воинской службе Войска Донского (издан в 1875 г.)[1].

Согласно этому уставу, вооруженная сила Войска Донского состояла из «служилого состава» войска и «войскового ополчения».

«Служилый состав» разделялся на три разряда:

а) «Приготовительный» разряд, в коем казаки получали предварительную подготовку к военной службе;

б) «Строевой» разряд, из которого комплектовались выставляемые войсками строевые части, и

в) «Запасной» разряд, предназначаемый для пополнения убыли в строевых частях в военное время и для формирования в военное время новых воинских частей.

Служба каждого казака начиналась по достижении им 18 лет и продолжалась 20 лет. В этот период он находился в «служилом составе», причем в «приготовительном» разряде он пребывал 3 года, в «строевом» — 12 лет и в «запасном» — 5 лет.

[1] См. схему № 3.

В течение первого года нахождения в приготовительном разряде казаки освобождались от личных податей, как натуральных, так и денежных, и должны были приготовлять необходимое для службы снаряжение. С осени второго года казаки приготовительного разряда начинали получать первичную индивидуальную военную подготовку в своих станицах. В третьем же году сверх этого обучения для них назначались лагерные сборы на один месяц.

По достижении 21 года казаки зачислялись в «строевой» разряд, и из них такое число, какое было необходимо для пополнения строевых частей, зачислялось в феврале следующего года на действительную службу, на которой и оставалось непрерывно в течение 4 лет. Выставлявшиеся казаками полки и батареи разделялись на три очереди, из которых в мирное время 1-я очередь находилась на службе, а 2-я и 3-я — «на льготе». Вышеупомянутые казаки строевого разряда первых 4 возрастных классов состояли на службе в частях 1-й очереди; затем, по окончании 4-летней действительной службы, они зачисляются на 4 года — в части 3-й очереди. Льготные казаки, принадлежавшие к полкам 2-й очереди, подлежали ежегодно двум контрольным сборам и одному трехнедельному учебному сбору. Принадлежавшие же к полкам 3-й очереди подлежали сбору только один раз, а именно — на третий год пребывания их в этой очереди, также на три недели.

Казаки «запасного» разряда в мирное время ни на какие сборы не собирались. В военное время они призывались на службу по мере надобности, начиная с младшего возраста.

Наконец, в «войсковом ополчении» состояли все казаки, способные носить оружие, не принадлежащие к «служилому составу», причем казакам ополчения до 48-летнего возраста велся учет.

Мы нанесли на схему № 3 распределение воинской службы, согласно казачьим уставам, по возрастным слоям. Сравнивая это распределение с таковым же, созданным нашим общим уставом, и таковым же, созданным германским законодательством, мы не можем не увидеть большее сходство со вторым, нежели с первым. В казачьих уставах, так же как и в германском законоположении, мы видим чрезвычайно внимательное распределение тяготы военной службы по возрастным слоям, причем даже число таких возрастных слоев совпадает.

Этим сходство между казачьими уставами и германским законодательством не исчерпывается. Оно идет глубже.

Согласно казачьим уставам, молодые люди, физически годные к воинской службе, но по той или другой причине освобожденные от действительной службы в мирное время, зачислялись в «льготные полки». Таким образом, они не делались сразу же ратниками ополчения, как это происходило по общему уставу, а попадали в строевой резерв 2-й очереди. Вследствие этого с объявлением войны они теряли свои льготы мирного времени и шли наравне со своими сверстниками на защиту отечества.

Сходство между казачьими уставами и германскими законоположениями об обязательной воинской службе тем более разительно, что о каком-либо взаимном заимствовании не может быть и речи.

Мы встречаемся здесь лишь с крайне интересным социальным явлением: одни и те же идеи, логично и последовательно проведенные в жизнь, привели к одним и тем же следствиям.

Различие заключалось лишь в том, что Германия осуществила идею общеобязательной воинской службы в более грандиозном размере. Она подошла к этому осуществлению путем эмпирическим (сильный толчок в этом отношении дал Тильзитский мир 1807 г., секретной статьей которого Наполеон запретил Пруссии содержать в мирное время более 42 000 войск) и путем глубокой научной разработки под руководством такого гениального организатора, как фельдмаршал Мольтке. Казаки же шли исключительно эмпирическим путем. Вековая борьба, которая выпала на их долю для защиты России от народов Востока, потребовавшая участия в этой борьбе всего способного носить оружие мужского населения, не только воспитала казаков в идее общей обязательности воинской службы, но и вырастила самые формы осуществления этой идеи на практике.

Таким образом, в распоряжении русских государственных деятелей наряду с опытом рекрутского укомплектования армии был также и исторически сложившийся опыт казачьей общеобязательной воинской службы. Невольно возникает вопрос, почему же этот «казачий» опыт не был использован в общем уставе, раз на всю империю распространялась идея всеобщей воинской повинности.

Ответ на этот вопрос нужно искать в области общих социальных и политических условий.

Проведение в жизнь идеи общеобязательности воинской службы очень тесно связано с демократизацией общественного

строя. Прусские архивы сохраняют целый ряд проектов интересных реформ, рассматривавшихся до Вены (1806). Один из них, Кнезебека, предлагавший установление всеобщей воинской повинности, был отвергнут в 1803 г. Критик этого проекта писал: «Государственный строй и военные учреждения тесно связаны; выбросьте одно кольцо, и развалится вся цепь. Всеобщая воинская повинность возможна только при реформе всего политического строя Пруссии». Эти архивные проекты свидетельствуют о невозможности проведения всеобщей воинской повинности при наличии препятствий, коренившихся в общеполитических условиях тогдашней Пруссии. Точно так же выдающиеся военные умы XVIII в. высказывали идеи в области тактики, те идеи, которые впоследствии осуществил Наполеон, но старый порядок был бессилен воспринять их. Так и в Пруссии — потребовался жестокий удар, потрясение до основ феодальных пережитков, чтобы перевести реформу из области пожеланий в жизнь. Только после Вены стал возможен Шарнгорст как творец военной реформы. Полное же вступление Пруссии на путь всеобщей воинской службы, путь, ведущий к «вооруженному народу», стало возможно только после революции 1848 г.

В силу исторических условий казачье население носило в своих традициях и общественных навыках печать глубокой демократичности. Остальная же Россия только с освобождением крестьян делала первый шаг по этому пути. История не может не отметить все величие реформ императора Александра II. Но вместе с этим является совершенно естественным, что для сотрудников этого великого императора, направлявших развитие России по новым путям, трудно было отрешиться от влияния устарелых идей. Поэтому и в военном отношении идеи Рекрутского устава 1831 года были ближе для составителей Устава о воинской повинности 1874 года, чем опыт общеобязательной службы казаков. Между тем Рекрутский устав 1831 года был построен на совершенно иных началах, а именно — на идее профессиональной армии, обособленной от остальной части населения; этот устав вполне логично обосновывался, если можно так выразиться, на «вертикальном» делении мужского населения страны: одна небольшая часть мужского населения должна была сражаться до физической своей негодности, в то время как остальная могла спокойно пребывать в тылу, считая, что защита Отечества не ее дело. Влияние

Рекрутского устава и внесло в Устав 1874 года непоследовательность в проведении на практике возрастного принципа.

Влияние идей Рекрутского устава 1831 года на составителей Устава 1874 года находит еще одно объяснение. В 1874 г. идея «вооруженного народа» была новой не только для России, но и для всех прочих европейских государств, кроме Германии. Совершенно естественным являлось со стороны составителей нового Устава стремление по возможности сгладить тот разрыв со старыми формами, который совершался при новом устроении вооруженной силы. При естественном ходе вещей Устав о воинской повинности 1874 года с течением времени совершенствовался бы, утрачивая вредные пережитки, заимствованные из Рекрутского устава. Но взрыв бомбы, убивший 1 марта 1881 г. императора Александра II, поставил кровавую точку на дальнейшем развитии реформ Царя-Освободителя, ориентировав царствование императора Александра III по другому пути. В лучшем случае, мероприятия императора Александра II оставались без дальнейшего усовершенствования. Подобная участь постигла и закон о всеобщей воинской службе.

Вызванная неудачной войной с Японией революция 1905 г. заставила русское правительство опять искать путь в направлении, указанном великими реформами императора Александра II. Но при наступившем успокоении страны правительство принимает все меры, чтобы уклониться от начинаний, возвещенных в Манифесте императора Николая II от 17 октября 1905 г. Правительство императора Николая II после революции 1905 г. уже не верило в старые политические идеи и в то же время не хотело воспринять новые. Эта двойственность политики придает управлению государством характер безыдейности.

Колебания и безыдейность отражаются и в области устроения вооруженной силы.

Под непосредственным впечатлением поражений на полях Маньчжурии на посты высоких руководителей русской вооруженной силы были выдвинуты такие просвещенные и понимавшие современное военное дело лица, как Великий князь Николай Николаевич и генералы Палицын и Редигер. На Великого князя было возложено в качестве председателя Совета государственной обороны общее руководство деятельностью Генерального штаба генерала Палицына и военного министра генерала Редигера. Вме-

сте с тем была проведена важная организационная реформа в виде выделения из Военного министерства Главного управления Генерального штаба. Подобное выделение было особенно важно для России данной эпохи, так как позволяло сосредоточить внимание на научной разработке основных идей устройства вооруженной силы России. Под непосредственным руководством генерала Палицына и началась такая работа.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР ГЕНЕРАЛ В. А. СУХОМЛИНОВ

Но уже в 1908 г. на небосклоне петроградской бюрократии появляется новое светило — генерал Сухомлинов. Совет государственной обороны упраздняется, и вместе с тем от общего руководства устройством вооруженной силы устраняется Великий князь Николай Николаевич. Генералы Палицын и Редигер смещены со своих постов. Генеральный штаб вновь подчиняется военному министру, коим и становится генерал Сухомлинов.

Появление последнего на посту военного министра не является случайностью. В каждом социальном организме складывается своего рода социальный подбор. Известный английский афоризм «the right man on the right place»[1] — есть лишь результат такого подбора в здоровом социальном организме. В больном же организме социальный подбор выражается в том, что подбираются наиболее «удобные» люди. При подобном положении вещей появление «надлежащих людей» является, в свою очередь, случайностью. Появление в качестве начальника Генерального штаба генерала Палицына и военного министра генерала Редигера и являлось «случайностью», объяснявшейся только остротой впечатлений от неудач в японской войне и тем давлением, которое оказывала революция. Генералы Палицын и Редигер имели гражданское мужество указывать на отсталость нашей военной подготовки и на необходимость долгой, упорной работы, поставленной на научном основании; этим они разрушали легенду о нашей врожденной непобедимости.

По мере того как острое впечатление от поражения стало сглаживаться, а вспыхнувшая было революция улеглась, генерал Сухомлинов оказался более отвечающим политике «поворота вспять». Окончивший в 70-х годах прошлого столетия Академию

[1] Человек на своем месте. — *Ред.*

Генерального штаба и украшенный Георгиевским крестом за войну 1877—1878 гг., он позволял предполагать в себе сочетание высшего образования и боевого опыта. Но при быстром ходе развития военного дела полученное высшее военное образование без постоянной напряженной работы по изучению эволюции военного дела теряет свою ценность. Сухомлинов пребывал в полном убеждении, что полученные им десятки лет тому назад знания, при этом часто уже устаревшие, остались незыблемыми истинами. Невежественность генерала Сухомлинова сочеталась с поразительным легкомыслием. Эти два недостатка позволяли ему удивительно спокойно относиться к сложнейшим вопросам организации военной мощи. У не понимающих всю сложность современного военного дела людей создавалось ложное впечатление, что Сухомлинов быстро разбирается в деле и очень решителен. Между тем он просто уподоблялся человеку, который, гуляя около пропасти, не видит ее.

Нам пришлось остановиться несколько подробнее на фигуре генерала Сухомлинова, ибо этот, ставший всесильным в области военной подготовки страны военный министр обусловил возвращение в этой области к безыдейности и бессистемности.

Насколько отсутствовало понимание необходимости обратного, свидетельствует следующий факт.

Органом, на который возлагается подробная научная разработка и в то же время синтез решений по всем частным вопросам военной подготовки государства, является учреждение, соответствующее по немецкой терминологии «Большому Генеральному штабу». В России имелось Главное управление Генерального штаба, но вследствие многих причин оно далеко не соответствовало той высокой и ответственной миссии, которая на него возлагалась. Одной из главных причин тому была постоянная смена начальников Генерального штаба. Со времени вступления в управление Военным министерством генерала Сухомлинова до начала войны, т.е. за 6 лет, на этом посту перебывало 4 лица (генерал Мышлаевский, генерал Гернгросс, генерал Жилинский, генерал Янушкевич). Между тем в Германии последовательное пребывание на таком же посту тоже четырех лиц (граф Мольтке, граф Вальдерее, граф Шлиффен, граф Мольтке-младший) продлилось 53 года. Всякая смена начальников Генерального штаба неминуемо разрушающе отражается на всех работах по подготовке к войне. Поэтому говорить серьезно о возможности объединения

в эпоху Сухомлинова всех многочисленных и многоразличных мероприятий по подготовке вооруженной мощи и не приходится. В зависимости от способности, степени подготовки и даже вкусов того или другого лица у нас обращалось внимание на тот или иной вопрос; этот вопрос так или иначе разрешался, но того научно обоснованного синтеза, который имелся налицо во Франции или Германии, у нас не было.

Бессистемность и безыдейность управления министерством генералом Сухомлиновым ярко обнаружились при составлении таких основных военных законоположений, как «Положение о полевом управлении войск». «Венцом всех работ по реорганизации армии, — пишет генерал Ю. Данилов[1], — должна была послужить переработка "Положения о полевом управлении войск в военное время". Этим положением должны были определяться: организация высших войсковых соединений, управление ими, устройство тыла и служба всякого рода снабжения. Действовавшее положение было издано в девяностых годах прошлого столетия и при современных условиях являлось совершенно неприменимым. Это показала еще война 1904—1905 гг., на период которой пришлось внести массу коренных изменений. Несмотря на ряд комиссий, работавших над новым проектом, дело не клеилось, и только к январю 1913 г., когда составление проекта по ходатайству отдела генерал-квартирмейстера было изъято из тормозивших его комиссий и сосредоточено при названном отделе Генерального штаба, работу удалось окончить. Проект встретил, однако, много возражений, преимущественно со стороны ведомств, занимавших привилегированное положение и желавших видеть своих представителей более самостоятельными, нежели это было определено общей схемой. Рассмотрение его затянулось на срок выше года, и только надвинувшиеся события 1914 г. ускорили благополучное разрешение дела. То, что казалось неразрешимым при

[1] Генерал Ю. Данилов до войны, с 1908 г. по 1914 г., занимал ответственную должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. При быстрой смене начальников Ген. штаба он, пребывая в должности ближайшего помощника нач. Ген. штаба, приобрел большое влияние на решение всех вопросов оперативной подготовки. Тем больший интерес имеют страницы в его книге «Россия в мировой войне», критикующие сухомлиновский режим. В данном случае мы цитируем выдержку из с. 51 и 52 его книги.

мирных условиях жизни в течение многих месяцев[1], было разрешено в предвидении войны — в одном ночном заседании. Только 16/29 июля 1914 г., т.е. всего за три дня до начала войны, было утверждено верховной властью одно из самых важных для военного времени положений».

Еще в большей степени проявилась несостоятельность министерства Сухомлинова при проведении необходимой реформы в законоположениях о всеобщей воинской службе, ибо подобная реформа требовала не только углубленного научного понимания современной войны, но и широкой точки зрения на все стороны государственной жизни.

Мы опять приведем здесь выдержки из книги генерала Ю. Данилова «Россия в мировой войне»[2].

«Основанием всей нашей военной системы являлся Устав о воинской повинности, изданный еще в царствование императора Александра II и, конечно, значительно устаревший. Чувствовалась и в правительственных кругах и в думских сферах — настоятельная необходимость его полной переработки. Но на это необходимо было время. И вот, чтобы надежнее и поскорее двинуть дело, Государственная дума приняла решение отказывать правительству в увеличении ежегодно утверждавшегося ею контингента новобранцев до тех пор, пока не будет проведен через законодательные учреждения новый Устав...»

«Сложность вопроса, внутренние междуведомственные трения, которых всегда было немало, привели к тому, что новый Устав о воинской повинности был утвержден в 1912 г. Став, таким образом, законом незадолго до войны, он почти не оказал влияния на условия фактического комплектования армии и порядок переведения ее на военное положение. К тому же новый Устав недалеко ушел от своего предшественника и ни в какой мере не обеспечивал русской армии мирного времени превращения ее с объявлением войны в вооруженный народ».

«Теоретически необходимость построения вооруженной силы современного государства на приведенном базисе, может быть, и признавалась, но реального осуществления это положение не получило».

---

[1] Вернее сказать, «годов» (автор).

[2] С. 34, 35.

Глава вторая

УСЛОВИЯ, ЗАТРУДНЯВШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В ПОЛНОЙ МЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ

Оценка способности России к напряжению «людьми». — Льготы по семейному положению. — Изменения, внесенные в Устав 1874 года. — Физическая годность призываемых. — Льготы по образованию. — Закон 1912 года.

ОЦЕНКА СПОСОБНОСТИ РОССИИ К НАПРЯЖЕНИЮ «ЛЮДЬМИ»

Многомиллионная численность населения России импонировала воображению всех, кто подходил к оценке военной мощи России. Наличие 167 миллионов населения в 1914 г. вызывало у многих представление о России как о неисчерпаемом запасе людей, кровью которых можно с избытком залить все недочеты в вооружении и недостаток в снарядах и материальной части.

Между тем первая (и единственная) Всероссийская перепись 1897 г. могла бы открыть глаза на многое. Под впечатлением ее данных Менделеев составляет и издает в 1906 г. свой замечательный труд «К познанию России»[1]. Читая эту книгу теперь, можно только поражаться, сколько предсказаний она в себе заключала.

На основании сведений, собранных переписью, Менделеев в таблице № 3 (с. 86—91) распределяет население России по роду и количеству труда, им производимого. В результате он приходит к выводу, что 128-миллионное население России в 1897 г. заключало

[1] Для настоящей работы мы пользуемся 6-м изданием этой книги, выпущенным в 1907 г.

в себе лишь 34 миллиона «кормильцев», т.е. лиц, участвующих в производительной хозяйственной работе страны и обеспечивающих существование своих семей. Эти 34 миллиона состояли из $27^1/_2$ миллиона мужчин и $6^1/_2$ миллиона женщин. В процентном отношении ко всему населению «кормильцы» составляли всего $26^1/_2$ %. Число хозяйств, согласно той же переписи, измерялось числом в $22^1/_2$ миллиона, а средняя величина каждого хозяйства в $5^1/_2$ души. Таким образом, примерно в каждых двух хозяйствах участвовали в добыче заработков только 3 человека, а остальные 8 жили на счет производительной работы первых трех. Рассуждая иначе, можно выразить это соотношение так: «Каждый работник (или распорядитель средств) должен был в среднем прокормить (вместе с ним самим) около $3^3/_4$ человека, а с присоединением прислуги — около 4 человек, т.е., кроме себя самого, обеспечить жизнь еще 3 лиц»[1].

Для того чтобы оценить социальное значение этих цифр, Менделеев сравнивает их с аналогичными данными от того же времени для других стран.

Перепись 1900 г. в С.А.С. Штатах (не считая Аляски, Филиппин и пр., а также исключая войска) насчитывает 76 млн жителей и из них 29 млн «кормильцев». Это доводит долю «кормильцев» до 38 %. В Германии и Франции этот процент также высок. Во Франции, по переписи 1891 г., он равняется 38 %, а в Германии в 1895 г. — 40 %. Для правильного сравнения с Россией нужно еще указать на то, что в числе «кормильцев» Менделеев считал для России также и лиц, состоящих на военной службе, лиц, не занимающихся никаким трудом и живущих на унаследованные или приобретенные средства, прислугу и лиц, согласно переписи 1897 г., живущих «неизвестными доходами». Между тем все эти категории лиц исключены при исчислении «кормильцев» в Америке, Франции и Германии. Если ввести для однородности исчисления соответствующие поправки, мы получим для России еще меньший процент, а именно — 24 % лиц, участвующих в производственной и хозяйственной жизни страны, против 38—40 % для Америки, Франции и Германии.

Мы не будем входить здесь в подробное обсуждение причин подобной разницы в производственной мощи населения России и

[1] *Менделеев*. К познанию России. С. 118.

других упомянутых государств. Одной из таких причин является большая численность детей в России. Согласно переписи 1897 г., в России процент населения моложе 10-летнего возраста достигал 27,3 %, в то время как для С.А.С. Штатов он равнялся 23,8 %, для Германии 24,2 % и для Франции всего 17,5 %. Однако несомненно, что заключение Менделеева, что «у нас трудятся в среднем еще немного»[1], вполне справедливо. Добавленное слово «еще» подразумевает тоже его вполне справедливую мысль, высказанную в другом месте, что повышение трудовой производительности населения увеличивается с повышением культуры.

В военном отношении приведенные выше цифры имеют большое значение.

В самом деле, хозяйственная жизнь страны разрушается призывом в войска тем быстрее, чем меньший процент населения участвует в производительной работе страны. Ко времени мировой войны указанный выше для России процент почти не изменился. В этом можно убедиться из данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. Подходя теперь к оценке возможностей напряжения «людьми» России, Франции и Германии в мировую войну на основании сравнения «производящего слоя» населения, мы получим другие соотношения, нежели при простом сопоставлении общей численности населения этих государств. В этом можно убедиться из следующей таблицы:

	Общая численность населения (млн)	Соотношение (Германия принята за сто)	Численность населения, участвующего в произв. работе (млн)	Соотношение (Германия принята за сто)
Россия	150*	220	36	133
Германия	68**	100	27	100
Франция	40**	60	15	55

Примечания:

* Без инородцев и местностей, освобожденных, согласно нашему закону, от воинской повинности.

** Без колоний.

[1] *Менделеев.* К познанию России. С. 118.

Согласно последней графе вышеприведенной таблицы, численное превосходство России уменьшается на одну треть по сравнению со второй графой.

Дальнейший анализ способности России к напряжению «людьми» окажется еще менее для нее благоприятным. Для правильной оценки напряжения «людьми» во время войны необходимо принять во внимание различие в положении народного хозяйства у нас и в Западной Европе. Наши огромные пространства с разбросанным на них населением и со слабо развитыми городскими центрами, с недостаточной сетью железных дорог, при непроездности в течение некоторой части года большинства грунтовых дорог, наши климатические условия, требующие от главной массы населения много труда по охранению от зимней стужи, а также по борьбе со снежными заносами, — все это вызывает у нас такую добавочную работу, которой Западная Европа не знает. Наконец, нужно принять во внимание еще одно чрезвычайно существенное обстоятельство: количество двигателей по сравнению с Европой — ничтожно; достаточно для этого указать хотя бы на то, что в 1908 г. число паровых лошадиных сил в одной только Франции было в пятнадцать раз больше, чем в России.

Все перечисленные выше условия делали для России всякое отвлечение рабочих рук несравненно более чувствительным, нежели для любого государства Западной Европы.

ЛЬГОТЫ ПО СЕМЕЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Эта чувствительность народного хозяйства России к отвлечению рабочих рук была особенно обостренной в первый период после освобождения крестьян. Русское народное хозяйство только перестраивалось с натурального на товарное. Государственный ум графа Милютина, военного министра императора Александра II, конечно, не мог пройти мимо этого явления. Вследствие этого Устав о воинской повинности 1874 г. дает особенно большое развитие так называемым льготам по семейному положению.

В этом отношении граф Милютин стремился установить преемственную связь Устава 1874 г. с Рекрутским уставом 1831 г., в котором льготе по семейному положению было дано наибольшее развитие. Рекрутский устав 1831 г. под влиянием эмпирически

установившихся взглядов обращал главное внимание на то, чтобы при сдаче рекрутов возможно менее расстраивалось благосостояние семьи и всей крестьянской общины, а так как благосостояние семьи при примитивном сельскохозяйственном укладе страны зависело исключительно от числа работников в семье, то в рекруты сдавались предпочтительно сыновья многорабочих семейств.

Льготы по семейному положению подразделялись Уставом 1874 г. на три разряда.

I разряд: а) единственные сыновья,
б) сыновья (или внуки) — единственные работники в семье[1].

II разряд: сыновья — вторые работники в семье[2].

III разряд: лицо, непосредственно следующее по возрасту за братом, находящимся по призыву на действительной службе или умершим на ней.

Способными к труду в семействе считались имеющие от 18 до 55 лет от роду, за исключением: а) совершенно не имеющих возможности работать вследствие увечья или болезненного расстройства; б) сосланных; в) находящихся в безвестной отлучке; г) находящихся по призыву на действительной военной службе нижними чинами. Лица, имеющие право на льготу I или II разряда, лишались этого права, если по заявлению отца или матери, деда или бабки не служат поддержкой семьи. Если из семейства убывал по какому-либо случаю единственный способный к труду член семьи, то один из находящихся на службе членов такого семейства по выбору старшего в семействе лица увольнялся с действительной службы. Если же к жребию призывали одновременно двух родных братьев, родившихся в одном году, то им предоставлялось право меняться номером жребия; если же по вынутым номерам им обоим приходилось идти на службу, то вынувший больший номер от нее освобождался.

---

[1] 1) Единственный способный к труду сын при отце, не способном к труду, или матери-вдове; 2) единственный способный к труду брат при одном или нескольких круглых сиротах, братьях или сестрах; 3) единственный способный к труду внук при деде или бабке, не имеющих способного к труду сына.

[2] Единственный способный к труду сын при отце, также способном к труду, и при братьях, к труду не способных.

Лица, имевшие право на льготы по семейному положению, *за исключением льготных I разряда*, подвергались жребию наравне со всеми остальными и вносились в общие жеребьевые списки в каждом призывном участке соответственно вынутым номерам. Если для составления полного контингента, падающего на участок, число годных к службе и не имеющих прав на льготы по семейному положению оказывалось недостаточным, то подвергались освидетельствованию и назначались на службу по порядку вынутых номеров молодые люди, имеющие право на льготы по семейному положению III разряда; затем, если недоставало и таковых, приступали к освидетельствованию и назначению на службу молодых людей со льготами II разряда; таким образом, льготы II и III разряда имели лишь условное значение. Льготные же I разряда *безусловно освобождались* от действительной службы.

Все льготные зачислялись в ополчение: льготные I разряда — во II разряд ополчения, а льготные II и III разрядов — в I разряд ополчения.

В числе ежегодно призываемых имели льготы по семейному положению[1]:

I разряда	около 24 %
II разряда	около 20 %
III разряда	около 5 %

Принималось же на действительную службу из числа льготных менее одного процента. Следовательно, из числа ежегодно призываемых от действительной службы освобождалось по семейному положению около 48 %, причем половина из них зачислялась в ополчение I разряда, а половина — в ополчение II разряда.

Таким образом, около 48 % ежегодного призыва освобождалось по семейному положению от военной службы в мирное время, а половина из них (24 %), кроме того, освобождалась также и от службы в военное время в действующих войсках.

Если мы посмотрим, как обстояло дело со льготами по семейному положению в других европейских государствах, то мы увидим, что на этом основании освобождались из числа призывных:

[1] *Редигер*. Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3-е. С. 139.

Во Франции	0 %
В Германии	2 %
В Австро-Венгрии	3 %
В Италии	37 %

Из этого сопоставления мы видим, что только Италия давала почти столь же широкое развитие льготам по семейному положению. Причиною этому было то, что Италия так же, как Россия, позже других государств вступила на путь индустриализации своей экономической жизни. Она так же, как и Россия, стремилась в каждом крестьянском хозяйстве сохранить рабочие руки.

ИЗМЕНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В УСТАВ 1874 ГОДА

Устав 1874 г. подобно Рекрутскому уставу 1831 г. сберегал семью отца или в его отсутствие семью деда, но не семью самого призываемого[1].

Объясняется это следующими мотивами. Сейчас же после освобождения крестьян от крепостной зависимости особое значение придавалось родовому началу. Общинная форма владения землей, посредством которой правительство императора Александра II стремилось застраховать крестьянство на первых порах его освобождения от пролетаризации, усиливала родовое начало и затрудняла выделение молодых семей. С другой стороны, если бы закон применял установленные им льготы, принимая в расчет и семью призываемого, то пришлось бы освободить от военной службы всех женатых, имевших детей, ибо вследствие молодости призываемых их дети могли быть только малолетними.

[1] Как исключение из этого основного правила, необходимость поддержки собственной семьи призываемого могла быть принята во внимание в двух случаях:

1. По отношению к призывным, которые вступили в брак, имея в то время право на льготу I разряда, но ко времени призыва лишились этого права за смертью лиц, бывших на их попечении, если только у этих призывных есть дети.

2. По отношению к одиночкам, у которых за смертью жен дети остаются без всякого попечения; эта льгота давалась лишь по представлению губернаторов с Высочайшего соизволения (Устав о воинской повинности 1874 г.; изд. 1897 г., ст. 48, примеч. 1 и циркуляр Министерства внутренних дел, 1883 г. № 4).

Нам приходится вновь указать здесь на пережитки Рекрутского устава 1831 г., перешедшие в Устав 1874 года. При прежнем устройстве вооруженной силы, когда армия содержалась в мирное время почти в полном составе и при большом сроке службы, призываемый совершенно отрывался от семьи, а так как рекруты выбирались по преимуществу из холостяков, то с объявлением войны по сравнению с мирным временем в положении солдата ничего не изменялось. Главное же, Рекрутский устав и не преследовал идеи общеобязательности воинской службы.

Устав 1874 г., стремясь провести в жизнь основные идеи обязательной воинской службы, распределив, насколько возможно, социально справедливо тяготы воинской повинности, учел только мирное время. Этот крупный недочет был естественным в первом законе о всеобщей воинской повинности. Во-первых, вследствие новизны формы комплектования, во-вторых — вследствие того, что новый закон не мог не испытывать на себе влияние предшествующего Рекрутского устава. Наконец, реформы императора Александра II были так грандиозны, они требовали такого большого напряжения страны, переходящей накоротке от устарелых форм социальной и хозяйственной жизни к совершенно новым, что правительство императора Александра II было вынуждено в ближайший период времени после освобождения крестьян выдвинуть на первое место экономические интересы текущей минуты. Таким образом, решения Устава 1874 г. для переходного времени являлись неизбежными. Но по мере удаления от периода реформы недочеты, таившиеся в Уставе 1874 г., должны были в случае большой европейской войны сказаться с возрастающей силой.

Мы видели выше, какая создавалась социальная несправедливость: в то время, когда 40-летний многосемейный запасный призывался жертвовать всем, включая и собственную жизнь, здоровый, холостой 21-летний парень оказывался «забронированным» в тылу. Эта несправедливость усугублялась тем обстоятельством, что главная причина (семейное положение), которая обуславливала судьбу молодых людей призывного возраста, по достижении ими 30—40-летнего возраста, как правило, отпадала. Большинство из них уже не жило в семье своего отца или деда, а само вело отдельное хозяйство. Таким образом, с объявлением войны прежний порядок превращался в «беспорядок», вместо закономерной справедливости царил произвол случая.

Конечно, коренной причиной такого положения при объявлении войны являлось то, на что мы усиленно указывали в первой главе, а именно — наш устав о воинской повинности устанавливал то, что решающим моментом, определяющим судьбу мужского населения, является 21-летний возраст, когда это население распределялось по трем категориям: действующие войска, ополчение I разряда и ополчение II разряда. Но вместе с тем известную роль в создающемся с объявлением войны «беспорядке» играла и самая постановка льгот по семейному положению. В самом деле, из цифр, приведенных выше, мы видели, что из освобожденных по семейным льготам новобранцев половина являлась льготными II и III разряда. Если же мы припомним, что в число льготных I разряда попадали все единственные сыновья, хотя бы они были в семьях с работоспособным отцом, то мы получим, что ежегодно около 30 % призывных молодых людей зачислялось сразу в ополчение, хотя они и были не первыми, а вторыми работниками в семье.

Таким образом, наш закон не только обеспечивал в мирное время народное хозяйство нужными рабочими руками (один работник на семью), а даже переходил пределы этой необходимости. Но эта «роскошь» покупалась дорогой ценой в военное время. Категория ратников ополчения возрастала, а это приводило к необходимости использовать для укомплектования армии более пожилые возрастные классы лиц, прослуживших в постоянных войсках.

Изменения, внесенные законом 1912 г., были вызваны стремлением реорганизовать вооруженную силу России после печального опыта с Японией. Но война с Японией не вызвала в России общей мобилизации, а потому не могла выяснить всю устарелость Устава 1874 г. для грозящей большой европейской войны. Поэтому реформа, предпринятая под непосредственным впечатлением неудач в японскую войну, оказалась слишком поверхностной. Серьезное же научное изучение вопросов государственной обороны было у нас не в почете. Начальник Генерального штаба генерал Палицын и военный министр генерал Редигер, предпринявшие было подобную работу, были довольно скоро удалены со своих постов, и на их место выдвинут генерал Сухомлинов, представлявший собою банальный тип генерала-шовиниста, крайне легкомысленно относившегося к государственной обороне и вообще к войне.

«Исходной причиной закона 1912 года, — пишет Б. А. Энгельгардт, бывший докладчик по военным вопросам в Государственной думе, — являлась неудовлетворительность комплектования русской армии и хронический некомплект ее в мирное время. Поэтому этот закон преследовал прежде всего цель — обеспечить нашей армии возможность исправного получения ежегодных пополнений в размерах, требуемых численностью армии.

Достигалось это некоторыми изменениями в отделе льгот, предоставляемых населению при отбывании воинской повинности (понижением работоспособного возраста), и новым порядком разверстки контингента новобранцев.

Таким путем новый закон обеспечивал потребности армии мирного времени, что же касается потребностей военного времени, то эта задача оказалась выполненной не вполне.

Наше народное представительство, родившееся после революции 1905 г., было слишком занято в первые годы своего существования борьбой с правительством за самоутверждение. Оно не смогло достаточно глубоко взглянуть на вопросы государственной обороны»[1].

Мы же усилим только что приведенное заключение докладчика Государственной думы, сказав, что потребности военного времени были совершенно упущены.

В результате наше молодое народное представительство, ревниво и несколько односторонне рассматривавшее данный закон при обсуждении его в Государственной думе, слишком много обращало внимания на обеспечение личных интересов населения, упустив интересы всего государства.

Закон 1912 г. оставил льготы по семейному положению без сколько-нибудь существенных изменений. Робкая попытка Военного министерства затронуть этот вопрос окончилась неудачей. Военное министерство в представленном им в Государственную думу законопроекте предлагало не считать единственных сыновей при работоспособном отце льготными I разряда. Такая поправка уменьшала число лиц, ежегодно зачислявшихся при призыве в ополчение II разряда, т.е. число лиц, фактически освобождавшихся в военное время от боевой службы, на 100 000. Но Государственная

[1] Монография специально составлена бывшим членом Государственной думы Б. А. Энгельгардтом и хранится в библиотеке Carnegie Endowment Fund. Тетрадь 1. Ч. 2. С. 8—9.

дума не согласилась с этим и восстановила прежнее положение. Она руководствовалась при этом тем, что в населении вошло в привычку «считать единственных сыновей освобожденными от тяготы военной службы».

Единственным изменением устава 1874 г. прошло в Государственной думе понижение работоспособного возраста; закон 1912 г. устанавливал начало работоспособности не с 18 лет, как это имело место в Уставе 1874 г., а с 17 лет. Это немного ограничивало круг действия льгот по семейному положению, но по существу дела их не затрагивало. По-прежнему льготные сразу же при призыве назначались в ополчение, что в случае войны предрешало самое несправедливое распределение тягот военной службы.

Вследствие вышеизложенного Россия, вступая в 1914 г. в мировую войну, оказалась по сравнению с прочими воюющими сторонами во вдвойне трудном положении.

Во-первых, по причине состояния ее народного хозяйства, нуждавшегося в гораздо большем числе рабочих рук, нежели это требовалось в других западноевропейских странах.

Во-вторых, вследствие того, что самая система использования ее людского запаса являлась устарелой и была приспособлена к мирному времени, а не к войне.

Пришлось во время войны в спешном порядке проводить ряд принципиально изменяющих установленный порядок законов. Так, в 1915 г. издается закон о праве призыва ратников II разряда в войска[1]. Но эти новые законы не являлись следствием одной строго продуманной, цельной системы. Спешно производимые во время войны изменения в законодательстве об общеобязательной военной службе вносили также и замешательство в понятия масс, внушенные старым законом в долгие годы мирного времени.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГОДНОСТЬ ПРИЗЫВАЕМЫХ

Несоответствующее использование нашим законом людского запаса, даже в сокращенных размерах, допускаемых состоянием нашего народного хозяйства, ярко обнаруживается в таком важном вопросе, как вопрос о физической годности новобранцев. Освобождение около $^1/_2$ ежегодного контингента призывных молодых людей по семейным льготам создавало чрезвычайные труд-

[1] Монография Б. А. Энгельгардта. Тетрадь 1. С. 32.

ности. Приходилось сильно понижать требования к физической годности новобранцев[1].

Совершенно не годными к военной службе признавалось обыкновенно 6 % из всего числа призываемых, а по физической неспособности зачислялось в ополчение II разряда около 11 %.

В нижеследующей таблице приведены проценты лиц призывного возраста, освобождаемых от действительной службы по причинам физической негодности, в различных армиях.

Процент лиц призывного возраста, освобождавшихся по причинам физической негодности от действительной службы в различных армиях

Австро-Венгрия	50 %
Германия	37 %
Италия	27 %
Франция	21 %
Россия	17 %

Россия стоит на последнем месте. Но причиною этого вовсе не является то, что уровень здоровья населения России выше,

[1] Устав 1874 г. освобождал совершенно от военной службы или давал годовую отсрочку (до двух раз) лицам, не соответствующим установленным им физическим требованиям. Полному освобождению подлежали лица, которые по телесным недостаткам или болезненному развитию признавались совершенно не способными ни к какому роду службы — строевой или нестроевой. Расписание телесных недостатков и болезней, препятствующих приему на службу, было изложено в особом наставлении. Освобожденные по физической негодности, если они все же были способны носить оружие, зачислялись в ратники II разряда. Отсрочка по причинам здоровья давалась лицам, оказавшимся недостаточно возмужалыми для службы или страдающим такими болезнями, которые не признаются совершенно освобождающими от службы, а также лицам, еще не оправившимся после недавно перенесенной болезни. Отсрочки эти давались сначала на один год, а если эти лица являлись и по истечении года вновь слабосильными, то поступление на военную.службу отсрочивалось еще на один год; если же и по прошествии двух лет они оказывались не способными к военной службе, они совершенно освобождались от действительной службы и зачислялись в ополчение. По невозмужалости и для поправления здоровья получали ежегодно отсрочку: в 1-й раз около 7 % призываемых, во 2-й раз — около 3$^1/_2$ %.

чем в прочих европейских странах. Такое соотношение — лишь следствие того, что, дав большое развитие льготам по семейному положению, нашему уставу приходилось понизить уровень требований к физической годности новобранца.

Насколько этот уровень оказывался низким, свидетельствует следующий, прямо поражающий факт: русская армия в мирное время страдала хроническим некомплектом. «Очередные приемы заканчивались хроническим недобором новобранцев, — говорит докладчик в Государственной думе закона 1912 г. (об изменении Устава о воинской повинности) Б. А. Энгельгардт[1], — и это при наличии в то же время среди населения большого числа физически годных лиц призывного возраста. При зачислении новобранцев в войска огромное число опротестованных[2] свидетельствовало о низком уровне физической оценки при приеме их. Наконец, высокий процент естественной убыли нижних чинов по физическим недостаткам в самой армии (около 4—5 %) указывал на слабый физический состав ее укомплектования. В результате армия содержалась в крупном некомплекте».

Низкий уровень физической годности новобранца, принятый нашим законом, имел еще очень серьезное отрицательное следствие. Убыль[3] в возрастных классах обученных людей у нас была значительно больше, нежели в Германии. В последней такая ежегодная убыль считалась равной 3 %, т.е. из 100 человек, перечисленных в резерв на следующий год, оставалось 97, через два года — 94, через 10 лет — 73 человека. У нас же ежегодная убыль должна была исчисляться равной 4 %, т.е. через 10 лет после перечисления 100 человек в запас оставалось всего 64. Между тем Россия сохраняла более долгие сроки действительной службы, чем Германия, а следовательно, запас военно-обученных людей накоплялся с большим трудом и убыль в этом запасе была для России более чувствительной, нежели для Германии.

Наконец, низкий уровень физической оценки годности принимаемых на военную службу должен был отразиться и на боевой энергии частей войск в первых же сражениях. «В здоровом теле —

---

[1] Монография Б. А. Энгельгардта. Тетрадь 1. Ч. 2. С. 7.

[2] То есть лица, принятые на призыве, но забракованные частями войск, на укомплектование которых они были присланы.

[3] Не только вследствие смерти, но также вследствие потери физической годности.

здоровый дух», — говорит старая пословица. Предел возможности должен был также понизиться. Особенное значение имеет это обстоятельство в первых боях, когда выковываются боевые традиции частей войск. Первые боевые опыты устанавливают в них как бы ощущение некоторого предела возможного и невозможного для них боевого напряжения. Переход этого предела обуславливает начало «отказа от борьбы», выражающегося в бою уходом с поля сражения отдельных людей, залеганием или самовольным отходом небольших частей и, наконец, паническим отступлением или даже сдачей в плен. В войсковой части, обретшей в первых боях уверенность в своих силах, высокий воинский дух долго сохраняется и через остающиеся кадры передается прибывающим укомплектованиям. Последние могут оказаться физически менее годными, но, попадая в войсковую часть с высоким пределом моральной упругости, они подравниваются. «Дух» части не падает, а увеличивается лишь процент заболеваемости. Так случилось с германской армией, выступившей в 1914 г., самой молодой и самой здоровой; влитые в нее в последующие годы укомплектования из значительно более старых и менее физически годных людей почти не понизили высокого морального уровня немецких полков.

Таким образом, повышение уровня физической годности новобранцев являлось вопросом первостепенной государственной важности. Но наши законоположения, как мы уже несколько раз указывали, учитывая особенности русского народного хозяйства в мирное время, не смели подняться на научную высоту предвидения условий ведения современной большой войны. Возможности для повышения требований к физической годности новобранцев были. Как мы видели выше, из 48 % призывных молодых людей более половины (30 %) являлись не единственными, а вторыми работниками в семье. Следовательно, можно было ежегодно браковать за физической негодностью не 17 %, а гораздо больше, доведя требования до германской нормы и выше. Россия благодаря своему многолюдью могла иметь и самую молодую и самую здоровую армию из всех стран.

В итоге получилось, что хотя для воинской службы в мирное время особенности русского народного хозяйства и были учтены, но это было сделано без оглядки на военное время. В какой мере представления о предстоящей войне были ложны — свидетельствуют труды некоторых военных профессоров. Так, например,

профессор курса стратегии, генерал Михневич проводил мысль, что военная мощь России обуславливается культурной отсталостью ее народных масс и примитивностью форм ее хозяйства.

Подобные взгляды являются чрезвычайно характерными для руководящих Россией перед войной кругов. Этим и объясняется то, что они не смогли превратить Устав 1874 г. в закон, действительно отвечающий идее защиты государства «вооруженным народом». Остановка в развитии нашего законодательства совпала с быстрым темпом развития новой идеи в прочих западноевропейских государствах. Наш закон, оставаясь без движения, все более отставал от требований жизни и все более становился «кустарным».

ЛЬГОТЫ ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Другой серьезной причиной, затруднявшей для России полное использование ее людского запаса, являлись малочисленность образованных людей и малое просвещение народных масс.

По переписи 1897 г., число лиц мужского и женского пола, обучавшихся грамоте и получивших образование в низших школах, достигало всего 25 862 000. Это составляло всего 20 % общего количества от всего населения. Настаивать на малой величине этого процента не приходится; она сама собой очевидна. Столь же печальную картину показала перепись 1897 г. и в отношении лиц, получивших среднее и высшее образование. Общая численность тех и других достигала всего 1 441 700 мужчин и женщин (вместе). В процентном отношении ко всему населению империи это представляло ничтожную величину в 1,1 %. Тонкость культурного слоя и породила в России своеобразное явление. Лица, получившие среднее и высшее образование, отличались от прочей среды тем, что в обыденной речи было обобщено словом «интеллигенция». Нельзя, конечно, применять к этому слою понятие сословия. Но характерно следующее явление: революция 1917 г., разрушавшая остатки сословного начала в России, по мере того как она углублялась в народные массы, превращалась в революцию «большевистскую», и разрушительное действие этих масс направлялось главным образом на «интеллигенцию». Клички «помещик», «буржуй» и т.п. являлись только лозунгами, которыми лидеры большевиков толкали темную массу на разрушение, но

первым признаком лиц, предназначенных к уничтожению, было не столько обладание каким-либо имуществом, сколько наличие образования, придававшего «интеллигенции» облик, отличный от темной народной массы.

Несомненно, что в 1874 г. образование и грамотность были еще менее распространены в России. Граф Милютин и его сотрудники, составляя Устав 1874 г., учли малограмотность России и бедность ее образованными людьми. Они ввели в Устав 1874 г. целый ряд льгот «по образованию». Этими льготами они предполагали достичь двух целей: во-первых, оградить интересы народного просвещения, а также потребность различных отраслей государственной и общественной деятельности в сотрудничестве образованных людей; во-вторых, удовлетворить потребность армии в офицерах привлечением в их ряды образованных молодых людей.

«Льготы по образованию», введенные Уставом 1874 г., заключались: а) в отсрочке призыва, б) в уменьшении сроков прохождения службы и пребывания в запасе и в) в освобождении от воинской службы..

А. Всем воспитанникам учебных заведений I разряда закон предоставлял отсрочку различной продолжительности, смотря по значению самых заведений и по объему их курса. Наименьшая отсрочка давалась воспитанникам гимназий и равных им заведений (до достижения ими 22-летнего возраста); наибольшая отсрочка существовала для обучающихся в университетах (до 27-летнего возраста) и в духовных академиях (до 28-летнего возраста). Отсрочкою для окончания образования пользовались ежегодно около 0,4 % призываемых.

Б. Молодые люди, уже получившие образование, могли поступать на службу двояким путем: или по общему призыву или же по добровольному желанию без жребия, в качестве «вольноопределяющихся». Выбор того или другого пути предоставлялся собственному усмотрению каждого лица, причем желающие быть вольноопределяющимися обязаны были заявить об этом за два месяца до призыва к жребию их возраста. Для каждой из этих двух категорий установлены были особые льготы, но так как для первой категории большое преимущество заключалось уже в том, что лица, ее составляющие, подвергаясь жребию, имели шанс по вынутому ими номеру вовсе освободиться от службы, то для того, чтобы не уменьшать числа вольноопределяющихся, размер льгот,

предоставляемых этим последним, был гораздо больше, чем для поступающих по жребию.

Для последних, т.е. для «жеребьевых», льготы, согласно Уставу 1874 г., заключались в сокращенных сроках действительной службы в постоянной армии, причем общий 8-летний срок всей службы для них не сокращался. Размер сокращения сроков действительной службы был поставлен в зависимость от полученного образования, и в этом отношении все молодые люди разделялись на 3 разряда:

1. Окончившие курс в учебных заведениях I разряда, а равно курс шести классов гимназии, служили два года.

2. Окончившие курс в учебных заведениях II разряда должны были состоять на действительной службе три года.

3. Имеющие свидетельство о знании курса начальных народных училищ или других заведений III разряда должны были состоять на действительной службе четыре года.

С уменьшением срока действительной службы для всех лиц с 5 до 3 лет для пехоты и артиллерии (кроме конной) и до 4 лет для остальных родов войск льгота, поименованная в последнем пункте, утратила свое значение.

Молодые люди всех перечисленных трех разрядов по выслуге вышеозначенных сроков в постоянных войсках состояли в запасе такое число лет, какого недоставало до выслуги полного общего срока службы, т.е. до 18 лет.

Количество молодых людей, отвечающих требованию перечисленных трех разрядов, достигало только 2,8 % призываемых, и из них $^{9}/_{10}$ составляли окончившие курс начальных училищ.

Для молодых людей, изъявивших желание поступить на службу «вольноопределяющимися», были установлены льготы в более обширных размерах, а именно — сокращение сроков службы действительной и в запасе и право поступать с 17-летнего возраста.

Желающие поступить «вольноопределяющимися» должны были удовлетворять следующим условиям:

1. Иметь не менее 17 лет от роду и в случае несовершеннолетия предъявить удостоверение о согласии родителей или опекунов.

2. Соответствовать по своему здоровью и телосложению условиям, установленным для приема на службу[1].

---

[1] Вольноопределяющимися могли приниматься лица, не удовлетворявшие в физическом отношении требования, кои предъявлялись жеребьевым.

3. Представить свидетельство об окончании полного курса одного из учебных заведений I разряда (в гимназиях не ниже 6-го класса) или же о выдержании испытаний по особой программе (приблизительно соответствующей курсу уездных училищ или 4-му классу гимназии).

Лица, подвергшиеся по судебному приговору наказаниям, сопряженным с лишением права поступать на государственную службу, а также признанные по суду виновными в краже или мошенничестве, не допускались в «вольноопределяющиеся».

Для «вольноопределяющихся» были установлены сокращенные сроки службы как действительной, так и в запасе, причем они разделялись на два разряда соответственно полученному образованию:

1. Получившие образование, соответствующее курсу шести классов гимназии и выше, состояли на действительной службе всего один год.

2. Выдержавшие испытание по особой программе — два года.

По выслуге вышеуказанных сроков вольноопределяющиеся, как нижнего звания, так и произведенные в офицеры, в том случае, когда они не изъявляли желания продолжать действительную военную службу, перечислялись в запас, но всего на двенадцать лет.

В. Наконец, полное освобождение от воинской службы в мирное время закон предоставлял:

1. Врачам, ветеринарам, фармацевтам, если они по уставам заведений, в коих получили образование, не были обязаны службою в военном ведомстве.

2. Пенсионерам Академии художеств, отправленным за границу на казенный счет для усовершенствования образования.

3. Преподавателям и штатным воспитателям во всех правительственных и многих других учебных заведениях, поименованных в особом списке. Эти последние лица обязаны были в течение 5 лет, начиная с года, в который они могли быть призваны, представлять удостоверение своего начальства, что они не оставили своих занятий; прекратившие же занятия ранее пяти лет призывались на военную службу на срок, соответствующий их образованию.

Все переименованные выше лица зачислялись в год их призыва прямо в запас сроком на 18 лет. Подобною льготою пользовались ежегодно 0,2 % призываемых.

Предоставляя молодым людям отсрочку для окончания образования, наш закон стоял на широкой государственной точке зрения. Но нельзя сказать того же, если мы внимательно оценим значение льгот по образованию, перечисленных в следующих пунктах: Б) уменьшение сроков службы и пребывания в запасе и В) полное освобождение от действительной службы в мирное время. Тут Устав 1874 г. считался в действительности только с интересами мирного времени, поступившись весьма значительно потребностями защиты государства во время самой войны. При рассмотрении льгот по семейному положению мы обнаружили подобную же тенденцию Устава.

В самом деле, сокращая срок действительной службы для всех сколько-нибудь выделяющихся из уровня малограмотной массы, Устав 1874 г. шел этим наперекор второй задаче, которую он хотел выполнить, а именно — обеспечить армию на случай войны контингентом запасного офицерства. Нормальная продолжительность срока действительной службы, исчисленная для элементарной подготовки неграмотного или малограмотного человека, оказывалась излишней для молодого человека, получившего образование. Но интересы государства, в особенности России с ее тонким слоем интеллигенции, требовали, чтобы воинская подготовка молодых людей, обладающих образованием, не ограничивалась одним элементарным военным обучением в рамках простого рядового. Эта подготовка должна была расти с повышением образования молодого человека, достигая для лиц среднего и высшего образования требований, предъявляемых к младшему офицеру. Устав же держался противоположной точки зрения, исходя из того, что с повышением образования требуется меньший срок для элементарного воинского обучения. Для того же, чтобы привлечь образованных молодых людей к подготовке к офицерскому званию, Устав оказался в необходимости предоставить вольноопределяющимся еще большее сокращение срока действительной службы. Последнее, как мы видели, достигало для вольноопределяющихся первого разряда (лиц со средним образованием) таких размеров, что можно определенно утверждать, что поставленной себе задачи Устав совершенно не достиг: за один год действительной службы мирного времени подготовить молодого человека к должности младшего офицера абсолютно невозможно. Опыт всех западноевропейских государств подтверждает только

что сказанное. Во Франции для офицеров запаса был установлен двухлетний срок действительной службы, из них полтора года нижним чином и полгода офицером; в Италии срок непрерывного пребывания в действительной службе будущего запасного офицера колебался между $20^1/_2$ месяца и 27 месяцами; в Германии срок действительной службы был: один год нижним чином, четыре месяца унтер-офицером или вице-фельдфебелем в следующий лагерный сбор и последующие повторные призывы на несколько недель в качестве офицера. Минувшая большая война в первый же период наглядно подтвердила, что Россия вступила в войну без надлежаще подготовленного запасного офицерства.

Для того чтобы привлечь образованных молодых людей подготовляться к офицерскому званию, Уставу пришлось пойти на еще большую жертву: он сокращает для этих молодых людей не только срок службы, но и срок пребывания их в запасе, уменьшая этот срок до 12 лет; таким образом, Устав 1874 г. не только ухудшал подготовку запасного офицерства, но и численно уменьшал офицерский запас.

Точка зрения Устава 1874 г., что образование само по себе должно давать право на облегчение «воинской повинности», оказалась неправильной не только в узко военном смысле, но она имела вредное влияние и в более широком, общегосударственном отношении. Своей точкой зрения Устав 1874 г. низводил провозглашенный им самим в первой статье закона принцип — что защита Отечества есть священный долг каждого гражданина — до узко эгоистического понимания этого долга лишь как неприятной «повинности». В этой точке зрения проглядывает устарелая идея, присущая циклу идей, связанных с «вотчинным» пониманием государства, — идея белой кости и пушечного мяса. Правда, Устав 1874 г. отказался от сословных и имущественных привилегий, но благодаря неполному разумению начал новой государственности он фактически вводил новые привилегии для того слоя людей, который в России обобщался под словом «интеллигенция». Неправильная точка зрения Устава широко отразилась на наших мероприятиях по подготовке к войне. Под предлогом оградить потребность различных отраслей государственной и общественной жизни в образованных людях составлялись длиннейшие списки должностей, освобождавших от призыва в войска в случае войны. Сопоставление таких списков с подобными же французскими и

немецкими обнаружило бы нам обширную категорию «амбюске», которую в мирное время подготовляло наше законодательство.

Полное освобождение от действительной службы в мирное время преподавателей и воспитателей учебных заведений могло только усиливать эту тенденцию к уклонению от «священного» долга защиты отечества. Ближайшие руководители молодежи совершенно отрывались от армии, в то время как создание в военное время «вооруженного народа» требовало как раз обратного, т.е. самой тесной и многообразной духовной связи между народом и армией. Учителя нашей молодежи не могли в настоящем смысле слова воспитывать в ней чувство долга защищать Родину. Вопрос идет здесь вовсе не о воспитании нашей молодежи в шовинистическом духе, а о том, чтобы каждый юноша был приучен к сознанию, что интересы государства могут потребовать от него не только бескорыстных усилий, но и жертвы жизнью и что поэтому воинская служба есть не только повинность, а действительно священный долг. Оторванный от армии учитель часто видел только ее отрицательные стороны и за внешними формами милитаризма не мог различить права народа на защиту своей национальной независимости, единства и свободы.

Таким образом, Устав 1874 г. не только не предвидел необходимости бороться с «амбюскированием» во время войны, но даже заложил психологические основы для его широкого развития. Насколько это зло в действительности получило у нас широкое распространение во время большой войны, и как раз среди нашего образованного класса, свидетельствует следующий характерный психологический факт: несмотря на то что число «амбюске» в среде нашей интеллигенции было несоизмеримо больше, чем во Франции, на нашем языке не создалось даже слова, отвечающего понятию «амбюске». В общественной мысли это новое социальное явление не было еще осознано. Тем более не могло быть оно осознано в понимании широких малокультурных народных масс.

ЗАКОН 1912 ГОДА

Закон 1912 года внес некоторые изменения в льготы «по образованию», установленные Уставом 1874 года.

Срок действительной службы по льготе I разряда был увеличен до двух лет (в запасе 16 лет). Но пользование этой льготой

было поставлено под условием выдержания экзамена на прапорщика (т.е. подготовка на должность младшего офицера).

Действие льготы II разряда было сокращено; она только предоставляла право лицам, обладавшим этой льготой, состоять на действительной службе три года, независимо от того, в какой род войск они будут определены. Ввиду того, что, как мы видели выше, срок службы в пехоте и в артиллерии, кроме конной, был установлен для всех призывных — три года, получалось, что вторая льгота распространялась лишь на тех лиц, которые попадали в конную артиллерию или в специальные войска, где срок службы был четырехлетний. Таким образом, действие второй льготы по образованию фактически было ограничено. Льгота III разряда, с общим сокращением сроков службы, сама собою отпадала. Решение закона 1912 года — поставить пользование льготой по образованию I разряда под условие выдержания на прапорщика — понуждало нашу образованную молодежь готовиться к должности младшего офицера в военное время, независимо от того, проходят они службу как жеребьевые или как вольноопределяющиеся. Это увеличило контингент нашего запасного офицерства. Ввиду этого закон счел возможным повысить срок действительной службы для вольноопределяющихся и увеличить срок их пребывания в запасе, доведя общий срок до 18 лет[1]. Согласно закону 1912 года, срок действительной службы для всех вольноопределяющихся был установлен на два года (ст. 110). Из них имеющие право и выдержавшие экзамен на прапорщика или подпоручика (корнета) должны были прослужить на действительной службе всего 18 месяцев и $16^1/_2$ лет числиться в запасе, причем им предоставлялось право выбора — служить ли все 18 месяцев подряд или в два срока: сначала 15 месяцев подряд, а затем через год еще 3 месяца.

Военное ведомство, внесшее законопроект 1912 года в Государственную думу, находило и эти сроки недостаточными для соответственной подготовки будущих офицеров и настаивало на 20-месячном сроке службы. Оно «намечало следующую схему подготовки будущих офицеров запаса»:

---

[1] Как мы указывали выше, Устав 1874 года сокращал пребывание вольноопределяющихся в запасе до 12 лет, что приводило к сокращению общего срока службы в действующих войсках — для вольноопределяющегося I разряда до 13 лет, а для вольноопределяющегося II разряда до 14 лет.

«Поступление на службу 1 января.

С января по апрель — первоначальное воинское обучение, т.е. одиночная подготовка и учебная команда.

С мая по август — отбытие лагерного сбора, обязательно в рядах своей части унтер-офицером.

Осенью подготовка в особых курсах (командах) к экзамену на прапорщика; производство в этот чин в декабре—январе.

Последние 8 месяцев — с 1 января по 1 сентября — служба в войсковой части в качестве офицера.

Изменения, внесенные в законопроект Государственной думой и получившие силу закона: поступление на службу 1 июля и срок службы 18 месяцев подряд или в два приема на выбор, не позволяли осуществить программу, намеченную военным ведомством»[1].

В первой главе нам приходилось уже указывать на то, что наше молодое народное представительство, обращая внимание на обеспечение личных интересов населения, не в должной мере учитывало общегосударственные интересы. «Это особенно рельефно сказалось, — пишет член Государственной думы Б. А. Энгельгардт, докладчик законопроекта, — в поправках, внесенных Государственной думой по вопросу о вольноопределяющихся, и в других изменениях законопроекта, составленного военным министром»[2].

Закон 1912 года внес еще и другие изменения в отдел льгот по образованию.

Ст. 49 этого закона повышала до двух лет срок службы для лиц, занимающих учительские должности, которые не дают по закону полного освобождения от военной службы в мирное время[3]. Изменить коренным образом точку зрения на учителя, как прежде всего на воспитателя молодежи в чувстве долга перед отечеством, закон 1912 года не посмел. Поэтому ожидать от него быстрого влияния на перемену создавшейся в условиях закона 1874 года психологии было трудно. Но даже в ограниченных рамках улучшения в законодательстве, вносимые изменением 1912 г., не могли сказаться в 1914 г. Психика масс в период мирной жизни изменяется медленно.

---

[1] Монография Б. А. Энгельгардта. Тетрадь 1. С. 37, 38, 39.

[2] Там же. С. 10.

[3] Кроме того, закон 1912 г. вносил некоторые изменения в прохождение службы лиц, получивших один из видов медицинского образования.

Малое просвещение народных масс отразилось на длительности сроков действительной службы в постоянных войсках.

Естественно, что для того, чтобы подготовить современного воина из неграмотного или малограмотного новобранца, нужно больше времени, чем для таковой же подготовки хорошо грамотного и просвещенного молодого человека. Этим обстоятельством и объясняется то, что Россия гораздо медленнее шла по пути сокращения сроков действительной службы в мирное время, нежели Франция и Германия. Но и в этом вопросе наше Военное ведомство, учитывая специфические условия России, не сумело в своих расчетах стать на новую точку зрения, связанную с подготовкой вооруженной силы как вооруженного народа. Последнее требовало создания многочисленного запаса военнообученных людей. В свою очередь, это приводило к необходимости призывать на пополнение постоянной армии при объявлении общей мобилизации более пожилые возрастные классы, т.е. армия выступала на войну более старой. Выше мы говорили, что именно многолюдье России позволяло ей иметь самую молодую из всех европейских государств армию.

Германия с целью увеличить запас военнообученных людей отчисляла часть призыва после годового пребывания в постоянных войсках в Эрзац-резерв. Немецкий Генеральный штаб был совершенно прав, исходя из того, что элементарная воинская подготовка не требует большого срока. Во время войны пришлось даже и у нас сократить срок воинской подготовки новых призывов и ранее не обученных людей до шести месяцев, и опыт войны показал, что при правильной постановке обучения в запасных частях и при сильных кадрах в частях действующей армии достигались отличные результаты.

Но наши законоположения об обязательной воинской службе и об организации вооруженных сил, как мы неоднократно указывали, никак не могли отрешиться от устарелой точки зрения, связанной с ведением войны профессиональной армией. Отсюда и вытекало то, что наше военное ведомство не оценило всего громадного значения отлично профессионально подготовленных и численно сильных кадров из начальствующих лиц. Ярким доказательством этому может служить нижеприводимая таблица, указывающая, какое число сверхсрочных унтер-офицеров приходится в среднем на роту постоянных войск мирного времени:

Сколько сверхсрочных унтер-офицеров приходится в среднем на роту в мирное время

В России	около 2
в Австро-Венгрии	около 3
в Италии	3 (плюс капралы)
во Франции	6 (плюс капралы)
в Германии	12

Если добавить к этому, что в офицерском составе Русской армии в мирное время всегда существовал большой некомплект[1], а также то, что, как мы указывали выше, вопрос о подготовке запасного офицерства был в России поставлен хуже, чем где бы то ни было, можно еще раз убедиться, что наше Военное ведомство готовило скорее профессиональную армию, а не профессиональные кадры для вооруженного народа.

Если бы Россия предъявила к своим более образованным слоям населения повышенные требования и подготовила бы из них хорошие офицерские и унтер-офицерские кадры, то и срок службы для рядового бойца мог быть сокращен гораздо решительнее, чем это делалось на деле.

Приходится в заключение опять указать, что наши законоположения об обязательной воинской службе пытались слишком примитивно разрешить крайне усложнившиеся вопросы организации современного «вооруженного народа»; над ними слишком еще тяготела устарелая идея ведения войны «постоянной армией».

[1] 12 (25) июля 1914 г. этот некомплект равнялся 3000 офицеров.

Глава третья

УСЛОВИЯ, ЗАТРУДНЯВШИЕ НАДЛЕЖАЩЕЕ УСТРОЙСТВО И ОБОРУДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

«Дешевизна». — Экономия и артиллерийское вооружение. — Недостаточность железных дорог. — Ограниченность доступов к морю. — Несостоятельность расчетов мирного времени. — Слабость военной промышленности. — Попытки реформ. — Отсутствие прочной веры в военную науку.

«ДЕШЕВИЗНА»

С освобождением крестьян для России открылись совершенно новые хозяйственные перспективы. Крестьянство, получившее хотя и недостаточный надел землей, расширяет и укрепляет свое хозяйство, стремясь к денежной его форме. Помещичий класс тоже вынужден перейти к товарной форме, однако часть этого класса, не выдержав хозяйственного шока, теряет свои земли и уходит в города, образуя кадры для нового хозяйства. Общая доходность сельского хозяйства резко увеличивается, и одновременно нарождается потребность в индустриальных промыслах и в первую очередь вызывает железнодорожное строительство. Последнее, в свою очередь, усиливает активность существующих хозяйственных центров и вызывает появление новых (например, в Азиатской России). Нуждами железных дорог обуславливается возникновение каменноугольной и металлургической промыш-

ленности. Новый фактор — массовое производство — расширяет перспективы перед индустрией; последняя, в свою очередь, стимулирует дальнейший рост сельского хозяйства. Эти процессы перекрещены и взаимно связаны. Цифра национального дохода неуклонно растет.

Но этот абсолютно большой рост национального дохода, принимая во внимание численность народонаселения и величину России, являлся относительно недостаточным для того, чтобы Россия, запоздавшая с выходом на новые социальные и экономические пути, догнала бы остальные культурные государства. Россия остается страной, богатой возможностями в будущем и стесненной в средствах в настоящем.

Эта относительная бедность России явилась серьезным тормозом, затруднявшим для России подготовку ее вооруженной силы.

В труде генерала Редигера[1], неоднократно нами цитированном, на странице 35 приведен расчет относительной величины расхода на вооруженную силу в 1897—1898 гг. в России, Франции, Германии и Австро-Венгрии, в зависимости от ее численности в мирное время. Для этого им взяты суммы военных бюджетов этих государств и эти суммы разделены на соответствующие числа штатного состава мирного времени. Полученные данные могут быть представлены следующей таблицей:

	В золотых рублях	Соотношение данных предыдущей графы
Германия	497	100
Австро-Венгрия	457	97
Франция	375	78
Россия	289	60

Если же мы подойдем к сравнению военных расходов за те же годы с другой точки зрения, а именно — определим, какую часть общего бюджета в 1898 г. составляли военные расходы, мы получим иное взаимоотношение[2]:

[1] *Редигер.* Комплектование и устройство вооруженной силы. С. 35.
[2] Там же. С. 7.

	Какую часть общего бюджета составляли военные расходы	Соотношение данных предыдущей графы
Германия	17,3 %	100
Австро-Венгрия	17,6 %	102
Россия	24,3 %	140
Франция	28,6 %	165

Из сравнения обеих вышеприведенных таблиц можно убедиться, что, несмотря на более «дешевое» содержание Русской армии в мирное время, России приходилось уделять на военные расходы гораздо большую часть своего государственного бюджета, нежели Германии. Несмотря на значительный экономический подъем, имевший место в России непосредственно перед большой европейской войной, общая картина соотношений, выраженных в приведенных двух таблицах, по существу, мало изменилась. Причиной этого было то, что после войны с Японией Россия вынуждена была расходовать громадные суммы на восстановление своей военной мощи.

«После войны 1904—1905 гг., — пишет генерал Ю. Данилов[1], — России пришлось приступить к созданию своей военной мощи почти заново. Работа шла медленно как по причине ее грандиозности, так и потому, что отпускавшиеся в первые годы после войны денежные средства совершенно не соответствовали потребностям. По своей долголетней службе в Главном управлении Генерального штаба до конца 1906 г., в должности начальника оперативного отделения, а с конца 1908 г. — в должности сперва первого обер-квартирмейстера, а затем генерал-квартирмейстера Генерального штаба, я был хорошо знаком с состоянием всей Русской армии в этот период времени, равно как и с ходом работ по ее воссозданию. В течение двух промежуточных лет, с 1906 по 1908 гг., я по должности командира пехотного полка успел близко соприкоснуться и на практике к войсковому быту и армейским

[1] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914—1915 гг. 1924. С. 32.

нуждам того времени. И я не могу охарактеризовать иначе период времени с 1905 г. по 1910 г. включительно, а может быть, даже и более продолжительный, как назвав его периодом нашей полной военной беспомощности...

Наши так называемые неприкосновенные запасы, — пишет дальше[1] генерал Ю. Данилов, — или, проще говоря, запасы военного времени, были в корне нарушены войной 1904—1905 гг. На восстановление их, по далеко неполным исчислениям, требовалось несколько сотен миллионов рублей, каковая сумма по тому времени представлялась для нашего Государственного казначейства весьма внушительной».

Таким образом, перед русским военным ведомством все время стояла дилемма: либо сократить численность армии, либо гнаться за дешевизной содержания. Военное ведомство выбрало второй путь и в этом отношении, как ярко показала минувшая война, перешло предел допустимого.

«Дешевизна» содержания Русской армии имела своим первым следствием слабость профессиональных кадров, как раз то, в чем при общем недостатке культурности народных масс Русская армия особенно нуждалась. В предыдущей главе мы уже указывали, что постоянный некомплект в офицерском составе достигал к концу июля 1914 г. 3000 офицеров. Многочисленного кадра сверхсрочных унтер-офицеров подобно тому, как это имело место в Германии, Франции и Австро-Венгрии, у нас не было. Запасное офицерство не было подготовлено. Даже учебные сборы запасных были сокращены из-за требований экономии, между тем как именно русские запасные нуждались более, чем запасные других западноевропейских государств, в повторном обучении.

Стремление к «дешевизне» содержания отражалось также на вооружении и техническом оборудовании войск. Для того чтобы вполне обрисовать влияние недостатка в средствах на эту сторону устройства вооруженной силы, мы подробно остановимся на вопросе артиллерийского вооружения и снабжения Русской армии перед войной 1914 г., ибо недочеты в этой области дали себя особенно больно почувствовать во время войны.

---

[1] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914—1915 гг. 1924. С. 46.

ЭКОНОМИЯ И АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Русская армия выступила на войну в 1914 г., имея в полевых войсках следующее артиллерийское вооружение.

На каждую пехотную дивизию приходилось 6 легких 3-дюймовых батарей. Кроме того, в каждом армейском корпусе имелось еще 2 батареи 4,8-дм. мортир. Принимая во внимание, что армейский корпус состоял из 2 полевых пехотных дивизий, мы получим, что на каждую пехотную дивизию приходилось 7 легких батарей.

У главного противника России — Германии на каждую полевую пехотную дивизию приходилось двойное число батарей, а именно:

9 батарей 3-дм. легких пушек,
3 батареи 4-дм. легких гаубиц,
2 батареи 6-дм. гаубиц, находившихся в корп. артиллерии.

Итого 14 батарей (из них 2 тяжелые).

Слабость артиллерийского вооружения Русской армии этим не ограничивалась.

Армейская полевая тяжелая артиллерия Русской армии ко времени начала войны состояла всего из 60 батарей. Германская же армейская тяжелая артиллерия к тому же времени исчислялась 381 батареями.

Недостаток в артиллерийском вооружении сознавался в русских руководящих кругах. Парализовать его предназначалось двумя способами:

1) Переформированием 8-орудийных батарей в 6-орудийные, ибо при скорострельных образцах 6-орудийная батарея могла считаться столь же сильной огневой единицей, как и 8-орудийная.

2) Сформированием новых батарей и вооружением их более тяжелыми и дальнобойными орудиями (полевая тяжелая артиллерия).

Ярким примером того, как в жертву финансовым соображениям должны были приноситься боевые соображения, может служить история с таким важным организационным вопросом, как

переход от 8-орудийных батарей к 6-орудийным[1]. Уже с принятием на вооружение нашей артиллерии 3-дм. орудий образца 1900 г. в Главном артиллерийском управлении возник вопрос об изменении существующей организации полевой артиллерии в соответствии со свойствами вновь вводимой скорострельной пушки. Собранное по этому вопросу совещание из представителей Генерального штаба и артиллерии — строевой, ученой и административной службы — пришло к заключению о необходимости реорганизовать наши громоздкие 8-орудийные батареи в более подвижные и гибкие 6-орудийные и даже в 4-орудийные. Командующие войсками в округах и корпусные командиры в значительном большинстве высказывались за 6-орудийные батареи. Учитывая таковое суждение высших войсковых начальников в целях поддержания артиллерии на высоте современных требований, Главное артиллерийское управление настаивало на скорейшем переходе к 6-орудийным батареям. Военный министр генерал Куропаткин, признавая необходимым путем опыта выяснить сравнительные преимущества батарей уменьшенного состава, а также исходя из соображения о новом серьезном расходе в 3 миллиона рублей при реорганизации полевой артиллерии в 6-орудийные батареи, высказался за временное оставление существующих 8-орудийных батарей. По мнению генерала Куропаткина, столь крупный расход препятствовал бы разрешению назревшего в то время вопроса об установлении чайного довольствия войск. Осенью 1902 г. состоялось повеление — временно остаться при 8-орудийных батареях.

В 1906 г., вслед за окончанием войны с Японией, по инициативе генерал-инспектора артиллерии, Великого князя Сергея Михайловича в Особом совещании при Главном артиллерийском

[1] Изложение вопроса о переформировании 8-орудийных батарей в 6-орудийные заимствовано из труда генерала Маниковского «Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг.», изданного в Москве в 1922 г. (часть II, с. 105, 106, 107). Ген. Маниковский является самым авторитетным свидетелем в вопросах артиллерийского снабжения Русской армии. Выделившись своими знаниями и служебным опытом среди артиллерии старой императорской армии, он с мая 1915 г. был поставлен во главе дела артиллерийского снабжения; в конце 1915 г., оставаясь во главе того же дела, он был назначен помощником военного министра; перед самым большевистским переворотом он временно исполнял обязанности военного министра.

управлении были выработаны меры, направленные к увеличению силы полевой артиллерии.

При разработке основных организационных положений вновь было установлено иметь в каждой легкой батарее по 6 орудий вместо существующих 8, а каждому корпусу двухдивизионного состава придать по 23 батареи вместо 14.

Предположенный переход к 6-орудийным батареям с усилением каждого корпуса на 9 батарей *не был разрешен вследствие отказа в ассигновании требуемых денежных средств*[1].

В 1909 г., когда Главное управление Генерального штаба приступило к разработке организации армии на новых началах, генерал-инспектор артиллерии, Великий князь Сергей Михайлович настойчиво ходатайствовал о реорганизации артиллерии на основании проекта Главного артиллерийского управления 1906 г. Помощнику военного министра были представлены для соображения денежные расчеты, связанные с переходом артиллерии к 6-орудийным батареям. Согласия не последовало.

Для удовлетворения хотя бы частичной потребности артиллерийского ведомства в начале следующего, 1910 г. были представлены помощнику военного министра расчеты о расходах, вызываемых переходом к 6-орудийной организации без численного усиления полевой артиллерии (в каждой существующей артиллерийской бригаде 6 батарей 8-орудийного состава переформировывались в 8 батарей 6-орудийных). Недопустимость новых постоянных расходов послужила основанием к отклонению и этой меры[2].

Только в 1914 г., перед самой войной, под непосредственной угрозой германской «большой программы» у нас утверждается наша «большая программа», в которой было наконец предусмотрено усиление всех родов артиллерии (представление в Государственную думу по Главному управлению Генерального штаба от 20 февраля 1914 г., № 447).

Но указанное в этой «большой программе» мероприятие предположено было завершить к 1/14 апреля 1917 г., и вспыхнувшая мировая война помешала в самом начале осуществлению его. «Здесь следует отметить, — говорит генерал Мани-

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. М., 1922. Ч. II. С. 106. Курсив генерала Маниковского.

[2] Там же. С. 107.

ковский, — что и эта неосуществленная программа все-таки не давала вполне удовлетворительного решения важнейшего для армии артиллерийского вопроса: согласно ей, наша дивизия все-таки получала на $1^1/_2$ батареи и на 8 орудий меньше, чем германская»[1].

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Ту же картину постоянного недостатка в средствах мы увидим в вопросе о развитии российского железнодорожного транспорта. Громадные расстояния, с которыми должны были считаться мобилизация и сосредоточение Русской армии, ее снабжение и пополнение во время самой войны, а также ее стратегические переброски с одного театра на другой предъявляли усиленные требования к развитию железных дорог. Дабы охарактеризовать, насколько эти требования для России были более велики, чем для других западноевропейских государств, указывают следующие цифры: по исчислениям генерала Редигера[2], *средний* переезд новобранцев в России равнялся *900—1000 верстам.* Для Франции, Германии и Австро-Венгрии этот средний переезд *не превышал 200—300 верст.*

В отношении оценки степени «обслуженности» России железнодорожным транспортом большой интерес представляет доклад инженера Струве, сделанный в Междуведомственной комиссии в мае 1910 г.[3]. Ввиду того, что между 1910-м и 1914 г. преимущественно производились только изыскания и начало построек новых железнодорожных линий, можно считать, что общая картина русской сети мало меняется, и потому выводы доклада инженера Струве сохраняют всю свою ценность и к 1914 году.

Согласно этому докладу, потребность страны в железных дорогах зависит при прочих одинаковых условиях от двух основных факторов — от величины обслуживаемой площади и от густоты

---

[1] Там же С. 177.

[2] Этот документ хранится под № 172 324 в Воен.-учен. архиве; цитирован в книге Зайончковского «Подготовка России к мировой войне». С. 123—125.

[3] Этот документ хранится под № 172 324 в Воен.-учен. архиве; цитирован в книге Зайончковского «Подготовка России к мировой войне». С. 123—125.

населения в пределах этой площади. Учитывая эти два фактора, Струве приходит к заключению, что обслуженность данной страны железными дорогами пропорциональна густоте рельсовой сети (т.е. числу километров железных дорог на 100 кв. километров площади страны) и обратно пропорциональна числу жителей, приходящихся на 1 километр железнодорожной сети. Уточняя путем решения уравнения, Струве выводит, что коэффициент железнодорожной обслуженности пропорционален при прочих одинаковых условиях квадрату густоты сети и обратно пропорционален густоте населения.

Основываясь на приведенной выше формуле, коэффициент обслуженности железнодорожным транспортом главнейших европейских государств выражается в следующих цифрах:

Сравнение обслуженности рельсовым путем различных государств в 1914 г.

Государство	Густота сети (протяжение на 100 кв. км)	Густота населения на 1 кв. км	Коэффициент обслуженности рельсов. путями
Германия	10,6	112	100
Австро-Венгрия	6,7	3	61
Франция	8,7	73	103
Великобритания	11,7	139	98
Бельгия	15,6	243	100
Европейская Россия*	1,0	24	4
Европейская Россия без крайних северных губерний**	1,45	37	6

* Без Финляндии и Кавказа.

** Т.е. без Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерний.

Приведенная таблица ярко показывает страшную отсталость России по сравнению с ее западными соседями. Эта отсталость создавала чрезвычайно тяжелые условия для ведения современ-

ной большой войны, которые делали для России невозможным проявление такого же общего напряжения всей страны, каковое было возможно для других европейских стран.

Если изучать обслуженность рельсовыми путями отдельных частей России, то нельзя не увидеть чрезвычайную неравномерность этого обслуживания. Нижеприводимая таблица нашего знаменитого ученого Менделеева дает об этом некоторое, хотя бы приблизительное понятие.

Чрезвычайная неравномерность «обслуженности» рельсовыми путями различных районов России еще более увеличивала трудность использования при ведении войны всех сил и средств страны. Коэффициент «обслуженности» для различных районов колеблется между 17,91 и 0,13.

Наиболее богатой рельсовыми путями является пограничная полоса, ограниченная с северо-запада и с запада примерно линией: Либава—Двинск—Ковно—Гродно—Варшава—Ивангород; с юга и с востока линией: Ивангород—Кобрин—Минск—Витебск—Псков—Нарва, в которой «обслуженность» рельсовыми путями определяется коэффициентом 10—30, а местами и выше.

Другой, столь же богатой рельсовыми путями является полоса шириной в 200—300 километров, тянущаяся по обе стороны магистрали Москва—Харьков—Александровск.

Только что указанные две части территории Европейской России, не считая прибрежной части Финляндии, являлись наиболее богатыми из всей России в смысле обслуженности их железными дорогами.

*Обслуженность рельсовыми путями различных районов («краев», по Менделееву) России**

Наименование края (области)	Площадь в кв. верст.	Густота сети на 100 кв. в.	Густота населения на 1 кв. в.	Коэф. обслуж. рельс. путями
1	2	3	4	5
Петербургский	181 322	1, 524	29,2	7,97
Ливонский	81 049	2,454	33,6	17,91
Польский	111 554	2,524	96,9	6,57

1	2	3	4	5
Украинский	282 508	2,353	69,8	7,93
Литовско-Белорусский	266 978	2,041	43,4	9,60
Подмосковный	232 500	2,183	49,1	9,71
Средне-Русский	269 266	2,365	57,6	9,71
Верхне-Волжский	206 031	0,670	34,9	1,29
Пермский	699 109	0,473	16,2	1,38
Нижне-Волжский	461 642	0,754	19,2	2,96
Южно-Русский	354 574	1,796	34,8	9,27
Северо-Русский	1 213 526	0,088	2,0	0,39
Кавказский	227 787	0,758	22,1	2,59
Закавказский	183 858	0,869	30,3	2,49
Закаспийский	1 151 294	0,265	4,2	1,67
Южно-Сибирский	1 991 495	0,050	2,0	0,13
Восточно-Сибирский	6 761 138	0,049	0,3	0,80
Западно-Сибирский	4 197 736	0,050	1,1	0,23
Финский	321 244	0,991	9,1	10,79

* Сравнить цифры последней графы этой таблицы с соответствующими данными предыдущей таблицы.

Обширные пространства как между ними, так и к востоку от них, до линии Петроград—Вологда—Нижний Новгород—Самара—Царицын—Ставрополь—Кутаис—Батум, значительно беднее рельсовыми путями, и коэффициент обслуженности их падает до 5—10.

Наконец, на всем остальном обширнейшем пространстве России коэффициент нигде не поднимается выше 3.

Такое распределение железнодорожной сети являлось следствием того, что Россия, отставшая в своем экономическом развитии от своих западных соседей, вынуждена была строить свои железные дороги не столько в зависимости от экономических потребностей, сколько подчиняясь стратегическим требованиям. Причем эти последние трактовались довольно узко, а именно —

преимущественно с точки зрения ускорения сосредоточения наших армий к западной границе.

Особенно отрицательное влияние в этом отношении имело для России заключение союза с Францией. Ее Генеральный штаб под впечатлением молниеносных поражений, нанесенных французской армии немцами в 1870 г., панически боялся остаться в начале войны один на один с главными силами германской армии. Он требовал от России ускорения в сосредоточении ее армии к западной границе, и даваемые нам Францией займы обуславливались строительством железнодорожных линий, идущих от меридиана Петербурга к германской границе.

На прилагаемой схеме № 4[1] схематически указано стратегическое железнодорожное оборудование России к западу от меридиана Петрограда. Если проследить по этому чертежу с севера на юг по меридиану Петроград, то, кроме балтийской линии Петроград—Ревель, имевшей специальное значение для обороны южного берега Финского залива, мы найдем шесть сильных двухколейных магистралей и две одноколейные линии, ведущие в районы развертывания нашей армии.

Начиная с севера, это были двухколейные магистрали:

1) Северо-Западная дорога: Петроград—Белосток—Варшава.

2) Бологое—Седлецкая дорога, двухпутная от Великих Лук до Седлеца.

3) Александровская дорога: Москва—Брест-Литовск—Варшава.

4) Линия Полесской дороги: Брянск—Лунинец—Брест-Литовск.

5) Юго-западные дороги: Киев—Казатин—Дубно.

6) Юго-западные дороги: Одесса—Жмеринка—Волочиск.

Перечисленные линии, не считая последней, направленной к крайнему флангу нашей границы с Австро-Венгрией, охватывая

[1] Этот чертеж заимствован из рукописи генерала Ронжина «Железные дороги в военное время». Генерал Ронжин до войны 1914—1917 гг. был в Главном управлении Генерального штаба начальником военных сообщений, а первые два года войны — начальником военных сообщений в Штабе Верховного главнокомандующего. Рукопись находится в архиве генерала Головина.

веерообразно на востоке 1500 верст (Петроград—Одесса), сходились на границе на фронте 400 верст и при работе полным графиком могли на фронте Белосток—Волочиск доставлять в сутки до 250 военных эшелонов. «Но и такое положение не удовлетворяло Генеральный штаб, и он всячески поддерживал проекты новых магистралей, направленных из центра в районы сосредоточения»[1].

В несравненно худшем положении оказывалось оборудование нашего театра военных действий железнодорожными линиями для переброски войск по фронту.

Два участка двухколейных линий, позволявших переброску войск в меридиональном направлении в пределах так называемого Передового театра[2]: Малкин—Люблин и Белосток—Холм, были относительно небольшого протяжения и могли иметь лишь местное значение. Для переброски же с Северо-Западного театра[3] на Юго-Западный[4] мы располагали только одной, параллельной фронту одноколейной ветвью полесских дорог: Вильно—Ровно, а затем в тылу для подобных оперативных перевозок приходилось пользоваться уже кружными направлениями, выходившими за пределы театра военных действий.

Развитие рокадных железнодорожных путей встречало большие финансовые затруднения, нежели постройка железнодорожных линий, ведущих в районы сосредоточения, так как значение первых много менее заметно обывательскому глазу, нежели значение вторых. Недостаточное развитие рокадных железнодорожных линий серьезно дало себя знать при нашей эвакуации весной 1915 г., не позволяя отклонять излишний подвижной состав с перегруженных главных направлений. А после того как противником были заняты узлы Полесской линии: Вильно и Барановичи, а наша война с осени 1915 г. вследствие усиленных оперативных перевозок обратилась действительно в войну железнодорожную, работа железных дорог осложнилась до крайности. Это привело к тому, что во второй половине 1916 г. на дорогах начало ясно ощущаться переутомление[5].

---

[1] *Генерал Ронжин.* Железные дороги в военное время. С. 5 и 6.

[2] Польша.

[3] К северу от Полесья.

[4] К югу от Полесья.

[5] *Генерал Ронжин.* Вышеупомянутая рукопись. С. 6.

Стеснение в денежных средствах отразилось не только на начертании и развитии сети, оно отразилось и на техническом оборудовании железных дорог.

Слабой стороной военных перевозок явилась малая скорость воинских поездов. В среднем суточный пробег воинских поездок не превышал 300 верст, что, например, вдвое медленнее движения воинских поездов во Франции. Одной из важных причин медленности движения наших военных поездов было то, что наш товарный парк не имел автоматических тормозов. Вопрос о переделке всего вагонного парка возбуждался неоднократно. Но это вызывало единовременный расход в несколько десятков миллионов рублей, и это мероприятие неизменно откладывалось. А между тем само собой понятно, какое при наших расстояниях большое экономическое значение имело это переоборудование товарного вагонного парка. В военном же отношении оборудование нашего товарного парка автоматическими тормозами почти удваивало число воинских эшелонов. В 1910—1911 гг. автору этой книги приходилось участвовать в качестве представителя Генерального штаба в междуведомственной комиссии, которая должна была рассмотреть сметы расходов, необходимых для приведения нашей железнодорожной сети в состояние, действительно отвечающее требованиям вводимого нового мобилизационного расписания. Почти против каждого из расходов представитель Государственного контроля налагал свое «вето», и вся работа Комиссии свелась к нулю.

Уже во время самой войны, когда начали выясняться все недочеты нашей подготовки, представители нашего Министерства финансов стремились доказать, что после японской войны наше военное ведомство пользовалось широкими ассигнованиями и что эти ассигнования были столь велики, что Военное министерство не успевало их тратить, оставляя эти средства непроизводительно лежать на его счету.

Действительно, легкомысленное и невежественное управление военным ведомством генерала Сухомлинова дает повод ко многим упрекам. Государственная дума и Министерство финансов пошли навстречу потребностям русской вооруженной силы, многие недочеты которой вскрыл несчастный опыт войны с Японией. Сухомлинов же и его сотрудники совершенно не умели и даже не понимали, как использовать эти возможности. Но из этого вовсе

еще не следует, что эти возможности действительно отвечали всем потребностям.

Задерживаемая финансовыми затруднениями в развитии своей военной мощи, Россия имела вместе с тем одно очень слабое место, являвшееся следствием общих географических условий.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ДОСТУПОВ К МОРЮ

По сравнению со всеми остальными великими державами Россия имела меньше всего доступов к морю. Если исключить побережье Ледовитого океана, мы увидим, что морские пути были доступны России только с берегов Балтийского, Черного, Белого и Японского морей.

Это была ахиллесова пята Русского колосса не только в его хозяйственной жизни, но и в его военной силе. В случае большой европейской войны блокада России была легко осуществима. В самом деле, при войне с Германией возможность пользоваться для подвоза Балтийским морем исключалась. Возможность пользоваться Черным морем всецело зависела от того, войдет ли в число врагов России Турция. Оставалось только сообщение через Архангельск и Владивосток. Но Архангельск по климатическим условиям был доступен не более шести месяцев в году и был связан с общей российской железнодорожной сетью Архангело-Вологодской железной дорогой, более узкой колеи, нежели вся российская сеть, и сравнительно слабой провозоспособности. Владивосток же был удален от фронта более чем на 5000 верст, и для одной пары поездов требовалось до 120 паровозов, в коих вскоре же после начала войны почувствовался недостаток. Во время самой войны зимой, при исключительно трудных условиях благодаря самоотверженной работе железнодорожных войск Архангельская линия была переделана на широкую колею; были приняты также меры для улучшения подвоза по Сибирской дороге; тем не менее многомиллионное и драгоценное в военном отношении имущество осталось не вывезенным из Владивостока и Архангельска, и армия его не получила. Русское правительство пыталось помочь беде постройкой во время войны Мурманской железной дороги к не замерзающему порту в Ледовитом океане. Но технические условия сооружения и об-

становка работы были так трудны, что во время войны линии вполне закончить не удалось[1].

В результате после выступления Турции Россия уподобилась заколоченному дому, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу.

В каком тяжелом положении оказалась Россия после объявления войны Турцией, наглядно показывают следующие цифры: с осени 1914 г. наш вывоз падает сразу на 98 %, а ввоз на 95 %. Таким образом, Россия оказалась «блокированной» в большей степени, нежели Германия.

Могут быть сделаны упреки русскому правительству, не предвидевшему в мирное время легкости блокады России и не приступившему раньше к перешивке Архангельской железной дороги, развитию движения по Сибирскому пути и к постройке Мурманской линии, но на это требовались опять-таки деньги. Да и все эти меры являлись слабым паллиативом.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РАСЧЕТОВ МИРНОГО ВРЕМЕНИ

Блокада во время войны являлась для России тем более чувствительной, что слабое развитие русской общей промышленности не было в состоянии ответить колоссальным требованиям современной войны в области вооружения, огнестрельных припасов и сложного, многочисленного технического оборудования и снабжения. Отсюда следует, что по сравнению с остальными европейскими государствами от России требовалось:

а) принятие в мирное время гораздо больших норм для мобилизационных запасов,

б) наличие гораздо большего числа казенных военных заводов.

Посмотрим, насколько эти требования были выполнены.

Сопоставление расчетных норм, сделанных русским Военным ведомством в 1910 г., с требованиями, предъявленными Ставкой в 1916 г., приведено в нижеследующей таблице[2]:

---

[1] *Генерал Ронжин.* Вышеуказанная рукопись. С. 9.

[2] Заимствовано из таблицы генерала Маниковского (ч. II, с. 58), причем исправлен итог последней графы, неверно подсчитанный у Маниковского.

	Штатное количество орудий		Годичн. потребн. в орудиях		
	По моб. распис. 1910 г.	По требованию Ставки	Запас по мобил. расп. 1910 г.	По требованию Ставки в 1916 г.	
				Новые	Ремонт расстрелянных
Легкие пушки 3-дюймовые	6336	11 200	889	6720	3780
Полевые легкие гаубицы (48-лн. и 45-лн.)	512	2160	74	1476	84
Полевая тяжелая арт. (4-дм. пушки и 6-дм. гауб.)	240	1080	24	648	144
Всего	7088	14 440	987	8844 12 852	4008

Отсюда мы видим, что во время войны требования превысили предположения:

в наличности орудий ..... *в два раза,*

в годичном поступлении новых орудий (не считая ремонта) ..... *в девять раз.*

Если мы обратимся к рассмотрению вопроса о количестве имеющегося к началу войны артиллерийского огнестрельного запаса и сравним с теми требованиями, которые были предъявлены в течение войны Ставкой, то мы увидим следующую картину[1]:

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. Ч. III.

Число выстрелов (в тысячах):

	Состояло к началу войны:	Согласно требованиям Ставки в конце 1916 г., годовая потребность:
Легкая пушка 3-дм	6400	42 000
Легкая гаубица 48 лн. и 46 лн.	450	6600
Полевая тяжелая артиллерия		
4-дм пушка и 6-дм гаубица	120	2260

Отсюда мы видим, что годовая потребность по исчислению Ставки оказалась большей, чем было предположено Военным ведомством в мирное время:

для легких пушек **в семь раз**
для легких гаубиц **в четырнадцать раз**
для полевых тяжелых **в восемнадцать раз.**

Несомненно, что в своих требованиях Ставка в конце 1916 г. под непосредственным впечатлением переживаемой катастрофы в артиллерийском снабжении грешила некоторым преувеличением. Но столь же несомненным является самый факт, что принятые нашим военным ведомством нормы оказались в несколько раз меньшими действительной необходимости. Было бы несправедливо обвинять русское артиллерийское ведомство в том, что оно совершенно не предвидело колоссальных потребностей предстоящей войны. Ошибка, конечно, была сделана, но в этом отношении русское артиллерийское ведомство мало отличалось от таковых же во Франции и Германии.

Как мы указывали выше, Россия вследствие своей промышленной отсталости и легкой осуществимости блокады должна была иметь наибольшие нормы запасов. Но вот что происходило при всякой попытке увеличить эти нормы.

Число «выстрелов» мобилизационного запаса измерялось всего 1000 на орудие.

Главное управление Генерального штаба подняло об этом вопрос. Заседали комиссии, шла переписка, и наконец в конце

1912 г. начальнику Генерального штаба удалось выхлопотать для Главного артиллерийского управления специально для усиления боевых комплектов для 3-дм пушек — 10 000 000 рублей. На эту сумму, при тогдашней цене за выстрел в 20 рублей, можно было заготовить 500 000 патронов, что составляет ничтожное увеличение запаса — на 8 %.

Около того же времени генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба уведомил начальника Главного артиллерийского управления, что во французской армии решено увеличить боевой комплект полевой артиллерии до 3000 выстрелов на пушку[1].

«Если бы мы, — пишет генерал Маниковский[2], — захотели последовать этому благому примеру и довести свои комплекты хотя бы до двух тысяч выстрелов на пушку, то на 6500 пушек это потребовало бы нового дополнительного ассигнования в 6500 × 1000 × 20 = 130 000 000 рублей. А если бы комплекты довести до 3000 на пушку, то потребовалась бы сумма вдвое большая, т.е. 260 миллионов рублей.

На такие суммы сверхштатных ассигнований никакой военный министр, даже при всей поддержке Государственной думы, конечно, рассчитывать в те времена не мог, особенно ввиду того, что тут речь шла только о выстрелах для орудий 3-дм калибра».

Но, кроме только что требовавшихся указанных единовременных расходов, вопрос значительного увеличения мобилизационного артиллерийского запаса осложнялся еще другим обстоятельством.

«Чем больше боевой комплект, — пишет далее генерал Маниковский[3], — тем дольше его освежать, а значит, тем большей порче он подвергается за продолжительное время своего хранения».

При вышеуказанных нормах боевых комплектов боевые припасы могли быть освежены в следующие сроки:

Боевые заряды в течение	16 лет
Дистанционные трубки	18 лет
Шрапнели	35 лет

[1] В действительности Франция не смогла осуществить эти решения и имела к началу войны всего 1400 выстрелов на орудие.

[2] *Маниковский.* Указанное сочинение. Ч. III. С. 9.

[3] Там же. Ч. III. С. 9 и 10.

Гранаты со взрывателями (как расходуемые только на показные стрельбы)	175 лет

«С уверенностью можно сказать, что ни боевые заряды, ни дистанционные трубки столь долгого хранения не выдержат, так как существующий у нас бездымный порох с трудом дотянет без существенной порчи в южных округах до 10, а в северных до 15 лет (особенно при хранении в патронах), дистанционные же трубки не выдержат и 8—10-летнего хранения. Что касается собственно зарядов и взрывателей (не снаряженных), то они, конечно, могли бы храниться без порчи многие годы, но при непрерывном прогрессе в конструкции их они, конечно, скоро устарели бы и потребовали бы замены их более современными образцами.

Единственный, казалось бы, при таких условиях выход — соответственное увеличение размера отпуска на практические стрельбы — оказывался не осуществимым вследствие значительного дополнительного расхода, недопустимого опять-таки по финансовым соображениям.

И вот в заколдованном кругу финансовых и технических затруднений мы топтались до самой войны».

СЛАБОСТЬ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Таким образом, был какой-то технический предел для увеличения норм мобилизационных запасов. Дальнейшее увеличение снабжения армии во время войны возможно было только путем соответственной подготовки заводской производительности. При относительно малом индустриальном развитии России требовалось богатое оборудование казенных военных заводов. Но это тоже требовало больших затрат. Годовая производительность наших казенных заводов определялась в 600 000 патронов (для 3-дюймовых пушек)[1], в то время как, как мы видели выше, годовая потребность «в выстрелах» исчислялась Ставкой в конце 1916 года — 42 000 000, т.е. превосходила *в 70 раз.*

Не лучше обстоял вопрос о подготовке наших заводов для изготовки орудий.

Здесь ввиду быстрого усовершенствования современной техники хранимые запасы орудий быстро становились устарелыми,

[1] *Маниковский.* Указанное сочинение. Ч. III. С. 23.

и потому вопрос об оборудовании мощных заводов выдвигался на первое место.

Чтобы обрисовать, каково было положение в этом отношении, достаточно указать, что русское Военное ведомство имело в своем непосредственном распоряжении всего один орудийный завод — Петроградский. «Только в силу какого-то недоразумения это техническое заведение артиллерийского ведомства, — пишет генерал Маниковский[1], — получило громкое и совершенно недопустимое название — орудийного завода. По существу, это — даже после своего последнего расширения — просто крупная артиллерийская мастерская, работающая из рук других заводов, поставляющих для нее отливки и поковки, как не имеющей не только своего литейного цеха, но даже и мало-мальски приличной кузницы. Расположен он в одном из аристократических участков Петрограда, на углу Литейной и Сергиевской улиц, а потому не смог даже в своей скромной кузнице поставить сколько-нибудь сильный молот, от работы которого неизбежно получались бы — как результат постоянных сотрясений при ковке — повреждения соседних зданий.

Поэтому мало-мальски крупные поковки орудийный завод должен был получать от арсенала или других заводов.

Затем — величина занимаемой площади: она не достигает и 1000 кв. саженей. Какой же орудийный завод можно расположить на $^1/_2$ десятины? Понятно, что это мало было даже для скромной ремонтной мастерской, не говоря уже о том, что площади двора не хватало не только для надлежащей вместимости магазинов, складов и простых навесов (для ввозимых и вывозимых изделий, для хранения хотя бы небольших запасов угля и дров), но положительно нельзя было устроить даже скромную столярную и сушилку леса при ней.

Поэтому на дворе прямо негде повернуться — до того он был мал и постоянно загружен всякой кладью».

Главное артиллерийское управление неоднократно возбуждало вопрос о переносе Петроградского орудийного завода в другое, более подходящее место, с развитием его в мощный завод, со своей литейной и кузней. Но эти ходатайства, особенно настойчивые с 1905 года, успеха не имели вследствие отказа Министерства финансов и Государственного контроля[2].

---

[1] *Маниковский*. Указанное сочинение. Ч. III. С. 9 и 10.

[2] Там же. Ч. II. С. 99.

Кроме Петроградского орудийного завода, принадлежавшего Военному ведомству, в России имелись еще следующие казенные заводы: Пермский пушечный Горного ведомства и Обуховский сталелитейный и пушечный Морского ведомства.

Оценку степени подготовленности первого можно прочесть в «Сводке» Верховной следственной комиссии, назначенной 25 июня 1915 г. для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения военных снабжений армии[1]. Член этой Верховной следственной комиссии В. А. Бобринский, обследовавший Пермский пушечный завод, дает такую общую характеристику этого завода:

«Завод производит такое впечатление, что расширение его шло по мелочам, на маленькие средства, постепенно, путем пристроек, добавлений, основанных главным образом на возможно большей экономии. Во всем чувствуется, что заводу не давалась и не дается возможность развернуться и работать так, как это следовало бы заводу первейшей государственной важности»[2].

Резюмируя свой вывод по обследованию самой технической части Пермского завода, В. А. Бобринский пишет так:

«Из приведенного краткого очерка технического оборудования Пермского пушечного завода с очевидностью вытекает, что названный завод в техническом отношении далеко не отвечает требованиям, ныне предъявляемым к мощно оборудованным артиллерийским заводам европейского типа (Шнейдер, Армстронг, Виккерс, Шкода, Крупп). Оборудование названного завода Горного ведомства, представляясь по отдельным цехам и мастерским явно недостаточным, в целом оказывается совершенно бессистемным и случайным. Через это быстрый и равномерный рост производительности завода по всем цехам и отраслям его деятельности едва ли возможен, особенно в условиях военного времени, когда получение предметов технического оборудования связано с неимоверными подчас затруднениями»[3].

Обуховский сталелитейный и пушечный завод был приобретен в 1886 г. от частной компании Морским ведомством. Вследствие этого Обуховский завод и специализировался на работах,

[1] Там же. Ч. II. С. 100.

[2] Там же. С. 124.

[3] Цитировано у генерала Маниковского. Ч. II. С. 125.

потребных этому ведомству. Насколько второстепенное значение придавал этот завод потребностям сухопутного Военного ведомства, можно убедиться из следующего свидетельства генерала Маниковского[1]:

«Исполнение этим заводом заказов Военного ведомства в течение 15-летнего периода, то есть с 1900 года, может быть охарактеризовано следующим образом:

Все наши 10-дм. орудия и большая часть орудий Канэ изготовлены Обуховским заводом; заказ исполнен хорошо, *но с просрочкой до 4 лет против условленного срока.*

Привлеченный к работе по перевооружению полевой артиллерии скорострельными пушками Путиловского завода, Обуховский завод изготовил 1150 таких пушек, *но долгое время давал значительный процент брака и потому затянул приготовление на 3 лишних года*».

Мы не приводим дальнейшей характеристики генерала Маниковского; сделанной нами выписки достаточно, чтобы подтвердить утверждение, что Обуховский завод, имевший своим главным назначением обслуживание флота, мог уделить в своей работе нуждам сухопутной армии лишь второстепенное место.

Военное ведомство имело в своем непосредственном распоряжении еще «арсеналы»: Петроградский, Киевский и Брянский. Прямым назначением этих арсеналов являлось производство лафетов легкой артиллерии, зарядных ящиков, пулеметных станков, обозных повозок и конской амуниции. Во время войны все эти арсеналы были перегружены сверх всякой меры вышеперечисленными работами; и только в силу крайней необходимости они были привлечены во время войны к ремонту артиллерийских орудий (к перестволению).

На основании всего вышеизложенного нельзя не согласиться с выводом генерала Маниковского, что «невозможность скорого удовлетворения предъявленных во время войны требований *явилась результатом многолетнего запрещения денежных расходов на усиление нашей армии полевой артиллерией и на создание хотя бы одного независимого мощного орудийного завода, принадлежащего Военному ведомству*»[2].

---

[1] Ч. II. С. 115.

[2] Курсив генерала Маниковского. Ч. II. С. 114.

В таких трудных экономических условиях, в которых протекало развитие русской военной мощи, от высшего военного управления требовалась в сугубой степени планомерность всех мероприятий по устройству вооруженной силы. Необходимо было тщательно взвешивать не только каждое требование, предъявляемое жизнью, в отдельности, но и в тесной связи между собою. Нельзя было, например, тратить деньги для возвращения старых форм обмундирования и в то же время откладывать увеличение кадра сверхсрочных унтер-офицеров. Нельзя было ассигновать миллиард на постройку боевого флота и мириться с вопиющей нехваткой артиллерийских средств сухопутной армии и отказываться от развития нашего железнодорожного транспорта.

Но, как мы уже говорили в первой главе, наше высшее управление в период, предшествовавший мировой войне, носило характер безыдейности и полной бессистемности.

Неудачная для России война с Японией выяснила крайне серьезные недочеты в организации подготовки и снабжения Русской армии; стало ясно, что для борьбы на Западном фронте мы были совершенно не подготовлены.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

Сейчас же после окончания войны в Военном министерстве, во главе которого стал генерал Редигер, было составлено различными лицами и управлениями несколько записок о необходимых реформах в армии в отношении ее подготовки, организации, комплектования, прохождения службы и снабжения. Из этих записок три были составлены особенно полно и послужили для выработки плана работы по улучшению готовности армии к большой европейской войне:

а) Записка, составленная по указанию самого генерал Редигера.

б) Записка, составленная в Главном управлении Генерального штаба по указаниям начальника Генерального штаба — генерала Палицына.

в) Записка, составленная в Главном штабе по указаниям начальника этого штаба генерала Эверта.

Для согласования расхождений в этих записках, составленных в высших административных учреждениях, и для выработки окон-

чательного плана работы по реорганизации армии и подготовке ее к войне составленные записки были посланы на заключение командующим войсками в округах и с этими заключениями по Высочайшему повелению были переданы на рассмотрение в образованный под председательством Великого князя Николая Николаевича Совет государственной обороны.

В этих записках было уделено много внимания вопросу постановки снабжения армии.

С появлением у власти генерала Сухомлинова эта работа прекратилась, и в результате *общего плана составлено не было.*

«Это, конечно, отразилось на планомерности всей работы по подготовке к войне, произведенной в период между окончанием войны с Японией и начавшейся в 1914 г. войной с центральными державами, — пишет один из ближайших сотрудников генерала Сухомлинова генерал Лукомский[1]. — Многого, что первоначально намечалось, в жизнь проведено не было; многое, когда прошел острый период впечатлений от неудач прошедшей войны, заслонилось текущими работами и текущей жизнью и если не совсем забылось, то под влиянием новых руководителей главными отделами Военного министерства, часто объяснявшими неудачи войны с Японией не недостатками устройства армии, ее подготовки и снабжения, а главным образом ошибками командного состава, перестало быть существенным, требующим изменения».

Свидетельство генерала Лукомского тем более ценно для истории, что, являясь ближайшим сотрудником генерала Сухомлинова, он очень снисходителен к деятельности последнего.

«Казалось бы, — пишет далее генерал Лукомский[2], — что при правильно выработанных нормах снабжения и при заблаговременном выяснении, что и в каком размере может быть получено заготовками и заказами внутри страны, можно было бы точно определить обеспеченность снабжения армии в случае затяжной

---

[1] Генерал Лукомский до 1914 г. занимал должность помощника начальника Канцелярии Военного министерства; с объявлением войны был сначала назначен начальником Канцелярии Военного министерства, а затем помощником военного министра. Приведенная и последующие выдержки взяты из «Сборника записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну», литографированное издание Финансового агентства в США. Экземпляр № 8 этих «Записок» хранится в архиве генерала Головина. Приведенная выдержка относится к с. 11.

[2] С. 12 вышеупомянутых «Записок».

войны, принять заблаговременно меры для усиления того или иного отечественного производства и составить предположения о заготовке недостающего на тех или иных заграничных рынках.

Но такого *общего плана*[1] снабжения составлено не было, и, как впоследствии, во время европейской войны, выяснилось, сами нормы снабжения оказались совершенно не отвечающими тем требованиям, которые были предъявлены действующей армией во время войны.

Произошло это в значительной степени от неправильной и слишком сложной организации военно-административного аппарата, долженствовавшего ведать этими вопросами, и от неправильных взаимоотношений между довольствующими управлениями и теми органами Военного министерства, которые должны были влиять на подготовку армии к войне во всех отношениях...»

«Если бы военный министр оказался гением, — пишет далее генерал Лукомский, — то, может быть, он справился бы с делом хорошо, несмотря на недочеты в организации Военного министерства. Но гения не оказалось, а последними до войны военными министрами были, одни более, другие менее, добросовестные, но обыкновенные, хотя и хорошие работники. Может быть, худшим из них, не по своим способностям, а потому, что он по свойствам своего характера не подходил к этой роли, был последний до войны военный министр — генерал Сухомлинов».

В результате, по заявлению[2] генерала Лукомского:

«а) армия не была снабжена тяжелой артиллерией, которая должна была быть создана по Большой Программе;

б) воздухоплавательных машин было такое ничтожное число, что правильнее считать, что их почти не было;

в) воздухоплавательные парки для наблюдения с привязных шаров и змейковых аппаратов были оборудованы слабо, и число самих аппаратов было совершенно недостаточно;

г) броневых автомобилей почти не было; легковых для службы связи и грузовых для транспортных нужд было совершенно недостаточное количество;

д) запас снарядов для полевой артиллерии не только не был доведен до новой нормы (1500 выстрелов на орудие), но не были в наличности полностью и старые нормы».

---

[1] Подчеркнуто генералом Лукомским.

[2] Тот же «Сборник записок». С. 22.

В действительности, как мы уже знаем из всего изложенного в этой главе, положение было еще более мрачное.

Крайне характерно высказанное генералом Лукомским предположение, что «если б военный министр оказался гением, то, может быть, он справился бы с делом хорошо, несмотря на недочеты организации Военного министерства». *Во-первых* — самая эта организация и составляла главную задачу военного министра; *во-вторых* — ожидание «гения» равносильно ожиданию «чуда»; оно соответствует младенческому уровню государственного понимания. Наука изгнала из круга своего понимания вмешательство «чуда». Приходится еще раз упомянуть о «социальном подборе»; в больном обществе так же, как и в больном организме, подбор идет не в направлении, соответствующем прогрессу развития общества.

ОТСУТСТВИЕ ПРОЧНОЙ ВЕРЫ В ВОЕННУЮ НАУКУ

Но, кроме чисто специфических условий, создавшихся в России вследствие запоздалого освобождения крестьян, имелась еще одна данная, которая затрудняла устранение хаоса в высшем военном управлении. Устранению последнего содействует «научная организация» работы. Но «научная организация» требует не только отдельных выдающихся представителей науки — она требует также достаточно высокого уровня социальной среды. Без этого мысли выдающихся ученых уподобляются колесам, не сцепленным с остальным сложным механизмом. Они могут вертеться, но вся их работа для данного механизма происходит впустую. Интеллигентный слой России, как мы видели, представлял собой лишь очень тонкую пленку на малокультурной, темной массе. Да и прочность самой культуры в этом тонком слое, измеряющемся числом поколений, в течение которого культура воздействовала на этот слой, была незначительна. Русская интеллигенция насчитывала со времен Петра не более 9 поколений. Поэтому и в самом образованном слое русского населения вера в науку и в необходимость ее для всякой организации, особенно в сложных областях государственной жизни, была чрезвычайно слаба. Русские выдающиеся ученые в большой мере уподоблялись ведущим колесам, расцепившимся с механизмом.

Для того чтобы иллюстрировать нашу мысль, мы приведем пример, взятый в узкой сфере артиллерийского вооружения. Общеизвестная немецкая фирма Круппа издала к своему столетию сборник[1]. В этой книге рассказывается о трудностях выполнения первого прусского заказа на орудия крупного калибра и о помощи, которую фирма Круппа получила в лице русских ученых-артиллеристов — в теории и на практике. Свои опытные стрельбы Крупп производил на Охтенском полигоне, и наши светила по баллистике и порохам направляли его шаги. Прусское правительство грозило отнять и передать Армстронгу заказ на орудия крупного калибра, с которым Крупп бессилен был справиться, а Крупп, ссылаясь на успехи, достигнутые при русской помощи, просил задержать окончательное решение на один год. Сдав русским заказ на береговые пушки в 1876 г., Крупп стал на ноги и блестяще выдержал экзамен — в виде поставленного ему прусским Военным ведомством требования конкуренции с образцами Армстронга. Это один из многочисленных образцов того, как бесплодная на родине русская научная и техническая мысль могла дать великолепные всходы на более питательной почве.

В области самой организации наука прививается гораздо позже, чем в какой-либо другой области. Школа Тейлора могла появиться только после того, как индустриальный уровень Северо-Американских Соединенных Штатов поднялся высоко. В еще более сложной организации — организации современной вооруженной силы — возможность широкого приложения науки требует еще большего количества благоприятных предпосылок. Этим и объясняется, что русская военная наука, насчитывавшая в своих рядах многих выдающихся ученых, тоже часто уподоблялась ведущему колесу без сцепления. Наглядным примером может служить участь такого выдающегося военного ученого и государственного деятеля, как граф Милютин[2], творец военных реформ эпохи императора Александра II. Вынужденный уйти с поста военного министра в самом начале царствования импера-

[1] *Krupp*. 1812—1912. Zum 100-Jährigen Bestehen der Firma Krupp und der Gusstahlfabrik zu Essen-Runk. 1912.

[2] Граф Милютин был профессором Николаевской военной академии Генерального штаба. За свою научную работу по истории Итальянской кампании Суворова граф Милютин был избран одним из русских университетов доктором истории.

ра Александра III, он был отстранен от каких бы то ни было дел. Проживая в Крыму, он мог посвятить силу своего ума и опыта лишь писанию своих мемуаров.

Не менее поучителен случай с другим «ученым» военным министром, а именно — с генералом Редигером. Его научный труд «Комплектование и устройство вооруженной силы» не только был признан выдающимся Военной академией, но высшее ученое учреждение Российской империи, а именно — Императорская Академия наук, присудило второму изданию его книги полную «Макарьевскую премию». Неудача японской войны создает обстановку, в которой он выдвигается на пост военного министра, получая, таким образом, возможность приложить на практике научные выводы, сделанные в его труде. Но общий, неблагоприятный для практического использования науки тон нашей жизни быстро прекращает эту случайную возможность.

Когда нет веры в науку, остается только вера в чудо, в появление гения. Гений, конечно, не пришел, и трудные условия, в которых развивалась вооруженная сила России, оказались неучтенными. Русская вооруженная сила, которая, как мы видели выше, должна была бы быть самой «дорогой», продолжала оставаться самой «дешевой». Это достигалось сильным понижением ее действительной боеспособности.

Глава четвертая

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

Призывы. — Распределение призывов по возрастам. — Территориальное распределение тяготы призывов. — «Мираж» многолюдья. — Пополнение Действующей армии ратниками II разряда. — Речь члена Государственной думы А. И. Шингарева. — Доклад Особого совещания о приближающемся исчерпании людского запаса. — Письмо военного министра генерала Шуваева. — Революция. — Освобожденные от призыва. — Добавочная «живая сила» в лице взятых нами пленных.

ПРИЗЫВЫ

Установление числа призванных в Русскую армию за время мировой войны людей мы начинаем с определения численности вооруженной силы России до объявления общей мобилизации:

1 423 000

Это число указано в таблице № 2 книги «Россия в мировой войне (в цифрах)», изданной в Москве в 1925 г. Центральным статистическим управлением (Отделом военной статистики). Упоминаемая таблица составлена по материалам бывшего Военного министерства.

Подтверждение этой цифры (1 423 000) мы можем найти в донесении британского военного агента генерала Нокса[1] от 1 ноября

[1] Донесения генерала Нокса, который во время войны имел возможность получать справки из всех штабов Действующей армии и всех отделов Военного министерства, отличаются большой точностью. Поэтому как исторический материал они представляют большую ценность.

1917 г. Это донесение хранится в Архиве Британского военного министерства. Оно составлено по данным, полученным в свое время генералом Ноксом от Мобилизационного отдела Русского Главного управления Генерального штаба.

В 1-й части книги генерала Маниковского на странице 27 указана иная цифра. «Списочная численность наших регулярных войск, — пишет генерал Маниковский, — согласно отчета военного министра о деятельности Военного министерства в 1914 г., была к началу войны около 1 232 738 человек».

Из этих строк неясно, включены ли в эту цифру казаки. В нее не включен также личный состав флота. Вот почему мы и считаем более правильным приведенное выше число в 1 423 000. Это число повторяется еще в одном документе, с которым автору пришлось лично ознакомиться в октябре 1917 г., когда он был назначен Временным правительством на замену генералу Алексееву в качестве главного представителя России на Конференцию Верховного союзного командования, назначенную в ноябре месяце в Версале. Готовясь к этой командировке, ему пришлось внимательно изучать все документы Ставки. На основании этих документов автором тоже была установлена цифра 1 423 000 для определения численности русской вооруженной силы накануне общей мобилизации.

Численность призванных при мобилизациях запасных чинов определяется в вышедшей в 1923 г. в Петрограде советской книге «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.» так[1]:

Сроки мобилизации	
17/30 июля 1914 г.	запасные чины
2 500 000	
15/28 сент. 1914 г.	запасные чины
100 000	
	в Приамурском и Казанском военных округах
18/31 июля — 26 авг.	нижние чины запаса флота
43 000	
(8 сент.) 1914 г.	

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 125, 126.

Статья, в которой приведены эти цифры, озаглавлена «Численность Русской армии в войну 1914—18 гг.» и принадлежит перу некоего Л. Н. Сазонова. В этой статье, как и в других статьях упоминаемой книги, встречается много ценного цифрового материала. Но некомпетентность Л. Н. Сазонова в данном случае бросается сейчас же в глаза. Прежде всего «первым» днем русской общей мобилизации является не 17(30) июля 1914 г., как он помечает в своей таблице, а 18 (31) июля 1914 г.

Установленный Л. Н. Сазоновым итог мобилизованных запасных в 2 643 000 внушает большие сомнения.

Интереснее всего то, что на странице, предшествующей (124) составленной Л. Н. Сазоновым таблице, им же приводится цитата из служившей основанием его таблицы записки министра внутренних дел; в этой цитате говорится:

«С начала войны, при общей мобилизации и при дополнительных призывных нижних чинов запаса армии и флота, поступило их на военную службу всего около 2 630 000 человек и казаков 360 000 человек...»

Таким образом, мы видим, что Л.Н. Сазонов упустил при составлении своей таблицы ни более ни менее, как 360 000 казаков. Просчитав их, мы получим общий итог призванных запасных нижних чинов, равный 2 990 000, т.е. в 3 миллиона.

Но к этому числу следует еще прибавить число призванных из запаса офицеров, врачей и классных чинов.

Вот почему мы считаем, что нужно признать несравненно более верной цифрой ту, которая приведена в таблице № 2 книги «Россия в мировой войне 1914—18 гг.», а также в упоминаемом выше донесении генерала Нокса, а именно:

3 115 000 человек.

Генерал-майор Добророльский, бывший в 1914 г. начальником Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, поместил в «Русском военном сборнике»[1], издающемся в Белграде, статью под заглавием «О мобилизации Русской армии в 1914 году». В этой статье генерал Добророльский указывает, что наш «запас» достигал 3 500 000 человек. Но, по-видимому, он считает в категории «запасных» и тех ратников, которые были по

[1] № 2.

истечении 39-летнего возраста перечислены в ополчение I разряда.

Еще более сложным представляется установить численность призванных ратников ополчения, так как призывы их делались разновременно и раздельно для разных частей России.

Ратники ополчения I разряда, перечисленные из запаса, т.е. лица в возрасте 40—43 лет (класса 1895—1892 гг.), отбывшие в свое время действительную военную службу, были призваны уже на 5-й день общей мобилизации, 22 июля (4 августа) 1914 г.

Общая численность их равнялась 400 000. Эта цифра указана в упомянутых выше обоих советских изданиях[1] и в донесении генерала Нокса.

Одновременно с этими пожилыми людьми были призваны в Европейской России также часть ратников I разряда 4-х младших классов (классы 1913—1910 гг., возраста 22—25 лет). Число этих призванных 22 июля (4 августа) 1914 г. ратников I разряда тоже равняется 400 000 человек.

Затем в течение первого года войны, т.е. до 19 июля/1 августа 1915 г., согласно представления военного министра от 21 июля/3 августа 1915 г.[2] в Государственную думу и Государственный совет, призвано было:

Ратников I разряда	1 580 000

Эти полтора миллиона ратников I разряда были призваны в Европейской России:

22 сентября/4 октября 1914 г.	
классы 1913—1909 (возраст 22—26 лет)	300 000
12/25 ноября и 20 ноября/3 декабря 1914 г.	
классы 1913—1903 (возраст 22—32 лет)	200 000
2/15 января 1915 г.	
классы 1914—1902 (возраст 22—34 лет)	480 000
1/14 апреля 1915 г.	
классы 1915—1900 гг. (возраст 21—36 лет)	600 000
	1 580 000

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 125; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). (Издание Центрального статистического управления.) С. 17,18.

[2] № 2218 по Главному управлению Генерального штаба.

Согласно ст. 1752 Сборника узаконений 15/28 августа 1915 г. были призваны в Европейской России ратники I разряда классов 1916—1898 гг. (возраст 20—38 лет). Это дало 300000

В этот же день были также подняты ратники I разряда в Сибири и Туркестане — классы 1916—1898 гг. (возраст 20—38 лет) и на Кавказе — классы 1916—1910 гг. (возраст 20—26 лет). Это дало[1] ..... * 50 000

5/18 сентября 1915 г. начался призыв ратников ополчения II разряда. В этот день были подняты в Европейской России и в Сибири классы: 1916—1912 гг. ратников II разряда (возраст 20—24 лет). Это дало..... ** 90 0000

15/28 сентября 1915 г. призваны были:

а) ратники I разряда в Приамурском генерал-губернаторстве, классы 1916—1898 гг. (возраст 20—38 лет)..... ** 25 000

б) ратники II разряда в Приамурском генерал-губернаторстве, классы 1916—1912 гг. (возраст 20—24 года)..... ** 25 000

15/28 октября 1915 г. на Кавказе были призваны ратники I разряда, принадлежавшие к классам 1909—1906 гг. (возраст 27—30 лет) ..... * 30 000

30 октября/12 ноября 1915 г. в Европейской России и в Сибири были призваны ратники II разряда классов 1911—1910 гг., возраст 25 и 26 лет ..... * 400 000

В течение всего 1916 г., согласно отчету о деятельности Военного министерства за этот год, призвано было ратников в количестве 2 040 000 человек[2].

Распределение этих двух миллионов ратников по призывам можно предположить таким:

1(14) февраля 1916 г.:

а) ратники I разряда на Кавказе,

классов 1905—1903 гг. (возраст 32—35 лет) 25 000

---

[1] Цифры, помеченные знаком «*», помещены в таблице № 2 издания Центрального статистического управления «Россия в мировой войне (в цифрах)»; помеченные знаком «**» — там же и на с. 125 «Трудов Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.».

[2] Краткий отчет о деятельности Военного министерства за 1916 г. С. 12.

б) ратники II разряда в Европейской России и Сибири, классы 1909—1908 гг. (возраст 28—29 лет) 300 000

25 марта (7 апреля) 1916 г.:

а) ратники I разряда в Европейской России и Сибири, классов 1916—1897 гг. (возраст 21—40 лет) 105 000

б) ратники II разряда в Европейской России и Сибири, классы 1907 и 1906 гг. (возраст 30—31 год) ..... * 300 000

25 августа (7 сентября) 1916 г.:

а) ратники I разряда на Кавказе, классы 1902—1898 гг. (возраст 35—39 лет) 40 000

б) Ратники II разряда (за исключением Кавказа), классы 1905—1903 гг. (возраст 32—34 года) ..... * 360 000

в) ратники II разряда на Кавказе, классы 1916—1910 гг. (возраст 21—27 лет) ..... * 50 000

20 сентября (2 октября) 1916 г.:

а) ратники I разряда в Европейской России и Сибири, классы 1896—1894 гг. (возраст 40, 41 и 42 года) ..... * 150 000

б) ратники II разряда (за исключением Кавказа), классы 1902—1900 гг. (возраст 35—37 лет) ..... ** 360 000

25 октября (7 ноября) 1916 г.:

ратники II разряда (за исключением Кавказа), классы 1899—1896 гг. (возраст 38—41 год) ..... ** 350 000

2 040 000

В январе 1917 г. были призваны на Кавказе ратники II разряда, классы 1909—1906 гг. (возраст 29—32 года) 30 000

Революция, вспыхнувшая в начале марта 1917 г., прекратила дальнейшие призывы ополчения.

Таким образом, мы получаем в итоге следующую численность призванных ратников ополчения:

I разряда перечисленных из запаса 400 000
не проходивших действительной
военной службы 2 705 000
II разряда 3 075 000

6 180 000

С самого же начала войны выяснилась необходимость досрочного призыва новобранцев. Мы упоминали уже в первой главе нашего труда, что наше законодательство не предвидело в полной мере этой необходимости. Пришлось в течение войны расширить права Военного министерства в этом отношении.

В классах 1914, 1915 и 1916 гг. лица, пользовавшиеся правами ратников ополчения, мобилизовались отдельно, но, начиная с класса 1917 года, этого различия не делалось, что сразу дало большое увеличение в контингенте новобранцев.

Класс 1914 г. был призван 1/14 октября 1914 г. (возраст 21 год) и дал 715 389 (Собрание узаконений, ст. 1217).

Класс 1915 г. был призван 15/28 января 1915 г. (возраст 21 год) и дал 673 335 (Собрание узаконений, ст. 3529).

Класс 1916 г. был призван 15/28 мая 1915 г. (возраст 20 лет) и дал 632 000 (Собрание узаконений, ст. 754).

Класс 1917 г. был призван 7/20 августа 1915 г. (возраст 19 лет) и дал 932 022 (Собрание узаконений, ст. 1597).

Класс 1918 г. был призван 15/28 мая 1916 г. (возраст 19 лет) и дал 908 000 (Отчет военного министра за 1916 г.).

Класс 1919 г. был призван 3/16 февраля 1917 г. (возраст 19 лет). Установить для него точную численность нам не удалось. В издании советского Центрального статистического управления и в донесении генерала Нокса приведена одна и та же цифра .....609 000.

Мы считаем ее меньше действительной, хотя несомненно, что вспыхнувшая в начале марта революция и создавшийся вследствие этого хаос способствовали значительному уклонению новобранцев от призыва.

В итоге в течение войны было поднято новобранцев:

4 460 000

Наконец, в течение войны было произведено переосвидетельствование забракованных белобилетников, запасных и ратников класса 1916—1910 гг., что позволило призвать еще

** 200 000[1]

Сводя все вышеприведенные данные, мы получим следующую таблицу:

---

[1] Отчет военного министра за 1916 г. указывает, что в отчетный год (1916) было привлечено на пополнение армии переосвидетельствованных 100 000 белобилетников.

Численность людей,
призванных в Русскую армию во время мировой войны[1]

	Состояло в армии до мобилизации, тыс.	Чины запаса, тыс.	Ратники I разряда		Ратники ополчения II разряда	Новобранцы	Белобилетники	Итого
			Перечисленные из запаса	Не проходившие д. в. службы				
1	2	4	5	6	7	8	9	10
1914 г.								
Состояло в армии до мобилизации	1423	—	—	—	—	—	—	1423
Призывы								
18 июля	—	3135	—	—	—	—	—	3115
22 июля	—	—	400	400	—	—	—	800
22 сентября	—	—	—	300	—	—	—	300
1 октября	—	—	—	—	—	715	—	715
12—20 ноября	—	—	—	200	—	—	—	200
Итого в 1914 г.	1423	3115	400	900	—	715	—	6553
1915 г.								
2 января	—	—	—	480	—	—	—	480
15 января	—	—	—	—	—	673	—	673
1 апреля	—	—	—	600	—	—	—	600
15 мая	—	—	—	—	—	632	—	632
7 августа	—	—	—	—	—	932	—	932
15 августа	—	—	—	350	—	—	—	350
5 сентября	—	—	—	—	900	—	—	900
15 сентября	—	—	—	25	25	—	—	50

[1] Даты в таблице по старому стилю.

1	2	4	5	6	7	8	9	10
15 октября	—	—	—	30	—	—	—	30
30 октября	—	—	—	—	400	—	—	400
Итого в 1915 г.	—	—	—	1485	1325	2237	—	5047
1916 г.								
В январе	—	—	—	—	—	—	100	100
1 февраля	—	—	—	25	300	—	—	325
25 марта	—	—	—	105	300	—	—	405
15 мая	—	—	—	—	—	908	—	908
25 августа	—	—	—	40	410	—	—	450
20 сентября	—	—	—	150	360	—	—	510
25 октября	—	—	—	—	350	—	—	350
Итого в 1916 г.	—	—	—	320	1720	908	100	3048
1917 г.								
10 января	—	—	—	—	30	—	—	30
7 февраля	—	—	—	—	—	600	—	600
В течение года	—	—	—	—	—	—	100	100
Итого в 1917 г.	—	—	—	—	30	600	100	730
ОБЩИЕ ИТОГИ								
К 31 дек. 1914 г.	1423	3115	400	900	—	715	—	6553
К 31 дек. 1915 г.	1423	3115	400	2385	1325	2952	—	11 600
К 31 дек. 1916 г.	1423	3115	400	2705	3045	3860	100	14 648
К 1 окт. 1917 г.	1423	3115	400	2705	3075	4460	200	15 378

Таким образом, по нашему подсчету, за всю войну было мобилизовано около *15½ миллиона человек.*

В «Трудах комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.» на странице 125 общая численность призванных в армию людей исчисляется в 15 миллионов.

В издании же Центрального статистического управления «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.» на страницах 17 и 18 эта численность указана равной 15 123 тысячам[1].

[1] В донесении генерала Нокса эта численность определяется в 15 150 тысяч человек.

Мы настаиваем, что наша цифра (15 378 тысяч) ближе подходит к действительности. Подтверждение этому можно найти при изучении ряда других документов.

В ноябре месяце 1916 г. Государю была подана всеподданнейшая записка 28 членов Государственной думы и Государственного совета, бывших участниками Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

В этой записке общее число призванных в армию к ноябрю 1916 года считается достигающим $14^1/_2$ миллиона. Согласно составленной нами таблицы, это число к 31 декабря 1916 г. равняется 14 648 000; в ноябре и декабре не было призывов, поэтому можно констатировать близкое совпадение обеих цифр.

4/17 сентября 1917 г. последний военный министр Временного правительства генерал Верховский пишет письмо временно исполнявшему обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексееву, в котором указывается, что число людей, взятых из населения, превосходит 15 миллионов. Если принять во внимание, что к этому времени, согласно постановлению[1] Временного правительства, было уволено от военной службы 350 000 солдат, достигших 43-летнего возраста, и прибавить это число к 15 миллионам, указанным в сентябре 1917 г. Верховским, мы получим 15 350 тысяч. Опять можно констатировать совпадение с нашими исчислениями.

Интересный материал для проверки числа призванных в армию людей представляют собою данные об обеспечении правительственным пайком семей мобилизованных. Эти данные можно найти в издании Центрального статистического управления «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)», в таблице 41[2] только что указанного труда, составленной на основании материалов Министерства внутренних дел, приведены по третям года сведения о количестве выдаваемых пайков, а также о числе мобилизованных. В нижеследующей таблице мы приводим эти данные, сопоставляя их с численностью призванных, согласно исчислению нашей вышеприведенной таблицы.

[1] От 1 апреля 1917 г.; см.: Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 19.

[2] См. также примечание к таблице 40, приведенное на с. 15.

Сравнение устанавливаемой нами численности мобилизованных людей с данными Министерства внутренних дел, выведенными на основании выдаваемых правительством пайков

	По данным Министерства внутренних дел, тыс.		Установленное нами выше число мобилизованных, тыс.
	Число выдаваемых пайков	Число мобилизованных людей	
1	2	3	4
К 1 января 1915 г.	10 000	6520	6553
1915 г.			
К 1 марта	11 300	7700	7706
К 1 июня	12 300	8850	8938
К 1 сентября	15 800	11 200	11 220
К 1 декабря	15 300	11 470	11 600
1916 г.			
К 1 марта	19 300	11 790	11 925
К 1 июня	20 900	12 940	13 238
К 1 сентября	22 300	13 400	13 688
К 1 декабря	25 000	14 420	14 648
1917 г.			
К 1 марта	26 700	15 030	15 278
К 1 июня	33 100	14 070 (?)	
К 1 сентября	36 600	14 300 (?)	15 378

Сравнивая 2-й и 3-й столбцы таблицы, мы увидим, за исключением нижних двух цифр, близкое совпадение. Относительно же последних двух цифр во втором столбце нельзя не предположить, что здесь вкралась какая-то ошибка; между 1 марта и 1 июня 1917 г. число наших мобилизованных никак не могло уменьшиться на 1 миллион. Не вкралась ли здесь простая опечатка и вместо 15 миллионов было напечатано 14 миллионов? При той небреж-

ности, с которой в советских изданиях обращаются с цифрами, это вполне возможно[1].

В октябре месяце 1917 г., когда автор готовился к поездке на указанную выше Конференцию Верховного командования, по его просьбе в Ставке был произведен подсчет людской силы, взятой из населения в армию за всю войну. Цифра, записанная автором, достигала 15 800 000. Таким образом, принятая нами округленная цифра в 15 $^1/_2$ миллиона не является преувеличенной.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗЫВОВ ПО ВОЗРАСТАМ

Обратимся к рассмотрению, как распределялись сроки призывов по возрастам (классам). В приводимой ниже схеме № 5 указаны сроки призыва различных категорий нашей людской силы. Из этой схемы легко убедиться, насколько неравномерно ложилось бремя воинской службы на возрастные слои населения России.

В самом деле, 43-летний ратник ополчения (класса 1892 года), перечисленный из запаса, призывается в июле же 1914 года. В течение первых трех месяцев войны из прочих ратников ополчения призываются только ратники I разряда не старше 26 лет. В следующие три месяца войны мобилизуются тоже только ратники I разряда. Еще более различия в требованиях государства к своим гражданам обнаружим, если мы включим в наше сравнение и ратников ополчения II разряда. Их призыв начался только на второй год войны, после нашего отступления из Галиции, Польши и Литвы, и только тогда, когда почти весь контингент ратников I разряда был исчерпан (были уже призваны 38-летние).

Таким образом, нам приходится еще раз констатировать тот факт, что наш закон делил население на три категории: 1) прошедших действительную военную службу, 2) ратников I разряда и 3) ратников II разряда, предъявляя к каждой из них весьма различные требования. Причем это громадное различие в требованиях закона, как мы указывали в первой главе нашего труда, определялось, по существу говоря, совершенно случайными условиями, так как положение семьи мобилизуемого во внимание не принималось.

---

[1] Как на пример подобной небрежности, мы можем указать на таблицу № 5, напечатанную на странице 211 выпуска I «Трудов Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.»: четыре итога из двенадцати неверно подсчитаны.

Различия в требованиях государства значительно увеличивались еще тем, что в мобилизациях ратников ополчения одного и того же возрастного класса, производимых в различных районах России, существовала большая разница во времени. Последняя сказывалась не только между Европейской Россией, Кавказом и Азиатской Россией, но и между губерниями самой Европейской России. Отсутствие учета ратников ополчения в мирное время[1] вносило еще большую пестроту в общую картину мобилизации.

Отсутствие материалов не позволяет нам представить точную картину возрастного состава армии в различные периоды войны.

Для всего состава $15^1/_2$ миллиона, призванных в войска за время всей войны, на основании приведенных нами выше данных можно установить распределение по возрастам, указанное в нижеследующей таблице.

Распределение по возрасту $15^1/_2$ миллиона призванных

Возраст	Численность	%
моложе 20 лет	2 500 000	16 %
20—29 лет	7 600 000	49 %
30—39 лет	4 600 000	30 %
40 лет и старше	800 000	5 %

Принимая во внимание, что законоположения о всеобщей воинской повинности распространялись в 1917 г. на 150 000 000 населения, что моложе 20 лет военноспособным следует считать 18- и 19-летний возраст, а что старше 40 лет были призваны лишь 41-, 42-, 43-летние, мы получим следующее процентное отношение призванных к общей численности мужчин соответствующей возрастной группы.

Какой % в каждой возрастной группе мужчин был призван в войска

Возрастная группа	% призванных
Моложе 20 лет (18 и 19 лет)	ок. 40 %
20—29 лет	ок. 50 %

[1] Кроме 4 младших возрастов ополчения I разряда и ратников, перечисленных из запаса.

30—39 лет	ок. 40 %
40 лет и старше (40, 41, 42 и 43 лет)	ок. 30 %

Из вышеприведенных двух таблиц можно уже видеть, что правильного использования возрастов не было; люди, если можно так выразиться, самого боевого возраста, 20—29 лет, составляют лишь 49 % из общего числа призванных и 50 % своей возрастной группы. Это приводило к необходимости призвать старшие возрасты. Между тем, как мы уже выше говорили, Россия могла иметь самую молодую армию.

Если бы нам удалось установить возрастной состав призванных по периодам войны, то неправильность использования возрастов должна была бы явиться в первые периоды ярче, чем в приведенных нами цифрах, относящихся ко всей войне.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯГОТЫ ПРИЗЫВОВ

Отсутствие должной предусмотрительности нашего законодательства о всеобщей воинской службе, а также недостаточно продуманная организация этого важного государственного вопроса приводили также к неравномерности напряжения людьми для различных территорий России. Опять мы не можем дать полную картину этой пестроты результатов призывов людей под знамена. Но для того чтобы дать хотя бы общее представление, мы предлагаем вниманию читателя схему № 6[1]. В ней на основании данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. мы нанесли, какой процент трудоспособных мужчин был мобилизован в большинстве губерний Европейской России. Из этой схемы мы увидим, что напряжение людьми было весьма различно для различных губерний Европейской России. Оно колеблется от 34,2 % для Екатеринославской губернии и до 53,3 % для Курской. Малый процент для Екатеринославской губернии может быть объяснен наличностью большого числа горнорабочих и рабочих металлургических заводов. Количеством фабрично-заводских рабочих может быть объяснен сравнительно низкий процент мобилизованных в гу-

[1] Цифровой материал заимствован из издания Центр. статист. управления «Россия в мировой войне», таблица 6; эта таблица воспроизведена в приложении № 1 к этой главе.

берниях Петроградской (39,7 %) и Пермской (36,8 %), но одна эта причина не дает исчерпывающего объяснения. Различие в напряжении людьми для разных местностей еще более возрастет, если мы возьмем всю территорию России. Тогда минимум опустится до нуля (Финляндия) и максимум возрастет до 60 % (для Акмолинской области).

Изучение схемы позволяет прийти к заключению, что русское крестьянство несло не только абсолютно, но и относительно большее напряжение людьми, чем другие классы населения.

К такому же выводу мы придем, если рассмотрим процентное распределение количества пайков и размера продовольственных пособий, выдаваемых по закону 25 июня 1912 г. семействам мобилизованных запасных чинов и ратников ополчения[1]. Средние для всей войны проценты выражаются в следующих цифрах:

	Выдано в сельских местностях	Выдано в городах
Из общего количества пайков	91,5	8,5
Из общей суммы продовольственного пособия	91,8	8,2

В 1914—1917 гг. доля городского населения России составляла около 15 %. Даже приняв во внимание большую среднюю величину семей сельского населения по сравнению с городским, все-таки мы получим как вывод, что сельское население жертвовало кровь своих сынов в большей мере, чем городское.

На схеме № 7 указана кривая для доли выданных в городе пайков и пособий. Из обеих кривых мы увидим, что 1 июня 1915 г. оба процента повышаются. Это совпадает с исчерпанием всего контингента запасных чинов и ратников I разряда, а также с тремя досрочными призывами новобранцев. Правительство приняло ряд мер для борьбы со злом «амбюскирования» среди городского населения. После 1 июня 1915 г. рассматриваемые нами проценты имеют тенденцию уменьшаться. По-видимому, это можно объяснить тем, что усиление заводской и фабричной деятельности для изготовления потребных армии снабжений потребовало дополнительных

[1] Данные эти приведены в таблице № 42 книги «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)».

рабочих рук и их в первую очередь дало городское население. К сентябрю месяцу 1916 г. исчерпывается и запас ратников II разряда, и было произведено еще два досрочных призыва новобранцев. Правительство вновь приняло энергичные меры по проверке лиц, освобожденных от призыва в войска.

К началу Февральской (мартовской) революции рассматриваемые нами проценты резко падают. Городское население острее переживает первые судороги народного бунта. Падение правительственной власти облегчает уклонение от призыва. После первого приступа революции оба процента начинают повышаться, но уже не достигают больше уровня начала войны.

«МИРАЖ» МНОГОЛЮДЬЯ

Во второй главе нашего труда мы указали, что всякое отвлечение рабочих рук было для России более чувствительным, чем для западноевропейских государств, стоящих на высшем культурном уровне. Цифры, приведенные в сельскохозяйственной переписи 1917 г., в этом отношении очень показательны. Согласно этим цифрам, относящимся к подавляющей массе населения России, в армию было взято 47,4 % трудящихся мужчин, участвующих в производственном процессе, т.е. около половины. Между тем $15^1/_2$ миллиона мобилизованных составляли по отношению к общей численности населения (167 миллионов) всего 9,3 %, а если при исчислении этого процента исключить инородцев и население местностей, освобожденных законом от воинской повинности, то получим его равным 10 %.

Для Франции, Великобритании и Германии исчерпание половины населения, участвующего в производственной работе, наступило только тогда, когда процент призванных в войска достиг 18—20 % от общей численности населения.

Но меньшая способность России к напряжению «людьми» не была принята во внимание ни нашими союзниками, ни нами самими.

Общественное мнение наших союзников с особой надеждой взирало на многолюдье России, видя в этом главный козырь для победы над Германией. Британская печать очень любила уподоблять роль России паровому катку «steam roller».

В этом легко убедиться, просмотрев статьи военных корреспондентов английской «Times». Считалось, что Германия не в состоянии будет устоять перед тяжестью этого воображаемого «steam roller», надвигающегося с востока, и, таким образом, ожидалось, что путь к победе будет «укатан» неисчерпаемостью запаса людей России.

Военное министерство генерала Сухомлинова недалеко ушло от этой обывательской точки зрения.

В воспоминаниях британского военного агента генерала Нокса[1], в главе, посвященной событиям лета 1915 г., записаны следующие строки:

«Русский Генеральный штаб не питал никаких опасений относительно укомплектования армии людьми. Генерал Беляев[2] сказал, что хотя потери в настоящую войну превзошли всякое воображение, даже в том случае, если бы война затянулась года на два и потери продолжались в тех же размерах, мы не встретим никаких затруднений в комплектовании».

А между тем, как мы видели из изложенного выше в этой главе, в середине июня 1915 г. почти весь контингент ратников ополчения I разряда был исчерпан. Это означало израсходование всего запаса людей, которые, согласно нашему закону о воинской повинности, могли быть взяты в ряды действующих войск.

Сменивший как раз в это время генерала Сухомлинова генерал Поливанов стоял перед необходимостью приступить к пополнению действующей армии ратниками ополчения II разряда, но это противоречило существующему закону.

Новый военный министр генерал Поливанов вполне отдает себе отчет, что призыв ратников II разряда должен вредно отразиться на психологии народных масс, привыкших считать, что ратник II разряда не может быть призван воевать.

В своих мемуарах[3] генерал Поливанов так описывает свои первые шаги в этом вопросе: на заседании Совета министров, имевшем место 16/29 июня в Петербурге, по его предложению министры, «признавая, что при современном состоянии умов внутри империи призыв новобранцев, явление, обычное в гла-

[1] With the Russian Army 1914—1917. P. 268.

[2] Начальник Генерального штаба, один из сотрудников генерала Сухомлинова.

[3] Мемуары А. А. Поливанова. С. 149.

зах населения, предпочтительнее призыва ратников II разряда, которого население не ожидает (что уже отмечено было и в заседании 14 июня в Ставке[1]), постановили: прежде чем Совету министров принять окончательное решение, ведомству Военному и внутренних дел обсудить, какой порядок нужно установить, чтобы призыв новобранцев был осуществлен не после обычных подготовительных работ, требующих почти год времени, а в срок весьма краткий. Достижением таковой краткости срока устранена была побудительная причина к оказанному Военным ведомством предпочтению призыва ратников II разряда, подготовка к которому уже сделана».

Несмотря на все нежелание Военного министерства призывать в действующую армию ратников II разряда, эту меру, конечно, миновать было нельзя. Но проводить это краеугольное изменение закона приходится в обстановке общественного неудовольствия, порожденного катастрофой в боевом снабжении. Это неудовольствие выражается в возросшем недоверии Государственной думы к правительству, недоверии, которое не могло быть всецело погашенным увольнением от должности военного министра Сухомлинова и назначением на эту должность угодного думским кругам генерала Поливанова.

ПОПОЛНЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ РАТНИКАМИ II РАЗРЯДА

Очень интересные указания об отношении членов правительства к вопросу о призыве ратников II разряда и о тех затруднениях, которые они встретили при проведении этого вопроса в жизнь, можно найти в напечатанных ныне записях секретных заседаний Совета министров с 16/19 июня по 2/15 сентября 1915 г.[2].

В заседании 4/17 августа председатель Совета министров И. Л. Горемыкин спрашивает: «Что же, Дума намерена ли исполнить обе-

---

[1] 14 (27) июня в Ставке под председательством Государя императора состоялось заседание Совета министров, на котором присутствовали также Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич и его начальник штаба.

[2] Архив Русской революции. Т. XVIII. «Тяжелые дни», составлено А. Н. Яхонтовым, бывшим помощником управляющего делами Совета министров.

щание ускорить разрешение законопроекта о ратниках II разряда? Когда этот вопрос будет закончен?»[1]

После этого вопроса последовал следующий обмен мнений:

А. А. Поливанов (военный министр): «Я неоднократно уже напоминал об этом, но пока безуспешно. Между прочим, от меня комиссия[2] настойчиво требует общих объяснений о положении на театре войны и о состоянии снабжения. Оговариваюсь, что по первому вопросу надо обратиться в Ставку, а второй в военное время не подлежит оглашению перед законодательными учреждениями. Мне думается, что без удовлетворения этого желания мы не дождемся закона о ратниках».

П. А. Харитонов (государственный контролер): «Не могли бы вы повернуть вопрос в обратном порядке; пусть Дума немедленно рассмотрит этот закон, а вы за это сообщите ей сведения о военном положении, насколько позволят интересы соблюдения военной тайны».

Князь Б. Н. Щербатов (министр внутренних дел): «Во всяком случае, было бы, безусловно, важно провести закон о ратниках II разряда через Государственную думу. Я должен отметить, что наборы с каждым разом проходят все хуже и хуже. Полиция не в силах справиться с массой уклоняющихся. Люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе. Если станет известным, что призыв ратников II разряда производится без санкции Государственной думы, то боюсь, что при современных настроениях мы ни одного человека не получим. Агитация идет вовсю, располагая огромными средствами из каких-то источников».

И. К. Григорович (морской министр): «Известно, из каких — немецких».

Князь Б. Н. Щербатов: «Подстрекатели, конечно, не упустят предлога и создадут на этой почве беспорядки и волнения. Не могу не указать перед Советом министров, что агитация принимает все более антимилитаристический или, проще говоря, откровенно пораженческий характер. Ее прямое влияние — повальные сдачи в плен».

А. Д. Самарин (обер-прокурор Святейшего синода): «Как ни печальны слова князя Бориса Николаевича, но они подсказаны

---

[1] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 38.

[2] Государственной думы по военным и морским делам. (*Прим. Н. Г.*)

нашей безотрадной действительностью. Однако я считал бы неправильным ставить себя в этом вопросе всецело в зависимость от усмотрения Думы. Лучше как-нибудь обойтись без ратников II разряда. В тылу блуждает масса серых шинелей; нельзя ли найти им более полезное применение времени на фронте?»

А. В. Кривошеин (главноуправляющий землеустройством и земледелием): «Замечательно хорошо Александр Дмитриевич (Самарин) формулировал положение по существу и с точки зрения отношений к Государственной думе. Если нас хотят прижать законом о ратниках, то мы не должны поддаваться на эту удочку. Не мне судить о технической стороне дела, но обилие разгуливающих земляков по городам, селам, железным дорогам и вообще по всему лицу земли Русской поражает мой обывательский взгляд. Невольно напрашивается вопрос, зачем изымать из населения последнюю рабочую силу, когда стоит только прибрать к рукам и рассадить по окопам всю эту толпу гуляк, которая своим присутствием еще более деморализует тыл. Однако этот вопрос относится к области запретных для Совета министров военных дел...»

В заседании 16 (29) августа[1] председатель Совета министров И. Л. Горемыкин вновь обратился к военному министру с вопросом, в каком положении находится рассмотрение Государственною думою законопроекта о призыве ратников II разряда. Генерал Поливанов ответил, что пока вопрос тянется в комиссии и конца еще не видно. На это А. В. Кривошеин заметил:

«Это тоже тактический прием, чтобы отдалить перерыв занятий. Нам надо ответить также тактическим приемом: спросить Государственную думу во всеуслышание, желают ли гг. народные представители защищаться против немцев или же они считают излишним посылать армии необходимые пополнения. При этом надо поставить минимальный срок для завершения разработки закона. Если же наше требование не будет исполнено в срок, то неизбежно придется Думу распустить, а призыв ратников провести манифестом».

«В таком смысле, — заключил обмен мнений И. Л. Горемыкин, — я и просил бы военного министра переговорить в Думе и предупредить, что правительство категорически настаивает».

Только что приведенные выдержки записи очень рельефно рисуют обстановку политического недоверия во взаимоотноше-

[1] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 73.

ниях между правительством и народным представительством. Вместе с этим министры сознают и свое собственное бессилие перед страной. Особенно показательны в этом отношении слова министра внутренних дел князя Щербатова («Если станет известным, что призыв ратников II разряда производится без санкции Государственной думы, то боюсь, что при современных настроениях мы ни одного человека не получим»). Не лишено также интереса, насколько некоторые из министров далеки от понимания требований, предъявленных войной. А. Д. Самарин полагает, что можно обойтись без привлечения в ряды сражающихся ратников II разряда, заменив их дезертирами. Эту наивную мысль поддерживает А. В. Кривошеин, который думает, что только стоит «рассадить по окопам всю эту толпу гуляк, которые своим присутствием еще более деморализуют тыл», и защита страны будет налажена.

19 августа/2 сентября состоялось рассмотрение в Государственной думе законопроекта о порядке призыва и назначения ратников государственного ополчения II разряда.

Речь, сказанная при прохождении этого законопроекта в Государственной думе председателем думской Комиссии по военно-морским делам А. И. Шингаревым[1], представляет собой исключительный интерес.

В ней один из виднейших наших депутатов сам обрисовывает отношение Государственной думы к изменению закона о ратниках ополчения II разряда. Без сопоставления вышеприведенных выдержек из заседаний Совета министров с речью А. И. Шингарева может создаться слишком одностороннее представление об отношении нашего парламента к вопросам обороны страны. Вместе с тем речь А. И. Шингарева настолько полно излагает интересующий нас вопрос, что и в этом отношении нуждается быть цитируемой в значительной своей части.

Текст выдержки из этой речи приводится нами согласно стенографическому отчету Госдумы (секция 4; заседание 12; 19 августа 1915 г.).

---

[1] А. И. Шингарев принадлежал к конституционно-демократической партии (ка-дэ); по своей деятельности за время III и IV Думы в бюджетной комиссии был близко знаком с деятельностью Военного министерства.

РЕЧЬ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А. И. ШИНГАРЕВА

«Гг. члены Государственной думы! Вопрос, который стоит у нас на очереди, — о призыве ратников II разряда, конечно, является самым серьезным вопросом в деле нашей обороны. В комиссии военно-морской, прежде чем перейти к этому вопросу, мы сочли себя обязанными подробнейшим образом выяснить, в каком положении находится дело снабжения нашей армии. Прежде чем сознательно расширять требование Военного министерства дать ему новые сотни тысяч для пополнения армии, мы должны были спросить их: а в каком положение вооружение этой армии, снабжение ее снарядами, ружьями, патронами для того, чтобы положение людей, которых мы дадим, не было печальным, чтобы эти люди не были безоружными? Мы должны были далее спросить их: в каком положении дело обучения набираемых вами людей, какова убыль в нашей армии, для того чтобы нам знать, на что вам нужно такое большое количество людей? Все эти вопросы, как знают члены военно-морской комиссии и многие г.г. депутаты не члены, присутствовавшие в наших заседаниях, подробнейшим образом и в течение многих дней были в нашей комиссии рассмотрены. Господа, картина, которая нам предстала в этом обсуждении, — печальная картина. Мы должны сказать, что на ответственности прошлых деятелей Военного министерства[1] и отчасти и ныне работающих лежит громадный недостаток в нашей армии в предметах снаряжения и оборудования. Мы должны сказать на основании опыта работ нашей комиссии, что огромные жертвы людьми, которые несет наша армия, лежат на ответственности преступного бездействия прошлых управителей военными делами. (*Голоса: правильно, верно.*) Мы считаем, что эта громадная ответственность должны принудить власти и следственную комиссию к тому, чтобы эти деятели печального прошлого понесли заслуженную кару. (*Голоса: правильно, верно...*)

В еще более неприглядном положении до последнего времени состояло дело обучения людей для подготовки к боевым делам. В армии справедливо жаловались, что приходящие туда на пополнение частей запасные недостаточно обучены, что они приходят сплошь и рядом невооруженные, не имеющие достаточного опыта

[1] Генерала Сухомлинова и его сотрудников. (*Прим. Н. Г.*)

обращения с оружием, не имеющие достаточного навыка к самым необходимым приемам военного дела. В этом отношении был нами разобран вопрос и об офицерском составе, и об обучении в запасных батальонах, и о привлечении к делу обучения целого ряда лиц, которых знания к тому дают возможность.

Мы получили категорические заверения, что чистка существующего офицерского состава, занимающего иногда должности, которые могут занимать и иные лица, будет произведена с тем, чтобы в запасные батальоны были набраны более опытные учителя.

Затем в комиссии настойчиво раздавались голоса о том, что предварительно совершенно необходимо привлечь в ряды войск такие элементы, которые уже являются в достаточной степени обученными; такими элементами являются элементы, служащие в нашей полиции, низшие и высшие. Здесь вы найдете значительное количество нижних чинов, специально обученных владеть оружием, годных для призыва немедленно в армию.

Это пожелание, которое уже дважды высказывалось Государственной думой, к сожалению, встречает непреодолимое сопротивление со стороны Министерства внутренних дел.

Но тем не менее, господа, это не дает достаточного запаса людей для пополнения армии и для изгнания врага из пределов нашей родины. Потери, которые мы несли и несем, чрезвычайно громадны. Нам было сообщено, что в месяц необходимо по крайней мере 300 000 или 400 000 человек для пополнения только одной убыли в армии. Если такого пополнения не производить своевременно, если не немедленно пополнять войсковые части, то наша армия в отдельных ее частях может почти растаять, и тогда не будет даже живой стены, которая способна сдерживать натиск врага.

Следовательно, нужда в пополнении настолько велика и настолько остра, по объяснениям представителей Военного министерства, что силою обстоятельств, силою горькой нужды приходится иногда, под давлением спешных требований начальников армий, с места посылать недостаточно подготовленные части.

Так как пополнение армии велось и не систематически, и не своевременно, так как обучение внутри империи не было достаточно организовано, то получилось такое положение, что все, что призывается, в очень скором времени попадает в войска. Сначала

обучали два месяца, потом стали обучать месяц, посылая после четырехнедельного обучения людей малопригодных.

В настоящее время Военное министерство, по-видимому, правильно — насколько мы можем судить — предпринимает другой опыт, который, по-видимому, предпринят и нашим врагом значительно раньше. Оно желает сразу в несравненно большем количестве, чем ежемесячная убыль, призвать в ряды новобранцев огромное количество людей. В настоящее время произошел призыв 1917 г. Он дает около 700 000—800 000 человек. Дальше призываются ратники I разряда более старых годов; эти старые года пойдут на охрану дорог, на службу по железным дорогам, караулам и т.д., а их более молодые сотоварищи, уже состоящие в рядах войск, могут отправиться в действующую армию. Затем предстоит призыв по тому законопроекту, который мы обсуждаем и который дает право призыва целой категории ратников II разряда. По объяснениям представителя ведомства, предполагается в начале сентября призвать четыре или шесть ранних сроков этих ратников II разряда. Это даст по каждому сроку около 200 000—250 000 человек, т.е. свыше миллиона людей, да, кроме того, остаются те, которые призваны по 17-му году, — свыше 700 000 человек. Быть может, таким образом около двух миллионов человек ведомство получит в свое распоряжение. Отдельные части этих миллионов будут, к сожалению, в первое время посылаться на укомплектование убыли в войсках, а остальная масса будет подготовляться внутри империи более продолжительным обучением — 4, 5, 6, быть может, месяцев, с тем чтобы создать новую грозную силу в тот момент, когда у нас будет достаточное количество орудий, снарядов, ружей и патронов.

Вот надежды ведомства, вот и наши надежды: через несколько месяцев из этой массы обучаемых людей получить достаточно грозную силу для того, чтобы отразить врага.

Конечно, недостаточно еще снабжения, оборудования, вооружения; недостаточно еще и массы людей; нужно, чтобы у этой массы были и командиры и вожди. Наблюдается у нас здесь и полное отсутствие достаточного плана, проводимого систематически в нашей кампании; было много нареканий и на отдельных лиц, не стоявших на высоте своего долга вождей. Особенно тяжелое впечатление произвели в комиссии сведения, полученные по поводу сдачи целого ряда наших крепостей, — удручающие, по-

зорные картины прошли перед нашими глазами в этом отношении и чрезвычайно взволновали членов комиссии.

Нет достаточной связи и между внутренним управлением воинскими делами и тем, что делается в управлении армии на месте. Комиссия не раз высказывала настойчивые пожелания о том, чтобы такое единение Ставки и Военного министерства осуществлялось более планомерно, чтобы Ставка вполне знала, что имеется внутри, и Военное министерство вполне знало, что должна иметь Ставка, чтобы общий план и объединение общей работы на дело обороны были проведены в этом управлении, чтобы не было такого странного средостения, такого двоевластия, которое только портит и губит дело.

Запас еще не взятых людей у нас достаточно велик: количество ратников II разряда исчисляется приблизительно в четыре с небольшим миллиона людей. При этом запас такой, что последний его возраст является уже материалом не очень боеспособным. Как показал опыт призыва ратников I разряда старых годов, этот материал не очень годен для современной тяжелой войны. Следовательно, в запасе мы имеем четыре с лишком миллиона лиц. Следует отнестись несколько осторожно к последним его годам. Затем имеется запас ратников I разряда; он небольшой, и только более взрослые сроки. Наконец, предполагается призвать, быть может, в будущем году родившихся в 1897 году; 18-летних юношей. Но тот, кто видел набор современный, 1917 г., кто видел этих полуподростков, полудетей, конечно, он должен прийти к выводу, что этим материалом требуется пользоваться с осторожностью, его необходимо беречь до крайней степени и лишь в самой острой нужде прибегать к нему.

Понятно, необходимость заставит, быть может, делать и это, но комиссия, разбирая этот вопрос о людском запасе, вспомнила и о том, что есть значительная категория населения, до сих пор не отбывающая воинской повинности; таковых около 20 000 000; это так называемое инородческое население: мусульманское население Закавказья, население Туркестана, инородцы Сибири и т.д., киргизы и пр.[1]. Эти элементы населения, до настоящего времени не отбывая воинской повинности никогда, с этим даже сами мириться не желали; они считали это обидным, оскорбительным для них. Мы знаем такие заявления со стороны киргизов, со стороны

[1] Население Финляндии. (*Прим. Н. Г.*)

мусульман Закавказья; они недоумевали, почему они не должны, не могут отбывать воинской повинности. Приблизительно 10 000 000 душ мужского населения этих групп — следовательно, если вы даже будете считать 5 % этого населения годным для военного дела, то вы получите запас около 500 000 человек.

Вы видите, господа, что в деле людского запаса хотя мы имеем громадное преимущество над нашим врагом, хотя мы можем продолжать борьбу еще долгие и долгие месяцы, пользуясь этим запасом, но мы все же должны сказать нашему Военному министерству: помните, что эти запасы уже последние запасы; помните, что вы должны к ним относиться чрезвычайно бережно; помните, что вы не должны подобно вашим предшественникам так вести дело, чтобы мы тратили даром и зря людей. Дорога, бесценна, господа, кровь этих людей, проливаемая за Родину; отнеситесь к ним вдумчиво, берегите каждую отдельную человеческую жизнь; постарайтесь — и в этом ваш главный долг, — невзирая ни на какие препятствия, не слушая никаких влиятельных людей, дать этим людям лучших учителей, и лучших командиров, и лучших вождей.

Такова, господа, в общем, сущность данного законопроекта». (*Рукоплескания слева, в центре и справа.*)

Приведенная речь А. И. Шингарева чрезвычайно полно очерчивает то положение дел, которое создалось в России к осени 1915 г. в отношении использования ее людского запаса. Довольно резким диссонансом с общим серьезным и обоснованным характером речи звучит то место, где А. И. Шингарев требует от правительства снять полицию, чтобы послать ее воевать.

Вот что пишет по этому поводу член Государственной думы Б. А. Энгельгардт[1], игравший большую роль в работах думской Комиссии по военным и морским делам. Прения, которые вызвало обсуждение законопроекта о призыве ратников II разряда в ряды действующих войск, «показали, насколько даже члены Думы мало уясняют себе размеры потребности в людях как фронта, так и тыла. По почину крайнего правого крыла Государственной думы было внесено пожелание об отправке чинов полиции на фронт.

[1] Специально составленная по просьбе автора монография; тетрадь II, с. 33—36; рукопись хранится в архиве Carnegie Endowment for International Peace.

Пожелание это было горячо поддержано крайними левыми в лице Керенского. Мера эта неминуемо должна была губительно отозваться на нашей полиции. Замена опытных полицейских новичками-инвалидами, конечно, должна была ослабить один из устоев, обеспечивающих внутренний порядок в стране, и это могло даже входить в программу деятельности революционно настроенной партии, но непонятной в данном случае является тактика правых. Она может быть объяснена лишь полным незнакомством с действительным положением вещей. Тщетно докладчик законопроекта пытался разъяснить, что замена старослужащих полицейских инвалидами, подрывая силу полиции в тревожное время войны, не принесет существенной пользы нашей армии. Действительно, число городской и сельской полиции не достигало и 345 тысяч человек[1], из коих всего лишь $^2/_3$ находились в возрасте, подлежавшем призыву. Месячная же потребность нашей армии в пополнениях превышала 300 тысяч, и мы, следовательно, ценой разгрома нашей полиции, при отправке на фронт всех полицейских чинов призывного возраста, т.е. 30 тысяч человек, могли дать армии лишь одну десятую ее месячного пополнения. И несмотря на явную несообразность меры, против которой горячо протестовал представитель Министерства внутренних дел, пожелание о проведении ее в жизнь прошло голосами правого и левого крыла Думы».

Таким образом, в вопросе о привлечении полиции речь А. И. Шингарева делала уступку, с одной стороны — примитивности мышления, а с другой стороны — политическим настроениям. В прочих частях эта речь, как мы уже отметили, высоко поднимается над мелким обывательским уровнем. Возмущение деятельностью Сухомлинова в Военном министерстве есть выражение всеобщего возмущения в широких общественных кругах и в армии; глубоким предвидением звучит предупреждение против очень распространенного мнения о неисчерпаемости людского запаса России. Но что более всего поражает исследователя в речи Шингарева, это заключительные слова его речи. В них он затрагивает самую существенную отрицательную черту, свойственную издавна русскому военному искусству, а именно — малую бережливость крови своих войск. Является ли эта малая бережливость следствием влияний восточного коллективизма, мало ценящего

[1] Сведения эти были получены из Департамента полиции в 1915 г.

индивидуальную жизнь? Было ли это следствием недостаточной подготовленности высшего командного состава? Автор думает, что это было следствием всего сложного комплекса причин, вызвавших общее запоздание развития России по сравнению с западноевропейскими народами. Замечательно то, что этот основной грех русского полководчества замечен был еще Петром Великим, требовавшим побед «малой кровью».

ДОКЛАД ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О ПРИБЛИЖАЮЩЕМСЯ ИСЧЕРПАНИИ ЛЮДСКОГО ЗАПАСА

К концу 1916 г. контингент ратников ополчения II разряда близился к исчерпанию. Россия стояла перед казавшимся недопустимым для обыденного представления затруднением в пополнении своей вооруженной силы людским составом. Первые тревожные голоса опять раздались в среде наших представительных учреждений. 28 членов Государственной думы и Государственного совета, входившие в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства[1], сочли своим долгом обратиться по этому поводу через председателя Государственной думы М. В. Родзянко к верховной власти.

Окончательная редакция этой замечательной записки принадлежит члену Государственного совета Владимиру Иосифовичу Гурко.

Полный текст этой записки нигде еще не был опубликован. Поэтому мы считаем полезным полностью привести его здесь[2].

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Участвуя более года в трудах учрежденного по мысли ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, мы почли своим долгом ознакомиться со всеми вопросами, касающимися

[1] Об учреждении этого Совещания мы будем говорить в главе девятой.

[2] Копия этой докладной записки, хранившаяся на руках члена Государственной думы Б. А. Энгельгардта, передана в библиотеку Carnegie Endowment for International Peace.

организации нашей армии, в том числе и с такими, обсуждение которых выходит за пределы поставленной Совещанию задачи, признавая, что для правильного разрешения каких бы то ни было относящихся до обороны вопросов необходима осведомленность по всем мероприятиям, направленным к подготовлению победы. Пока вопросы, не входящие в компетенцию Особого совещания, не представлялись нам исключительно важными и имеющими общегосударственное значение, мы, придерживаясь деятельности, предуказанной Положением об Особом совещании, не почитали себя обязанными высказывать по ним свое мнение. Но в настоящее время, ГОСУДАРЬ, перед нами предстал вопрос, по нашему пониманию, настолько важный для судьбы нашего Отечества и притом настолько тревожный и даже грозный, что мы, не имея полномочий поднять этот вопрос в Особом совещании, почли своим долгом в качестве ВАШИХ верноподданных обратиться по его поводу непосредственно к ВАМ, ГОСУДАРЬ, и это тем более, что угрожающая нашему отечеству опасность может быть устранена только мероприятиями, исходящими от верховной власти. Вопрос этот касается дальнейшего комплектования личного состава нашей армии, требующей ныне ежемесячного пополнения в количестве 300 тысяч человек. Из прилагаемой при сем таблицы видно, что, за исключением призванных до сих пор в войска $14^1/_2$ миллиона людей, в России из общего ее людского запаса в 26 миллионов военнообязанных в возрасте от 18 до 43 лет осталось $11^1/_2$ миллиона. Количество это на первый взгляд огромное, могущее еще в течение долгого времени питать нашу армию. Однако ближайшее рассмотрение тех категорий людей, из которых слагается эта цифра, приводит к обратному выводу. В ее состав входят: 1) два миллиона людей, состоящих из оставшихся в занятых неприятелем областях, эмигрантов и незаконно уклонившихся от несения военной службы, 2) пять миллионов людей, совершенно не годных по их физическим недостаткам к ношению оружия (цифра эта, конечно, приблизительная и выведена на основании того результата, который дало производящееся частично переосвидетельствование белобилетников) и 3) три миллиона людей, не могущих быть взятыми из страны, так как они составляют то минимальное число работоспособных лиц мужского пола, которое необходимо для деятельности промышленности, работающей на оборону, обслуживания железно-

дорожного движения и обеспечения личного состава различных отраслей государственного управления.

Таким образом, исключив перечисленные три категории военнообязанных, свободный остаток населения для пополнения за его счет нашей армии сведется всего приблизительно к полутора миллионам людей, причем он делится на две почти равные части, а именно: на молодых людей 18-летнего возраста, составляющих призыв 1919 года и, несомненно, представляющих после достаточного обучения прекрасный боевой материал (около 750 тысяч), и на людей, перешедших 40-летний возраст либо страдающих физическими недостатками, не препятствующими ношению оружия, а именно — ратников II разряда сроков 1894 и 1895 годов (около 150 тысяч) и тех белобилетников, которые после их переосвидетельствования могут быть признаны годными для включения в войска (около 600 тысяч). Вот этот-то двухсоставный и далеко не в полной мере одинаково ценный боевой материал, численностью в полтора миллиона людей, составляет весь наш свободный людской запас армии в стране, а следовательно, при дальнейшем пополнении нашей армии в количестве 300 тысяч человек в месяц нам через пять месяцев придется вести войну, расходуя запасные батальоны — эту основу боевой мощи всякой армии — без возможности их пополнения.

Но, быть может, путем соответствующего изменения действующего законодательства в стране можно найти новый человеческий материал, до сих пор не привлекавшийся к деятельной обороне государства в рядах войск? В этом направлении мыслимы, однако, лишь две меры: призыв в войска инородцев, не несущих воинской повинности, и привлечение лиц старше 43 лет, примерно до 50 лет, как это установлено во вражеских нам государствах.

Из этих двух мер, однако, лишь первую можно признать и желательной, и даже необходимой, особенно в отношении некоторых воинственных племен, неохотно идущих в рабочие команды, в которые некоторые из них включены, но могущих дать прекрасный боевой материал. Полагать, однако, что этот источник даст значительный контингент, нельзя как по относительной малочисленности вообще наших, не отбывающих воинскую повинность инородцев, так и по невозможности сразу взять из их среды весь пригодный для армии людской материал. Что же касается людей старших возрастов, свыше 43 лет, то призыв их в войска, по нашему крайнему разумению, совершенно недопустим, даже независимо

от того, что люди эти в своем преобладающем большинстве не явятся ни бойцами, ни даже хорошими тыловыми работниками, а лишь лишними ртами, кормящимися трудом оставшейся при мирных занятиях части населения.

Действительно, ГОСУДАРЬ, тут перед нами восстает другой вопрос, не менее тревожный, нежели вопрос о дальнейшем комплектовании армии, и притом неразрывно с ним связанный, — все более остро ощущаемый в стране недостаток рабочих рук во всех важнейших отраслях народного труда, в том числе и в производствах, работающих на удовлетворение всех многочисленных и обширнейших потребностей армии. За последнее время какое бы мероприятие, направленное к расширению той или иной отрасли нашей промышленности, работающей на армию, ни обсуждало Особое совещание, оно неизменно встречалось с одним и тем же препятствием — людей нет. Даже производство столь необходимых для нас тяжелых снарядов, за которое энергично принялось Артиллерийское ведомство, встречается с тем же затруднением. Так, еще весьма недавно начальник Главного артиллерийского управления указывал Особому совещанию, что, если ему не будет дано откуда бы ни было 30 тысяч рабочих, он не может серьезно наладить производство тяжелых снарядов и что он сам этого количества рабочих набрать не в состоянии. То же явление и в частной промышленности, на которую опирается военная. В шахтах не хватает людей для добычи угля, у доменных печей — для выплавки металла соответственно повышенной потребности в них. Заводы занимаются систематическим переманиванием рабочих друг у друга, что породило даже мысль об издании особого, для борьбы с этим злом, закона. Малолюдье отражается в равной степени и на всей сельской жизни. Величайшее затруднение в продовольственном деле испытывается отчасти из-за того, что ослаб гужевой промысел — некому везти хлеб на станции. Свеклосахарные заводы за недостатком людей не были в состоянии выкопать и свезти весь урожай свеклы. Сельскохозяйственные работы — молотьба и осенняя вспашка — прошли с запозданием, и притом при крайнем напряжении всего сельского населения.

Словом, весь государственный механизм и все народное хозяйство испытывают совершенно явный недостаток в людях. На это возможно, казалось бы, возразить, что количество населения, призванное в войска, в процентном отношении к общему его коли-

честву у нас менее значительно, нежели у наших врагов и особенно у нашей союзницы Франции: у нас оно составляет около 10 %, а во Франции достигло 16 %. Но положение народного хозяйства в Западной Европе и у нас не может быть сравнимо: наши огромные пространства с разбросанным на них редким населением и слабо развитыми городскими центрами, недостаточная сеть железных дорог при непроездности в течение некоторой части года большинства грунтовых дорог наряду с расположением месторождений металлов и горючего, столь необходимых для изготовления боевых припасов, в отдаленных от многих металлургических заводов местностях империи, наконец, наши климатические условия, требующие много труда по охранению от зимней стужи, также по борьбе со снежными заносами, — все это вызывает необходимость у нас такой добавочной работы, а следовательно, и лишних рабочих рук, которой не знает Западная Европа. Наконец, сравнительная ничтожность у нас по сравнению, например, с Францией механических двигателей (в 1908 г. число паровых лошадиных сил во Франции было в 15 раз больше, нежели у нас) и меньшая, обусловленная многими причинами производительность русского рабочего по сравнению с западноевропейским рабочим приводит к тому, что отвлечение у нас от производительной работы 10 % населения едва ли не тяжелее отзывается на общем ходе народного хозяйства, нежели во Франции 16 %.

В частности, нельзя не указать, что включение в ряды войск многих квалифицированных рабочих, общее число коих у нас вообще незначительно, с неизбежной заменой их на заводах рабочими, к сложным производствам либо специальным работам не привычными, повлекло за собой увеличение общего числа заводских рабочих без соответственного увеличения производительности заводов. Особенно это отразилось на добыче угля, где увеличение числа рабочих с 170 тысяч до 250 тысяч из-за замены опытных углекопов неопытными лишь незначительно увеличило общую добычу угля. Наряду с этим недостаток не только механиков, но даже простых слесарей и кузнецов достиг таких пределов, что отражается даже на сельских работах благодаря невозможности производить простейший ремонт сельскохозяйственных орудий. Между тем пространство нашей посевной площади в одной Европейской России, исключив область, занятую врагом, превышает 72 миллиона десятин, а сенокос — 20 миллионов десятин, что почти достигает

пространства всей территории Франции и Германии, взятых в совокупности. Обработать и убрать эту исполинскую земельную площадь одной лишь мускульной человеческой силой, без содействия специальных орудий оставшееся на местах население не в состоянии. Возвращение из рядов войск квалифицированных рабочих для их использования в тылу страны соответственно их специальности настоятельно требует необходимость извлечь из каждого человека тот максимум плодотворной работы, который он в состоянии дать. Между тем несомненно, что польза, могущая быть принесенной, например, опытным слесарем в заводской работе на оборону страны, безмерно больше, нежели та польза, которую можно из него же извлечь в окопах.

Из вышеизложенного, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, изволите усмотреть, что дальнейшее пополнение армии за счет людского запаса в стране в размере 300 тысяч человек в месяц не только совершенно неисполнимо, но что вообще включение в ряды войск сколько-нибудь значительной части оставшегося в стране взрослого мужского населения, всецело занятого работой, так или иначе связанной с той же обороной государства, без вящего расстройства всего государственного организма невозможно. При этом оставшаяся на местах рабочая сила, за исключением очередного призыва 1919 г., принося огромную пользу в тылу страны, не даст как по своему возрасту, так и по своим физическим недостаткам пригодного материала для армии. Означает ли, однако, это обстоятельство, что дальнейшее увеличение числа наших бойцов, что сохранение всей боевой мощи нашей армии невозможно? По нашему глубокому убеждению — отнюдь нет. Непоколебимо убежденные в безусловной необходимости довести войну до победного конца и твердо уверенные в конечном торжестве русского оружия, мы усматриваем способ сохранения нынешнего числа бойцов нашей армии в мероприятиях двух различных порядков. К первому относится пополнение боевой части нашей армии за счет ее тыла; ко второму — уменьшение ежемесячной убыли наших людей на фронте.

Ни одна из армий воюющих держав не имеет столь громадных тылов, как наша; так, во Франции численный состав тыла, не считая запасных батальонов, относится к численности фронта как один к двум, у нас как два с четвертью к одному, т.е. в четыре с лишком раза больше. Конечно, наши местные условия, те са-

мые условия, которые требуют оставления при мирных занятиях большей доли работоспособного мужского населения, нежели это необходимо на Западе, обусловливают у нас иное соотношение тыловых частей армии к ее фронту, нежели у наших союзников, но все же не в той пропорции, как ныне. На явление это приходится обратить тем большее внимание, что оно проявляет явную наклонность к дальнейшему разрастанию: наши тыловые части неуклонно увеличиваются, и притом за счет фронта, за счет бойцов армии, что особенно резко обнаружилось в течение летних месяцев текущего года.

Нам известно, ГОСУДАРЬ, что ВЫ изволили обратить ВАШЕ внимание на это, осмеливаемся прямо сказать, грозное явление и соответственный приказ отдан по армии, но мы глубоко убеждены, что одним распоряжением это зло не прекратить. Для получения действительных результатов нам представляется необходимой командировка специальных лиц во все тыловые части, в том числе и в запасные батальоны, хозяйственное управление коих также непомерно разрослось, с соответственными широкими полномочиями для доведения тыловых частей до минимума. Очистка тылов от лишних людей необходима не только для пополнения армии свежими силами, но и для оздоровления самих тыловых частей, наличность в коих праздных людей неизбежно их деморализует. Между тем уменьшение тыловых частей хотя бы на одну четверть даст новый контингент бойцов в миллион с лишком людей, т.е. значительно больше, нежели может ныне безболезненно дать страна, и притом неизмеримо высшего по физической выносливости качества. Наряду с этим существенно облегчило бы пополнение убыли армии увеличение числа раненых, возвращающихся по их выздоровлении в ряды войск. В этом отношении, несомненно, имело бы значение прекращение эвакуации в глубь страны легкораненых при одновременном оборудовании для этой категории пострадавших лечебных заведений в непосредственном тылу армии. Мера эта была отчасти осуществлена в армии генерала Лечицкого и дала хорошие результаты. Проводимая в широком масштабе, она не только избавит от необходимости лишней переброски на дальние расстояния значительного числа людей, нередко в таких условиях, которые отнюдь не способствуют их скорейшему выздоровлению, но одновременно сохранит в более близком соприкосновении с войсками и военной дисциплиной легко пострадавших,

причем обеспечит возможность возвращать людей в свои части, что само по себе имеет немалое значение.

Между тем при нынешней системе, когда раненые всех категорий эвакуируются в глубь страны, резкая разница между условиями жизни в тяжелой обстановке окопов и вообще фронта и тем уютом, которым раненые пользуются в лечебных заведениях, расположенных внутри страны, неминуемо и естественно порождает в эвакуированных стремление так или иначе уклониться от возвращения в строй. И с этим внутренним настроением нельзя не считаться, так как, в конечном результате, на нем и зиждется дух армии. Однако, какой бы запас новых сил для фронта ни заключали наши тыловые части и какой бы контингент ни дали возвращающиеся на фронт раненые, все же при дальнейшем пополнении армии 300 тысяч человек в месяц и этих запасов при том затяжном характере, который приняла война, не хватит. К уменьшению размера этих пополнений, т.е. к сокращению потерь армии, должны быть силою вещей, следовательно, направлены усилия боевых начальников.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! В начальном периоде войны ВАМ угодно было высказать мысль, которая глубоко запала в сердца многих ВАШИХ верноподданных. Обращаясь 1 октября 1914 г. к произведенным в офицеры пажам и юнкерам, ВЫ изволили сказать: «Помните еще, что я вам скажу: Я нисколько не сомневаюсь в вашей доблести и храбрости, но МНЕ нужна ваша жизнь, так как напрасная убыль офицерского состава может повести к тяжелым последствиям. Я уверен, что, когда нужно будет, каждый из вас охотно пожертвует своей жизнью, но решайтесь на это лишь в случае исключительной необходимости, иначе прошу вас беречь себя».

Мудрая мысль, заключенная в царских словах, к сожалению, не была в должной степени воспринята нашей армией и ее частными начальниками: принцип бережливости людской жизни не был в ней достаточно осуществлен. Молодые офицеры, несмотря на указания ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, не берегли себя; не берегли их, а с ними вместе и армию и высшие начальники. В армии прочно привился иной взгляд, а именно — что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь к победе преимущественно ценою человеческой крови. В результате в то время, как у наших союзников размеры ежемесячных потерь их

армий постепенно и неуклонно сокращаются, уменьшившись во Франции по сравнению с начальными месяцами войны почти вдвое, у нас они остаются неизменными и даже обнаруживается склонность к их увеличению. Настоятельно необходимо внушить всем начальствующим лицам, что легкое расходование людской жизни, независимо от чисто гуманитарных соображений, недопустимо, потому что человеческий запас у нас далеко не неистощим. Это необходимо не только для сохранения всей боевой мощи нашей армии до победоносного окончания войны, но и для обеспечения работ тыла, при дезорганизации которого потребности армии невозможно будет удовлетворить.

Широкое развитие и применение различных предохранительных мер, как то: касок, наплечников, более усовершенствованных укрытий и окопов, вот к чему мы должны ныне прибегнуть, а главное, в основу всех тактических мероприятий должно быть положено стремление заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! Наш долг, как ВАШИХ верноподданных и как членов Особого совещания по обороне, повелительно требует от нас сказать, что материальные средства Российской армии растут с каждым днем и что при условии сохранения в стране достаточной рабочей силы наладится массовое производство тяжелых снарядов и принимаемые чрезвычайные меры для увеличения нашего артиллерийского вооружения и для усиления нашей воздушной разведки дадут должные результаты и что было бы ужасно, если в ту минуту, когда Россия будет вполне снабжена орудиями, снарядами и воздушными боевыми средствами, у нее не хватило бы людей, т.е. именно той силы, которая почиталась у нас до сей поры неисчерпаемой.

Основываясь на всем вышеизложенном, мы осмеливаемся представить на благоусмотрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА следующие меры, по нашему глубокому убеждению, безусловно, необходимые:

1) Отказ от дальнейшего увеличения нашей армии за счет оставшегося в стране населения, за исключением очередного призыва 1919 г., а по достижении ими 18-летнего возраста и дальнейших годов.

2) Постепенное привлечение к военной службе инородцев, к тому законом ныне не обязанных.

3) Возвращение на заводы квалифицированных рабочих с заменою их соответствующим числом подлежащих освидетельствованию и признанных годными для несения военной службы белобилетников и оставшихся в стране ратников II разряда.

4) Увеличение фронта армии, числа ее бойцов за счет тыловых ее частей, в частности, устройство лечебных заведений для легкораненых вблизи фронта, без эвакуации их в глубь страны.

5) Бережливое расходование человеческого материала в боях при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданные члены Государственного совета и Государственной думы, участники Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

(Следуют подписи).

В приложении № 2 к настоящей главе приведен ответ Ставки на только что цитированную записку. Этот ответ подписан временно заменявшим больного генерала М. В. Алексеева генералом Василием Иосифовичем Гурко (братом составителя вышеупомянутой записки).

Пусть читатель сам сравнит оба документа: записку и ответ на нее. Мы же считаем, что предостерегающий голос народных представителей был ближе к действительности, чем официальный оптимизм Ставки.

Читая ответ генерала Гурко, нельзя не видеть, что Ставка прикладывает к России масштаб, приложимый к несравненно более развитым в культурном и экономическом отношениях западноевропейским государствам. В ошибочности оценки Ставкой российских возможностей можно убедиться из следующего факта. Одновременно с рассматриваемой нами перепиской Ставка разрабатывает вопрос о формировании так называемых третьих дивизий; путем превращения пехотных полков из 4-батальонных в 3-батальонные и с добавлением лишних 4 батальонов на каждые две дивизии создавалась совершенно новая пехотная дивизия. Нужную для этих «третьих дивизий» материальную часть и пехотное вооружение предполагалось достать, обобрав и без того бедные в этом отношении существующие пехотные дивизии и

полки. Таким образом, Ставка шла по совершенно иному пути, чем тот, на который совершенно правильно указывала выше приводимая записка членов Государственной думы и Государственного совета: «...заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ».

В вышедшей в 1931 г. книжке (№ 4) «Вестника военных знаний» (изд. в Сараево) генерал В. И. Гурко в статье «Чрезвычайно неудачная по замыслу реформа» выступил на защиту сформированных по его замыслу «третьих дивизий». Возражая мне, генерал В. И. Гурко пишет о том, что артиллерией для этих «третьих дивизий» должны были служить «позиционные» батареи, существовавшие уже во французской и германской армиях, они имели своим назначением усиливать «органическую» артиллерию дивизии, занимающей позиции, а не заменять ее. Наш фронт и без того был значительно «плотнее» людьми, нежели противостоящий нам фронт немцев и австро-венгров, и страдал недостатком артиллерии. Нам нужно было его усиливать орудиями и пулеметами; «реформа» же генерала Гурко еще более усиливала его людьми.

Вот почему я и считаю себя вправе с еще большей уверенностью утверждать, что в конце 1916 г. наша Ставка совершенно не отдавала себе отчета в грозящем России исчерпании ее людского запаса, а также, что на верхах нашего командования не была осознана мысль, что против современного оружия нельзя бороться «пушечным мясом».

Последнее подтверждается чрезвычайно знаменательными словами В. И. Гурко: «Намеченная реформа одним росчерком пера увеличивала число этих основных боевых единиц (пехотных дивизий) на 50 %».

Пехотная дивизия действительно является основной боевой единицей, но боевой она является только тогда, когда она имеет надлежащей силы органическую артиллерию. Без этого она — не боевая единица, а только «запас» людей. Таким образом, одним росчерком пера генерала В. И. Гурко были сформированы не «дивизии», а «запасные бригады».

Сформирование «третьих дивизий» совпало с революцией. Представляя собой «пасынков» в отношении офицерского состава и материальной части (ибо «старые» полки сплавляли в «третьи дивизии» все второсортное), с не устоявшимся солдатским со-

ставом, без боевых традиций, эти дивизии стали первыми жертвами революционных настроений. Они быстро превратились на фронтах в очаги революционной заразы, и, уже начиная с апреля месяца, началось их расформирование.

Военное министерство, обновившееся с увольнением от должности министра Сухомлинова, начало больше понимать истинное положение вещей, нежели Ставка. Объясняется это также тем, что, являясь непосредственным распределителем людского запаса страны, оно первое же и должно было ощутить то, что источники этого запаса близятся к исчерпанию.

ПИСЬМО ВОЕННОГО МИНИСТРА ГЕНЕРАЛА ШУВАЕВА

В письме (№ 1497) от 8/22 декабря 1916 г. военный министр генерал Шуваев, сменивший на этом посту генерала Поливанова, пишет временно исполняющему должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералу В. И. Гурко:

«Я неоднократно обращал внимание начальника Штаба Верховного главнокомандующего, генерала Алексеева, как в личных беседах, так и в письменных с ним сношениях (письмо от 13 сентября с.г. № 3279, секретн.), на предстоящее в ближайшем будущем израсходование оставшихся не призванными контингентов военнообязанных, вследствие чего для поддержания до своего состава армии в штатном комплекте настоятельно необходимо наискорейшее принятие самых решительных мер как для достижения возможно бережливого расходования высылаемых в армию пополнений, так и для изыскания в самой армии источников дальнейшего пополнения ее боевого состава путем самого решительного сокращения ее небоевого состава, превышающего боевой по меньшей мере в 2 раза.

Независимо от сего по моим указаниям образованная при Главном управлении Генерального штаба междуведомственная комиссия, в работе которой принимал участие и помощник дежурного генерала при Верховном главнокомандующем, тщательно и всесторонне обсуждала и наметила целый ряд мер, самое энергичное и наискорейшее проведение коих в жизнь является настоятельно необходимым для обеспечения дальнейшего пополнения армии.

Без энергичного, и притом в самых широких размерах, осуществления намеченных означенной комиссией мер дальнейшее пополнение потерь армии станет в скором времени совершенно невозможным, о чем свидетельствуют нижеследующие данные:

1) После осуществления 25 октября с.г. призыва ратников II разряда сроков призыва 1899—1896 гг., т.е. людей в возрасте 38—41 лет включительно, остаются не призванными только два возраста ратников II разряда (все же возрасты ратников I разряда уже призваны) сроков призыва 1895 и 1894 гг., т.е. возраст 42 и 43 лет. Из них ратники призыва 1894 г. после 1 января перейдут предельный 43-летний возраст и потому не могут уже быть призваны на военную службу. Что же касается ратников призыва 1895 г., то в 1917 году эти ратники будут приближаться к 43-летнему предельному возрасту, вследствие чего, а также малой их физической годности для военной службы и настоятельной необходимости в интересах государственной обороны оставления рабочих рук не только в работающих на оборону промышленных предприятиях, но и в переживающем острый кризис (вследствие недостатка рабочих рук) сельском хозяйстве от призыва этих ратников необходимо отказаться или, во всяком случае, не призывать их ранее, чем будут проведены в жизнь все другие намеченные меры для пополнения армии более молодыми контингентами, ныне тем или иным путем не попавшими в ее боевой состав.

2) Таким образом, для дальнейшего пополнения армии могут быть призваны в течение всего 1917 года только:

а) Молодые люди, родившиеся в 1899 году, коим к 1 января 1917 года исполнилось 18 лет и которые при нормальных условиях подлежали бы призыву только в 1919 г. (молодых людей, родившихся в 1900 году, кои достигнут 18-летнего возраста только к январю 1918 г., призвать ранее января 1918 г. нельзя вследствие их физического недоразвития). Призыв их предположено произвести в январе 1917 г., дабы иметь возможность начать высылку их в армию по окончании не менее как 8-недельного обучения, со второй половины апреля 1917 года. Вследствие занятия противником значительного пространства территории государства, вероятного большого процента не пригодных для службы по физическому недоразвитию и необходимости пре-

доставления отсрочек призыва тем юношам, кои окажутся на важнейших работах государственного значения, надо ожидать, что этот досрочный призыв новобранцев 1919 г. в лучшем случае даст 700 000 человек.

б) Белобилетники, переосвидетельствование которых производится непрерывно, за исключением лишь тех периодов времени, когда внимание присутствия занято призывом в мобилизационном порядке ратников или новобранцев; эта мера может дать в течение 1917 года годных для строевой службы до 100 000 человек. Таким образом, оба указанных источника дадут в лучшем случае всего лишь до 800 000 человек.

Кроме того, по данным к 16 ноября с.г., в переменном составе запасных пехотных полков Петроградского, Одесского и внутренних округов состояло солдат, пригодных для отправления с маршевыми ротами (считая годными и лица в возрасте до 40 лет включительно), до 1 500 000 человек. Вполне же годных для строя и по возрасту, каковыми до последнего времени по соглашению со Штабом Верховного главнокомандующего, признавались лица только в возрасте до 36 лет включительно, среди означенных 1 500 000 человек насчитывается не более 900 000 человек.

Принимая во внимание, что для пополнения потерь в армии штаб Верховного главнокомандующего признает необходимым высылку ежемесячно в среднем 300 000 человек, можно сказать, что имеющихся в распоряжении Военного министерства контингентов хватит для продолжения войны лишь в течение 6—9 месяцев».

Далее в письме военного министра сообщалось, что вышеизложенные соображения были доложены 29 ноября (12 декабря) 1916 г. в Царском Селе Государю Императору ввиду поданной членами Государственной думы и Государственного совета цитированной нами выше всеподданнейшей записки.

При докладе военного министра был представлен следующий перечень источников укомплектования строевого состава армии, которые были намечены междуведомственной комиссией при Главном управлении Генерального штаба и энергичное и решительное использование которых являлось, по мнению военного министра, настоятельно необходимым. Перечень этот сохранился в делах Ставки (Дело Ставки, № 80—172 л., 154).

ПЕРЕЧЕНЬ
источников комплектования строевого состава армии

I. Военнообязанные, не находящиеся на действительной военной службе

1. Уклонившиеся

Самовольно (поверка, установление особых удостоверений, ответственность за уклонение).

Путем поступления на особый учет, в различные организации, работающие на оборону и т.п.

(Поверка, ответственность как уклонившегося, так и способствовавших уклонению.)

2. Получившие отсрочку

По ст. 348 Устава о воинской повинности.

(Срок, отсрочка заместителям.)

По закону 6 декабря 1915 г.

(Меры сокращения отсрочек и меры против злоупотреблений.)

3. Освобожденные от службы

По ст. 33 Устава о воинской повинности занимающие известную должность. По разновременно последовавшим Высочайшим повелениям: а) отдельным ходатайствам, б) возвращение в предприятия, работающие на оборону, в) возможность снятия с предприятия молодых возрастов.

4. Освобожденные от назначения в войска и зачисленные по призыву в предприятия и учреждения по ст. 319, по ст. 443, по ст. 445 Устава о воинской повинности (поверка и контроль, обращение к населению).

II. Находящиеся на действительной военной службе

1. Дезертиры (осмотры, облавы).

2. Отпускные, просрочившие отпуск, также командированные с различными поручениями (строгий учет отпускных и команди-

рованных, поверка, осмотры. Содействие местных гражданских властей).

3. Пересмотр и сокращение штатов. (Ст. 28 Полевого управления и постановления Военного совета.)

4. Недопущение прикомандирования сверх штата.

5. На должности, занимаемые по штату, по вольному найму назначать не военнообязанных, в крайнем случае не годных к строю. (Приходится давать отсрочки.)

6. Санитары (строго по штату каждого учреждения. Замена молодых возрастов женским трудом).

7. Организация Земгора, Земсоюза и пр. Штат, замена и порядок назначения специалистов и простых рабочих.

8. Отмена именных переводов и назначений, за исключением самого ограниченного количества специалистов по технической части. (Приказание начальника Штаба Верховного главнокомандующего.)

III. Меры

1. Немедленные, в целях скорейшего сбора военнообязанных и нижних чинов.

2. В целях пресечения уклонений в будущем. Установление ответственности непосредственных виновников и пособников.

Рассматривая вышеприведенный перечень, мы видим, что приближающееся исчерпание людского запаса России заставило Военное министерство обратить внимание на несостоятельность наших законоположений о воинской повинности. Даваемые этим законом изъятия представляли собой как бы щели, через которые в большом количестве утекал от службы в действующих войсках вполне боеспособный элемент. Приходилось произвести генеральный пересмотр всех этих изъятий и внимательно проверить их применение.

РЕВОЛЮЦИЯ

Разразившаяся в первых числах марта 1917 г. революция сделала эту работу невозможной. Наступивший в стране хаос нарушил планомерность укомплектования армии. Запасные ча-

сти, составлявшие гарнизон Петрограда, под предлогом «защиты революции» выговорили себе освобождение от боевой службы, и Временное правительство не смело посылать солдат этих частей на укомплектование армии. Пополнения из других запасных полков шли очень неохотно; дезертирование из маршевых рот, следующих на фронт, страшно возросло. Временное правительство, упорно настаивавшее на продолжении войны до «победного конца», находилось в трагическом положении. Трагичность положения увеличивалась еще тем, что независимо от нежелания народных масс продолжать войну Временное правительство должно было считаться с исчерпанием людского запаса.

Это трагическое положение ярко обрисовано в письме последнего военного министра Временного правительства генерала А. П. Верховского. В этом письме, помеченном 4/17 сентября 1917 г., генерал Верховский пишет временно вступившему[1] в исполнение обязанностей начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву:

«Несмотря на все принятые Военным министерством меры пополнения Действующей армии, выясняется, что некомплект ее не только не уменьшается, но все увеличивается. По заявлению дежурного генерала при Верховном главнокомандующем на последнем совещании в Ставке 25 августа с.г., некомплект всех фронтов возрос до 674 000 человек.

Такое положение повелительно указывает на то, что ведение войны в тех размерах, в коих она велась до последнего времени, нам непосильно. Необходимо прежде всего считаться с тем, что ныне страна вступила в 4-й год беспримерной по своей тяжести войны. Из населения взято более 15 000 000 работников, в стране полная разруха во всех отраслях экономической жизни, дальнейшее напряжение сил государства представляется немыслимым. Необходимо срочно принять крайне решительные меры в этом отношении, ясно представить себе те оставшиеся источники пополнения Действующей армии, которые находятся внутри страны.

В настоящее время в переменном составе запасных пехотных полков внутренних округов находится не более 450—500 тысяч человек, могущих быть отправленными на пополнение пехоты армии.

---

[1] Для ликвидации неудачного выступления генерала Корнилова.

Если лишить армию укомплектования специалистами, обратив их в строй, затем выслать на ее пополнение также и солдат запасных полков, предназначенных в учебные команды, школы прапорщиков, состоящих учителями и т.п., то это число может быть увеличено еще на 200—300 тысяч человек.

Итак, 700—800 тысяч человек — это последний ресурс, который могут дать запасные полки внутренних округов для дальнейшего ведения и окончания войны.

Правда, кроме указанных источников пополнения армии, для той же цели могут служить находящиеся внутри страны еще не призванные контингенты: 1) годные к строю белобилетники, переосвидетельствование которых почти повсеместно заканчивается; 2) выздоравливающие эвакуированные; 3) задержанные дезертиры и 4) снимаемые поверочными комиссиями с фабрик, заводов, железных дорог, общественных организаций и т.п. Однако число людей этих категорий вообще незначительно и неопределенно, поэтому не может служить основанием для расчетов и соображений на укомплектование армии.

Я не привожу здесь одного источника пополнения армии, который еще находится в стране, — это новобранцы 1920 г. (молодые люди, имеющие ныне 17—18 лет), так как считаю, что, выкачав из населения более 15 миллионов работников, брать из него еще 600—700 тысяч человек, не отдав ему кого-либо, совершенно невозможно.

Такое положение повелительно указывает, что без решительных мер мы придем к окончательному экономическому краху, анархии и гибели государства. Необходимо смело и открыто посмотреть правде в глаза. Из изложенного ясно видно, что если бы и удалось пополнить существующий ныне некомплект действующей армии, то все равно поддерживать ее в требуемом штатами комплекте штыков совершенно невозможно по отсутствию источников пополнения. Следовательно, необходимо принять энергичное решение — сократить армию, поддерживая ее в комплекте теми источниками, которые уже находятся в ней самой.

Прежде всего полагаю необходимым совершенно расформировать так называемые третьи дивизии[1], которые до настоящего

[1] Сформированные, как мы говорили выше, по инициативе исполняющего обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала В. И. Гурко. (*Прим. Н. Г.*)

времени, кроме вреда, ничего не приносили. Но освобождающихся за проведением этой меры бойцов не вливать в оставшиеся дивизии в виде организационных единиц (например, третьих бригад), а, пополнив ими существующий ныне некомплект в оставшихся дивизиях, отпустить по домам за счет образующегося таким образом излишка, элемент, совершенно не пригодный для ведения войны, как то: трижды раненных и возвращенных в строй и людей старше 40 лет. Другими словами, полагаю необходимым вернуть состав армии в исходное положение, с которого началась война, — именно в 150—160 дивизий, сбросив существующий ныне некомплект вовсе со счета.

Мера эта дала бы следующие выгоды: 1) омоложение личного состава как в строевых, так и в тыловых частях, 2) освобождение армии от наиболее утомленных и недовольных людей, 3) возвращение населению работников, 4) сокращение числа бездеятельных едоков, что урегулировало бы остроту продовольственного вопроса, 5) сокращение соответственным образом численности тыловых частей, учреждений, транспортов и т.д., что дало бы возможность разрешить наконец благоприятным образом укомплектование армии лошадьми и повозками, 6) при таких условиях возможно было бы призвать и новобранцев 1920 года, т.е. влить в армию наиболее молодой, ценный элемент, 7) облегчение демобилизации в будущем.

Попутно с этим считаю крайне необходимым пересмотреть с целью решительного сокращения штаты всех остающихся тыловых частей войск и особенно различных общественных организаций, строительств и т.п. (по сведениям, сообщенным из Ставки, число людей в общественных организациях достигает $3^1/_2$ миллиона человек).

Проведение изложенных мер необходимо самое срочное, время не ждет, и каждый пропущенный день утяжеляет положение».

Изложенным в письме генерала Верховского мерам не суждено было быть осуществленными. Через полтора месяца произошел большевистский переворот, и Россия вышла из рядов союзников.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ОТ ПРИЗЫВА

Для полноты сделанного нами очерка мы коснемся также вопроса о численности военнообязанных, работавших на оборону.

Согласно данным, извлеченным Отделом военной статистики Центрального статистического управления из материалов бывшего Главного штаба, число лиц, подлежавших призыву, но получивших отсрочку, исчисляется к 1 октября 1916 г.[1]:

Число предоставленных отсрочек
по призыву на военную службу (к концу 1916 года)

1) **по статье 319 Закона о воинской повинности**:
чины запаса, находящиеся на заводах и в предприятиях Военного и Морского ведомств, на железных дорогах, на коммерческих и портовых судах 173 000

2) по **статье 443 Закона о воинской повинности**:
ратники ополчения, находящиеся на заводах и в предприятиях Военного и Морского ведомств, на железных дорогах, на коммерческих и портовых судах 433 000

3) **по статье 348 Закона о воинской повинности**:
служащие в казенных учреждениях, явка которых могла неблагоприятно отразиться на ходе дела учреждения 64 000

4) **в порядке Закона 6 декабря 1915 г.**, предоставлявшего отсрочку военнообязанным всех категорий, работающим на оборону:
а) новобранцы 99 850
б) ратники Ополчения моложе 26 лет 175 650
в) на железнодорожных строительных работах 72 000
г) служащие по вольному найму в ведомстве Министерства путей сообщения 173 498
д) служащие в Земском и Городском союзах 5352
е) служащие и работающие в учреждениях Военно-промышленных комитетов 976 312
ж) служащие в частных кредитных учреждениях 3700

2 176 362

[1] См. таблицу № 70 на с. 88 и примечание к таблице № 70 на с. 16 «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)».

К концу войны число данных отсрочек возросло по крайней мере до $2^1/_2$ миллиона. По отношению к установленному выше общему числу призванных под знамена людей (около $15^1/_2$ миллиона) число освобожденных от призыва достигает 16 %.

Если рассматривать вопрос только в количественном отношении, то можно прийти к выводу, что вопрос освобождения квалифицированных работников[1] был у нас разрешен более чем удовлетворительно. Но если углубимся в существо вопроса, мы увидим совсем другую картину.

Решение вопроса об освобождении квалифицированных работников от призыва в армию во время войны является делом чрезвычайно сложным. Представляя собою освобождение от долга жертвовать кровью, оно очень легко может сойти с пути действительной государственной потребности на путь фиктивно законного уклонения от исполнения опасного для жизни долга. Правильное решение этого сложнейшего вопроса современной защиты государства возможно только для народов, стоящих на высоком уровне социального развития, — для народов, у которых прочно привито сознание социального долга и социальной справедливости.

Россия, вступившая в 1914 г. в мировую войну, была слишком далека от этого уровня. Ее положение ухудшалось еще тем, что наши законоположения о воинской повинности были слишком кустарны. Идея о том, что современная война ведется не только армиями, но всем народом — всем государством, — была воспринята не по существу, а только формально. Наше законодательство предвидело только освобождение перечисленных выше в пунктах 1, 2 и 3, т.е. освобождение от призыва служащих в казенных учреждениях, на казенных заводах, на железных дорогах и т.п. Генерал Сухомлинов и его сотрудники думали вести войну при помощи одних слабо развитых казенных заводов. Таким образом, с первого дня общей мобилизации нарушалась возможность участия всех сил страны в деле своевременного и полного снабжения современной сложной материальной части армии.

---

[1] Под словами «квалифицированные работники» мы понимаем лиц всех родов деятельности, обладающих специальными знаниями или умением, а не только «квалифицированных фабрично-заводских рабочих»; для обозначения последних мы будем употреблять слова «квалифицированные рабочие».

«При первой же мобилизации, — пишет член Государственной думы Б. А. Энгельгардт[1], — огромное количество квалифицированных рабочих было отправлено в войска. Было ясно, что опытный слесарь принесет несравненно больше пользы у своего станка, чем в окопах, но сознание этого в правящих кругах явилось значительно позднее.

Промышленники, непосредственно затронутые в своих интересах уходом опытных рабочих на фронт, первые подняли вопль о необходимости более бережного отношения к промышленности. Однако, руководствуясь несколько узко понятым принципом — "тыл должен всем пожертвовать для фронта", — военные власти вначале оставались глухи к этому воплю.

Но когда утрата квалифицированных рабочих сказалась на заводах и в копях понижением их производительности, опасность этого явления стала мало-помалу проникать в сознание центрального Военного ведомства и общественных кругов.

Военное же начальство в лице Ставки и младших военных соединений, загипнотизированное непосредственными нуждами фронта, до конца войны не давало себе отчета в том, насколько выкачивание сил из центра страны допустимо в интересах фронта.

Наше центральное ведомство оказывалось в этом случае в весьма трудном положении.

Оно прекрасно видело и понимало, насколько люди нужны Ставке и что они столь же необходимы лихорадочно работающей промышленности, но по самой структуре нашей правительственной власти оно не имело возможности занять роль арбитра в деле распределения сил между фронтом и тылом.

Приходилось действовать по линии наименьшего сопротивления и идти путем компромиссов.

В деле установления сроков и размеров призывов оно руководствовалось исключительно указаниями Ставки; в отдельных частных случаях оно стало проявлять подчас даже вредную слабость и уступчивость, особенно при предоставлении отсрочек и

[1] Б. А. Энгельгардт, как окончивший в свое время Императорскую Николаевскую военную академию, играл видную роль в работах Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства; цитируемая выдержка взята из его монографии. Тетрадь II. С. 18—22.

увольнений лицам с известным образовательным цензом, пригодным к занятию офицерских должностей.

К этому времени нужно отнести широкое развитие деятельности Военно-промышленного комитета и Всероссийского союза земств и городов, которые поглощали огромное количество интеллигентных служащих.

Нельзя отрицать большой пользы, принесенной этими организациями. Без их помощи наше интендантство вряд ли даже справилось бы с той огромной задачей, которая ему была предъявлена...

Нужно все же признать, что эти организации преувеличивали свои потребности в здоровых интеллигентных работниках. Там, где с успехом могла бы подвизаться аккуратная дама, они сажали крепкого мужчину, и вскоре Земгор сделался убежищем лиц, желавших укрыться от военной службы в опасное время войны».

Приведенные выше цифры показывают, что число освобожденных от призыва служащих в Земском и Городском союзах достигало всего 5352 человек. Таким образом, только что приведенное обвинение Б. А. Энгельгардтом Земгора несправедливо.

Но если мы просмотрим цифры освобожденных по настоянию Военно-промышленного комитета, то мы увидим ее достигающей почти миллиона. Упрек Б. А. Энгельгардта направлен не по адресу, но по существу дела правилен. Малое сознание в интеллигентных кругах России того, что защита родины с оружием в руках является долгом каждого гражданина, приводило к тому, что «интеллигент легко устраивался» в тылу или на «безопасных» местах армии. Автору лично приходилось видеть лиц, продолжавших носить полковничий мундир, несмотря на то что они стояли не во главе полков, а во главе учреждений Красного Креста, и это было в то время, когда каждый, даже младший офицер ценился в войсках на вес золота.

В такой обстановке Военное министерство, несмотря на благие намерения, оставалось бессильным. Каждый раз, когда оно принимало меры против «амбюскирования», эти меры били главным образом по рабочему и крестьянину. Всякий же раз, когда оно шло навстречу сохранению для работы в тылу квалифицированных работников, наряду с действительно нужными рабочими забронировывалось большое число «амбюске» из интеллигенции.

Призыв с объявлением войны под знамена квалифицированных рабочих привел к тому, что большинство из них в первые же кампании было выбито. Когда же в 1915 г. было приступлено к развертыванию отечественной промышленности и потребовалось увеличение численности рабочих, то это усиление могло быть произведено только за счет неквалифицированных рабочих. В результате получилось большое понижение производительности работы, что, в свою очередь, еще увеличивало потребность в рабочих руках.

Б. А. Энгельгардт, исследовавший этот вопрос во время своей работы в Особом совещании по обороне, приводит в своей монографии следующие характерные цифры:

В 1913 г. *добыча угля на одного рабочего в год* выражалась цифрой	9200 пудов
в 1914 г.	9000 пудов
в 1915 г.	8990 пудов
в 1916 г.	7451 пуд

Указание на повышенное требование в рабочих руках можно встретить в приведенной выше Всеподданнейшей докладной записке, поданной в ноябре 1916 г. Государю группой членов Государственной думы и Государственного совета, участвовавших в работах Особого совещания по обороне.

«...Включение в ряды войск многих квалифицированных рабочих, общее число которых у нас вообще незначительно, — говорится в записке, — с неизбежной заменой их на заводах рабочими, к сложным производствам либо специальным работам не привычными, повлекло за собой увеличение общего числа заводских рабочих без соответственного увеличения производительности заводов. Особенно это отразилось на добыче угля, где увеличение числа рабочих с 175 000 до 250 000 из-за замены опытных углекопов неопытными лишь незначительно увеличило общую добычу угля».

Указывая выше на то, что стремление уклониться от боевой службы было, к сожалению, более развито в России, нежели в Германии, Франции и Великобритании, мы вовсе не отрицаем наличия чувства патриотизма в русском народе. Вопрос идет лишь о недостаточном социальном осознании долга перед Родиной. Во всех народах

имелись плохие патриоты и хорошие. Вопрос же заключается в том, чтобы само общество контролировало своих членов и само побуждало идти в армию тех, кто имел тенденцию задерживаться в тылу. В Англии барышни преподносили здоровым молодым людям, не пошедшим в армию, пух как эмблему отсутствия мужества.

Создавшееся у нас положение вещей отразилось на интеллигентском классе населения тем, что в нем произошло очень резкое расслоение: элементы с мало развитым патриотическим чувством усиленно устраивались в тылу, так как такое «устройство» было для них более достижимо, чем для представителей простого народа; элементы же патриотически настроенные шли на фронт, часто вопреки тому, что государство было действительно заинтересовано в их пребывании в тылу.

Появление всей патриотически настроенной интеллигенции на фронте, несомненно, чрезвычайно благотворно отразилось на армии, так как вся эта часть интеллигенции и явилась «офицерами военного времени», заменившими быстро убывавших в боях кадровых офицеров. Но, в свою очередь, эта патриотически настроенная интеллигенция начала тоже ускоренно «выбиваться» на полях сражений.

Подобно тому, как убыль квалифицированных рабочих в первые две кампании отразилась на понижении производительности фабрично-заводской работы, так и ускоренная гибель квинтэссенции сознательных патриотов России должна была привести к падению национального чувства в народных массах.

Эти народные массы не видели геройской жертвы тех интеллигентов, которые офицерами сражались в рядах армии, но они каждодневно видели легкое «амбюскирование» тех, кто пожелал остаться. Это, конечно, не могло содействовать развитию и укреплению в народных массах идеи священного долга каждого гражданина защищать свою Родину, а также сознания необходимости продолжения вооруженной борьбы с центральными державами.

Подводя итог использования квалифицированных работников, мы должны подчеркнуть «примитивный» характер этого использования. В этом отношении Россия уподобилась хозяину, пытающемуся организовать работу большой фабрики, используя приемы, годные лишь для ведения кустарного предприятия.

Численность призванных в армию людей ($15^1/_2$ миллиона) и военнообязанных, получивших отсрочку ввиду того, что их работа

признавалась так или иначе нужной для Родины ($2^1/_2$ миллиона), достигала громадной цифры в 18 миллионов человек. Но отсутствие принципов «научной организации» приводило часто к непроизводительной растрате ценнейших элементов нашей людской силы, к уменьшению продуктивности общего напряжения и к увеличенной чувствительности этого напряжения для страны.

ДОБАВОЧНАЯ «ЖИВАЯ СИЛА» В ЛИЦЕ ВЗЯТЫХ НАМИ ПЛЕННЫХ

В добавление к этому очерку приведем указание на то количество пленных, которое захватила Россия у своих врагов в течение войны 1914—1917 гг. Ввиду того, что количество пленных измеряется семизначной цифрой, они могли явиться в народном и государственном хозяйстве очень серьезной добавочной рабочей силой. Требовалась только продуманная система использования этой прибавочной силы. К сожалению, в полной мере это сделано не было, и это значительно понизило ту сумму пользы, которую можно было извлечь.

В книге, изданной Отделом военной статистики Центрального статистического управления[1], напечатаны сведения, извлеченные из материалов бывшего Главного штаба, производившего специальное обследование вражеских военнопленных в местах их водворения.

Из приведенных двух таблиц мы видим, что общий итог захваченных Русской армией военнопленных достигал почти двух миллионов врагов.

Размещение захваченных Русской армией военнопленных

	Численность военнопленных			
Наименование округов	На разных работах	На фронтовых работах	В округах внутр. района	Всего
1	2	3	4	5
Московский	—	—	252 081	252 087
Казанский	—	—	285 376	285 376
Омский	—	—	207 001	297 001

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 15 и 41.

1	2	3	4	5
Иркутский	—	—	36 388	36 388
Приамурский	—	—	14 306	14 306
Туркестанский	—	—	41 285	41 285
Петроградский	39 795	22 000	—	61 795
Двинский	41 447	15 500	—	56 947
Минский	59 170	19 077	—	78 247
Киевский	156 078	250 000	—	406 078
Кавказский	50 091	30 000	—	80 091
Одесский	114 481	103 085	—	217 566
Область В. Донского	76 297	—	—	76 297
Всего	537 359	439 662	836 437	1 813 458

Достижение численности вражеских военнопленных, взятых с начала войны по 1 сентября 1917 г.

	Страны происхождения военнопленных				
	Германия	Австрия	Турция	Болгария	Всего
В пунктах водворения, в лечебных заведениях и на работах	143 602	1 605 828	63 363	665	1 813 458
Отправлено на формирование частей и в распоряжение союзных правительств	2639	36 639	—	—	39 278
Отправлено инвалидов на родину	2996	16 526	258	—	19 780
Отправлено для интернирования в нейтральные страны	366	1118	—	—	1484
Умерло	4575	46 448	582	3	51 608
Бежало	5212	30 205	306	2	35 725
Всего	159 390	1 736 764	64 509	670	1 961 333

Приложение № 1

Война 1914—1917 гг. и крестьянское хозяйство
(по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

Наименование губерний и обл.	% взятых в армию			% труд. мужчин от всей численности мужчин	% труд. мужчин от общего итога населения	Число душ на одно хозяйство	Число лиц мужского пола на 1 хозяйство	Число трудоспособных мужчин на 1 хозяйство	В том числе взято в армию на одно хозяйство
	ко всему населению	к числу всех мужчин	к числу трудоспособных мужчин						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Архангельская	10,8	22,4	45,9	48,6	23,7	5,5	2,7	1,3	0,6
2. Астраханская	10,7	17,2	45,7	46,1	23,5	5,7	2,9	1,3	0,6
3. Витебская	13,0	25,8	52,2	49,4	24,9	6,0	3,0	1,5	0,7
4. Владимирская	10,7	22,4	46,3	48,3	23,2	5,5	2,6	1,2	0,6
5. Вологодская	12,7	26,2	52,3	50,1	24,4	5,4	2,6	1,3	0,6
6. Волынская	12,1	24,1	49,9	48,4	24,3	5,6	2,8	1,3	0,6
7. Вятская	11,8	24,2	49,1	49,2	24,1	6,2	3,0	1,4	0,7
8. Донская	10,4	20,7	43,4	47,6	24,1	6,4	3,2	1,5	0,6
9. Екатеринославская	8,4	17,7	34,2	51,9	24,5	6,2	2,9	1,5	0,5
10. Казанская	10,7	21,4	44,8	47,7	23,9	5,3	2,6	1,2	0,6
11. Калужская	11,5	24,0	48,1	50,0	24,1	6,1	3,0	1,5	0,7
12. Киевская	12,2	24,7	51,8	47,8	23,7	5,3	2,6	1,2	0,6
13. Костромская	11,5	24,2	49,0	49,4	23,6	5,3	2,5	1,2	0,6
14. Курская	12,6	25,1	53,3	47,1	23,7	6,4	3,2	1,5	0,8
15. Могилевская	12,6	25,2	50,7	49,9	25,0	6,7	3,3	1,6	0,8
16. Московская	10,6	22,4	45,1	49,6	23,6	5,3	2,5	1,2	0,5
17. Нижегородская	10,9	22,6	46,9	48,1	23,3	5,3	2,6	1,2	0,5
18. Новгородская	12,2	25,1	49,0	51,1	24,0	5,5	2,6	1,3	0,6
19. Олонецкая	12,8	26,3	51,8	50,8	24,7	5,5	2,7	1,3	0,7
20. Оренбургская	11,7	23,1	49,6	46,4	23,6	5,6	2,8	1,3	0,6

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
21. Орловская	11,4	23,0	47,4	48,5	24,2	6,2	3,1	1,5	0,7
22. Пензенская	10,6	21,4	46,7	45,8	22,7	5,7	2,8	1,3	0,6
23. Пермская	9,0	18,2	36,8	49,2	24,3	5,2	2,5	1,2	0,4
24. Петроградская	9,8	20,1	39,7	50,3	24,5	5,2	2,5	1,2	0,5
25. Полтавская	12,0	23,8	49,4	48,1	24,2	6,0	3,0	1,2	0,7
26. Рязанская	11,2	22,8	48,1	47,5	23,4	6,2	3,1	1,4	0,7
27. Самарская	11,4	22,8	49,1	46,6	23,4	6,1	3,1	1,4	0,7
28. Саратовская	11,2	22,4	47,3	47,3	23,7	5,8	2,9	1,4	0,6
29. Смоленская	10,4	21,4	43,9	48,8	23,8	6,1	3,0	1,3	0,6
30. Симбирская	11,4	23,1	49,4	46,7	23,1	5,5	2,7	1,4	0,6
31. Тамбовская	11,1	22,4	47,6	47,1	23,4	6,0	3,0	1,2	0,6
32. Тверская	10,1	21,3	42,5	50,0	23,7	5,4	2,5	1,4	0,5
33. Тульская	11,3	23,0	48,5	47,4	23,4	5,8	2,9	1,2	0,6
34. Уфимская	10,6	20,9	44,6	46,7	23,8	5,6	2,8	1,3	0,6
35. Харьковская	11,7	23,0	49,1	46,9	23,8	6,2	3,1	1,3	0,7
36. Черниговская	12,4	24,7	50,6	48,9	24,5	6,1	3,0	1,3	0,7
37. Ярославская	11,9	23,5	50,0	51,0	23,8	4,8	2,2	1,1	0,5
38. Акмолинская	12,8	24,6	60,6	40,6	21,2	6,1	3,2	1,3	0,7
39. Алтайская	11,8	23,2	53,6	43,3	22,0	6,1	3,1	1,3	0,7
40. Амурская	12,5	23,5	55,8	42,7	22,7	6,4	3,4	1,4	0,8
41. Енисейская	9,0	17,5	38,8	45,0	23,1	5,8	3,0	1,3	0,5
42. Забайкальская	13,0	25,3	54,8	46,3	23,7	5,9	3,0	1,4	0,7
43. Иркутская	11,5	22,2	49,5	44,8	23,2	5,8	3,0	1,3	0,6
44. Приморская	10,8	20,1	43,4	46,5	25,0	5,7	3,0	1,4	0,6
45. Семипалатинская	10,5	20,1	44,2	45,1	23,6	6,1	3,2	1,4	0,7
46. Семиреченская	12,2	22,9	49,3	46,4	24,8	6,1	3,3	1,5	0,7
47. Тобольская	12,2	24,2	51,8	46,7	23,6	5,7	2,9	1,3	0,6
48. Томская	11,5	22,6	51,5	43,9	22,4	5,8	3,0	1,3	0,6
49. Уральская	6,0	11,6	24,3	47,9	24,6	6,0	3,0	1,4	0,3
50. Якутская	0,4	0,7	1,5	49,4	25,8	4,2	2,2	1,0	0,1
Средняя	11,2	22,6	47,4	47,8	23,7	5,8	2,9	1,3	0,6

Приложение № 2

ОТВЕТ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО (ГЕНЕРАЛА В. И. ГУРКО) НА ДОКЛАД ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О ПРИБЛИЖАЮЩЕМСЯ ИСЧЕРПАНИИ ЛЮДСКОГО ЗАПАСА

Начальник Штаба
Верховного главнокомандующего

Его Высокопревосходительству
М. В. РОДЗЯНКО,
Председателю
Государственной думы

9 февраля 1917 г.

Милостивый государь,
Михаил Владимирович

По повелению ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству на всеподданнейшую записку 28 членов Государственного совета и Государственной думы, участников Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, подписанную и Вами, нижеследующее:

Всеподданнейшая записка Ваша была сообщена мною в копии Главнокомандующим Северного, Западного и Юго-Западного фронтов и подвергнута ими и мною самому тщательному и всестороннему рассмотрению.

Единодушное заключение генерал-адъютантов Рузского, Эверта и Брусилова по поводу представленных Вами мероприятий, к коему присоединяюсь и я, сводится к следующим положениям, кои являются, безусловно, необходимыми для дальнейшего успешного продолжения войны и доведения ее до победного конца.

Отказ от дальнейшего увеличения нашей армии за счет оставшегося в стране населения, за исключением очередного призыва 1919 года, а по достижении 18-летнего возраста и призывов последующих годов (п. I Записки), признается недопустимым. Самый важный год в этой войне будет, несомненно, 1917 год, и это требует

полного напряжения сил государства именно в настоящем году, от успешности боевых действий коего будет зависеть выигрыш кампании. Отказаться категорически в такое время от 750 тыс. (150 тыс. ратников II разряда и 600 тыс. переосвидетельствованных белобилетников) бойцов представляется невозможным, но, конечно, на этот ресурс Империи надо смотреть как на крайний, и без чрезвычайной надобности он использован не будет.

Мы не можем и не должны отказываться от дальнейшего увеличения нашей армии; мы обязаны выставить против наших противников, не останавливающихся ни перед какими жертвами для развития своих вооруженных сил, пополненные и увеличенные могучие боевые единицы. Это вызывается также тем обстоятельством, что в далеком прошлом наш фронт протянулся до устьев Дуная.

Для достижения своей цели противники наши не останавливаются ни перед призывами старших возрастов, ни перед привлечением на свою родину рабочих из занятых ими по праву войны областей, ни перед изданием закона об общей рабочей повинности, ни, наконец, перед самым широким развитием труда женщин. Этому примеру должны следовать и мы; необходимо, чтобы стремление к доведению войны до победоносного конца выражалось не только словами, но было бы проведено и на деле. В настоящей кровопролитной, затяжной войне возьмет верх та сторона, которая не пожалеет ни сил, ни средств для достижения победы.

Постепенное привлечение к военной службе инородцев, к тому законом ныне не обязанных (п. 2 Записки), представляется желательным, но принести особо осязательной пользы мероприятие это не может, с одной стороны, потому, что не несущие воинской повинности инородцы немногочисленны, а с другой — потому, что большая часть их склонна к конной, а не пехотной службе; кавалерия же наша, по условиям настоящей войны, не нуждается в особо значительном развитии. Зачисление же инородцев теперь против желания в пехоту не только не принесет пользы, но может оказаться даже вредным, так как, без сомнения, вызовет среди них большое неудовольствие; времени же для постепенного подготовления их к военной службе не имеется, и мероприятие это при проведении в жизнь могло бы дать результаты лишь в более или менее отдаленном будущем; между тем солдаты нужны нам

теперь. Кроме того, по мнению строевого начальства, большинство инородцев, несмотря на свою воинственность, упорством в бою не отличается и заменить русских солдат не может.

Возвращение на заводы квалифицированных рабочих с заменою их соответствующим числом подлежащих освидетельствованию и признанных годными для несения военной службы белобилетников и оставшихся в стране ратников II разряда (п. 3 Записки) — с точки зрения строевого начальства допустимо лишь в частных единичных случаях и, следовательно, может принести лишь незначительную пользу; массовая же замена признается теми же лицами в высшей степени вредной, ибо может вызвать резкое неудовольствие в среде боевых товарищей возвращаемых рабочих и повлечь за собою бесчисленное количество просьб о возвращении, жалоб и нареканий на злоупотребления разного рода и даже создать почву для самих злоупотреблений, а в результате всего — деморализацию армии. Ввиду сего от широкого развития этого мероприятия, несомненно, полезного для промышленности, работающей на армию, — в интересах поддержания в армиях твердого боевого духа приходится отказаться.

Увеличение числа бойцов армии за счет тыловых частей последних и, в частности, устройство лечебных заведений для легкораненых вблизи фронта, без эвакуации их в глубь страны (п. 4 Записки), признается и самой армией существенно важным, и для достижения этого уже ранее принимались и ныне принимаются самые решительные меры, однако по условиям, в которых войскам приходится жить и действовать и которых быстро, теперь же, изменить нельзя, и это мероприятие применяется с большим трудом. Недостаток железных, шоссейных и даже хороших грунтовых дорог вынуждает нас иметь, кроме боевой армии, еще целые армии тыловых частей, обслуживающие боевые армии и едва справляющиеся со своей задачей, в особенности в период распутицы и во время интенсивных боев. Однако указанные в записке цифры соотношения численного состава тыловых и боевых войск на фронтах не вполне отвечают действительности; по имеющимся в штабах сведениям, строевые нижние чины фронтов, считая ополчение, но без запасных частей, составляли на 1 декабря минувшего года 65 % всего числа войск (с частями вспомогательного назначения), состоящих на фронтах, и дальнейшее существенное увеличение числа бойцов

за счет тыла, без серьезного улучшения наших технических и перевязочных средств совершенно невозможно без ухудшения санитарного состояния войск.

Оставление легкораненых для лечения в пределах фронта было впервые применено еще в 1914 году, с тех пор значительно увеличено и признается настоятельно необходимым и в настоящее время; однако в период больших боевых столкновений за невозможностью сразу перевезти всех тяжелораненых в глубь империи от этого мероприятия зачастую приходится отказываться, чтобы не переполнять лечебных заведений фронта ранеными всех категорий, а поэтому в такие периоды и легкораненых приходится эвакуировать в глубь империи.

Что касается бережливого расходования человеческого материала при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара (п. 5 Записки), то принцип этот, за весьма редкими исключениями, обусловленными крайней к тому необходимостью, проводился до сего времени и, разумеется, будет проводиться и впредь с самой определенной настойчивостью. Однако какое-либо давление на начальников в этом чрезвычайно деликатном вопросе, несомненно, повлекло бы к угашению в них предприимчивости и наступательного порыва.

Могучая артиллерия и технические средства, хотя бы такие же, как у наших противников, весьма понизили бы наши потери, но о подобном уравнении, по крайней мере в ближайшее время, не приходится и думать; между тем противники наши стремятся не выпускать инициативы ведения войны из своих рук и сами беспрестанно вынуждают нас к боевым столкновениям.

Изложенное прошу Вас не отказать сообщить от себя всем членам Государственного совета и Государственной думы, подписавшим Всеподданнейшую записку.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Подписал: Василий Гурко

Глава пятая

ПОТЕРИ РУССКОЙ АРМИИ В ЛИЧНОМ СОСТАВЕ

Трудность проблемы. — Данные советской статистики. — Число раненых. — Исчисление доктора В. Г. Авramова. — Число умерших от ран. — Число убитых. — Число пленных. — Итоги боевых потерь. — Сравнение русских кровавых потерь с французскими и германскими. — Распределение боевых потерь по различным периодам войны. — Взаимоотношение офицерских и солдатских потерь. — Характеристика боевых потерь в различных родах войск. — Характеристика боевых потерь командного состава. — Характеристика боевых потерь по губерниям Европейской России. — Заболевшие. — Инвалиды.

ТРУДНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Прошло 20 лет после трагического для России октября, когда, заливаемая кровью вспыхнувшей Гражданской войны, среди зарева пожаров, она вышла из рядов своих союзников. Несмотря на этот большой срок, вопрос о потерях, понесенных ее армией во время борьбы с центральными державами, остается до сих пор не решенным, и приходится сознаться, что вряд ли можно рассчитывать на то, что и в будущем удастся с необходимою точностью определить истинные размеры этих потерь.

Один из главных советских исследователей вопроса о потерях в войну 1914—1917 гг., г-н Л. И. Сазонов, в распоряжении которого находился весь сохранившийся в России материал по инте-

ресующему нас вопросу, пришел к следующему печальному заключению[1]: «Установление точной цифры потерь вообще, а также выяснение по различным категориям их, т.е. убитыми, ранеными, контуженым, пленными и пропавшими без вести, представляет громадные затруднения ввиду отсутствия соответствующего, хотя бы и сырого, но достаточно полного и достоверного материала».

Материалы, нужные для исчисления потерь, сосредотачивались во время войны в Петрограде. Демагогическая большевистская власть, игравшая на невежестве толпы, смотрела сквозь пальцы, как эти ценные исторические материалы расхищались, уничтожались и перебрасывались с места на место. В конечном итоге часть этих остатков, касавшаяся деятельности Главного военно-санитарного управления, была перевезена в разрозненном виде в Москву, ставшую столицей Союза Советских Республик.

Но и без этих привходящих данных изучение потерь Русской армии в мировую войну было бы делом очень трудным; беспримерное количество бойцов, переходы целых областей в руки неприятеля, длительность войны — все это являлось само по себе фактором, до крайности затрудняющим сбор нужных данных. Если прибавить к этому многочисленность инстанций, занимавшихся регистрацией потерь (кроме органов армейского управления, этим делом занимались Красный Крест, Земский и Городской союзы и многие другие учреждения), и в то же время отсутствие однообразной стройной и научно продуманной системы этой регистрации, то станет вполне понятным сомнение в самой возможности точного определения потерь в личном составе нашей армии в войну 1914—1917 гг.[2].

В интересах дальнейших попыток разработки затронутого в настоящей главе вопроса по первичным материалам, хранящимся в России, считаем полезным сообщить следующие данные.

По окончании Гражданской войны, когда большевистская власть несколько опомнилась от того кровавого угара, в который она ввергла несчастную Россию, учет военных потерь

---

[1] Статья «Потери России в войну 1914—1918 гг.», напечатанная в выпуске «Трудов Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.». С. 161.

[2] *Биншток В. И.* Военные потери России в войну 1914—1919 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 142.

как за время мировой войны, так и за время Гражданской и польско-советской войн был поручен Отчетно-статистическому отделу Командного управления Всероссийского Главного штаба (впоследствии Штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии, или, в сокращенном виде, РККА), причем учет потерь и выдача справок по Красной армии были возложены на 1-ю часть Отдела, находившуюся первоначально в Москве, а затем, с 1921 г., переведенную в Петроград, а по прежней Русской армии — на 2-ю часть Отдела, находящуюся в Петрограде. На эту 2-ю часть Отдела была возложена громадная работа по проверке и сличению сохранившихся донесений войсковых начальников и штабов с картотекой в 18 000 000 именных карточек. 9 000 000 из этих карточек было заведено в течение самой войны учреждениями, непосредственно ведавшими эвакуацией и учетом потерь; около 9 000 000 таких же карточек поступило от учреждений Красного Креста, союзов земств и городов, со сведениями о лицах, находившихся в различного рода лазаретах и госпиталях поименованных организаций. Среди миллионов этих карточек имеется много совершенно не пригодных для статистической обработки, так как многие карточки содержат лишь фамилию лица, находившегося на излечении, без указания на принадлежность его к той или иной войсковой части, а также без указания времени и места ранения и пр. Разработка этого карточного материала требует большого состава сотрудников, а между тем штат Отдела сокращен до минимума.

Из всей работы, выпавшей на долю 2-й части ОС Отдела[1], небольшая часть в настоящее время закончена. На основании сохранившихся подлинных донесений войсковых начальников и их штабов составлены сводные ведомости на чинов, выбывших из рядов армии по причинам ранения, контузий, смерти, безвестного отсутствия и пр. Общие итоги потерь, полученные при этом первоначальном подсчете, следует считать, по мнению самого Отдела, безусловно, неточными и преуменьшенными по сравнению с действительной убылью.

Главной причиной неточности подобной работы является то, что большое количество донесений войсковых начальников и их штабов пропало при хаосе, переживаемом Русской армией

[1] Отчетно-статистического отдела.

во время революции и в особенности после захвата власти партией большевиков. Другой, чрезвычайно существенной причиной, мешающей выяснению истинных итогов потерь по различным категориям, является невозможность расшифровать категорию «без вести пропавшие». В эту категорию попало много убитых и раненых, оставленных своими частями; несомненно, в эту категорию часто включались и попавшие в плен. По совершенно правильному мнению ОС Отдела, необходимо сопоставить «фронтовой» материал (находящийся в процессе заведения) с материалами Центрального управления по эвакуации населения (Центроэвака) в отношении военнопленных и, кроме того, с материалом об эвакуированных, находившихся в санитарных учреждениях на излечении (вышеуказанные 9 000 000 карточек). Однако и после завершения этой работы итоги потерь все-таки будут страдать неполнотой. Материалы на эвакуированных хотя и дополняют существенным образом цифры потерь ранеными, контуженными и больными, но число оставшихся на полях сражений так и останется невыясненным. Между тем донесения войск и штабов являются именно в этом отношении наиболее неполными и неточными, и это не по причине нежелания, а потому, что переживаемый войсковою частью в этих случаях кризис лишает ее фактической возможности составить правдоподобное донесение. Стоит только представить себе обстановку, подобную той, в которой находились доблестные войска центральных корпусов армии генерала Самсонова в период катастрофы, или обстановку кампании 1915 г., когда наша армия без снарядов и ружей отступала из Галиции, Польши и Литвы, заливая каждую пядь земли своей кровью.

Вот почему не подлежит сомнению, что значительное число убитых и раненых ускользает из учета, уменьшая весьма значительно цифры, которые могут быть установлены даже после самого основательного изучения сохранившегося в России материала.

ДАННЫЕ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ

Первичный подсчет, сделанный Отчетно-статистическим отделом в 1920 г.[1], дал следующие итоги:

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 168.

Убитых	511 068
Умерших	35 185
Раненых	2 830 262
Без вести пропавших	1 936 278
Всего	5 312 793

Эти итоги являются слишком явно неполными. В этом можно убедиться хотя бы из сопоставления числа раненых и убитых, с одной стороны, и числа умерших — с другой; это число умерших от ран при почти трех миллионах раненых должно измеряться сотнями тысяч.

В 1925 г. Отдел военной статистики советского Центрального статистического управления напечатал[1] таблицу о боевых потерях Русской армии в мировую войну. Окончательные итоги этой таблицы таковы:

Убитые	626 440
Умершие от ран	17 174
Раненые (контуженые и отравленные)	2 754 202
Без вести пропавшие и пленные	3 638 271
Всего	7 036 087

Сравнивая оба вышеприведенных исчисления, мы увидим следующее: а) число убитых при втором исчислении возросло на 115 тысяч; б) число умерших от ран по-прежнему измеряется совершенно не соответствующим общему размеру кровавых потерь числом; в) число раненых во втором исчислении оказалось на 76 тысяч меньше, чем при первом; г) зато возросло число без вести пропавших ввиду суммирования его с числом пленных, что и привело к увеличению общего итога боевых потерь почти на два миллиона.

Это сравнение приводит нас к заключению, что вновь опубликованные советскими статистическими учреждениями цифры «кровавых» потерь (т.е. убитыми, умершими, ранеными, контуженными, отравленными) меньше действительных и что значительная часть последних по-прежнему скрыта в категории «без вести пропавшие».

---

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 30.

В комментариях[1] к разбираемой нами таблице «Боевые потери» советское Центральное статистическое управление указывает, что «сведения о боевых потерях получены ЦСУ путем обработки сводок бывшего Главного управления Генерального штаба, составлявшихся на убитых, раненых, контуженых и отравленных газами по сведениям, полученным с театра военных действий, а в отношении военнопленных и без вести пропавших — по сообщениям Комитета по делам военнопленных Красного Креста, находившегося в Копенгагене. Данные не заключают в себе потерь эвакуационного характера (т.е. умерших в лазаретах и больных, эвакуированных в тыл). Сырой табличный материал был любезно предоставлен ЦСУ Отчетно-статистическим отделом РККА».

Для того чтобы уяснить только что приведенное заявление Советского статистического управления, попробуем сопоставить итоги разбираемой нами таблицы с цифровыми материалами, собиравшимися в течение войны в нашем Главном управлении Генерального штаба. Согласно только что упомянутым данным советского Центрального статистического управления, боевые потери по годам войны распределяются так:

	1914 и 1915 гг.	1916 г.	1917 г.	Всего
Убитые	312 607	261 096	52 737	626 440
Умершие от ран	4967	8687	3520	17 174
Раненые[2]	1 537 849	995 106	221 247	1 754 202
Пленные и без вести пропавшие	1 547 590	1 172 448	918 233	3 638 271
Итого	3 403 013	2 437 337	1 915 737	7 036 087

В нашем распоряжении имеется секретный Всеподданнейший отчет военного министра за 1916 год. Подлинный экземпляр этого отчета за № 25 передан на хранение в библиотеку — Carnegie Endowment for International Peace[3].

---

[1] Россия в мировой войне (в цифрах). С. 15.

[2] Под словом «раненые» мы всегда будем понимать также и контуженых и отравленных.

[3] Копии же этого секретного отчета хранятся: одна в Hoover War Library, другая в архиве генерала Н. Н. Головина.

На странице 15 этого отчета потери в личном составе Русской армии за время с 1 января 1916 г. по 1 января 1917 г. указываются следующими:

	Офицеров и классн. чинов	Нижних чинов	Всего
Убитые	6146	306 640	312 786
Умершие от ран	1486	3481	4967
Раненые	24 695	1 513 149	1 537 844
Без вести пропавшие	3560	500 039	503 599
В плену	9222	1 034 077	1 043 299
Итого	45 109	3 357 386	3 402 295

При сопоставлении итогов кровавых потерь Всеподданнейшего отчета военного министра за 1916 год обнаруживается почти тождество их с соответствующими итогами таблицы «боевые потери» ЦСУ (для убитых и умерших от ран 269 734 и 269 784; для раненых 995 118 и 995 106).

В сведениях, полученных Ставкой из Главного управления Генерального штаба, боевые потери Русской армии с первого дня войны по 1 января 1916 г. исчисляются так:

	Офицеров и классн. чинов	Нижних чинов	Всего
Убитые	6146	306 640	312 786
Умершие от ран	1486	3481	4967
Раненые	24 695	1 513 149	1 537 844
Без вести пропавшие	3560	500 039	503 599
В плену	9222	1 034 077	1 043 299
Итого	45 109	3 357 386	3 402 295

Если мы сравним эти итоги с разбираемой нами таблицей «боевых потерь» советского Центрального статистического управления, то мы обнаружим еще большее совпадение, а именно:

	По данным советского Центр. статистического управления	По данным, сообщенным в Ставку Главн. управл. Ген. штаба
Убитые	312 607	312 786
Умершие от ран	4967	4967
Раненые	1 537 849	1 537 844
Пленные и б/в пропавшие	1 547 590	1 546 898
Итого	3 403 013	3 402 495

Произведенные нами сопоставления важны нам не как подтверждение вышеприведенного комментария ЦСУ о том, что оно добыло сведения «путем обработки сводок бывшего Главного управления Генерального штаба». Они показывают, что, по существу дела, никакой научно-статистической обработки и не было. Просто была использована «бюрократическая» обработка этих сводок, сделанная в свое время Главным управлением Генерального штаба. Мы употребляем слово «бюрократическая», во-первых, имея в виду то малонаучное направление, которое было придано нашему Главному управлению Генерального штаба генералом Сухомлиновым, превратившим это учреждение просто в высшую военную канцелярию; но, кроме этого, и самый характер использованных Главным управлением Генерального штаба материалов отвечал только определенным канцелярским заданиям. Например, списки на убитых составлялись для оповещения об этом родных, следовательно, в эти списки попадали лишь имена тех лиц, для которых акт смерти в бою мог быть сразу же и с полной точностью удостоверен. Все «убитые», находившиеся под малейшим сомнением, вносились в категорию «без вести пропавшие». Чем менее была возможность точной регистрации убитых в войсках, тем осторожнее вносили в эти списки центральные штабы, тем меньше была численность убитых и тем все больше росла категория «без вести пропавшие». Если бы составители таблицы «Боевые потери» ЦСУ отнеслись к своей работе вполне научно, они оговорили бы, что их рубрика убитых заключает в себе только убитых, зарегистрированных в поименных списках, издаваемых Главным штабом во время войны.

Такую же крупнейшую научную ошибку допустили составители таблицы и в отношении категории раненых. Знание характера

материалов, которыми пользовалось для своих сводок Главное управление Генерального штаба, подсказало бы, что приведенный ими итог раненых представляет собой итог только одной определенной категории раненых, а вовсе не итог всех раненых.

Определить, что это за категория раненых, которая попала на учет в Главное управление Генерального штаба, весьма нетрудно.

1/14 июня 1917 г. начальник Французской миссии генерал Жанен обратился в Ставку со следующим письмом:

«Я получил из Франции запрос с просьбой сообщить: 1) наличный состав армии ко дню мобилизации, 2) количество мобилизованных, 3) наличный состав армии после мобилизации и людей в запасных частях внутри страны по последовательным периодам по 6 месяцев и 4) потери: а) убитыми и без вести пропавшими, б) взятыми в плен, в) уволенными за выслугой полного срока службы, зачисленными в запас, тяжело раненными, г) уволенными до выслуги обязательного срока службы, д) освобожденными от призыва и е) возвращенными на заводы».

Управление Дежурного генерала Ставки обратилось за необходимыми для ответа сведениями в Петроград, в Главное управление Генерального штаба (тел. от 3 июня 1917 г. № 1911[1]). Собирание этих сведений продолжалось 4 месяца. Ответ на запрос генерала Жанена из Управления Дежурного генерала Ставки последовал лишь 10 октября 1917 г. (№ 1268) с особой оправдательной оговоркой задержки ответа. По объяснению названного Управления, задержка произошла вследствие несвоевременности ответа Главного управления Генерального штаба, сообщенного лишь 3 октября 1917 г. Тот факт, что составление ответа потребовало от Главного управления Генерального штаба 4 месяца, показывает, что там никакой научно-статистической работы подобно тому, как это имело место в центральных органах французского и германского генеральных штабов, не производилось.

На вопросы о потерях с начала войны даны были следующие ответы[2]:

---

[1] Дело Дежурного генерала Штаба Верховного главнокомандующего; 80-097.

[2] См.: Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. (Изд. Народным комиссариатом здравоохранения.) Вып. I. С. 158, 159.

Убитые и пропавшие без вести	775 369
Уволенные от службы тяжело раненные	348 508
Попавшие в плен	2 043 548
Уволенные за выслугой полного срока службы	48 889
Уволенные за выслугой обязательного срока службы	170 210
Освобожденные от призыва	1 200 000
Возвращенные на заводы	50 000
Эвакуированные во внутренние военные округа:	
а) больные	1 425 000
б) раненые	2 875 000

Отсюда мы видим, что Ставка на основании данных, сообщенных 3/16 октября 1917 г. Главным управлением Генерального штаба, считает, что одно только число эвакуированных во внутренние военные округа раненых достигает 2 875 000. В таблице же о «боевых потерях» ЦСУ общий итог раненых (т.е. раненых, контуженых и отравленных) равняется 2 754 202. Следовательно, никакого сомнения не может быть в том, что это число представляет собой не что иное, как ту категорию раненых, которые были эвакуированы во внутренние военные округа, т.е. категорию более тяжело раненных. То, что итог раненых по таблице ЦСУ менее на 120 000, чем число эвакуированных раненых, согласно ответу Ставки генералу Жанену, происходит, по всей вероятности, от того, что часть сводок бывшего Главного штаба утеряна в том хаосе, который внесла всюду при своем появлении большевистская власть. Поэтому мы склонны думать, что цифра Ставки является более верной, нежели советские исчисления.

ЧИСЛО РАНЕНЫХ

Определить отдельно численность раненых, задержанных нами в лечебных заведениях театра военных действий, очень трудно.

Научное статистическое исследование потерь в минувшую войну, сделанное на основании исчерпывающего изучения собранного материала на французском театре, показывает, что из общего числа раненых от 18,5 до 23 % составляют очень легко раненные[1],

[1] Совсем легко раненные (оцарапанные, контуженые), быстро выздоравливающие с точки зрения военных интересов и для избежания

которых нет расчета эвакуировать. Таким образом, по французским расчетам, на 1 легкораненого, которого надлежит оставлять на излечении в передовых лечебных заведениях, приходится от 3,35 до 4,40 раненого, подлежащего эвакуации. Если применить этот французский масштаб, то мы получим, что при 2 875 000 эвакуированных во внутренние военные округа должно было быть еще от 655 000 до 860 000 легкораненых. Это доводит общее число раненых до 3 530 000—3 735 000. Но и эта цифра не может представить собой исчерпывающий итог для всех раненых. Дело в том, что глубина территории, объявленной у нас «театром военных действий», во много раз превосходила таковую же во Франции. Поэтому наша эвакуация во внутренние военные округа не является понятием, тождественным с эвакуацией во внутрь страны во Франции. У нас на излечении в лечебных заведениях армейских и в особенности фронтовых тылов задерживались не только легкораненые; во внутренние округа эвакуировались по преимуществу раненые, требовавшие продолжительного лечения[1].

Подобная мера применялась не только для ускорения обратного поступления выздоровевших раненых в ряды войск, но также и для облегчения работы нашей и без того перегруженной перевозками железнодорожной сети.

Отсюда следует, что даже наибольший из только что вычисленных нами итогов (3 735 000) является меньше истинного общего числа наших раненых.

Для того чтобы хотя бы с некоторым приближением подойти к определению числа *всех* раненых Русской армии в минувшую войну, следует обратиться не к материалам Главного управления Генерального штаба, а к сведениям, сосредотачивавшимся в Главном военно-санитарном управлении.

Сводки этого ведомства составлялись на основании сообщений лечебных заведений и вообще учреждений и лиц Военно-санитарного ведомства. Таким образом, в этого рода свод-

---

таяния численности войск должны быть оставляемы поблизости. — *Inspecteur-general J. Toubert.* Etudes statistiques des pertes subies par les Français pendant la guerre 1914—1918. P. 15.

[1] В этом отношении указания приведенной в предыдущей главе Докладной записки 28 членов Особого совещания ошибочны: задержка в лечебных заведениях театра военных действий раненых, не требовавших долгого или сложного лечения, практиковалась у нас с начала войны.

ки попадали не только раненые, эвакуированные во внутренние округа, но и раненые, пользовавшиеся в санитарных учреждениях фронтовых и армейских, а также и войскового тыла. Затем по самому свойству материалов сводки Военно-санитарного ведомства следует считать более близкими к действительности, нежели непосредственно войсковые донесения: во-первых, потому, что в донесениях войсковых штабов и начальствующих лиц к категории без вести пропавших могли быть отнесены раненые, поступившие в лечебные заведения, о судьбе которых начальствующие лица и ближайшие штабы могли не иметь надлежащих сведений; во-вторых, потому, что учет Военно-санитарным ведомством раненых и больных был несравненно ближе к требованиям статистической науки, нежели до безобразности громоздкая и в то же время до крайности примитивная работа наших штабов.

ИСЧИСЛЕНИЕ ДОКТОРА В. Г. АВРАМОВА

Попытка систематизировать сохранившиеся материалы Главного военно-санитарного управления сделана доктором В. Г. Аврамовым. Его работа была опубликована в «Известиях Народного комиссариата здравоохранения» (1—2, 1920) под заглавием «Жертвы империалистической войны в России». Сведения, заключающиеся в ней, касаются лишь войск, действовавших на нашем Западном театре (т.е. на Северном, Северо-Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах) с августа 1914 г. по сентябрь 1917 г. Таким образом, работа доктора В. Г. Аврамова не заключает в себе данных о нашем Кавказском фронте, о наших войсках, действовавших во Франции и в Македонии, а также и потери всей Русской армии после сентября 1917 г.

Кроме того, обзор, сделанный доктором В. Г. Аврамовым, не может претендовать на исчерпывающую полноту по причине неаккуратных донесений о потерях в период крупных сражений и частью вследствие утери некоторых материалов при отступлении и демобилизации армии. Неполнота за счет последней причины, по мнению самого доктора В. Г. Аврамова, равна примерно 10 %[1].

[1] *Сазонов Л. И.* Потери России в войну 1914—1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1918 гг. Вып. 1. С. 173.

Однако, несмотря на неполноту труда доктора В. Г. Аврамова, нельзя не признать за ним значение первенствующего источника для изучения потерь Русской армии ранеными и больными.

Итоги, полученные доктором В. Г. Аврамовым, выражаются в следующих числах:

	Офицеров	Солдат	Всего
Убито	12 813	652 077	664 800
Ранено (контужено и отравлено)	73 768	3 740 059	3 813 827
Пропало без вести	13 382	2 319 993	2 333 375
Итого	99 963	6 712 129	6 812 092

Оставляя до дальнейшего рассмотрение вопроса о числе убитых и без вести пропавших, мы остановим здесь наше внимание лишь на общем итоге раненых, который достигает у д-ра В. Г. Аврамова 3 813 827. Сделав еще указанную самим доктором В. Г. Аврамовьм 10 % надбавку, мы получим в круглых цифрах величину в 4 200 000.

Если вычесть из этой цифры 2 875 000 эвакуированных во внутренние военные округа, мы получим число в 1 325 000, которое должно соответствовать итогу раненых, пользованных в санитарных учреждениях театра военных действий, т.е. войскового, армейского и фронтового тылов. По отношению к общему числу всех раненых это составит 32 %, что при принятых у нас порядках нельзя считать преувеличенным.

Таким образом, мы считаем возможным принять за общий итог всех раненых цифру, вытекающую из исследования доктора В. Г. Аврамова, в 4 200 000, считая ее величиной, ближе всех из до сих пор напечатанных цифр подходящей к действительности[1].

[1] Один из участников Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1918 гг. пишет (с. 176 выпуска 1-го) по поводу цифровых данных доктора Аврамова: «Приводимые автором цифры потерь указывают, что он располагал сведениями более полными по сравнению со сведениями, имевшимися в распоряжении Ставки, также и по сравнению со сведениями справочного отчетного Отдела о потерях на фронте командного управления». Напомним здесь от себя, что упоминаемая выше таблица «боевые потери», составленная Отделом военной статистики Центрального статистического управления, составлена как раз по данным этого Справочного отчетного отдела.

Исследование доктора Аврамова позволяет бросить взгляд и на распределение потерь по родам войск, причем мы по-прежнему ограничимся использованием только данных, касающихся раненых, оставляя в стороне цифры доктора Аврамова для убитых и без вести пропавших.

Согласно данным доктора В. Г. Аврамова, общее количество раненых между родами войск распределяется так:

Процентное распределение общего итога раненых между различными родами войск (по данным доктора В. Г. Аврамова)

Пехота	94,1 %
Кавалерия	1,7 %
Артиллерия	1,1 %
Инженерные войска	0,3 %
Пограничная стража	2,6 %
Прочие части	0,2 %
	100 %

Пехота являлась самым многочисленным родом войск, в особенности в Русской армии, и потому-то львиная доля потерь выпадает на нее вполне естественно. Но подавляющие размеры этой доли объясняются также тем, что пехота по самому роду своей работы несет и наиболее интенсивные потери.

Исследования доктора В. Г. Аврамова дают также некоторые указания о процентном соотношении офицерских и солдатских потерь ранеными в различных родах войск Русской армии.

Процент офицерских и солдатских потерь ранеными в различных родах войск (по данным В. Г. Абрамова):

	Офицеры	Нижние чины
Пехота	56,5 %	36,9 %
Кавалерия	41,2 %	18,3 %
Артиллерия	26,3 %	7,4 %
Инженерные войска	10,6 %	5,5 %
Пограничная стража	54,1 %	45,9 %
Прочие части	2,9 %	0,7 %
Общее среднее	48,8 %	32,9 %

Приведенная таблица показывает, насколько тяжелее были в Русской армии потери в офицерском составе по сравнению с нижними чинами; в пехоте процент раненых офицеров превосходил таковой же солдат в 1,5 раза; в кавалерии — в 2,3 раза; в артиллерии — в 3,6 раза; в инженерных войсках — в 1,9 раза; в общем же для всей армии офицеры в полтора раза больше подвергались ранению, нежели солдаты.

Для того чтобы получить представление о тяжести кровавых потерь, понесенных в минувшую войну Русской армией, мы сравним данные доктора В. Г. Аврамова с общим процентом потерь родов войск во французской армии; для однородности сравнения мы приведем только данные доктора Аврамова, относящиеся к потерям нижних чинов (т.е. подавляющей массы армии).

Сравнение процентов потерь в различных родах войск в Русской и французской армиях

	Процент потерь раненых среди нижних чинов Русской армии	Общий процент потерь во французской армии
Пехота	36,9 %	21,8 %
Кавалерия	18,3 %	7,1 %
Артиллерия	7,4 %	6,1 %
Инженерные войска	5,5 %	6,3 %

Это сравнение обнаруживает, насколько кровавее была война для Русской армии вследствие необходимости восполнить недостаток в технике лишними потоками крови: русская пехота более чем в *полтора* раза, а русская кавалерия *в два с половиной* раза несет более потерь, нежели соответствующие рода войск французской армии; русская же артиллерия лишь немногим превосходит в этом отношении французов, а наши инженерные войска даже уступают им.

Во всяком случае, из этой таблицы нужно удержать одно общее заключение, важное для наших дальнейших выводов: кровавые потери Русской армии должны быть не только *абсолютно*, но и *относительно* тяжелее кровавых потерь французской армии.

ЧИСЛО УМЕРШИХ ОТ РАН

Мы видели выше, что первичный подсчет Отчетно-статистического отдела, сделанный в 1920 г.[1], дал следующие цифры: 546 253 убитых и умерших от ран при 2 830 262 раненых.

В 1925 г. советское Центральное статистическое управление (Отдел военной статистики) напечатало другие цифры[2]: 643 614 убитых и умерших от ран при 2 754 202 раненых.

Это приводит к следующим взаимоотношениям:

В первом случае — 1 убитый или умерший от ран приходится на 5,18 раненого.

Во втором случае — 1 убитый или умерший от ран на 4,28 раненого.

Оба этих взаимоотношения явно противоречат действительности.

Подробное изучение потерь, понесенных французской армией в минувшую войну[3], показало, что 1 убитый или умерший от ран приходится на 2,39 раненого.

Согласно немецким исследованиям[4], в германской армии: 1 убитый или умерший от ран приходится на 2,35 раненого.

Таким образом, мы видим, что выводы для французской и германской армий почти совершенно тождественны. Это объясняется тем, что смертоносность оружия представляет собой при очень большом числе случаев постоянную величину.

Нет никаких оснований предполагать, что в Русской армии процент убитых среди общего числа пораженных меньше, чем во французской или германской. Вместе с этим процент умерших от ран должен быть, несомненно, большим, чем в поименованных выше двух армиях. Санитарная помощь, а в особенности транспортировка раненых были хуже хотя бы из несравненно более трудных условий, вытекающих из нашего

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С.168.

[2] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 30.

[3] Etude statistique des pertes subies par les Français pendant la guerre 1914—1918; par le Medecin Inspecteur Général J. Toubert. P. 3, 36.

[4] Der Grosse Krieg 1914—1918. Herausgegeben von M. Schwarte. Bd. X. S. 553 (часть 3).

малодорожья. Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что, если мы примем за основание выводы, полученные из статистического исследования потерь во французской армии, мы придем к числам меньшим, чем действительные величины. Тем не менее подобное изучение позволит нам подойти гораздо ближе к истинным числам, нежели данные, опубликованные в советских изданиях.

Неоднократно цитируемая работа доктора J. Toubert позволяет установить, что из каждых 72 раненых умирали: в течение первых 12 часов после ранения — трое; из остальных скончавшихся двое умирали в санитарных учреждениях театра войны и один в лечебных заведениях глубокого тыла.

Зная хорошо условия, в которых работали наши перевязочные пункты и передовые санитарные отряды, мы можем с уверенностью сказать, что подавляющее число раненых, скончавшихся в первые двенадцать часов после ранения, должно было попасть у нас в категорию умерших при части. Между тем доктор В. Г. Аврамов определяет численность этой категории всего в 24 713. Если применить то взаимоотношение, которое определилось для французской армии, то численность раненых, умерших в первые 12 часов после ранения, должна исчисляться при 4 200 000 раненых не менее как в 175 000. Отсюда мы видим, что от учета доктора В. Г. Аврамова ускользнуло не менее 150 000, которые попали у него в рубрику «без вести пропавшие». Это мнение еще раз подтверждает то, что общий итог, исчисленный доктором В. Г. Аврамовым, даже с указанной им надбавкой в 10 %, ни в коем случае не является преувеличенным; принимая за общую исходную цифру 4 200 000 раненых, мы можем быть уверенными, что все выведенные нами числа окажутся менее истинных.

Вышеприведенная справка из работы доктора J. Toubert указывала, что из 69 раненых, оставшихся в живых через двенадцать часов после ранения, умирали трое. Предполагая, что все они скончались в санитарных учреждениях, мы получим процент смертности раненых в лечебных заведениях равным 4,4 %.

Не лишено интереса привести здесь для сравнения следующую справку о смертности раненых в лечебных заведениях в наши минувшие войны:

В войну 1854—1856 гг. ..... она равнялась 19,5 %
в войну 1877—1878 гг. ..... она равнялась 12 %
в войну 1904—1905 гг. ..... она равнялась 4,2 %

Мы видим отсюда, что предполагаемый нами процент весьма близок к такому же проценту в Русско-японскую войну. При этом нужно иметь в виду, что процент смертности в минувшую войну естественно было бы считать несколько большим, чем в Русско-японскую войну, ибо в ту войну среди раненых преобладали пораженные ружейным огнем, причем японская пуля вследствие своей малокалиберности была особенно «гуманной».

Изучение 103 194 регистрационных карточек[1] на раненых, пользованных в лазаретах Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов, показывает, что смертность от ран равнялась только 1,4 %. Но нельзя не согласиться с В. И. Бинштоком, считающим, что эта цифра мало убедительна, потому что в Петроград попадали раненые, способные вынести далекое путешествие и уже находившиеся на пути к выздоровлению[2]. Не лишено интереса заметить, что, судя по статистическим исследованиям, сделанным во Франции, из раненых, переживших двое суток после ранения, умирало обыкновенно 1,9 %. Эти данные совершенно подтверждают заключение В. И. Бинштока, к которому мы и присоединяемся.

С другой стороны, мы можем еще раз убедиться, что мы стоим на верном пути исследования.

Таким образом, вследствие отсутствия каких-либо верных указаний о числе всех умерших от ран в Русской армии мы вынуждены хотя бы для приблизительного определения его исходить из взаимоотношений между различными категориями потерь, выведенных для французской армии.

При общем числе раненых в 4 200 000 это дает 350 000.

Мы можем утверждать только одно — это число, во всяком случае, ниже действительного.

---

[1] *Новосельский С. А.* Материалы по статистике травматизма, болезненности и инвалидности в войну 1914—1917 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 185, 195.

[2] *Бинштоk В. И.* Военные потери России в войну 1914—1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 146.

ЧИСЛО УБИТЫХ

Согласно вышеупомянутой работе доктора J. Toubert, во французской армии 1 убитый приходился на 3,33 раненого[1].

Следовательно, исходя из предположенного нами общего числа раненых в Русской армии в 4 200 000, число убитых не может быть меньшим, чем 1 261 261, или, закругляя, 1 300 000.

Эта цифра превосходит в два раза числа, приведенные в советских изданиях.

Причина подобного расхождения объясняется следующим образом. Из книги J. Toubert[2] выясняется, что во французской армии после сделанной по окончании войны проверки пленных о 252 900 чинах не найдено никаких следов.

«Имеются все основания считать, — пишет Тубер, — что большая часть этих 252 900 пропавших без вести должна быть прибавлена к числу убитых в боях...»

Так французы и сделали: при определении числа своих убитых в бою воинов они прибавили к числу 674 000 зарегистрированных убитых еще 252 900 вышеупомянутых без вести пропавших, что и привело их к итогу в 900 000 убитых.

Таким образом, мы видим, что полное обследование французами потерь своей армии привело их к выводу, что для того, чтобы определить истинную цифру убитых, им нужно было прибавить к числу зарегистрированных убитых еще 36 % от этого числа.

Мы с уверенностью утверждаем, что в условиях, в которых велась борьба на русском фронте, в Русской армии число «неизвестных» убитых составляет несравненно больший процент по отношению к «зарегистрированным» убитым.

«Неизвестные», убитые на французском фронте, представляли собой тех, которые, по словам Тубера, «разорваны, раздавлены или засыпаны»[3]. На русском же фронте к этого рода «исчезнувшим» убитым следует прибавить еще огромное число оставленных на

---

[1] Выше мы давали другое соотношение, так как считали вместе с убитыми и умерших от ран; здесь же мы считаем только убитых.

[2] Etude statistique des pertes subies par les Français pendant la guerre 1914—1918. P. 3.

[3] Ibid. P. 3.

полях сражений убитых и скончавшихся тяжелораненых, похороненных затем неприятелем или нашими, но «чужими» частями войск в больших братских могилах. Это те, о которых священники при их отпевании молились словами: «Имена же их Ты, Господи, веси».

Общая численность французов, попавших в плен и без вести пропавших, по заявлению одного из представителей Франции на мирной конференции в Версале, г-на Тардье, исчисляется в 800 000. Таким образом, число «неизвестных» убитых составляет 32 % от общего числа «пленных и без вести пропавших». Отдел военной статистики советского Центрального статистического управления определяет[1] численность «пленных и без вести пропавших» в Русской армии за время большой войны (1914—1917 гг.) в 3 638 271. 32 % от этого числа составит 1 164 250. Мы же предполагаем число «неизвестных» убитых равным только 674 000 (1 300 000 минус 626 000 зарегистрированных в таблице ЦСУ убитых). Следовательно, опасаться преувеличения не приходится.

Для того чтобы получить более прочное обоснование для нашего вывода, необходимо только выяснить, как велика для Русской армии категория «без вести пропавшие»; настолько ли велика она, чтобы включить в себя эти предположенные нами 674 000 «неизвестных» убитых. Огромное число в 3 638 271, приведенное в таблице ЦСУ, заключает в себе общую сумму потерь «без вести пропавшими» и «пленными». Поэтому определить численность «без вести пропавших» можно следующим образом: установить число чинов Русской армии, попавших в неприятельский плен, и затем вычесть это число из суммы, данной в таблице ЦСУ. Поэтому мы и перейдем сейчас к исследованию вопроса о потерях Русской армии пленными.

ЧИСЛО ПЛЕННЫХ

Мы говорили выше, что наша Ставка в своем ответе от 10/23 октября 1917 г. начальнику Французской миссии генералу Жанену определяет число наших чинов, попавших в плен, в 2 043 548.

[1] Россия в мировой войне (в цифрах). С. 30, табл. 22.

Между тем в книге «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.», изданной Отделом военной статистики Центрального статистического управления, приведена к тому же сроку совсем иная цифра. В этом можно убедиться, взглянув на страницу 20 только что названной книги, на которой напечатана таблица № 5 под заглавием: «Баланс расхода людской силы, взятой из населения в войска по состоянию на 1 сентября 1917 года»[1]. Составители этой таблицы утверждают, что она будто бы составлена «по данным б. Ставки». Указанная в ней численность попавших в плен достигает 3 343 900.

По данным же, разработанным в 1919 г. бывшим советским Статистическим справочным отделом Центральной коллегии о пленных и беженцах (Центропленбеж — ныне Центроэвак), общее число зарегистрированных русских военнопленных определилось в таком виде:

В Германии	2 385 441
В Австрии	1 503 412
В Турции	19 795
В Болгарии	2 452
	3 911 100

Приводя эти цифры, автор статьи «Потери России в войну 1914—1918 гг.», напечатанной в «Трудах Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1918 гг.»[2], Л. И. Сазонов пишет:

«В течение 1919 и 1920 гг. списки военнопленных продолжали поступать в названный отдел Центроэвака. Общее число зарегистрированных по этим спискам военнопленных в центральных государствах к 1 октября 1920 г. определялось уже в 4 260 775 человек. Число это, несомненно, надо признать преувеличенным. При установлении более точного числа необходимо принять во внимание наличность дубликатов карточек военнопленных. По заключению Особой комиссии, ревизовавшей картотеку, число дублированных карточек достигает 12 %. С другой стороны, необходимо учесть также и то обстоятельство, что часть списков

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах).

[2] Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 170.

военнопленных, посылавшихся из страны пленения, могла быть утеряна в пути и не доставлена в Россию как во время войны, так и после войны, особенно в периоды перерыва сношений России с Западной Европой... На основании состояния картотеки Статистическо-справочного отдела Центроэвака, с внесением в эти сведения соответствующих поправок в отношении дублетов, общее число зарегистрированных к октябрю 1920 года русских военнопленных, находившихся в центральных государствах, определялось в 3 750 000 человек, из них офицерских чинов, чиновников, врачей, священников и сестер милосердия — 28 329».

Приведенные выше советские исчисления военнопленных противоречат данным немецких источников.

По сведениям, полученным в России во время войны через Гамбургский Красный Крест, общее число военнопленных, находящихся в Германии, определялось к 10 сентября 1915 г. так:

	Офицеров и классн. чинов	Солдат	Всего
Русских	7 833	905 339	913 172
Французов	4 536	269 978	274 514
Британцев	661	24 313	24 974
Бельгийцев	666	40 475	41 141
	13 696	1 240 105	1 253 801

В конце 1915 г. немцы в целях пропаганды издали книгу на пяти языках, в том числе и на русском, под заглавием «Военнопленные в Германии» (издание Hermann Montanus Siegen, Leipzig, Berlin). В этой книге на первой странице говорится: «Приблизительно $1^1/_2$ миллиона пленных находились в Германии ко времени окончании этой книги». Принимая во внимание то, что книга издана на 2—3 месяца позже того срока, к которому относятся данные Гамбургского Красного Креста, можно считать, что оба исчисления близки к тождеству.

Почти сейчас же после войны, а именно в 1919 г., была напечатана капитальнейшая работа Вильгельма Дегена, посвященная вопросу военнопленных в Германии. В томе 1-м этого труда помещены подробные числовые данные. Просматривая эти данные

на 10 сентября 1915 г., мы увидим точное совпадение с числами, сообщенными через Гамбургский Красный Крест[1].

Выпуск 1-й «Трудов Комиссии по обследованию последствий войны 1914—1920 гг.» издан Народным комиссариатом здравоохранения в 1923 г. Следовательно, советские исследования имели полную возможность использовать работы Wilhelm Doegen. Между тем этого совершенно не сделано. На странице 170 в статье «Потери России в войну 1914—1918 гг.» Л. И. Сазонов приводит только цифры, сообщенные в Россию через Гамбургский Красный Крест, о численности русских военнопленных к 10 сентября 1915 г. для того, чтобы затем не принимать их во внимание. Между тем эти данные могли бы навести Л. И. Сазонова и его сотрудников на мысль использовать германские источники.

В отделе о военнопленных, учрежденном во время войны при нашем Министерстве иностранных дел, велся приблизительный учет нашим пленным. Этот учет велся по данным, доставляемым нашим Главным управлением Генерального штаба, Центральным справочным бюро и соответствующими союзными правительствами. Этот отдел считал, что к декабрю 1916 г. общее число русских, находящихся в плену, достигало 2 501 250; из них в Германии 1 400 000, в Австро-Венгрии 1 095 000, в Турции 6200, в Болгарии 50[2].

Наконец, по данным, приводимым Австро-Венгерским бюро, общее число русских пленных, находящихся в лагерях центральных держав, к 1 февраля 1917 г. исчислялось в 2 080 694[3].

Из всего изложенного выше мы видим, как велико разнообразие в определении числа русских военнопленных. Для того чтобы найти точное определение этого числа, мы видим только один путь: обратиться к изучению этого вопроса в военных архивах наших бывших врагов. Во время войны там должен был

---

[1] *Wilhelm Doegen.* Kriegsgefangene Volker. Bd. I. Der Kriegsgefangene Haltung und Schick-saal in Deutshland. Bearbeitet in Verbindung mit Theodor Kappstein und herausgegeben im amtlichen Auftrade des Reichs-Wehr Ministeriums. Dietrich Reimer (Ernst Vohnsen) in Berlin ss. XV, 263.

[2] «Обзор деятельности Министерства иностранных дел по заботе о военнопленных». Сост. 23 февраля 1917 г.; хранится в личном архиве С. Д. Боткина, управлявшего отделом военнопленных Министерства иностранных дел.

[3] Газета «Время» от 18 мая 1917 г.

вестись подробный учет содержащихся в концентрационных лагерях пленных. С этой целью мы обратились к одному из членов Рейхсархива — майору Гюнтеру Францу[1] с просьбой произвести нужную нам справочную работу в германских архивах.

Майор Г. Франц любезно согласился и сделал ее[2], использовав документы (Aktienmaterial), хранящиеся в Государственном архиве в Потсдаме с отделением в Берлине (Reichsarchiv — Potsdam mit Zweigstelle Berlin) и в «Reichsver-waltung fur Reichsaufgaben» в Берлине (Berlin W, Konigsgratzerstrasse).

Эта работа, подтвердив точность цифр, приведенных в Wilhelm Doegen, дала еще несколько новых данных. Таким образом, используя работы Вильгельма Дегена и майора Г. Франца, мы можем точно установить численность русских военнопленных в Германии в разные периоды войны.

В нижележащей таблице мы приводим эти данные, причем ввиду того, что с большевистским переворотом Россия вышла из рядов союзников и Российская армия фактически была большевистской властью упразднена, мы ограничиваем наш подсчет концом 1917 г.

Численность русских пленных в Германии на основании данных Вильгельма Дегена и майора Франца

		Офицерских	Нижних чинов и классн. чинов	Итого
1915 г.	к 1 января	3577	306 653	310 230
	к 10 марта	3897	355 380	359 277
	к 10 июня	5391	520 709	526 100
	к 10 августа	6081	720 613	726 694
	к 10 сентября	7833	905 339	913 179
	к 10 октября	8324	969 855	978 179
1916 г.	к 10 января	8734	1 017 046	1 025 780

[1] Gunter Franz, Archivrat und Mitglied des Reichsarchivs; Major a. D., ehemals im Grossen Generalstabe, автор книг «Russland auf dem Wege zur Katastrophe» и «Russlands Eintrinn in den Weltkrieg».

[2] Один экземпляр рукописи этой работы, озаглавленной «Kriegsgetangene Russian in Deutschland», хранится в библиотеке Carnegie Endowment for International Peace, а другой — в архиве генерала Н.Н. Головина.

Продолжение таблицы

	к 10 июля	8858	1 117 220	1 126 078
	к 10 октября	9288	1 215 154	1 224 442
1917 г.	к 10 января	9322	1 222 084	1 231 406
	к 10 апреля	9715	1 241 831	1 251 546
	к 10 июня	9920	1 244 815	1 254 735
		в круглых числах		
1918 г.	к 10 августа	?	?	1 400 000

Приведенные выше итоги выражают собой общее число русских военнопленных, приведенных в концентрационные лагеря. Из них, по заявлению майора Франца[1], не исключены умершие в плену, обмененные инвалиды и бежавшие из плена. С другой стороны, те военнопленные, которые умерли в пути в концентрационные лагеря, в эти итоги не включены. Ввиду того, что эти умершие пленные состоят исключительно из захваченных на полях сражений тяжелораненых, то, по совершенно верному заключению майора Франца, они не должны включаться в категорию пленных, а должны быть отнесены к категории умерших от ран.

С целью выяснения численности наших пленных в Австро-Венгрии, мы обратились к полковнику Egon v. Waldstadten с просьбой произвести подробное обследование в венских архивах. На основании присланной полковником Вальдштеттеном работы[2] мы можем составить следующую таблицу.

Численность русских военнопленных в Австро-Венгрии по данным полковника Вальдштеттена

		Офицерских и классн. чинов	Нижних чинов	Итого
1914 г.	к 13 сентября	ок. 33 000		
	к 25 сентября	443	44 573	45 016

[1] Вышеупомянутая рукопись майора Франца. С. 1 и 2.

[2] Один экземпляр рукописи этой работы, озаглавленной «Elaborat über die vom Kriegsfьhrenden Staat (Österreich-Ungarn im Verlaufe des Grossen Kriegs 1914—1918 gemachten russischen Kriegsgefangenen)», хранится в библиотеке Carnegie Endowment for International Peace; другой экземпляр — в архиве генерала Н. Н. Головина.

Продолжение таблицы

		Офицерских и классн. чинов	Нижних чинов	Итого
1915 г.	к 1 января	1120	173 518	174 638
	к 1 марта	1320	233 205	234 535
	к 31 марта	1720	253 122	254 842
	к 21 апреля	1804	287 265	289 069
	к 21 мая	1860	342 785	344 465
	к 10 июня	2503	476 690	479 193
	к 1 сентября	3741	695 513	699 254
	к 1 октября	3960	720 914	724 874
1916 г.	к 1 августа	4354	801 796	806 150
	к 31 декабря	4682	840 293	844 975
1917 г.	к 1 февраля	4755	848 998	853 753
	к 1 марта	4723	852 195	856 918
	к 1 апреля	4719	861 942	866 661
	к 1 мая	4654	866 465	871 119
	к 1 июня	4559	866 403	870 962
	к 1 июля	4647	866 102	870 749
	к 1 августа	4530	866 012	870 542
	к 1 сентября	4521	869 512	874 033
	к 1 октября	4370	882 834	887 204
	к 1 ноября	4370	906 612	910 982
	к 1 декабря	4370	909 257	913 627
	к 31 декабря	4320	912 426	916 746
			или с округлением:	917 000

Числа, приведенные в вышеозначенной таблице, не заключают в себе тяжелораненых, скончавшихся на полях сражений или по пути следования в лагеря военнопленных. Из итогов полковника Вальдштеттена[1] исключены также к каждому из счетных дней: умершие в плену, обмененные инвалиды и бежавшие из плена. Таким образом, для определения общего числа чинов Русской армии, попавших в австро-венгерский плен, нельзя подобно тому, как это можно сделать с работой майора Франца, взять итог русских военнопленных в декабре 1917 г. или в январе 1918 г. Приходится

[1] Рукопись полковника Вальдштеттена. С. 1.

в данном случае прибавить к итогу полковника Вальдштеттена на 31 декабря 1917 г. еще 27 738 умерших в плену[1] и около 27 000 обмененных инвалидов, а также всех бежавших из плена.

Полковник Вальдштеттен не дает в своем труде этого числа; для того чтобы составить себе приблизительное представление о его размерах, нам придется использовать данные майора Франца, указывающие число русских, бежавших из германского плена.

На странице 3 своей рукописи майор Франц пишет, что, по новейшим официальным исчислениям, к 10 июня 1918 г.[2] число русских, бежавших из плена и не пойманных, достигало: 24 офицерских и 60 295 нижних чинов.

Число же бежавших и вновь пойманных равнялось: 418 офицерских и 199 530 нижних чинов.

В дальнейшем нашем исследовании мы вернемся к психологической оценке колоссального размера этих чисел. Они ярко опровергают довольно распространенное мнение о мало развитом чувстве любви к Родине в русских народных массах. Здесь же мы только удержим наше внимание на том, что, согласно данным майора Франца, процент удачно бежавших из германского плена русских достигает к 10 июня 1918 г. 4,2 %[3]. Нет никаких оснований предполагать, что процент бежавших из австро-венгерского плена русских был бы меньшим. Поэтому общее число удачно бежавших русских военнопленных может достигать к 1 ноября 1919 г. 40 000. Это число, сложенное с числом умерших в плену, нужно прибавить к итогу русских пленных, показанному полковником Вальдштеттеном на 31 декабря 1917 г. (917 000). Это дает в круглых числах 1 000 000, что и выразит итог попавших в австро-венгерский плен чинов Русской армии.

К числу русских военнопленных, находившихся в Германии и Австро-Венгрии, нужно прибавить еще число чинов Русской армии, которые оказались в плену в Турции и Болгарии.

Численность наших пленных в Турции, по данным полковника Вальдштеттена, к 1 января 1917 г. равнялась 115 офиц. и классн. чинов и 5283 нижн. чинов. Эта цифра подтверждается приведен-

---

[1] Там же. С. 14.

[2] Рукопись полковника Вальдштеттена. С. 15.

[3] Для исчисления процента взять из рукописи майора Франца итог русских военнопленных к 10 сентября 1918 г., а именно: 14 024 офиц. и 1 392 890 нижн. чина. С. 1.

ными выше данными нашего МИД[1], считавшего, что в декабре 1916 г. число русских, находящихся в плену в Турции, достигает 6200. Наконец, по данным последнего нашего Главнокомандующего на Кавказе генерала Юденича, общее число русских пленных в Турции за всю войну равнялось 6000[2].

Если прибавить к этому числу русских пленных в Болгарии (2452, по данным большевистского исследователя Л. И. Сазонова), мы можем считать, что в круглых цифрах численность русских пленных в Турции и Болгарии может быть приравнена к 10 000.

Подведя теперь общий итог числу чинов Русской армии, попавших в плен до ноября 1917 г., мы получим:

в германском плену	1 400 000
в австро-венгерском плену	1 000000
в турецком и болгарском плену	10 000
	2 410 000

Полковник Вальдштеттен считает общий итог русских, попавших в плен союза центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция), равняющимся 2 417 000[3].

Таким образом, только что сделанные нами предположительные исчисления показывают нам, что, приняв общий итог полковника Вальдштеттена, мы не сделаем большой ошибки в меньшую сторону. Поэтому мы для дальнейших наших рассуждений примем за отправную точку общий итог в 2 417 000 пленных, данный полковником Вальдштеттеном.

На схеме № 8, приложенной к настоящей книге, построена кривая роста численности чинов Русской армии, попавших в плен. За основу этого построения взяты кривые, построенные, в свою очередь, по данным майора Франца и полковника Вальдштеттена. При исчислении общей суммы на каждые два месяца введены следующие надбавки: а) за счет умерших, бежавших и обменянных,

---

[1] «Обзор деятельности МИД по заботе о военнопленных». Сост. 23 февр. 1917 г.; личный архив С. Д. Боткина, управлявшего отделом военнопленных МИД.

[2] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 169. Для наших пленных в Турции Л. И. Сазонов приводит явно преувеличенную цифру в 19 795. (Там же.)

[3] Рукопись полковника Вальдштеттена. С. 5.

находившихся в австро-венгерском плену, б) за счет попавших в плен в Болгарию и Турцию; эти надбавки рассчитаны так, чтобы к октябрю 1917 г. довести общий итог пленных до 2 417 000.

Вычитая итог пленных в 2 417 000 из 3 638 271, т.е. числа, установленного Отделом военной статистики Центрального статистического управления для «пленных и без вести пропавших», мы получим разницу, равную в круглых цифрах 1 200 000, которая и выразит численность «без вести пропавших», по данным, бывшим в распоряжении ЦСУ. Это число почти вдвое больше предположенной нами численности «неизвестных убитых» (в 674 000). Таким образом, отпадает всякое сомнение в возможности столь большого числа убитых, оставшихся «неизвестными». После вычета 674 000 из общей численности «без вести пропавших» остается еще «недорасшифрованный» остаток в 526 000. Мы считаем, что этот остаток «без вести пропавших» заключает в себя: а) тяжелораненых, попавших в плен и скончавшихся до прибытия в концентрационные лагеря; б) тяжелораненых, подобранных своими «соседними» частями или сочувствующим населением и скончавшихся вскоре после этого; в) некоторое число раненых, попавших в лечебные заведения помимо «своих» частей и о судьбе которых начальники и ближайшие штабы не имели нужных сведений.

Ввиду того, что при установлении общего итога раненых мы придерживались данных доктора В. Г. Аврамова, то есть взяли число (4 200 000), превосходящее более чем на 1 425 000 общий итог ЦСУ для раненых и умерших от ран (2 754 202 + 17 174), мы полагаем более осторожным при наших дальнейших вычислениях потерь не принимать во внимание вышеупомянутый остаток в 526 000, считая, что он уже включен в нашем увеличенном итоге раненых.

Здесь, кстати, нужно будет обратить внимание на то, что число лиц «без вести пропавших» определяется доктором В. Г. Аврамовым в 2 333 375 человек. Никакого объяснения по поводу образования этой чудовищно большой цифры доктор Аврамов не дает. Несомненно, что в этот итог попали пленные. В этом случае мы обнаруживаем большое совпадение с установленным нами числом пленных, а это, в свою очередь, подтверждает правильность нашего решения считать, что «неизвестные» раненые и умершие от ран уже включены в итог, данный нами для раненых.

ИТОГИ БОЕВЫХ ПОТЕРЬ

Подведем теперь общий итог предполагаемых нами боевых потерь Русской армии в минувшую большую войну.

Убитых	1 300000
Раненых	4 200 000
(из них умерло 350 000)	
Пленных	2 417 000
Всего	7 917 000

Общий итог боевых потерь, согласно таблице Отдела военной статистики ЦСУ, равняется 7 036 087. Мы не будем повторять здесь всего, сказанного нами о том, что большинство итогов, напечатанных в таблице «боевых потерь» Отдела военной статистики ЦСУ, много меньше действительных.

В другой советской статистической работе, также нами неоднократно цитированной[1], общий итог потерь намечается гораздо большим. Л. И. Сазонов в своей статье «Потери России в войну 1914—1918 гг.» в виде окончательного вывода своих исследований пишет[2]:

«С большой вероятностью можно, таким образом, предположить, что потери армии в действительности приближаются к цифре в 8428 717 чел., а за округлением — в 8 500 000. Думать так дает основание приближение цифровых данных по отдельным категориям потерь, приводимых в таблицах доктора Аврамова, к тем данным, которые получаются в основании сведений Ставки. Итак, общие потери Русской армии за время империалистической войны 1914—1918 гг., по официальным данным, поступившим за время войны, недостаточно еще проверенным, требующим дальнейшей разработки, определяются в 7 326 000, а за округлением — в 7 500 000 человек. На основании же исследования доктора В. Г. Аврамова, дополненного официальными, достаточно проверенными данными о пленных, определяются (за округлением) в 8 500 000 человек; это число и следует считать более соответствующим действительности.

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.

[2] Там же. Вып. 1. С. 177.

Таким образом, установленный нами общий итог боевых потерь в 7 917 000 находится в середине между двумя величинами, определенными советскими статистическими учреждениями.

СРАВНЕНИЕ РУССКИХ КРОВАВЫХ ПОТЕРЬ С ФРАНЦУЗСКИМИ И ГЕРМАНСКИМИ

Сопоставим теперь цифры, предположенные нами для определения кровавых потерь (убитые, умершие от ран, раненые, контуженые, отравленные газами) Русской армии с подобными же данными, установленными для французской и германской армий.

Сравнение кровавых потерь в Русской армии с таковыми же во французской и германской армиях

	Общее число мобилизованных, тыс.	Убитых, тыс.	Умерших от ран, тыс.	Ранено, тыс.	Всего, тыс.	% кровавых потерь по отношению к общему числу мобилизованных	%, указанный в предыдущ. графе, разделенный на число мес. войны
1	2	3	4	5	6	7	8
Русская армия (согласно произведен. нами исследованию)	15 500	1300	350	3850	5500	35,5 %	0,91[1]
Русская армия (по итогам Отдела военной статистики советского ЦСУ)[2]	15 500	626	17	2754	2397	16 %	0,41 %[1]

[1] *Reval J.* L'effort militaire des Allies sur le front de France. P. 84

[2] Частное от деления на 39 месяцев войны..

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Французская армия	8300[1]	900	250	2750	3900	47 %.....	0,92 %[2]
Германская армия	11 000	1808	4247	6055	55 %	1,04 %	

Один только взгляд на приведенную только что таблицу показывает всю несообразность итогов кровавых потерь, напечатанных Отделом военной статистики советского Центрального статистического управления. Борьба Русской армии из-за недостатка в вооружении, в огнестрельных припасах, в касках и по другим причинам ни в коем случае не могла быть менее кровопролитной, нежели борьба французской и германской армий.

Подтверждением этому может служить приведенная выше Всеподданнейшая записка, поданная Государю в ноябре 1916 г. 28 членами Государственной думы и Государственного совета, входившими в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В ней указывается на то, что «принцип бережливости людской жизни не был в должной мере воспринят нашей армией и не был в ней достаточно осуществлен. Многие офицеры не берегли себя; не берегли их, а вместе с тем и армию и высшие начальники. В армиях прочно привился иной взгляд, а именно, что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь преимущественно ценою человеческой крови. В результате в то время, как у наших союзников размеры ежемесячных потерь их армий постепенно и неуклонно сокращаются, уменьшившись во Франции по сравнению с начальными месяцами войны почти вдвое, у нас они остаются неизменными и даже имеют склонность к увеличению». Во избежание этого, по мнению членов Совещания, подписавших записку, необходимо внушить всем начальствующим лицам, что легкое расходование людской жизни независимо от чисто гуманитарных соображений вообще недопустимо, ибо наш человеческий запас далеко не неистощим. Это необходимо, по словам записки, «не только для сохранения боевой мощи нашей армии до победоносного окончания

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 30.

[2] Частное от деления на 51 месяц войны.

войны, но и для обеспечения работы тыла, при дезорганизации которого потребности армии невозможно будет удовлетворить. Широкое развитие и применение различных предохранительных средств, как то: касок, наплечников, более усовершенствованных укреплений и окопов, — вот к чему мы должны ныне прибегнуть, а в основу всех тактических мероприятий должно быть положено стремление заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ».

В результате члены Совещания по обороне предлагали в числе мер, направленных к сохранению боеспособности армии, «бережливое расходование человеческого материала в боях при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара».

Записка членов Особого совещания, полученная в Ставке и сообщенная главнокомандующим фронтами, вызвала с их стороны чрезвычайно характерные возражения, которые только подтверждают то, что упрек членов Особого совещания по обороне в проявляемой нашим высшим командным составом малой бережливости офицерской и солдатской крови был справедлив.

Генерал Брусилов, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, пишет в своем ответе[1]:

«Наименее понятным считаю пункт, в котором выражено пожелание бережливого расходования человеческого материала в боях при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара. Устроить наступление без потерь можно только на маневрах; зря никаких предприятий и теперь не делается, и противник несет столь же тяжелые потери, как и мы... Что касается до технических средств, то мы пользуемся теми, которые у нас есть; чем их более, тем более гарантирован успех; но чтобы разгромить врага или отбиться от него, неминуемо потери будут, притом — значительные».

Генерал Рузский, Главнокомандующий армиями Северного фронта, указывает в своем ответе, что война требует жертв и всякий в этом вопросе нажим на начальников может привести к угашению той инициативы и порыва, которые у них еще остались, а при трудности быть уверенным, что с продолжением войны мы превзойдем своих противников в техническом отношении, бережливость эта может привести лишь к очень невыгодным результатам.

[1] От 8/21 декабря 1916 г., № 1427.

Ответы генералов Брусилова и Рузского показывают, что они забыли заветы Петра Великого, требовавшего от своих генералов, чтобы они одерживали победы «малой кровью». Но, с другой стороны, они также подтверждают то, что бедность нашей армии в «технике» вынуждала ее проливать лишние потоки крови.

Изложенное указывает нам, что даже предположенные нами итоги кровавых потерь, превосходящие почти в два раза таковые же советского ЦСУ, все-таки должны считаться несколько меньшими, чем действительные.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОЕВЫХ ПОТЕРЬ ПО РАЗЛИЧНЫМ ПЕРИОДАМ ВОЙНЫ

Попытаемся теперь установить распределение боевых потерь по различным периодам войны, а также по другим признакам. Мы считаем долгом предупредить, что недостаточность точного материала придает предпринимаемому исследованию условный характер. Тем не менее некоторые общие статистические контуры крупных явлений могут быть прощупаны.

Начнем с изучения потерь Русской армии пленными. В основу наших исчислений мы берем данные Вильгельма Дегена, майора Г. Франца и полковника Вальдштеттена. В данные последнего мы вводим соответствующие поправки на число умерших в плену, бежавших и обменянных инвалидов. Затем мы прибавим чинов нашей армии, попавших в болгарский и турецкий плен.

В течение первых 9 месяцев войны, с 1 августа по 1 мая, Русская армия теряет пленными около 764 000. Это составляет в среднем около 85 000 в месяц.

Из указанных 764 000 Северо-Западный фронт, действовавший против германских войск и состоявший из 1-й, 2-й, 10-й, а с конца 1914 г. еще из 4-й и 5-й армий, теряет пленными более 450 000. В частности, во время катастрофы 2-й армии (генерала Самсонова) между 26 и 31 августа немцами, согласно их счету[1], было захвачено 92 000 пленных. На том же Северо-Западном фронте 1-я русская армия (генерала Ренненкампфа) во время первой операции (14 августа — 17 сентября) в Восточной Пруссии, победоносно начавшейся у Гумбинена и закончившейся неудач-

[1] Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914—1918. Bd. II. S. 230.

ным для нас сражением у Мазурских озер, потеряла пленными, по немецкому счету, 45 000[1].

На Юго-Западном фронте во время победоносной для нас Великой Галицийской битвы (с 17 августа по 25 сентября), закончившейся для нас занятием большей части Галиции, мы потеряли пленными всего 443 офицеров и 44 573 нижних чинов[2]. Это число дается в исследовании полковника Вальдштеттена на 25 сентября. Этот же исследователь утверждает, что к 13 сентября, т.е. к тому дню, когда закончены были главнейшие сражения, составляющие Великую Галицийскую битву 1914 г. (по австро-венгерской терминологии: сражение у Красника, сражение у Комарова, сражение у Рава-Русской, сражение у Львова), общее число захваченных у русских пленных измерялось всего 33 000[3]. Только что приведенные цифры чрезвычайно интересны, так как разрушают легенду, которая была пущена командовавшим 4-й австро-венгерской армией генералом Ауфенбергом, о том, что он будто бы совершенно разгромил 5-ю русскую армию генерала Плеве, захватив у него 160 (?) орудий и десятки тысяч пленных. Сражение у Комарова составляет только отдельный эпизод Великой Галицийской битвы 1914 г. — эпизод, разыгравшийся в районе Юмашева и продолжавшийся между 25 августа и 2 сентября. При общем итоге русских пленных к 13 сентября в 33 000 на долю генерала Ауфенберга никаких не могло выпасть десятков тысяч при 160 орудиях. Этот пример лишний раз показывает, насколько осторожно нужно относиться к односторонним описаниям сражений.

В летнюю кампанию 1915 г., с 1 мая по 1 ноября, Русская армия теряет пленными 976 000.

Во время прорыва германских и австро-венгерских войск в Галиции с 1 по 25 мая (сражения у Тарнова, Санока, Перемышля, Жидачева, Львова) мы теряем пленными 653 офицерских и 211 533 нижних чинов[4].

Между 26 мая и 31 мая в Галиции и в Карпатах наши враги берут еще 205 офицеров и 57 326 нижних чинов, а в Польше 35 офицеров и 8593 нижних чина[5].

---

[1] Ibid. S. 317.

[2] Рукопись полковника Вальдштеттена. С. 2.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 4.

[5] Там же.

При дальнейшем наступлении германских и австро-венгерских сил на Юго-Западном фронте (сражения у Букачевце, Бобико, Нове, Красника, Сокаля и др.) вплоть до занятия Брест-Литовска наши враги захватывают 1200 офицерских и 220 000 нижних чинов в плен[1].

Кроме того, в течение этой же летней кампании германские войска в боях против нашего Северо-Западного фронта захватывают около 400 000 пленных.

Если разделить общую потерю Русской армии пленными в летнюю кампанию на 6 месяцев, мы получим как среднее для месяца этой кампании около 160 000; если при расчете этого среднего в месяц числа мы ограничимся периодом с 1 мая по 1 сентября, то оно повысится до 200 000. Эта громадная цифра потерь пленными, теряемыми Русской армией в летнюю кампанию 1915 г., показывает, как велика была катастрофа, переживаемая нами в это время.

В зимнюю кампанию, с 1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 г., война на русском театре окончательно приобретает позиционный характер, и Русская армия оседает за проволокой на всем протяжении своих фронтов. Итог потерь пленными сразу же падает до 156 000, что дает среднее на месяц в 26 000.

В летнюю кампанию 1916 г. (с 1 мая по 1 ноября) русские армии Юго-Западного фронта прорывают австро-венгерский фронт и ведут победоносную Вторую Великую Галицийскую битву; в это же время наши попытки прорвать немцев к северу от Полесья безуспешны. Общие потери пленными немного повышаются, доходя до 212 000 при средней в месяц в 35 000.

В зимнюю кампанию 1916—1917 гг. (с 1 ноября 1916 г. по 1 мая 1917 г.) крупных операций на русском западном театре военных действий нет; война опять носит всецело позиционный характер. Общее число пленных опять падает, доходя до 96 000 при средней в месяц в 16 000.

В начале марта вспыхнула революция. Развал, вызванный в армии, отражается на повышении численности пленных. По сравнению с предыдущей кампанией общий итог более чем удваивается, доходя до 213 000 при среднем в месяц в 35 000.

Приводимая ниже таблица представляет собой сводку перечисленных только что цифровых данных:

[1] Рукопись полковника Вальдштеттена. С. 4.

Распределение потерь Русской армии пленными по периодам войны

	Общая численность пленных	В среднем в месяц Русская армия теряла пленными
1	2	3
Летняя кампания 1914 г. и зимняя 1914—1915 гг. (с 1 августа 1914 г. по 1 мая 1915 г.)	764 000	85 000
Летняя кампания 1915 г. (с 1 мая по 1 ноября)	976 000	160 000
Зимняя кампания 1915—1916 гг. (с 1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 г.)	156 000	26 000
Летняя кампания 1916 г. (с 1 мая по 1 ноября)	212 000	35 000
Зимняя кампания 1916—1917 гг. (с 1 ноября 1916 г. по 1 мая 1917 г.)	96 000	16 000
Летняя кампания 1917 г. (с 1 мая по 1 ноября)	213 000	35 000
Всего за время всей войны	2 417 000	62 000

Приведенные в этой таблице числа представляют собой абсолютные величины. Для того чтобы составить правильное представление об их значении, необходимо сопоставить их с соответствующими величинами кровавых потерь. При таком сопоставлении нам вырисуется боевое напряжение каждого из боевых периодов, к которым относятся приведенные в таблице цифры. Стойкие войска могут потерять большое число пленных, но только при большой жертве кровью; этим они и отличаются от плохих войск, в которых сдача в плен происходит уже в боевых действиях малого напряжения.

Получить цифры кровавых потерь для взятых нами выше периодов войны, исходя при этом из той общей суммы, которую мы установили, т.е. 5 500 000, можно следующим путем.

В таблице № 22 («Боевые потери»)[1] Отдела военной статистики Центрального статистического управления приведены эти данные для различных периодов войны. Но, как мы видели выше, числа, приведенные в этой таблице, заключают в себе только «зарегистрированных» убитых и только раненых, эвакуированных во внутренние округа, что и дает общий итог этой категории кровавых потерь, равный всего 3 371 826. Нет никаких причин предполагать, чтобы взаимоотношение между той категорией кровавых потерь, которая учтена Отделом военной статистики ЦСУ, и общей численностью кровавых потерь существенно изменялось в различные периоды войны. Выражая нашу мысль другими словами, мы можем сказать так: распределение кровавых потерь, учтенных ЦСУ в различные периоды войны, и такое же распределение всех кровавых потерь прямо пропорциональны между собою.

Этот постулат позволяет нам составить следующую таблицу.

Предположенное нами распределение русских кровавых потерь в различные кампании войны 1914—1917 гг.

	Численность кровавых потерь	В среднем в месяц кровавые потери равняются
Летняя кампания 1914 г. и зимняя 1914—1915 гг. (с начала войны по 1 мая 1915 г.)	1 210 000	135 000
Летняя кампания 1915 г. (с 1 мая по 1 ноября)	1 410 000	235 000
Зимняя кампания 1915—1916 гг. (с 1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 г.)	850 000	140 000
Летняя кампания 1916 г. (с 1 мая по 1 ноября)	1 200 000	200 000
Зимняя кампания 1916—1917 гг. (с 1 ноября 1916 г. по 1 мая 1917 г.)	660 000	110 000
Летняя кампания 1917 г. (с 1 мая по 1 ноября)	170 000	21 000
В течение всей войны	5 500 000	140 000

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 30.

Выведем теперь на основании сопоставления данных обеих вышеприведенных таблиц взаимоотношение между потерями кровавыми и потерями пленными в различные кампании минувшей войны; эти взаимоотношения выведены в процентах, т.е. принимая общий итог боевых потерь (кровавые потери плюс пленные) равным для каждого периода 100.

Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен в различные кампании войны 1914—1917 гг.

	Абсолютные величины			Процентное взаимоотношение		
	Кровавые потери	Пленные	Итог боевых потерь	Кровавые потери	Пленные	Итог боевых потерь
Летняя кампания 1914 г. и зимняя 1914—1915 гг.	1 210 000	764 000	1 974 000	61	39	100
Летняя кампания 1915 г.	1 410 000	976 000	2 386 000	59	41	100
Зимняя кампания 1915—1916 гг.	850 000	156 000	1 006 000	84	16	100
Летняя кампания 1916 г.	1 200 000	212 000	1 412 000	85	15	100
Зимняя кампания 1916—1917 гг.	660 000	96 000	756 000	87	13	100
Летняя кампания 1917 г.	170 000	213 000	383 000	45	55	100
Вся война	5 500 000	2 417 000	7 917 000	69	31	100

Из этой таблицы и приложенной в конце книги схемы № 9 обнаруживаются два резких перелома во взаимоотношении между кровавыми потерями и пленными.

В летнюю кампанию 1914 г. и в зимнюю кампанию 1914—1915 гг. на десять убитых и раненых приходится от шести до семи попавших

в плен. В летнюю кампанию 1915 г. сохраняется то же взаимоотношение, но в зимнюю кампанию 1915—1916 гг. это взаимоотношение резко улучшается: на 10 убитых или раненых приходится только от одного до двух сдавшихся в плен. В летнюю кампанию 1916 г. и в зимнюю кампанию 1916—1917 гг. рассматриваемое нами взаимоотношение остается на том же высоком уровне. Постоянство уровня в первые три кампании и в последующие три показывает, что причину, вызвавшую происшедшее изменение, нужно искать на рубеже между 3-й и 4-й кампаниями, т.е. в половине 1915 г. Этой причиной нельзя предположить качественное повышение армии, так как не подлежит сомнению, что с потерей в первые три кампании большей части своего кадрового состава Русская армия ухудшилась, а не улучшилась. Мы думаем, что причину этого явления нужно искать в изменении характера войны: до осени 1915 г. на русском фронте преобладает маневренная война; при этом виде борьбы сражения всегда имеют более решительный характер, нежели в позиционной войне, а следовательно, победивший имеет большую возможность брать пленных. С осени 1915 г. борьба на русском театре получает по преимуществу позиционный характер, это уменьшает возможность пленения (например — окружение, глубокое преследование). Этой переменой в характере борьбы и объясняется обнаруженный нами перелом во взаимоотношении между кровавыми потерями и пленными.

На рубеже зимней кампании 1916—1917 гг. и летней кампании 1917 г. происходит новый резкий перелом во взаимоотношении между кровавыми потерями и пленными, но на этот раз в худшую сторону. Не может быть никакого сомнения в том, что здесь мы имеем дело исключительно с разлагающим влиянием революции. Русская солдатская масса драться не желает, и на каждых десять героев, проливших за Родину кровь, приходится двенадцать-тринадцать бросивших свое оружие.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ОФИЦЕРСКИХ И СОЛДАТСКИХ ПОТЕРЬ

Мы можем продолжить наш анализ взаимоотношения между кровавыми потерями и пленными. На странице 32 «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)», в таблице № 24 Отдел военной статистики ЦСУ приводит потери в офицерском и солдатском составе.

Эта таблица грешит теми же недочетами, как и таблица № 22 («Боевые потери») той же книги. Поэтому, применяя методы, аналогичные тем, которые мы применяли для распределения кровавых потерь по периодам войны, а также основываясь на имеющихся в нашем распоряжении данных о русских пленных (работы полковника Вальдштеттена и майора Франца), мы можем использовать вышеупомянутую таблицу № 24 для определения взаимоотношения между кровавыми потерями и потерями пленными в офицерском составе и в солдатском составе. Эти выведенные нами взаимоотношения указаны в нижеследующей таблице:

Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен для офицерского и солдатского состава Русской армии

		Предполагаемые нами абсолютные величины			Процентное взаимоотношение		
		Кровавые потери	Пленные	Всего	Кровавые потери	Пленные	Всего
1914 и	Офицеры	53 000	13 000	66 000	80 %	20 %	100 %
1915 гг.	Солдаты	2 975 000	1 779 000	4 754 000	64 %	37 %	100 %
	Общее число	3 028 000	1 792 000	4 820 000	63 %	37 %	100 %
1916 г.	Офицеры	24 500	2000	26 500	92 %	8 %	100 %
	Солдаты	2 035 000	342 000	2 377 500	86 %	14 %	100 %
	Общее число	2 060 000	344 000	2 404 000	86 %	14 %	100 %
1917 г.	Офицеры	12 500	2000	14 500	87 %	13 %	100 %
	Солдаты	399 000	279 000	678 500	41 %	59 %	100 %
	Общее число	412 000	281 000	693 000	41 %	59 %	100 %
Для всей войны	Офицеры	90 000	17 000	107 000	16 %	84 %	100 %
	Солдаты	5 410 000	2 400 000	7 810 000	31 %	69 %	100 %
	Общее число	5 500 000	2 417 000	7 917 000	31 %	69 %	100 %

Сравним проценты, приведенные в только что напечатанной таблице, относящиеся ко всему составу армии (в строчках, озаглавленных «общее число»), с процентами, приведенными в предыдущей таблице. Мы увидим, что рассмотренные нами выше два перелома «сдаваемости» в плен хотя и ясно заметны в ближайшей таблице, но тем не менее они не так ярки, как в предыдущей таблице. Это является результатом того, что в ближайшей таблице мы вынуждены были делать подсчеты по годам, а не по кампаниям.

Мы должны учесть это обстоятельство и ожидать, что явления, которые мы обнаружим при изучении войны по годам, будут, как правило, менее резко выражены, чем если бы мы изучали войну по кампаниям.

Рассмотрение ближайшей таблицы показывает, что офицерский состав сражается доблестнее, нежели солдатская масса. Если сравнить подсчет, сделанный для всей войны, то мы увидим, что в то время, как в офицерском составе при десяти убитых и раненых попадает в плен немного более *двух*, в солдатском составе сдается в плен от *четырех* до *пяти*.

Анализируя эти взаимоотношения для различных годов войны, мы можем представить следующую картину «сдаваемости» в плен нашего офицерского и солдатского состава так:

Сравнение «сдаваемости» в плен офицеров и солдат Русской армии

	На 10 раненых и убитых сдавалось в плен		Во сколько раз «сдаваемость» в плен в офицерском составе ниже, нежели в солдатском
	среди офицеров	среди солдат	
1914 и 1915 гг.	2,5	5,9	2,2
1916 г.	0,9	1,6	1,8
1917 г.	1,5	6,9	4,6
Для всей войны	1,9	4,4	2,3

Из этой таблицы мы видим, что первый перелом в «сдаваемости» в плен, имевший место на рубеже 3-й и 4-й кампаний, отражается в том, что различие между «сдаваемостью» в плен офицеров и солдат несколько уменьшается.

Мы объяснили этот «перелом» изменением в характере ведения войны, а именно — переходом от маневренной борьбы к позиционной, более «посильной» для нас стратегии генерала М. В. Алексеева. Менее решительный характер операций требует меньшей жертвенности.

Но к наиболее интересным выводам приводит нас изучение второго перелома в «сдаваемости» в плен, который произошел вследствие вспыхнувшей революции. Мы видим, что ухудшение происходит в офицерском и в солдатском составе. Но в то время, когда у солдат «сдаваемость» в плен увеличивается в 1917 г. по сравнению с 1916 г. почти в семь раз, у офицеров она увеличивается меньше чем в два раза.

Казалось бы, разлагающее влияние революции должно было сильнее сказаться на офицерской среде. В кампании 1914 и 1915 гг. большая часть нашего кадрового офицерства была перебита. К весне 1915 г. кадрового офицерского состава осталось в пехоте от $^1/_3$ до $^2/_5$; батальонные командиры и большая часть ротных командиров — кадровые офицеры, но все младшие офицеры — офицеры военного времени. К осени того же года (1915) в пехотных полках остается всего от 10 до 20 % кадрового офицерского состава. Уже не все батальонные командиры из кадровых; значительное же большинство ротных командиров — офицеры «военного времени»[1]. Профессиональная подготовка офицеров «военного времени» много ниже той, которой обладали замененные ими кадровые офицеры. Но последствия этого профессионального ухудшения офицерского состава ослабляются одним важным привходящим обстоятельством. Офицер «военного времени» 1916 и 1917 гг. — это «патриот-интеллигент». Выше мы уже отмечали, что русскому интеллигенту было очень легко уклониться от боевой офицерской работы, поэтому в офицеры «военного времени» попадают только те, кто не только на словах, но и на деле проникся идеей долга защиты Родины. Происходит своего рода социальный подбор, благодаря которому «прохладные патриоты» осаживаются в тылу, а истинные, «горячие» патриоты вливаются в офицерские ряды. Революция, развалившая солдатский состав армии, закаливает офицерский состав и создает резкий моральный разрыв

[1] Статья генерала Чернавина «К вопросу офицерского состава Русской армии к концу ее существования» (Военный сборник. Белград, 1924. Кн. 5. С. 227).

между малосознательной солдатской массой, пошедшей за лозунгом большевиков «похабный мир, но только бы по домам», и офицерством, очистившимся от слабых духом и втянувшим в себя всю квинтэссенцию русского патриотизма. Линия, разделившая впоследствии, в Гражданскую войну, борющиеся стороны на «белую» — по преимуществу офицерскую, и «красную» — по преимуществу солдатскую, ярко здесь намечается.

ХАРАКТЕРИСТИКА БОЕВЫХ ПОТЕРЬ В РАЗЛИЧНЫХ РОДАХ ВОЙСК

В труде Отдела военной статистики советского ЦСУ имеется еще одна интересная таблица, которой мы можем воспользоваться для того, чтобы наметить сдаваемость в плен различных категорий войск. Эта таблица составлена, как указано в подзаголовке, по данным бывшего Главного штаба, а следовательно, нуждается в таких же поправках, какие мы вносили в предыдущие таблицы этой книги. После внесенных нами исправлений взаимоотношение кровавых потерь и пленных может быть представлено в следующей таблице:

Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен в различных категориях войск

	Кровавые потери	Пленные	Итого
Гвардия	91	9	100
Гренадерские части	78	22	100
Пехота (армейская)	65	35	100
Стрелковые части	82	18	100
Кавалерия	79	21	100
Казачьи войска	94	6	100
Пограничная стража	86	14	100
Артиллерия	56	44	100
Инженерные войска	77	23	100
Ополчение	42	58	100
Санитарные части	83	17	100
Прочие	38	62	100
Общее число для всей армии	69	31	100

Правильное понимание данных только что приведенной таблицы требует некоторых пояснений. В категорию «армейской пехоты» советские исследователи отнесли как первоочередные (полевые), так и второочередные (резервные) пехотные дивизии. Различие в боевых качествах первых и вторых было очень велико. Наши второочередные дивизии формировались с объявлением общей мобилизации из скрытых кадров, выделенных из полевых дивизий. Этот метод был заимствован Сухомлиновым из немецкой армии, которая подобным способом дублировала свои полевые войска мало уступающими им по качеству резервами. Но в то время как у немцев это развертывание было тщательно продумано и резервные дивизии были обеспечены сильными, скрытыми в мирное время кадрами, у нас оно представляло собою очень слабое подражание только по форме, но с совершенно непродуманной сущностью. Вот почему второочередные пехотные дивизии по своим боевым качествам сильно уступали полевым. Смешение в одну категорию полевых и второочередных пехотных частей и привело к тому, что процент пленных в армейской пехоте более чем в три раза выше, чем в гвардейской. Для того чтобы составить себе представление о стойкости нашей полевой пехоты, нужно взять цифры, приведенные для стрелковых и для гренадерских частей. И первые и вторые находились в одинаковых с прочими частями полевой пехоты условиях. Это позволяет нам утверждать, что на сто человек потерь в армейской пехоте попадают в плен от 18 до 22 человек. Процент пленных в пехоте второочередных дивизий должен быть близок в начале войны к проценту пленных в ополчении (58 на 100); только к концу войны устойчивость второочередных пехотных дивизий подходит к средней для армейской пехоты.

Процент пленных в кавалерии очень близок к проценту стрелковых частей. Это только подтверждает приведенное выше наше мнение, что рассматриваемый нами процент для пехоты первоочередных дивизий должен также быть близок к этому уровню.

Обращает на себя внимание громадный процент пленных в артиллерии. Объяснение этому явлению заключается в том, что абсолютный размер кровавых потерь в артиллерии был во много раз меньше такового же в пехоте; сдача же крепостей Ново-Георгиевска и Ковно с многочисленным личным составом крепостной артиллерии и дает высокую относительную цифру (%) пленных.

Наименьший процент пленных дали казаки и гвардия. Первые, как мы уже говорили выше, представляют в своих массах людской материал, наиболее воспринявший идею долга каждого гражданина защищать свою Родину. Гвардия же была всегда балованным детищем среди прочих частей Русской армии: она лучше комплектовалась, лучше снабжалась не только во время мира, но и во время войны.

ХАРАКТЕРИСТИКА БОЕВЫХ ПОТЕРЬ КОМАНДНОГО СОСТАВА

В приложениях к выпуску 1-му «Трудов Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.»[1] приведена таблица с подробным указанием потерь в командном составе в войну 1914—1917 гг. Эта таблица представляет собой большой интерес, так как данные о потерях в командном составе собирались несравненно более аккуратно. Поэтому можно считать их точными. Выведем на основании этой таблицы интересующее нас взаимоотношение кровавых потерь и пленных. Чтобы получить абсолютные величины кровавых потерь, мы складываем цифры, находящиеся в графах убитых, умерших от ран, раненых, контуженых, отравленных, оставленных на полях сражений. Кроме того, мы присчитываем сюда же «без вести пропавших». Проверка офицеров, попавших в плен, производилась точно, поэтому можно с полной уверенностью предполагать, что попавшие в рассматриваемую нами таблицу «без вести пропавшие» офицеры представляют собой убитых и тяжелораненых, оставленных на полях сражений, или тяжелораненых, попавших в плен, но скончавшихся до прибытия в концентрационные лагеря.

Полученные нами выводы сведены в нижеследующей таблице.

Взаимоотношение кровавых потерь и пленных командного состава

	Кровавые потери, %	Пленные, %	Всего, %
Пехота	85	15	100
Кавалерия	95	5	100
Артиллерия	81	19	100

[1] С. 212—213.

Продолжение табл.

	Кровавые потери, %	Пленные, %	Всего, %
Крепостные войска	25	75	100
Инженерные войска	86	14	100
Авиац. и воздухоплав. части	82	18	100
Автом. и самокат. части	98	2	100
Железнодорожные войска	93	7	100
Казачьи войска	96	4	100
Отд. корп. погр. стражи	96	4	100
Корп. военн. топогр.	65	35	100
Штабы действ. армии и тыла	77	23	100
Общее для всей армии	85	15	100

Сравним данные этой таблицы с данными таблицы, приведенной на странице 189. Во-первых, мы увидим почти полное совпадение общего для всей армии интересующего нас взаимоотношения[1]. Это совпадение чрезвычайно для нас важно, ибо обе таблицы составлены на основании различных источников.

Сравнивая далее обе таблицы, мы можем убедиться, насколько наш командный состав воевал доблестнее солдатского. Это будет рельефно видно, если мы составим таблицу, сравнивающую, какое число составляют пленные из каждых 100 единиц боевых потерь. При этом оговорим, что ввиду несовпадения подразделений нам придется взять из непосредственно предшествующей, изучаемой нами теперь таблицы проценты, озаглавленные «Пехота (арм.)». Остальные части пехоты (гвардия, гренадеры, стрелки, ополчение) представляют собой несравненно меньшую часть Русской армии, нежели армейская пехота, вследствие чего общий для пехоты процент должен быть близок к указанному для «Пехоты (арм.)».

[1] В таблице, напечатанной на странице 188 под заглавием: «Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен для офицерского и солдатского состава Русской армии», процент кровавых потерь определен в 84 %, а пленных — 16 %; в только что приведенной первый равен 85 %, а второй — 15 %.

Какое число составляют пленные из каждых 100 единиц боевых потерь

	Командный состав	Солдатский состав
Пехота	15	35
Кавалерия	5	21
Казачьи войска	4	6
Артиллерия	19	44
Инженерные войска	14	23
Пограничная стража	4	14

ХАРАКТЕРИСТИКА БОЕВЫХ ПОТЕРЬ ПО ГУБЕРНИЯМ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

В одном из приложений к первому выпуску «Трудов комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.» приведена таблица (№ 7), представляющая собой сводку работы И. И. Волоцкого. Эта таблица озаглавлена: «Распределение потерь солдатами Русской армии в начале войны (приблизительно до начала весны 1915 г.) по различным категориям потерь». Она составлена на основании изучения 779 767 случаев по «именным спискам убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам» (изд. Главного штаба I—1140).

Если мы исключим из таблицы И. И. Волоцкого умерших от болезни, заболевших, отставших и помеченных в графе «другие причины», общий итог уменьшится на 942 случая, он представит тогда величину в 778 825, которой будут измеряться боевые потери.

Боевые потери, согласно доктору И. И. Волоцкому, распределяются так:

Кровавые потери составляют	59 %
Пленные и без вести пропавшие	41 %
	100 %

В данном случае в противоположность тому, что мы сделали выше при рассмотрении потерь в командном составе, мы относим «без вести пропавших» к пленным. Дело в том, что выяснение во время войны фамилий попавших в плен возможно было в полной мере лишь по отношению к лицам командного состава. До весны

же 1915 г. такая проверка вообще была еще трудно осуществима. Поэтому очень большое число солдат, попавших в плен, отмечено в «именных списках» Главного штаба (№ I—1140) как «без вести пропавшие».

Если мы посмотрим приведенную выше таблицу[1] «Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен в различные кампании войны 1914—1917 гг.», то увидим, что для того периода, к которому относятся данные доктора И. И. Волоцкого, нами выведена следующая пропорция:

Кровавые потери:	61
Пленные:	39

Это взаимоотношение настолько близко к приведенному выше взаимоотношению И. И. Волоцкого, что мы можем смело пренебречь различием и пользоваться таблицей доктора Волоцкого без поправок, отнеся числящихся у него в рубрике «без вести пропавшие» в категорию «пленные». Это и сделано нами в таблице, приведенной в приложении к настоящей главе.

Исследования доктора И. И. Волоцкого обнимают всего две пятых боевых потерь, понесенных Русской армией до 1 мая 1915 г. Таким образом, его работа не позволяет сделать исчерпывающие статистические выводы. Тем не менее составленная нами на основании данных доктора И. И. Волоцкого таблица позволяет наметить чрезвычайно интересные выводы относительно боевой устойчивости контингентов, призванных в ряды войск из различных частей России.

Для того чтобы по возможности избегнуть случайных выводов, мы исследуем только те губернии, для которых таблица И. И. Волоцкого дает более 1000 случаев. В нашей таблице интересующее нас взаимоотношение между кровавыми потерями и пленными указано в графах IV, V и VI.

На схеме № 10, приложенной в конце книги, указано изменение процента пленных (от общего числа боевых потерь) по различным губерниям и областям Европейской России. Средний процент (нормальный), по данным И. И. Волоцкого, равен 41 %.

Из этой схемы мы видим, что Черниговская, Калужская, Рязанская, Нижегородская и Вятская губернии дали нормальный

[1] Напечатано на с. 187.

процент. По мере движения на юго-восток от линии, соединяющей вышеперечисленные губернии, стойкость контингентов увеличивается; призванные из малороссийских губерний, а в особенности из казачьих областей дают наименьший процент пленных. К северо-западу от выше намеченной средней линии мы не видим той же цельности картины. Прямо на север мы видим, что процент пленных остается близким к нормальному, за исключением двух губерний: Ярославской, которая очень хорошо дерется, и Московской, которая плохо дерется. Плохая стойкость контингентов Московской губернии объясняется тем, что Московский фабричный район давал плохо настроенные контингенты. Высокий уровень Ярославской губернии может быть объяснен тем, что население этой губернии являлось очень развитым и давало наибольший процент грамотных среди призванных.

С приближением к западу мы видим резко выраженное ухудшение. Особенно яркое «отрицательное» пятно представляет собой Польша, контингент которой дает наибольший для всей России процент пленных. Неважно дерутся и контингенты Северо-Западного края. Резкое исключение из этого ухудшения составляют Эстляндская и Петроградская губернии, контингент которых дерется так же хорошо, как и южнорусский.

Как общее правило, южная половина России дерется лучше северной.

Некоторое объяснение этому явлению можно найти в том, что северная часть укомплектовывала, главным образом, части, дравшиеся против германцев; южная — против австро-венгров. Как известно, борьба с германцами протекала труднее, и в ней Русская армия теряла больше пленных, чем на австро-венгерском фронте. Но это не дает исчерпывающего объяснения. Чтобы убедиться в этом, нужно только взглянуть на Польшу; последняя укомплектовывала войска обоих фронтов и, несмотря на это, представляла резко выраженную однородную картину плохо дравшихся контингентов. Несомненно, что в этом случае основной причиной является национальный мотив. Став на эту точку зрения, можно объяснить многие колебания рассматриваемого нами процента. Присутствие еврейства к западу от так называемой черты оседлости (р. Западная Двина и Днепр) вносит ухудшение. Подобное же влияние, но не в такой же мере оказывают для Бессарабской

губернии молдаване. Некоторое ухудшение вносят инородческие массы в губерниях Таврической, Астраханской, Симбирской, Самарской, Казанской и Уфимской. Лучше всех дерутся русские народности. Но среди этих народностей тоже замечается градация: на первом месте по стойкости стоят казаки, затем малороссы; на третьем месте великороссы, на четвертом белорусы. Относительно последних нужно ввести существенную поправку: наличие в губерниях, ими населяемых, еврейского и польского элемента, несомненно, увеличило процент пленных для белорусских губерний. Различие в боевой стойкости между великороссами и малороссами является интересным социальным вопросом. Не оказывало ли влияния на ухудшение боевой стойкости великороссов наличие общинного землевладения, которое убивало инициативу? Может быть также, Великороссия, проявившая большое напряжение для того, чтобы собрать вокруг себя Россию, израсходовала энергию своего коренного населения в большей мере, чем Малороссия? Мы не беремся ответить на эти вопросы и ограничиваемся лишь тем, что ставим их.

ЗАБОЛЕВШИЕ

Общее число заболеваний, согласно работе доктора Аврамова, исчисляется в 5 069 020 (88 836 офицеров и 4 981 084 солдат).

Численность заболевших с начала войны по сентябрь 1917 г. (по данным доктора Аврамова)

	Офицерские чины	Нижние чины	Всего
С начала войны по 1 января 1917 г.	61 551	2 946 728	3 008 279
С 1 января 1917 г. по 1 октября 1917 г.	27 285	2 034 356	3 061 641
Всего: с начала войны до 1 октября 1917 г.	88 836	4 981 084	6 069 920

Доктор Аврамов считает, что по отношению к среднему наличному составу заболеваемость должна исчисляться для офицеров в 10,5 %, для солдат — 13,1 %.

Если мы сравним среднюю месячную заболеваемость с начала войны до 1 января 1917 г. с такою же среднею величиною для революционного 1917 года, мы получим:

Средняя месячная заболеваемость

	Офицерских чинов	Нижних чинов	Общая
С начала войны по 1 января 1917 г.	2 122	101 612	103 734
С 1 января 1917 г. по 1 октября 1917 г.	3 032	226 039	229 071

Из сопоставления этих данных мы видим, что «заболеваемость» увеличилась в 1917 г. по сравнению с предыдущими годами в $2^1/_5$ раза. А между тем никаких эпидемий в 1917 г. в Русской армии не было. Более подробное изучение заболеваемости в 1917 г. показывает нам, что рост ее начинается после начала революции. Таким образом, причина этого роста лежит всецело в области психико-социальных, а не санитарных факторов. С начала революции солдатская масса потянулась домой, но так как нижние чины в начале революции не решались просто дезертировать, то они пользовались всякой небольшой болезнью или даже симулировали ее, чтобы на законном основании уйти в тыл. Санитарный персонал не мог этому противиться, так как был терроризирован массой. Пишущий эти строки знает несколько случаев в июле 1917 г., когда эвакуационные свидетельства выдавались под угрозой штыков солдатской толпы. Эта «тяга» домой сказалась на офицерском составе с его более развитым чувством долга слабее, чем у солдат. В самом деле, «заболеваемость» офицеров увеличилась на 43 %, в то время как «заболеваемость» солдат на 121 %.

Усилившаяся с началом революции «заболеваемость» сопровождалась «насильственной» эвакуацией больных в тыл. Поэтому нужно иметь в виду, что с началом революции наряду с закономерной эвакуацией во внутренние военные округа действительно тяжелобольных происходила еще и «самоэвакуация» мнимых больных. В учет Ставки попали только первые, что и будет принято нами во внимание, когда в следующей главе мы будем рас-

сматривать «возвращаемость» в армию выздоровевших эвакуированных больных.

Процент смертности среди заболевших в войны, предшествующие нами изучаемой, исчисляется для Русской армии:

В войну 1854—1856 гг.	22,9 %
В войну 1877—1878 гг.	6,6 %
В войну 1904—1905 гг.	2,5 %

Наша война с Японией считалась особенно благополучной в санитарном отношении. Таковой же является и минувшая мировая война. Несмотря на продолжительность войны, все острые инфекционные болезни получили слабое развитие[1].

Поэтому мы согласны с доктором Бинштоком, который в своей работе «Военные потери России в войну 1914—1918 гг.»[2] принимает для Русской армии процент смертности от болезней в течение минувшей войны — 2,5 %.

Всех больных, как было уже указано, зарегистрировано 5 069 920, что при 2,5 % умерших должно дать общую цифру умерших в 126 778, а за округлением — 130 000. Эта цифра, утверждает доктор Бинштоk, не противоречит общему числу умерших от инфекционных болезней (42 670), составляющему, как это обычно наблюдается у нас, треть общего числа умерших от болезней.

К указанному выше числу умерших от болезней нужно еще прибавить умерших скоропостижно и умерших в плену.

Согласно данным доктора Аврамова, численность скоропостижно умерших равняется 7196.

---

[1] Брюшным тифом заболело 97 522
Сыпным 21 093
Возвратным 75 429
Дизентерией 64 364
Холерой 30 810
Натуральной оспой 2708
291 926
Из них умерло 42 670

[2] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С.145.

Таким образом, общее число смертей от болезней может считаться близким к 140 000.

Приведенная выше цифра умерших от болезней требует ряда оговорок. С одной стороны, надо помнить, что цифры доктора Аврамова не включают в себя данных с Кавказского фронта и о русских войсках, дравшихся за границей, и по этой причине численность умерших от болезней является преуменьшенной. С другой стороны, число смертей выведено не из числа болезней, а из числа бывших заболеваний. Очевидно, что последних было больше, чем первых, так как одно и то же лицо могло хворать несколько раз. Невозможность учесть сейчас это обстоятельство может возбудить подозрение, что приведенная выше цифра является преувеличенной. Но сомнение в этом рассеется, если обратиться к статистике о потерях французской армии. Доктор J. Toubert в неоднократно цитированном нами труде[1] исчисляет число умерших от болезней во французской армии равным 175 000.

Следовательно, во французской армии в среднем ежемесячно умирало от болезней 3400 человек.

Если мы выведем такое же среднее число для нашей армии при 140 000 смертей, мы получим около 3600 смертей в месяц. Но Русская армия была гораздо более многочисленна людьми, а следовательно, выведенная цифра в 140 000 ни в коем случае не может считаться преувеличенной.

Число чинов Русской армии, умерших в плену, определяется для пленных, находившихся в Германии:

210 офицерских и 47 934 нижних чинов[2].

Для пленных, находившихся в Австро-Венгрии:

241 офицерских и 27 497 нижних чинов[3].

Число умерших чинов Русской армии в турецком и болгарском плену нам не известно. Но ввиду ничтожного количества этих пленных число умерших среди них не может оказать влияния на общий итог, закругленный в десятках тысяч.

---

[1] Etude statistique des pertes subies par Français la guerre 1914—1918. P. 36.

[2] Рукопись майора Франца: «Kriegsgefangene Russen in Deutschland». S. 2.

[3] Рукопись полковника Е. Ф. Вальдштеттена: «Elaborat über die vom Kriegsführenden Staat (ısterreich-Ungarn im Verlaufe des Grossen Kriegs 1914—1918 gemachten Russischen Kriegsgefangene)».

Таким образом, общее число наших чинов, умерших в плену (за исключением тяжелораненых, скончавшихся до прибытия во внутрь вражеской страны), должно измеряться в округленных числах — в 70 000.

Интересно отметить здесь, что по отношению к установленному нами итогу наших пленных (2 400 000) это составит 2,9 %, т.е. процент, немного превышающий процент смертности, принятый нами согласно с доктором Бинштоком для смертности от болезней в Русской армии; такое превышение совершенно естественно.

Подведем теперь итог числу убитых, умерших от ран и болезней в Русской армии в войну 1914—1917 гг. (до большевистского переворота). Этот итог должен выражаться примерно так:

Зарегистрированные убитые	626 000[1]
Неизвестные убитые	674 000
Умершие от ран	350 000
Умершие от болезней	140 000
Умершие в плену	70 000
	1 860 000

ИНВАЛИДЫ

Дабы закончить рассмотрение вопроса о потерях Русской армии, необходимо еще попытаться определить, каково число инвалидов, которое должно было остаться в Русской армии после большой войны. Под словом «инвалид» мы будем понимать раненых и больных, которые после выздоровления признавались, согласно существовавшим у нас правилам, совершенно не годными к военной службе, а посему подлежащими увольнению от нее.

Изучение регистрационных карточек на 103 194 раненых и 70 755 больных, пользованных в санитарных учреждениях Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов, показывает, что уволено было вовсе от службы: раненых — 25,2 %, а больных — 14,9 %. Если применить этот масштаб ко всему числу эвакуированных раненых (2 425 000) и больных (1 875 000), мы получим, что общее число уволенных вовсе от службы во время войны достигает:

[1] В округленных цифрах.

Для раненых	611 000
Для больных	279 375
	890 375

Несомненно, что это число является несколько преувеличенным. Действительно, мы имели уже случай указывать на то, что в Петроград эвакуировались раненые и больные, требовавшие сложного лечения; естественно, что среди таких раненых и больных процент инвалидности должен быть очень повышенным.

Как мы приводили выше, Ставка в своем ответе начальнику Французской военной миссии насчитывала, что к октябрю 1917 г. было вовсе уволено от службы тяжелораненых 348 508. В том же ответе указывается, что, кроме того, было еще уволено до выслуги обязательного срока службы 170 210. Несомненно, что причиною этих увольнений могли являться только последствия тяжелой болезни. Следовательно, число инвалидов к октябрю 1917 г., по счету Ставки, равнялось 518 718. К этому числу нужно еще прибавить 37 295 русских инвалидов из числа чинов Русской армии, попавших в плен и возвращенных в течение войны в порядке обмена. Это доведет общий итог до 556 013.

Но и это число не может выразить собой общий итог инвалидов, оставшихся после войны 1914—1917 гг. В сентябре 1917 г., т.е. к тому времени, к которому относятся цифры, приведенные в ответе Ставки, большое число инвалидов не могло быть еще учтено Ставкой: они находились еще на излечении в санитарных учреждениях или были уволены в долгосрочный отпуск, и вопрос об их окончательном увольнении со службы должен был решиться только впоследствии. Вот почему мы думаем, что Л. И. Сазонов прав, когда в своей статье «Потери России в войну 1914—1918 гг.»[1] утверждает, на основании данных Главного военно-санитарного инспектора, что число уволенных от службы за ранами, контузиями и болезнями должно измеряться в круглых цифрах в 700 000.

Такова и должна быть общая численность наших инвалидов.

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 165.

Приложение

Взаимоотношение кровавых потерь и пленных в различных контингентах России (составлена на основании таблицы доктора И. И. Волоцкого, напечатанной в вып. 1 «Трудов Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.», с. 214—217)

Губернии и области России	Абсолютные числа			Процентное отношение		
	Кровавые потери	Пленные	Всего	Кровавые потери	Пленные	Всего
Акмолинская	1735	1420	3155	55	45	100
Архангельская	1685	1239	2914	58	42	100
Астраханская	1825	1071	2896	64	36	100
Бессарабская	12 165	8094	20 259	60	40	100
Варшавская	3411	4778	8189	42	58	100
Виленская	3805	6302	10 107	38	62	100
Витебская	6325	6140	12 468	51	49	100
Владимирская	7280	4299	11 579	63	37	100
Вологодская	5997	4035	10 032	60	40	100
Волынская	19 464	11 194	30 658	63	37	100
Воронежская	9805	6197	16 002	61	39	100
Вятская	11 109	7830	18 939	59	41	100
Гродненская	4456	4684	9140	49	51	100
Донская	5181	2176	7357	70	30	100
Екатеринославская	10 777	5872	16 649	65	35	100
Елизаветпольская	1312	509	1821	72	28	100
Енисейская	2104	1366	3470	61	39	100
Иркутская	1047	774	1821	57	43	100
Казанская	9331	6942	16 273	57	43	100
Калишская	1647	1817	3464	48	52	100
Калужская	4614	3187	7801	59	41	100
Келецкая	1083	1704	2787	39	61	100
Киевская	18 674	10 505	29 179	64	36	100

Продолжение табл.

Губернии и области России	Абсолютные числа			Процентное отношение		
	Кровавые потери	Пленные	Всего	Кровавые потери	Пленные	Всего
Ковенская	3201	6414	9615	33	67	100
Костромская	7020	5058	12 078	58	42	100
Кубанская	3217	557	3774	85	15	100
Курляндская	2013	2500	4513	45	55	100
Курская	12 225	7029	19 254	63	37	100
Кутаисская	2664	1252	3196	68	32	100
Лифляндская	3291	3297	6588	50	50	100
Ломжинская	861	985	1846	47	53	100
Люблинская	3973	5577	9550	42	58	100
Минская	5840	5372	11 212	52	48	100
Могилевская	6497	4840	11 337	57	43	100
Московская	5883	5591	11 474	51	49	100
Нижегородская	7380	5068	12 448	59	41	100
Новгородская	7891	4472	12 633	62	38	100
Олонецкая	2378	1412	3790	63	37	100
Оренбургская	6373	3399	9772	65	35	100
Орловская	6603	4724	11 327	58	42	100
Пензенская	7965	4779	12 744	63	37	100
Пермская	10 218	6858	17 076	60	40	100
Петроградская	4414	2271	6685	66	34	100
Петроковская	2744	3408	6152	45	55	100
Подольская	18 662	9365	28 027	67	33	100
Полоцкая	534	468	1002	53	47	100
Полтавская	17 421	8267	25 688	68	32	100
Приморская	635	607	1242	51	49	100
Псковская	5634	4772	10 406	54	46	100
Радомская	1678	2766	4444	38	62	100
Рязанская	7070	4865	11 935	59	41	100
Самарская	9506	6981	16 485	58	42	100
Саратовская	9380	5607	14 987	63	37	100
Симбирская	6677	5367	12 044	55	45	100

Продолжение табл.

Губернии и области России	Абсолютные числа			Процентное отношение		
	Кровавые потери	Пленные	Всего	Кровавые потери	Пленные	Всего
Смоленская	6205	4716	10 921	57	43	100
Ставропольская	1284	632	1916	67	43	100
Сувалкская	1297	1726	3023	43	57	100
Таврическая	8036	4942	12 978	62	38	100
Тамбовская	12 335	7443	19 778	62	38	100
Тверская	9205	6684	15 889	58	42	100
Тифлисская	2907	1769	4676	62	38	100
Тобольская	5219	3721	8940	58	42	100
Томская	8123	6456	14 579	56	44	100
Тульская	4733	3613	8346	57	43	100
Тургайская	800	280	1080	74	26	100
Уфимская	9954	7833	17 787	56	44	100
Харьковская	14 394	7111	21 505	67	33	100
Херсонская	19 507	9466	28 973	67	33	100
Холмская	2706	3175	5881	46	54	100
Черниговская	8459	5866	14 325	59	41	100
Эриванская	1174	957	2131	55	45	100
Эстляндская	1413	641	2054	69	31	100
Ярославская	5688	2597	8285	68	31	100
Всего	458 122	315 961	774 083	59	41	100

Глава шестая

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ЛЮДЕЙ МЕЖДУ ВОЙСКАМИ И ТЫЛОМ

Численность Действующей армии. — Численность боевого и обслуживающего элемента в Действующей армии. — Численность людей в общественных и тыловых организациях. — Окончательный расчет соотношения между боевым и обслуживающим элементами. — Численность людей в глубоком военном тылу (в подчиненных Военному министерству запасных войсках, заведениях и учреждениях). — Численность военнообязанных, работавших в оборонной промышленности. — Возвращаемость личного состава Действующей армии. — Дезертирство.

ЧИСЛЕННОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Словами «Действующая армия» у нас назывались сухопутные и морские вооруженные силы, военные управления и учреждения, подчиненные Верховному главнокомандующему. Территория же, предназначенная для развертывания и размещения Действующей армии, называлась «театром военных действий»[1].

Кроме элементов нашей вооруженной силы, составлявших Действующую армию, внутри страны оставались многочисленные учреждения, обслуживавшие Действующую армию, а также «запасные войска», т.е. те войсковые части, в которых происходило

[1] § 8 «Положения о Полевом управлении войск в военное время».

обучение призываемых новобранцев и ратников; внутри страны для охранной службы оставалась также часть дружин ополчения. Все части и учреждения, оставшиеся внутри страны, подчинялись военному министру. Действующая армия разделялась на фронты и отдельные армии; при этом нужно иметь в виду, что, согласно нашему «Положению о Полевом управлении войск в военное время», под словом «фронт» (армий) называлось то, что у наших союзников понималось под словами, «группа армий»[1].

В начале войны у нас имелись два фронта и две отдельные армии:

Северо-Западный фронт — включавший в себя армии, действовавшие против Германии;

Юго-Западный фронт — состоящий из армий, действовавших против Австро-Венгрии;

Отдельная армия № 6 (Петроградская), охранявшая побережье Балтийского моря;

Отдельная армия № 7 (Одесская), охранявшая побережье Черного моря.

С объявлением нам войны Турцией была сформирована Отдельная Кавказская армия, развернувшаяся с дальнейшим течением войны в Кавказский фронт.

Осенью 1915 г., после отхода наших вооруженных сил из Польши и Литвы, Северо-Западный фронт был разделен на два:

Северный — составлявшийся из армий, действовавших на путях к Петрограду, с присоединением к ним 6-й отдельной армии;

Западный — составлявшийся из армий, действовавших на путях к Москве.

---

[1] «Сухопутные вооруженные силы, предназначенные для военных действий, образуют высшие войсковые соединения — армии; в составе двух и более корпусов.

Армиям присваиваются номера или названия.

Несколько армий, предназначенных для достижения одной стратегической цели и действующих на определенном фронте, могут быть объединены в еще более высоком войсковом соединении, образуя армии данного фронта.

Армия, не входящая в состав армий фронта, получает название отдельной армии». § 4 «Положения о Полевом управлении войск в военное время».

Наконец, после поражений, понесенных румынскими армиями, ввиду необходимости для спасения этого неудачного союзника двинуть на помощь наши многочисленные войска создался *Румынский фронт.*

Таким образом, к 1917 г. у нас имелось уже пять фронтов: Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский[1] и Кавказский.

Выяснить численность Действующей армии в минувшую войну очень трудно. Трудность эта проистекает не столько от утери многочисленных документов, а главным образом от того, что надлежаще поставленного учета численности армий не было. Подобно тому, как и в деле отчетности о потерях, войсковые части были завалены перепиской об их численном составе, но вся эта отчетность, хотя и чрезвычайно объемистая, была настолько кустарно поставлена, что привела к полному расхождению данных о численности армии по сведениям строевых штабов и по сведениям Интендантства. Различие между этими двумя родами сведений оказалось столь велико, что вызвало даже особую переписку между Ставкой и Военным министерством. В октябре 1916 г. начальник Генерального штаба пишет по этому поводу Дежурному генералу Ставки: «Во время последнего посещения Ставки военный министр получил от Полевого интендантства сведения о числе состоящих на довольствии людей в Действующей армии и на театре войны, а именно:

Северный фронт	2 127 000
Западный фронт	1 651 000
Юго-Западный фронт	3 640 000
Кавказская армия	851 000
Итого	8 269 000

Согласно же полученным от фронтов сведениям, в Действующей армии насчитывалось к 1-му сентября 1916 года:

6 191 000 человек.

Ввиду сего военный министр просит разъяснения получающейся разницы между этими сведениями, достигающей

[1] Отдельная армия № 7 в ноябре 1915 г. была включена в состав Юго-Западного фронта, а с формированием Румынского фронта ее тыл был передан в этот последний.

2 078 000 нижних чинов, с установлением, из каких именно категорий нижних чинов складывалась эта разница»[1].

Вскоре после Февральской революции на совещании 30 марта 1917 г. в Ставке вновь возник вопрос о разнице между сведениями Интендантства и сведениями строевых штабов о численности войск. На этом совещании было признано, что сведения Интендантства о числе состоявших на довольствии «в значительной степени оказывались основанными на теоретических расчетах».

С целью проверить правильность интендантского учета по распоряжению генерала Алексеева была произведена 20 апреля/3 мая 1917 г. однодневная перепись. Эта перепись выяснила, что наличное количество довольствовавшихся в Действующей армии в этот день от Интендантства исчислялось в 9 050 924. Это число на 2 200 000 превосходило численность Действующей армии, согласно исчислениям войсковых штабов[2]. Таким образом, выяснилось, что причиной расхождения являлось то, что войсковые штабы исключали из своего счета целую категорию обслуживающих Действующую армию учреждений, а именно — так называемые Организации. Мы вернемся к этому вопросу далее, теперь же попробуем установить численность Действующей армии по исчислениям войсковых штабов; для этого в нашем распоряжении имеется два документа:

а) сводка сведений, доставленных фронтами Дежурному генералу Штаба Верховного главнокомандующего,

б) данные о численности войск, управлений и учреждений Действующей армии, составленные по материалам Ставки.

Первый документ напечатан в виде таблицы № 2 на странице 209 «Трудов комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.».

Второй документ напечатан в виде таблицы № 9 на странице 23 «России в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)».

---

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 136.

[2] См. таблицу II «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». Согласно этой таблице, общая численность всех фронтов к 1/14 мая 1917 г., по данным войсковых штабов, равнялась 6 752 700. Если прибавить к этому числу: гарнизон Могилева — 4327 и части, подчиненные командующему Черноморским флотом, — 61 961, мы получим общий итог (с закруглением): 6 820 000.

Между данными вышепоименованных таблиц существуют различия, причем цифры второй из таблиц всегда несколько больше соответствующих чисел первой. Объясняется это, по-видимому, тем, что в первой из таблиц не приняты во внимание: Ставка, части и учреждения, непосредственно подчиненные Верховному главнокомандующему, а также отдельные армии № 6 и № 7 (Петроградская и Одесская). Вот почему мы считаем, что цифры второй из таблиц ближе к общему итогу численности Действующей армии, нежели цифры первой из таблиц; мы и придерживаемся их в наших исчислениях. К сожалению, указания второй из таблиц относятся к меньшему числу периодов, чем указания первой из таблиц. Поэтому для определения общей численности Действующей армии в те периоды, для которых нет указаний во второй таблице, мы придерживаемся следующего метода: в основу берем соответствующие числа первой из таблиц, считая, что они указывают численность фронтов и Кавказской армии; для того же, чтобы определить численность элементов Действующей армии, не подчиненных фронтам, мы берем разницу между ближайшими предыдущими соответствующими числами обеих таблиц, предполагая, что за истекший срок численность Ставки, войск и учреждений, непосредственно подчиненных Верховному главнокомандующему, не изменилась. Такое допущение не может привести к большой ошибке, поэтому, прибавив полученые нами разницы к соответствующим цифрам первой таблицы и округлив полученные числа до сотен тысяч, мы найдем довольно верное выражение численности Действующей армии в различные периоды войны.

До мобилизации мирный состав русской вооруженной силы, как мы видели выше, исчислялся в 1 423 000. По укомплектовании ее призывами запасных она была доведена до 4 700 000 человек[1]. Из этих 4 700 000 в Действующую армию сразу было предназначено не более 3 500 000. Ввиду того, что сосредоточение сил, предназначенных в Действующую армию, закончилось лишь через $2\,^1/_2$ месяца, установить численность войск и учреждений, бывших на театре военных действий ранее 1/14 октября, не представляется возможным. Но к этому времени уже разыгрался целый ряд кровавых

[1] Сазонов Л. И. Численность Русской армии в войну 1914—1918 гг. // Труды Комиссии по исследованию санитарных последствий войны 1914—1918 гг. Вып. 1. С. 134.

сражений, в которых Русская армия понесла огромные потери. Поэтому к 1/14 октября 1914 г., т.е. ко времени окончания своего сосредоточения, численность Действующей армии измеряется всего:

2 700 000.

К 1/14 декабря эта численность падает до:

2 000 000.

Это новое уменьшение Действующей армии объясняется теми громадными потерями, которые продолжали нести наши войска в начальный период войны, когда им приходилось спасать от разгрома Францию; укомплектования же вследствие непродуманности устройства наших запасных войск не успевали своевременно прибывать в Действующую армию. В дивизиях вместо 15 000 бойцов в среднем было около 7000—8000.

К 1/14 января 1915 г. нужные пополнения прибыли в Действующую армию, и численность ее возросла до:

3 500 000.

Кровопролитные январские бои вновь понижают численность Действующей армии к 1/14 февраля до:

3 200 000.

К 1/14 апреля 1915 г. благодаря укомплектованию и новым формированиям численность Действующей армии возрастает до:

4 200 000.

Германский прорыв в Галиции вызывает в русских войсках, терпящих в это время острый недостаток в огнестрельных припасах, большие потери; численность Действующей армии опять падает, и к 15/28 мая 1915 г. она равняется 3 900 000.

Один из офицеров Британской военной миссии, капитан Нейльсон, бывший свидетелем тяжелой борьбы 3-й русской армии

(Юго-Западного фронта), на которую прежде всего обрушился удар Макензена, пишет в своем донесении от 11 июня:

«Все последние наступления были просто убийства, так как мы атаковали без артиллерийской подготовки неприятеля, обладающего многочисленной легкой и тяжелой артиллерией»[1].

Чтобы охарактеризовать «таяние» числа бойцов в этот трагический период для Русской армии, мы приведем указания о численности бойцов в вышеупомянутой 3-й Русской армии:

а) 19 мая капитан Нейльсон, донося о потерях этой армии[2], пишет: «Потери колоссальны. Мне сказали, что к 16-му они были более 100 000, но я думаю, что они больше... В X корпусе в одной дивизии осталось 1000 человек, в другой 900; в 12-й Сибирской стрелковой дивизии осталось только 2000 человек».

б) 6 июня тот же капитан Нейльсон пишет про 3-ю армию:

«...Вот некоторые данные о численности после влития укомплектований, прибывавших начиная с 14 мая (по 2000—4000 в день); 12-я сиб. стрелковая дивизия — 18 офицеров и 3000 солдат; X корпус, во всех трех дивизиях, взятых вместе, — 14 000 человек; в XXIX корпусе, являющемся в армии самым сильным, — 20 000 человек. XXIII корпус потерял половину своего состава в одну атаку. IX корпус потерял 3500 человек в три дня... У нас очень мало снарядов и ружей. Все показывает на бесплодность посылать людей в атаку при таком колоссальном различии в артиллерийском вооружении»[3].

в) 9 июля, несмотря на продолжающие прибывать подкрепления, состав пехоты 3-й армии хотя и увеличивается в числе батальонов, но число штыков достигает лишь следующих цифр[4]:

IX корпус (5-я и 42-я пех. дивизии)	6000 штыков
X корпус (9-я и 66-я пех. дивизии)	2000 штыков
III Кавказский корп. (25-я и 52-я пех. дивизии)	2000 штыков
XIV корпус (18-я и 70-я пех. дивизии)	8000 штыков
XXIV корпус (48-я и 49-я пех. дивизии)	7000 штыков

[1] Цитировано в книге генерала Нокса «With the Russian Army, 1914—1918». P. 288.

[2] Ibid. P. 284.

[3] Там же. С. 287.

[4] Там же. С. 300.

Только что прибывшие на подкрепление армии:

II Сибирск. корп. (4-я и 5-*я* Сиб. стр. див.)	32 000 штыков
Гвард. корпус (1-я и 2-я гвард. дивиз. и гвард. стрелк. бригады)	40 000 штыков
Итого	97 000 штыков
Вместо	232 000 штыков

Один из командиров корпусов, генерал Зуев, пишет военному министру в августе 1915 г., что есть полки по 200 человек, дивизии — по 3—4 тысячи. Командуемый генералом Зуевым XXIX корпус, состоявший одно время из 20-й, 45-й и 81-й пехотных дивизий, насчитывал в это время только 11 000 штыков[1].

Английский генерал Нокс наблюдает такое же быстрое «таяние» войск на большей части русского театра:

«Русские имели на фронте от Ломжи до Влодавы (ок. 200 миль) двадцать три корпуса, но каждый из таковых не имел в своих рядах более 12 000 ружей, при 150—200 выстрелах на орудие, считая все парки и запасы.

...В 1-й армии XXVII корпус имел численность в 27 000 человек, но начальник Штаба армии сказал мне, что в прочих корпусах в среднем только по 5000 в каждом»[2].

Вследствие вышеуказанного «таяния» к 15/28 августа 1915 г., несмотря на прибытие многочисленных укомплектований, численность Действующей армии еще уменьшается, измеряясь в:

3 800 000.

К 15/28 сентября эта численность начинает немного восстанавливаться, доходя до:

3 900 000.

В октябре месяце 1915 г. интенсивность боевых действий значительно понижается и численность Действующей армии быстро возрастает, доходя к 1/14 ноября 1915 г. до:

4 900 000.

---

[1] Мемуары генерала А. А. Поливанова. С. 186.

[2] *Генерал Нокс.* With the Russian Army, 1914—1918. С. 314.

Вступление генерала М. В. Алексеева в должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего знаменует начало применения в деле высшего управления войсками современных научных методов. Происходит энергичная и в то же время продуманная работа по восстановлению нашей вооруженной силы после потрясений, пережитых в летнюю кампанию 1915 г. Существующие части укомплектовываются, производятся новые формирования, улучшается организация запасных войск. В результате численность нашей Действующей армии быстро растет. 1/14 февраля 1916 г. она достигает:

6 200 000.

1/14 апреля 1916 г. она еще возрастает, доходя до:

6 300 000.

А к 1/14 июня 1916 г. до:

6 800 000.

Победоносные бои, которые мы вели в Галиции для оказания помощи Франции, атакованной под Верденом, и для спасения Италии, кровопролитны и понижают численность Действующей армии к 1/14 сентября 1916 г. до:

6 500 000.

К 1/14 октября 1916 г. она остается такой же, т.е.

6 500 000.

Но к 1/14 ноября 1916 г. с затишьем в боевых действиях она быстро возрастает, доходя до:

6 900 000.

Эта же численность указана на 1/14 января 1917 г. в Секретном отчете военного министра за 1916 год[1].

С началом революции начинается развал Русской армии. Дезертирство явное, а в особенности замаскированное (симулянты, делегаты различных солдатских советов) достигает, как мы видели в предыдущей главе, угрожающих размеров.

Вследствие всего этого определить истинную численность Действующей армии после революции невозможно. Можно лишь утверждать, что она должна быть ниже той, которая помечалась в донесениях и отчетах. Данные последнего рода мы имеем для двух периодов:

К 1/14 мая 1917 г. ..... 6 800 000[2]
К 1/14 сентября 1917 г. ..... 6 000 000[3]

Сводя установленную нами численность Действующей армии в различные периоды войны, мы получим следующую таблицу:

Численность Действующей армии в различные периоды войны

1914 год
К 1/14 октября 2 700 000
К 1/14 декабря 2 000 000

1915 год
К 1/ 14 января 3 500 000
К 1 /14 февраля 3 200 000
К 1/14 апреля 4 200 000
К 15/28 мая 3 900 000
К 15/28 августа 3 800 000
К15/28 сентября 3 900 000
К1/14 ноября 4 900 000

---

[1] Точное число, приведенное в отчете: офицеров 145 916, классных чинов и духовенства 48 047, солдат 6 651 993, итого 6 845 056.

[2] Таблица № 11 на с. 24 «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)».

[3] Там же: таблицы № 10 и № 13; Петроградский военный округ, который только числился в Действующей армии, исключен нами из счета.

1916 год

К 1/14 февраля 6 200 000
К 1/14 апреля 6 300 000
К 1/14 июня 6 800 000
К 1/14 сентября 6 500 000
К 1/14 октября 6 500 000
К 1/14 ноября 6 900 000

1917 год

К 1/14 января 6 900 000
К 1/14 мая 6 800 000
К 1/14 сентября 6 000 000

ЧИСЛЕННОСТЬ БОЕВОГО И ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ЭЛЕМЕНТА В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

В конце 1915 г. в одной из своих записок генерал М. В. Алексеев, начальник Штаба Верховного главнокомандующего, пишет:

«Представляется совершенно необходимым приступить хотя и к сложной, но неизбежной работе. Полевой интендант говорит, что кормит от 5 500 000 до 6 000 000 ртов на фронте, не считая внутренних округов. Бойцов мы набираем около 2 000 000. Если таково действительное соотношение, то мы приходим к непозволительному выводу, что одного бойца обслуживают два тыловых человека. По нашей, даже тяжелой, организации тыла должен на 3—4 бойца быть один тыловой служащий. Это соотношение, если оно оправдается, будет только официальным. Действительность превзойдет эти расчеты, ибо каждая войсковая часть имеет свои негласные склады, обслуживаемые людьми из строя; каждая часть имеет немало людей в пути, посланных за покупками, с разбитою повозкою, в различных мастерских. Все это создает безотрадную картину нашего положения. Нам из центра говорят, что дали для армии 14 миллионов, убыло их 6, что армия располагает 8 миллионами, а мы все продолжаем просить ввиду сильного некомплекта в строевых частях пехоты. Необходимо потребовать от армий и фронтов сведения, связанные с интендантскими данными, о числе состоящих на довольствии: а) в строевых частях, показав отдельно войсковые штабы, управления, учреждения (лазареты и

госпиталя), б) в штабах и управлениях, принадлежащих армиям и фронтам, в) в тыловых учреждениях и войсках по категориям, г) в организациях, питающихся попечением интендантства.

Повторяю, что сведения должны быть хоть приблизительно согласованы с интендантскими данными о числе состоящих на довольствии. Сбор этих сведений укажет, куда нужно будет обратить усилия, чтобы в массе самой армии извлечь укомплектования и уменьшить различные тыловые учреждения».

На непомерное разбухание тыла обращают внимание члены Особого совещания по обороне, принадлежавшие к составам Государственной думы и Государственного совета.

В неоднократно уже цитированной нами Записке от 16 ноября 1916 г., поданной Государю 28 членами этого Совещания, говорится: «Ни одна из армий воюющих держав не имеет столь громадных тылов, как наша; так, во Франции численный состав тыла, не считая запасных батальонов, относится к численности фронта как 1 : 2, у нас же как $2^1/_4$: 1, т.е. в четыре слишком раза больше. Конечно, наши местные условия, те самые условия, которые требуют при мирных условиях большей доли работоспособного мужского населения, нежели это необходимо на Западе, обуславливают у нас иное соотношение тыловых частей к их фронту, нежели у наших союзников, но все же не в этой пропорции, как ныне. На явление это приходится обратить тем большее внимание, что оно проявляет тенденцию к дальнейшему нарастанию; наши тыловые части неуклонно увеличиваются, и притом за счет фронта, за счет бойцов армии, что особенно резко обнаружилось в течение летних месяцев текущего года».

В приложении к предыдущей главе мы привели ответ исполнявшего обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего вместо заболевшего генерала М. В. Алексеева генерала В. И. Гурко. В этом ответе по поводу интересующего нас сейчас вопроса можно прочесть следующее:

«...Увеличение числа бойцов армий за счет тыловых частей признается и самой армией существенно важным, и для достижения этого уже ранее принимались и ныне принимаются самые решительные меры, однако по условиям, в которых войскам приходится жить и действовать и которые быстро, теперь же изменить нельзя, это мероприятие применяется с большим трудом. Недостаток железных, шоссейных и даже хороших грунтовых дорог

вынуждает нас иметь, кроме боевой армии, еще целые армии тыловых частей, обслуживающие боевые армии и едва справляющиеся со своей задачей, в особенности в период распутицы и во время интенсивных боев. Однако указанные в записке цифры соотношения численного состава тыловых и боевых войск на фронтах не вполне отвечают действительности: по имеющимся в штабах сведениям, строевые нижние чины фронта, считая ополчение, но без запасных частей, составляли на 1 декабря минувшего года 65 % всего числа войск (с частями вспомогательного значения), состоящих на фронтах, и дальнейшее существенное увеличение числа бойцов за счет тыла, без серьезного улучшения технических и перевязочных средств совершенно невозможно без ухудшения санитарного состояния войск».

Таким образом, мы видим, что ответ генерала В. И. Гурко резко расходится в оценке численности «боевого элемента» армии с предположениями генерала М. В. Алексеева и с данными, изложенными в записке 28 членов Особого совещания. Наиболее поражает расхождение между генералами Алексеевым и Гурко. Оба в момент высказывания ими своих взглядов занимают наивысший пост Генерального штаба, а именно — начальника Штаба Верховного главнокомандующего. Казалось бы, что единство точки зрения должно было быть обеспечено. А между тем генерал Алексеев предполагает, что боевой элемент составляет в Русской армии в 1916 г. лишь 35 %, а обслуживающий элемент 65 %; генерал же Гурко утверждает как раз обратное, а именно — то, что боевой элемент составляет в 1916 г. 65 %, а обслуживающий только 35 %. Причину подобного расхождения следует искать в том, на что мы уже указывали: самый порядок исчисления живой силы армии, по существу дела, не был у нас установлен. Генерал Алексеев это сознавал, в чем можно убедиться, читая первую строку приведенной выше записки: «Представляется совершенно необходимым приступить хотя и к сложной, но неизбежной работе...»

Согласно порядку, принятому в нашей армии еще в мирное время, все чины нашей армии делились на «строевых» и «нестроевых». Это деление, имевшее значение для порядка прохождения службы и преимуществ, за нее предоставляемых, являлось совершенно устарелым и негодным для современных оперативных расчетов. Вследствие этого в течение войны в подсчетах штабов появилась новая рубрика «штыки», но это нововведение, появив-

шееся само собой, еще более запутало дело, так как артиллеристы и пулеметчики не могли считаться «штыками», а потому исключались из числа «бойцов». Отсутствие регулирования сверху вопроса об учете людской силы приводило к величайшему разнобою; так, например, некоторые из штабов армий исключали из числа «штыков» всех унтер-офицеров, а другие нет. К довершению всей этой путаницы многие штабы начали пользоваться отсутствием правильно поставленной бухгалтерии живой силы армии для того, чтобы «пугать» высшие штабы и Ставку малочисленностью своих бойцов. Вот почему мы думаем, что размеры «боевого элемента» Действующей армии, указанные в записке генерала Алексеева, являются ниже действительных. С другой стороны, исчисление генерала Гурко, как основанное на совершенно устарелом делении чинов армии на «строевых» и «нестроевых», является преувеличенным. Повторяем, что решить этот спор сейчас не представляется возможным. Мы можем только высказать предположение на основании нашего личного большого опыта и сделанных нами фактических проверок, что в конце 1914 г. «боевой элемент» составлял около 75 % численности Действующей армии, в конце же 1916 г. это взаимоотношение изменилось и «боевой элемент» составлял лишь 50 %. Если мы приложим этот масштаб к приведенной выше таблице общей численности Действующей армии, мы можем заметить, что численность «бойцов» колебалась в течение войны между 1 500 000 (на 1/14 декабря 1914 г.) и 3 500 000 (на 1/14 ноября 1916 г.).

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ В ОБЩЕСТВЕННЫХ И ТЫЛОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Уже с самого начала войны в состав тылов Действующей армии вошли санитарные учреждения Красного Креста и различные общественные организации, среди которых на первом месте нужно назвать Объединение земств под именем Всероссийского земского союза и Объединение городских самоуправлений под названием Всероссийского союза городов. По мере того, как начали выясняться недостатки в снабжении, общественные организации, расширяя свою деятельность, вышли из рамок одной только санитарной помощи. Недоверие к правительству значительно усилило

стремление создавать различного рода автономные организации по всякого вида снабжениям армии. Несомненно, что польза от этой напряженной самодеятельности общественных кругов была очень велика. Далее мы подробно укажем на нее. Но здесь необходимо указать, что этот быстрый рост всякого рода организаций, как общественных, так и возникающих по инициативе отдельных правительственных лиц, вел к загромождению тыла Действующей армии. Этот тыл все более распухал людьми. Отсутствие надлежащего регулирования, происходившее вследствие неподготовленности наших руководящих верхов к ведению современной войны, неминуемо приводило к тому, что количество людей, обслуживающих так называемые организации, было излишне велико.

Чтобы отдать себе отчет, какова была численность людей, обслуживающих эти организации, мы можем привести следующие данные[1]:

Численность различного рода «организаций», находившихся на фронтах к 1/14 апреля 1917 года (по данным Ставки)

Наименование организации	Северн. фронт	Западн. фронт	Юго-Зап. фронт	Румын. фронт	Кавк. фронт	Итого
Союз городов	14 000	14 000	14 000	3000	14 000	59 000
Земский союз	18 000	66 000	49 000	10 000	27 000	170 000
Красный Крест	30 000	12 000	38 000	10 000	15 000	105 000
Заводы и порт Ревеля	40 000	–	–	–	–	40 000
Вольнонаемн. транспорты	–	–	–	–	21 000	21 000
В распоряжении нач. инженерных армий	56 000	–	53 000	–	24 000	133 000
В распоряжении нач. инжен. армий на дор. работах	11 000	–	23 000	–	–	34 000
Гидротехн. орг.1	19 000	5000	4000	–	7000	35 000
На эксплуат. жел. дор.	68 000	121 000	66 000	24 000	137 000	416 000

[1] См. таблицу № 14 на с. 25 «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)».

Продолжение табл.

Наименование организации	Северн. фронт	Западн. фронт	Юго-Зап. фронт	Румын. фронт	Кавк. фронт	Итого
На развитии жел. дор.	25 000	19 000	20 000	21 000	162 000	247 000
На грунт. и водных путях	28 000	77 000	72 000	41 000	—	218 000
На лесных заготовках	37 000	45 000	12 000	—	2000	96 000
Северопомощь	92 000	70 000	—	—	—	162 000
Благотворит. организации	—	108 000	—	—	—	108 000
Итого	438 000	537 000	351 000	109 000	409 000	1 844 000

Численность наличного состава Действующей армии по отдельным фронтам на 1/14 сентября 1917 г., по данным Интендантства (едоки), с учетом людей в организациях[1]

Категория едоков	Северн. фронт	Западн. фронт	Юго-Зап. фронт	Румын. фронт	Кавк. фронт	Итого
Солдат в армиях	825 371	819 633	1 464 644	1 258 097	366 152	4 733 897
В запасн. войсках	53 767	64 505	165 352	56 929	59 900	400 453
В частях, управл. и учрежд., фронтам подвед.	89 358	175 379	210 358	194 234	120 002	789 331
Итого:	968 496	1 059 517	1 840 354	1 509 260	546 054	5 923 681
Кроме того, в организ.	325 000	600 000	701 000	467 000	585 000	2 678 000
Всего:	1 293 496	1 659 517	2 541 354	1 976 260	1 131 054	8 601 681

Из этой таблицы мы можем точно установить, что общий итог людей в обслуживающих Действующую армию организациях к концу войны доходил до 2 700 000.

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 24.

Организации эти являлись «нештатными» и в подавляющей своей части состояли из людей *не* военнообязанных. Все эти «не призванные» на военную службу люди не включались войсковыми штабами в их строевой учет. Интендантство же, для которого важно было знать количество едоков, вне зависимости, являются ли они «призванными» или «не призванными» на военную службу, в свой счет численности Действующей армии включало все организации полностью. В этом и лежала главная причина расхождения на два миллиона «строевого» и «интендантского» учета численности людей в армии, расхождения, поставившего в тупик Военное министерство и Ставку.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАСЧЕТ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БОЕВЫМ И ОБСЛУЖИВАЮЩИМ ЭЛЕМЕНТАМИ

Приведенная выше таблица интересна еще в другом отношении. Она позволяет нам установить истинное соотношение между боевым и обслуживающим элементами Действующей армии. Выше мы видели, что численность Действующей армии может быть принята равной к 1 сентября около 6 000 000. Из них на основании тоже выше установленного нами масштаба «боевой элемент» составлял половину, т.е. около 3 000 000. Общая же интендантская численность Действующей армии, согласно разбираемой здесь таблице, достигает к 1/14 сентября 1917 г. 8 601 681. Из этого следует то, что бойцы составляют 35 % общей численности армии.

Это приводит нас к выводу, что в общем итоге, принимая в расчет не только штатные тыловые учреждения, но и все «организации», взаимоотношение между боевым и обслуживающим элементом было верно угадано генералом Алексеевым, а также в Записке 28 членов Особого совещания по обороне.

Таким образом, мы можем считать, что к концу войны в Действующей армии на одного бойца приходилось два обслуживающих человека.

В приведенной выше Записке генерала Алексеева и 28 членов Особого совещания мы могли прочесть протест против подобного взаимоотношения. Но вопрос был гораздо сложнее, нежели это думали авторы этих записок.

Здесь мы подходим к одному из важнейших изменений в организации военной силы, являющемуся следствием развития «машинизма».

Дабы охарактеризовать это явление, мы приведем выдержку из доклада, прочитанного в феврале 1922 г. начальником французской Военной академии (бывшим затем начальником Французского Генерального штаба) генералом Дебенеем[1].

«При помощи планов и гравюр, сохранившихся в нашем Военном министерстве, а также батальных полотен, развешанных в Версале, легко восстановить перед собою картину поля сражения в наполеоновскую эпоху. На первом плане видны линии сражающихся батальонов, эскадронов, пушек. Эти боевые линии состоят из густых построений, опоясанных традиционными клубами порохового дыма. На втором плане, но еще близко от боевых линий, уже не так тесно; там видны зарядные ящики, продовольственные повозки с характерными брезентовыми верхами, а также лазаретные линейки. В глубине картины: начало уходящего вдаль белого пути — это этапная дорога армии; вдоль нее эшелонированы редкие магазины, и она приводит во Франции к арсеналу и госпиталю. Мало народу нужно было, чтобы обслуживать столь примитивно устроенный тыл, и много народу нужно было, чтобы заполнить боевую линию; вся армия была, почти целиком, в этой линии.

В 1870 году картина мало меняется: боевой фронт занимает несколько большее пространство в глубину, а тылы — немного более заполнены.

В 1918 году, во время грандиозного заключительного сражения за Францию, боевой фронт распространился вширь до поражающих размеров. Серые пятна материальной части перемежаются с маленькими черными точками, представляющими собою людей; время от времени попадаются пустые пространства, кажущиеся на первый взгляд совершенно безлюдными и заброшенными. По мере удаления от боевой линии жизнь как бы возрождается; в 20 километрах от фронта вступаешь уже в полосу местности, кажущуюся густо заселенной. Все заполнено артиллерийскими парками, обозами, складами разного вида снабжения, лазаретами. В пятидесяти километрах от боевой линии находится полоса местности, еще

[1] La guerre moderne et les machines. Conférence prononcée a la Société des Conférences, le 3 Février 1922, publiqe dans la Revue de la Semaine, le 10 Février 1922. P. 143, 144, 145.

более заселенная и более глубокая. Здесь — громадные склады огнеприпасов и разного рода имущества, здесь — многочисленные починочные мастерские современной сложной материальной части; здесь — большие госпиталя и интендантские магазины. Наконец, еще дальше от поля сражения, т.е. внутри самой страны, склады и магазины перемежаются с заводами, гурты скота с мучными лабазами, госпитали с санаториями для выздоравливающих. Вот во что теперь превратились те несколько сот зарядных ящиков и обозных повозок, которые были разбросаны там и сям сейчас же за боевой линией в сражении под Аустерлицем.

Между вышеуказанными полосами и всеми находящимися там учреждениями безостановочно циркулируют бесконечные вереницы грузовиков; а по железным дорогам днем и ночью идут сотни поездов. Жизнь кипит ключом во всем этом тылу вплоть до морских портов, где выгружаются прибывающие из-за океанов нужные для военной промышленности сырье и полуфабрикаты. Точно громадный конвейер протягивается через всю страну по направлению к боевому фронту. Так изменилась тонкая, одиночная этапная дорога, по которой спокойно, небольшими переходами проходили обозы Великой Армии из Вены в Ульм, из Ульма в Страсбург.

Совершенно понятно, что для обслуживания вышеуказанного конвейера, для фабрикации, сборки и пригонки элементов материальной части, которые он на себе несет, нужны многочисленнейшие и опытные руки... иначе говоря, нужны люди и люди...

В действительности следствием современной машинизации армии отнюдь не является уменьшение ее численности. По мере того как вооружение совершенствуется, армия снимает людей с боевой линии и распределяет их все глубже и глубже для обслуживания тыла. Общая численность остается та же, но личный состав эшелонируется, заполняя всю страну».

Необходимость иного, чем в прежние войны, распределения «людского запаса» начала сказываться с самого начала войны. В течение войны по мере большего и большего применения машин новые тенденции сказывались все сильнее и сильнее и в конце концов выразились в том, что в Действующей армии на каждого бойца приходилось два человека в тылу. Несомненно, что такое распределение людей было в боевом отношении громоздким и малопродуктивным. Но, кроме констатирования числового взаимоотношения,

необходимо еще рассмотреть, в какой мере этот многочисленный тыл был производительным.

Для достижения этого существовал только один путь — проведение принципов «научной организации» (тейлоризм). Но в этом отношении наши руководящие военные круги настолько отстали, что даже такой крупный ум, как генерал Алексеев, стал в тупик перед новым явлением, вместо того чтобы приступить к энергичному его изучению и реорганизации. Непосредственным следствием этого было то, что по пословице «гони природу в дверь, она войдет в окно» новая тенденция распределения людского материала проходила «явочным порядком», стихийно, а следовательно, беспорядочно и малопродуктивно.

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ В ГЛУБОКОМ ВОЕННОМ ТЫЛУ (В ПОДЧИНЕННЫХ ВОЕННОМУ МИНИСТЕРСТВУ ЗАПАСНЫХ ВОЙСКАХ, ЗАВЕДЕНИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ)

Сделанный нами вывод, что на одного бойца приходилось два обслуживающих человека, относится только к так называемой Действующей армии. Но, кроме того, существовала еще территория внутренних военных округов, на которой находились главная масса запасных войск и многочисленные тыловые учреждения. Все эти элементы, как мы говорили в начале главы, были подчинены военному министру и составляли наш глубокий тыл. Таким образом, для того чтобы составить правильное представление о распределении людского материала в вооруженных силах России в минувшую большую войну, нужно учесть также и численность вышеупомянутого глубокого тыла.

К сожалению, точное установление численности войск и учреждений глубокого тыла еще более трудно, нежели определение численности Действующей армии.

С объявлением общей мобилизации внутри страны формировалось 500 запасных батальонов, а вскоре затем еще 500 запасных батальонов второй очереди. Но потери, понесенные Русской армией в первые кампании, были столь велики, что установленные Военным министерством организация и количество запасных войск оказались совершенно не соответствующими потребно-

стям армии в укомплектованиях. Высланные в конце 1914 г. около 1 500 000 пополнений не могли довести нашу армию до штатного состава. Вследствие этого 1915 год проходил под знаком торопливой высылки совершенно не подготовленных людей на фронт. «Сначала обучали два месяца, — читаем мы в приведенной выше речи в Государственной думе депутата А. И. Шингарева, — потом стали обучать месяц, посылая после четырехнедельного обучения людей малопригодных». Таков был результат мобилизационной подготовки России под руководством генерала Сухомлинова, особенно ратовавшего в мирное время о необходимости для русского солдата значительно более долгого обучения, чем для солдат западных, европейских армий. Несомненно, что высылка на фронт почти совершенно не обученных людей увеличивала число наших солдат, сдающихся в плен.

В течение 1915 г. было выслано в Действующую армию в виде укомплектований[1]:

а) пехоты — 12 377 маршевых рот	3 094 250 человек
б) регулярной конницы	34 333 человека
в) казачьих частей	65 458 человек
г) артиллерийских частей	70 000 человек
д) инженерных частей	22 000 человек
Всего	3 286 041 человек

В июне 1915 г. сменивший Сухомлинова на посту военного министра генерал Поливанов стремится внести хотя бы некоторый порядок в вопрос укомплектования войск.

В этом отношении, как мы можем убедиться из приведенной выше речи депутата А. И. Шингарева, генерал Поливанов встретил горячую поддержку со стороны Государственной думы. К концу 1915 г. в распоряжении Военного министерства образуется большой запас из призванных на военную службу людей, подготовка которых могла продолжаться 4—5 и даже 6 месяцев[2].

В конце декабря 1915 г. численность запасных войск, находившихся внутри страны, можно считать достигающей 2 000 000.

---

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 20. Табл. № 4.

[2] См. цитированную выше речь А. И. Шингарева в Государственной думе.

В течение 1916 г. для пополнения Действующей армии, согласно Секретному отчету о деятельности Военного министерства в 1916 г., было выслано:

а) пехоты — 12 377 маршевых рот ..... 2 336 000 людей
б) регулярной конницы ..... 24 278 людей
в) казачьих частей ..... 72 732 людей
г) артиллерийских частей ..... 80 000 людей
д) инженерных частей ..... 20 000 людей
Всего ..... 2 533 010 людей

Согласно тому же Секретному отчету, к 1 января 1917 г. в запасных войсках, состоявших в ведении Военного министерства, находилось свыше 2 170 000 солдат.

В течение 1917 г. в Действующую армию было выслано:

а) пехоты
в январе 963 маршевых рот 192 600
в феврале 624 маршевые роты 124 800
в марте 497 маршевых рот 99 400
в апреле 777 маршевых рот 155 400
в мае 905 маршевых рот 181 000
в июне 693 маршевые роты 138 000
и 32 пех. запасных полка 155 183
в июле 534 маршевые роты 166800
и 58 пех. запасных полков 270 500
в августе 1126 маршевых рот 252 000
и 3 пех. запасных полка 8306
Всего 1 743989
б) регулярной конницы 52 239
в) казачьих частей 27 363
г) инженерных частей 76 000
Итого 1 899 591

В только что приведенных сведениях о 1917 годе можно заметить один очень характерный факт: начиная с июня месяца наравне с маршевыми ротами и командами посылаются на фронт и самые запасные полки. Это является ярким признаком истоще-

ния источников укомплектования армии, о чем мы уже говорили в главе, посвященной призыву людей.

Об этом истощении источников укомплектования свидетельствует также нижеприводимая таблица.

Численность запасных войск, находившихся во внутренних военных округах в конце 1916 г. и в конце сентября 1917 г.

К 7/20 декабря 1916 г.				К 15/28 сентября 1917 г.		
Название округов	Постоян. состав	Перемен. состав	Всего	Постоян. состав	Перемен. состав	Всего
Петроградский	10 262	225 892	236 154	14 058	40 698	54 706
Московский	44 614	657 893	702 507	50 462	242 322	292 784
Казанский	45 741	615 590	661 331	28 876	248 731	277 607
Одесский	7964	160 279	168 243	5542	44 297	40 839
Омский	31 109	123 257	154 366	7612	39 273	46 885
Иркутский	6362	61 382	67 744	2182	17 117	19 299
Туркестанский	4723	27 106	31 829	3065	7678	10 744
Обл. В. Донского	5924	61 252	67 176	3760	17 895	21 655
Всего	156 699	1 932 651	2 089 350	115 558	658 011	773 519

Эта таблица составлена на основании таблиц № 19 и № 21, напечатанных в труде Военно-статистического отдела советского Центрального статистического управления (на странице 29 «России в мировой войне»). В таблице № 5 того же труда указано, что к 1/14 сентября 1917 г. во внутренних округах, кроме 774 000, состоявших в запасных пехотных полках, имелось еще 313 000 в запасных частях специальных родов войск. Если считать эти данные более верными, то общий итог численности запасных войск, приведенный в нашей таблице на 15/28 сентября 1917 г., должен быть увеличен и доведен до 1 100 000. Подобное исправление не меняет нашего вывода об исчерпании людского запаса в России, так как и при нем численность запасных войск с 1/14 декабря 1916 г. уменьшается к 15/28 сентября 1917 г. почти в два раза.

Точно учесть численность военных учреждений и управлений, подчиненных военному министру, не представляется возможным за неимением документальных данных. В напечатанных до сих

пор материалах мы встретили только одно указание. На странице 19 труда Отдела военной статистики советского Центрального статистического управления[1] указано, что к 1/14 июня 1917 г. «в тыловых учреждениях (местных), конвойных командах и заведениях, подчиненных Главному управлению Военного министерства», состояло военнообязанных 200 000. Кроме того, там же указано, что в дружинах ополчения, оставшихся во внутренних военных округах, состояло 200 000.

Итак, общая численность управлений, учреждений и дружин ополчения, непосредственно подчиненных военному министру, достигала к концу войны 400 000. Ввиду того, что в начале войны эта численность была меньше, мы не сделаем большой ошибки, если предположим, что в 1915 г. эта численность была равной 300 000, а в 1916 г. — 350 000.

Таким образом, общая численность глубокого тыла, подчиненного военному министру (т.е. считая также и запасные войска, находившиеся во внутренних военных округах), должна измеряться:

К 31 декабря 1915 г.	2 300 000
К 31 декабря 1916 г.	2 550 000
К 1 ноября 1917 г.	1 500 000

Это позволяет считать, что в среднем наш глубокий тыл обслуживался 2 000 000 людей.

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННООБЯЗАННЫХ, РАБОТАВШИХ В ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Необходимо оговориться, что здесь приняты во внимание только призванные на военную службу люди. В глубоком же тылу еще миллионы людей работали на армию. Напомним в первую очередь о тех, кто работал на фабриках и заводах, обслуживавших снабжение войск. Численность рабочих на военных и частных заводах так называемой оборонной промышленности, согласно анкетному обследованию, произведенному в 1916 г. Особым совещанием по обороне, выразилась в 2 000 000 людей[2].

[1] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах).

[2] Там же. С. 7.

Еще большее количество людей работало в других областях снабжения и на транспорте.

Учесть это количество не представляется никакой возможности, ибо работала вся страна.

Исчисляя выше взаимоотношение между численностью «боевого» и «обслуживающего» элементов Действующей армии, мы установили отношение:

1:2.

Но при исчислении обслуживающего элемента Действующей армии мы принимали в расчет не только военнообязанных, но вообще всех лиц, обслуживающих тылы Действующей армии. Мы видели также, что численность обслуживающего элемента (в организациях) не из «военнообязанных» достигает 2 миллионов. Согласно таблице № 70, приведенной в труде Отдела военной статистики советского Центрального статистического управления, число лиц из военнообязанных, которым была дана отсрочка от призыва на военную службу ввиду того, что их деятельность на занимаемых ими местах считалась нужной для самой войны, достигало к 1/14 октября 1916 г. 2 176 362.

Таким образом, можно считать, что число освобожденных от военной службы равнялось приблизительно числу лиц из не военнообязанных, обслуживавших различные организации тыла Действующей армии. Следовательно, прибавив к установленной нами общей численности тыла Действующей армии еще около 2 000 000 военнообязанных, находившихся в глубоком тылу в распоряжении Военного министерства, мы можем определить, какое число из военнообязанных употреблено было не для боевой работы, а для «обслуживания». Это число к концу 1915 г. можно считать равным 7 миллионам; к концу же 1916 г. оно возросло до 8 миллионов. Таким образом, можно считать, что на 1 бойца приходилось 3 обслуживающих военнообязанных.

Такая пропорция не свидетельствует о продуманном использовании запаса военнообязанных.

ВОЗВРАЩАЕМОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Просматривая многочисленные мемуары, написанные лицами, близко стоявшими к руководящим государственной жизнью кругам, нельзя не обратить внимание на постоянно раздающееся

сетование на то, что число возвращающихся в ряды армии раненых и больных после излечения непомерно мало.

Попытку посильно осветить этот вопрос можно встретить в статье Л. И. Сазонова «Потери России в войну 1914—1915 годов»[1]. В этой статье он приводит данные из отчета, представленного в июне 1917 г. Главным полевым военно-санитарным инспектором начальнику Штаба Верховного главнокомандующего (см. нижеприводимую таблицу).

Количество эвакуированных (раненых и больных) и возвратившихся по выздоровлении в первую половину 1917 года (по данным Главного полевого военно-санитарного инспектора)

	Эвакуировано за пределы фронта		Возвращено по выздоровлении		% отношение возвращ. к числу эвакуирован.	
	офиц.	солдат	офиц.	солдат	офиц.	солдат
1917 г.						
январь	1713	114 447	1461	48 556	85	42
февраль	1769	145 995	2524	81 567	142	55
март	2037	170 006	1953	78 373	95	46
апрель	2055	204 875	1522	65 710	74	32
май	2216	256 442	1560	53 091	70	20
Всего	9790	891 765	9020	327 297	91	37
Общий итог	901 555		336 317		37	

В своем докладе Главный полевой военно-санитарный инспектор отмечал значительное понижение за отчетный период процента возвращенных в армию. На основании этих данных можно считать, что общий процент эвакуированных, вернувшихся на фронт, больше, чем вышеприведенное среднее (37 %). Л. И. Сазонов полагает, что среднее отношение возвращенных к числу эвакуированных для всей войны может быть принято приблизительно равным 50 %.

«Правда, — пишет Л. И. Сазонов, — процент вернувшихся в строй офицеров и за период времени, приведенный в сообщении

[1] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 159—160.

Главного полевого военно-санитарного инспектора, т.е. за первую половину 1917 года, был значительно выше; но так как офицерский состав по сравнению с солдатским представлял лишь незначительную часть армии, то можно считать, что это процентное отношение не могло в значительной степени изменить общего процента возвращенных в армию к числу эвакуированных за пределы фронта[1]. Поэтому принятие среднего процента возвращенных в армию равным 50 не будет ошибочным. Отсюда следует, что общая убыль армии эвакуированными за ранами и болезнями в 4 300 000[2] должна быть уменьшена на 50 % и, таким образом, выразится в 2 150 000...»

«Подтверждение приведенного соображения о числе возвращенных можно найти в справке Управления Дежурного генерала Штаба Верховного главнокомандующего, приготовленной в числе других материалов для заседания, имевшего место в Ставке вскоре после Февральской революции, при участии представителя Временного правительства, военного министра А. И. Гучкова; в указанной справке имеется относящаяся к этому вопросу следующая заметка:

Возвратилось раненых и больных:

а) с начала войны по 1 января 1916 г. 1 160 182

б) за 1916 г. по 1 января 1917 г. 549 756

Итого 1 709 938

Очевидно, к окончанию войны число это должно было возрасти».

Исходя из выводов Л. И. Сазонова, попытаемся определить процент «возвращаемости» не по отношению к только раненым, эвакуированным во внутренние военные округа, но и по отношению ко всем раненым. Возьмем для начала исследования дату 1 января 1917 г.

Число «не возвратившихся» раненых и больных должно к этому моменту считаться равным 1 710 000. Этим итогом исчерпывается все число не возвратившихся в армию раненых и больных, т.к.

---

[1] То есть эвакуированные во внутренние военные округа. (*Прим. Н. Г.*).

[2] См. выше ответ Ставки от 10 (23) октября 1917 г. на запрос начальника Французской военной миссии; в этом ответе общее число эвакуированных во внутренние военные округа определялось: раненых — 2 875 000, больных — 1 425 000, итого 4 300 000. (*Прим. Н. Г.*)

все тяжелораненые (и тяжелобольные) непременно попадали в эвакуацию и освобождение от службы, а также долговременные отпуска давались только после эвакуации.

Из работы доктора Аврамова мы можем установить, что из числа заболевших не вернулось в армию к 1 января 1917 г. около 725 000. Следовательно, число не возвратившихся раненых должно равняться 985 000.

Выше мы установили, что численность кровавых потерь достигает к 1 января 1917 г. около 5 100 000. Из них на долю убитых приходится около 1 170 000, а на долю раненых 3 930 000. Следовательно, процент возвращаемости раненых должен измеряться за период с начала войны до 1 января 1917 г. 75 %.

Для того чтобы оценить, насколько вышеупомянутые сетования на малую возвращаемость наших раненых несправедливы, сравним выведенный нами процент с «возвращаемостью» раненых во Франции. Последняя была велика, так как недостаток в людях, который испытывала Франция во время войны, заставляет ее очень строго относиться ко всякого рода освобождениям от военной службы. Из книги доктора Ж. Тубера мы увидим, что число возвратившихся раненых в 1916, 1917 и 1918 гг. составляет 79 % от общего числа раненых[1].

Таким образом, возвращемость наших раненых была только на 4 % меньше французской. Но при сравнении нужно принять во внимание, что наши раненые находились в менее благоприятных условиях, нежели французские, хотя бы из-за несравненно худших условий вывоза их с полей сражений и более бедного технического оборудования массы наших санитарных учреждений. Поэтому некоторое превышение процента «не возвратившихся» раненых над французской нормой у нас должно иметь место.

Попытаемся проверить наши выводы другим путем.

В статье доктора С. А. Новосельского «Материалы по статистике травматизма, болезненности и инвалидности в войну 1914—1917 гг.» приведены данные об исходе ранений у пользованных в санитарных учреждениях Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов[2]. Эти данные представляют собой выводы из 103 194 случаев. Изучение их показывает, что от

[1] Etude statistique des pertes subies par les Français pendant la guerre 1914—1918. P. 20, 36.

[2] Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 198, 220—221.

службы было уволено 25,2 %. Исходя из того положения, что все уволенные из-за ранений от службы проходили через эвакуацию, и принимая во внимание, что, по нашему исчислению, эвакуированные во внутренние округа составляли 68 % от итога всех раненых, мы получим, что процент уволенных от службы от общего числа раненых должен был бы равняться 15,1 %.

Если прибавить к этому числу еще предположенный нами процент умерших от ран (8,3 %), мы получим, что процент не возвратившихся на военную службу раненых должен измеряться 23,4 %.

Таким образом, должно было вернуться в строй или на тыловую службу около 76,5 %. Это число отличается от выведенного нами выше всего на 1,5 %. Такая разница могла произойти от приблизительности наших исчислений, но, кроме того, она может иметь место еще потому, что число не возвратившихся мы получили, вычитая из числа эвакуированных во внутренние округа число возвратившихся, по данным Ставки. Следовательно, в остатке должны оказаться и раненые, находившиеся в конце 1916 г. еще на излечении, а также и уволенные в длительные отпуска.

Относительно возвращаемости больных имеются точные данные в работе доктора Аврамова. Эти данные, сведенные в таблицу, приведены на следующей странице.

Численность заболевших и возвратившихся в армию (по данным доктора Аврамова)

		С начала войны по 1 янв. 1917 г.	С 1 янв. 1917 г. по 1 окт. 1917 г.	Всего с начала войны до 1 окт. 1917 г.
Абсолютное число заболевших	офиц. чины	61 551	27 285	88 836
	нижн. чины	2 946 728	2 034 356	4 981 084
	всего	3 008 279	2 061 641	5 069 920
Абсолютное число возвратившихся	офиц. чины	56 846	15 975	72 821
	нижн. чины	2 225 2 33	861 678	3 086 911
	всего	2 282 079	877 653	3 159 732
% отнош. возвративш. к числу заболевших	офиц. чины	92,4	58,6	82
	нижн. чины	75,5	42,3	62
	всего	75,9	42,5	62

Прежде чем приступить к рассмотрению возвращаемости больных, необходимо напомнить то явление, на которое мы обратили внимание в предыдущей главе. После революции наравне с эвакуацией действительно тяжелобольных во внутренние военные округа происходила одновременно и «самоэвакуация» легко больных, желавших под предлогом болезни удрать с фронта. Этим и объясняется то, что общий итог не возвратившихся больных, согласно данным доктора Аврамова, достигает 1 910 188, в то время как, по исчислению Ставки, число всех эвакуированных больных во внутренние округа к тому же сроку измеряется всего 1 425 000. Определив число не возвратившихся больных, согласно данным доктора Аврамова для 1914, 1915 и 1916 гг. отдельно от 1917 г., мы получим, что за первые 29 месяцев войны итог не возвратившихся больных равен всего 726 200, а за 9 месяцев 1917 г. достигает 1 183 988.

Из сопоставления этих данных мы видим яркое подтверждение нами сказанному, причем мы можем даже указать в круглых цифрах, сколько из эвакуированных больных являлось замаскированными дезертирами, для этого определим, сколько в среднем не возвратившихся больных приходится на первые 29 месяцев войны, такое среднее равнялось 24 972. Нет никаких оснований предполагать, чтобы это среднее по санитарным причинам могло бы измениться в течение 1917 г., а между тем в среднем на каждый месяц 1917 г. приходится 131 554 не возвратившихся. Мы имеем полное право утверждать, что разница между только что выведенными двумя средними, а именно 106 582, и представляет собой то, что мы назвали замаскированными дезертирами. Таким образом, за 10 месяцев войны 1917 г. общий итог таких дезертиров достигает 1 000 000.

Согласно данным доктора Аврамова, возвращаемость больных за период с начала войны до 1 января 1917 г. представляет для всей армии 75,9 %. Этот процент можно считать как бы нормальным для Русской армии. Мы лишены возможности сравнить средний процент возвращаемости больных Русской армии с таковыми же для французской армии, так как не имеется соответствующих данных французской военной статистики. Но мы думаем, что нет никаких оснований считать, что до Февральской революции дезертирование под предлогом болезни являлось сильно распространенным злом в Русской армии. Можно с уверенностью утверждать, что в

течение первых 31 месяца войны число уклонившихся от возвращения на службу выздоровевших раненых и больных значительно не превосходило размеров уклонения от возвращения в армиях наших союзников.

При рассмотрении таблицы численности заболевших и возвратившихся в армию, составленную по данным доктора Аврамова, нельзя не обратить внимание на различие в процентах возвращаемости офицеров и солдат. До 1 января 1917 г. офицерский процент достигает 92,4 %, в то время как солдатский 75,5 %. Под влиянием революции, как мы уже выше говорили, возвращаемость значительно падает, но все-таки процент ее для офицеров остается выше такового же солдатского (58,6 % и 42,3 %). Приведенные несколько выше данные и отчет Главного полевого военно-санитарного инспектора[1] о возвращаемости эвакуированных в первые пять месяцев 1917 г. тоже ярко свидетельствуют о значительно большей возвращаемости офицеров, нежели солдат. Согласно этим данным, включающим в себя не только больных, но и раненых, процент возвращаемости эвакуированных для офицеров достигает 91 %, в то время как для солдат он равняется всего 37 %.

Несомненно, что в последнем случае на разницу в возвращаемости должно было оказать влияние различие в условиях эвакуации: офицерские чины эвакуировались гораздо легче, чем солдаты; в число первых попадают и легко раненные и легко больные, в то время как среди солдат, эвакуированных во внутренние округа, находились, как правило, только тяжело раненные и тяжело больные.

Но одним различием в условиях эвакуации нельзя всецело объяснить различие в проценте возвращаемости офицеров и солдат. Доказательством служит таблица возвращаемости больных по данным доктора Аврамова. В этой таблице приняты в расчет не только эвакуированные, но все больные, и все-таки разница остается большой.

Главной причиной этого различия является большее сознание своего долга перед Родиной в офицерской, нежели в солдатской массе. Русское офицерство втянуло в себя во время войны всю патриотически настроенную часть интеллигентной молодежи. Это более сознательное отношение к своему долгу перед Родиной у офицеров, нежели у солдат, отразилось также и в других, уже кон-

[1] См. с. 233.

статированных нами явлениях: офицерство несло гораздо более кровавую жертву, чем солдаты, и в то же время гораздо труднее сдавалось в плен.

ДЕЗЕРТИРСТВО

Если мы выше говорили о том, что в наших руководящих верхах отсутствовало стремление уловить происходящие в течение войны социальные процессы при помощи статистических методов, то это вовсе не означает того, что у нас отсутствовала бы отчетность. Напротив того, мы уверены, что ни в одной армии и ни в одном государстве низшие исполнительные органы не были так завалены составлением всякого рода отчетов, таблиц, анкет и т.п. Но дело в том, что вся эта огромная работа не представляла собою научно продуманного систематического целого. Эта работа создавалась совершенно случайно. Какому-нибудь из маленьких служащих в высшем управлении понадобилась справка; заручившись подписью своего начальника, он шлет предписание в подчиненные инстанции о предоставлении на будущее время этих сведений. Если этот служащий был ретивым, то он все усложнял и увеличивал свои требования, и в результате создавались таблицы, по размерам напоминавшие простыни. Чем иерархически ниже была инстанция, тем больше требовалось от нее отчетности. Эти требования по мере прохождения с верхов управления вниз напоминали собой снежный ком, катящийся с вершины горы и превращающийся при приближении к долине в лавину. Эта бюрократически создававшаяся отчетность имела очень мало общего со статистикой. Во-первых, не было никакого единства в требованиях, поэтому научная обработка их была более чем затруднительна; во-вторых, случайное возникновение ее различных частей приводило к ненужному повторению одних и тех же требований в донесениях в разные инстанции; в-третьих, отсутствие какой-либо руководящей идеи было настолько очевидно, а с другой стороны, требования были столь многочисленны, что низшие инстанции, заваленные громадной повседневной исполнительной работой, относились к статистической отчетности более чем формально и даваемых сведений не проверяли; в-четвертых, сами требования обнаруживали сами по себе такое отсутствие понимания реальной обстановки, что

вызывали в низших инстанциях насмешливое отношение и иногда — сообщение вымышленных данных.

Поясним только что сказанное следующим примером из личного опыта. Штаб Юго-Западного фронта во время Главного командования этим фронтом генералом Брусиловым приказал, чтобы части войск к вечеру каждого дня доносили точное число понесенных за этот день потерь. Для полка, находившегося в бою, это было явно невозможно. А между тем в течение долгих месяцев каждый вечер шел поток чисто фиктивных донесений, из которых составлялись сводки в каждом из штабов. Но самое интересное — это то, что, когда автору пришлось перед поездкой на Междусоюзническую конференцию в 1917 г. запросить Штаб Юго-Западного фронта о потерях армий этого фронта в 1916 и 1917 гг. с точностью до сотни тысяч, этот штаб донес в Ставку, что требуемых сведений не имеется. Громадная каждодневная работа частей войск и низших штабов, рожденная бюрократически, потонула в бюрократическом же болоте высшего штаба.

В этом потоке отчетности и в то же время ничегонезнания высших штабов проявилось то, что мы неоднократно указывали: подход к организации работы общегосударственного масштаба с кустарными приемами. В такой работе только наука может дать правильные методы — в рассматриваемом же нами случае требовались научно поставленные статистические методы.

Нам пришлось сделать это вступление, прежде чем приступить к освещению вопроса о дезертирах. Без этого введения осталась бы совершенно непонятной та неизвестность, в которой блуждало наше правительство в таком, казалось бы, имеющем краеугольное и жгучее значение вопросе.

В приведенном выше обмене мнений министров на секретном заседании Совета министров 4/17 августа 1915 г. по поводу вопроса о привлечении в ряды действующих войск ратников ополчения II разряда мы могли прочесть заявление министра внутренних дел князя Щербатова о том, что «полиция не в силах справиться с массой уклоняющихся. Люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе». Казалось бы, что министр внутренних дел больше, чем кто-либо другой, квалифицирован для того, чтобы иметь правильное представление в затронутом здесь вопросе о дезертирах. В унисон с министром внутренних дел говорят и остальные министры: обер-прокурор Святейшего синода А. Д. Самарин заявляет:

«В тылу блуждает масса серых шинелей...» Министр земледелия А. В. Кривошеин: «...Обилие разгуливающих земляков по городам, селам, железным дорогам и вообще по всему лицу земли Русской поражает мой обывательский глаз».

В цитированной нами Докладной записке, поданной в ноябре месяце Государю 28 членами Государственной думы и Государственного совета, входившими в состав Особого совещания по обороне, указывается, что из общего итога нашего людского запаса нужно вычесть «два миллиона людей, состоявших из оставшихся в занятых неприятелем областях, эмигрантов и незаконно уклонившихся от несения военной службы».

Член Государственной думы Б. Энгельгардт, бывший одним из самых деятельных участников этого Совещания, пишет в своей монографии[1]:

«До осени 1915 года деревня еще справлялась со своей работой, заменяя ушедших на войну мужчин трудом женщин и детей, а главное, потому, что на местах оставался еще неиспользованный запас военнообязанных ратников II разряда — около $4^1/_2$ миллиона. Пока деревня безропотно слала пополнение на фронт, но по все возраставшему дезертирству можно было догадываться, что среди крестьян зреет новое недовольство — недовольство войной. Я не считал и раньше, что некоторый патриотический подъем, который проявило население столицы в момент объявления войны, являлся показателем действительного отношения народных масс к войне. Наоборот, мои личные наблюдения приводили меня к заключению, что с самого начала войны русский мужик шел под знамена очень неохотно. Но в первые месяцы войны внутренний порядок в стране был еще настолько прочен, привычка населения к повиновению приказаниям свыше настолько сильна, что тогда массовых и хронических уклонений от исполнения своих воинских обязанностей не наблюдалось, если не считать сдач в плен, которые зависели, конечно, и от других причин. Возможно, что на действительно слишком частые случаи сдачи в плен влияла зловредная пропаганда, на которую жаловался генерал Янушкевич в своем письме к генералу Поливанову[2]. По его сведениям, новобранцев провожали наставлениями: не драться до крови, а скорее сдаваться, чтобы живым остаться».

---

[1] Рукопись, тетрадь II, хранится в библиотеке Carnegie Endowment tor International Peace.

[2] Мемуары А. А. Поливанова. С. 185. (*Прим. Н. Г.*)

Мы не будем останавливаться здесь на оценке заявления Б. А. Энгельгардта об отсутствии патриотического порыва в крестьянской массе в минувшую войну; рассмотрению этого вопроса посвящаются последние главы настоящего труда.

Но в книге «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)», напечатанной Отделом военной статистики советского Центрального статистического управления, помещена таблица[1] под заглавием: «Движение числа дезертиров с начала войны по 1 августа 1917 года (по данным Ставки)».

На основании вышеупомянутых данных о дезертирстве, напечатанных Отделом военной статистики советского Центрального статистического управления, можно составить следующую таблицу.

Дезертирство в Русской армии с начала войны по 1 августа 1917 г.

	Общее число	Среднее в месяц
С начала войны до Февральской революции	195 130	6346
После Февральской революции		
До 15/28 мая 1917 года	85 921	34 270
С 15/28 мая по 1/14 июня	16 342	32 684
С 1/14 июня по 15/28 июня	11 213	22 426
С 15/28 июня по 1/14 июля	19 294	38 588
С 1/14 июля по 15/28 июля	23 432	46 864
С 15/28 июля по 1/14 августа	13 805	27 610
Всего	365 137	

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении приведенной таблицы, это громадное повышение дезертирства с началом революции. До революции в среднем в месяц дезертировали 6300 человек; после революции — 30 900, *т.е. в пять раз больше.* Но вместе с тем эта таблица вовсе не подтверждает того колоссального дезертирства, о котором говорят министры и о котором пишет Б. Энгельгардт.

Генерал В. И. Гурко, исполнявший осенью 1916 года должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего вместо за-

[1] Таблица № 16 на с . 26.

болевшего генерала М. В. Алексеева, отмечает в своих воспоминаниях[1]:

«Я должен упомянуть здесь, что в общественных и правительственных кругах упорно циркулируют слухи о том, что число дезертиров, прячущихся в деревнях, достигает громадной цифры — от одного до двух миллионов. Сопоставление числа призванных людей с наличным составом Действующей армии показывает, что это число, во всяком случае, преувеличено. Конечно, число солдат, приезжающих из армии и живущих в стране или едущих по железным дорогам, бывает временами громадным; с 1915 года от 2 до 5 процентов штатного состава солдат отпускается в отпуск. Бывает время, когда в отпуску до 500 000. Если прибавить к этому выздоровевших раненых, которым разрешается поехать к себе в деревню до нового вступления в ряды, и прибавить также большое количество командированных в тыл за снабжением, то получится колоссальное число людей, живущих в тылу и разъезжающих по железным дорогам. Неудивительно поэтому, что родилась и распространяется легенда о миллионах дезертиров».

Попытаемся сделать указываемый генералом В. И. Гурко подсчет к 31 декабря 1916 года:

Общее число призванных
на военную службу достигает к тому моменту 14 700 000

Это число призванных распределяется:

Убитые	1 200 000
Не возвратившиеся раненые и больные	1 710 000
Пленные	2 150 000
Зарегистрированные дезертиры	180 000
Налицо в Действующей армии	6 900 000
В запасных войсках во внутренних военных округах	2 200 000
В управлениях, учреждениях и частях, подчиненных военному министру	350 000
	14 690 000

[1] Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914—1917. By general Gourko. London, 1918. P. 223—224.

На основании только что сделанного расчета мы можем вместе с генералом Гурко утверждать, что слухи о 2 000 000 дезертиров из армии, распространившиеся в конце 1916 г. в общественных и даже в правительственных кругах, являлись плодом пессимистического настроения, предшествовавшего революции. Этого пессимистического настроения не избежал и член Государственной думы Б. А. Энгельгардт, выдержку из монографии которого мы цитировали выше. Вместе со многими другими он придал неверную интерпретацию данным, сообщенным Военным министерством и помещенным в записке 28 членов Особого совещания. В этой записке упоминается о том, что из нашего людского запаса нужно вычесть 2 миллиона людей. Но эти два миллиона не представляли собой дезертиров из армии, а лиц, «сошедших с учета», ибо эти два миллиона составлялись из: военнообязанных, оставшихся в занятых неприятелем областях, из эмигрантов и из уклонившихся от призыва. При этом нужно иметь в виду, что самая цифра в два миллиона являлась весьма гадательной, так как основывалась не на точном учете, а на весьма неточных предположениях.

Сделаем теперь подсчет, аналогичный сделанному нами к другим двум моментам войны: к 31 декабря 1915 г. и к 1 ноября 1917 г. Сведем полученные итоги вместе с данными на 31 декабря 1916 г. в нижеследующую таблицу:

Баланс прихода и расхода призванных на военную службу людей (в тысячах)

	К 31 дек. 1915 г.	К 31 дек. 1916 г.	К 1 ноября 1917 г.
ПРИХОД:			
Призвано с начала войны	11 600	14 700	15 500
РАСХОД:			
Убитые	700	1200	1300
Законно не возвратившиеся раненые и больные	1000	1710	2150
Пленные	1800	2150	2417
Зарегистрированные дезертиры	110	180	365
Уволено от военной службы солдат, достигших предельного возраста	—	—	350

Продолжение табл.

	К 31 дек. 1915 г.	К 31 дек. 1916 г.	К 1 ноября 1917 г.
(постановление Временного правительства от 1 (14) апреля 1917 г.)			
ИТОГО:	3616	5240	6582
НАЛИЦО:			
В Действующей армии (по строевому учету)	5650	6900	5900
В запасных войсках во внутренних военных округах	2000	2200	1100
В управлениях, учреждениях и частях, подчиненных воен. министру	300	350	400
ИТОГО:	7950	9450	7400
ОСТАТОК:	34	10	1518

Из только что приведенной таблицы мы видим, что «остатки» от сопоставления числа призванных на военную службу людей с расходом и наличностью их к 31 декабря 1915 г. и к 31 декабря 1916 г. настолько ничтожны, что можно этим расхождением в итогах пренебречь и признать, что установленное нами распределение верно с точностью до 50 000.

Не то мы видим к концу войны; к этому времени интересующий нас остаток достигает *полутора миллионов*. И эти полтора миллиона составляют численность незарегистрированных дезертиров. Если прибавить к этому числу еще 365 000 «зарегистрированных» дезертиров, мы получим, что к концу войны общий итог дезертиров доходит до 1 900 000. Но и эта колоссальная цифра все-таки не обнимает собою всего числа призванных на военную службу лиц, уклонившихся к концу войны от исполнения своего военного долга перед Родиной. По мере развития революции образовался путь к особому, прикрытому революционными лозунгами дезертирству. Это было избрание делегатами в различного вида солдатские комитеты и советы. Этот путь, начиная с июня 1917 г., превратился в широкую торную дорогу, по которой уходили с фронта десятки и тысячи солдат. Учесть, сколько дезер-

тировало этим путем, не представляется никакой возможности. Для того чтобы дать хотя бы некоторое представление об этих количествах, мы приведем выдержку из воспоминаний генерала Нокса[1], относящуюся только к одному из пяти русских фронтов, а именно — к Юго-Западному фронту.

Вот численность членов различного рода выборных организаций (комитетов, советов и т.п.) Юго-Западного фронта, т.е. количество бойцов, занятых болтовней:

	Солдат	Офицеров	Чиновников и врачей
В армиях	63 690	7055	1162
в запасных частях	1769	228	19
в тыловых учреждениях	9568	911	546
Всего	75 027	8194	1727
Общий итог			84 948

Многочисленный гарнизон Петрограда, состоявший из запасных частей гвардии, под предлогом «защиты революции» выговаривает себе право не идти сражаться.

Мы будем близки к истине, если скажем, что к 1 ноября 1917 г. число явных и «скрытых» дезертиров должно исчисляться цифрой более чем в 2 миллиона.

Таким образом, к концу войны на каждые три чина Действующей армии приходилось не менее одного дезертира.

И это повальное дезертирство происходит после начала революции. По существу дела, это была стихийно начавшаяся демобилизация. Массы русского народа устали от войны и продолжать ее не хотели. Большевики это поняли и воспользовались, как козырем, которым они и побили карту Керенского.

[1] With the Russian Army, 1914—1917. Major General Alfred Knox. P. 699, 700.

Глава седьмая

ПОТРЕБНОСТИ РУССКОЙ АРМИИ В ВООРУЖЕНИИ И В РАЗНОГО РОДА БОЕВОМ ТЕХНИЧЕСКОМ СНАБЖЕНИИ

Кризис в боевом снабжении. — Винтовки. — Пулеметы. — Ружейные патроны. — Артиллерия. — Артиллерийские огнеприпасы. — Военно-техническое снабжение. — Автомобили. — Авиация. — Квалифицированные рабочие. — Отсутствие единства в организации работы тыла. — Особые совещания. — Мобилизация промышленности. — Бессилие правительства. — Революция. — Насколько повысился уровень военно-технического оснащения Русской армии к 1917 году?

КРИЗИС В БОЕВОМ СНАБЖЕНИИ

Кризис, который переживался Россией в течение войны в области боевого снабжения, хорошо всем известен. Причины этого кризиса двух родов.

Одни лежат в области объективных условий российской действительности, о которых мы говорили в первой книге.

Другие должны быть отнесены к неумению «предвидеть» и «организовать» наших руководящих кругов.

Дать исчерпывающую картину снабжения нашей армии всеми видами боевого снабжения не представляется возможным. Ни рамки предпринятого нами труда, ни сохранившиеся исторические материалы этого не позволяют. Но дать общее представление все-таки можно. Это-то мы и попытаемся сделать.

Уже через четыре месяца после начала войны Русская армия стояла перед катастрофой. «Размер потребностей, — пишет бывший генерал-квартирмейстер Ставки генерал Данилов[1],— превзошел все самые широкие предположения, и потому удовлетворение их встречало все возраставшие затруднения. Тыл не поспевал за фронтом, и армия с каждым днем уменьшалась в своем составе, как равно уменьшалась степень ее обеспеченности. Мы стояли перед безусловной необходимостью коренного обновления нашей вооруженной силы».

«Наш мобилизационный отдел, — пишет несколько дальше тот же автор, — много поработал над тем, чтобы усовершенствовать систему приведения войск на военное положение... но вопросы о поддержании армии в дальнейшем на уровне боевых требований, а тем более о последовательном развитии ее мощи в период самой войны остались почти не затронутыми. Между тем именно в этой работе и лежало реальное воплощение идеи вооруженной нации и всенародной войны, идеи, которая должна была быть положена в основу военной подготовки всякого современного государства, желающего обеспечить себе военный успех»[2].

ВИНТОВКИ

Первым по времени своего обнаружения кризисом был кризис в снабжении винтовками.

Согласно мобилизационному плану, предполагалось:

а) иметь к началу войны в войсках и запасах 4 500 000 винтовок в готовом виде;

б) развить в течение войны производительность казенных заводов до 700 000 винтовок в год.

В действительности же потребовалось:

а) на вооружение армии по окончании ее мобилизационного развертывания около 5 000 000 винтовок;

б) для последующих призывов — около 5 500 000 винтовок;

в) для пополнения убыли, считая по 200 000 в месяц, в течение 3 лет войны — около 7 200 000 винтовок.

---

[1] Россия в мировой войне. С. 246.

[2] Там же. С. 249.

Следовательно, согласно мобилизационному предположению, было бы достаточно иметь: 4 500 000 + (700 000 х 3) = 6 600 000.

Оказалось же нужным: 5 000 000 + 5 500 000 + 7 200 000 = 17 700 000 винтовок[1].

Таким образом, действительные потребности армии превзошли мобилизационные расчеты более чем на 150 %. 11 миллионов винтовок не хватало, и их откуда-то нужно было получить.

В нижеприводимой таблице указано, в какой мере и откуда это требование армии было выполнено.

Снабжение армии винтовками[2] (в тысячах)

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Состояло к началу войны	4562	—	—	—	4652
Поступило с отечественных заводов	278	860	1321	1120	3579
Куплено за границей	по годам не известно				2434
Взято у неприятеля	по годам не известно				около 700
Итого	11 365				

Из этой таблицы мы видим, что 35 % потребности в винтовках так и не было покрыто.

Недохват в винтовках тормозил укомплектование пехоты. «Вследствие отсутствия винтовок, — пишет генерал Данилов, — войсковые части, имея огромный некомплект, в то же время не могли впитывать в себя людей, прибывавших с тыла, где, таким образом, люди без пользы накапливались в запасных частях, затрудняя своим присутствием обучение дальнейших очередей. К концу ноября (1914 г.), например, в запасных войсках имелся обученный в большей своей части контингент в 800 000 человек, в то время как Действующая армия страдала от ужасающего некомплекта. Бывали такие случаи, что прибывавшие на укомплектование люди должны были оставаться в войсковых частях при обозах вследствие невозможности поставить их в ряды по отсутствию винтовок»[3].

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. Ч. I. С. 84—85.

[2] Там же. С. 84.

[3] Россия в мировой войне. С. 283.

В 1915 г. это явление приобретает характер катастрофы. Насколько велика была эта катастрофа, можно судить из прилагаемой к этой главе копии донесения британского военного агента своему правительству. Это свидетельство одного из представителей наших союзников очень показательно. Составитель упоминаемого донесения приходит к выводу, что во всей Русской армии, растянувшейся от Ревеля до Черновиц, в начале октября 1915 г. имелось только 650 000 действующих ружей[1].

Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась Русская армия в кампанию 1915 г. Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы. Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 г. телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки; предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии. Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий, генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась Русская армия в кампанию 1915 года.

Трагические последствия недостатка в винтовках увеличивались еще тем, что Военное министерство Сухомлинова долго не хотело внять голосам, исходившим с фронта. Приученное в мирное время к чисто бюрократическим приемам, оно, конечно, не могло найти в себе мужества прямо смотреть в глаза надвигавшейся катастрофе. Характерным примером этого отсутствия «живого» отношения к делу может служить следующий пример.

Мобилизационным планом не была предусмотрена организация достаточно мощных мастерских для капитального ремонта винтовок. Когда этот вопрос обрисовался во всю свою величину, то Военное министерство не нашло ничего лучше, как взвалить

[1] См. приложение к этой главе.

капитальный ремонт оружия, который не мог быть выполнен средствами самих войск и местных (окружных) мастерских, на ружейные заводы. Эти заводы (Тульский, Ижевский и Сестрорецкий) как раз в это время переживали крайне трудное положение: они должны были развертывать свое производство новых винтовок в размерах обрисовавшейся потребности армии. «Заводы, конечно, протестовали против такой работы, так как, занимаясь приготовлением лишь новых винтовок и направив на усиление выпуска их все без остатка свои средства, как механические, так и личного состава, они только в явный ущерб для своего основного дела, особенно в фазе столь трудного его развертывания, могли бы, что называется, "выжать" у себя часть помещений, станков и мастеровых для подкинутого им детища. Но их заставили это сделать вместо того, чтобы сразу же в широком масштабе поставить капитальный ремонт ручного оружия в ружейных мастерских окружных артиллерийских складов, а кроме того, устроить несколько специальных мастерских в районах военных действий. Все это и было сделано впоследствии, но, к сожалению, с немалым запозданием, отчего заводы не избегли получения этих нарядов, сильно затормозивших их главную работу»[1].

Нежелание Военного министерства своевременно увидеть надвигающуюся катастрофу вредно отразилось и на своевременности покупки винтовок за границей. Уже в сентябре 1914 г. Главное артиллерийское управление, убедившись в невозможности удовлетворить потребности армии в винтовках при помощи своих ружейных заводов, приступило к розыску в союзных и нейтральных государствах каких-либо винтовок, хотя бы и не новейших систем и даже не под свой патрон (но в последнем случае, конечно, обеспеченных патронами). Но начавшиеся уже переговоры по приобретению за границей готовых ружей *были приостановлены по приказанию военного министра генерала Сухомлинова* под предлогом, что будто бы невозможно допустить на одном театре военных действий нескольких калибров винтовок[2]. Только после телеграммы 15/28 декабря начальника Штаба Верховного главно-

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. Ч. I. С. 39.

[2] Письмо начальника Канцелярии Военного министерства начальнику Главного артиллерийского управления от 6 (19) октября 1914 г., № 3080.

командующего, в коей передавалось повеление покупать винтовки за границей, не стесняясь калибром, было наконец приступлено к покупкам. Но три месяца было потеряно, причем с января 1915 г. заграничные рынки были уже заняты нашими союзниками и нашими врагами.

Не лишено интереса отметить здесь то, что высшие штабы, и в особенности наше Военное министерство, в очень мрачных красках рисуют небрежное отношение русского солдата к находящейся в его руках материальной части.

«В мирное время, — пишет генерал Данилов[1], — мы настойчиво учили солдата беречь винтовку. Мы говорили ему, что в бою, почувствовав себя раненым, он, прежде чем отправиться на перевязочный пункт, обязан сдать свою винтовку и патроны на сбережение ближайшему начальнику или просто соседу. Войсковые части различными положениями обязывались вести строгий учет вооружению, а сбор оружия и предметов боевого снабжения на полях сражения входил в непременные обязанности хозяйственных органов различных инстанций. К сожалению, все эти мудрые правила с выходом армии на войну были основательно забыты, и можно было бы привести ряд вопиющих примеров легкомысленного отношения к вопросу о сбережении предметов вооружения и снаряжения. Утеря, порча и оставление оружия не преследовались или преследовались недостаточно. Припоминается, например, рассказ одного начальника дивизии, которому удалось легко собрать несколько сот брошенных винтовок при обыске селений по пути следования частей дивизии. Установлению столь пагубного отношения к предметам огромнейшей военной ценности, между прочим, содействовало правило, согласно которому, роты пополнения должны были прибывать из запасных частей в войска в полном вооружении и походном снаряжении. Таким образом, части оказались непосредственно не заинтересованными в сборе и сохранении винтовок и предметов снаряжения. Вскоре, однако, Военное министерство, в ведении которого оставались главнейшие заготовки для нужд армии, было вынуждено отказаться от этого правила за полным истощением имевшегося запаса винтовок и ввиду затруднений, возникших в вопросе о его пополнении...»

Чем дальше в тылу сидит критик, тем строже бичует он строевой состав армии за его небрежность и тем мрачнее рисует он

[1] Россия в мировой войне. С. 252, 253.

картину. Нам предстоит еще возвратиться к этому вопросу в дальнейшем, здесь же мы считаем нужным остановиться на рассмотрении его существа. Несомненно, что русский солдат вследствие его меньшей культурности относился менее бережно к находящейся на его руках материальной части, нежели солдат французский, британский, американский или немецкий. Малой сознательности его в политической жизни соответствовало непонимание громадного государственного значения проявления каждым бойцом величайшей заботы к своему вооружению, так как в современных массовых армиях каждый случай отсутствия бережливости множится на миллионы. В этом отношении малое распространение образования среди толщи населения России тяжело отражалось на боевой силе нашей армии, но эта отрицательная особенность нашей армии должна была быть учтена руководящими верхами. Между тем именно этого и не было сделано. Из второй половины приведенной выше выдержки из книги генерала Данилова мы видим, что сам автор уже переносит часть своего обвинения со строевого состава на Военное министерство, не сумевшее «предусмотреть», а потому установившее несоответствующий порядок (посылка маршевых рот с полным числом ружей).

Пишущему эти строки пришлось близко видеть работу строевого состава Русской армии в течение всей войны. Мы считаем себя вправе утверждать, что нападки на недостаточное внимание строевого начальства к вопросам о сохранении вооружения, как правило, несправедливы. Полки делали все, что было в их возможности, но беда в том, что высшие штабы не учитывали всей ограниченности этих возможностей и не помогали делом, а только писали и требовали. В течение 1915 и 1916 гг. автор этой книги, будучи генерал-квартирмейстером IX армии, а затем начальником Штаба VII армии, организовал ряд армейских летучих команд по сбору оружия, ряд передвижных и ряд местных оружейных мастерских для того, чтобы оказать реальную помощь войсковым частям. Деятельность этих организаций, нашими положениями не предусмотренная, разгрузила работу войсковых частей и сразу же изменила бывшую до того картину беспорядка; VII и IX армии ставились в пример прочим и, думаю, в отношении заботливости о сохранности оружия и прочей материальной части не уступали армиям наших союзников и врагов. Вопрос заключался, таким образом, прежде всего в умении сверху «ор-

ганизовать порядок», а не только писать выговоры и приказания, подчас неисполнимые.

Не было и послабления со стороны строевого начальства, о котором упоминает генерал Данилов. Во многих корпусах был отдан приказ отказывать в перевязке легкораненым в тех случаях, когда они являлись на перевязочные пункты, бросив свое оружие. Кажется, что дальше некуда было идти. Несомненно, что степень внимательного отношения к своему оружию с началом войны сильно упала. Но ведь с мобилизацией кадровый солдатский состав быстро потонул в миллионах запасных, по большей части утративших солдатский облик и представлявших собой забывших военное воспитание мужиков. Когда же по мере убыли в пехоте начали прибывать наскоро обученные укомплектования, положение дела изменилось еще к худшему. При не продуманном Военным министерством устройстве запасных частей в нашу пехоту вливался солдатский состав без всякого военного воспитания, не только не приученный к порядку, но часто считавший беспорядок нормальным положением вещей. Кто, как не наше Военное министерство, должно было учесть в мирное время слабую сторону наших народных масс, требовавших более долгого военного обучения, нежели более культурный западноевропейский солдат? Кто, как не Военное министерство, должно было обеспечить нашу армию более многочисленным унтер-офицерским составом, дабы око ближайшего начальника солдата все время за ним следило? Мы имели случай указывать, с каким невниманием относилось в мирное время к этому вопросу наше Военное министерство. С объявлением же войны это отношение приобретает уже характер государственного преступления.

«Нашими мобилизационными расписаниями, — пишет генерал Данилов, — срочно служившие унтер-офицеры запаса не были взяты на особый учет, и потому вместо того, чтобы при мобилизации быть выделенными в особые запасные части для прохождения повторных унтер-офицерских курсов, они поступали на укомплектование войсковых частей *наравне с рядовыми*. В результате в начале войны в ротах оказался переизбыток людей унтер-офицерского звания, которые, оставаясь на должностях рядовых, несли двойные потери и, таким образом, были использованы нерасчетливо. Что касается подготовки нового унтер-офицерского состава в запасных частях, то попытка эта дала совершенно неудовлетворительные

результаты. Люди прибывали в части без должного опыта, знания, воспитания и авторитета, почему оказывались для назначения на вакантные унтер-офицерские должности непригодными»[1].

Автору лично известен случай, когда при мобилизации в строю роты в числе рядовых стояли семнадцать унтер-офицеров. Каждый, хоть немного знающий быт Русской армии, понимает, что всякий прибывший из запаса унтер-офицер должен был бы расцениваться на вес золота. Все эти люди, столь нужные именно для нашей армии с ее малокультурным солдатским составом, были выбиты в первых же боях. Вот где лежит истинное объяснение вышеприведенных слов генерала Данилова, в которых он, обвиняя наши войска в небрежном отношении к оружию, говорит: «К сожалению, все эти мудрые правила с выходом армии на войну были основательно забыты...»

ПУЛЕМЕТЫ

Согласно мобилизационному заданию, в Действующей армии и в ее тыловых запасах должно было состоять 4990 пулеметов. В действительности же в июле 1914 г. не хватало для удовлетворения плановой потребности 883 пулеметов. Ввиду этого Главное артиллерийское управление предписало начальнику Тульского оружейного завода, в составе которого имелся единственный на всю Россию пулеметный отдел, усилить до крайней степени всю производительность с тем, чтобы к 1 января 1915 г. недостающее число пулеметов было бы закончено и сдано. Это и было выполнено.

В первых же боевых столкновениях даже каждый рядовой боец мог убедиться в до крайности возросшем значении пулеметного огня, поэтому достойно удивления блаженное спокойствие, в котором пребывали генерал Сухомлинов и его ближайшие сотрудники в вопросе о снабжении армии пулеметами. В действительности же было, о чем беспокоиться. Предусмотренных по плану 4990 пулеметов, из которых 454 составляли 10-процентный запас, для 3 000 000 Действующей армии было немного. На самом же деле ко дню объявления войны имелось налицо в войсках и в запасе 4152 пулемета. Ежегодное же производство пулеметов было предусмотрено нашим мобилизационным планом лишь в размере возобновления 10-процентного запаса, т.е. 454 пулемета в год.

[1] Россия в мировой войне. С. 247.

Между тем пулеметное производство являлось одним из самых сложных и вместе с этим долго устанавливаемых производств. Оно являлось гораздо более сложным, нежели ружейное; так, требуемая в нем предельная точность достигала 0,0005 дюйма, в то время как в ружейном эта точность равнялась 0,001; некоторые же части пулеметного замка не терпели никакого допуска и должны были пригоняться «впритирку», т.е. должны были изготовляться с точностью лекал. Отсюда понятно, какое огромное значение имело заблаговременное предвидение потребности в пулеметах, так как постановка пулеметного производства требовала не месяцев, а полтора-два года. Но Военное министерство Сухомлинова упорно молчало в течение всего первого года войны и не давало своему довольствующему органу, Главному артиллерийскому управлению, никаких указаний ни относительно ожидаемой общей (единовременной) потребности в пулеметах, ни по вопросу об увеличении норм ежемесячного снабжения.

Только со вступлением в должность военного министра генерала Поливанова Военное министерство очнулось от своего летаргического сна и в сентябре 1915 г. заявило требование к Главному артиллерийскому управлению на 12 039 пулеметов. Через три недели это требование было увеличено и доведено до 31 170 пулеметов. Для выполнения этого требования давался 15-месячный срок, что приводило к заданию ежемесячно доставлять в армию 2078 пулеметов.

К счастью, Главное артиллерийское управление по собственной инициативе с начала войны приняло ряд энергичных мер для расширения своего пулеметного производства и довело его в 1915 г. до средней — 350 пулеметов в месяц, подготовляя увеличение этой месячной нормы в 1916 г. до 1000 пулеметов.

Но этого увеличения производства оказывалось уже недостаточно. Пришлось обратиться к заграничным заказам. К этому же времени вся производительность, не только нормальная, но и повышенная, всех заграничных пулеметных заводов была уже занята нашими союзниками и нашими врагами. Приходилось принимать исключительные меры, дабы как-нибудь проталкивать наши заказы.

А тем временем требования на пулеметы все росли и росли.

В нижеследующей таблице указано то число пулеметов, которое в действительности Русская армия получила.

Император Николай II и Александра Федоровна
перед объявлением Манифеста о войне с Германией

Император Николай II и цесаревич на молебне в войсках

Немецкие солдаты готовятся к бою

Русские солдаты на передовых позициях

Великий князь Николай Николаевич

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта
генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов с сыном
и офицерами штаба фронта

Командование Северного фронта

Один из первых раненых на прогулке в Москве

Сбор вещей в пользу раненых

Плакат: «Торговцы Москвы — солдатам-инвалидам!»

Пленные немецкие солдаты на Невском проспекте

Пленные русские солдаты в Германии

В.А. Сухомлинов

П.К. Ренненкампф

Н.В. Рузский

А.В. Самсонов

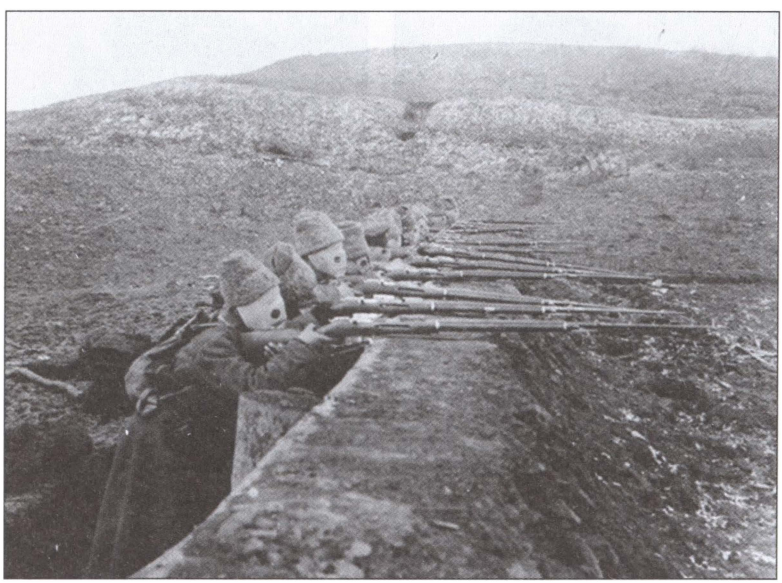
А.Е. Эверт

А.А. Брусилов

Л.Г. Корнилов

А.И. Деникин

Русские пулеметчики



Учебные стрельбы в противогазах

Тяжелая позиционная артиллерия

Русская батарея на Юго-Западном фронте

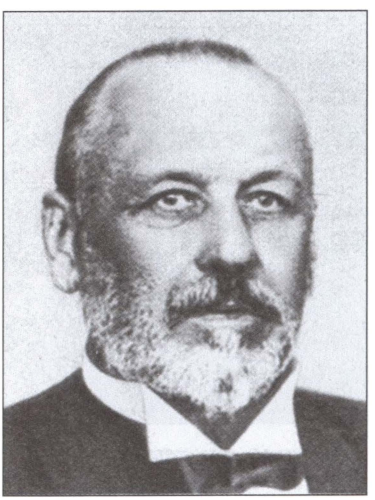
Русские войска, отправляющиеся во Францию

Немецкие и русские солдаты танцуют на митинге между позициями

Революционные солдаты на улицах Москвы

А.Ф. Керенский

А.И. Гучков



М.В. Родзянко

М.В. Алексеев

Снабжение Русской армии пулеметами

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Состояло к началу войны	4152	—	—	—	4 152
Поступило с отечественных заводов	833	4251	11 072	11 320	27 476
Куплено за границей	—	1057	9428	31 833	42 318
Захвачено у неприятеля	(сведений по годам нет)			ок. 2 000	
Всего	75 946				

Для того чтобы составить себе представление, какого же числа пулеметов не хватало Русской армии, необходимо принять во внимание их износ и потерю. Ввиду того, что норма пулеметов, приданных войскам в течение войны, быстро растет, интересующая нас недохватка пулеметов все время увеличивается. Поэтому мы приурочим решение вопроса к началу 1917 г., когда наша Ставка окончательно сформулировала потребность Русской армии в пулеметах, определив ее в размере 133 000 пулеметов. Налицо состояло к 1 января 1917 г. всего 16 300 пулеметов. Это составляло всего 12 % потребности армии.

РУЖЕЙНЫЕ ПАТРОНЫ

Правильный расчет запаса ружейных патронов, исходящий из наличия в мобилизованной армии винтовок и пулеметов, показывал, что этот запас должен был бы достигать 3 346 000 000 штук. Но Военное министерство Сухомлинова при помощи чисто канцелярского трюка сократило эту норму запаса до 2 745 000 000 штук. Этим способом оно подводило мобилизационную норму к количеству имевшегося налицо запаса (2 446 000 000), сокращая, таким образом, фактическую нехватку в ружейных патронах с одного миллиарда на 300 миллионов[1].

Однако подобная укладка норм, выработанных наукой, в прокрустово ложе бюрократических ухищрений должна была при первом же столкновении с жизнью привести к катастрофе.

Так оно и случилось. К сожалению, недостаток в ружейных патронах не был обнаружен Ставкой в начале войны. «Объясня-

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии. Ч. 1. С. 105—107.

ется это тем, — пишет генерал Данилов[1], — что в первый период войны, особенно на Галицийском фронте, где действовала главная масса нашей армии, успех в боях обеспечивался по преимуществу артиллерийским огнем. Эти условия, естественно, уменьшали расход винтовочных патронов и сберегали имевшийся у нас запас военного времени. Вследствие изложенного, несмотря на то что мы начали войну с нехваткой винтовочных патронов в 300 миллионов[2] штук и отпустили в 1914 г. сербской армии до 200 миллионов патронов, несмотря на то что мы должны были считаться с недостаточной производительностью наших патронных заводов и встретили затруднения в изготовлении пороха соответствующего сорта, — несмотря на все это, у нас в первые месяцы войны в центральных складах все же сохранился в неприкосновенности большой запас винтовочных патронов, который и позволил беспрепятственно пополнять текущий расход в войсках, даже тогда, когда потребность в патронах значительно возросла. Но этого запаса патронов, с которыми войска научились обращаться бережливо лишь путем горького опыта, хватило только до начала 1915 года; с наступлением его картина резко изменилась к худшему. Впоследствии пришлось даже пустить в ход взамен новых патронов с остроконечными пулями запас старых тупоголовых патронов, что должно было значительно сказаться на понижении действенности ружейного огня».

Вот как рисуется картина с «высот» Ставки. Для смотрящих снизу эта картина была гораздо мрачнее. Как только тыловые склады заметили перебои в пополнении своих запасов ружейных патронов, они начали придерживать отпуск их в войска. В снабжении последних почувствовались еще более сильные перебои. Один из таковых автору пришлось лично пережить уже в ноябре 1914 г., т.е. на четвертом месяце войны. IX армия, генерал-квартирмейстером которой был в это время автор, подошла к Кракову. Здесь она была контратакована двумя австрийскими армиями. Как раз в критические два дня боя произошел перебой в снабжении ружейными патронами. В результате многие войсковые части оказались близки к катастрофе, так как были корпуса (например, XXV), в которых, считая и носимый на людях запас, оставалось на винтовку всего

[1] Россия в мировой войне. С. 253.

[2] Как мы говорили выше, фактически недостаток патронов достигал 1 миллиарда, а не 300 миллионов. (*Прим. Н. Г.*)

25 патронов. Только меры исключительного порядка спасли тогда IX армию от катастрофы.

В 1915 г. положение с ружейными патронами стало очень плохим. О пополнении войсковых запасов не приходилось и думать. Сколько было случаев, что развитие удачных операций приходилось останавливать из-за экономии в патронах.

Помнится следующий случай в сентябре 1915 г. Он имел место в той же IX армии, в которой автор продолжал состоять генерал-квартирмейстером. IX армия перешла в контрнаступление между реками Серетом и Стрыпой против наседавших на нее австро-венгров. Успех был огромный. В течение пяти дней было захвачено более 35 000 пленных и сделан прорыв шириной в 60 километров. За этой зияющей дырой у противника не было вблизи ни одной свежей дивизии. Последние могли быть подвезены только из соседних армий по железной дороге. IX же армии удалось сосредоточить для использования прорыва две пехотные дивизии и две кавалерийские дивизии. Но беда была в том, что ружейные патроны были на исходе. Командующий армией генерал Лечицкий вызвал к аппарату Юза Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова и умолял его прислать на грузовиках один миллион ружейных патронов. Генерал Иванов отказался, и намеченная операция должного развития не получила, так как посылать войска без патронов генерал Лечицкий считал преступной авантюрой.

Нужно было пережить хотя бы один из подобных инцидентов, чтобы понять, как революционный яд накапливался в душе участников боевых действий.

Если Ставка, державшаяся в слишком большом моральном отдалении от войска, чувствовала с опозданием их действительные нужды, то в Петрограде, в Военном министерстве, пульса войны совсем не чувствовали. Шла только увеличившаяся переписка, в значительной мере имевшая своей целью оправдаться от сыпавшихся нареканий и свалить вину на другого. Таким виновным «стрелочником» являлись всегда войска. Так и в данном случае. Прежде всего стали ссылаться на небрежное отношение войск к казенному имуществу. Даже такой вдумчивый работник, как генерал Маниковский, представлявший собою редкое исключение среди военно-чиновничьего Петрограда, и тот не избег этого соблазна. На странице 122 1-й части его книги «Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг.» мы встречаем следующие строки:

«...Следует отметить совершенно недопустимую, перешедшую всякие границы и явно преступную расточительность в расходовании, вернее, в расшвыривании ружейных патронов на фронте. Иного выражения, как расшвыривание, и подобрать нельзя для охарактеризования того безумного обращения с ружейными патронами, которое после первых же неудач на германском фронте стало наблюдаться в наших войсках. Из свидетельства участников, из донесений начальствующих лиц и из отчетов заведующих артиллерийскими снабжениями ярко обрисовывается картина позорного распутства, допущенного в этом отношении командным составом, к тому времени, правда, очень ослабленным в своей кадровой части убылью убитыми и ранеными и сильно разбавленным разного рода скороспелыми пополнениями. Под впечатлением сокрушительного "завесного" огня, неизменно направляемого немцами в тыл наших позиций при каждой их атаке у наших войск сложилось убеждение, что на своевременное пополнение патронов сквозь такие завесы даже в ночное время по ходам сообщения рассчитывать нельзя, а поэтому-де, мол, это надо делать заблаговременно, и притом с возможным избытком. Поэтому загодя забивались патронами не только назначенные для этого ниши и погребки, но самые окопы, блиндажи и ходы сообщения; патроны кучами сваливались за окопами; наконец, из ящиков с патронами сооружались траверсы и даже бруствера. Нечего и говорить, что о какой-либо экономии (хотя бы только разумной и целесообразной) при самой стрельбе уже не могло быть и речи, а чего стоила при таких условиях эта стрельба — больно и говорить.

При таком положении дела, естественно, всякое передвижение вызывало потерю всех этих патронных запасов, которые в случае отступления легко попадали в руки противника, в случаях же (редких) наступления оставлялись, как были, на тех же местах и или терялись здесь, или попадали в руки разных темных спекулянтов... (Так, полевой генерал-инспектор артиллерии во время одной из своих поездок на фронт нашел на небольшом участке недавно оставленной позиции около 8 миллионов вполне исправных патронов.)

Такой разврат, естественно, передался с передовых позиций в тыловые части фронта, и повсюду началось безумное мотовство ружейных патронов. На них не смотрели как на драгоценную часть

боевого оружия, а как на какой-то ненужный и часто обременительный хлам, который поэтому можно и не очень беречь, а при случае, например, при отступлении, и прямо бросить. Все протесты и обращения Главного артиллерийского управления к высшему командному составу армии и все грозные по этому поводу приказания из Ставки особого действия не имели.

А принятая потом мера — в виде назначения денежных премий за доставленные патроны и гильзы в расчете на поощрение к добросовестному сбору их, дала результаты неожиданные: начались хищения патронов из складов, парков, позиционных хранилищ и даже из своих носимых запасов самими бойцами ради получения за них обещанных денег. Наконец, дошло до того, что патрон обратился в "денежную единицу" на прифронтовом рынке и предметы солдатского обихода — табак, папиросы, чай и т.п. — наряду с деньгами расценивались и покупались за известное количество патронов».

Мы привели эту длинную выдержку из книги генерала Маниковского, ибо она ярко характеризует отношение нашего тыла к войскам. Мы не впадем в преувеличение, если будем утверждать, что ни в одном из воевавших государств не проявлялась столь строгая требовательность сверху вниз, а также с тыла вперед, как в России. Чем ниже был ранг человека и чем ближе стоял он к неприятелю, тем больше от него требовали; никакие его ошибки или недостатки ему не прощались. Всегда во всем, в конце концов, виноват был он. Совершенно упускалось из виду, что масштаб требований должен был быть как раз обратный. Внизу и впереди стоял массовый боец — человек миллионов. Несомненно, что этот массовый боец нес на себе отпечаток тех низов народа, из которых пришел. И русский солдат вместе со своим геройством принес свою темноту и непонимание «общих» интересов. Дело начальников всех степеней было учесть его недостатки и предусмотреть, как их парализовать. Казалось бы, что в вопросе снабжения ружейными патронами для Русской армии должна была быть установлена большая норма, чем средняя норма, выработанная наукой; мы видели выше, что сделано было как раз обратное. Когда же жизнь наказала за непредусмотрительность верхов, последние в целях самооправдания начали сейчас же искать виновных внизу. Заинтересованность тыловых обвинителей, естественно, приводила к утрате чувства меры. Внимательное прочтение обвинений генерала Маников-

ского, представляющих собою голос Главного артиллерийского управления, сразу же обнаруживает несправедливое отношение. Он протестует против того, что при организации обороны войска заботились о том, чтобы *заблаговременно и с возможным избытком* обеспечивать себя ружейными патронами. А как же иначе поступать? Воюют ведь не для сохранения огнестрельных припасов, а для поражения противника. Войска совершенно правильно учитывали, что в случае неприятельской атаки их окопы будут отрезаны артиллерийским огнем, а ходы сообщения уничтожены. И мы, их начальники, так и учили их. Ведь мы же требовали от солдат жертвы жизнью; нельзя же при этом ограничивать их в средствах борьбы. В случае потери окопов часть находившихся патронов попадала к неприятелю, но окопы не сдавались добровольно, а после кровавой борьбы. Нельзя воевать и ценить материальную часть дороже человеческих жизней. К сожалению, таково было отношение тыла к армии. Вышеприведенная Всеподданнейшая записка 28 членов Особого совещания по обороне это констатирует[1].

Сбор патронов в тех случаях, когда наши войска переходили в наступление (и в противоречие генералу Маниковскому скажем, случаях частых, а не редких), должен был быть организован высшими штабами (корпусов и армий). Там, где это имело место, патроны эти не терялись. Правда, что именно в области всякого рода организации мы более всего и грешили неведением. Но все-таки такой мрачной картины, которую рисует генерал Маниковский, до марта 1917 г. не было. Конечно, были исключения, но только исключения. Правота наших слов доказывается тем, что если подсчитать расход ружейных патронов в Русской армии, то он не превосходит норм этого расхода в армиях наших союзников и врагов. Несправедливость утверждений генерала Маниковского объясняется тем, что он писал свою книгу в то время, когда Россия находилась под игом большевиков. Вся же литература последних, касающаяся минувшей войны, ярко окрашена тенденцией показать, что старая Русская армия развалилась уже до революции.

Рисуя ужасающую картину хищения патронов, генерал Маниковский не упоминает, что это относится к периоду, когда в 1917 г., с началом революции, началось разложение Русской армии; он не упоминает о том, что этот развал ускорялся бессовестной пропаган-

[1] См. гл. 5 настоящего труда.

дой большевиков, учивших солдат бросать оружие и уходить домой; в создавшейся обстановке измены Родине и убийств командного состава продажа и хищение патронов представляли собой сравнительно небольшое зло; это было лишь одно из выполнений лозунга, брошенного в темные народные массы: «Грабь награбленное».

Всех этих оговорок генерал Маниковский, конечно, не мог сделать. Да, может быть, он и сделал, но большевистская цензура их не пропустила.

Вышеочерченная психология наших тылов не благоприятствовала быстрому исправлению ошибок в мобилизационных предположениях. Последние же грешили не только недостаточностью размеров запаса ружейных патронов, но и тем, что самое производство патронов в военное время было рассчитано совершенно не соответственно масштабу войны. Согласно мобилизационному плану, считалась достаточной общая годовая производительность наших трех патронных заводов (Петроградского, Луганского и Тульского частного) в 550 000 000 в год. В действительности же средняя месячная потребность нашей армии в ружейных патронах достигала 250 000 000, т.е. истинная годовая потребность превосходила предположения почти в 6 раз.

Крайнее форсирование работы вышепоименованных трех патронных заводов утроило их производительность. Поднялся вопрос о постройке нового патронного завода, но решение этого вопроса затянулось до апреля 1916 г.

Заграничные заказы патронов вследствие запоздания помещения их встретили большие затруднения; заграничный рынок был уже перегружен заказами воюющих государств.

В нижеприводимой таблице указаны числовые данные о снабжении Русской армии ружейными патронами.

Снабжение Русской армии ружейными патронами (в миллионах)

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Поступило					
с отечественных заводов	345	1022	1482	1008	3857
Состояло к началу войны	2745	—	—	—	2745
Куплено за границей	по годам сведений нет				ок. 2500
Захвачено у неприятеля	по годам сведений нет				ок. 400
			Итого		9500

Изучая эту таблицу, мы можем заключить, что в окончательном итоге потребность нашей армии в ружейных патронах была удовлетворена. В самом деле, 3 года войны потребовали около 9 миллиардов патронов, дано же армии было 9,5 миллиарда. Но в эту картину кажущегося благополучия должны быть введены две существенные поправки.

Во-первых, соответственное потребностям поступление ружейных патронов началось лишь в 1916 г. Непредусмотрительность и запоздание в принятии нужных мер со стороны нашего Военного министерства заставило армию пережить в 1915 г. сильный кризис в снабжении ружейными патронами.

Во-вторых, самая потребность в ружейных патронах исчислялась на основании их расходования в армии. Но в Русской армии все время не хватало винтовок (35 % ее потребности так и не было удовлетворено), а число находившихся на ее вооружении пулеметов составляет только 12 % того, что требовалось, по мнению Ставки, в конце 1916 г. Таким образом, удовлетворить в 1916 и 1917 гг. потребность Русской армии в ружейных патронах удалось только потому, что потребности в винтовках и в пулеметах не были удовлетворены.

АРТИЛЛЕРИЯ

В первой части нашего труда мы подробно указывали, насколько недостаточно была снабжена к началу войны Русская армия артиллерией.

Бои с немцами сразу же ярко это показали. Первые же наши неудачи в Восточной Пруссии — катастрофа армии генерала Самсонова и поражение, понесенное генералом Ренненкампфом, — всецело обусловливались подавляющим преимуществом германцев в числе батарей.

Подробному исследованию этих наших первых операций в Восточной Пруссии посвящена наша специальная книга[1]. Здесь же для иллюстрации нашего утверждения мы только приведем таблицу, указывающую на соотношение в числе батарей, находившихся у противников во время начальных боев, и на результаты каждого из этих столкновений.

---

[1] Из истории кампании 1914 года на Русском фронте; начало войны и первые операции в Восточной Пруссии. Изд. «Пламя», 1925.

Зависимость тактического успеха в первых боях 1914 г. в Восточной Пруссии от количества батарей

Название боев	Русские		Немцы		Тактические результаты
	число батальонов	число батарей	число батальонов	число батарей	
Бой у Сталупенена 4/17 августа	40	20	17	19	Нерешительный результат для обеих сторон
Сражение у Гумбинена 7/20 августа:					
1. На фронте русск. 28-й п.д.	12	6	25	28	Решительный и быстрый успех немцев
2. На фронте русск. 29-й п.д.	12	8	11	7	Нерешительный результат для обеих сторон
3. На фронте русск. III А.К. (усил. 40-й п.д.)	42	22	25	28–30	Немецкая атака отбита с большим для них уроном
4. На участке к югу от леса Роминтен	22	9	26	16	Нерешительный результат для обеих сторон
Бой у Бишофсбурга 13/26 августа	14	8	40	40	Решительный и быстрый успех немцев
Сражение у Гогенштейн-Сольдау 13/26–15/28 августа:					
а) 13 (26 августа:) 1. В районе Гогенштейна	30	14	20–26	15–18	Нерешительный результат для обеих сторон

Продолжение табл.

Название боев	Русские		Немцы		Тактические результаты
	число батальонов	число батарей	число батальонов	число батарей	
2. Район между дер. Мюлен и с. Уздау	15,5	8	24	28	Решительный и быстрый успех немцев
3. Район Уздау—Сольдау	32	14	24	17	Нерешительный результат для обеих сторон
б) 14 (27) августа: 1. Район у Гогенштейна	30	14	24	14	Нерешительный результат для обеих сторон
2. Район между дер. Мюлен и с. Уздау	12	8	11	12	Нерешительный результат для обеих сторон
3. Район Уздау	24	11	29—35	40	Решительный и быстрый успех немцев
4. Район Гейнрихсгофена (к зап. от Сольдау)	16	6	6	5	Нерешительный результат для обеих сторон
в) 15 (28) августа 1. Район Гогенштейна	30—40	11—19	50	30	Решительный успех на стороне немцев
2. Район с. Ваплиц	16	10	11	12	Успех на стороне русских
3. Район Сольдау	20	6	20	39	Решительный и быстрый успех на стороне немцев

Примечание: состав русской артиллерии: 85 % батарей легких пушек и 15 % легких гаубиц. Состав германской артиллерии: 55 % батарей легких пушек, 20 % легких гаубиц, 25 % тяжелой артиллерии.

К сожалению, на верхах нашего военного руководства этого не понимали. Наша Ставка была составлена из офицеров Генерального штаба, по-прежнему веривших в устаревшую суворовскую формулу: «Пуля — дура, штык — молодец». Насколько упорно жил на верхах нашей армии этот пережиток древней старины, свидетельствует книга, неоднократно нами цитированная, а именно — книга генерала Данилова («Россия в мировой войне»). Последний, состоявший в должности генерал-квартирмейстера Ставки, являлся фактически вдохновителем всей нашей стратегии. Это придает его книге особый исторический интерес. Хотя книга генерала Данилова и составлена в 1924 г., когда, казалось бы, опыт мировой войны совершенно определенно выявил огневой и сильно «артиллерийский» характер современной тактики, тем не менее автор продолжает упорствовать в своих прежних ошибках, он продолжает утверждать, что двойное превосходство в силах во время первых операций в Восточной Пруссии было на стороне русских. Этот вывод является результатом сопоставления только одного числа батальонов на обеих сторонах[1], вместо того чтобы брать за единицу оперативного расчета пехотную дивизию с коэффициентом за счет силы ее артиллерийского огня. Такой подсчет приводит к совсем другим выводам, освещенным уже приговором Истории.

Только что приведенный пример чрезвычайно показателен. Из него можно убедиться в упорстве, с которым деятели Ставки не желали понять слабость Русской армии в артиллерии. Это упорство являлось, к сожалению, следствием одной свойственной русским военным верхам отрицательной черты: неверия в технику. Деятели типа Сухомлинова вели на этом отрицательном свойстве своего рода демагогическую игру, которая была люба всем, в ком были сильны рутина мысли, невежество и попросту лень.

Вот почему в нашем высшем Генеральном штабе осознание недохвата в артиллерии требовало очень много времени. Потребовалось удаление из Ставки начальника Штаба генерала Янушкевича и генерал-квартирмейстера генерала Данилова, удаление с должности военного министра генерала Сухомлинова для того, чтобы наконец родилось в наших военных верхах правильное по-

[1] С. 135.

нимание снабжения нашей армии артиллерийскими средствами. Но и после смены этих лиц прошел год, пока все требования в этом вопросе вылились наконец в планомерную форму. Только к началу 1917 г., ко времени сбора в Петрограде Междусоюзной конференции, потребности Русской армии в артиллерии были окончательно оформлены и приведены в систему. Таким образом, для этого выяснения потребовалось почти 2,5 года тяжелой событиями на фронте войны.

Наиболее компетентным свидетелем безыдейности и бессистемности в требованиях наших руководящих военных верхов в области артиллерийского вооружения является генерал Маниковский, стоявший во главе заготовительного органа по артиллерийскому снабжению. Во 2-й части своего труда «Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг.» он рисует подробную картину этого хаоса. Здесь мы ограничимся очерком, сделанным лишь в крупных штрихах.

1. Потребность в легких 3-дм пушках, полевых и горных

«Новые формирования из легких орудий в первое время войны, — пишет генерал Маниковский, — велись бессистемно, без определенного плана; пополнение убыли этих орудий (поврежденных и потерянных в боях) также долго не выливалось в определенную форму, поэтому говорить о каких-либо "нормах", т.е. о планомерности снабжения этими орудиями, в течение первого года войны не приходится»[1].

Первые более или менее систематизированные требования на полевые и горные орудия поступили из Ставки лишь в мае—июне 1915 г. В них указывалась ежемесячная потребность в 293 полевых и горных 3-дм пушках. Но уже со сменой Ставки эта норма была сразу повышена до 560 штук. Наконец, в программе, представленной на Междусоюзническую конференцию 1917 г., количество 3-дм пушек на период с 1 января 1917 г. по 1 января 1918 г. исчислено так:

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии. Ч. 2. С. 33.

а) ежемесячное пополнение убыли по 560 в месяц, всего 6720
б) для усиления существующей артиллерии в дивизиях (при доведении числа батарей в дивизии с шести до девяти) и для новых формирований 4120
в) кроме того, для исправления расстрелянных орудий требовалось заготовить труб 3780
Всего 14 620

Из этого исчисления вытекает, что ежемесячная норма подачи 3-дм орудий должна была достигнуть 1200. Согласно же мобилизационному плану, производительность артиллерийских заводов намечена была всего в 75 пушек в месяц. Таким образом, окончательно выяснявшаяся потребность в 3-дм пушках требовала от наших заводов производительность в *16 раз* большую, чем предполагалось.

2. Потребность в легких полевых гаубицах (4-дм—5-дм калибра)

«Требования на эти орудия, — пишет генерал Маниковский, — вполне планомерно определились лишь к концу 1916 г., т.е. ко времени созыва в Петрограде Междусоюзнической конференции. До этих же пор требования были бессистемны и случайны»[1].

Ежемесячная потребность в самом начале была определена всего в 35 штук. В середине 1915 г. эта норма была повышена до 100 штук. В начале 1916 г. норма была повышена до 105. К моменту Междусоюзнической конференции 1917 г. вопрос о снабжении нашей армии легкими гаубицами был наконец окончательно разработан и вылился в следующую форму для периода с 1 января 1917 г. по 1 января 1918 г.:

а) ежемесячное пополнение убыли по 130 гаубиц в месяц 1560
б) для новых формирований с целью придать каждой пех. дивизии по одному гаубичному дивизиону 740
Всего 2300

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии. Ч. 2. С. 51.

Это требование приводило к ежемесячной подаче в 1917 г. в 200 гаубиц. Согласно же мобилизационным предположениям, производительность наших заводов была рассчитана на 6 гаубиц в месяц. Таким образом, окончательно выяснившаяся потребность в легких полевых гаубицах требовала от наших заводов производительность, в 33 раза большую, нежели это предполагалось.

3. Потребность в полевой тяжелой артиллерии

«Требования на 4,2-дм скорострельные пушки и на 6-дм полевые гаубицы, — пишет генерал Маниковский[1], — определились планомерно лишь ко времени созыва Междусоюзнической конференции. До тех пор все та же неопределенность и переменчивость требований, что и с легкой и мортирной артиллерией».

В программе вооружения, составленной для Конференции, потребность на 12 месяцев 1917 года исчислялась:

	4,2-дм пушки	6-дм гаубицы
а) ежемесячное пополнение убыли (каждый месяц по 23 — 4,2-дм пушки и по 43 — 6-дм гаубицы), всего в год	276	516
б) для новых формирований (предполагалось снабдить каждый корпус одним полевым тяжелым дивизионом из 1 батареи 4,2-дм пушек и 2 батарей 6-дм гаубиц)	108	244
Итого	384	760
Всего	1144	

Это требовало ежемесячной производительности в 95 орудий. По мобилизационным же предположениям, эта производительность должна была равняться всего 2 орудиям в месяц. Ошибка в расчете доходила, таким образом, *до 47 раз.*

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии. Ч. 2. С. 54.

4. Потребность в тяжелой артиллерии крупного калибра

«До какой степени поздно стала понятна роль *настоящей тяжелой* артиллерии нашему командованию на фронте и руководящим сферам в тылу, — пишет генерал Маниковский[1], — свидетельствует следующий факт...

...Даже особая распорядительная Комиссия по артиллерийской части под председательством генерал-инспектора артиллерии, существовавшая до половины 1915 года, ни одним словом не обмолвилась о тяжелых орудиях осадного типа. И лишь когда не осталось никаких сомнений в том, что война приобретает чисто позиционный характер, с фортификационными сооружениями такой прочности, что без основательной артиллерийской подготовки нельзя двинуться ни шагу, — только тогда и нам стало ясно, как необходима в современной войне именно та "тяжелая" артиллерия, о применении которой в полевых операциях говорилось до войны лишь в тоне снисходительной уступки фанатикам артиллерийских увлечений, неисправимым "огнепоклонникам", как окрестил еще покойный Драгомиров сторонников того взгляда, что ввиду современного развития техники в предстоящих войнах преобладающая роль принадлежит именно могущественной артиллерии. И вот только год спустя после начала войны мы беремся за этот вопрос»[2].

22 октября (3 ноября) 1916 г. полевой генерал-инспектор артиллерии подает начальнику Штаба Верховного главнокомандующего доклад (№ 1774), в котором предполагается создание особого артиллерийского резерва, сосредоточенного в руках Верховного главнокомандующего. Этот артиллерийский резерв должен был состоять из всех орудий осадного типа и служить для придачи тому фронту, на котором будет производиться главный удар. Этот доклад был сейчас же одобрен начальником Штаба Верховного главнокомандующего генералом Алексеевым. Предположенный к сформированию артиллерийский резерв получил наименование ТАОН (Тяжелая артиллерия особого назначения).

---

[1] Там же. С. 62.

[2] Там же. С. 62, 63.

Ввиду того, что мы «не только не предвидели в мирное время, — пишет генерал Маниковский[1], — такой решающей роли артиллерии вообще, тяжелоосадной в особенности, а даже не вполне отдавали себе отчет в истинном значении ее в течение более года войны, и вполне ясная картина нашей потребности по части крупнокалиберной артиллерии и подробно выработанная организация тяжелой артиллерии осадного типа вырисовывается у нас лишь к приезду в Петроград Междусоюзнической конференции, когда нормы нашей потребности в ТАОН заявляются Ставкой на 12 месяцев 1917 года в таком виде:

6-дм пушки	812
8-дм гаубицы	211
9,2-дм пушки	168
11-дм гаубицы	156
12-дм гаубицы	67
Итого	1414

Ввиду того, что наши мобилизационные предположения совершенно не предвидели потребности армии в тяжелой артиллерии особого назначения, то все эти требования в орудиях крупного калибра, требования при этом крайне запоздалые, оказались для наших заводов совершенно неожиданными.

Для того чтобы дать полную картину потребностей нашей армии во время войны в артиллерийском вооружении, остается упомянуть еще о двух, тоже совершенно неожиданных для наших заводов потребностях, а именно:

потребности в зенитной артиллерии и

потребности в траншейной артиллерии.

Первая из этих потребностей выяснилась попутно с громадным развитием авиации. Потребность в зенитной артиллерии явилась столь же неожиданной и для всех прочих воюющих стран, так что в этом отношении наш мобилизационный план не был хуже других. Но когда во время войны этот новый вопрос уже выяснился, у нас обнаружилась такая же медленность мышления, как и в других областях артиллерийского вооружения. Окончательно в планомерной форме потребность в зенитной

[1] Маниковский. Боевое снабжение Русской армии. Ч. 2. С. 70.

артиллерии была заявлена только на Междусоюзнической конференции в начале 1917 г. Эта потребность определялась так: для каждого корпуса — по одной зенитной 4-орудийной батарее, для каждой армии — по три таких батареи и для каждого фронта — по четыре таких батареи. В итоге это приводило к необходимости получить в течение 12 месяцев 1917 г. 1052 зенитных орудия.

Потребности в траншейной артиллерии были двойного рода:

а) потребность в малокалиберных траншейных пушках и

б) потребность в бомбометах и минометах.

О специально траншейных пушках до войны совсем не было и речи... — пишет генерал Маниковский[1]. — Первое пожелание об изготовлении у нас траншейных пушек было высказано в июле 1915 года телеграммой Ставки...» В течение 1916 г. удается удовлетворить требование войск в малокалиберных пушках лишь в самых ничтожных размерах. Между тем потребность пехоты в этих орудиях выясняется все в большем и большем масштабе, так что к созыву Междусоюзнической конференции вырабатывается следующая норма: каждый пехотный полк должен иметь в своем составе одну 4-орудийную батарею малокалиберных 37-мм пушек. Вместе с 5-процентным запасом это требовало получения в течение 12 месяцев 1917 г. 4476 таких пушек.

«Бомбометы и минометы, — пишет генерал Маниковский[2], — также не предполагалось иметь до войны в составе вооружения армии. И хотя в курсах артиллерии и фортификации упоминалось об орудиях "ближнего боя" и осада Порт-Артура подтвердила их необходимость, тем не менее серьезного значения в полевом бою им не придавалось... А вот грянувшая война показала, что такие орудия совершенно необходимы и что если их нет, то надо поскорее заводить. Впервые такие орудия появились у немцев... Ближе наши войска познакомились с этими орудиями после того, как удалось взять несколько их в плен. Тогда началось ввиду несложной конструкции их кустарное изготовление подобных орудий самими войсками, в ближайших к фронту мастерских. Затем пошли заявления требований на такие орудия в Главное артиллерийское

[1] Там же. С. 78.

[2] Там же. С. 82, 83.

управление с присылкой как пленных экземпляров, так и образцов собственного изготовления. Заявления эти были, как и всегда вначале, случайны, бессистемны и долгое время не давали ясного представления о том, какие, собственно, требования к этому новому орудию предъявляют войска...

Таким образом, первая стадия этого вопроса протекла в условиях изрядной бестолковщины: определенных требований с фронтов и от Ставки ни качественно, ни количественно не получалось, а потому и начали готовить бомбометы по образцу "германского" и в числе лишь десятков и сотен экземпляров, никак не предполагая, что потребность в них окажется в тысячах. И вот с лишком год спустя после начала войны получается наконец в августе 1915 г. первое определенное требование Ставки — сразу на 10 000 бомбометов. При этом вначале не было никакого разделения на бомбометы и минометы; последний термин появился много позже, в конце 1915 года, а вполне определенное содержание в него было вложено в начале 1916 года, причем, как и по отношению к бомбометам, потребность на минометы была сразу заявлена на 4550 штук»[1].

Сравнительная легкость приготовления бомбометов и минометов и энергичные меры Главного артиллерийского управления привели к тому, что к концу 1916 г. потребность армии в этого рода траншейной артиллерии была в значительной мере удовлетворена. В программе вооружения, составленной Ставкой для Междусоюзнической конференции, потребность бомбометов и минометов на период 12 месяцев 1917 г. была выражена так:

а) бомбометов	7000 (потребность удовлетворена)
б) минометов	4500
в) минометов «тяжелых» для ТАОН	2400
Итого	13 900

Подведем итоги всем потребностям Русской армии в артиллерийском вооружении к началу 1917 г., т.е. к тому сроку, когда Ставкой была в конце концов осознана эта потребность и приведена в систематизированный вид.

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии. Ч. 2. С. 84.

Итоги потребностей Русской армии в артиллерийском вооружении к началу 1917 г.

	Для новых формирований	Для пополнения убыли: ремонт расстрел.	Для пополнения убыли: новых	Итого
Полевая легкая артиллерия:				
3-дм пушек	4120	3780	6720	14 620
Легк. гаубиц (4—5-дм)	740	84	1476	2300
Полевая тяжелая артиллерия:				
4,2-дм пушек	108	60	216	384
6-дм гаубиц	244	84	432	760
Тяжелая артиллерия:				
6-дм пушек	512	—	300	812
8-дм гаубиц	163	—	48	211
9-дм пушек	132	—	35	168
11-дм гаубиц	120	—	36	156
12-дм гаубиц	54	—	13	67
Зенитная артиллерия:				
3-дм пушек	620	—	432	1052
Траншейная артиллерия:				
37-мм пушек	2748	—	1728	4476
Бомбометов и минометов	—	—	—	13 900

Из изложенного выше мы видели, что вопрос шел не только об увеличении числа боевых единиц армии, но главным образом о довооружении нашей армии, вышедшей на войну с недостаточным артиллерийским вооружением. В нижеприводимой таблице приведено сравнение существовавшего артиллерийского вооружения Русской армии с тем вооружением, которое Ставка в конце 1916 г. признала необходимым.

Сравнение норм артиллерийского вооружения: норма в Русской армии и норма, определенная Ставкой в 1916 г.

	Число батарей	
	существовавшее	предположенное
Вооружение пехотной дивизии:		
Полковая пехотная артиллерия (67 мм)	0	4 (по одной батарее на кажд. пех. полк)
Легкая полевая артиллерия:		
3-дм пушки	6	9
легкие гаубицы (4—5-дм)	0	3
Корпусная артиллерия:		
Легкая полевая артиллерия:		
легкие гаубицы (4—5-дм)	3	0
Тяжелая полевая артиллерия:		
4,2-дм дальнобойные пушки	0	1
6-дм гаубицы	0	2
Зенитная артиллерия	0	3
Общеармейская (резервная) артиллерия:		
Полевая тяжелая артиллерия:		
4,2-дм дальнобойные пушки	19	0
6-дм гаубицы	41	0
Тяжелая артиллерия:		
6-дм дальнобойные пушки	0	129
8-дм гаубицы	0	42
9,2-дм дальнобойные пушки	0	33
11-дм гаубицы	0	60
12-дм гаубицы	0	27
Зенитная артиллерия	0	По 3 батареи на кажд. армию и по 4 на кажд. фронт

Из этой таблицы мы видим, что вопрос, поднятый Ставкой в конце 1916 г., был, по существу, вопросом перевооружения Русской армии. При этом интересно заметить, что признанная Ставкой в 1916 г. необходимой норма вооружения отвечала той, с которой германская армия вступила в войну в 1914 г. Поэтому говорить о преувеличенных требованиях Ставки не приходится. Наоборот, следует иметь в виду, что для германской армии опыт первых двух с половиной лет войны не прошел даром и ее «норма» артиллерийского вооружения еще повысилась. Таким образом, можно утверждать, что Ставка в своей программе вооружения Русской армии, составленной в конце 1916 г., отставала от новых требований жизни.

Но и эти, по существу говоря, скромные претензии нашей Ставки оказывались неосуществимыми. Мы указывали в первом томе нашей книги[1], в каком печальном виде находилось до войны наше орудийное производство.

Пришлось обратиться к заказам за границей.

Здесь позднее осознание руководителями Военного ведомства слабости артиллерийского вооружения привело к тому, что мы застали заграничный рынок уже забитым заказами других воюющих стран. В приводимой ниже таблице указывается число орудий, полученных в течение войны Русской армией.

Данные этой таблицы позволяют охарактеризовать степень участия заводов отечественных и заграничных в снабжении нашей армии артиллерийскими орудиями. Довольно распространено мнение, что наша отечественная промышленность совершенно сплоховала и что заграничное снабжение, т.е. помощь наших союзников, была в этом отношении чрезвычайно велика. Факты разрушают эту легенду.

Генерал Маниковский, анализируя этот вопрос на с. 165—172 своего труда, математически доказывает, что доля союзников в полученном Русской армией артиллерийском вооружении ни в коем случае не более 25 %; если же учесть работу русских заводов по ремонту орудий, то доля помощи наших союзников еще уменьшится. Таким образом, более трех четвертей артиллерийского вооружения Русской армии было изготовлено своей

[1] Парижское издание 1939 г. было разбито на два тома; 2-й том начинался с гл. 7. (*Прим. ред.*)

промышленностью. Это потребовало от нее напряжения отнюдь не меньшего, чем то, которое испытали промышленности других воюющих государств.

Приведенная на следующей странице таблица снабжения Русской армии артиллерийскими орудиями позволяет нам ответить еще на другой важный вопрос.

Довольно широко распространено мнение, что будто бы в 1917 году Русская армия как раз была вполне снабжена материальной частью. Эту точку зрения проводит такое, казалось бы, авторитетное лицо, как генерал Ляхович, заменивший генерала Маниковского[1] в должности начальника Главного артиллерийского управления. «Когда в Предпарламенте в начале октября 1917 года,— пишет генерал Ляхович[2], — последний военный министр Временного правительства генерал Верховский, проводя идею необходимости прекращения войны, в числе других доводов привел необеспеченность боевым снабжением армии, то некоторые члены Предпарламента, знакомые с вопросами снабжения по своему участию в Особом совещании (еще в хороший его период), категорически запротестовали против этого довода генерала Верховского... Покойный ныне генерал Карачан, исключительно сведущий артиллерист, вызванный по моему ходатайству с Южного фронта, где он был инспектором артиллерии, на должность начальника всех артиллерийских училищ, рассказывал, что когда он руководил размещением батарей на участках, то ему неоднократно приходилось слышать от участковых начальников, что такого числа орудий разместить нельзя».

Последние строки могут вызвать только улыбку, ибо в это самое время на французском театре войны степень насыщенности фронтов франко-британского и германского во много раз превосходила нашу. Поэтому говорить о перенасыщении русского фронта артиллерией по меньшей мере смешно. Вся же приведенная нами выдержка заставляет удивляться, насколько знание фактов ускользало из поля зрения многих деятелей нашего тыла.

---

[1] Генерал Маниковский был назначен помощником военного министра и поставлен во главе военного снабжения.

[2] «Справка по артиллерийской части» (с. 54 и 55) в литографированном «Сборнике записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну»; издано Финансовым агентством США, изд. 1925 г.

Снабжение Русской армии артиллерийскими орудиями[1]

	1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.		Частные итоги		Общие итоги
	Русск. заводы	Загр. заводы	Русск. заводы	Загр. заводы	Русск. заводы	Загр. заводы	Русск. заводы	Загр. заводы	Русск. заводы	Загр. заводы	
Полевая легкая артиллерия:											
3-дм пушки	285	—	1654	366	7238	220	3538	—	12 715	586	13 301
легкие гаубицы (4—5-дм)	70	—	361	—	818	400	445	—	1694	400	2094
Полевая тяжелая артиллерия:											
4-дм дальнобойные пушки	—	—	—	12	69	206	155	181	224	399	823
6-дм гаубицы	—	—	28	—	83	8	120	104	231	112	343
Тяжелая артиллерия:											
5-дм и 6-дм дальноб. пушки	—	—	22	—	48	188	32	84	102	272	374
8-дм гаубицы	—	—	—	5	—	29	—	51	—	85	85
9-дм гаубицы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
9—10-дм дальноб. пушки	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	10
11-дм гаубицы	—	—	—	12	—	8	—	6	—	26	26
12-дм гаубицы	—	—	—	2	33	7	12	—	45	9	54
Зенитная артиллерия по годам неизвестно	—	—	20	36	56						
Траншейная артиллерия:											
37—40 мм пушки	—	—	—	—	—	30	—	200	100	230	330
Бомбометы и минометы	—	—	3002	456	12 443	753	1854	143	17 299	1352	18 651

[1] Составлено по Маниковскому, ч. II, табл. № 1, 3, 6, 7, 12, 28.

Ниже мы приводим таблицу, составленную на основании данных, собранных автором в Ставке в октябре 1917 г., когда он готовился к поездке на Междусоюзническую конференцию 1917 года (назначенную на ноябрь 1917 г. в Версале). Этими данными автор как главный военный представитель России собирался обрисовать на Междусоюзнической конференции нашу бедность в тяжелой артиллерии.

Сравнение количества тяжелой артиллерии на различных фронтах — у нас и у наших противников к 1 октября 1917 г.

Наименование армий	Протяжение фронта в верстах	На одну версту фронта приходилось гаубиц		тяжелых орудий	
		у нас	у врага	у нас	у врага
Северный фронт:	**265**	**0,7**	**1,4**	**1,1**	**2,4**
12-я русская армия	70	1,4	1,6	1,9	5,1
5-я русская армия	195	0,5	1,3	0,8	1,4
Западный фронт:	**415**	**0,4**	**0,6**	**0,5**	**1,5**
3-я русская армия	110	0,4	0,8	0,4	1,8
10-я русская армия	105	0,6	0,5	0,9	1,4
2-я русская армия	200	0,2	0,5	0,4	1,2
Юго-Западный фронт:	**480**	**0,5**	**1,2**	**0,4**	**0,7**
Особая русская армия	250	0,3	0,8	0,2	0,6
11-я русская армия	120	0,7	1,9	0,7	0,8
7-я русская армия	110	0,8	1,4	0,7	0,7
Румынский фронт:	**600**	**0,9**	**0,8**	**0,5**	**1,1**
8-я русская армия	65	1,2	1,7	0,8	1,8
9-я русская армия	65	1,2	1,7	0,8	1,8
2-я румынская армия	55	2,6	0,9	0,7	1,6
4-я русская армия	158	0,5	0,8	0,1	0,7
1-я румынская армия	52	1,5	1,3	1,4	2,5
6-я русская армия	205	0,4	0,2	0,4	0,5
Кавказский фронт	**1000**	**0,07**	**0,04**	**0,1**	**0,1**

Из этой таблицы мы видим, что в октябре 1917 г. Русская армия в отношении снабжения ее полевой тяжелой и тяжелой

артиллерией была достаточно оборудована только на Кавказском фронте, т.е. для борьбы с турками.

По сравнению же с немцами и австро-венграми мы были в два раза слабее. При этом особенно резко заметно превосходство противника на Северном и Западном фронтах, где нам противостояли исключительно германские войска. Не лишено интереса обратить внимание, насколько румынская армия была богаче снабжена гаубичной артиллерией, нежели Русская.

Но для того чтобы дать более полное представление, насколько в 1917 г. Русская армия была недооборудована в артиллерийском отношении, мы сопоставили требования Ставки на 1917 г. с числом доставленных в армию в 1917 г. орудий.

Сопоставление числа орудий, требовавшегося Ставкой на 1917 г., с числом орудий, поступивших в 1917 г. в армию

	Число орудий		
	Требование Ставки	Поступило в действительности	Недостаток
Полевая легкая артиллерия:			
3-дм пушки	14 620	3538	11 082
легкие гаубицы (4—5-дм)	2300	445	1855
Полевая тяжелая артиллерия:			
4,2-дм пушки	384	336	48
6-дм гаубицы	516	224	292
Тяжелая артиллерия:			
6-дм пушки	812	116	696
8-дм гаубицы	211	51	160
9-дм пушки	168	0	168
11-дм гаубицы	156	6	150
12-дм гаубицы	67	12	55
Зенитная артиллерия	1052	менее 50	более 1000
Траншейная артиллерия:			
37-мм пушки	4476	менее 300	более 4176
Бомбометы и минометы	13 900	1997	11 903

Один только взгляд на третий столбец вышеприведенной таблицы показывает, насколько неосновательно утверждение генерала Ляховича.

Разбирая выше требования Ставки на 1917 год, мы указали, что Ставка после большого запоздания наконец осознала слабость артиллерийского вооружения Русской армии и наметила довести это вооружение до того уровня, на котором германская армия находилась уже в самом начале войны. Мы указали также, что говорить о преувеличении в этих требованиях Ставки не приходится.

Из только что приведенной таблицы мы видим, что Русская армия получила в 1917 г. лишь некоторую часть того артиллерийского вооружения, которое нужно было для того, чтобы достигнуть хотя бы уровня требований 1914 г. Но так как в 1917 г. уровень требований жизни значительно повысился, то по сравнению со своими врагами и своими союзниками Русская армия оказывалась к осени 1917 г. хуже вооруженной, нежели в 1914 г.

АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОГНЕПРИПАСЫ

Едва начались боевые действия, как с обоих фронтов и из Ставки Верховного главнокомандующего буквально градом посыпались в Военное министерство требования, одно другого настойчивее и тревожнее, на пушечные патроны. Чтобы дать некоторое представление о быстроте, с которой разразился кризис в снабжении нашей артиллерии огнестрельными припасами, мы приведем только некоторые из телеграмм, которые сотнями посыпались в Петроград в первые же два месяца войны.

Первый бой на Северо-Западном фронте разыгрался 7/20 августа 1914 г. (21-й день мобилизации) у Гумбинена. Здесь 6,5 пех. дивизии генерала Ренненкампфа[1] столкнулись с 8,5 немецкой пех. дивизией генерала Притвица. Уже через три дня (10/23 августа) начальник снабжения Северо-Западного фронта шлет военному министру следующую телеграмму (№ 409):

«Крайне упорные бои 1-й армии потребовали огромного расхода трехдюймовых патронов. Генерал Ренненкампф требует подачи ста восьми тысяч шрапнелей и семнадцати тысяч ста гранат,

[1] Армия № 1 Северо-Западного фронта.

равно пятидесяти шести миллионов винтовочных патронов. Могу дать ему и даю последний запас: две тысячи гранат, девять тысяч шрапнелей и семь миллионов винтовочных патронов. Главнокомандующий приказал просить Вашего содействия скорейшей высылке на пополнение израсходованных».

28 августа/11 сентября 1914 г. (42-й день мобилизации) начальник снабжения Юго-Западного фронта шлет военному министру телеграмму № 272, в которой указывается на крайнюю нужду в артиллерийских патронах армий, завязавших в Галиции сражение с австро-венгерскими армиями:

«В дополнение к № 262 и 270. Бой напряженный идет по всему фронту — расход патронов чрезвычайный, резерв совершенно истощается. Безотлагательное пополнение необходимо, положение критическое. Прошу экстренной высылки пушечных шрапнелей, хотя бы и не целыми парками, а отдельными вагонами, направляя их в Брест—Здолбуново. Необходимо отправление их экстренными поездами».

В тот же день (28 августа/11 сентября) начальник Штаба Верховного главнокомандующего телеграфирует военному министру (телеграмма № 577):

«Расход патронов, особенно пушечных, чрезвычайно громадный, необходима экстренная подача Юго-Западному фронту местных легких, винтовочных, мортирных, горных парков, не стесняясь их номерами. Во избежание роковых последствий прошу решительного содействия. На места мною командированы генералы Ронжин[1] и Кондзеровский[2]».

На следующий день, 29 августа/12 сентября 1914 г. (43-й день мобилизации) Главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Иванов посылает непосредственно военному министру крайне тревожную телеграмму (№ 1014):

«Отпуская последние легкие и полевые патроны местных парков, убедительно прошу выслать экстренно хотя бы сто пятьдесят тысяч легких пушечных и двадцать пять тысяч полевых гаубичных патронов, в противном случае придется остановить операции по недостатку боевых припасов артиллерии. На днях представлю соображения ближайшей местной потребности».

---

[1] Начальник военных сообщений Штаба Верховного главнокомандования

[2] Дежурный генерал Штаба Верховного главнокомандующего.

В тот же день (29 августа/12 сентября) начальник Штаба Верховного главнокомандующего подтверждает военному министру телеграммой № 652 критическое положение армий Юго-Западного фронта:

«Положение снабжения пушечными патронами положительно критическое. Вся тяжесть современных боев — на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией, однако последняя достигает этого чрезмерным расходом патронов. Непрерывные шестнадцатидневные и более бои нарушают теоретические расчеты. Питание Юго-Западного фронта уже идет за счет Северного и Одесского округов. Безотлагательная помощь необходима. Без патронов нет успеха. Для выяснения положения этого вопроса и громадных требований войск были командированы лично на фронт генералы Кондзеровский и Ронжин. Оба, имея все цифровые материалы, личными переговорами с начальством тыла убедились в справедливости тревожных симптомов, грозящих катастрофой, быть может, в последнюю минуту поражения противника. Наискорейшая помощь в этом деле безусловно и неотложно необходима. Убежден лично, что в этом залог окончательного успеха над австрийцами».

8/21 сентября 1914 г. (53-й день мобилизации) Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич счел нужным обратиться непосредственно к Государю (телеграмма № 4141):

«Уже около двух недель ощущается недостаток артиллерийских патронов, что мною заявлено было с просьбой ускорить доставку. Сейчас генерал-адъютант Иванов доносит, что должен приостановить операции на Перемышле и на всем фронте, пока патроны не будут доведены в местных парках хотя бы до ста на орудие. Теперь имеется только по двадцать пять. Это вынуждает меня просить Ваше Величество повелеть ускорить доставку патронов».

Так началась война.

В первое время удовлетворение требований армии о подаче огнестрельных припасов при наличии запасов, заготовленных в мирное время, могло встречать затруднение лишь в отношении срочности выполнения этих требований. Благодаря энергии наше-

го артиллерийского ведомства готовность наших местных парков была значительно ускорена, и в течение первых четырех месяцев войны, т.е. к концу ноября 1914 г., все 112 легких парков, наличие коих предусматривалось мобилизационной подготовкой, были поданы на театр военных действий.

К этому времени накопился уже и некоторый опыт для определения действительной месячной нормы пушечных патронов при более или менее удовлетворительном питании нашей артиллерии. А именно — считалось необходимым иметь до 300 выстрелов в месяц на каждую легкую пушку, что за округлением должно было составить по одному местному парку на корпус нормального состава, или ежемесячно 50 парков на всю Действующую армию, из расчета наличного числа пехотных дивизий на театре военных действий[1].

Выполнение этого задания было непосильно для нашего Артиллерийского ведомства. Мы говорили уже в нашей книге, насколько маломощна была наша военная промышленность и насколько отсутствовала подготовка ее развертывания в военное время. Развитие этой промышленности требовало продолжительного времени, в течение которого наши запасы пушечных патронов обречены были на катастрофическое падение. Достаточно сказать, что в течение декабря 1914 г. и первых месяцев 1915 г. мы могли ожидать к поступлению на пополнение расхода в пушечных патронах к легким пушкам ежемесячно не свыше 12 парков, что составляло менее 25 % потребности в них. В еще худшем положении находился вопрос о пополнении огнестрельными припасами тяжелой артиллерии. И если этот вопрос не приобрел столь же острой формы, как вопрос об обеспечении боевыми припасами легкой артиллерии, то лишь потому, что количество полевых тяжелых батарей в нашей армии было совершенно ничтожное и пользование ими составляло для наших войск как бы исключение. Тяжелой же артиллерии и совсем не было. Таким образом, со стороны нашего Военного министерства требовалось проявление сверхэнергии.

Как раз этого и не было. Руководители нашего Военного министерства во главе с Сухомлиновым не желали считаться с требованиями жизни. Первым делом они стали искать виновных,

[1] *Данилов.* Россия в мировой войне. С. 256—257.

и таковыми оказались опять войска. В этом отношении крайне характерны различные доклады лиц, причастных к работе в Военном министерстве и посылаемых в войска для расследования патронного голода. Вывод, который можно было сделать из этих докладов, тот, что войска слишком много стреляют. Теперь, когда мы знаем данные опыта наших врагов и союзников, это заключение поражает своим полным непониманием современного боя.

В № 1, 2 и 3 «Красного архива» опубликована переписка генерала Сухомлинова с начальником Штаба Верховного главнокомандующего генералом Янушкевичем. Чтение этих писем показывает, насколько переживаемый в армии кризис мало отражался на самочувствии военного министра. Интриги в высшем бюрократическом мире, личные счеты с неугодными лицами, благотворительная деятельность его супруги занимают несравненно большее место, чем ответы на просьбы о помощи армии, изложенные в письмах начальника Штаба Верховного главнокомандующего.

Да и эти ответы всегда неосновательны и по большей части противоречат действительности. В этих ответах генерал Сухомлинов тоже пробует оспаривать нужды армии, ссылаясь на своих непосредственных корреспондентов, явно желающих подслужиться к всесильному военному министру сообщениями угодных ему сведений. Так, например, в одном из своих писем он пишет генералу Янушкевичу, что начальник Штаба III армии генерал Добророльский, который пользовался большим благоволением военного министра, написал ему, что армия вполне достаточно снабжена огнестрельными припасами. Это вызывает со стороны генерала Янушкевича в письме от 20 февраля[1] реплику: «...Сейчас — самая тревога — патроны. Их нет. Добророльский дал Вам легкомысленную справку и теперь кается в опрометчивости. По 2—3 раза в день фронт просит патронов, а их нет. Жутко на душе».

В результате генерал Сухомлинов очень долго пребывает в самодовольном упоении замечательно выполненной им подготовкой к войне, и в то время, когда из армии несутся буквально вопли отчаяния, он продолжает везде уверять, что снарядов у нас достаточно.

---

[1] Красный архив. № 2. С. 33.

Вполне беспристрастный иностранный свидетель, уже неоднократно нами цитированный, генерал Нокс записывает в начале 1915 г. свои наблюдения[1]:

«Секретничанье русских официальных кругов и в то же время упорное желание представить создавшееся положение вещей вполне благополучным до крайности затрудняют представителям союзников своевременно и верно сообщать своим правительствам о потребностях России. Вот пример: 25 сентября генерал Жоффр запросил телеграммой британское и российское правительства — позволяют ли существующие огнестрельные запасы продолжать долго войну с тем же напряжением, как до сих пор, а если нет, то как предполагается организовать снабжение. Французский посол изложил этот вопрос российскому правительству в официальном письме. 28 сентября русский военный министр ответил, что боевое снабжение не внушает опасений и министерство приняло все меры для получения всего, что нужно. В то же время французский военный агент из неофициальных источников узнал, что ежемесячное производство артиллерийских снарядов равняется всего 35 000. К глубокому сожалению, он не имел возможности доказать, что к тому времени потребности фронта достигали размеров 45 000 снарядов в день...

Если генерал Сухомлинов побеспокоился бы правильно оценить истинное положение вещей в конце сентября, то он бы узнал, что боевых припасов хватает всего на два месяца войны, и он сразу предпринял бы действительные меры для помещения нужных заказов за границей...

Спустя год я узнал из достоверного источника, что в середине октября генерал Кузьмин-Караваев, старый и уважаемый человек, подавленный ответственностью, которую он нес как начальник Главного артиллерийского управления, на докладе у генерала Сухомлинова заплакал, заявив, что Россия вынуждена будет окончить войну из-за недостатка в снарядах. Военный министр ответил ему: "Убирайтесь вон! Успокойтесь!" И заказы за границей не были сделаны».

С весны 1915 г. для Русской армии наступила, в полном смысле слова, трагедия. Как раз эта кампания ознаменовалась перенесением со стороны Германии ее главного удара с французского театра на русский.

---

[1] With the Russian Army 1914—1917. P. 219—220.

То, что пережила Русская армия в летние месяцы 1915 г., не поддается описанию.

На массовый, «барабанный» огонь мощной артиллерии противника она могла отвечать лишь редкими выстрелами своей и без того во много раз менее численной артиллерии. Были периоды, в которые в некоторых армиях разрешалось выпускать в день не более десятка снарядов на орудие.

Вот воспоминания начальника одной из самых доблестных наших дивизий[1]:

«Весна 1915 года останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия Русской армии — отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть.

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... два полка почти уничтожены одним огнем...

Господа французы и англичане! Вы, достигшие невероятных высот техники, вам небезынтересно будет услышать такой нелепый факт из русской действительности.

Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли *пятьдесят снарядов*, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...»

21 марта/3 апреля начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Янушкевич, сообщая в письме[2] генералу Сухомлинову о нашем дальнейшем отступлении, пишет:

«Свершился факт очищения Перемышля. Брусилов[3] ссылается на недостаток патронов — эту bête noire Вашу и мою... Из всех армий вопль — дайте патронов...»

---

[1] *Генерал А. И. Деникин*. Очерки русской Смуты. Т. I. Вып. 2. С. 29—30.

[2] Красный архив. № 3.

[3] Командующий 8-й армией.

Несомненно, что катастрофический характер, который приняла для России кампания 1915 года, в значительной мере обусловливался снарядным голодом.

Зимою 1915—1916 гг. снарядный кризис начал проходить. И к летней кампании 1916 г. наша легкая артиллерия оказалась уже в удовлетворительной мере обеспечена огнестрельными припасами. Труднее было со снарядами для легких гаубиц и для тяжелой артиллерии, но вопрос этот не обострялся, так как количество этого рода орудий было все время значительно меньше нужной для армии нормы.

Теперь попытаемся установить в числовых величинах рост потребности нашей армии в артиллерийских припасах в различные периоды войны.

Выше мы видели, что в ноябре месяце Ставка исчисляла эту потребность в 50 парков, т.е. приблизительно 1 500 000[1] выстрелов в месяц.

Генерал Поливанов в первые же дни своего вступления в должность военного министра, т.е. в июне 1915 г., определил эту потребность уже в 100 парков в месяц[2], т.е. в 3 000 000 выстрелов.

Осенью 1916 г. Ставка исчисляет месячную потребность для легких пушек в 4 400 000, а для легких гаубиц и тяжелых орудий — в 800 000, т.е. в итоге 5 200 000 выстрелов в месяц. Генерал Маниковский, рассматривая в своем труде[3] эти требования Ставки, считает их преувеличенными. Для доказательства своего утверждения он приводит расход снарядов в летнюю кампанию 1916 г. Действительно, этот расход не превосходит 2 000 000 в месяц. Весьма вероятно, что некоторое преувеличение в расчетах Ставки для легкой артиллерии и есть. Оно являлось естественным психологическим последствием пережитой в 1915 г. катастрофы. Но, с другой стороны, генерал Маниковский упускает из виду то обстоятельство, что в 1916 г., хотя Русская армия и вышла из катастрофы в снабжении снарядами, она все-таки не была удовлетворена в требуемой степени. Из личного опыта участия в четырехмесячном сражении в Галиции в качестве начальника Штаба VII армии могу засвидетельствовать, что мы никогда не получали просимого нами количества снарядов. Каждое наше требование,

[1] Данилов. Россия в мировой войне. С. 257.

[2] Мемуары А. А. Поливанова. С. 145.

[3] Маниковский. Боевое снабжение Русской армии. Ч. III.

хотя и основанное на тщательном расчете, сильно сокращалось. Таким образом, расход в летнюю кампанию 1916 г. является не нормальным расходом, а урезанным.

В конце декабря 1916 г. Ставка составила расчет потребности в артиллерийских снарядах на период 12 месяцев 1917 г. для представления на Междусоюзническую конференцию. В этом расчете потребность в легких снарядах была уменьшена, но потребность в выстрелах для гаубичной и тяжелой артиллерии увеличена; первая исчислялась равной 3 500 000, вторая — в 915 000; итого — 4 415 000 выстрелов в месяц.

В таблице на следующей странице указывается рост снабжения артиллерии припасами в различные периоды войны.

Интересно сравнить, пишет генерал Маниковский[1], число выстрелов, считавшееся достаточным для ведения войны (мобилизационные запасы), с тем количеством, которое фактически пришлось подать на фронт и которое, как известно, все же не удовлетворило заявленной оттуда потребности:

3-дм	6,4 млн и 60,1 млн
средн. калибра	0,6 млн и 11,7 млн

Вместе с тем из приведенной ниже таблицы мы видим, что львиная доля рассматриваемого нами снабжения была выработана отечественными заводами. $^{4}/_{5}$ патронов для 3-дм пушек, $^{3}/_{4}$ выстрелов для средних калибров дала русская промышленность. Как видно отсюда, заграничная помощь была во много раз меньше, чем принято думать. Только для крупных калибров $^{3}/_{4}$ снарядов приходило от союзников. Но это объясняется исключительно тем, что и большинство орудий крупного калибра приходилось выписывать из-за границы.

Для того чтобы отдать себе отчет, какое героическое усилие должна была приложить наша отечественная промышленность, дабы достигнуть указанных в таблице результатов, достаточно сравнить их с той производительностью, к которой были подготовлены наши заводы в мирное время. В результате непродуманной нашей мобилизации к началу войны к поставкам 3-дм снарядов были готовы только два завода (Златоустовский и Ижевский)

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии. Ч. III.. С. 235.

*Снабжение Русской армии артиллерийскими выстрелами**

	Состояло к началу войны	ПОСТУПИЛО 1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего	Общий итог
Для 3-дм калибра	6 433 000	516 000	10 062 000	19 420 000	11 739 000	48 170 000	
	0	0	1 188 000	8 104 000	2 668 000	11 960 000	60 130 000
Для средних калибров	572	140 000	1 176 000	3 797 000	3 329 000	8 442 000	
(от 4-дм до 6-дм)	0	0	129 000	1 692 000	868 000	2 689 000	11 703 000
Для крупных калибров	0	0	0	10 403	14 773	25 176	
свыше 6-дм	0	0	0	45 450	38 120	83 570	108 746
Всего	7 005 000	656 000	11 238 000	23 227 000	15 083 000	57 209 000	
	0	0	1 317 000	9 842 000	3 574 000	15 533 000	
Общие итоги	7 005 000	656 000	12 555 000	33 069 000	18 657 000	72 742 000	72 742 000

Примечания: 1) Количество выстрелов, полученных из России, показано в первом ряду, а прибывших из-за границы — во втором ряду цифр каждого отдела.

2) Заграничные поступления выстрелов показаны по числу прибывших на территорию России; о количестве же фактически поступивших на фронт точных сведений не имеется.

* Заимствовано из кн.: Маниковский. Боевое снабжение Русской армии. Ч. III. С. 234.

с месячной производительностью в 25 000 снарядов каждый, а всего 50 000 снарядов в месяц[1]. На самом же деле в последние месяцы наша промышленность довела эту производительность до 2 000 000 снарядов, т.е. в 40 раз больше того, чем это предполагалось. Не меньшее превышение действительно сделанной работы над предположенной мобилизационными расчетами мы видим и для средних и крупных калибров.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СНАБЖЕНИЕ

Выше мы дали довольно подробную картину потребностей Русской армии в главных видах боевого снабжения, а также степени их удовлетворения.

Дать такой же полный очерк снабжения всеми видами военно-технического снабжения не представляется возможным. Во-первых, не имеется достаточных исторических материалов. Во-вторых, это слишком бы увеличило размеры настоящего труда. Мы ограничиваемся поэтому начертанием более общей картины.

Все нормы военно-технического снабжения были превзойдены требованиями жизни во много раз. В 1915 г., в особенности в летнюю кампанию этого года, Русская армия переживала кризис во всех областях военно-технического снабжения. В этом отношении можно наблюдать полный параллелизм со степенью удовлетворения потребностей армии в огневом вооружении и в огнестрельных припасах.

В 1916 г. военно-техническое снабжение армии значительно улучшается и достигает своего максимума. В 1917 г., с началом революции, производительность наших заводов падает; привоз из-за границы в нашу армию тоже уменьшается, ибо мы вынуждены были с выступлением Румынии в конце 1916 г. занять часть нашего графика из Архангельска прибывающими для румынской армии грузами.

Мы ограничимся рассмотрением в интересующем нас отношении лишь самого благополучного, 1916 года.

Начнем с проволоки для заграждений, потребность в которой с переходом армии к позиционной войне оказалась очень большой. В первые месяцы 1916 г., пока наша армия заканчивала оборудо-

[1] *Маниковский*. Боевое снабжение Русской армии. Ч. III. С. 26.

вание своих укрепленных позиций, занятых с осени 1915 г., требовалось в месяц по 2 200 000 пудов. $^4/_5$ запасов колючей проволоки было выписано из-за границы, и этим грузом была занята часть и без того ограниченного для нас заграничного тоннажа. В середине 1916 г. выяснилось, что потребность в колючей проволоке сократилась, а именно — измерялась лишь 1 640 000 пудами в месяц. Все армейские и фронтовые склады были переполнены, и Ставка просила остановить дальнейшую высылку в Действующую армию колючей проволоки.

Вследствие этого к концу 1916 г. во Владивостоке, в Архангельске, а также в складах внутри России образовались запасы колючей проволоки и скоб в количестве 6 250 000 пудов.

К 1 января 1916 г. в Действующей армии состояло налицо: 3 204 000 лопат, 413 000 топоров, 477 000 киркомотыг[1].

Потребность же в этих предметах на период с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г. исчислялась так: лопат 13 419 000, топоров 5 151 000, киркомотыг 3 940 000. Поступило же в Действующую армию за весь 1916 г.[2]: лопат 5 700 000, топоров 2 200 000, киркомотыг 1 700 000. Отсюда мы видим, что поступление не покрыло даже 50 % потребностей на 1916 год.

В 1916 г. наконец был услышан голос войск, отказавшихся от присылавшихся им ножниц ружейного типа для резки проволоки. Эти ножницы были бессильны против употребляемой для проволочных заграждений проволоки. Войска требовали ручных ножниц, годных для резки проволоки в 10 мм. Заготовка этих ножниц встретила затруднения ввиду недостатка металла. Тем не менее часть потребности армии была удовлетворена, а именно — было выслано 1 733 000 ручных ножниц.

Удовлетворение потребности войск в касках находилось в худшем положении. Мы не имеем цифровых данных, но по личному опыту в качестве начальника Штаба VII армии думаем, что все наши армии получили не более 10—15 % нужного им количе-

---

[1] Все данные о наличии предметов военно-технического снабжения на 1 января 1916 г., а также исчисление потребности на период с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г. взяты из материалов Особого совещания по обороне.

[2] Данные о доставленных в 1916 г. в армию всех предметах военно-технического снабжения взяты из Секретного отчета о деятельности Военного министерства за 1916 год.

ства касок. А между тем наличие касок, как показал опыт на всех театрах военных действий, имело громадное значение: процент смертельного исхода от ранений в голову значительно понижался. Вместо того чтобы напрячь все силы для благополучного решения этого вопроса, наше Военное министерство обращало большое внимание на снабжение армии броневыми щитами. Но в течение всего 1916 г. все его заботы в этом направлении носили по преимуществу опытный характер, и в армию было отправлено лишь 330 000 щитов различных типов.

К 1 января 1916 г. в Действующей армии налицо состояло: 4000 телефонных аппаратов, запас телефонных и телеграфных проводов на 27 000 верст, станций искрового телеграфа — 240. Потребность на ближайшие 18 месяцев (с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г.) исчислялась: 298 000 телефонных и телеграфных аппаратов, 680 000 верст проводов, 2000 искровых станций. За 12 месяцев 1916 г. было доставлено в Действующую армию 105 000 телефонов, 3000 телеграфных аппаратов, 236 000 верст проводов и 802 радиостанции. Из этого мы видим, что потребность на 1916 г. не была покрыта. А между тем в самом 1916 г. выяснилось, что потребность в средствах связи настолько возросла, что на 1917 г. намечено было увеличение табельных норм телефонно-телеграфного имущества с доведением их до 40—50 телефонов и 90—100 верст проводов на каждый пехотный полк. Это требовало дополнительной поставки в войска: 340 000 телефонов, 3000 телеграфных аппаратов и 450 000 верст проволоки. Эта потребность, конечно, совершенно не была покрыта.

К 1 января 1916 г. в Действующей армии налицо было 280 прожекторов. Потребность на 18 ближайших месяцев была исчислена в 900 прожекторных станций. За 12 месяцев 1916 г. прибыло в армию прожекторов: 170 полевых конных станций, 32 автомобильные станции и 156 позиционных. Потребность опять не была покрыта.

АВТОМОБИЛИ

К 1 января 1916 г. в армии налицо было 5300[1] автомобилей разного назначения, 1350 мотоциклов и 3500 самокатов. Потреб-

[1] Не лишено интереса отметить здесь, что Русская армия вступила в войну в 1914 году, имея всего: 679 казенных автомобилей (из них: 259 легких, 418 грузовиков и 2 санитарных); к этому прибавили 475 автомобилей, реквизированных у частных лиц.

ность на ближайшие 18 месяцев была исчислена: 19 300 автомобилей, 13 600 мотоциклов, 9300 самокатов. Получено было в течение 12 месяцев 1916 г.: 6800 автомобилей, 1700 мотоциклов, 8800 самокатов. По сравнению с теми ничтожными средствами этого рода, которые были в армии налицо к 1 января 1916 г., конечно, поступление в 1916 г. большое. Но оно не отвечало действительной потребности, которая в 1916 г. значительно еще возросла по сравнению с ранее намеченными цифрами.

В итоге состояние автоимущества и исчисляемая Ставкой потребность в нем были таковы, как это указано в нижеследующей таблице:

Наличие автоимущества и потребность в нем Русской армии к 1 сентября 1917 г.[1]

Наименование машин	положено по табелям и штатам	состояло налицо	ПОТРЕБНОСТЬ для пополнения некомплекта	ПОТРЕБНОСТЬ для новых автомобильных формирований в 1918 г.	ПОТРЕБНОСТЬ для замены убыли в 1918 г.	ПОТРЕБНОСТЬ всего требовалось
Легковые:	3600	2700	900	200	400	1500
Грузовые:						
от 1,5 до 2 тонн	4000	2700	1300	800	500	2600
от 3 до 5 тонн	3500	2300	1200	370	400	1970
тракторы	600	5280	2820	1170	960	4950
Итого	8100	5280	2820	1170	960	4950
Специальные:						
санитарные	1500	1400	100	1850	300	2250
мастерские	400	230	170	130	50	350
цистерны	700	500	200	140	90	430
кухни	200	100	100	120	30	250
Итого:	2800	2230	570	2240	470	3280
Мотоциклы:	10 000	6000	4000	100	1000	5100
Самокаты:	10 000	6000	4000	—	1000	5000

[1] Составлена на основании таблицы № 51, напечатанной в книге «Россия в мировой войне в цифрах», изд. Центральным статистическим управлением.

Сравнивая данные, приведенные в 1-й графе, с табелями автоимущества наших союзников и наших врагов, мы можем убедиться, насколько эти цифры ничтожны. Но и в этих более чем скромных размерах Русская армия снабжена не была: об этом свидетельствуют графы 2 (наличие) и 3 (некомплект). Наконец, 4-я графа опять ярко подтверждает, насколько *скромна* была в своих исчислениях потребностей Ставка. Выполнение ее требования привело бы в 1918 г. к наличию в Русской армии немногим больше чем 14 000 автомашин грузовых и специальных. Для того чтобы увидеть все несоответствие этих цифр с действительною потребностью армии, нужно только вспомнить, что французская армия, почти вдвое менее численная, нежели русская, имела в 1918 г. около 90 000 таких машин.

АВИАЦИЯ

В еще более печальном положении находилось удовлетворение потребностей Русской армии в авиации. Производство авиационных моторов в мирное время в России отсутствовало, если не считать отделения завода Гнома[1] в Москве, дававшего не более 5 двигателей этого рода в месяц. Вследствие этого снабжение нашего воздушного флота авиационными моторами могло основываться главным образом на привозе из-за границы. Но наши союзники, занятые чрезвычайным усилением своих воздушных войск, очень скупо уступали нам эти двигатели.

В воспоминаниях председателя Государственной думы М. В. Родзянко[2] упоминается о записке, поданной им осенью 1916 г. Государю Императору, в которой обрисовывалось критическое положение нашей авиации. Нам удалось ознакомиться с этой запиской, а также с ответом, данным на нее Управлением заведующего авиацией и воздухоплаванием в Действующей армии[3].

В момент объявления войны на вооружении русской авиации состояли главным образом «ньюпоры» в 70 сил, в некоторых отрядах «фарманы» типа XVI и XXII (учебные аппараты). Материаль-

[1] Имеется в виду завод французского общества «Гном-Рон», созданный в 1912 г. в Москве на Ткацкой ул. (*Прим. ред.*).

[2] Архив Русской революции. Т. XVII. С. 135—137.

[3] Заверенные копии этих документов хранятся в Hoover War Library. Standford. California, USA.

ная часть во многих отрядах была совершенно изношена, и отряды выступили на войну с самолетами, пролетавшими два года. На войну были отправлены даже «ньюпоры» постройки завода Щетинина. Эти «ньюпоры», построенные хотя и по утвержденным, но совершенно неправильным чертежам, имели отрицательные углы атаки крыльев, что повлекло за собой целый ряд смертельных аварий; несмотря на это, аппараты оставались на службе и были посланы на войну.

Общий состав воздушных сил Русской армии к началу войны был следующий:

Авиационных отрядов (эскадрилий)	39
Самолетов	263
Воздухоплавательных рот	12
Летчиков	129
Наблюдателей	100

Через несколько месяцев после начала войны, т.е. в зиму 1914—1915 гг., многие отряды (эскадрильи) очутились в совершенно критическом положении вследствие полной изношенности аэропланов и моторов. Пришлось эти отряды отвести в тыл для перевооружения аппаратами и для переучивания летчиков полетам на новых системах. Часть отрядов, имевших «ньюпоры», перевооружились «моранами-парасоль». Некоторые отряды получили отремонтированные, захваченные нами немецкие и австрийские аппараты; еще позже появились «вуазены» с 130-сильными моторами. Но все это перевооружение производилось без плана и хаотично. К весне 1915 г. большая часть отрядов была перевооружена и вновь появилась на фронте. Начали работать и авиационные школы, но все снабжение материальной частью по-прежнему было неудовлетворительным: мы получали из Франции только те образцы, которые считались там устарелыми.

Осенью 1915 г. германское наступление на Сербию прервало нашу кратчайшую связь с Францией, и отправленные нам аппараты и моторы оказались отрезанными в Салониках. Пришлось их переслать в Архангельск, куда по причине раннего замерзания они не дошли и остались зимовать в Александровске (на Мурмане).

Вследствие этого к весне 1916 г. наша авиация вновь оказалась в критическом положении. Выписанные нами французские само-

леты лежали частью на Мурмане, частью во Франции; аппараты, выстроенные в России, за неимением к ним моторов загромождали склады и заводы. Когда же в июне месяце 1916 г. прибыли наконец в отряды французские аппараты, то они оказались совершенно устарелыми, и мы оказались не в состоянии бороться в воздухе с неприятелем на равных шансах. Большинство воздушных боев между немецкими «фоккерами» и нашими аппаратами оканчивается не в нашу пользу, и длинный список доблестно погибших наших летчиков растет ежедневно.

К 1 сентября 1916 г. наши воздушные силы достигли следующего состава:

Авиационных отрядов (эскадрилий)	75
Воздухоплавательных рот	36
Самолетов	716
Летчиков	502
Наблюдателей	357

Если мы сравним вышенапечатанные цифры с соответствующими данными, приведенными для начала войны, то нельзя не констатировать рост наших воздушных сил. Но такое примитивное сравнение говорит слишком мало. Дело в том, что за тот же период времени возросла и самая численность Русской армии. К 1 сентября 1916 г. число пехотных дивизий в Действующей армии по сравнению с началом войны удвоилось. Таким образом, при сравнении сил наших воздушных войск начала войны и конца 1916 г. нужно принять во внимание, что во втором случае эти войска должны были обслуживать в два раза более численную армию. Подойдя к интересующему нас сравнению с такой точки зрения, мы должны прийти к заключению, что в конце 1916 г. Русская армия оказалась оборудованной авиацией лишь очень немногим лучше, нежели в начале войны. Но если принять во внимание то, что за 2,5 года войны германская армия, так же как и французская и британская, сделала громадные шаги по пути развития своих воздушных сил, то окажется, что к концу 1916 г. Русская армия стала еще беззащитнее в воздухе, чем была в 1914 году. В печатаемой ниже таблице приведены данные о произведенных нашей авиацией полетах с начала войны до 1 сентября 1916 г.

Число полетов, произведенных русской авиацией с начала войны по 1 (14) сентября 1916 г.

	Летало летчиков			Совершено всеми летчиками полетов			Общей продолжительностью (в часах)		
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Январь	–	148	196	–	725	944	–	674	1331
Февраль	–	169	165	–	967	728	–	965	882
Март	–	180	201	–	1021	1230	–	1123	1816
Апрель	–	183	231	–	1526	1454	–	1912	2059
Май	–	193	256	–	1713	2234	–	1954	3101
Июнь	–	191	265	–	1603	1441	–	1728	2592
Июль	129	202	299	1162	1841	1347	1151	2150	2440
Август	–	192	369	–	1597	2116	–	1672	3444
Сентябрь	90	189	–	369	1231	–	409	1762	–
Октябрь	96	181	–	506	1040	–	521	1377	–
Ноябрь	117	176	–	720	842	–	695	975	–
Декабрь	117	169	–	472	732	–	412	873	–
ИТОГО	549	2173	1982	3229	14 838	11 521	3458	17 165	20 315
ВСЕГО	4704	29 588	40 938						

Приводимые в этой таблице цифры ярко показывают, насколько незначительной по своим размерам была работа авиации в Русской армии. Возьмем для примера месяц самой интенсивной работы. Это — август 1916 г., в течение которого совершено было 2116 полетов с общей продолжительностью 3444 часа. Это дает в среднем на один день августа 68 полетов с общей продолжительностью в 111 часов. Но в это время Русская Действующая армия состояла из 14 армий (№ 1—12, Особая и Кавказская) с общим составом более 200 пехотных и 50 кавалерийских дивизий. Протяжение боевой линии, не принимая в расчет Кавказского фронта, превосходит 1000 километров. И для обслуживания таких колоссальных сухопутных сил авиация может производить в день лишь 68 полетов с общей продолжительностью в 111 часов. Чрезвычайная слабость наших воздушных сил отчетливо сознавалась во всех инстанциях русского командования. «Брусилов, Каледин, Сахаров, — записывает в июне месяце в своих воспоминаниях

председатель Государственной думы М. В. Родзянко[1], — просили обратить самое серьезное внимание на авиацию. В то время как немцы летают над нами, как птицы, и забрасывают нас бомбами, мы бессильны с ними бороться...» Отлично сознавала это наша Ставка и потому внесла на Междусоюзническую конференцию, собравшуюся в январе 1917 г., просьбу о присылке Русской армии в ближайшие после 1 января 1917 г. восемнадцать месяцев 5200 самолетов.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ РАБОЧИЕ

Мы начали настоящую главу с указания на то, что причины кризиса, переживавшегося Русской армией в течение мировой войны, были двух родов: одни являлись следствием объективных условий, другие должны быть отнесены к неумению наших руководящих верхов «предвидеть» и «организовать». На более внимательном рассмотрении последних мы и остановимся в конце этой главы, так как причины эти имели следствия не только в области материальных явлений, но и в области психики армии и страны. И в армии, и в стране росло недоверие и накапливалось то неудовлетворение, которое, несомненно, ускорило революционный взрыв.

Нам уже приходилось указывать на то, что ни наш закон, ни наше Военное министерство не предусмотрели вопроса о военной повинности квалифицированных рабочих. Это чрезвычайно чувствительно отозвалось на нашей и без того очень слабо развитой в мирное время военной промышленности. «Все протесты Главного артиллерийского управления, — пишет генерал Маниковский[2], — оставались без внимания, а между тем работа на военных заводах требовала такой большой точности и тонкости, что успешность ее была под силу только особым специалистам, вырабатывающимся не скоро. Интересно отметить, что на многих наших казенных заводах это ремесло обратилось в наследственное, преемственное, передававшееся из поколения в поколение. На этих гнездах мастеров развивалась и совершенствовалась вся наша военная заводская промышленность».

---

[1] Архив Русской революции. Т. XVII. С. 136.

[2] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. Ч. I. С. 36—38.

Когда же значительная часть этих рабочих без всякого разбора была взята в войска, на заводах настал кризис, справиться с которым было трудно, так как освобождение от строевой службы специалистов-рабочих, служащих в рядах войск в качестве нижних чинов, вызывало на практике большие затруднения.

Как видно из доклада начальника Генерального штаба генерала Беляева от 22 февраля/7 марта 1915 г., Военное министерство решительно не допускало возвращения на заводы и фабрики тех рабочих нижних чинов, которые уже попали в регулярные части войск. Мотивом к этому выставлялось «удручающее моральное впечатление, которое производило бы такое возвращение на товарищей этих нижних чинов, остающихся в строю». Решено было допускать возвращение рабочих лишь в исключительных случаях, но тогда заводы, ходатайствующие о возвращении им рабочего нижнего чина, должны были сами указывать ту войсковую часть, в которой он служит. Подобная бюрократическая уловка сводила возможность использовать это и без того скупое разрешение почти к нулю. При порядке 4—6-недельного обучения новобранцев и ратников в составе запасных батальонов и распределения их затем по войскам штабами фронтов Главное управление Генерального штаба, так же как и местное начальство военных округов, было лишено всякой возможности получить сведения о месте нахождения данного нижнего чина. На практике же заводы могли сообщать только о том, куда направил воинский начальник данного рабочего, и не могли указать, в какой войсковой части служит лицо, о котором они ходатайствуют, поэтому подобные ходатайства удовлетворялись лишь как редкое исключение.

Другой категорией военнообязанных рабочих, освобождение которых от военной службы вызывало осложнения, были новобранцы. Как видно из письма начальника Главного штаба начальнику Главного артиллерийского управления от 18 февраля/3 марта 1915 г., Главный штаб полагал освобождение новобранцев недопустимым ввиду того, что молодые люди являлись в высшей степени желательным элементом для пополнения рядов войск; вместе с этим Главный штаб считал, что вряд ли эти молодые люди могли обладать значительным рабочим опытом и быть незаменимыми специалистами на заводах.

Начальник Главного артиллерийского управления протестовал против этой точки зрения, ибо именно молодые люди, поступая на заводы далеко до призывного возраста, приобретали все необходимые навыки и являлись ко времени их призыва вполне опытными рабочими. Подыскать же взамен их новый контингент рабочих при существовавшей во время войны обстановке было чрезвычайно трудно.

Прошло более года войны, пока вопрос этот был урегулирован.

Но, кроме квалифицированных рабочих, всем казенным заводам в это горячее время не хватало и простых рабочих. Это сказывалось особенно сильно в некоторые периоды. Например, летом, когда из-за отлива рабочих на полевые работы *сокращалось* производство[1]. Главное артиллерийское управление отдавало себе ясный отчет в той опасности, какою угрожает боевому снабжению армии такое положение вещей. И вскоре после начала войны внесло в Совет министров проект перевода казенных заводов на особое положение, считая их как бы мобилизованными. Проект этот совершенно правильно рассматривал работу на заводах, изготовляющих предметы государственной, обороны как особую форму отбывания воинской повинности, предусматривал прикрепление рабочих к их заводам и устанавливал повышенную наказуемость по правонарушениям промышленной жизни как в отношении рабочих, так и заводской администрации.

Однако Совет министров признал этот проект несвоевременным.

В декабре 1914 г. этот проект был вновь внесен на рассмотрение Совета министров и вновь отклонен.

Между тем вредные последствия действия законоположений мирного времени давали себя чувствовать в неоднократных случаях внезапного ухода рабочих с казенных заводов. Вследствие этого упомянутое выше представление Главного артиллерийского управления было внесено в Совет министров в третий раз 22 февраля/7 марта 1915 г. Однако Совет министров, как видно из письма председателя Совета министров к военному министру, «считаясь с вполне лояльным и, в общем, спокойным настрое-

[1] Показания генерала Кузьмина-Караваева Верховной следственной комиссии. С. 100—101.

нием фабрично-заводского населения и опасаясь дать повод к нежелательным толкам и волнениям», окончательно отклонил это предложение.

Таким образом, мобилизационная готовность казенных заводов в отношении людского состава была совершенно не охранена; заводы оставались бессильными перед такими фактами, как, например, уход сразу 3000 человек (в летнюю уволку) с Ижевского завода, единственного в России, изготовлявшего ствольные и коробочные болванки (для всех оружейных заводов); подобные *одновременные* уходы имели место и на других заводах (1000 человек с Сормовского завода, 700 человек с завода Посселя и т.д.).

ОТСУТСТВИЕ ЕДИНСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ТЫЛА

«Главной ошибкой в тыловой работе России являлось, — пишет подполковник Ребуль в статье «Промышленная мобилизация России во время войны», — отсутствие единого руководства и общего плана работы. В Петрограде не было создано того единого центра, который мог бы составить объединенную в одно целое программу; только такая программа может урегулировать работу каждой технической службы, каждого производственного центра в зависимости от степени потребности армии и наличия сырья и полуфабрикатов. Иначе неизбежен полный разнобой в производстве»[1].

Нужно признать, что, по существу дела, подполковник Ребуль прав.

Вот небольшой пример. Прошел год войны, и генерал Маниковский никак не мог добиться от Министерства торговли и промышленности сведений, на каких заводах (коксовальных) и в каком количестве производится добыча сырого бензина и переделка (разгонка) его на толуол, каковы перспективы этого министерства по части обеспечения нашей потребности в кислотах — серной и азотной, а также в смазочных маслах, где можно достать квалифицированных рабочих таких-то специальностей и т.п.[2].

---

[1] Парижская газета «Тан» от 4 марта 1924 г.

[2] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. Ч. III. С. 158—159.

«И вместо того, — продолжает дальше генерал Маниковский, — чтобы министр торговли и промышленности с первого же дня войны сел рядом с военным министром и стал бы его первым и ближайшим помощником, он вместо этого избрал благую часть, совершенно отстранившись от дела и продолжая лишь ту исключительно "бумажную" работу, которая и в мирное время была, строго говоря, и бесплодна, и не нужна».

Но и в недрах самого Военного ведомства, во главе которого стоял генерал В. А. Сухомлинов, надлежащей организационной работы не было...

Для того чтобы достигнуть наибольшей продуктивности в работе современного тыла, мало еще подчинения всего дела одному лицу. Последнее может привести лишь к формальному, если можно так выразиться, к механическому единству. В сложной работе современного тыла существенное значение имело не только то, чтобы установить *какую-либо* комбинацию, а требовалось избрать *наилучшую* для данных условий комбинацию.

Объясним это на примере.

Когда приступлено было в 1915 г. к массовому производству снарядов, была создана особая организация во главе с генерал-майором Банковым для установления на отечественных заводах упрощенного производства цельнотянутой 3-дм гранаты французского образца. Простота этой работы позволяла привлечь к производству снарядов наиболее слабые заводы. Так было сделано во Франции. У нас же генерал Банков для выполнения возложенного поручения привлек целый ряд таких солидных заводов, как Коломенский, и много таких же других[1] и этим отвлек их от не менее важных, но более сложных работ.

На предыдущих страницах этой главы читатель может найти много аналогичных примеров. Напомним хотя бы то, как на наши малочисленные и слабосильные оружейные заводы в самый критический для них период был взвален ремонт ручного оружия. Напомним также то, как вместо того, чтобы использовать крайне ограниченный для России тоннаж для привоза из-за границы станков для заводов, мы везли из-за границы колючую проволоку, организовать производство которой не представляло больших трудностей.

---

[1] Перечисление этих заводов дано у генерала Маниковского. Ч. I. С. 18.

Главной причиной этого отсутствия организации снабжения в нужном государственном масштабе являлась полная неподготовленность к этому наших военных руководящих верхов. Мы видели, как эти верхи опаздывали с осознанием размеров каждой из потребностей армии. Буквально каждый раз армии нужно было выдерживать длительную борьбу, чтобы доказать правильность своих требований. Господа, сидящие в глубоком тылу, первым делом старались доказывать, что армия преувеличивает, затем, что армия небережлива, и только после новых и новых тяжелых уроков на полях брани приступали по-настоящему к требуемой работе. И тогда, поняв, как много времени уже упущено, все в тылу бросались на скорейшее удовлетворение требуемого в данную минуту, совершенно упуская из виду возникающие в это время новые требования.

Не будем повторять сказанного об ошибках в наших мобилизационных расчетах, основанных на предположении быстротечности войны. Но казалось бы, что уже после первого месяца войны эти ошибки стали ясно видны и наше Военное министерство должно было бы приступить к широчайшему развертыванию нашей промышленности. Для этого требовалось в первую очередь получение из Америки станков и прочих предметов оборудования заводов. Этого не было сделано. Когда же мы спустя много времени бросились со своими заказами в Америку, то пришлось убедиться на горьком опыте, что американский рынок оказался неприспособленным; ему потребовалось для развертывания военной промышленности столько же времени, сколько потребовалось бы для такого же развертывания в России. В итоге: «Без особо ощутительных для нашей армии результатов, — пишет генерал Маниковский[1], — в труднейшее для нас время пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать там *на наши деньги* массу военных предприятий; другими словами, произвести на наш счет *генеральную мобилизацию* американской промышленности, не имея возможности сделать того же по отношению к своей собственной».

По мере того как в армии стал ощущаться недостаток в боевом снабжении, в ней начало расти недовольство тылом. Это недо-

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. Ч. I. С. 21.

вольство быстро передавалось в общественные круги. Когда же недостаток в боевых припасах начал принимать катастрофический характер, это недовольство породило множество часто совершенно не обоснованных слухов. Говорили о колоссальном воровстве, о взяточничестве и даже об измене. Эти слухи создавали своего рода психическую атмосферу, от влияния которой не могли уклониться даже такие лица, как председатель Государственной думы, в чем можно легко убедиться, читая воспоминания М. В. Родзянко[1].

Неспособность нашего Военного министерства удовлетворить потребности армии вызвала в общественных кругах и в среде членов Государственной думы стремление добиться контроля в деле снабжения армии.

ОСОБЫЕ СОВЕЩАНИЯ

По настоянию председателя Государственной думы, несмотря на препятствия, встреченные в бюрократических кругах, 7/20 июня 1915 г. последовало Высочайшее утверждение изданного в порядке 87-й статьи Основных государственных законов «Положения об Особом совещании для объединения мероприятий по обеспечению Действующей армии предметами боевого и материального снабжения»[2].

Председателем этого Совещания назначался военный министр. В состав Совещания должны были войти: председатель Государственной думы и по Высочайшему назначению по четыре члена от Государственной думы и от Государственного совета, четыре представителя от торговли и промышленности, представители министерств — Морского, Финансового, Путей сообщения, торговли и промышленности, а также чины Государственного контроля и чины Военного ведомства. Совещание подчинялось непосредственно верховной власти, и никакое правительственное место или лицо не могло давать ему предписаний и требовать от него отчетов[3].

---

[1] Эти воспоминания вышли в английском переводе под заглавием «The Regim of Rasputin: an Empire Collaps».

[2] Объявлено в «Собрании узаконений» от 15 (28) июня 1915 г.

[3] Мемуары А. А. Поливанова. С. 154.

Несочувствие, с которым было встречено министерством Сухомлинова образование Особого совещания, отразилось на первоначальной его работе. Но 12 (25) июня 1915 г. генерал Сухомлинов был уволен от должности военного министра и на его место избран генерал Поливанов. Последний широко пошел навстречу новому учреждению, видя в нем единственный способ восстановить доверие общественных кругов к работе Военного министерства, а также для широкого привлечения этих кругов к делу снабжения армии. 18 (31) июня генерал Поливанов вносит в Государственную думу новый законопроект, согласно которому, уже учрежденное Особое совещание получало наименование: Особое совещание для объединения мероприятий по обороне государства[1]. В нем по-прежнему состоял председателем военный министр, но состав его был расширен. В него входили: председатели Государственной думы и Государственного совета, по девять членов от каждого из этих законодательных учреждений, министры[2]: морской, финансов, торговли и промышленности, внутренних дел, земледелия, путей сообщения, Государственного контроля, начальники главных управлений Военного министерства, представители промышленности и представители Земского и Городского союзов, а также представители только что возникшего Военно-промышленного комитета.

Кроме этого Особого совещания по объединению мероприятий по обороне, новый закон учреждал еще несколько Особых совещаний, а именно:

Особое совещание по перевозкам.

Особое совещание по топливу.

Особое совещание по продовольствию.

Каждое из этих совещаний находилось под председательством соответствующих министров (путей сообщений, торговли и промышленности, земледелия).

Целью этих Особых совещаний являлось внесение объединения в использовании транспорта, топлива и продовольствия. При необходимости согласовать действия всех совещаний собирались объединенные заседания под председательством военного министра.

---

[1] Мемуары А. А. Поливанова. С. 191.

[2] Министры могли замещаться товарищами министров.

Несомненно, что созданный для объединения работы тыла аппарат Особых совещаний являлся чрезвычайно громоздким. Эти многолюдные собрания не способны были к быстрой творческой работе. Нельзя не согласиться в известной справедливости критики Особого совещания по обороне, которую можно встретить в труде генерала Маниковского[1].

«Во-первых, — пишет генерал Маниковский, — это Совещание было слишком многолюдным, чтобы быть рабочим и достаточно продуктивным, ибо — это уже бесспорная истина — никакое практическое дело нельзя делать толком в собрании 50—60 человек, да еще такого разношерстного состава, каким было это Совещание.

Во-вторых, в этом огромном составе все же было очень мало людей, действительно понимающих военную технику и причины неудовлетворительности снабжения нашей армии и могущих указать меры, необходимые для его усиления. Зато было много таких, которые видели в этом Совещании главным образом орудие политической борьбы и в соответствии с этим и вели линию поведения...»

Приходится поэтому признать, что вывод, сделанный подполковником Ребулем в статье «Промышленная мобилизация в России во время войны»[2], указывающий на отсутствие в России тесно объединенной работы тыла, по существу дела, верен. Коренное разрешение вопроса могло быть только одно: создание Министерства снабжения, которое и должно было действенно объединить всю работу по снабжению как армии, так и страны. Хотя этот вопрос и подымался некоторыми членами Государственной думы во время рассмотрения законоположения об Особых совещаниях, но он не встретил сочувствия в этом законодательном учреждении. В этот период войны отношения между правительством и Государственной думой обострились. Правительство потеряло доверие общественных кругов. Общественные круги и выразительница их, Государственная дума, опасались, что вновь образованное Министерство снабжения сразу же станет столь же мертвящим бюрократическим учреждением, каковым оказалось Военное министерство.

---

[1] *Маниковский.* Боевое снабжение Русской армии в 1914—1918 гг. Ч. III. С. 160.

[2] Парижская газета «Тан» от 4 марта 1924 г.

Несмотря на вышеуказанную отрицательную сторону, присущую организации Особых совещаний, создание их, в особенности же Особого совещания для объединения мероприятий по обороне государства, сыграло положительную роль.

Даже такой сторонник генерала Сухомлинова, каким является его ближайший сотрудник генерал Лукомский, вынужден это признать.

«Но все же со времени образования Совещания[1], — пишет он в своей записке, — заказы стали даваться значительно шире. Происходило это, конечно, отчасти вследствие того, что вообще к этому времени для военного министра и начальников главных довольствующих управлений более определенно выяснилась необходимость значительно усилить снабжение, но в значительной степени и оттого, что вошедшие в состав Совещания члены Государственной думы, особенно ее председатель, постоянно в резкой форме настаивали на необходимости производства новых заказов, считаясь лишь с требованиями фронта и стараясь их предусмотреть вперед»[2].

Беспристрастный историк должен произвести оценку значения учреждения Особого совещания по обороне несравненно шире.

Это была «живая вода», хлынувшая в бюрократическое болото. Это был прорыв общественных сил через плотину устарелых учреждений, способных только с большим запозданием плестись в хвосте требований жизни. Это был «контроль», освещающий «темные места» и подхлестывающий к работе, предусматривающий события. Поэтому учреждение Особого совещания по обороне являлось началом спасения России из того катастрофического положения, к которому привело армию министерство Сухомлинова. Рассматривая выше различные области боевого снабжения, мы видели, что везде, начиная с осени 1915 г., наступает улучшение и к 1916 г. Русская армия не только выходит из агонии, но даже в состоянии одержать большую победу в Галиции.

Особое совещание по обороне расширило возможность для общественных сил страны принять активное участие в деле снаб-

---

[1] Особое совещание по обороне.

[2] Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. Финансовое агентство США. С. 28.

жения армии. Уже это одно имело громадное значение, ибо самая мобилизация промышленности началась у нас по общественному почину.

МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Мобилизация промышленности как общественное движение зародилась на состоявшемся 8—11 июня[1] 1915 г. в Петрограде IX очередном съезде представителей промышленности и торговли. На этом съезде была вынесена по обсуждении доклада «Промышленность и война» и после смелого выступления П. П. Рябушинского резолюция, в которой русская промышленность призывалась к объединению и дружной работе для обслуживания всех нужд войны.

Для этой цели Съезд нашел необходимым поручить всем торгово-промышленным организациям образовать районные комитеты, объединяющие местную промышленность и торговлю и имеющие задачей приспособить предприятия к изготовлению всего необходимого для армии и флота, а также согласовать для сего общую деятельность фабрик и заводов. Согласование же между собою работ отдельных районов и этих же работ с деятельностью правительственных учреждений Съезд постановил возложить на учреждаемый им в Петрограде Центральный Военно-промышленный комитет, в состав которого должны были войти представители научно-технических сил, представители от отдельных торгово-промышленных организаций, от управления железных дорог и пароходств и от Всероссийских союзов земств и городов[2].

Сформировавшийся таким образом Центральный Военно-промышленный комитет приступил прежде всего к выяснению переч-

[1] 26—29 мая по старому стилю.

[2] При Центральном военно-промышленном комитете были сформированы отделы: 1) механический, 2) металлургический, 3) химический, 4) перевозочный, 5) продовольственный, 6) по обеспечению рабочим составом, 7) вещевой, 8) по снабжению топливом, 9) финансовый, 10) врачебно-санитарный, 11) изобретений, 12) юридический и впоследствии еще 13) авиационный. Каждый отдел подразделялся еще на секции: так, например, 8-й отдел по топливу состоял из секций: а) нефтяной, б) каменноугольной, в) торфяной и г) дровяной.

ня предметов, в которых нуждаются армия и флот, чтобы вслед за тем определить программу планомерного использования производительных сил страны для изготовления этих предметов. Так как, однако, единого плана в деле снабжения не было, то на практике Комитету пришлось вырабатывать свою программу частями, по мере заказов от Военного ведомства. В течение первых же двух месяцев были образованы местные Военно-промышленные комитеты в 73 городах.

Главная нужда, которую Комитет испытывал на пути к развитию своей деятельности, — это был недостаток станков, ибо как для расширения производства на старых заводах, так и для устройства новых заводов станки были необходимы, а между тем станки привозились из-за границы.

Одновременно с мобилизацией крупной промышленности Военно-промышленным комитетом началась и мобилизация средней и мелкой промышленности. В этой области усилия Военно-промышленного комитета встретились с работами Всероссийских союзов земств и городов[1].

«Привлечение общественных сил к снабжению армии и учреждение Особого совещания, — записывает в конце июля в своих воспоминаниях председатель Государственной думы М. В. Родзянко[2], — было с удовлетворением встречено в стране; на фронте облегченно вздохнули, и горечь последних неудач была смягчена надеждой на более светлое будущее. Возможность работать для армии, активно участвовать в подготовке ее успехов помогла переживать плохие известия с фронта, где мы продолжали отступать».

Образование Военно-промышленного комитета не встретило особого сочувствия со стороны правительства, хотя уход Сухомлинова и очистил несколько атмосферу недоброжелательства к «вмешательству общественности в дела военные», несмотря на то что новый военный министр относился весьма сочувственно к возникновению Военно-промышленного комитета и к председателю последнего, А. И. Гучкову. Помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов[3] издал свои подробные записи

[1] Мемуары А. А. Поливанова. С. 204—206.

[2] Архив Русской революции. Т. XVII. С. 101.

[3] Архив Русской революции. Т. VIII. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.).

заседаний Совета министров. Вот что записано у этого автора про начало заседания Совета министров 4/17 августа, на котором рассматривался проект «Положения о Военно-промышленном комитете» и на которое был приглашен председатель Центрального Военно-промышленного комитета А. И. Гучков[1].

«Впервые со времен графа Витте в официальной части заседания присутствовало лицо "свободной профессии", с правительственной службой не связанное[2]. Это был Александр Иванович Гучков, приглашенный на заседание по настоянию генерала Поливанова для участия в рассмотрении проекта положения о Военно-промышленном комитете. Все чувствовали себя как-то неловко, натянуто. У Гучкова был такой вид, будто он попал в стан разбойников и находится под давлением угрозы злых козней. Вернее, он напоминал застенчивого человека, явившегося в незнакомое общество с предрешенным намерением рассердиться при первом поводе и тем проявить свою самостоятельность. На делаемые по статьям проекта замечания Гучков отвечал с не вызываемой существом возражений резкостью и требовал либо одобрения положения о Комитете полностью, либо отказа в санкции этого учреждения, подчеркивая, что положение это выработано представителями общественных организаций, желающих бескорыстно послужить делу снабжения армии. В конце концов обсуждение было скомкано, и все как бы спешили отделаться от не особенно приятного свидания».

«По выходе, однако, А. И. Гучкова из комнаты заседания, — замечает другой свидетель, а именно — генерал Поливанов[3], — И. Л. Горемыкин[4] проворчал неодобрительно и о многочисленности состава Центрального комитета, и о том, что там проектировано ввести 10 представителей от рабочих, и о том, что он много шумит, а сделает ли что-нибудь — это мы увидим».

---

[1] Архив Русской революции. Т. XVII. С. 36.

[2] Напоминаем, что А. И. Гучков был в то время членом Государственной думы; в предыдущий созыв Государственной думы он был председателем Госдумы. Только что приведенный абзац чрезвычайно характерно обрисовывает отношение нашего высшего чиновничьего мира к членам нашего парламента. (*Прим. Н. Г.*)

[3] Мемуары А. А. Поливанова. С. 206.

[4] Председатель Совета министров.

Даже строгие критики нашей «общественности» все-таки вынуждены признать большую заслугу перед Родиной Военно-промышленного комитета. «Создавшийся Военно-промышленный комитет, — пишет генерал Лукомский, — имевший свои отделы во всех промышленных центрах России, давал основание считать, что с его помощью будет достигнуто полное напряжение отечественной промышленности, а армия и страна получат от внутреннего рынка все, что только Россия в состоянии дать. Действительно, надо отдать в этом отношении справедливость Военно-промышленному комитету, который, постепенно расширяя все более и более свою деятельность, объединяя фабрично-заводские предприятия и кустарные артели, а также создавая новые предприятия, принес в деле снабжения армии колоссальную помощь Военному ведомству. Можно, конечно, критиковать деятельность Военно-промышленного комитета в том отношении, что на организацию собственного аппарата он тратил очень значительные суммы; что хотя он и не поощрял, но, во всяком случае, очень слабо боролся с громадными аппетитами многих промышленников, стремившихся нажиться на казенных поставках. Обвинений в этом отношении против Военно-промышленного комитета было много, но считаю, что при существовавшей обстановке и при отсутствии правильной организации центрального органа снабжения приходилось часто переплачивать, лишь бы скорее дать необходимое армии. Надо также иметь в виду, что Военно-промышленный комитет являлся не единственным заказчиком на внутреннем рынке. Кроме него, заказывали Городской и Земский союзы, и крупные заказы продолжали даваться главными довольствующими управлениями, а следовательно, Военно-промышленному комитету приходилось иметь дело уже с определившимися расценками на различные предметы снабжения»[1].

Упрек, который делает генерал Лукомский Военно-промышленному комитету в том, что он слабо боролся с аппетитами многих промышленников, чрезвычайно серьезен, но причины этого зла лежали глубже недр Военно-промышленного комитета.

---

[1] Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. Финансовое агентство США. С. 33.

Осуществить надлежащую организацию тыла можно было только при условии издания Закона о всеобщей промышленной военной повинности, составленного на основании тех же принципов, что и «Закон о всеобщей воинской повинности». Государство, считающее себя вправе требовать от своих граждан жертвы кровью и жизнью, конечно, имеет еще большее право требовать от своих граждан, оставшихся в тылу, жертв личным трудом и имуществом[1]. Вопрос этот для всех государств был новый. Он требовал большой научной и социальной зрелости. Он был под силу только сильному правительству. Наша же Верховная власть хотя и боролась все время за осуществление самодержавия, но, восстановив против себя общественные круги и не сумев удержать расположение к себе народных масс, по существу дела, являлась слабой. Мы видели выше, как Совет министров трижды отклонил законопроект о милитаризации заводов, работающих на оборону. Несомненно, что он боялся рабочих. Так же точно он не смел по-настоящему бороться со злоупотреблениями промышленников.

БЕССИЛИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В цитированных выше записях помощника управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтова[2], посвященных секретным заседаниям Совета министров в августе и сентябре 1915 г.[3], ярко вырисовывается бессилие Совета министров в большинстве вопросов управления страной. Мы не будем здесь останавливаться на подробном рассмотрении причин этого бессилия. Их много, и многие из них обусловливаются событиями

[1] Генерал Смысловский, один из старших чинов Главного артиллерийского управления, в своем показании Верховной следственной комиссии говорит: «Весь строй торговых отношений Главного артиллерийского управления с поставщиками, обусловленный существующими законоположениями, и вся формальная сторона их, порождавшая целый ряд затруднений и в мирное время, совершенно не соответствовала условиям заготовлений в военное время и притом для такой важнейшей цели, как оборона страны... Все мои личные усилия обратить на военное время эти поставки в повинность, обязательную для заводчиков в такой же мере, как и воинская, не увенчались успехом».

[2] Архив Русской революции. Т. XVIII.

[3] С 16 июля по 2 сентября по старому стилю.

войны. Об этом мы будем говорить в III части нашего труда. Здесь же мы укажем на главную, которая резко сформулирована самими министрами в последних заседаниях. «Правительство не может висеть в безвоздушном пространстве и опираться на одну полицию», — говорит в заседании 8 сентября министр иностранных дел С. Д. Сазонов[1].

На заседании через два дня другой видный министр, а именно — министр земледелия А. В. Кривошеин развивает ту же мысль: «Что мы ни говори, что мы ни обещай, как ни заигрывай с прогрессивным блоком и общественностью — нам все равно не поверят. Ведь требования Государственной думы и всей страны сводятся к вопросу не программы, а людей, которым вверяется власть. Поэтому мне думается, что центр наших суждений должен бы заключаться в постановке принципиального вопроса об отношении Его Императорского Величества к правительству настоящего состава и к требованиям страны об исполнительной власти, облеченной общественным доверием. Пускай Монарх решит, как ему угодно направить дальнейшую внутреннюю политику, по пути ли игнорирования таких пожеланий или же по пути примирения, избрав во втором случае пользующееся общественными симпатиями лицо и возложив на него образование правительства. Без разрешения этого кардинального вопроса мы все равно с места не сдвинемся. Лично я высказываюсь за второй путь действий — избрание Государем Императором лица и поручение ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны»[2].

С этим заявлением А. В. Кривошеина соглашаются большинство министров.

Государь избрал первый путь, и главный исполнительный орган, Совет министров, стал еще бессильнее. Социальный процесс изоляции правительства пошел еще быстрее. Авторитет его окончательно пал. При таких условиях правительство оказывается не только бессильным произвести какие-либо коренные органические реформы в структуре работы тыла, оно даже неспособно объединить в стройную организацию те крайние усилия, которые проявляет теперь вся страна, чтобы спасти свою армию от катастрофы.

---

[1] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 107.

[2] Там же. С. 123.

Эта неспособность правительства увеличивается еще тем, что самый подбор министров чрезвычайно неудачен. Последнее не случайно, а является лишь одним из звеньев того социального процесса, который происходит. Выбор Верховной власти до крайности ограничен. Все лучшие элементы должны быть заподозрены в оппозиции к власти. И вот на замену уволенного 15/28 марта генерала Поливанова назначается военным министром генерал Шуваев. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко так характеризует генерала Шуваева: «...Честный, хороший человек, но недостаточно подготовлен для такого поста в военное время; его председательствование в Особом совещании делало заседания путаными и утомительными»[1].

Гораздо строже отзывается о нем французский министр снабжения г-н Тома, присланный французским правительством для ознакомления с нуждами русского военного снабжения. На просьбу председателя Государственной думы откровенно указать наши больные места в организации снабжения французский министр ответил: «Россия должна быть чрезвычайно богата и очень уверена в своих силах, чтобы позволять себе роскошь иметь правительство, подобное вашему, где премьер-министр[2] является бедствием, а военный министр — катастрофой»[3].

Отзыв г-на Тома, быть может, слишком жесток. Но несомненно, что генерал Шуваев выше уровня обыкновенного строевого генерала или рядового интенданта подняться не мог. Выбор генерала Шуваева на должность военного министра обусловливался тем, что Верховная власть рассчитывала, что он будет бороться со все более и более усиливающейся ролью общественных сил в деле снабжения армии. «После ухода Поливанова, — пишет М. В. Родзянко, — Великий князь Сергей Михайлович повел агитацию против Особого совещания и убеждал Государя вовсе упразднить его. С Шуваевым на заседаниях происходили постоянные столкновения, и казалось, будто он нарочно вызывал резкости, чтобы иметь причины для ликвидации Совещания»[4].

Но генерал Шуваев не оправдал связанных с его назначением политических расчетов.

---

[1] Архив Русской революции Т. XVII. С. 123.

[2] Г-н Штюрмер. (*Прим. Н. Г.*)

[3] Архив Русской революции. Т. XVII. С. 125.

[4] Там же.

«В заседании 5 ноября[1] случилось событие, которое оставило сильное впечатление не только в Думе, но и в стране. Во время заседания[2] в зале заседаний появились военный министр Шуваев и морской — Григорович. Они обратились к председателю, сообщив о желании сделать заявление. Когда Марков 2-й[3] окончил свою речь, на трибуну поднялся Шуваев и, сильно волнуясь, сказал, что он как старый солдат верит в доблесть Русской армии, что армия снабжена всем необходимым благодаря единодушной поддержке народа и народного представительства. Он привел цифры увеличения поступления боевых припасов в армию со времени учреждения Особого совещания по обороне. Закончил он просьбой и впредь поддерживать его доверием»[4].

Вскоре после этого выступления, а именно — в начале января 1917 года генерал Шуваев был заменен на посту военного министра генералом Беляевым. Назначение последнего состоялось по выбору императрицы Александры Феодоровны как человека, вполне верного принятому курсу самодержавной политики. Генерал Беляев представлял собой тип «военного чиновника». Все свое трудолюбие и большую работоспособность он направлял по «бумажному» руслу. В армии он был очень не популярен, ибо за ним установилась репутация человека, мертвящего всякое живое дело. За ним даже прочно установилась кличка «Мертвая голова».

Отрицательного влияния на дело снабжения назначение Беляева не могло оказать, так как в начале марта[5] вспыхнула революция.

РЕВОЛЮЦИЯ

В разбушевавшейся революционной стихии сразу же начала падать на заводах и промышленных предприятиях трудовая дисциплина. Технический и административный персонал, который не был изгнан рабочими, не имел возможности руководить

[1] 18 ноября 1916 г. по новому стилю. (*Прим. Н. Г.*)

[2] Государственной думы. (*Прим. Н. Г.*)

[3] Один из депутатов.

[4] «Крушение империи», записки председателя Государственной думы М. В. Родзянко// Архив Русской революции. Т. XVII. С. 148.

[5] В конце февраля по старому стилю.

делом. Он был терроризован рабочими. В результате — крайняя небрежность в работе и все увеличивающееся падение производительности. Московская металлообрабатывающая промышленность уже в апреле пала на 32 %, производительность петроградских фабрик и заводов — на 20—40 %, добыча угля и общая производительность Донецкого бассейна к 1 июля — на 30 % и т.д. Расстроилась также добыча нефти на бакинских и грозненских промыслах.

Временное правительство оказалось совершенно бессильным бороться с возраставшей в стране анархией. Промышленные предприятия стали гибнуть. К июню месяцу было закрыто 20 % петроградских промышленных заведений. Вообще за первые месяцы революции зарегистрированный и, конечно, неполный мартиролог промышленности выражался в следующих цифрах:

Месяцы	Число закрытых заведений	Число уволенных рабочих
март	74	6644
апрель	55	2816
май	108	8701
июнь	125	38 755
июль	206	47 754
Итого	568	104 670

На боевом снабжении армии в течение летней кампании 1917 г. потрясения, переживаемые в промышленности, еще не успели сказаться. Ввиду невозможности вести с армией, не желавшей драться, военные операции в том же масштабе и того же напряжения, как это было в предыдущей кампании, расход в боевом снабжении значительно уменьшился. Запасы, созданные патриотическим подъемом и напряжением страны в конце 1915 г. и в течение 1916 г., удовлетворяли этим потребностям.

Происшедший в начале ноября 1917 г. большевистский переворот довершает разложение России...

НАСКОЛЬКО ПОВЫСИЛСЯ УРОВЕНЬ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОСНАЩЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ К 1917 ГОДУ?

Нам пришлось уже выше упоминать о довольно распространенной у нас точке зрения, что к осени 1917 г. Русская армия была, как никогда, вооружена и снабжена. Одно из доказательств этого видят в том факте, что вспыхнувшая затем Гражданская война в течение трех лет питалась накопленными для ведения большой войны запасами.

В подобном рассуждении скрыта элементарная ошибка. Технические требования, предъявленные большой войной на нашем Европейском театре, настолько превосходят таковые же Гражданской, что невозможно даже сравнивать их между собой. Поэтому те запасы, которые были бы недостаточны для ведения большой войны, могли с избытком и во много раз покрыть потребности борьбы на внутреннем фронте.

Оценка вопроса о боевом снабжении армии осенью 1917 г. не может также обсуждаться в узких рамках накопления запасов применительно к более чем недостаточным нормам вооружения 1914 г. Приходится сослаться на сказанное нами выше, а именно — на наш вывод, что осенью 1917 г. Русская армия по сравнению со своими союзниками и врагами была хуже вооружена, нежели в 1914 г. Шел 4-й год войны, и наши враги, и наши союзники не довольствовались одним только количественным увеличением своего вооружения, хотя и в этом отношении их масштаб во много раз превосходил наш.

Они шли дальше. Они изыскивали новые виды вооружения и новые способы поражения. Они переходили к массовому изготовлению танков. Они создавали боевую авиацию, могущую принять участие в наземном бою. Они готовились к массовому применению химических снарядов.

Те, кто продолжает утверждать о полном благополучии в нашем вооружении и снабжении к осени 1917 г., забывают старую истину, ярко сформулированную Дж. В. Дрепером[1].

«Война, — пишет Дрепер, — заставляет народ быстро проходить через различные фазисы своего развития. Если бы арабы как

[1] История умственного развития Европы / Рус. пер. под ред. проф. И. В. Лучицкого. Изд. 2. С. 252.

нация пользовались глубоким миром, потребовалось бы несколько тысячелетий, чтобы довести их до того умственного состояния, какое было ими достигнуто в течение одного столетия».

Этот закон чрезвычайного ускорения темпа эволюции во время войны выразился в минувшую большую войну в быстроте развития вооружения. Не будет преувеличением сказать, что кампания 1918 г. на Европейском театре отличается более от кампании 1914 г., чем эта последняя от войны 1870—1871 гг.

Те, кто упорствует в приложении к 1917 г. масштаба 1914 г., могут быть уподоблены пассажиру скорого поезда, ожидающему увидеть в окно через несколько часов пути все тот же вид, который представлялся ему раньше.

Приложение

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОКЛАДА БРИТАНСКОГО ВОЕННОГО АГЕНТА В ПЕТРОГРАДЕ ПОДПОЛКОВНИКА А. НОКСА

Распределение и сила Русской армии в октябре 1915 года[1]

12 октября 1915 г.

Силы Русской армии велики только на бумаге. К несчастью, ее действительная сила составляет лишь одну треть штатной.

После долгих колебаний генерал-квартирмейстер Западного фронта показал мне ведомость действительного состояния армий Западного фронта к 28 сентября. Я выписал из этой ведомости данные для каждой из армий. Здесь же привожу лишь итоги для всего фронта. Все эти данные должны считаться весьма секретными.

	Дивизии	Офицеры	Шашки и штыки	Пулеметы	Орудия 3-дм	Орудия Тяжелые
Штаты	71 пех.	27 600	1 006 780	2272	2556	—
	15,5 кав.	2464	53 723	124	186	—
Наличие		9408	346 729	1486	2369	414
			35 050			

[1] Подлинный документ хранится в Британском военном архиве.

Предполагая, что в 15,5 кавал. дивизиях имелось всего 1608 офицеров, 86 пулеметов и 169 полевых пушек, мы приходим к следующим итогам для пехотных дивизий Западного фронта:

					Орудия	
Корпуса	Дивизии	Офицеры	Штыки	Пулеметы	3-дм	Тяжелые
31	71	7800	346 729	1400	2200	414

По сравнению со штатным составом пехотная дивизия в среднем имеет сейчас налицо:

	Офицеры	Штыки	Пулеметы	3-дм оруд.
Штаты	390	14 180	32	36
Налицо сейчас	110	4883	20	31

Указанный только что средний наличный состав пехотной дивизии верен и для всех 122 пехотных дивизий, дерущихся на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах.

Исходя из этого предположения, мы приходим к следующим, общим для всех 122 пехотных дивизий итогам:

Штыков..... 595 726
Пулеметов..... 2440
3-дюйм. орудий..... 3782

Вся боевая сила русской кавалерии к настоящему моменту может оцениваться следующими цифрами:

Винтовок..... 55 000
Пулеметов..... 150
3-дюйм. орудий..... 275

Отсюда следует, что истинная общая боевая сила всех действующих против Германии и Австро-Венгрии русских армий измеряется следующими цифрами:

Винтовок..... 650 000
Пулеметов..... 2 590
3-дюйм. орудий..... 4 057

Сто десять офицеров на дивизию в 16 батальонов и шесть батарей, конечно, слишком мало. Число офицеров будет увеличено производством в офицеры молодых людей, прошедших ускоренную подготовку; несомненно, что эта подготовка может быть только весьма относительной, но материал эти молодые люди представляют отличный.

Шестьсот пятьдесят тысяч ружей — вот все, что имеет сейчас Россия для защиты своей границы от Ревеля до Черновиц, протяжением в 1000 миль. Весь вопрос в недостатке ружей. Из 122 пехотных дивизий те, которые имеют номера свыше сотого, вооружены японскими винтовками. Солдаты называют их японскими дивизиями. Некоторые из частей вооружены винтовками, захваченными у австро-венгров. Таким образом, общее количество русских трехлинейных винтовок, находящихся сейчас на вооружении в Русской армии, не превосходит 600 000. Ополченские дружины вооружены старыми ружьями системы Бердана.

Подполковник А. Нокс»

Глава восьмая

ПОТРЕБНОСТИ РУССКОЙ АРМИИ В ПРОДОВОЛЬСТВИИ И ПРОЧЕМ СНАБЖЕНИИ

Встреченные затруднения. — Довольствие хлебом. — Мясо. — Прочие виды продовольствия. — Фураж. — Особые совещания. — Потребность в сильной власти. — Революция. — Вещевое довольствие. — Отношение солдатской массы к казенному имуществу. — Заключение помощника главного интенданта генерала Богатко.

ВСТРЕЧЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Перед войной у нас прочно привилось мнение, что в мирное время незачем составлять какие-то планы и соображения о том, как продовольствовать армию и страну во время войны; естественные богатства России считались столь большими, что все пребывали в спокойной уверенности, что получать для армии все нужное для войны не представит никаких трудностей.

Так пишет в 1925 году бывший помощник главного интенданта генерал Н. О. Богатко[1].

В июле 1914 г. Русская армия имела полностью все потребное ей при мобилизации интендантское снабжение; во время ее сосредоточения и в первые дни по прибытии на театр военных действий ее части довольствовались из специально образованных для этой цели запасов.

Но благополучие в интендантском снабжении закончилось очень скоро.

---

[1] Заметка об интендантском снабжении армии в Великую войну. Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. Литографированное издание Финансового агентства США. С. 74, 78, 79.

Потребности армии оказались столь велики, что наивная мысль удовлетворять эти потребности «порядком мирного времени» оказалась сразу же несостоятельной.

«Вообще весь механизм, ведавший снабжением армии, с его законодательством, — заключает генерал Богатко, — не был приспособлен к грандиозной задаче, которая встала перед нами в минувшую войну».

В течение первого же года войны встретились затруднения в продовольственном снабжении армии. Задачи этого снабжения разрастались в рамки обслуживания не только миллионных боевых фронтов, но и тесно связанного с ними беспредельного по своей емкости всероссийского тыла.

Вследствие этого дело продовольственного снабжения армии было передано Главному управлению землеустройства (впоследствии — Министерство земледелия). Это решение являлось полным экспромтом, так как в довоенный период в деле снабжения оно не участвовало; оно не имело для своей деятельности никакого технически приспособленного аппарата и к заведыванию этой областью было совершенно не подготовлено. В мирное время вопрос снабжения продовольствием находился в ведении Военного министерства (интендантства) и Министерства внутренних дел.

«Я не буду вдаваться, — пишет бывший министр земледелия А. Н. Наумов[1], — в поиски и разъяснения причин и обстоятельств, побудивших вместо исправления недочетов и безотлагательного приспособления существовавшего продовольственного аппарата измышлять и создавать что-то новое, не компетентное по существу и громоздкое по форме для такой не терпящей важности и срочности, как немедленное продовольствование четырех огромных фронтов и обширных тыловых районов, — считаю лишь долгом отметить, что в ноябре 1915 г., когда мне пришлось в конце концов подчиниться приказу Государя и принять от А. В. Кривошеина Министерство земледелия, а следовательно, силою вещей встать

[1] А. Н. Наумов был министром земледелия с ноября 1915 г. по 1 августа 1916 г. Его записка «Продовольственное снабжение армии и населения в 1915—1916 гг. и использование приобретенного опыта для будущего» помещена в упомянутом уже литографированном Сборнике Финансового агентства США.

во главе всего продовольственного снабжения армии и страны, я вынужден был очутиться лицом к лицу в этой унаследованной мною области с полным хаосом решений, мнений и предположений... В результате вместо срочного исполнения определенно намеченного и выработанного заранее плана снабжения в горячее время огромных военных событий, захвативших собою почти целиком всю тыловую жизнь страны, приходилось приступать лишь к разработке такового, но, само собой, в условиях очевидно и исключительно неблагоприятных. На самом деле: с одной стороны, военно напряженная жизнь и работа боевых фронтов, естественно, не укладывавшаяся ни в какие границы и нормы, требовала ежеминутных разрешений тех или других продовольственных запросов, удовлетворять каковые министерство, само собой разумеется, как продовольственный административный центр должно было быть наготове во всякое время дня и ночи, — отсюда понятны та спешность и нервность ежедневной текущей работы центрального аппарата и та несвоевременность органической работы по созданию плана снабжения, которые, во всяком случае, не могли содействовать благоприятному ходу творческой и исторически ответственной деятельности центра».

Трудность планомерного использования средств России увеличивалась тем, «что никаких цифровых данных по учету существовавших в стране запасов продуктов даже первой необходимости не было; никаких статистически точных данных для возможности расчетов производства и потребления хлеба, мяса и пр. продуктов не имелось ни в центре, ни на местах. При необходимости получать те или другие справки разные министерства давали различные данные»[1].

ДОВОЛЬСТВИЕ ХЛЕБОМ

Годовой сбор главнейших хлебов России (рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, овес) в среднем за 1910—1913 гг. составлял до $4^1/_2$ миллиарда пудов. С 1914 г. и в особенности с 1915 г. началось сокращение в силу обстоятельств военного времени в связи с уменьшением рабочих рук скота, посевной площади и пр., но одновременно с этим почти прекратился вывоз хлеба за границу.

[1] Записка А. Н. Наумова // Там же. С. 95.

В среднем главнейших хлебов вывозилось ежегодно до 680 миллионов пудов, т.е. около 15 % общего сбора. В 1914 г. мы вывезли 348 миллионов пудов, а в 1915 г. из четырех миллиардов пудов сбора было вывезено всего 31 миллион пудов.

Правда, нужно иметь в виду, что на примитивном крестьянском хозяйстве очень чувствительно сказался отлив рабочих рук, вызванный призывом мужчин рабочего возраста в войска. С 1915 г. посевная площадь сократилась приблизительно на 20 % в среднем почти повсеместно, а в некоторых районах даже до 50 % (Донская и Кубанская области, некоторые уезды Саратовской, Самарской, Воронежской, Ставропольской и Астраханской губерний).

И все-таки довольствие армии хлебными продуктами являлось самой благополучной областью снабжения.

Приводимая ниже таблица потребностей армии показывает, что они могли быть вполне удовлетворены из запасов, оставшихся от урожаев 1914, 1915 и 1916 годов, даже при условиях сокращения посевной площади[1].

Потребление Русской армией различных продуктов хлебного производства (в млн пудов)[2]

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Мука	23,6	118,3	212,0	225,0	578,9
Крупа	3,4	15,4	35,0	30,0	83,8
Овес и ячмень	52,6	153,6	295,0	175,0	676,2

Но урожай 1916 г. был мало использован для армии, и снабжение ее пошло на убыль, так свидетельствует помощник главного интенданта генерал Богатко[3]. Причиной этого явилась та неурядица, которая происходила в самой организации дела.

Рассматривая вопрос о снабжении армии хлебными продуктами в более узких рамках, а именно — в смысле довольствия ее печеным хлебом и сухарями, следует подчеркнуть, что организация этого дела в самой армии была поставлена великолепно и только благодаря этому в армии не ощущался недостаток в суха-

[1] Записка А. Н. Наумова // Там же. С. 108.

[2] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 60.

[3] Записка генерала Богатко // Сборник записок, относящихся к снабжению в Великую войну. Изд. Финансового агентства США. С. 80.

рях и галетах. Организовать же массовое заготовление последних не удалось. Интендантство имело свои сухарные заводы, но небольшой производительности. Для развития выпечки сухарей Интендантство пыталось привлечь частных предпринимателей. Но большинство сухарных заводов скоро прекращало свое существование. Еще неблагоприятнее обстояло дело с галетными заводами, ибо эти заводы требовали более сложного оборудования, нежели сухарные.

МЯСО

Если в отношении хлебных запасов Россия находилась в очень благоприятных условиях, то в отношении удовлетворения потребности армии мясным довольствием положение было совсем другим. «В нормальное время, — пишет министр земледелия А. Н. Наумов, — наша страна была бедна скотом по сравнению с другими государствами. На всю огромную территорию империи в 1913 году было всего 52 миллиона голов рогатого скота. Ежегодный естественный прирост достиг около 9 миллионов голов. Этим же количеством измерялось приблизительно обычное годовое потребление населения. С начала войны питание армии требовало усиленного притока мяса и в населении увеличилось потребление мяса главным образом под влиянием прекращения пьянства»[1].

За первый год армия взяла 5 миллионов голов, что вместе с потреблением населения составляет внушительную цифру в 14 миллионов голов. Кроме того, эвакуация ряда западных губерний была сопряжена с потерей для хозяйства страны не менее чем 4 миллионов голов, частью оставшихся в занятом неприятелем районе, частью павших. В общем, за год было израсходовано более 18 миллионов голов, т.е. сверх нормального прироста было взято из стад более 9 миллионов голов. Оставшиеся 44 миллиона голов, считая и Сибирь, должны были дать приблизительно до 7 миллионов голов нормального прироста. Потребление же армии и населения предъявило спрос на 14 миллионов голов. Приходилось снова уменьшить капитал основного стада на 7 миллионов голов

[1] Записка А. Н. Наумова // Сборник записок, относящихся к снабжению в Великую войну. С. 98.

или, как это и было осуществлено, сокращать размер мясного питания в первую очередь тыла, а затем и самого фронта.

При этих условиях с очевидностью явствует все то огромное значение тех или других мер со стороны правительства, имевших целью возможно бережнее относиться к общему запасу мясных продуктов в смысле наиболее целесообразного его использования путем заготовок, хранения и распределения. «К глубокому сожалению, — пишет А. Н. Наумов, — и в этом отношении при принятии мною главного руководства делом имперского снабжения я встретил обстановку деловой растерянности, благих предначертаний и успокоительных надежд, опять-таки полное отсутствие обдуманного заранее практического плана... и в результате: ужасающие потери живого скота и огромные порчи в пути и на стоянках заготовленного мяса. Холодильников не было, учета скота никакого, и хаотичность в деле закупок и распределения... Уместным считаю здесь упомянуть о той огромной подсобной роли в деле продовольственного снабжения страны, главным образом армии, которую могло бы сыграть консервное дело, если бы таковое было правильно и заблаговременно поставлено в России. Колоссальный запас рыбных богатств, изобилие плодов и овощей да, наконец, абсолютная масса мяса, включая сюда баранину и свинину, — все это материал, не истощимый для консервных заготовок, требующих, в свою очередь, тоже обдуманного плана и системы для наилучшего способа фабрикации, хранения и использования»[1].

Вот та мрачная картина в деле снабжения армии мясом, которая нарисована главой самого ведомства продовольствия. Бывший министр, А. Н. Наумов свидетельствует при этом о колоссальной работе, которая была проявлена в его ведомстве. «Но... — пишет А. Н. Наумов, — какие бы планы ни создавались, сила таковых лишь в их внутренней согласованности и совокупности осуществления их в жизни благодаря единству действий их исполнителей. На почве разрозненности действий аннулируется эффект общности усилий и отпадает та полнота ответственности, которая является непременным условием всякой здоровой постановки дела. Между тем с первых же шагов моей деятельности как единственно ответственного руководителя продовольственным

[1] А. Н. Наумов // Сборник записок, относящихся к снабжению в Великую войну. С. 98.

снабжением армии и страны я встретил прежде всего во всех областях и условиях создавшейся продовольственной обстановки именно ту разрозненность действий, учреждений и лиц, которая подрывала в корне текущую работу и ослабляла энергию для предстоящей»[1].

Предоставим теперь помощнику главного интенданта генералу Богатко обрисовать условия снабжения армии, создаваемые только что очерченной хаотичной постановкой продовольственного дела в глубоком тылу[2]:

«Доставка мяса в виде живого скота, доступная во всякое время года, была весьма невыгодна для транспорта: вагон мог вместить лишь до 120 пудов мяса; во время пути скот терял в весе; бывали случаи падежа от голода и жажды, так как вследствие движения поездов без правильного расписания задавать корм скоту и поить его не было возможности. Перевозка мороженого мяса по железным дорогам в большом количестве была удобна только зимой, хотя во время продолжительных оттепелей оно иногда и портилось. Для перевозки его летом требовались многочисленные холодильники для предварительного замораживания, вагоны-ледники для перевозки и запасы льда на станциях для пополнения растаявшего в вагонах. Постройка сети холодильников Министерству земледелия не удалась за недостатком машин для оборудования. Подача замороженного мяса не могла получить широкого применения. Приготовление и перевозка солонины требовали большого количества бочек; при погрузке и разгрузке, в вагонах от собственной тяжести рядов бочек они давали течь, и солонина портилась без рассола. Изготовление мясных консервов для повседневного питания армии потребовало бы устройства большого числа заводов[3] и жестяных банок, тогда как жести не хватало даже для ограниченного количества готовившихся у нас консервов[4]. Вообще подача мяса не была урегулирована до конца войны».

С начала войны, совершенно не сообразуясь с «мясными» средствами страны, суточная мясная дача солдата, которая в

---

[1] Там же. С. 99.

[2] Записка генерала Богатко // Сборник Финансового агентства США.

[3] Работало 15 заводов, из них один казенный. (*Прим. Н. Г.*)

[4] Записка генерала Богатко. С. 80, 81.

мирное время равнялась $^1/_2$ фунта, была доведена до 1 фунта, т.е. удвоена.

В первоначальный период войны (1914 г. и первые месяцы 1915 г.), когда были еще налицо большие запасы скота и в прифронтовой полосе и когда наши армии в Восточной Пруссии и в Галиции вторглись в неприятельские пределы, где оказалось также много скота, потребности армии в мясе удовлетворялись без затруднений. Но когда истощились запасы скота в ближайшем тылу, когда армии отступили из первоначально занятых районов Германии и Австро-Венгрии, когда при отступлении в летнюю кампанию 1915 г. погибли большей частью от голода многочисленные гурты, неразумно согнанные в тылу армий, вопрос мясного довольствия стал обостряться. Помимо затруднений в доставке большого количества скота армиям из внутренних районов государства, возникло серьезное опасение, что население городов может оказаться без мяса. Пришлось уменьшить мясное довольствие солдат, вернув его к норме мирного времени.

Принятые в середине 1915 г. меры для внесения порядка и организации в дело мясного снабжения дали серьезные результаты лишь к концу 1916 г.; до этого же времени бывали периоды, в которые действительные потребности войск часто оставались неудовлетворенными[1]. Каковы же были потребности армии в мясе, можно увидеть из приводимой ниже таблицы. Эта таблица составлена на основании норм довольствия и численности армии в различные периоды.

Потребности Русской армии в мясном довольствии[2]

1914 г.	13 500 000 пудов
1915 г.	51 100 000 пудов
1916 г.	82 000 000 пудов
1917 г.	78 100 000 пудов
Итого	224 700 000 пудов

[1] Записка генерала Лукомского // Сборник Финансового агентства США. С. 38.

[2] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 60.

ПРОЧИЕ ВИДЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Относительно снабжения армии прочими предметами продовольствия используемая нами Записка помощника главного интенданта генерала Богатко дает следующие указания.

Жиры. «В первые же дни войны, — пишет он, — была установлена по требованию главного военно-санитарного инспектора дача жиров на одного человека 25 золотников при фунтовой даче мяса, 2,5 фунта хлеба и усиленной даче сахару, чаю, овощей. В армии стали получаться избытки, которые переправлялись обратно в тыл семьям, а иногда и продавались. А между тем вопрос о получении жиров обстоял далеко не так благополучно, как это думали».

В первый период войны жиры получались из Западной Сибири от маслодельных артелей, которые вырабатывали масло в очень больших количествах и имели большие запасы его для экспорта. С истощением запасов и уменьшением количества выделки его артелями снабжение жирами затруднилось, так как сбор масла в других районах по мелочам давал малые количества. На откорм свиней не было обращено внимания. Сбор же сала по мелочам также давал немного.

Когда запасы жиров истощились, армия не могла получить полностью даже значительно сокращенную дачу[1]. Насколько велики были потребности армии в жирах, можно убедиться из следующей таблицы, вычисленной на основании норм довольствия и численности армии в различные периоды.

Потребности армии в жирах в течение войны 1914—1917 гг.[2]

1914 г.	1 600 000 пудов
1915 г.	6 510 000 пудов
1916 г.	11 500 000 пудов
1917 г.	11 200 000 пудов
Всего	30 810 000 пудов

Овощи. Сушение овощей производилось в первый год преимущественно ростовскими огородниками; потом появились другие предприниматели, и в сушеных овощах недостатка не было, подвозились также свежие овощи (капуста, свекла, картофель) и квашеная капуста и свекла в бочках.

[1] Сборник Финансового агентства США. С. 81, 87, 88.

[2] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 60.

Рыбное довольствие. В вышеприведенной выдержке из записки министра земледелия Наумова указывалось, что вследствие младенческого состояния консервного дела в России нам не удалось использовать наши колоссальные рыбные богатства. В результате, по заявлению самого помощника главного интенданта генерала Богатко, «куплены были соленые сельди за границей»[1]. Таким образом, вместо того чтобы использовать каждую единицу заграничного тоннажа для заводских станков, мы ввозили рыбу.

ФУРАЖ

Фуражное довольствие нашей армии в начале войны обстояло вполне благополучно. Но с наступлением зимы 1914—1915 гг. начались некоторые затруднения. В следующие зимы эти затруднения увеличились. Приходилось несколько раз отводить в тыл значительное число кавалерийских частей, дабы не потерять конский состав. Было несколько периодов (особенно зимой 1916—1917 гг.), когда начинался угрожающий по своим размерам падеж лошадей из-за недостатка фуража. Вследствие затруднений из-за состояния железнодорожного транспорта в подвозе к фронту из глубокого тыла стало ясно, что без суррогатов фуража обойтись нельзя. Но вопрос о массовом приготовлении этих суррогатов не был разрешен Интендантством до 1917 г.[2].

Общие потребности нашей армии в фураже могут быть выражены в нижеследующей таблице[3].

Потребности армии в фураже в течение войны 1914—1917 гг. (в пудах)

	Овес и ячмень	Сено
1914 г.	52 600 000	125 200 000
1915 г.	153 600 000	212 800 000
1916 г.	295 000 000	338 000 000
1917 г.	175 000 000	500 000 000
Всего	676 200 000	1 176 000 000

[1] Сборник Финансового агентства США. С. 81.

[2] Записка генерала Лукомского // Сборник Финансового агентства США. С. 38.

[3] Россия в мировой войне (в цифрах). С. 60.

ОСОБЫЕ СОВЕЩАНИЯ

Первый год войны проходил под знаком *необдуманной расточительности* запасов страны.

Осознание размеров потребностей армии и страны происходит лишь к осени 1915 г. Это совпадает с учреждением упомянутых в предыдущей главе Особых совещаний, а именно Особого совещания для объединения мероприятий по обороне и Особых совещаний по продовольствию, по топливу и по транспорту.

Председателем Особого совещания по продовольственному делу назначен был министр земледелия, а вся исполнительная работа по Совещанию, следовательно, и по общеимперскому продовольствию возлагалась на подведомственные этому министру учреждения.

Вот как оценивает эту попытку упорядочения работы сам министр земледелия[1]:

«Самая мысль создателя упомянутого Совещания — привлечь для обсуждения желательной постановки продовольственного дела в армии и стране всеобъемлющее представительство существовавшей в то время активной официальной русской общественности наряду с участием многочисленной агентуры всевозможных центральных правительственных учреждений и немалого также количества всяких местных уполномоченных по продовольствию лиц, одно это намерение предрешало исключительный по многолюдству и разнообразию своему состав того Особого совещания, которое по своему положению призвано было играть в стране роль руководящего центра в деле установления продовольственной политики и общего фронтового и тылового снабжения.

Члены обеих законодательных палат (Государственного совета и Государственной думы), представители всероссийских земского и городского союзов, просто земств и городов, военно-промышленных и биржевых комитетов, всевозможных профессиональных союзов (мукомолов, сахарозаводчиков и др.), губернаторы, председатели управ, чины Министерства земледелия в качестве уполномоченных на местах, ведомственные представители разных центральных управлений и пр. и пр. — все это почти ежедневно заседало до поздних часов, обсуждало, спорило, голосовало, протестовало — некоторые вопросы (напри-

[1] Сборник Финансового агентства США. С. 94.

мер, о твердых ценах) вызывали бесконечно долгие и страстные прения. Ко всему этому надо добавить, что состав Совещания силой вещей часто менялся, каковое обстоятельство, само собой, неблагоприятно отзывалось на преемственности и последовательности известных решений принципиального характера, — в общем, получалась сложная затяжная обстановка, во всяком случае, мало способствовавшая скорейшей выработке того плана продовольственного снабжения, без наличия коего немыслимы были ни исполнительно ответственная работа самого министра земледелия как председателя Особого совещания, ни таковая же его сотрудников в центре и на местах, ни самый успех дела по существу».

В предыдущей главе мы говорили уже, что существенным недостатком Особых совещаний была их многолюдность, затруднявшая их творческую работу. В только что приведенной выдержке А. Н. Наумов подтверждает это. Но в предыдущей главе, говоря об Особом совещании для объединения мероприятий по обороне, мы указали тоже, что, несмотря на этот дефект, *оно сыграло спасительную роль*, так как его учреждение облегчило участие общественных сил страны в деле снабжения армии.

То же самое приходится сказать и про Особое совещание по продовольствию. Несмотря на все свои недостатки, оно все-таки связывало центральную власть с местными силами. Если бы этого не было, то при создавшейся политической обстановке работа Министерства земледелия уподобилась бы ведущему колесу, расцепившемуся с остальным механизмом страны и потому работавшему впустую.

Нам кажется, что главные затруднения, которые встречало в своей работе Министерство земледелия, заключались в другом, а именно — в неподготовленности наших верхов к сложным формам современной жизни. Вследствие этого — искание везде примитивных решений.

В тех случаях, когда характер снабжения мог сохранять примитивные формы организации, снабжение шло благополучно. Так было с выпечкой хлеба: войскам выдавалась мука, и они сами выпекали хлеб в своих полевых хлебопекарнях. Так было и в деле снабжения сушеными овощами; здесь вопрос заключался в простом арифметическом увеличении числа «кустарей», занимавшихся этой сушкой.

Но как только мы подходим к области снабжения, в которой массовое снабжение требует сложных форм современной индустрии, благополучие кончается и дефекты растут прямо пропорционально сложности организации. Так происходило в области заготовки сухарей и галет, в довольствии мясом, в консервном деле. Организация продовольственного дела с трудом поднимается над уровнем кустарных форм производства; она нигде не может дорасти до требований научной организации производства, удовлетворение которых стало обязательным для всякой современной массовой работы. Нам неоднократно приходилось уже указывать, что идеи, родоначальником коих является Тейлор, были абсолютно чужды нашим руководящим кругам.

Это искание примитивных решений привело к отсутствию согласования между деятельностью гражданского продовольственного аппарата с распоряжениями органов снабжения Действующей армии. «Отсутствие связи тыла с фронтом, — пишет А. Н. Наумов[1], — сказывалось на каждом шагу продовольственной жизни в столь резкой форме, что всякое промедление с принятием мер в целях упорядочения этих взаимоотношений грозило катастрофой делу снабжения как армии, так и страны».

Та же приверженность наших верхов к примитивным формам являлась весьма существенной помехой для совместной работы с общественными силами. Множество лиц отдавало себе отчет, что без помощи этих сил вести современную большую войну нельзя, но только немногие из них отдавали себе отчет, что участие этих сил требует гораздо более сложных форм управления. Генерал Поливанов, сменивший генерала Сухомлинова, понимал это. Но весною 1916 г. он был удален с поста военного министра и беспорядок в области снабжения продовольствием сильно возрос.

«15/28 марта, — читаем мы в записках председателя Государственной думы М. В. Родзянко[2], — был уволен без рескрипта военный министр генерал Поливанов... Отставка эта произвела удручающее впечатление. Газеты были полны восхвалениями ушедшего министра, оценивая результаты его работы сравнительно за короткий срок. В Думе и в обществе говорили о безответственном влиянии, о министерской чехарде... Беспорядки в тылу

[1] Записка А. Н. Наумова // Сборник Финансового агентства США. С. 100.

[2] Крушение империи // Архив Русской революции. Т. XVII.

приняли угрожающий характер. В Петрограде уже чувствовался недостаток мясных продуктов. Между тем, проезжая по городу, можно было встретить вереницы подвод, нагруженных испорченными мясными тушами, которые везли на мыловаренный завод. Подводы попадались прохожим средь белого дня и приводили жителей столицы в негодование: на рынке нет мяса, а на глазах у всех везут чуть не на свалку испорченные туши.

Члены Особого совещания ездили осматривать городские холодильники за Балтийским вокзалом. Холодильники в полном порядке. Мясо в них не портилось, но зато кругом были навалены горы гниющих туш. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки в армию. Его, видите ли, негде было хранить. Когда поставщики обращались за разрешением построить новые холодильники, им не давали ни средств, ни разрешения. По обыкновению, министерства не могли между собой сговориться: Интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось. Это было так же нелепо, как и многое другое, точно сговорились все делать во вред России...

Члены Особого совещания доложили обо всем виденном на заседании; я написал письмо Алексееву, и только после этого заинтересовались мясным вопросом. Тысячи пудов мяса, конечно, погибло. То же самое происходило и с доставкой мяса из Сибири: от недостатка и неорганизованности транспорта гибло уже не тысячи, а сотни тысяч пудов. Виновников, конечно, не нашлось, так как один сваливал на другого, а все вместе — на общую бесхозяйственность».

ПОТРЕБНОСТЬ В СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Чтобы как-нибудь выйти из создавшегося хаоса, начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев подал 15/28 июня 1916 г. Докладную записку Государю.

В этой записке М. В. Алексеев предлагал возглавление всей области Общеимперского управления особым лицом с диктаторскими полномочиями.

«Судьба его проекта известна, — пишет министр земледелия А. Н. Наумов[1], — не встретив сочувствия к такому решению в

[1] Записка А. Н. Наумова // Сборник Финансового агентства США. С. 100.

общественно-бюрократическом своем окружении, Государь не имел решимости провести его самолично и на заседании Совета министров, под личным своим председательством 28 июня (10 июля 1916 г.) лишь ограничился высказанными им пожеланиями, чтобы все руководившие в то время центральные ведомственные учреждения и лица в связи с условиями переживаемого страной исключительного момента проявили высшее напряжение своих сил на благо Родины и были объединены ради этого во имя общности служения единому патриотическому подвигу».

Только что приведенный факт особенно показателен тем, что он имеет место как раз в тот период, когда, судя по переписке Государя с императрицей Александрой Федоровной, идея полного абсолютизма в государственном управлении получает все большую силу в их мыслях. К этому ведут все перемены в составе министров; и в то же время принять решительные меры для упорядочения и объединения работы тыла Государь не решается.

Это трагическое противоречие в действиях Верховного управления страной очень характерно обрисовывается в словах приехавшего в начале мая 1916 г. в Россию в качестве представителя французского правительства министра снабжений г-на Тома. Беседуя с председателем Государственной думы М. В. Родзянко о недостатках в снабжении, на вопрос председателя Государственной думы: «Скажите, пожалуйста, вполне откровенно ваше мнение о том, что вам недостает в России», — г-н Тома ответил: «Нам недостает сильной центральной русской власти, так как, если можно так выразиться, господин председатель Думы, Россия должна быть морально очень крепкой, чтобы переносить в критические минуты, которые мы сейчас переживаем, то состояние тихой анархии, которое царит в вашей стране и прямо бросается в глаза»[1].

В итоге к концу 1916 г. продовольственное снабжение армии находится в очень тяжелом положении.

На совещании в Ставке главнокомандующих, происходившем 17—18 декабря (ст. стиль) 1916 г.[2], Главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт счел нужным сделать следующее заявление:

---

[1] Родзянко М. В. Крушение империи // Архив Русской революции. Т. XVII. С. 125.

[2] Выдержки из протокола этого совещания напечатаны в книге «Разложение армии в 1917 году». С. 7.

«Где бы ни готовился удар, необходимо обеспечить войска продовольствием. Надо пополнить запасы базисных и продовольственных магазинов, которые теперь исчерпаны. Вместо того чтобы иметь месячный запас, мы живем ежедневным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение. Местные средства также исчерпаны. Надо принять меры, чтобы пополнить базисные магазины. Раскладка сокращена так, что дальше идти нежелательно».

Главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский рисует не менее печальную картину: «...Северный фронт не получает даже битого (мяса). Общее мнение таково, что у нас все есть, только нельзя получить. В Петрограде, например, бедный стонет, а богатый все может иметь. У нас нет внутренней организации...»

РЕВОЛЮЦИЯ

Вспыхнувшие в марте (нов. ст.) в Петрограде беспорядки, с которых началась революция, предшествовались продовольственными затруднениями.

В течение первого же месяца революции генералу Алексееву, вступившему в должность Верховного главнокомандующего, пришлось уменьшить размеры продовольственных дач в тылу. Его телеграмма № 2719 от 20 марта (3 апреля), приводимая нами в приложении к этой главе[1], является очень характерным документом; из конца этой телеграммы можно увидеть, что поддержка Временного правительства не обеспечивает еще исполнения распоряжений Верховного главнокомандующего и ему приходится искать таковую в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Создавшееся с начала революции положение вещей могло только увеличивать хаос в продовольственном деле. Продовольственная кампания в течение марта, апреля, мая и июня 1917 г. дала 40 % невыполнения продовольственных заготовок, июль дал уже 70 %, а август — 60—90 %.

Довольно полную картину положения продовольственного дела после начала революции дает в донесении от 10 августа 1917 г.[2] своему правительству генерал Нокс:

[1] См. с. 354—357.

[2] Despatch D. 3; British Ambassy, Petrograd. Brigadier General A. Knox; подлинник хранится в архиве Британского военного министерства.

«Имею честь представить несколько сведений о состоянии снабжения и транспорта.

1 августа на заседании Исполнительного комитета совета солдатских и рабочих депутатов министр продовольствия Пешехонов говорил об общем экономическом положении государства.

Он сказал, что в мае это положение было очень плохим; армия имела продовольствия всего на несколько дней; в Москве одно время было муки всего на один день; в Петрограде положение было лишь немного лучше. С тех пор произошло улучшение. Запасы армии измеряются от 20 до 45 дней, Петроград имеет их на 20 дней, Москва — на 14.

Однако будущее угрожающее. Главное затруднение происходит от дезорганизации, царящей на железных дорогах, которая к осени грозит катастрофой. Продовольствие Северной России не может базироваться лишь на железнодорожном транспорте. Для подвоза должны быть использованы водные пути. Но мысль о железнодорожной перевозке до Волги, по которой можно вести грузы дальше на север на баржах с тем, чтобы затем опять развозить железными дорогами, невыполнима из-за чрезмерной платы, требуемой грузчиками, притом не соглашающимися работать даже по 8 часов в день.

Прежнее правительство зависело от урожая на помещичьих землях, который легко было собрать. Но помещичьи посевы уменьшились вследствие препятствий, чинимых крестьянами. Последние, кроме того, стремятся мешать применению сельскохозяйственных машин. Они требуют предоставления им сбора хлебов при условии уплаты им за это от четверти до трети урожая. Это значит, что большая часть урожая помещичьих земель будет растаскана по избам и сбор его станет для правительства невозможным.

В некоторых губерниях крестьяне отказываются отдавать свое зерно иначе, как в обмен на мануфактуру. Селения Юго-Западной России нуждаются в одежде и металлических изделиях. Министр продовольствия делает героические усилия, чтобы найти нужные для обмена предметы, но сейчас мануфактуру достать в России нельзя нигде. Ограничения в тоннаже препятствуют ее ввозу. Если даже удается собрать некоторое количество товара, то распределение его при царящем беспорядке является делом нелег-

ким. 600 вагонов тканей было недавно отправлено для обмена на Кавказ. 400 из них было "арестовано" в Таганроге, и местные комитеты потребовали распределения содержимого на месте.

Производство сахара будет чрезвычайно сокращено, так как крестьяне силой захватили часть свекловичных хозяйств.

Крестьяне делают все возможное, чтобы задержать у себя зерно в надежде, что цены, которые сейчас низки, поднимутся. Вдоль железных дорог нет правительственных складов, и продукты должны отправляться немедленно после их подвоза. Самая же доставка до железных дорог представляет из себя целую проблему. В реквизиции лошадей переусердствовали. Моторизированного транспорта нет. Практически в наиболее хлебных районах железных дорог мало, а простые дороги часто непроходимы весной и осенью. Как раз теперь все перевозочные средства, находящиеся в распоряжении крестьян, заняты жатвенной работой и никакое зерно к железным дорогам не подвозится. Лошадиный транспорт так ограничен, что зерно не может доставляться с больших расстояний. Отсюда вытекает, что армия и городское население России должны базироваться на узкой полосе земли, примерно в 15 миль по каждую сторону от железной дороги.

Хороший урожай жизненно необходим, ибо, хотя в России зерна всегда достаточно, чтобы прокормить население, мы должны иметь избыток в полосе возможного транспорта.

Урожай 1917 г. не очень хорош. Количество ржи нормально. Пшеница хороша на Северном Кавказе и в Западной Сибири, но, к сожалению, только посредственна в волжских губерниях, откуда ее легко можно перевозить. Овес и ячмень — плохи.

Задача, которая стоит теперь перед Министерством продовольствия, заключается в перевозке водными путями зерна с Северного Кавказа на Верхнюю Волгу до остановки речного транспорта. Тоннаж Волжского флота — 4,5 миллиона — достаточен, но последняя баржа должна покинуть нижнее течение реки не позже 23 сентября, так что времени осталось мало и эгоистическая лень грузчиков, о которой упоминалось уже выше, может сыграть решающую роль. В конце будущего месяца можно будет судить об усилиях, потребующихся этой зимой от русских железных дорог.

Положение теперь, конечно, хуже, чем оно было в прошлом году в то же время. Главный интендант сообщил мне, что он всегда

старался иметь на фронте запасы на два месяца. Это удавалось ему до ноября 1916 г. С тех пор запасы начали постепенно таять, чтобы дойти в феврале лишь до размеров запасов на несколько дней.

Помощник министра продовольствия сообщил мне, что теперь на фронте имеются запасы продовольствия всего лишь на 20—30 дней, в то время как в прошлом году в это время запасов было на 60 дней. В Москве и Петрограде запасов на 20 дней против 45 дней в августе прошлого года. Эти данные отличаются от тех, что были официально сообщены министром продовольствия на ту же дату.

Министерство путей сообщения указывает, что им всегда отдается предпочтение снабжению армии и все, что получается от Министерства продовольствия, немедленно отправляется по назначению.

Для облегчения снабжения армии Россия разделена на Восточную и Западную области. Граница между ними проходит по линии Петроград—Одесса. Передаточными станциями являются: Петроград, Бологое, Ржев, Смоленск, Брянск, Гомель, Киев, Знаменка, Николаев и Одесса.

Каждые несколько месяцев совещание в Ставке определяет число вагонов каждого рода снабжения, которое требуется от Восточной области для каждого из фронтов. Южные фронты, конечно, в этом отношении более независимы, чем остальные. Ежедневная потребность только в вагонах съестных припасов на июль была определена в следующих размерах:

Северный фронт	561
Западный фронт	589
Юго-Западный фронт	355
Румынский фронт	102

Задача становится гораздо трудней зимой, когда в среднем требуются около 800 вагонов в день для доставки сена и 400 вагонов для овса и ячменя. В феврале потребное количество вагонов равнялось:

Северный фронт	660
Западный фронт	893
Юго-Западный и Румынский фронты	687

Ставка потребовала в марте от Восточной области 51 612 вагонов, но из-за недоставки продуктов к головным станциям только 32 448 вагонов было погружено — недохват в 37,1 %.

В апреле положение ухудшилось. Из 45 900 потребных вагонов только 12 821 было погружено — недохват в 72 %.

В первой половине мая и в июне недохват равнялся 21 %».

В сентябре месяце после неудачи «выступления» генерала Корнилова развал армии и страны пошел быстрым темпом.

Для армии приближалась продовольственная катастрофа. В начале октября 1917 г. автор этой книги, готовясь к поездке на Междусоюзническую конференцию, имел в Ставке подробную беседу с главным полевым интендантом. Этот последний дал следующие цифровые данные о степени обеспечения Русской армии продовольствием.

Наличие на фронтах главных видов продовольствия по состоянию на 10/23 октября 1917 г.

	Обеспеченность в днях							
	Мука	Крупа	Сухари	Жиры	Мясо и рыба	Живой скот	Консервы	Овес
Северный фронт	15	37	6	62	3,5	10	12	1,75
Западный	10,5	12	10	50	6	12	15,5	5
Юго-Западный	9	4	2,5	2	0,5	4,5	7	0,66
Румынский	8,5	5	2,5	5	1	2	6	4
Кавказский	25,5	66	34	61	4	3,5	25	9

К данным этой таблицы главный полевой интендант добавил, что на дальнейшее регулярное пополнение указанных запасов, многие из которых приближаются к исчерпанию, он рассчитывать не может.

На вопрос автора, что же будет дальше, главный полевой интендант развел руками и сказал: «Голодные бунты».

Через 10 дней после этого разговора автор участвовал в заседании министров Временного правительства. На этом заседании министр продовольствия г-н Прокопович категорически заявил, что снабжать продовольствием он может только 6 000 000 человек,

между тем как на довольствии находились в это время 12 000 000 человек. Присутствующий на этом заседании министр путей сообщения столь же категорично заявил, что если с интендантского пайка будут сняты 1 200 000 железнодорожных служащих и их семейств, то железнодорожный транспорт сейчас же остановится. Таким образом, требовалось немедленное сокращение армии, достигавшей в это время вместе с запасными войсками во внутренних округах десяти с лишком миллионов, более чем на 5 миллионов человек.

Подобное требование, по существу дела, являлось демобилизацией. Исполнить это требование не пришлось, так как через несколько дней произошел большевистский переворот.

ВЕЩЕВОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ

В области удовлетворения потребностей армии вещевыми довольствиями мы увидим ту же картину, как и в области снабжения продовольствием.

«С самого начала войны главный интендант предвидел, — пишет генерал Лукомский[1], — что требования армии превзойдут все нормы, определенные в мирное время, и принял меры для заготовки крупных запасов интендантского довольствия, дабы иметь возможность удовлетворить требования, которые могут поступить с фронта. Но и он ошибся в размере этих требований, и Интендантству также пришлось обратиться с заказами за границу на различные предметы снабжения. В том числе пришлось уже в 1915 г. сделать очень крупные заказы на обувь — преимущественно в Англии и в Америке. Эти заказы обошлись казне очень дорого; были случаи крайне недобросовестного их выполнения, и они заняли очень значительный процент тоннажа судов, столь драгоценного для подвоза боевых припасов.

Невозможность удовлетворить потребности армии средствами отечественной промышленности определилась как-то неожиданно для всех, не исключая и интендантского ведомства. Оказался недостаток кож, недостаток дубильных веществ для их выделки, недостаток мастерских, недостаток рабочих рук (сапожников). Но все это произошло от отсутствия правильной организации.

[1] Записка генерала Лукомского // Сборник Финансового агентства США. С. 36.

На рынке кож не хватало, а на фронте сгнивали сотни тысяч кож, снимавшихся со скота, употреблявшегося в пищу для армии... Заводы для приготовления дубильных веществ, если бы об этом подумали своевременно, нетрудно было устроить; во всяком случае, не трудно было своевременно получить из-за границы и готовые дубильные вещества.

Рабочих рук было также достаточно, но опять-таки о правильной организации и развитии мастерских и кустарных артелей своевременно не подумали. На этой почве в некоторых районах государства произошли даже серьезные неудовольствия среди населения, вылившиеся в некоторых местах в беспорядки. В некоторых уездах местные уездные полицейские чины, получив распоряжение губернаторов о привлечении к работе в земских и интендантских мастерских сапожников из районов, не занятых работой на армию, решили вопрос просто — приказали всех сапожников, находившихся в селениях и других населенных пунктах уездов, собрать и, как арестованных, под конвоем чинов полиции доставить в уездные города».

Только что приведенная выдержка чрезвычайно показательна, ибо принадлежит перу ближайшего сотрудника генерала Сухомлинова, сотрудника, высоко ценящего деятельность своего начальника[1]. Поэтому обвинять генерала Лукомского в чрезвычайной строгости критики не приходится.

---

[1] Доказательством этой высокой оценки служит следующая выдержка из воспоминаний Сухомлинова:

«Во главе канцелярии Военного министерства стоял тогда (в день увольнения генерала Сухомлинова от должности военного министра) мой бывший сослуживец по Киевскому округу генерал Лукомский. Ему ли было не знать досконально мою деятельность по восстановлению боеспособности русских вооруженных сил. И то письмо, которое я от него получил после того, как стало известно мое увольнение, было настоящим целительным бальзамом для той смертельной раны, которую я получил от мстящей закулисно руки Великого князя Николая Николаевича. Письмо Лукомского вылилось у него тогда без какого-либо постороннего влияния в ту или другую сторону. Писал его хорошо меня знавший и в деятельности моей по Военному министерству, быть может, более, чем кто-либо другой, в этом компетентный, кроме того, в данную минуту тогда уже не мой подчиненный... Полнейшая неожиданность моего увольнения вызвала тогда его возмущение, сознание громаднейшего вреда для дела и честное и нелицеприятное изложение этого на бумаге». С. 329.

А между тем вышеприведенная выдержка рисует картину полной несостоятельности Военного министерства в деле снабжения. Оно «предвидит», но не учитывает размеров; оно делает заказы обуви за границей, занимает «драгоценный тоннаж» и не развивает производства в стране вследствие «отсутствия правильной организации» и т.д.

Особенно характерна фраза: «Невозможность удовлетворить потребности армии средствами отечественной промышленности определилась как-то неожиданно...»

Но к этой несостоятельности Военного министерства присоединилась еще общая неподготовленность государства к ведению современной большой войны, требующей участия в борьбе не только армии, но и всех сил народа. И как это ни покажется странным с первого взгляда, даже в вопрос о снабжении армии сапогами примешивалась политика. Это явление настолько характерно для обрисовки громадных внутренних трений, существовавших в работе нашего глубокого тыла, что мы считаем себя вынужденными остановить внимание читателей на положении «сапожного» вопроса в изложении председателя Государственной думы М. В. Родзянко.

В своих воспоминаниях он рассказывает про свое посещение Ставки в конце 1914 г., где он имел беседу с Верховным главнокомандующим. Великий князь Николай Николаевич «говорил о Сухомлинове, которому он не доверяет и который старается влиять на решения Государя. Великий князь сказал, что его вынуждает к временной остановке военных действий отсутствие снарядов, а также недостаток сапог в армии»[1].

«— Вот вы имеете влияние, — заметил Великий князь. — Вам доверяют. Устройте мне как можно скорее поставку сапог для армии.

Я ответил, что это можно устроить, если привлечь к работе общественные организации и земства. Материала в России много, рабочих рук также, но в одной губернии кожи, а в другой дратва, подметки, гвозди, а еще в какой-нибудь — дешевые рабочие руки, кустари-сапожники. Лучше всего было бы созвать съезд председателей губернских земских управ и с их помощью наладить дело. Великий князь отнесся к этому очень сочувственно.

[1] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 86—88.

Вернувшись в Петроград, я был в Организационном комитете Думы и расспрашивал членов Думы, как, по их мнению, лучше наладить доставку сапог. Обсудив, решили циркулярно запросить председателей управ и городских голов. Это было скоро сделано, и сразу посыпались благоприятные ответы. Так как возможно было ожидать противодействия со стороны правительства к созыву такого съезда, то я́ решил объехать и поговорить с некоторыми министрами в отдельности. Кривошеин, Сухомлинов и Горемыкин отнеслись к идее съезда весьма сочувственно и обещали поддержать мое предложение в Совете министров. Свидание же с министром (внутренних дел) Маклаковым вышло весьма оригинальным. На мое заявление, что Главнокомандующий поручил мне спешно заняться поставкой сапог для армии при посредстве земств и созвать для этого в Петрограде председателей городских и земских управ, Маклаков сказал: "Да, да, то, что вы говорите, вполне совпадает с имеющимися агентурными сведениями".

"С какими сведениями?"

"По моим агентурным сведениям, под видом съезда для нужд армии будут обсуждать политическое положение в стране и требовать конституцию..."

Это заявление министра было до того неожиданно и нелепо, что я даже привскочил в кресле и резко ему ответил:

"Вы с ума сошли... Какое право вы имеете так оскорблять меня? Чтобы я, председатель Государственной думы, прикрываясь в такое время нуждами войны, стал созывать съезд для поддержки каких-то революционных проявлений! Кроме того, вы вообще ошибаетесь, потому что конституция у нас есть..."

"Вы, Михаил Владимирович, пожалуйста, не принимайте это за личную обиду, во всяком случае, без Совета министров я не могу дать разрешение на такой съезд и внесу этот вопрос на ближайшее заседание".

Я сообщил Маклакову, что некоторые из министров обещали поддержать мое ходатайство, и ушел от него, возмущенный и расстроенный.

О съезде были уже разговоры с членами Думы, и неофициально многие из председателей управ были уже извещены о желании Главнокомандующего привлечь земства к работе на армию. Многие тотчас же откликнулись. Прислали нужные сведения, а некоторые, не дожидаясь приглашения, сами приехали в Петро-

град. Затем стали поступать ответы из земств, что заказы уже даны кустарям и мастерским, скупаются кожи и что работа идет вовсю. Одно из земств ввиду недостатка дубильных веществ послало своего человека в Аргентину. Даже некоторые из губернаторов и те откликнулись и писали, что вполне сочувствуют привлечению земств к военным поставкам. Министр Маклаков и тут постарался мешать, как он мог. Он распорядился, чтобы заказы шли через губернаторов, что возмутило общественные круги и затормозило дело. В то же время Маклаков издал знаменитый приказ, в котором запрещалось вывозить продукты из одной губернии в другую. Это уже совершенно стесняло и нарушало план использования продуктов и возможностей различных губерний. Через несколько дней я получил письмо Маклакова, в котором председатель Думы извещался, что его предложение о созыве съезда Советом министров отклонено и что дело поставки сапог передано главному интенданту Шуваеву, который и должен входить в сношение с земствами и городами. На другой же день является Шуваев и откровенно заявляет, что он не может этим заняться, что никогда с земствами дела не вел и что, по его мнению, земства не отнесутся с достаточным доверием к Интендантству и не станут с ним непосредственно работать. Шуваев просил как-нибудь помочь ему. Я откровенно ему ответил, что, раз Совет министров нашел, что мне нельзя поручить этого дела, мне остается вовсе от него отказаться.

Вскоре после того у меня был Горемыкин[1] для обсуждения вопроса о созыве Думы. Я напомнил ему в разговоре о его обещании поддержать предложение о Земском съезде.

"Какой съезд? — удивился Горемыкин, — ничего такого мы вовсе не обсуждали в Совете..."

Я показал Горемыкину письмо Маклакова. Он прочел с большим изумлением и опять повторил, что вопрос в Совете министров вовсе не обсуждался, а про Маклакова он заметил:

"Il a menti comme toujours..."»[2]

Все эти трения привели к тому, что в 1915 г. в армии начал ощущаться «сапожный» кризис.

Из личного опыта могу засвидетельствовать о той трагедии, которую испытала пехота VII армии в декабре 1915 г. Эта армия,

[1] Председатель Совета министров. (*Прим. Н. Г.*)

[2] «Он лгал, как всегда». (*Прим. ред.*)

начальником штаба которой я был назначен в октябре 1915 г., предназначалась для десантной операции против Болгарии с целью помочь Сербии. Ввиду крайне подозрительного поведения в этом отношении Румынии эта десантная операция не могла состояться, и VII армия была перевезена в конце ноября в Галицию, в состав Юго-Западного фронта.

Высадившись с железной дороги, части этой армии должны были пройти 4—5 переходов, чтобы занять назначенные на фронте места. Это походное движение совпало с осенней распутицей, и пехота потеряла свои сапоги. Тут начались наши страдания. Несмотря на самые отчаянные просьбы о высылке сапог, мы получали их столь ничтожными порциями, что пехота армии ходила босая. Такое катастрофическое положение длилось почти два месяца.

С началом 1916 г. положение улучшилось и потребности армий в обуви стали удовлетворяться; за весь 1916 г. в армии и их тыловые склады было выслано до 29 миллионов пар обуви, большая часть которой была изготовлена в России[1].

Мы не будем останавливаться на изложении вопроса об удовлетворении потребностей армии в остальных предметах вещевого снабжения, а также обозного и прочего[2] имущества. Такого острого кризиса, как в снабжении обувью, в прочих видах снабжения не

---

[1] Записка генерала Богатко // Сборник Финансового агентства США. С. 82.

[2] В области санитарной помощи первые же сражения показали, что расчеты мирного времени совершенно превзойдены действительностью. В первые месяцы приходилось наблюдать скопление раненых, остающихся в течение нескольких дней без действительной помощи. Автору лично пришлось в декабре 1914 г. быть свидетелем очень тяжелого случая, когда командующий IX армией генерал Лечицкий зашел в местечке Островец в брошенное здание кинематографа и нашел там несколько сотен тяжелораненых, оставленных ушедшими вперед войсками. При этих умирающих были всего две сестры милосердия, совершенно обессиленных бессменной работой в течение трех суток... Естественно, что в области санитарной помощи и проявилось прежде всего содействие общественных сил. Союзы земств и городов возникли на этой почве. Ими были сформированы многочисленные лазареты и целый ряд обслуживающих армию санитарных и медицинских отрядов. Только благодаря этому содействию нашему Военно-санитарному ведомству и Красному Кресту удалось к концу 1914 г. справиться с выпавшей на их долю задачей.

приходилось переживать. Но общая картина остается та же. В кампанию 1914 г. и в первую половину 1915 г. происходили растрата всех запасов и бессистемные попытки восстановления их. Военное министерство никак не может уяснить себе размеры потребностей, а также, что и как можно получить из страны. Для Сухомлинова и его сотрудников все возникает «как-то сразу», «неожиданно для всех». Поэтому говорить о каком-либо предвидении не приходится. В 1916 г. во всех областях снабжения положение улучшается. Активное выступление общественных сил страны сказывается везде, но все-таки настоящей организации, которая позволила бы получить максимум снабжения при наименьшем напряжении страны, нет нигде. Начавшийся же с революцией развал тыла отражается во всех отраслях снабжения армии.

ОТНОШЕНИЕ СОЛДАТСКОЙ МАССЫ К КАЗЕННОМУ ИМУЩЕСТВУ

Очерченная нами картина удовлетворения потребностей армии в интендантском снабжении будет неполной, если мы не укажем здесь на одну отрицательную черту, свойственную солдатской массе военных призывов.

Низкий культурный уровень наших народных масс не содействовал развитию в них надлежащего отношения к казенному имуществу. Народная пословица даже зарегистрировала это понимание в словах: «Казенное — в огне не горит, в воде не тонет». В предыдущей главе нам приходилось уже говорить об этом. Но там мы указывали, что ссылкой на подобное отношение наши военные руководители снабжения старались прикрыть свой собственный грех — отсутствие предвидения и неумелость в организации. В деле боевого снабжения упоминаемая здесь черта нашей солдатской массы не могла сказаться в той мере, как это рисуют «снабжатели». Предметы боевого снабжения находились под очень сильным контролем офицерского состава. Иначе обстояло дело в области снабжения предметами не боевого характера, в особенности в вещевом довольствии. Здесь контроль был слабее, да, кроме того, в толще призванных во время войны прочно укоренился взгляд, что выданное им на руки вещевое довольствие с первого же дня является их полной собственностью, что казна

достаточно богата, чтоб почаще возобновлять эту собственность. Нужно отметить здесь, что в солдатском составе, прошедшем в мирное время полный срок действительной службы, воинское воспитание в значительной мере искоренило это пагубное отношение к казенному имуществу. Но когда на укомплектование начали прибывать маршевые роты, составленные из призывных, наскоро и кое-как обученных, дело сильно изменилось в худшую сторону.

Еще большее ухудшение стало замечаться тогда, когда подъем народного духа начала войны прошел, когда пошла полоса тяжелых неудач летней кампании 1915 г., — небрежное отношение к выданному на руки вещевому имуществу явилось своего рода саботированием войны.

Правда, следует опять отметить, что чины маршевых рот после влития в ряды войсковых частей быстро излечивались от этого недуга; под влиянием кадров они «воспитывались», и поэтому на самом фронте отношение солдатского состава к казенному имуществу оставалось довольно близким к старому уровню. Но в тылу распоряжение казенным имуществом приобретало все более и более характер безобразия.

Я приведу один пример из пережитого мною за время пребывания в должности начальника Штаба VII армии.

В декабре 1915 г., как мне уже приходилось упоминать, моя армия переживала «сапожный» кризис. После долгих и упорных просьб, обращенных к органам фронтового снабжения, после постройки «собственными» силами «своего» кожевенного завода в тылу армии, производящего более чем несколько тысяч кож в месяц, мы начали выбираться из кризиса. Но при этом обнаружилось следующее явление: войсковые части продолжали требовать и требовать обувь, а между тем, по имеющимся у нас расчетам, их потребности должны были быть уже удовлетворены. Я лично объехал для поверки корпуса, некоторые дивизии и полки. Оказалось, что все прибывающие маршевые роты, а их в этот период прибывало много, почти поголовно прибывали со старой, никуда не годной обувью. Между тем, согласно установленному порядку, все чины маршевых рот, высылаемых запасными батальонами, снабжались совершенно новыми сапогами.

В ближайшие же дни выяснилось, что чины маршевых рот, проходя через деревни, продавали новые сапоги, обменивая их на никуда не годные, причем производилось это почти повально. Все опрошенные после поимки совершенно искренно отвечали, что они думали, что, когда придут в окопы, им должны дать новые сапоги. Одновременно с этим открылось, что торговля казенным вещевым довольствием приняла настолько массовый характер, что произведенный местной полицией обыск в селах, лежащих по пути прохождения маршевых рот, обнаружил даже небольшие мастерские, в которых перешивали солдатские полотнища палаток в юбки для деревенских баб.

Бороться с этим злом было очень трудно. С маршевыми ротами шли малоопытные прапорщики; полицейских сил в деревне было мало. Для того чтобы наладить порядок, пришлось усилить кадры армейских запасных батальонов за счет опытного офицерского состава частей, последний же в это время ценился на самом фронте в полном смысле на вес золота; пришлось создать сильную военную полицию в тылу — опять-таки за счет частей, боровшихся на фронте.

Не лишено интереса упомянуть здесь о распоряжении генерала Брусилова, который был в это время Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Этот генерал, поражавший своим циничным отношением к офицерской и солдатской крови, задумал решить вопрос чрезвычайно просто: он приказал пороть 50 ударами розог всех чинов маршевых рот, которые прибудут в части с недостачей в выданном им вещевом довольствии. В этом приказе генерал Брусилов утверждал, что он применял эту меру во время командования им VIII армией и будто бы она привела к отличным результатам. Это утверждение навряд ли соответствует действительности: тыл VIII армии во время командования этой армией генералом Брусиловым считался на Юго-Западном фронте самым беспорядочным.

С началом революции небрежное отношение к казенному имуществу сразу же быстро возросло и вскоре превратилось в какую-то безудержную вакханалию.

В общем, отношение низов армии к казенному имуществу представляет собою как бы волнообразную «кривую», которая все время шла книзу. Но во все периоды войны, несмотря на колеба-

ния этой «кривой», можно было заметить следующее неизменное явление: небрежность и мотовство происходили преимущественно в маршевых командах и тыловых частях; по мере приближения к боевой линии порядок и бережливость возрастали; таким образом, ввиду того, что вещевое снабжение растрачивалось, главным образом, в тылу, войска, дравшиеся на фронте, часто страдали от недостатка в нем.

Упоминаемая выше отрицательная черта русской солдатской массы военного времени привела к тому, что требуемые от страны количества различного вида материального, в особенности же вещевого снабжения превосходили нормальную потребность. Это вызывало, в свою очередь, излишнее непродуктивное напряжение страны.

Общее количество израсходованных за всю войну предметов вещевого снабжения можно выяснить лишь очень приблизительно. В книге «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)», изданной Центральным статистическим управлением[1], это количество исчисляется так:

Предположительное количество израсходованного в войну 1914—1917 гг. имущества

Сукна	429 000 000	аршин
Сапог	65 000 000	пар
Валенок	15 000 000	пар
Подошвенной кожи	460 000	пудов
Полушубков	12 000 000	штук
Фуфаек и телогреек	21 000 000	штук
Теплых кальсон и ватных брюк	30 000 000	штук
Суконных портянок и шерст. чулок	50 000 000	пар
Теплого белья	51 000 000	штук
Седел	782 000	штук
Подков	217 000 000	штук

Мы склонны думать, что в действительности эти цифры были еще больше.

[1] С. 61.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОМОЩНИКА ГЛАВНОГО ИНТЕНДАНТА ГЕНЕРАЛА БОГАТКО

В заключение этой главы мы приведем те окончательные выводы, которые делает в своей Записке помощник главного интенданта генерал Богатко[1]:

«Хотя средства России были весьма велики и разнообразны, но и они требовали бережливого расходования. Война застала ее не подготовленной к развитию и приспособлению промышленности для снабжения армии. Сами эти потребности, их размер, характер, продолжительность — никто себе ясно не представлял. Не было авторитетного, твердого распорядителя-хозяина, вследствие чего не было принято с первых же дней войны полного, целесообразного и бережного расходования этих средств. Общего плана для развития промышленности и использования ее средств не было до конца войны. Не было стремления экономить и беречь средства... Последствием отсутствия правильного хозяйства было: 1) неполное использование того, что могла дать страна; 2) чрезмерное перекачивание средств в армию; 3) возрастание цен; 4) лишение населения необходимых для него в повседневной жизни предметов питания и домашнего обихода, а также и предметов для изготовления самого снабжения (например — металлов для земледельческих орудий и т.д.); 5) загромождение путей сообщения и излишнее занятие подвижного состава. Вследствие этого, например, нельзя было перебросить находившиеся в изобилии в Сибири запасы мяса, зерна и т.д.

Вследствие нарушения правильного транспорта нельзя было подать топливо, сырье, вывезти заготовленные предметы снабжения и т.д. Все это вызывало недостаток предметов первой необходимости в стране и дороговизну и вообще расстраивало и нарушало правильный ход экономической жизни страны. Последствием этого было недовольство войной, существовавшим порядком, правительством и в значительной степени подготовило население к восприятию революции, тем более что настойчивого, здорового разъяснения всего происходившего не было, тогда как антигосударственные элементы вели агитацию весьма настойчиво и последовательно.

---

[1] Сборник Финансового агентства США. С. 87—88.

Богатые источники средств России не были исчерпаны до конца войны, но использовать их мы не умели».

Приложение

ТЕЛЕГРАММА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА ОТ 20 МАРТА (3 АПРЕЛЯ) 1917 г. № 2719

Главкосев[1]. Копии: Главкозап[2], Поглавкорум[3], Командарм Кавказской[4]

«Временное правительство, обсудив совместно с исполнительным Комитетом рабочих и солдатских депутатов современное положение России в области продовольствия, признало необходимым в виде временной меры, впредь до сбора и своза на железные дороги задержанных внутри страны по причинам зимних метелей, а теперь распутицы запасов продовольствия и фуража, ограничить выдачу продуктов для всего населения, как гражданского, так и военного, равно всем войскам, расположенным на фронтах и в тылах. По данным о количестве продовольствия, возможном в течение марта и апреля к отправке на фронты, Временное правительство признало необходимым установить суточную дачу: хлеба два фунта в войсковом районе и полтора фунта в тыловом районе, крупы или заменяющих ее припасов в обоих районах двадцать четыре золотника, зернофуража для лошадей при работе восемь фунтов и при расположении на покое шесть фунтов, сена в обоих случаях пять фунтов и соломы только из местных средств, не требуя дальних перевозок, восемь фунтов. Зернофураж во всех случаях, где возможно, подлежит замене жмыхами по расчету одного фунта жмыхов за два фунта зернового фуража. Ввиду вполне категорических указаний Временного правительства и во избежание кризиса в продовольственном отношении предлагаю Вам с 28 сего марта установить выдачу суточной дачи натурой в войсковом и

[1] Главнокомандующий Северным фронтом.

[2] Главнокомандующий Западным фронтом.

[3] Помощник Главнокомандующего Румынским фронтом, генерал Щербачев.

[4] Командующий Кавказской армией.

тыловом районах: хлеба пока в 2 фунта, крупы в 24 золотника и фуража, как выше указано. Вместе с тем прошу сообщить Ваше определенное заключение о возможности установления суточной дачи хлеба в тыловом районе полтора фунта. Всякая недовыдача натурой каких-либо продуктов против установленных мною приказом моим 1916 года, номер 446, нормальных дач должна или заменяться всякими подсобными припасами из местных средств или выдаваться на руки людям деньгами по установленной расценке соответственно указаниям приказа Наштаверх 1916 года, номер 1804, остатки же нормальных фуражных окладов соответственно дачам, установленным приказом 1916 года, номер 61, должны оставаться в распоряжении войсковых частей для приобретения их собственным попечением соломы, где есть, из местных средств. Увеличение дачи зернофуража и сена, хотя бы за счет покупки собственным попечением частей войск, по требованию Временного правительства должно быть категорически воспрещено ввиду явного недостатка фуража во всей стране для удовлетворения всех потребностей как фронта, так и тыла, также работающего на оборону. Приварочные оклады, в которые входило по приказу 446 20 золотников крупы или заменяющих ее продуктов, должны по-прежнему исчисляться со включением в них стоимости 20 золотников крупы, риса или других подобных продуктов с тем, чтобы за неотпуском войскам соответствующих продуктов натурой таковые заменялись картофелем, овощами и вообще всем, что возможно приобрести на местах, или выдавались деньгами на руки, как указано в приказе 1804. Вместе с тем Временное правительство указало, что, несмотря на неоднократные категорические запрещения отдельным войсковым частям производить какие-либо заготовки в тылу и во внутренних округах без согласия уполномоченных Минзема[1], таковые случаи в последнее время участились и наносят непоправимый вред общему делу продовольствия войск и населения, внося полное расстройство как в действия уполномоченных по сбору продуктов для армии, так и в действия железных дорог. Ввиду изложенного, безусловно, необходимо еще раз категорически воспретить войскам всякого рода такие самостоятельные заготовки, привлекая виновных к законной ответственности. Уменьшение дач не решает, однако,

[1] Министерство земледелия. (*Прим. Н. Г.*)

продовольственных затруднений как в смысле наличия припасов, так и особенно в смысле затруднений подвоза, поэтому Временное правительство ставит нам задачею принять самые энергичные меры по уменьшению на театре военных действий числа людских *ртов и лошадей*, наложив прежде всего руку на различные организации, рабочие дружины из туземцев, рабочие дружины вообще, тыловые учреждения и заведения. Отправление этих людей в тыл даст рабочую силу для сельских работ и выведет государство из кризиса и позволит Действующей армии пережить страдный период в продовольственном отношении до *середины мая*. Особенно настаивает Временное правительство на отводе в глубокий тыл части конных дивизий, ибо не рассчитывает справиться с предвидимыми уже теперь затруднениями по подвозу фуража. Прошу срочно составить соображения, что можно сделать на фронте в отношении уменьшения числа ртов, хотя бы ценою сокращения работ в тылу и деятельности различных организаций. Буду ожидать ответа ввиду выяснившегося тяжелого положения продовольственного вопроса. Затем правительство подчеркивает крайнюю необходимость использовать земли, оставшиеся в войсковом и тыловом районах необработанными, и дать заботами армии широкое развитие огородам, так как рассчитывать на заготовку овощей внутри страны при бедности рабочих рук трудно и все, что может облегчить работу железных дорог, нужно осуществить всеми мерами, ибо дороги эти не могут уже теперь справиться с предъявляемыми им армией требованиями, не говоря почти о полной несостоятельности выполнения оперативных перевозок. Для сведения сообщаю обращение Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов за № 48 от 9 марта сего года: "Ко всем гражданам в тылу и на фронте. Старое правительство вследствие полной своей бездарности не умело наладить дело заготовки продовольственных продуктов и передвижения грузов и оставило стране тяжелое наследство в виде почти опустошенных магазинов с очень небольшими запасами провианта. Поскольку Временное правительство стремится осуществить на деле организацию продовольствия страны, Совет рабочих и солдатских депутатов считает необходимым поддержать это правительство в его борьбе с дальнейшими затруднениями в деле снабжения всего населения продовольствием. Наряду с сообщенными нам мерами

по усилению заготовки и подвоза самого продовольствия Временное правительство вводит ограниченную выдачу продуктов по одинаковой норме для всех классов населения и призывает к временному сокращению рациона все население страны, равно гражданское, как военное, равно войска, стоящие на фронте, как и находящиеся в тылу. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, обсудив положение страны в области продовольствия, доводит до сведения всех граждан страны в тылу и на фронте, что эта мера временного сокращения рационов является при настоящем положении необходимой, и призывает к возможной бережливости. Подписали за председателя Исполнительного комитета Мат. Скобелев, секретарь К. Гвоздев".

Алексеев
20.III.1917 г. № 2719».

Глава девятая
ТРАНСПОРТ

Перевозки по мобилизации и сосредоточению. — Осенняя кампания 1914 г. и зимняя кампания 1914—1915 гг. — Летняя кампания 1915 года — Зимняя кампания 1915—1916 гг. и летняя кампания 1916 года — Зимняя кампания 1916—1917 гг. — Отсутствие дисциплины в использовании железных дорог. — Недостатки в организации и в руководстве железнодорожным транспортом. — Революция. — Постройка новых железнодорожных путей. — Доставки заграничного снабжения.

ПЕРЕВОЗКИ ПО МОБИЛИЗАЦИИ И СОСРЕДОТОЧЕНИЮ

Мы только что рассмотрели вопросы снабжения Русской армии. Важнейшим фактором для правильности этого снабжения являлся транспорт. В первой книге мы указали, что наши внутренние водные пути не могли получить серьезного значения как «военные сообщения» наших армий. Бедность русского театра в шоссейных путях, в особенности к востоку от линии Ковно—Барановичи—Ровно, делала невозможным создать из автомобильного транспорта действительный подсобник железным дорогам[1].

Таким образом, железные дороги явились, по существу говоря, почти единственным видом транспорта, обслуживающего

[1] При изложении деятельности железных дорог автор очень широко использовал Записку бывшего начальника военных сообщений Штаба Верховного главнокомандующего генерала Ронжина, помещенную в литографированном «Сборнике записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну» Финансового агентства США. (С. 123—155.)

все виды пополнения и снабжения Русской армии в войне 1914—1917 гг.[1].

Вот почему в настоящей главе, имеющей целью дать общую картину обслуживающего Русскую армию транспорта, мы ограничимся лишь рассмотрением военной службы железных дорог.

Русские железные дороги блестяще выполнили работу по мобилизации армии и сосредоточению ее на театре военных действий. Не только тысячи воинских эшелонов и команд своевременно прибыли к местам назначения, но в период сосредоточения по требованию Ставки и штабов фронтов в связи с начавшимся наступлением противника некоторые части были перевезены значительно далее намеченных пунктов, перевозки других были ускорены, что для сибирских войск достигало трех-четырех суток. Эти перевозки с отступлением от планов были выполнены без замешательства и в некоторых случаях оказали серьезное влияние на ход военных действий. Работа железных дорог только по сосредоточению войск выразилась в перевозке более 3500 эшелонов.

ОСЕННЯЯ КАМПАНИЯ 1914 Г. И ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ 1914—1915 ГГ.

По окончании периода мобилизации и стратегического развертывания армии железные дороги начали свою не менее сложную и трудную работу по обслуживанию дерущейся на фронте вооруженной силы.

Эта работа может быть распределена на следующие три главные категории:

1) подвоз различного вида снабжений и укомплектований,

2) оперативные перевозки,

3) эвакуация.

Из перевозок первой категории наиболее громоздкими были перевозки по снабжению армии продовольствием, фуражом и предметами вещевого довольствия.

Громоздкость этих перевозок значительно увеличивалась вследствие нашей технической отсталости.

Наши войсковые обозы всецело базировались на конной тяге. Это потребовало перевозку на фронт фуража для прокорма сотен

[1] См. схему железнодорожных путей в конце книги.

тысяч лошадей конных транспортов, а также перевозку этих конных транспортов при всяком перемещении крупных войсковых соединений. Каждому армейском корпусу, кроме положенных по штату обозов, было придано у нас не менее пяти конных транспортов, каждый около 200 повозок. Для перевозки транспортов корпуса требовалось не менее 10 поездов.

К той же технической отсталости должно быть отнесено отсутствие холодильников, которые давали бы возможность снабжать войска замороженным мясом. Перевозка скота в живом виде вынуждала пользоваться всего 10 % подъемной силы вагонов.

Последствием этих двух примеров нашей технической неподготовленности было то, что сотни вагонов излишне направлялись на фронт.

Снабжение артиллерийское, инженерное и санитарное вызывало менее затруднений для работы железных дорог: во-первых, потому, что сравнительная бедность ими России не вызывала тех массовых перевозок артиллерийского снабжения, которые имели место у наших союзников и наших врагов; во-вторых, «компактность» этих грузов и установленное уже у нас их «обезличение» облегчали организацию перевозки. Также сравнительно небольшое напряжение железных дорог вызывал подвоз укомплектований.

Осенью 1914 г., когда количество войск было в соответствии с расчетами мирного времени, сильные магистрали, на которые выпадала главная работа, легко справлялись с перевозками по снабжению. Некоторое затруднение создалось лишь в Галиции; отходящий перед нашими армиями противник разрушал железнодорожные сооружения и угонял свой подвижной состав. Но и эти затруднения скоро удалось преодолеть. Усиленная работа железнодорожных войск восстановила разрушенные сооружения, а инженеры нашли простой способ быстрого приспособления нашего 5-футового подвижного состава к движению по галицийским железным дорогам.

К зимней кампании 1914—1915 гг. большие наступательные операции наших армий затихли; установились определенные направления подвоза, и работа железных дорог протекала относительно спокойно. Единственные перевозки, которые нарушали иногда установившийся график, вызывались экстренной доставкой войскам артиллерийского снабжения, в котором начал ощущаться крайний недостаток. Тем не менее положение казалось

устойчивее, и в течение зимы передовые магазины фронта были пополнены различными видами довольствия.

Оперативные перевозки начались, по существу говоря, еще во время сосредоточения. Осенью 1914 г. и в зимнюю кампанию 1914—1915 гг. эти перевозки были относительно невелики по размерам и по расстоянию. Военные действия происходили в пределах «Передового театра» и Галиции. По характеру они носили на себе отпечаток того крупного стратегического преимущества, которым мы располагали до весны 1915 г., — инициативы действий. Свободно принимались определенные военные решения, и железным дорогам давались посильные для них задачи. Если и бывали в то время отдельные случаи затруднений в узлах или на головных участках, то эти мелкие замешательства быстро ликвидировались, порядок движения на дорогах, в общем, не нарушался, и все военные задания выполнялись без промедления.

Эвакуационные перевозки того же периода войны (т.е. с начала ее до весны 1915 г.) начались вывозом при мобилизации в тыл всего, что признавалось нужным обеспечить от захвата противником в очищаемой нами полосе местности. Запаздывание готовности наших армий вынуждало нас избрать районы их сосредоточения, несколько отступив от государственной границы. Поэтому немедленно по объявлении войны в пределах этой полосы производилась эвакуация. Вывозу подлежали: государственные ценности, личный состав и дела правительственных учреждений, имущество, полезное в военном отношении, желавшие выехать жители и т.д. Под прикрытием нашей конницы эти эвакуации прошли вполне успешно, не потребовав особого напряжения железных дорог.

Гораздо сложнее оказался в начальный период войны вывоз в тыл раненых. Неподготовленность к тому грандиозному масштабу, который сразу же приняли сражения, привела к тому, что в первые месяцы войны в эвакуации раненых имели место случаи большого беспорядка. Один из таких случаев записан в мемуарах председателя Государственной думы М. В. Родзянко[1].

«Вскоре после моего приезда в Варшаву, — пишет М. В. Родзянко, — в ноябре 1914 года приехал ко мне уполномоченный Земского союза Вырубов и предложил посетить Варшаво-Венский вокзал, где находились около восемнадцати тысяч раненных в боях под Лодзью и Бржезанами. На вокзале мы застали потрясающую

[1] Архив Русской революции. Т. XVII. С. 84.

картину: на перронах, в грязи, слякоти и холоде, под дождем, лежало на полу, даже без соломы, невероятное количество раненых, которые оглашали воздух раздирающими душу стонами и жалобно просили: "Ради Бога, прикажите перевязать нас, мы пятый день не перевязаны". Надобно при этом сказать, что после кровопролитных боев эти раненые были привезены в полном беспорядке в товарных вагонах и брошены на Варшаво-Венском вокзале без помощи...»

К началу 1915 г., по мере накопления опыта, эти безобразные картины прекратились и эвакуация раненых начала протекать упорядоченно.

ЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ 1915 ГОДА

В летнюю кампанию 1915 г. Германия переносит центр тяжести своих действий с французского театра на русский. В мае 1915 г. немцы совместно с австро-венграми производят на р. Дунайце прорыв нашего фронта в Галиции. Под давлением значительно превосходящих сил противника наши войска вынуждены были начать отход в глубь России, который продолжался четыре месяца. Этот грандиозный отход начался в Галиции и, постепенно распространяясь к северу, охватил весь наш фронт. В начале сентября войска остановились на линии Двинск—Лунинец—Киверцы—Радзивилов—Новоселицы. В руках противника остались, таким образом, вся русская Польша, Литва, значительная часть Белоруссии и почти вся захваченная нами в начале войны часть Галиции.

В период этого отступления железные дороги принимали самое живое участие в военных операциях. Войска срочно перебрасывались на наиболее угрожаемые участки и выгружались иногда на самом поле боя. Вследствие потери нами инициативы действий направления и размеры оперативных перевозок приходилось приноравливать к не всегда возможным для предвидения действиям противника, и работа железных дорог стала приобретать порывистый, нервный характер.

Но исключительно тяжелым грузом легли на железные дороги грандиознейшие эвакуационные перевозки. Эти перевозки оказались особенно трудными, ибо были непосредственно связаны с

отступлением войск, а потому лишены должной планомерности, отсутствие которой пагубно отражается на функционировании железных дорог.

Началось с очень нелегкой эвакуации Галиции, дороги которой были не нашей имперской колеи. Перегрузка на пограничных станциях была в создавшихся условиях практически невыполнима. Пришлось проложить на участках наших приграничных дорог новые пути и угнать галицийский подвижной состав.

Число уведенных таким способом единиц подвижного состава достигало 12 000.

Но особенно тяжело сложилась эвакуация покидаемых нашими войсками областей Польши, Литвы и Белоруссии. В Галиции мы оставляли недавно занятую нами чужую территорию, и вывозу подлежали преимущественно военные учреждения и склады. При эвакуации имперских областей приходилось вывозить не только громадное количество разнообразного военного имущества, но эвакуировать и наши густо населенные и промышленные районы со значительным числом крупных центров. Эвакуация одного такого города, как Варшава, с его лазаретами, фабриками, железнодорожными мастерскими, с его многочисленными административными учреждениями, а также многими тысячами жителей, стремившихся во что бы то ни стало выехать, была очень серьезной задачей, но это представляло только небольшую часть того, что подлежало вывозу из всего «Передового театра». Эвакуация началась почти одновременно с отступлением войск, и в тылу быстро поднялась тревога. Импровизированность распоряжений по эвакуации со стороны высших военных властей и нарушенное спокойствие духа у исполнителей делали работу железных дорог очень трудной. По мере распространения сведений об отступлении на станциях, все глубже в тылу, производились спешная погрузка и отправление казенного и частного имущества, часто с нарушением правильной работы дорог. Руководство движением было до крайности затруднено непрерывно меняющейся обстановкой, а иногда и вмешательством лиц командного состава. Поезда, следовавшие с головных участков вне расчетов, под влиянием военной необходимости проталкивали вглубь составы попутных станций и постепенно как бы «спрессовывали» движение. Число отправляемых поездов значительно превышало пропускную способность линий, и на станциях начали образовываться пробки.

Подходившие с фронта поезда останавливались в пути, образуя иногда неразрывные линии вагонов в десятки верст длиной. Недостаточное количество меридиональных линий в пределах театра войны сказалось очень сильно, не давая возможности отклонять потоки главных направлений и освобождать переобремененные магистрали.

Особенно тяжело отразилась эта эвакуация на железных дорогах к северу от Полесья; потребовались чрезвычайное напряжение и продолжительное время, чтобы освободить линии от излишнего подвижного состава и наладить правильное движение.

Только что описанные эвакуационные перевозки значительно затрудняли подвоз снабжения и укомплектований.

Даже после того, как наше отступление закончилось, довольно долго работа железных дорог была сложной и нервной. Потребовался некоторый промежуток времени, пока положение войск на новых позициях окрепло, пока устроились учреждения армейского тыла и пока линии железных дорог освободились от потока эвакуационных грузов.

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ 1915—1916 ГГ. И ЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ 1916 ГОДА

По окончании летней кампании 1915 г. в руках у противника остались дороги Польского, Литовского и большей части Белорусского краев. Особенно чувствительна была потеря нами северного участка железнодорожной линии Вильно—Ровно, представлявшей на театре военных действий единственную хорошую железнодорожную связь в меридиональном направлении[1]. Все это резко ухудшило условия работы нашего железнодорожного транспорта. А между тем, начиная с осени 1915 г., значительно изменяются те военные задания, которые предъявлялись к железнодорожному подвозу.

Численность Действующей армии сильно возрастает. Как мы знаем из VII главы, эта численность колебалась до конца сентября 1915 г. между 3 и 4 миллионами. В январе 1916 г. она переваливает 6 миллионов с тем, чтобы к концу 1916 г. достигнуть почти 7 миллионов. Самое протяжение фронта сильно возросло; с выступлением Румынии оно почти двойное по сравнению с 1914 г.

[1] См. схему в конце этого труда.

Обстановка в тылу тоже усложнилась. Северная часть базисных магазинов не всегда располагала достаточным количеством продуктов, и потому возникла необходимость доставлять недостающее из южных магазинов. Узловые станции, которым пришлось теперь перерабатывать сборные поезда по снабжению, не были достаточно развиты, так как к такой работе не готовились.

С ростом численности нашей армии особенно резко начали отзываться на работе наших железных дорог недочеты в организации нашего интендантского снабжения.

Эти недочеты были малозаметны в начале войны, при избытке продовольственных средств и транспортных сил, но с течением времени они начали все сильнее и сильнее сказываться в тылу и на фронте. В тылу они выражались крайне неравномерной нагрузкой базисных магазинов юга и севера. Южные магазины, обыкновенно хорошо снабженные, отправляли продовольствие на север, что вызывало перевозки как бы дополнительного характера и создавало излишнюю работу железных дорог театра военных действий. Существенной неправильностью организации являлось то, что подвозимые в расходные магазины продукты довольствия были недостаточно «обезличены», т.е. продукты направлялись не только в определенный расходный магазин, но иногда и для определенного войскового соединения. Случалось поэтому, что поезда с интендантскими грузами, прибыв на станцию расходного магазина, вынуждены были производить маневры для разгрузки одного и того же продукта в разных местах магазина, в зависимости от расположения запасов, «принадлежащих» определенным войсковым частям. Эта «принадлежность» шла и дальше, проявляясь при перемещении частей по фронту в виде тенденции войск перевозить вместе с собою и их запасы продовольствия и фуража.

В результате даже после того, как потрясения, вызванные эвакуацией, были изжиты железнодорожным транспортом, последний не может справиться с выпадающими на него задачами по подвозу снабжения. Затруднения в этой области увеличиваются по мере того, как Россия выходит из полосы кризиса в боевых снабжениях и последние направляются в армию во все больших и больших количествах. Из личного 18-месячного опыта в должности начальника Штаба VII армии (с октября 1915 г. по апрель 1917 г.) автор может засвидетельствовать, что, как правило, армия недополучала в среднем 25 % полагающегося ей снабжения.

Причины этого недовоза должны быть всецело отнесены к недостаточной провозоспособности наших железных дорог. Для того чтобы выйти из этого хронического состояния недовоза, автору пришлось организовать в своем армейском тылу многочисленные заводы и мастерские. Дабы дать понятие о громадности размеров этого «своего» армейского производства, мы укажем на следующее — к лету 1916 г. в расположении армии работали: кожевенный, два мыловаренных, три дегтярных, четыре лесопильных, один чугунолитейный и механический заводы, починочная армейская ружейно-пулеметная, две повозочные, одна для изготовления проволочных госпитальных шин мастерские; осенью 1916 г., когда в армию перестал поступать керосин, пришлось даже собственными армейскими силами пустить нефтяной завод в Надворной (Карпаты). Для работы в этих мастерских и заводах пришлось взять из войск до 2000 солдат из мастеровых и использовать до 8000 пленных славян. Несомненно, что подобное положение дел было совершенно ненормально. Армейский тыл делался очень громоздким, и в случае отступления все созданные нами заводы и мастерские должны были попасть в руки неприятеля. Но другого способа, как изготовлять непосредственно в самой армии все, что можно было найти на месте, дабы избегнуть железнодорожной перевозки в тыл материалов и обратной перевозки к фронту изготовленного из этих материалов, не было. Только благодаря этому хронический недовоз не отражался на самих войсках.

Усиление задания на перевозку снабжения совпало со значительным усилением задания на оперативные перевозки. Это приводит к тому, что железные дороги не выходят уже из постоянной перенапряженной работы.

Как было указано выше, к началу сентября 1915 г. наши Северо-Западный и Юго-Западный фронты стабилизировались на линии Двинск, Лунинец, Киверцы, Радзивиллов, Новоселицы; Северо-Западный фронт был разделен на два: Северный фронт, прикрывающий пути на Петроград, и Западный, прикрывающий пути на Москву. Это вызвало перераспределение войск, которое, в свою очередь, вызвало оперативные перевозки, направленные в район Двинск—Рига.

В летнюю кампанию 1916 г. центр тяжести операций переместился на Юго-Западный фронт. Туда начали направляться с севера и из центра громадные силы, измерявшиеся более чем

десятком корпусов. При выполнении этой задачи прежде всего с особой яркостью сказалась недостаточность нашего сообщения в меридиональном направлении. Этот недостаток в начертании железнодорожной сети, как мы указывали в третьей главе нашего труда, существовал органически, но после того, как противник занял участок Вильно—Барановичи, положение очень ухудшилось. С потерей узлов Вильно, Лида, Барановичи мы лишились единственного хорошего сообщения между фронтами от Вильно до Ровно, и некоторое время для перевозок с севера на юг мы вынуждены были пользоваться ломаным и кружным путем: Двинск—Полоцк—Молодечно—Гомель и отсюда или на Лунинец—Ровно, или на Бахмач—Киев—Казатин. Такая слабая железнодорожная связь была, конечно, совершенно неудовлетворительной. С возможной срочностью в очень неблагоприятное время года была построена в обход Барановичского узла ветка от станции Синявка на Буды, закончено устройство полотна на северном участке Подольской железной дороги (Калинковичи—Коростень) и сооружен временный деревянный мост через р. Припять. После этого положение несколько улучшилось. Произведенная в течение 1916 г. железнодорожная переброска войск на Юго-Западный фронт измеряется несколькими тысячами эшелонов. И все-таки размер этой перевозки не удовлетворял стратегическим требования создавшейся обстановки.

Одной из причин того, что Галицийская победа в 1916 г. не дала тех стратегических результатов, которые можно было ожидать, является то, что требуемые для этого оперативные перевозки оказались совершенно не под силу нашим железным дорогам.

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ 1916—1917 ГГ.

К осени 1916 г. после двухлетней форсированной работы в движении на железных дорогах чувствовалась затрудненность. Увеличился процент неисправных паровозов, начал серьезно нарушаться порядок вагонообмена между дорогами театра военных действий и дорогами внутренней сети. Дорогам необходим был некоторый отдых для урегулирования их хозяйственных нужд. Однако непосредственно вслед за окончанием перевозок на Юго-Западный фронт вновь потребовалась перенапряженная

работа, вызванная новыми оперативными перевозками. В сентябре 1916 г. против центральных держав в союзе с нами выступила Румыния.

По соглашению о совместных действиях наше командование обязалось перевезти один корпус войск в Добруджу и доставлять следовавшее для Румынии через наши морские порты из-за границы артиллерийское снабжение. Но в первых же своих операциях Румыния понесла решительное поражение. Уже через несколько недель после своего выступления она вынуждена была очистить почти всю Валахию и Добруджу. Подвижной состав железных дорог областей, занятых противником, был эвакуирован в Молдавию и настолько запрудил все линии, что движение по румынским дорогам почти прекратилось. Утеряно было и сообщение по Дунаю, потому что правый берег его оказался в руках противника. Положение румынских войск, отошедших в пределы Молдавии, сделалось критическим. Потребовалась усиленная помощь наших войск, во много раз превышающая условленную в договоре, несмотря на слабость наших бессарабских линий и затрудненность всей сети.

Из ближайших районов нашего Юго-Западного фронта войска были двинуты походным порядком, и одновременно с этим начались перевозки по железным дорогам из более удаленных районов этого фронта, а также с Западного и с Северного фронтов. Эти последние перевозки были особенно тяжелы и для дорог и для войск. Ввиду загруженности линий театра войны значительную часть эшелонов с севера пришлось направить в Румынию кружным путем, на Бахмач—Черкассы— Одессу и отсюда через Раздельную— Бендеры. Это составляло расстояние свыше 1500 верст. Ввиду настойчивых требований Ставки перевозки эти выполнялись крайне форсированно. Сокращались простои поездов, чем нарушалась правильность довольствия войск; воинские поезда были доведены до 50-вагонного состава; люди были размещены в вагонах по летним нормам, несмотря на холодное время года. Однако все эти меры не давали желательных результатов. Длительное чрезмерное напряжение сил железных дорог начало чувствоваться все сильнее. Неоднократно в узлах создавались заторы, что отражалось на работе ближайших перегонов. Затруднения эти бывали настолько серьезны, что иногда возникала необходимость направлять войска на некоторых участках походным порядком по очень тяжелым в

это время года дорогам. По мере увеличения количества наших войск в Румынии все большее число поездов требовалось для снабжения их всеми видами довольствия, что еще сильнее затрудняло оперативные перевозки. Зимой на Румынский фронт было направлено столько войск, что в дальнейшем бессарабские дороги даже при чрезвычайных усилиях не могли справиться с обслуживанием их текущих потребностей.

Некоторым облегчением для железных дорог явилось то, что после осени 1915 г. эвакуации больших территорий не приходилось делать. Имела место частичная эвакуация Рижского района, но она производилась в условиях относительно спокойных и достаточно планомерных.

Эвакуация раненых и больных продолжалась по-прежнему. За время с начала войны до 10/23 октября 1917 г., по подсчету Ставки[1], были эвакуированы во внутренние округа 1 425 000 больных и 2 875 000 раненых.

Кроме рассмотренных только что перевозок трех главных категорий (снабжения и укомплектования, оперативные и эвакуационные), на железные дороги выпадал целый ряд второстепенных задач.

Таковыми являлись менее крупные перевозки по обслуживанию армии и использованию подвижного состава для целей, не связанных непосредственно с транспортом.

Из перевозок подобного рода заслуживают внимания перевозки отпускных и командированных. По мере выяснения затяжного характера войны число отпускных чинов значительно возросло. Значительным оказалось и число командированных. Последнее вызывалось некоторою примитивностью нашей организации снабжения. Передача войскам вещевого снабжения часто производилась в складах глубокого тыла; вместе с этим войска, изверившиеся в способности тыла снабдить их всем нужным, посылали своих чинов для самостоятельных закупок. Отсутствие достаточной организации в службе военных сообщений вызывало со стороны войск необходимость посылать для каждого получаемого из тыла груза специальных провожатых.

Все это приводило к тому, что по железнодорожной сети проезжали ежедневно излишние тысячи «серых шинелей».

---

[1] Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 159.

ОТСУТСТВИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Относительно использования подвижного состава в целях, не связанных непосредственно с транспортом, следует указать: а) на устройство броневых поездов и отдельных броневагонов, б) на использование подвижного состава железнодорожными войсками при своих работах, в) на применение подвижного состава в гигиеническо-хозяйственном деле, а именно — поезда: бани, прачечные, склады, аптеки и т.п.; применение последнего рода вызывалось условиями русского театра военных действий и требовало довольно значительного расхода вагонов.

К сожалению, наравне с вышеупомянутым продуктивным использованием части вагонного парка наблюдались и случаи злоупотребления. Таковыми являлось стремление большинства из наших штабов армий и фронтов иметь в постоянном своем распоряжении сформированные штабные поезда. Эти поезда использовались для постоянного проживания, устраивались различные штабные учреждения, склады имущества и т.д. В 1916 г., когда у нас было 4 фронта и 13 армий, вышеуказанный расход достигал довольно больших размеров и наш вагонный парк лишался значительного числа вагонов, преимущественно классных. Для урегулирования этого вопроса Ставка принимала ряд мер, но как свидетельствует бывший начальник военных сообщений при Ставке генерал Ронжин[1]: «Нельзя сказать, чтобы в лице старших войсковых начальников законные требования по железнодорожной части встречали надлежащую поддержку. Недостаточное знакомство с природой железных дорог некоторых из них и излишнее стремление к удобствам салон-вагонов со стороны других были одинаково тяжелы для железных дорог и отрицательно влияли на персонал штабов и управлений, отношение которого к железнодорожному имуществу иногда нельзя было не признать по меньшей мере легкомысленным».

Мы думаем, что вышеупомянутое злоупотребление представляло собою одно из проявлений нашей технической отсталости. Бережливость и дисциплина, столь необходимые при массовом использовании средств техники, не могли вследствие этой отсталости привиться у нас. Солдат, не берегущий своего ружья

[1] Сборник записок. Изд. Финансовым агентством США. С. 151.

и выбрасывающий для облегчения своей ноши патроны, и генерал, заставляющий простаивать излишнее время подвижной состав, — явления одного и того же порядка. Несомненно, что они тяжелым грузом ложились на бедное в техническом оборудовании государство.

Недостаточное понимание условий, необходимых для наиболее продуктивного использования современной техники, проявилось и на самых верхах. Здесь оно выражалось в стремлении к примитивности решений.

Такою примитивностью являлось то резкое разделение железнодорожной сети на две части, которое проведено было нами наспех составленным Положением о Полевом управлении войск и которое с большим упорством защищала Ставка.

НЕДОСТАТКИ В ОРГАНИЗАЦИИ И В РУКОВОДСТВЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Согласно вышеупомянутому положению, все пути сообщения на территории, объявленной театром военных действий, во всех отношениях подчинялись военным властям. Эта территория включала в себя обширные пространства к западу от линии Петроград—Смоленск и далее от р. Днепра. Все управление железными дорогами, находившимися на территории театра военных действий, с объявлением войны было выделено из ведения Министерства путей сообщения и подчинено начальнику военных сообщений, входившему со своим управлением в состав Штаба Верховного главнокомандующего.

Для того чтобы работа железных дорог театра военных действий была вполне обеспечена и чтобы при срочных перевозках был налицо соответствующий подвижной состав, значительный процент паровозов, вагонов и платформ был изъят из ведения Министерства путей сообщения.

Подобное упрощенное решение оказывалось чрезвычайно непроизводительным с точки зрения общего государственного интереса. Обслуживание железными дорогами самой страны очень затруднялось вследствие сильного сокращения находящихся в распоряжении Министерства путей сообщения паровозного и вагонного парков. Кроме того, постоянно были случаи, когда

значительное количество подвижного состава, попадавшего из внутренних районов империи на сеть театра военных действий, не возвращалось своевременно в распоряжение Министерства путей сообщения.

В первый период кампании, когда весь подвижной состав был в исправности и когда подвоз из внутренних районов государства различного рода снабжения был сравнительно невелик, отрицательные стороны этого разделения резко не сказывались. Но по мере увеличения доли больных паровозов, вагонов и платформ и значительного возрастания нарядов на подвижной состав железные дороги, остававшиеся в распоряжении Министерства путей сообщения, оказывались все более и более не в состоянии обслуживать жизненные интересы страны. Во второй половине 1916 г., когда железные дороги доходили до полного переутомления, железнодорожный транспорт, обслуживающий страну, окончательно расстроился. Это сильно подняло волну общего недовольства. Чрезвычайно показательны в этом отношении строки, написанные председателем Государственной думы М. В. Родзянко[1], в которых он очерчивает создавшееся в стране положение вещей за два-три месяца до революции:

«С продовольствием стало совсем плохо, города голодали, в деревнях сидели без сапог, и при этом все чувствовали, что в России всего вдоволь, но что нельзя ничего достать из-за полного развала тыла. Москва и Петроград сидели без мяса, а в то же время в газетах писали, что в Сибири на станциях лежат битые туши и что весь этот запас в полмиллиона пудов сгниет при первой же оттепели. Все попытки земских организаций и отдельных лиц разбивались о преступное равнодушие или полное неумение что-нибудь сделать со стороны властей. Каждый министр и каждый начальник сваливал на кого-нибудь другого, и виноватых никогда нельзя было найти. Ничего, кроме временной остановки пассажирского движения для улучшения продовольствия, правительство не могло придумать. Но и тут получился скандал. Во время одной из таких остановок паровозы оказались испорченными: из них забыли выпустить воду, ударили морозы, трубы полопались, и вместо улучшения только ухудшили движение. На попытки земских и торговых организаций устроить съезды для обсуждения продовольственных вопросов правительство отвечало отказом, и

[1] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 157.

съезды не разрешались. Приезжавшие с мест заведовавшие продовольствием, толкавшиеся без результата из министерства в министерство, несли свое горе председателю Государственной думы, который в отсутствие Думы изображал своей персоной народное представительство».

В конце 1916 г. была сделана попытка объединить работу железных дорог на театре войны и внутри страны. Была создана новая должность — товарища министра путей сообщения, который должен был находиться при Штабе Верховного главнокомандующего и получать нужные указания от начальника военных сообщений Ставки. Эта мера способствовала уменьшению трений между Министерством путей сообщения и Военным управлением железных дорог, но существенно сразу улучшить работу железнодорожного транспорта не могла: сократившееся количество подвижного состава к 1917 г. было уже совершенно недостаточным для той работы, которую требовала значительно увеличившаяся общая численность нашей вооруженной силы.

РЕВОЛЮЦИЯ

Начавшаяся общая разруха после вспыхнувшей весной 1917 г. революции так расстроила железнодорожный транспорт, что о его восстановлении уже не приходилось и думать.

Начались безвластие, падение трудовой дисциплины и общий хаос. Уже в июле 1917 г. само правительство считает положение железных дорог катастрофичным. Для того чтобы конкретно обрисовать это положение, мы приведем здесь выдержки из доклада начальника военных сообщений Главного управления Генерального штаба, поданного начальнику Генерального штаба 17 (30) июля 1917 г. за № 842:

«Положение на железных дорогах признается отчаянным и ухудшающимся с каждым днем. Распад дисциплины так же, как и в армии, растет. Производительность рабочей силы заметно упала. Одной из причин неуспешности ремонта паровозов следует признать отвлечение 50 % котельщиков для занятия в комитетах, в которых в общей сложности занято на железных дорогах до 6000 чел.

Ремонт паровозов, нормально определявшийся в 15 % от общего числа паровозов и державшийся в среднем за весь 1916 год и в тече-

ние января и марта 1917 г. около 18 %, этот процент сразу с начала революции начал быстро возрастать и достиг в июле 1917 г. 24 %.

Многие из находящихся в работе паровозов работают уже через силу, и если не будут приняты меры к поднятию продуктивности работы, положение грозит к зиме катастрофой.

Все предпринятые и осуществленные меры по развитию узлов и постройке вторых путей в целях усиления пропускной способности остаются неиспользованными ввиду полного расстройства и упадка провозной способности. Сравнение данных за шесть месяцев текущего года с таковыми же за 1916 год показывает, что в этом году вывезено на 700 000 вагонов меньше, т.е. имея в виду, что речь идет только о груженых вагонах, в этом году не довезено за шесть месяцев 700 000 000 пудов груза.

Средняя *ежедневная погрузка*:

в 1916 году — около 37 200 вагонов,

в 1917 году — около 31 800 вагонов,

т.е. упала на 5400 вагонов.

В 1916 г. ежедневно задержанных вагонов насчитывалось до 3—4 тысяч, а в текущем до 5—7 тысяч; встречаются сейчас случаи брошенных составов в пути за неимением паровозов (Курская дорога). Томская дорога настолько в этом отношении слаба, что норму вывоза грузов из Владивостока пришлось сократить со 150 вагонов в сутки до 50, чтобы дать возможность вывезти накопившийся избыток вагонов с Восточно-Китайской и Забайкальской дорог.

На всех дорогах недостаток паровозов отразился и на подвозе грузов вообще, и на топливе и продуктах в частности.

За первую половину текущего года недогружено *по вине дорог* на 100 миллионов пудов угля по сравнению с тем же периодом за 1916 год; особенно много недогружено за май и июнь, причем тормозом служила одна из наиболее расшатанных дорог — Московско-Курская, принимавшая всего 500 вагонов в сутки вместо обычных 1300 вагонов, причем следует отметить, что крайне упал прием порожних вагонов, что служит указанием на полное расстройство планомерности и порядка в работе движения.

Выработка угля видимо падает, несмотря на то что в среднем количество рабочих в Донецком бассейне в 1916 г. было 220 000 человек, а в текущем году возросло до 270 000, достигая максимального наличия до 285 000 человек».

Понижение производительности «следует приписать уменьшению числа выходов на работу, дошедшего до 14 в месяц, результатом чего средняя выработка на одного рабочего за месяц с 550 пудов в 1916 году упала в текущем до 350 пудов».

Вот общая картина того развала, который происходил в железнодорожном транспорте летом 1917 г.

Но для того чтобы составить себе полное представление об этом, нужно еще вспомнить тот хаос, который вносила в и без того развалившуюся железнодорожную службу едущая разнузданная солдатня, дезертировавшая с фронта. Для примера мы приведем текст телеграммы одного из младших железнодорожных агентов, адресованной по начальству. В лето 1917 г. подобные телеграммы слались тысячами.

«Телеграмма Начальника станции Самодуровка.
Правлению Ю.-В. дор. и директору Мин. пут. сообщения.

30 мая (12 июня) 1917 г.[1]

Поезд № 28, прибывший на скрещение поезд № 3, ехали 15 теплушек отпускных солдат, которые по остановке поезда окружили меня и под угрозой смерти требовали немедленно отправить далее, а поезд № 3, шедший уже ко мне, настаивали задержать. По прибытии поезда № 3 требовали отцепить паровоз от почтового и прицепить вторым к их поезду. На мое разъяснение, что нельзя оставить без паровоза почтовый поезд, угрожали расправиться со мной. Удалось убедить только тем, что идущий паровоз поезда № 3 пойдет задним ходом и еще хуже замедлит скорость. Убедившись, солдаты ухватили меня к паровозу поезда № 28, угрожая машинисту бросить его в топку, если он не повезет их быстрее. Большое число отпускных пьяные. При таких обстоятельствах служба становится невозможной; жизнь в опасности; прошу оградить от могущего быть произвола; поезда с отпускными солдатами отправлять с усиленными патрулями. Подписал Дорохов».

Отпускные солдаты революционного времени являлись по большей части скрытыми дезертирами, представлявшими собою настоящий бич для железных дорог. Английский военный агент

[1] Разложение армии в 1917 году. С. 22—23.

генерал Нокс счел даже нужным отметить это зло в донесении своему правительству[1]:

«Увольнение Гучковым в отпуск 5 % солдат до 40-летнего возраста и 15 % солдат сверх такового привело к повсеместным штурмам поездов толпами потерявшей всякую дисциплину солдатни. Любимым спортом этих солдат, примостившихся на крышах классных вагонов, было мочиться в вентиляторы для того, чтобы досадить буржуям, едущим внутри вагонов. Противодействующих этому железнодорожных служащих они избивают».

Вышеприведенные строки составляют только небольшую выдержку из длинного донесения, в котором генерал Нокс чрезвычайно обстоятельно обрисовал критическое положение нашего железнодорожного транспорта.

Для характеристики последнего он, несомненно, пользовался вышеупомянутым нами докладом начальника военных снабжений ГУ ГШ начальнику Генерального штаба:

«Стремление заменить компетентное начальство выборными, превратившееся в своего рода сумасшествие, проникло и на железные дороги. Многие из начальников железных дорог смещены безрассудной толпой. Конференция железнодорожных служащих, заседающая в Москве, решила упразднить Министерство путей сообщения и передать управление железными дорогами комитету из выборных служащих».

Но особый интерес представляет заключение генерала Нокса, которое в полном смысле слова было пророчеством.

«Конечно, — пишет в этом заключении генерал Нокс, — первое, что нужно, это восстановление дисциплины. *Если это не будет сделано, то нет силы в мире, которая сможет спасти Россию от катастрофы. Вопрос только в том, произойдет ли последняя осенью или зимой*».

ПОСТРОЙКА НОВЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПУТЕЙ

Изложенное выше показывает, что в области железнодорожного транспорта так же, как и в рассмотренных нами областях

[1] Despatch D. 3, от 10 августа 1917 г. Подлинный документ хранится в Архиве британского Военного министерства.

военного устройства и снабжения, сказалась наша неподготовленность к сложным формам современного руководительства. Тем не менее мы были бы неверно поняты, если бы читатель сделал вывод, что это и явилось главной причиной того расстройства, к которому пришел наш железнодорожный транспорт ко времени начала революции. Главной причиной является то, что задача, выпавшая на наш железнодорожный транспорт, оказалась для него непосильной.

Для того чтобы убедиться, как велики были в количественном отношении усилия, затраченные для развития железнодорожного транспорта во время войны, посмотрим на следующие цифры:

Постройка новых железнодорожных линий во время войны по состоянию на 15/28 сентября 1917 г.[1]

Железнодорожные линии	Вновь построенные ж.-д. линии	Вторые пути	Переши-тые	Итого
	в верстах			
Линии эксплуатируемые	3290	1195	273	4758
Линии, находящиеся в постройке	2843	726	81	3650
Линии, постройки коих прекращены	389	586	—	975
Линии заграничных колей, отошедшие к неприятелю	—	—	384	384
Итого	6522	2507	738	9767

К этой работе еще нужно добавить постройку полевых железных дорог облегченного типа. Приблизительно к той же дате работа по постройке этих дорог выражалась в следующих цифрах:

[1] Заимствовано из издания Центрального статистического управления «Россия в мировой войне (в цифрах)». С. 60.

Состояние полевых железных дорог на 1/14 сентября 1917 г.[1]

	В верстах		
	построено	строится	эксплуатируется
Северный фронт:			
а) паровые ж.д.	155	22	99
б) конные ж.д.	162	—	145
Всего	317	22	244
Западный фронт:			
а) паровые ж.д.	222	82	217
б) конные ж.д.	282	—	282
в) тепловозные ж.д.	68	—	60
Всего	572	87	559
Юго-Западный фронт:			
а) паровые ж.д.	239	13	224
б) конные ж.д.	338	35	324
в) тепловозные ж.д.	45	4	43
Всего	622	52	591
Румынский фронт:			
а) паровые ж.д.	121	70	91
б) конные ж.д.	66	—	66
тепловозные ж.д.	—	—	—
Всего	187	70	157
Кавказский фронт:			
а) паровые ж.д.	424	230	366
б) конные ж.д.	110	57	—
в) тепловозные ж.д.	20	90	—
Всего	554	377	366
ИТОГО на всех фронтах			
а) паровозных ж.д.	1161	417	997
б) конных ж.д.	958	92	817
в) тепловозных ж.д.	133	99	103
Всего	2252	608	1817

[1] Россия в мировой войне (в цифрах). С. 60.

ДОСТАВКИ ЗАГРАНИЧНОГО СНАБЖЕНИЯ

Предлагаемый очерк был бы не полон, если мы не скажем особо несколько слов о том, как осуществлялась во время войны доставка в Россию привозимого из-за границы снабжения.

Для сношения с внешним миром у России оставалось только два порта: Владивосток и Архангельск. К незамерзающему Мурману в начале войны еще не была проведена железная дорога; да если бы она и была своевременно закончена, потребовалось бы еще много времени для оборудования порта.

Владивосток, хотя и не был достаточно приспособлен для приема крупных и тяжелых грузов, все-таки представлял собой первоклассный порт. Но на Владивосток могли направляться грузы только из Японии и Америки. К тому же отправки последней очень долго были ограничены, так как почти весь тоннаж для морских перевозок был сосредоточен в Атлантическом океане. Вследствие этого в течение 1915 и 1916 гг. главным портом, принимавшим для России приходившие из-за границы грузы, являлся Архангельск.

Оборудование Архангельского порта не отвечало выпавшей на него во время войны задаче. Кроме того, в течение нескольких месяцев прибытие в него судов прекращалось. Наконец, железная дорога от Архангельска на Вологду имела узкую колею с ограниченной провозоспособностью.

Невозможность поддерживать с Архангельском регулярное сообщение в течение всего года требовала усиленного направления к нему грузов в навигационный период. Неравномерность перевозки вызывала накапливание уже готовых грузов в местах выполнения заказов и затруднение в их хранении. Когда же наступала возможность отправить их в Архангельск, то случалось, что прибывали в первую голову не те грузы, в которых оказывалась острая нужда на фронте. В этих трудных условиях особенно болезненно сказывалась неподготовленность наших верхов к современной организационной работе.

Вот что записывает в своих воспоминаниях председатель Государственной думы М. В. Родзянко[1]:

«Вопиющие беспорядки открыло Совещание[2] в Архангельском порту. Еще в начале войны в Думу стали поступать сведения,

[1] Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 100.

[2] Особое совещание по обороне. (*Прим. Н. Г.*)

что вывозка по узкоколейной дороге из Архангельска очень затруднена, а порт завален грузами. Заказы из Америки, Англии и Франции складывались горами и не вывозились в глубь страны. Уже в первые дни войны Литвинов-Фалинский предупреждал, что Архангельский порт в ужасном состоянии. Из Англии ожидалось получение большого количества угля для петроградских заводов, но уголь этот негде было сложить. Несмотря на то что Архангельск был единственный военный порт, соединявший нас с союзниками, на него почти не обращали внимания. В одном из первых заседаний Особого совещания пришлось поднять вопрос об Архангельске и запросить министров, что они намерены предпринять. Министры, в лице Сухомлинова, Рухлова и Шаховского, либо отписывались, либо обещали на словах, ничего на деле не предпринимая. Между тем к концу лета 1915 г. количество грузов было так велико, что ящики, лежавшие на земле, от тяжести наложенных поверх грузов буквально врастали в землю».

Перешивка Архангельской железной дороги с узкой колеи на широкую не дала того усиления провозоспособности, которое требовалось создавшейся обстановкой. С выступлением Румынии положение еще ухудшилось, ибо часть своего и без того крайне ограниченного числа поездов Архангельской железной дороги Россия вынуждена была уступить под транзит заграничных снабжений для румынской армии.

Единственный выход по разгрузке Архангельска от залежей представлялся в направлении большей части грузов из Америки на Владивосток. Это было выполнено лишь к концу 1916 г. Но Сибирская железная дорога тоже не справлялась с перевозками, и в 1917 г. Владивосток был забит грузами.

Здесь опять сказалось несоответствие наших верхов тем требованиям, которые выдвинули сложные условия современной войны.

«В конце января[1], — заносит в свои воспоминания[2] председатель Государственной думы, — в Петроград приехали делегаты союзных держав для согласования действий на фронтах в предстоящей военной кампании. На заседаниях конференции с союзниками обнаружилось полнейшее невежество нашего воен-

[1] Января 1917 г. (*Прим. Н. Г.*)

[2] Архив Русской революции. Т. XVII. С. 165.

ного министра Беляева. По многим вопросам и Беляев, и другие наши министры оказывались в чрезвычайно неловком положении перед союзниками: они не сговорились между собой и не были в курсе дел даже по своим ведомствам. В особенности это сказалось при обсуждении вопроса о заказах за границей. Лорд Мильнер долго молча вслушивался в речи наших министров и затем спросил: "Сколько же вы делаете заказов?" Ему сообщили. "А сколько вы требуете тоннажа для их перевозки? — И, получив снова ответ, он заметил: — Я вам должен сказать, что вы просите тоннажа в пять раз меньше, чем нужно для перевозки ваших заказов"».

Глава десятая

ХОД ВОЙНЫ И НАСТРОЕНИЯ АРМИИ И ТЫЛА В КАМПАНИИ 1914, 1915 И 1916 ГГ.

Мобилизация. — Характеристика русского патриотизма. — Взаимоотношение столкнувшихся сил. — Начальные операции. — Осень 1914 года. — Кампания 1915 года. — Великое отступление. — Моральное воздействие этого отступления на армию. — Моральное воздействие этого отступления в тылу. — Кризис в Верховном Главном командовании. — Увольнение Великого князя Николая Николаевича и вступление в Верховное главнокомандование Государя императора. — Настроение солдатских масс. — Кампания 1916 года. — Надлом духа в стране.

МОБИЛИЗАЦИЯ

В одной из предыдущих глав мы привели выдержку из монографии члена Государственной думы Б. А. Энгельгардта, в которой он оспаривает, «что патриотический подъем, который проявило население столицы при объявлении войны», являлся «действительным показателем отношения народных масс к войне». Наоборот, личные наблюдения приводили его к заключению, «что с самого начала войны русский мужик шел под знамена очень неохотно».

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко отмечает в своих воспоминаниях совсем иные впечатления.

«Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, — пишет М. В. Родзянко, — я был поражен переменою настроения жителей столицы. — Кто эти люди, — спрашивал я себя с недоумением, — которые толпами ходят по улице с национальными флагами, распевая народный гимн и делая патриотические демонстрации перед домом Сербского посольства.

Я ходил по улице, вмешивался в толпу, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это рабочие, те самые рабочие, которые несколько дней тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопрос мой, чем объясняется перемена настроения, я получил ответ: — Вчера было семейное дело; мы горячо ратовали о своих правах; для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, приходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дело касается всей России. Мы придем к Царю как к нашему знамени и мы пойдем за ним во имя победы над немцами.

Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 96 % всех призывных, явились без отказу и воевали впоследствии на славу.

В самой Государственной думе в заседании 26 июля (8 августа нов. ст.) все партийные перегородки пали, все, без исключения, члены Государственной думы признали необходимость войны до победного конца во имя чести и достоинства дорогого Отечества и дружно объединились между собой в этом сознании и решили всемерно поддерживать правительство.

Без различия национальностей все поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что поражение невыносимого германского милитаризма является безусловно необходимым».

Трудно, конечно, претендовать на полную объективность в оценке столь сложных явлений, как народное настроение. Субъективизм участника событий непременно накладывает свою печать. Но цитированная выше выдержка из воспоминаний М. В. Родзянко ценна тем, что содержит один совершенно объективный показатель: 96 % *подлежащих призыву явились к воинским началь-*

никам. Между тем трудные условия, в которых находился точный учет чинов запаса, заставляли предполагать, что разница между расчетами и фактической явкой может быть до 10 %. Следовательно, уклонения от мобилизации почти не было.

Нам кажется, что М. В. Родзянко ближе к истине, нежели Б. А. Энгельгардт. Последний, составляя свою монографию, не мог осилить пессимизм, навеянный пережитой революцией, а также не смог отслоить явления производного характера от явлений основных.

Для правильной оценки такого сложного явления, как народное настроение, нужно учесть то, что русские народные массы были на много низшей степени социального развития, нежели таковые же западноевропейских народов. Быстрое вырождение революции в большевизм служит ярким этому доказательством. Задерживающие начала, воспитываемые в ряде поколений просвещением и жизнью среди правового порядка, не могли развиться в наших народных массах.

«Русский народ, — пишет генерал Данилов,— оказался психологически к войне не подготовленным. Главная масса его, крестьянство, едва ли отдавала себе ясный отчет, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему неясны. Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все то, что от него требовала власть; он терпеливо, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания.

Народные настроения нашей молодой некультурной нации вследствие недостаточного воспитания и не могли быть стойкими. *Они легко должны были подвергаться колебаниям, походя на быстро сменяющиеся настроения ребенка, который часто улыбается, не успев еще смахнуть слезу со своего лица.* Не могло быть в народных массах при существующих условиях и сознания государственного единства, крайне трудно прививаемого при наличии разноплеменности, бесконечных пространств, редкого населения и плохих сообщений. Даже коренное русское население было лишено сознания единства. Мы вятские, тульские, пермские, до нас немец не дойдет — такими словами часто и, надо сказать, довольно правильно характеризовали у нас несознательное отношение крестьянства к вопросу об общей опасности государству.

Не было здорового понимания долга и в кругах интеллигенции. Это лучше всего доказывается обилием лиц, искавших случая

или возможности уклониться от призыва вовсе или, в крайности, избежать тягости службы на фронте, пристроившись в тылу. Наш мобилизационный отдел был завален просьбами и ходатайствами об освобождениях или, в крайности, временных отсрочках призыва. И, что еще хуже, эти случаи не вызывали необходимых репрессий со стороны власти и даже не клеймились должным образом нравственно; в обществе, напротив, относились к этому явлению с почти преступной снисходительностью. Тыловым нередко протежировали, их пригревали и старались закрепить их незаконное положение более прочным и устойчивым образом».

Об этих темных сторонах мобилизации свидетельствует также и бывший начальник мобилизационного отдела генерал С. А. Добророльский[1]. Он пишет, что во время мобилизации имели место частичные беспорядки среди запасных Томской, Пермской, Орловской и Могилевской губерний. Особенно подчеркивает С. А. Добророльский то обилие «всевозможных просьб и ходатайств, письменных и личных, которые поступали к военному министру через Мобилизационный отдел об освобождении или, в крайности, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толщи народа, а от лиц нашего культурного общества и из среды буржуазии. И какие только кнопки не нажимались для удовлетворения ходатайств. Конечно, на первом месте шла протекция в виде рекомендательно-просительных писем от лиц самого высокого положения в мире бюрократии и по происхождению. Борьба с этим злом велась, но, необходимо признать, преимущественно безуспешно. Протекция — одна из коренных язв уклада русской жизни, бороться с которой можно только дружными усилиями самого общества... И в горячие дни мобилизации было не до этого».

Только что указанное отрицательное явление в среде интеллигентных кругов России мы уже отметили в предыдущих главах.

Но мы привели свидетельства об этом явлении, записанном Ю. Н. Даниловым и С. А. Добророльским, для того, чтобы сопоставить их с их же пессимистической оценкой настроения русских народных масс.

Беспорядки среди запасных, происшедшие в четырех губерниях, не дают права для обобщений, касающихся всей России.

[1] Статья «Мобилизация Русской армии в 1914 г.», напечатанная в № 1 «Военного сборника» (Белград). С. 114—115.

Тот же факт, что эти беспорядки, по заявлению самого же Добророльского, заключались в том, что «партии запасных громили закрытые винные лавки и склады казенного вина и грабили оттуда запасы вина»[1], свидетельствует не о нежелании идти на войну, а лишь о малой культурности наших народных масс. Насколько же уклонение от призыва в войска в начале войны отсутствовало в наших народных массах в противоположность нашим привилегированным слоям, красноречиво доказывается цифрой, приведенной председателем Государственной думы: «...к мобилизации явилось 96 % всех призывных».

Один из наших современных крупных литераторов, А. И. Куприн, рассказывает следующее. Он был в качестве отставного офицера назначен с объявлением мобилизации в состав приемной комиссии одного из уездов Петроградской губернии. И он утверждает, что было много случаев, когда призванные комиссией запасные нижние чины отказывались от медицинского освидетельствования, заявляя, что они вполне здоровы и годны для службы в войсках и что они не желают напрасно отнимать время у приемной комиссии.

ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА

Все, кто был свидетелем войны России с Японией, не может не быть пораженным огромным различием в народных настроениях в 1904 г. и в 1914 г.

Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас. Миролюбивый тон русского правительства по отношению к немцам был широко известен, и поэтому нигде не могло зародиться сомнений, подобных тем, какие имели место в японской войне. Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения.

Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того «панславизма», о котором любил упоми-

[1] Военный сборник № 1. С. 114.

нать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове «братушка», которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа.

Под впечатлением кошмарных событий 1917 г. многие из русской интеллигенции подобно Ю. Н. Данилову и С. А. Добророльскому, склонны отрицать наличие патриотизма в нашем народе. Фраза, приведенная в выдержке из книги Ю. Н. Данилова, прозвучавшая на митингах 1917 г., когда не желавшие драться солдаты говорили: «Мы вятские, тульские, пермские, до нас немец не дойдет...» — очень часто теперь цитируется. Но при этом забывается, что она была произнесена только через три года кровавых усилий победить, после того, как революция опрокинула установленный государственный порядок, и после того, как началось общее государственное разложение.

Может ли читателю, внимательно прочитавшему нашу главу о потерях, прийти сомнение в наличии патриотизма и готовности к жертвенному долгу среди нашей солдатской массы? Кровь миллионов и миллионов убитых и раненых, принесенная на алтарь Отечества, вопиет против такого обвинения.

А 260 000 русских пленных, пытавшихся убежать из германского плена? Автор и до составления этой книги исповедовал ту же веру в патриотизм русских народных масс[1], тем не менее он должен сознаться в том, что эта цифра русских пленных, старавшихся убежать из вражеского плена, превзошла все его ожидания.

[1] Читатель может убедиться в этом, прочтя страницы 33—36 книги генерала Головина «Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте; начало войны и первые операции в Восточной Пруссии». Издана в 1926 г.

Та же глава о потерях цифрами показывает, насколько доблестен был русский офицер. А ведь последний и являлся представителем русских интеллигентских слоев.

Но если в среде интеллигенции наряду с героями и горячим патриотизмом были лица, не способные к жертвенному долгу, то совершенно так же и в народной толще были такие; конечно, очень существенен вопрос количественного соотношения тех и других.

Установить это соотношение нельзя. Но подробное изучение войны, сделанное нами в предыдущих главах, позволяет утверждать, что это соотношение не могло отличаться от такового же у наших союзников.

Различие было в другом.

У наших западных друзей благодаря большей социальной зрелости народных масс самый патриотизм был несравненно более осознан в массах. В этом отношении прав Ю. Н. Данилов, сравнивая настроения нашего народа с настроением ребенка.

Политическое мировоззрение русской многомиллионной солдатской массы в первые годы войны всецело покрывалось формулой «за Веру, Царя и Отечество». Пусть многие доказывают теперь, что монархические чувства русского простолюдина были преувеличены. Не будем спорить об этом; легкость, с которой пала монархия в мартовские дни 1917 г., как будто бы подтверждает это. Но вместе с тем дальнейшее течение революции не привело к демократическому строю; последний смог устоять всего лишь 8 месяцев и пал столь же быстро, как царский режим, уступив место жесточайшей во всей истории деспотии. Это показывает, что в массах русского народа живут другие политические представления, чем это думали наши интеллигентные круги, подходившие к политическим настроениям народных масс с западноевропейским масштабом.

Формула «за Веру, Царя и Отечество» была для русских народных масс 1914 г. своего рода политическим обрядом. А для того чтобы понять, какую громадную роль в психологии этих масс мог играть обряд, нужно только вспомнить первенствующее значение, которое занимает обряд в области религиозных чувств тех же масс.

Это подтверждалось каждодневным наблюдением и это ярко проглядывало в истории наших религиозных движений. Послед-

ние затрагивали наши массы только тогда, когда затрагивался обряд. Это громадное значение «обряда» для русских народных масс, несомненно, являлось следствием нашего родства с Востоком. Это — мистицизм, выявляющийся в малокультурной среде, ибо нужно понять, что при мистическом складе души в обряде видят нечто большее, чем внешнюю форму; за обрядом предполагается нечто более глубокое, человеческим разумом не постигаемое; в обряд верят. Только тогда, когда эта вера в данный обряд будет разбита, он теряет сразу свою силу и лопается, как мыльный пузырь; душа малокультурного, но склонного к мистицизму народа переживает тогда кризис и ищет новый обряд, в который она сможет опять поверить.

В почитании обряда и выразилась главным образом религиозность русского крестьянина.

В почитании своего рода политического обряда и выражалось его политическое миросозерцание.

Оттого и произошел такой резкий перелом в 1917 г., и в этом, по-нашему, и была сущность революции — существовавший политический обряд русских народных масс был окончательно разбит.

Мы настаиваем на том, что внутреннее строение, т.е. строение психологическое, русского патриотизма было другое, нежели внутреннее строение патриотизма любого из западноевропейских народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был — если можно так выразиться — лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни и вырастают те более сложные виды «патриотизмов», которые можно было наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке.

В примитивных формах патриотизма отсутствует социальная его осознанность; ближайшее следствие этого — отсутствие внутриобщественного контроля. И этот недостаток можно было наблюдать у нас не только в малокультурных слоях народа, но и в более просвещенных кругах. Приведенная выше выдержка из воспоминаний С. А. Добророльского кончается словами о том, что «борьба с желанием “уклониться” в среде наших высших, т.е. более образованных, кругов» велась безуспешно, ибо бороться с этим злом можно только дружными усилиями самого общества, а этого у нас и не было. Об этой отрицательной стороне русского общества мы уже говорили выше и приводили для сравнения

Великобританию, где молодым людям, не записавшимся в добровольцы, барышни преподносили пушинку...

Таким образом, наш вывод о примитивности форм русского патриотизма относится не только к низшим слоям народа, а должен быть распространен и на высшие его слои.

А между тем в 1914 г. Россия втягивалась в грандиознейшую борьбу, акты которой должны были протекать в крайне сложных условиях современности. Такое испытание было для русского народа с его примитивным патриотизмом несравненно более трудным, чем для более сознательных западноевропейских народов.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СТОЛКНУВШИХСЯ СИЛ

Попытаемся теперь оценить взаимоотношения вооруженных сил России и ее врагов, столкнувшихся в начале кампании 1914 г. на нашем Западном театре военных действий.

Основной данной, определяющей военную мощь государства, является боевая сила ее армии. Последняя в современную эпоху огневой тактики с господствующим значением артиллерийского огня исчисляется количеством линейных (пехотных) дивизий. Каждая из этих дивизий представляет собою то сочетание пушечного, пулеметного и ружейного огня, которое и должно считаться основой боевой силы.

Ко дню объявления войны Германией Россия имела:

70 полевых пехотных дивизий и
19 стрелковых бригад.

С объявлением общей мобилизации начиналось формирование еще 35 второочередных пехотных дивизий.

Таким образом, согласно расчетам министерства генерала Сухомлинова, боевая сила исчислялась 114 с половиной пехотными дивизиями.

Но эта цифра дала бы точное представление о реальной боевой силе России только в том случае, если наша пехотная дивизия действительно представляла бы собою наивыгоднейшее сочетание пушечного, пулеметного и ружейного огня. Поясним эту мысль грубым примером: линейная дивизия, хотя бы считавшая в своих рядах огромное количество людей, но не имеющая пушек, представляет собою совершенно ничтожную боевую силу; также точно

дивизия, состоящая из одних только артиллеристов, не может представлять собою самостоятельную боевую единицу. Для начала минувшей большой войны существовала определенная комбинация между числом людей и огневых машин, которая является наивыгоднейшей.

Мы имели дивизии 16-батальонного состава, а немцы — 12-батальонного. Первая же кампания показала, что загромождение линейной дивизии числом людей делает ее излишне громоздкой и ведет только к лишним потерям. Россия в середине войны перешла к 12-батальонным дивизиям, и боевая сила ее линейной дивизии от этого не уменьшилась.

В начале войны мы имели 8-орудийные батареи, а немцы — 6-орудийные. Первые же сражения подтвердили, что огневая сила батареи скорострельных орудий почти не возрастает от увеличения числа ее орудий сверх шести. В течение войны Россия перешла на 6-орудийные батареи, и опять огневая сила линейных дивизий от этого не пострадала.

Как показал опыт войны, наиболее близко к определению наивыгоднейшей комбинации числа людей и огневых машин в линейной (пехотной) дивизии подошли немцы.

Вследствие этого для исчисления действительной боевой силы Русской армии мы примем за единицу счета (за «единицу боевой силы армии») боевую силу германской полевой пехотной дивизии.

В главе третьей мы упоминали, что на одну германскую полевую пехотную дивизию приходилось 14 батарей дивизионной и корпусной артиллерии. В резервных пехотных дивизиях число таких батарей было меньшим, а именно 8. Наконец, в ландверных частях это число падало до 6 и даже до 4 на дивизию. Но если принять во внимание, что немецкая полевая тяжелая артиллерия насчитывала с самого начала войны 381 батарею, то можно принять, что в среднем на каждую пехотную дивизию все же приходилось по 14 батарей. На русскую пехотную дивизию, считая и второочередные и принимая во внимание корпусную артиллерию, а также 60 батарей полевой тяжелой, придется всего 7 батарей.

Таким образом, наша полевая пехотная дивизия равнялась по своей огневой артиллерийской силе *половине* германской полевой пехотной дивизии.

Мы уже указывали выше, что существует известный предел для количества пехоты в линейной дивизии. Увеличение пехоты сверх этого предела почти не увеличивает боевой силы линейной дивизии. Таким пределом в 1914 г. нужно считать 12 батальонов, то есть то количество, которое и имела германская линейная дивизия. Поэтому мы можем утверждать, что действительная боевая сила русской пехотной дивизии представляла собою не «единицу», а *половину* установленной нами выше «единицы боевой силы армии». Это заключение, в свою очередь, приводит нас к выводу, что действительная боевая сила Русской армии в 1914 г. при 114 с половиной пехотных дивизиях должна измеряться 60 вышеупомянутыми единицами счета.

Этот вывод вполне совпадает с авторитетным утверждением генерала Маниковского, что война потребовала от Русской армии (114,5 линейной дивизии) в два раза большего артиллерийского вооружения, нежели это было предположено.

Из 114,5 пехотной дивизии Россия сосредоточила против Германии и Австро-Венгрии 94,5 пехотной дивизии. Остальные дивизии остались на Кавказе против ожидавшегося выступления Турции, а также для наблюдения за прочими границами империи.

Но сосредоточение этой 94,5 дивизии сильно растягивалось во времени:

	Число пехотных дивизий, окончивших свое сосредоточение	Боевая сила в принятых нами единицах счета
На 15-й день мобилизации	27	13—14
23-й	52	26
60-й	90,5	45
85-й	94,5	47

Из этой таблицы мы видим, что полное сосредоточение Русской армии на западном театре России продолжалось 2—3 месяца, в то время как германская и австро-венгерская армии, предназначенные для действий против России, могли быть уже развернутыми к 15-му дню мобилизации.

На деле произошло некоторое запоздание в сосредоточении австро-венгерской армии ввиду предпринятого монархией Габсбургов нападения на Сербию. Но это запоздание измерялось днями, а не месяцами.

Как известно, Германия решила большей частью своих сил обрушиться с началом войны против Франции. Против России с первых же дней войны находилось не менее 20 пехотных дивизий[1].

Начавшиеся уже военные действия против Сербии задержали несколько, как мы только что говорили, развертывание всех предназначенных против России австро-венгерских сил, которые в итоге достигали 37 $^1/_2$ пехотной дивизии, 2 ландштурмных дивизий и 13 ландштурмных бригад, что составляло в общем силы, равные 46 пехотным дивизиям[2].

Действительную боевую силу австро-венгерской пехотной дивизии можно считать равной в силе русской пехотной дивизии. Измеряя же эту величину в принятых нами единицах, мы получим, что действительная боевая сила австро-венгерской пехотной дивизии равнялась, подобно русской, половине этой единицы.

---

[1] Согласно приложению № 1 ко II тому «Истории мировой войны», издаваемой Германским имперским архивом (Reichsarchiv; Dei Weltkrieg; Zweiter Band; Verlegt bei Muttler und Sohn, Berlin, 1925), эти силы состояли:

а) 1-я, 2-я, 35-я, 36-я, 37-я, 14-я, 1-я рез., 3-я рез., 35-я рез., 36-я рез., 3-я ландв., 4-я ландв., дивизии;

б) дивизии генерал Бродрюка, ландверных и эрзац-бригад: 1-й, 2-й, 6-й, 9-й, 70-й бригады генерала Унгерна, бригады генерала Гайдука, Лаценский отряд полк. Буса — всего силы, равные 17 линейным дивизиям. Но, кроме этого, имелись еще ландверные и эрзац-войска, оставшиеся в крепостях: Познани, Торне, Кульме, Грауденце, Мариенбурге, Кёнигсберге. Эти части начали формироваться с первых же дней войны. Генерал Бюа в своей книге «L'armée allemande pendant la guerre 1914—1918» определяет величину всех сил, оставленных Германией против России (для активных действий и в крепостях), равной: 6 полевым, 3 резервным, 8 эрзац и 9 ландверным дивизиям — итого 26 пехотным дивизиям. Полагая, что некоторые из этих частей окончили свое формирование через месяц, мы считаем, что общие размеры сил, оставленных немцами на их Восточном фронте, должны оцениваться не менее как в 20 пехотных дивизий.

[2] Reichsarchiv; Der Weltkrieg 1914—1918; Zweiter Band, g. 336.

Таким образом, общая боевая сила немецких и австро-венгерских войск, участвовавших в первых боевых операциях 1914 г. против России, должна быть оценена так:

	Число пехотных дивизий	Боевая сила в принятых нами единицах счета
Германия	20	15*
Австро-Венгрия	46	23
Итого	66	38

* В числе действовавших против России германских сил были не только полевые, но также резервные дивизии и ландвер, имевшие, как мы говорили выше, менее сильное артиллерийское вооружение, нежели полевые дивизии, поэтому мы, согласно точному исчислению, уменьшили общую силу немцев, выраженную в «единицах счета», до 15.

Сравнивая данные этой таблицы с данными предыдущей, мы видим, что Россия при полном напряжении могла выставить против объединенных сил центральных держав равные силы только к концу 2-го месяца.

Между тем, по мнению, получившему всеобщее распространение не только в обывательских кругах, но и в правительственных, Россия представлялась таким колоссом, что ей стоило лишь слегка пошевелиться, дабы раздавить в начале 1914 г. находившиеся против нее неприятельские силы. Что такое мнение господствовало даже в верхах наших союзников французов, свидетельствует следующая телеграмма от 4/17 сентября 1914 г. русского посла в Париже Извольского. В этой телеграмме[1], адресованной министру иностранных дел, говорится: «Роли союзных французской и русской армий по отношению к Германии сейчас определяются следующим образом: французы наступают, имея против себя $^5/_6$ германских сил, а мы, как явствует из последних официальных телеграмм, остановились перед $^1/_6$ этих сил. Объясняется это, конечно, тем, что мы имеем дело с двумя противниками, из коих Австрия выставила все, что имела. Полное поражение, нанесенное нами Австрии, приветствуемое здесь самым восторженным образом, но как в публике, так и в военных кругах убеждены,

[1] Цитировано Циховичем: Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 1. С. 62—64.

что Россия достаточно могущественна, чтобы справиться одной с $^1/_6$ германских сил независимо от операции против Австрии... Я не считаю себя вправе умолчать об этой критике, не предупредив Вас о назревающем, может быть, недоразумении, чтобы не сказать — противоречии, между нами и французами, которые убеждены, что в настоящую минуту Франция почти одна выдерживает натиск германского колосса...»

Переоценка нашей силы лежала и в основе нашего плана войны. Вместо того чтобы сосредоточить все свои усилия против одного из наших врагов с тем, чтобы, разбив его, перебросить главную массу войск для одержания победы над другим, Сухомлинов и его сотрудники задаются целью сразу же наносить решительные удары по австро-венгерским армиям, сосредоточившимся в Галиции, и по немецким силам, оставленным в Восточной Пруссии, то есть по двум расходящимся операционным линиям. Такая переоценка своих сил русским Генеральным штабом привела к естественному следствию: наши союзники — французы сразу же стали предъявлять России совершенно непосильные требования. Ярким доказательством такого отношения могут служить те телеграммы, которые передавались в первые месяцы войны русским военным агентом (графом Игнатьевым) в Париже, а также те заявления, которые делались от имени французского правительства его послом в Петрограде.

1 августа, т.е. в день объявления Германией войны России, в телеграмме нашего военного агента говорилось, что французский военный министр «совершенно серьезно полагал возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы». Это требование французского правительства в переводе на стратегический язык означало следующее: к существовавшим уже двум операционным линиям (в направлениях на Галицию и на Восточную Пруссию) прибавлялась еще третья — Варшава—Берлин. При существовавшем в действительности соотношении сил подобная просьба была в полном смысле слова равносильна требованию от России самоубийства.

Эта просьба французского правительства, повторенная несколько раз, поставила русское Верховное командование в очень трудное положение. Военный французский профессор Ecole Supērieure de Guerre так оценивает в своем курсе по истории войны 1914—1918 гг. создавшееся положение:

«Таким образом, русское командование, в соответствии со своим оперативным планом действующее в двух различных направлениях, вовлекается в третье, следуя плохо продуманным советам своих французских союзников; жест, несомненно, рыцарственный, но в кратчайшие сроки приведший к стратегическому рассеиванию, чреватому большими опасностями».

НАЧАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

В действительности эта разброска сил привела к катастрофе в Восточной Пруссии и к уменьшению стратегического результата нашей победы в Галиции.

Подъем национального чувства в наших народных массах в начале войны сопровождался энтузиазмом по отношению к союзникам, в особенности ко Франции, без всякого колебания ставшей, согласно договору, рядом с нами. Поэтому, когда с первых же дней войны из Франции начали прибывать тревожные вести, они немедленно же вызывали всеобщий порыв желания скорее выручить нашу верную союзницу из тяжелого положения.

Из напечатанных мемуаров французского посла в Петрограде г. Палеолога можно убедиться, как настойчивы были просьбы Франции о помощи и с каким же горячим сочувствием принимались эти просьбы Россией.

Уже 23 июля (5 августа), т.е. на следующий день после объявления войны Германией Франции, ее посол г-н Палеолог сделал императору Николаю II следующее заявление: «Французская армия вынуждена будет выдержать могущественный натиск 25 германских корпусов. *Я умоляю* Ваше Величество приказать Вашим войскам немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной»[1].

8 (21) августа г-н Палеолог записывает:

«На бельгийском фронте наши операции принимают дурной оборот. Я получил приказание воздействовать на императорское правительство, дабы ускорить, насколько возможно, наступление русских армий».

---

[1] Мемуары Палеолога. С. 55. Слова «Je supplie» отмечены самим автором воспоминаний курсивом.

Политические руководители Франции, испуганные призраком надвигающейся катастрофы, начали со всей доступной им силой давить на Государя и русские руководящие круги. Вопрос при этом ставился не только о содействии, но о спасении Франции. В результате политика не только препятствует русскому Верховному главнокомандованию исправить ошибки плана войны, но толкает на углубление их; и русские армии, не дожидаясь окончания своего сосредоточения и своей готовности, бросаются в наступление.

В своих воспоминаниях французский посол свидетельствует, что военные руководители Русской армии вполне сознавали опасность подобной торопливости в начале военных действий. В заметке от 13 (26) августа г-н Палеолог пишет, что имел беседу с русским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. В ответ на слова Палеолога: «Подумайте, какой тяжелый час наступил для Франции», — русский министр иностранных дел ответил, что начальник Штаба Верховного главнокомандующего и Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта отдают себе отчет, что поспешное наступление на Восточную Пруссию осуждено на неизбежную неудачу, «так как наши войска еще слишком разбросаны и перевозка их встречает много препятствий».

«Но, — добавил С. Д. Сазонов, — так как мы не имеем права дать *погибнуть* нашему союзнику, то, несмотря на неоспоримый риск предпринятой операции, наш долг немедленно же наступать, что Великий князь и приказал...»

Русское Верховное главнокомандование работает под давлением постоянно гнетущей мысли о необходимости спасать гибнущую Францию. Торопя вступление армий генерала Ренненкампфа и генерала Самсонова в Восточную Пруссию, Ставка сочла нужным упомянуть в основном приказе о том, что это делается для оказания помощи Франции[1].

---

[1] «Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция, как союзница наша, считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев». Из директивы Ставки, посланной за № 345 от 28 июля (10 августа) 1914 г. Главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта.

Наша первая операция в Восточной Пруссии, начавшаяся победоносным сражением армии генерала Ренненкампфа у Гумбинена, кончается катастрофой в армии генерала Самсонова, в которой центральные два корпуса окружены немцами, и поражением армии генерала Ренненкампфа в сражении у Мазурских озер.

Но тем не менее Франция спасена.

«Два корпуса, — пишет один из ближайших сотрудников маршала Жоффра генерал Дюпон, — сняты с французского фронта; корпус, дублировавший гвардию — Гвардейский резервный (G.R.), отнимают от армии фон Бюлова и XI армейский корпус — от армии фон Гаузена. Одна кавалерийская дивизия — 8-я (Саксонская) их сопровождает... Это мероприятие, может быть, является нашим спасением. Предположите Гвардейский резервный корпус на своем месте 7 сентября между Бюловым и Клуком, а XI арм. корпус с Саксонской кавалерийской дивизией — в армии фон Гаузена 9 сентября у Фер-Шампенуаза. Какие последствия! От этой ошибки начальника германского Генерального штаба в 1914 г. генерала фон Мольтке другой Мольтке, его дядя, должен был перевернуться в гробу»[1].

На русском фронте стратегические последствия неудач армии генерала Ренненкампфа и генерала Жилинского сведены к нулю разгромом четырех австро-венгерских армий в Галиции. Сотни тысяч пленных взяты доблестными армиями Юго-Западного фронта; вся Галиция очищена противником, торопливо уводящим остатки своих разбитых армий к Кракову и за Карпаты. Хотя эта победа одерживается почти одновременно с нашим поражением в Восточной Пруссии, тем не менее она не может загладить тягостное моральное впечатление от этого последнего. Рождается недоверие к своим силам против немцев. Особенно тяжело отзывается это в тылу, где оппозиционные к правительству элементы легко поддаются мрачному пессимизму. А. И. Гучков в своих показаниях, данных в 1917 г., после революции, Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, утверждает, что уже в августе месяце 1914 г. «он пришел к твердому убеждению, что война проиграна», причем

[1] Германское высшее командование в 1914 году. (Предисловие к этой книге написано самим маршалом Жоффром.)

причиной подобного пессимистического взгляда явились его «первые впечатления уже на самом театре военных действий, поражение у Сольдау»[1], которое ему пришлось «одним крылом захватить...». Вот в какую панику впадали некоторые из наиболее энергичных общественных деятелей; какова же должна была быть «отдача» в обывательской среде!

ОСЕНЬ 1914 ГОДА

Удачное оттеснение немцев от реки Вислы в октябре 1914 г. внесло в армию уверенность в своих силах и против немцев. Радужные надежды нашего командования вылились в следующих словах реляции от 25 октября (7 ноября) 1914 г.: «Расширяя в течение 13 дней наш успех по всему 500-верстному фронту, мы сломили повсюду сопротивление врага, который находится в полном отступлении... Одержанная победа позволяет нашим войскам перейти к новым задачам, с приступлением к которым начинается новый период кампании».

Но имевшая место в ноябре Лодзинская операция, хотя и окончившаяся для нас удачно, все-таки влила большую ложку дегтя в бочку с медом. В этой операции около двух германских корпусов попали в мешок и оказались в положении, аналогичном с двумя корпусами Самсонова в последних числах августа. Каково было положение окруженных нами германских войск, свидетельствуют следующие строки из воспоминаний генерала Людендорфа[2]. «В Познани, вдали от поля сражения, мы узнали из русских радиотелеграмм, с какими надеждами они оценивали положение; как они готовились к решительному удару; как они радовались мысли о пленении нескольких немецких корпусов. Были уже отданы приказания о сосредоточении подвижных составов для отвоза немецких пленных. Я не могу передать то, что я перечувствовал. Что угрожало? Вопрос шел не только о пленении стольких храбрых солдат и торжестве неприятеля;

[1] Где дрался левофланговый корпус армии генерала Самсонова. (*Прим. Н. Г.*)

[2] *Ludendorf.* Meine Kriegserinnerungen. S. 83, 84.

вопрос шел о проигрыше кампании. После такого поражения оставалось только отвести IX армию назад. А каков был бы тогда конец 1914 года?»

Причинами того, что немцам удалось, хотя и с огромными потерями, выскользнуть из мешка, в который они попали, являлись грубые ошибки, сделанные в руководстве армиями Главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом Рузским и его штабом. Но в толще войск, а также обывательскому мнению в тылу это не было видно, тем более что генерал Рузский пользовался большой популярностью в думских и общественных кругах. Поэтому мысль о том, что бороться с немцами Русской армии не под силу, начинает пускать все большие и большие ростки. Немцы с большим искусством ведут в этом направлении свою пропаганду. Раздувая размеры своих успехов в Восточной Пруссии, они подрывают доверие союзников к Русской армии; в последней они этим подрывают веру войск в свою силу, а в самой России они обостряют оружие всех оппозиционно настроенных против правительства общественных элементов. Это как раз совпадает с первыми признаками грядущей катастрофы в снабжении. В этом отношении характерна запись генерала Куропаткина в его дневнике, помеченная 27 декабря (ст. ст.) 1914 г.:

«Приехал А. И. Гучков с передовых позиций. Очень мрачно настроен. Виделся с ним сегодня. Много рассказывал. С продовольствием не справляются в армии. Люди голодают. Сапог у многих нет. Ноги завернуты полотнищами. А между тем масса вагонов с сапогами стоят, затиснутые забитыми станциями. Вожди далеко за телефонами. Связи с войсками не имеют. Убыль в пехоте, в офицерах огромная. Есть полки, где несколько офицеров. Особенно тревожно состояние артиллерийских запасов. Читал мне приказ командира корпуса не расходовать более 3—5 снарядов в день на орудие. Пехоте, осыпаемой снарядами противника, наша артиллерия не помогает. Укомплектования не своевременны. Одна стрелковая бригада не получала укомплектования три месяца. Во время боев, когда германцы прорвались из мешка[1], на правый фланг прислали укомплектование 14 000 человек без ружей. Эта колонна подошла чуть не в боевую линию и очень

[1] Конец Лодзинской операции. (*Прим. Н. Г.*)

стеснила войска. Один из корпусов не получал укомплектований 1,5 месяца...»

Несомненно, что в этой записи много истинного, но несомненно также и сильное сгущение мрачных красок — вроде, например, факта о присылке укомплектования без ружей, будто бы имевшем какое-то решительное значение для прорыва немцев из мешка. Для нас важно не это, а то, что запись ярко свидетельствует о тех оценках и настроениях, которые приносились из армии в страну. Приведенная запись тем более характерна, что сделана она рукой одного из бывших военных министров и Главнокомандующего в японскую войну, следовательно, лицом, умеющим разбираться в событиях войны. Так, к концу 1914 г. из армии в страну ползли мрачные слухи, передававшие во все углы вести о неустроении и предсказания близкой катастрофы.

Лодзинская операция ставит точку над стремлением нашего Верховного главного командования вторгнуться внутрь Германии и путем действия по кратчайшей операционной линии облегчить положение наших союзников на французском театре. Но вместе с этим эта же операция дала большие положительные результаты в общем стратегическом положении: для ее проведения немцы должны были перекинуть на свой Восточный фронт еще 7 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Это, несомненно, сильно облегчило положение наших союзников в сражениях на Изере и Ипре.

Таким образом, действия русских армий в конце 1914 г. руководились той же резко и со страшнейшим напряжением проводимой идеей выручать наших союзников. Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на русский фронт, не с узкой точки зрения национальной выгоды, а с широкой общесоюзнической точки зрения. Но эта жертвенная роль обходится России очень дорого. Русская армия теряет убитыми и ранеными около 1 000 000 людей, и что делает особо чувствительными эти потери — это то, что они почти всецело выпадают на долю кадрового состава армии. Вместе с этим напряженный темп боевых действий вызывает усиленный расход огнестрельных запасов, о недостаточности которых мы уже много говорили выше.

В отношении потерянных нами и занятых нами территорий кампания 1914 г. на русском театре дает несравненно более благоприятную картину, нежели та, которую мы видим у наших союзников на Французском театре (см. схему № 11). Хотя мы и потеряли небольшую часть Польши на левом берегу Вислы, но мы и не собирались удерживать ее и по плану войны, зато мы овладели Галицией и в Восточной Пруссии вновь подошли с востока к Мазурским озерам. В итоге начертание нашего фронта улучшилось по сравнению с исходным положением в 1914 г., так как глубина «Польского мешка» уменьшилась.

Однако, как мы видели выше, понесенные нами в кампании 1914 г. потери, а также неустройство в тылу, с упрямством поддерживаемое невежественным и легкомысленным Сухомлиновым, тяжело отражались на настроении страны. Вследствие этого настроения каждая из неудач на фронте воспринималась особенно болезненно и общий стратегический результат кампании совершенно заслонялся. А между тем он был положительный и большой. Германия, строившая весь свой успех войны на быстром поражении поочередно Франции и России, оказалась не в силах разбить ни ту, ни другую; германский Генеральный штаб был сбит с той позиции, на которой он базировал свою военную мысль в течение долгих годов, и, как следствие этого, утратил твердую идею плана войны, начав колебаться между западом и востоком. Это сделалось типичной особенностью последующего периода войны, когда вместо одного, главного германского фронта против французов таковых, отчасти захватным порядком самовластия Гинденбурга и интриг Людендорфа, получилось два — французский и русский. И этот важнейший в стратегическом отношении результат является *следствием действий на русском фронте.*

К сожалению, союзники не отплачивали полноценной монетой за помощь, оказанную им Россией. Нужды последней не учитывались с такой же полнотой. Первое проявление такого отношения можно увидеть в том, как в Средиземном море союзные флоты пропускают два сильных германских бронированных крейсера, «Гебен» и «Бреслау», в Мраморное море. Этот пропуск имеет своим прямым следствием вступление Турции в ряды врагов России, что и состоялось в начале ноября 1914 г. Объявление войны Турцией отвлекало часть русской вооруженной силы на Кавказский

фронт, но это было еще ничтожное последствие по сравнению с другим: выступление Турции закрывало доступ в Черное море, а это, как мы уже указывали выше, было равносильно блокаде; здесь была ахиллесова пята Русского колосса. Эта блокада являлась для России особенно чувствительной к началу кампании 1915 г., так как Русская армия израсходовала в своем жертвенном порыве большую часть своих огнестрельных припасов.

КАМПАНИЯ 1915 ГОДА

В течение первых четырех месяцев 1915 г. Гинденбург и Людендорф, получившие на усиление своего фронта новых четыре корпуса сверх корпусов, прибывших уже к ним перед Лодзинской операцией, задумывают нанести России сокрушительный удар, который должен окончательно вывести ее из строя. Для этого они намечают широкий охват-клещи, в котором они хотят сжать центральные русские армии, находившиеся в Польше и Западной Галиции. Осуществление этих клещей должно было начаться разгромом русской X армии, находившейся в Восточной Пруссии у Мазурских озер, и решительным наступлением австро-венгров из Карпат на фронт Львов—Тернополь. Обоим этим ударам по русским флангам предшествовал энергичный штурм русских позиций на левом берегу Вислы, в районе, преграждавшем прямые пути на Варшаву.

Эта фронтальная атака немцев приводит к кровопролитнейшим боям, причем особенно много крови было пролито в окрестностях Боржимова. Однако немецкий штурм был остановлен и не помешал русскому Верховному главнокомандованию приступить к осуществлению задуманных им тоже наступательных операций: решительному наступлению через Карпаты на фронт Горлице—Вышков для проникновения на равнину Венгрии и вспомогательному наступлению из Польши в Восточную Пруссию (на фронт Ортельсбург—Сольдау). Это привело к очень напряженным сражениям в Восточной Пруссии (2-е сражение у Мазурских озер и у Прасныша) и на Карпатах. Планы наших врагов потерпели полное крушение. В этом должен был признаться и сам Людендорф.

Сдача крепости Перемышля с 135-тысячным гарнизоном и блестящая наша победа на Кавказском театре у Сарыкамыша да-

вали нам полную моральную компенсацию за тактические неудачи в Восточной Пруссии (поражение 10-й нашей армии во 2-м сражении у Мазурских озер, окончившееся окружением XX корпуса в Августовских лесах). Но все эти напряженнейшие бои заставили нас израсходовать последние запасы огнестрельных припасов, и мы подошли вплотную к катастрофе, которая становилась неминуемой.

Неудача замысла Гинденбурга и Людендорфа сокрушить русскую вооруженную силу одним ударом не заставляет германское Верховное главнокомандование отказаться от этой мысли. Оно окончательно решает перенести центр тяжести своих усилий в летнюю кампанию 1915 г. с французского на русский театр и для этого опять перебрасывает с первого на второй значительные силы. Не подлежит никакому сомнению, что германской Ставке хорошо была известна надвигающаяся в Русской армии катастрофа в боевом снабжении. Кроме того, безрезультатные действия наших союзников для оказания нам помощи в первый период кампании 1915 г. наводили немцев на мысль, что французское и британское главнокомандования окажутся более эгоистичными, нежели русское, что армии наших союзников не проявят такого же жертвенного порыва для того, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала Русская армия в кампанию 1914 г.; что помощь союзников ограничится формулой «постольку поскольку», а при таких условиях немцы смогут спокойно навалиться всеми силами на Россию.

Насколько чувствительно было это перемещение, свидетельствуют цифры, заимствованные нами из книги бывшего начальника французского Генерального штаба генерала Бюа[1], которого нельзя упрекнуть в пристрастии к русским. Согласно данным генерала Бюа, в начале войны против Франции немцами направлено 79 % их сил, а против России 21 %; в августе 1915 г. против соединенных сил французов и англичан остается всего 60 % немецких пехотных дивизий, а против России сосредоточено 40 %.

Некоторую помощь нам оказало присоединение Италии к лагерю наших союзников (24 мая). Но так как выступление Италии оттягивало на себя лишь австро-венгерские войска, а Австро-Венгрия к этому выступлению подготовилась, оно оказалось помощью мало действительной.

[1] L'armée allemande pendant la guerre 1914—1915.

В таких тяжелых условиях и протекает для России летний период кампании 1915 г. (май—октябрь). Этот период начинается прорывом Макензена у Горлице. Каково было взаимоотношение артиллерийских сил во время этого прорыва, свидетельствует следующий пример. Против фронта одного из наших корпусов (X) III Русской армии, на которую обрушился удар Макензена, наши противники сосредоточили более 200 тяжелых орудий, не считая легкой артиллерии. У нас же во всей III армии в составе 7 корпусов на фронте 200 верст было всего 4 тяжелых орудия: две 42-линейные пушки, две 6-дюймовые гаубицы, причем одна из двух 42-линейных пушек в начале боев лопнула от крайней изношенности тела орудия[1].

Немцы хорошо используют свое подавляющее превосходство в артиллерийских силах. Вот как в общих чертах может быть обрисована картина наступления Макензена, наносившего главный удар. Как громадный зверь, немецкая армия подползала своими передовыми частями к нашим окопам, но лишь настолько, чтобы приковать к себе наше внимание и в то же время быть готовою немедленно же после очищения окопов занять их. Затем этот зверь-гигант подтягивал свой хвост — тяжелую артиллерию. Последняя становилась в районы, малодоступные для нашей легкой артиллерии, часто даже вне достижимости ее выстрелов, и с немецкой методичностью начинала барабанить по нашим окопам. Она молотила по ним до тех пор, пока они не были сровнены с землей и защитники их перебиты. После этого зверь осторожно вытягивал свои лапы — пехотные части — и занимал наши окопы; в это время тяжелая артиллерия держала под жестоким огнем расположение наших батарей и наш тыл, а выдвинувшаяся немецкая легкая артиллерия и пулеметы охраняли выдвигающуюся пехоту от наших контратак. В последнем случае потери атакующего выпадали на нашу долю, немцы же отсиживались в воронках изрытой снарядами местности и расстреливали нас в упор. Закрепившись на захваченной у нас позиции, зверь опять подтягивал свой хвост, и германская тяжелая артиллерия с прежней методичностью начинала молотить по нашей новой позиции.

Немцы могли беспрепятственно повторять этот способ действий. У нас было не только мало артиллерии для того, чтобы им

[1] Свидетельство начальника Штаба 3-й армии генерала С. Добророльского (Военный сборник. Белград. № 1. С. 99).

противодействовать, но и та, которая была, молчала из-за отсутствия снарядов. Достаточно напомнить, что граду снарядов германского барабанного огня мы могли противопоставить в среднем только 5—10 выстрелов на легкую пушку в день.

При таких условиях наша оборона фактически являлась невозможной, и «макензеновский кулак» проползает по Галиции до Перемышля, а затем поворачивает на фронт Люблин—Холм. Одновременно с этим начинается решительное наступление немцев из Восточной Пруссии. На этот раз действительно образуются клещи, которые грозят отхватить наши центральные армии, находящиеся в так называемом Польском мешке.

ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Выход из создавшегося положения был только один: отвод всех армий в глубь страны для того, чтобы спасти их от окончательного разгрома, и для того, чтобы было с чем после восстановления снабжения продолжать войну. Но русская Ставка три месяца не может на это решиться. Только в первых числах августа начался грандиозный отход армий Северо-Западного фронта, проведенный с большим умением генералом Алексеевым. Много трагических переживаний выпадает на долю Высшего русского командования за время этого отступления: сдаются крепости Новогеоргиевск и Ковно, очищаются крепости Ивангород, Гродно и Брест-Литовск, в тылу царит паника. Несколько раз германские клещи готовы окончательно захватить отходящие русские армии, но в последнем итоге к октябрю месяцу русские армии выходят из грозящего окружения и останавливаются на новой линии, протягивающейся от Риги на Двинск, озеро Нарочь и далее на юг, на Каменец-Подольск (см. схему № 12).

Мы указывали выше, что если можно упрекать нашу Ставку, так только в том, что она слишком поздно решилась на отвод наших армий в глубь страны. Это запоздание стоило много лишних жертв. В этом легко убедиться, если вспомнить цифры потерь Русской армии за этот период.

В летнюю кампанию 1915 года Русская армия теряет убитыми и ранеными 1 410 000 человек, т.е. в среднем 235 000 в месяц. Это рекордная цифра для всей войны. Средняя величина потерь в месяц для всей войны равняется 140 000. Пленными в ту же

кампанию Русская армия теряет 976 000, т.е. по 160 000 в среднем в месяц. Если же взять только май, июнь, июль и август, то для каждого из этих четырех месяцев потеря пленными в среднем возрастает до 200 000. Среднее же таковое число в месяц для всей войны исчисляется в 62 000[1].

Решиться на отвод армий в глубь страны было для нашего высшего командования психологически чрезвычайно трудно. Всякое отступление подрывает дух войск, а такой грандиозный отход, как очищение громадной территории империи, именно всей Польши, Литвы, Белоруссии и части Волыни, должен был тяжело отразиться на психике всей страны.

Для того чтобы понять, с каким трудом вынашивалась в нашем высшем командовании идея о необходимости общего отступления в глубь страны, следует перечитать мемуары лиц, находившихся при генерале М. В. Алексееве, на плечи которого выпал тяжелый крест отводить наши армии Северо-Западного фронта

«Во время борьбы в "Польском мешке", — пишет генерал Борисов, являвшийся ближайшим доверенным генерала Алексеева по стратегическим вопросам, — в первый раз у меня возник сильный спор с Алексеевым. Я, исходя из опыта бельгийских крепостей и зная крепостное дело из прежней своей службы в Ивангородской крепости, в Генеральном штабе, настаивал на очищении нами не только Ивангорода, Варшавы, но и Новогеоргиевска. Но Алексеев ответил: "Я не могу взять на себя ответственность бросить крепость, над которой в мирное время так много работали". Последствия известны. Новогеоргиевск оборонялся не год, не полгода, а всего лишь 4 дня по открытии огня немцами или 10 дней со дня обложения: 27 июля (9 августа) 1915 г. обложен, а 6 (19) августа пал. Это произвело на Алексеева очень сильное впечатление. Мы были уже в Волковыске. Алексеев вошел в мою комнату, бросил телеграмму на стол, опустился в кресло со словами: "Новогеоргиевск сдался". Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга, потом я сказал: "Больно и обидно, но ничего на театре не изменяет". Алексеев ответил: очень больно для Государя и Народа»[2].

---

[1] За весь же 1915 г. русские армии потеряли убитыми и ранеными более 2 000 000 и пленными около 1 300 000.

[2] «Генерал Алексеев». Статья генерала В. Борисова в № 2 «Военного сборника». С. 13 и 14.

Нельзя не согласиться с В. Борисовым, что раз отход наших армий из «Польского мешка» в условиях летней кампании 1915 г. был стратегической необходимостью, то очищение крепости явилось логически вытекающим следствием. Но большая разница: логически мыслить в качестве безответственного советчика или окончательно решать вопрос в качестве ответственного начальника. Здесь невольно вспоминаются слова Жомини, сказавшего, что война прежде всего «est un drame effrayant et passionné»[1].

Воспоминания генерала Палицына, тоже бывшего в это время при генерале Алексееве, обрисовывают переживания нашего Главного командования летом 1915 г. более глубоко, нежели генерал Борисов[2]. Из этих воспоминаний видно, с каким трудом решались на это не только генерал Алексеев (Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта), но и Ставка, т.е. Верховное главнокомандование. «Общее положение,— записывает генерал Палицын[3] 26 мая (8 июня) 1915 г.,— предлагает нам два простых вопроса: Россия или Польша. Причем представительницей интересов первой является армия. Обстановка на всем фронте такова, что именно эти вопросы требуют ответа; и кто, спрашивается, может и должен дать этот ответ? Главнокомандующий (генерал Алексеев. — *Н. Г.*) ответить на эти два вопроса не может. Они не в круге его ведения. Верховный главнокомандующий и его Генеральный штаб стоят перед ними, и оттуда должны прийти ответ и повеление. Но и наша мысль также работает над этими вопросами, и мы оцениваем их под влиянием наших нужд и нашей жизни. Главнокомандующий чувствует и, скажу, видит, насколько положение наше при отсутствии средств к борьбе хрупко; он видит и необходимый в наших условиях исход. Гуляя вечером между хлебами, мы в разговоре часто к нему подходим и скоро от него отходим. Мы как-то боимся своих мыслей, ибо все затруднения, которые должны возникнуть при первом шаге его исполнения, нам ясны. Не неся никакой ответственности, я смелее в своих решениях, ибо они умозрительного свойства, но мне понятны те муки и тревоги, которые длительно и ежечасно переживаются

[1] «Это наводящая ужас, но захватывающая драма». (*Прим. ред.*)

[2] Генерал Палицын был начальником Генерального штаба в 1905—1908 гг. и пользовался особым уважением генерала Алексеева, бывшего тогда одним из его помощников.

[3] Военный сборник. Белград. Кн. 3. С. 178, 179.

Главнокомандующим, тем более что наше внутреннее, по отношению противника, положение нелегкое, в особенности ввиду совершающегося на Юге[1]; оно еще усугубляется до состояния безнадежности вследствие отсутствия средств для борьбы. И надежд на близкое будущее нет. Пока вопрос о том, "зачем мы будем отходить", на весу, а с ним и целый ряд остальных».

24 июня (7 июля) 1915 г. генерал Палицын, опять затрагивая вопрос о необходимости отводить наши армии в глубь страны, записывает[2]: «Михаил Васильевич (генерал Алексеев. — *Н. Г.*) прекрасно знает это; знает, что вопросы эти требуют заблаговременного решения, что они сложны и последствия этого решения чрезвычайно важны. Дело не в Варшаве и Висле, даже не в Польше, а *в армии*. Противник знает, что у нас нет патронов и снарядов, а мы должны знать, что не скоро их получим, а потому, чтобы сохранить России армию, должны ее вывести отсюда. Массы, к счастью, этого не понимают, но в окружающем чувствуется, что назревает что-то неладное. Надежда удержаться нас не оставляет, ибо нет ясного сознания, что пассивное удержание нашего положения само по себе есть одно горе при отсутствии боевого снабжения. В таких тяжелых условиях протекает творческая работа Главнокомандующего, и помочь ему нельзя, ибо решения должны исходить от него».

Если столь психологически трудным было положение генерала Алексеева, Главнокомандующего Северо-Западным фронтом, то насколько тяжелее было творчество Верховного главнокомандующего, Великого князя Николая Николаевича, от которого катастрофическая обстановка в лето 1915 г. требовала решиться на отвод русских армий в глубь страны. Верховный главнокомандующий и его Ставка не могли не сознавать всех ужасающих последствий, связанных с подобным отступлением.

В многомиллионной солдатской массе росли слухи об измене. Эти слухи становились все сильнее и сильнее и проникали даже в среду более интеллигентных лиц. Причиной, дающей особую силу этим слухам, являлось то обстоятельство, что происшедшая катастрофа в боевом снабжении как бы оправдывала те мрачные предположения, которые нашли сильное распространение еще в конце 1914 г.

---

[1] В это время армии нашего Юго-Западного фронта, буквально истекая кровью, должны были отступать из Галиции.

[2] Военный сборник. Кн. 4. С. 278.

МОРАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭТОГО ОТСТУПЛЕНИЯ НА АРМИЮ

Одним из очень характерных показателей, с какой нервностью реагировали на эти слухи об измене даже высшие круги, служит «дело Мясоедова»[1].

Генерал Нокс, внимательно наблюдавший за состоянием Русской армии, записывает в августе месяце в своих воспоминаниях:

«Дух Русской армии проходит через многие тяжелые испытания, только одного из которых было бы достаточно, чтобы подорвать дух многих других армий. Нельзя не поражаться тому, что многие из выдающихся начальников настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец "все может". Это — естественное, но нездоровое явление. Среди солдатской же массы было много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые строгие меры и наказания, по-видимому, мало действительны.

Число заболевших громадно. Отыскиваются всякие предлоги, чтобы уйти в тыл. Среди солдат распространяется убеждение, что не стоит драться, раз везде бьют»[2].

Далее генерал Нокс упоминает об одном из писем, которые в большом числе посылались из рядов войск прямо Главнокомандующему с критикой ближайшего начальства. Весьма вероятно, что многие из этих писем были написаны из патриотических чувств и некоторые из них были справедливы, но самый факт их появления являлся ярким признаком падения доверия к начальникам и падения дисциплины.

Пессимистическое настроение фронта передавалось в тыл при посредстве тысячи нитей, связывающих современную многомиллионную армию с народом. Письма к родным, жалобы раненых, рассказы возмущенных представителей общественности являлись теми каплями, составлявшими целые потоки мрачных настрое-

---

[1] См.: Дневник Великого князя Андрея Владимировича. С. 20. Свидетельство Великого князя Андрея Владимировича в данном случае ценно, ибо этот Великий князь, окончивший в свое время курс Военно-юридической академии, особенно интересовался военно-юридическими вопросами; он имел, несомненно, возможность близко ознакомиться с «делом Мясоедова».

[2] With the Russian Army. P. 349—350.

ний, которые в конце сливались в океан общего недовольства и растерянности. Генерал Сериньи в своей очень интересной книге, составленной на основании наблюдений на французском театре военных действий, пишет[1]:

«Кризис недоверия начинается всегда среди тех, которые не сражаются. Мармон в своем "Духе военных учреждений" рассказывает, что бегство всегда начиналось среди солдат последних рядов фаланги. Этот случай повторялся на полях сражений во время мировой войны: обычно писаря и чиновники всякого рода первые бросали свои посты. Да и было бы удивительно, если бы было иначе, потому что менее приученные к боевым переживаниям, менее дисциплинированные, а главное, менее поглощенные битвой, эти люди слабели духом гораздо раньше своих товарищей, непосредственно ощущавших реальности боя.

Кризис недоверия необычно увеличивается по мере удаления от поля битвы. Какой-то оптический обман увеличивает все явления, удачи, как и неудачи. Тыл составляет себе мнение не на основании действительного положения, а на основании рассказов раненых и беженцев, извращающих факты в зависимости от своего душевного состояния. Преувеличение является правилом. Поэтому можно утверждать, что, как правило, положение никогда не бывает таким хорошим или таким плохим, каким оно кажется на первый взгляд людям, находящимся в тылу.

Из всего вышесказанного ясно, что душевное состояние высшего начальника может быть подорвано событиями гораздо раньше, чем дух его войск.

Многочисленные доказательства последнего мы имели в течение мировой войны у наших союзников и у наших врагов...

Чем дальше удаляться с поля битвы, тем больше факты деформируются, плохие известия раздуваются вследствие своего прохождения через многочисленные уста и страх — называя вещи своим именем — растет. Воображение, играя свою обычную роль, наполняет умы химерами. Самое удаление опасности окружает ее еще большими ужасами. Пессимизм развивается, как во времена Ксенофонта, в самых задних рядах фронта. Одним словом, кризис недоверия начинается в тылу и, по современному масштабу войны, среди самой нации...»

---

[1] Gēnēral Serigny. Reflexions sur 1'art de la guerre. P. 42—46.

Такого же рода психологическое явление имеет место и у нас в летнюю кампанию 1915 г. Для того чтобы показать, насколько увеличивалась подавленность настроения по мере удаления от боевых линий в тыл, мы сошлемся на четыре документа, относящихся к одному и тому же периоду времени:

1) на письмо одного из командиров пехотных полков,

2) на письмо одного из командиров армейских корпусов,

3) на письмо начальника Штаба Верховного главнокомандующего,

4) на доклады военного министра генерала Поливанова в секретных заседаниях Совета министров.

Упомянутые только что письма адресованы генералу Поливанову, который и ссылается на них в своих воспоминаниях[1]. Следовательно, читая доклады самого генерал Поливанова в Совете министров, мы можем проследить, каково было различие в настроении на различных ступенях военно-иерархической лестницы.

Командир Лейб-гвардейского гренадерского полка генерал Рыльский описывает в частном письме к генералу Поливанову участие полка в бою 6—11 июня (19—24 июня) 1915 г. у с. Крупе, в котором полк понес потери в 36 офицеров и около 2500 нижних чинов. Это письмо он заканчивает так:

«Армия, насколько мы можем судить, ожидает какого-то события, которое должно повернуть войну в нашу пользу. Один слух, самый якобы достоверный, сменяется другим. По последней версии, к нам перевозится японская армия, и тогда война решится одним ударом. Многие уже видели японцев в тылу. Массовая галлюцинация».

Письмо генерала Рыльского верно схватывает настроение армии. Хотя вера в свои силы и подорвана, но надежда на окончательную победу в рядах бойцов еще есть. Отходя назад, войска дерутся, льют реки крови, но, по существу говоря, нигде не «бегут».

Командир XXIX корпуса генерал Зуев пишет генералу Поливанову о крайне неудовлетворительной постановке вопроса укомплектования армии, о громадной убыли в офицерском составе армии, о колоссальном превосходстве противника в вооружении...

---

[1] Мемуары генерала А. А. Поливанова. С. 185—186.

«Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников с землею. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь. Они идут вперед, окрыленные успехом, и потому дерзают; мы ценою тяжких потерь и пролитой крови лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех».

Письмо далеко не безнадежное. Действительность обрисована мрачными красками, но надежда выйти из этого тяжелого положения не потеряна.

Так и переживал фронт катастрофу 1915 г. Личные впечатления автора совершенно совпадают с изложенным в только что упомянутых двух письмах.

МОРАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭТОГО ОТСТУПЛЕНИЯ В ТЫЛУ

А вот письмо из тыла.

Пишет начальник Штаба Верховного главнокомандующего тому же генералу Поливанову:

«Получаются сведения, что в деревнях при участии левых партий уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться. Если будет 2—3-недельное обучение, с винтовкой на 3—4 человека, да еще такое внушение, то ничего сделать с войсками невозможно. Уже были одобрены Его Величеством две меры: 1) лишение семейств лиц, добровольно сдавшихся, пайка и 2) по окончании войны высылка этих пленных в Сибирь для ее колонизации. Было бы крайне желательно внушить населению, что эти две меры будут проведены неукоснительно и что наделы перейдут к безземельным, честно исполнявшим свой долг. Вопрос кармана (земли) довлеет над всеми. Авторитетнее Думы, в смысле осуждения добровольной сдачи и подтверждения необходимости возмездия, нет никого. Не желая обращаться по этому вопросу к Родзянко в обход правительства, Великий князь поручил мне просить Вас, не найдете ли возможным использовать Ваш авторитет в сфере членов Думы, чтобы добиться соответствующего решения, хотя бы мимоходом, в речи Родзянко или лидера центра, что, очевидно, те нижние чины, которые добровольно сдаются, забывая долг перед Родиной, ни в коем случае не могут рассчитывать на одинаковое

к ним отношение и что меры воздействия, в виде лишения пайка и переселения их всех, после мира, в пустынные места Сибири, вполне справедливы. Глубоко убежден, что это произведет огромный эффект. Правительство же (Министерство внутренних дел) могло бы через губернаторов перед набором и призывом также внушить эту мысль. Тогда на фронт приходил бы не заранее готовый сдаться элемент, а люди долга...

Прошу извинения за назойливость, но, как тонущий, хватающийся за соломинку, ищу спасения тяжелому положению в ряде мер...»

Так писать мог только человек, окончательно изверившийся в своей армии и совершенно потерявший голову.

А теперь посмотрим, как преобразуются в представлении самого генерала Поливанова полученные им сведения.

Это уже форменная паника.

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, *что отечество в опасности*»[1], — так в заседании Совета министров 16 (29) июля 1915 г. приступил военный министр генерал Поливанов к своему очередному докладу о положении на фронте. «В голосе его чувствовалось что-то повышенно резкое, — записывает помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов. — Присущая ему некоторая театральность речи и обычно заметное стремление влиять на слушателя образностью выражений стушевываются на этот раз потрясающим значением произнесенных слов. Воцарилось томительное молчание. Наступившая тишина казалась невыносимой, бесконечной... Когда прошли первые минуты, когда охватившее всех нервное напряжение немного ослабело, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин обратился к А. А. Поливанову с просьбой объяснить, на чем он строит столь мрачное заключение.

Военный министр в общих чертах нарисовал картину фронта. Наше отступление развивается с возрастающей быстротой, во многих случаях принимающей характер чуть ли не панического бегства[2]... Во всяком случае, для каждого, мало-мальски знакомого с военным делом человека ясно, что приближаются моменты, решающие для всей войны. Пользуясь огромным преобладанием

[1] *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив революции. Т. XVIII.

[2] Это не соответствовало действительности. (*Прим. Н. Г.*)

артиллерии, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. В то время как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами. Естественно, что с каждым днем наш отпор слабеет, а вражеский натиск усиливается. Где ждать остановки отступления — Богу ведомо. Сейчас в движении неприятеля все более обнаруживается три главнейших направления: на Петербург, на Москву и на Киев... В слагающейся обстановке нельзя предвидеть, чем и как удастся нам противодействовать развитию этого движения[1]. Войска утомлены бесконечными поражениями и отступлениями. Вера в конечный успех и в вождей подорвана. Заметны все более грозные признаки надвигающейся деморализации. Случаются случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен. Да и трудно ждать порыва и самоотвержения от людей, вливаемых в боевую линию безоружными, с приказом подбирать винтовки убитых товарищей».

В заседании 30 июля (12 августа) генерал Поливанов рисует столь же мрачную картину[2].

«На театре войны беспросветно. Отступление не прекращается. А. А. Поливанов говорит, что он не в состоянии дать сколько-нибудь отражающей действительность картины фронта. Вся армия постоянно передвигается внутрь страны, и линия меняется чуть ли не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры. Ставка, по-видимому, окончательно растерялась, и ее распоряжения принимают какой-то истерический характер. Вопли оттуда о виновности тыла не прекращаются, а, напротив, усиливаются и являются водою на мельницу противоправительственной агитации».

Пессимизм генерала Поливанова отвечает общему настроению Совета министров, и мы считаем, что А. Н. Яхонтов правильнее озаглавил бы свою запись не словами «Тяжелые дни», а словами «Дни паники». Эта паника вызвана была стратегически правильным решением Верховного главнокомандующего об отводе армии в глубь страны. Это был, как мы уже говорили, единственный

[1] Сильно преувеличенное заключение. (*Прим. Н. Г.*)

[2] *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив революции. Т. XVIII. С. 30.

способ спасти армию и сохранить дальнейшую возможность продолжать борьбу, и единственно, в чем можно упрекнуть Ставку, — это то, что она приняла это героическое решение слишком поздно, пролив много лишней крови.

Но Совет министров не в состоянии это понять. Он весь под впечатлением тех ближайших тяжелых последствий, которые вызываются нашим отступлением. Одним из этих тяжелых последствий явилось беженство. И вот министры под непосредственным впечатлением масс беженцев, уходящих вместе с нашими войсками в глубь страны, обрушиваются на Ставку.

Для примера приведем резюме обмена мнений министров в секретном заседании 30 июля (12 августа), записанного А. Н. Яхонтовым[1].

«В моих записях набросано лишь общее содержание этой беседы, без отметок, кто и что говорил. Ставка окончательно потеряла голову. Она не отдает себе отчета в том, что она делает, в какую пропасть затягивается Россия. Нельзя ссылаться на пример 1812 года и превращать в пустыню оставляемые неприятелю земли. Сейчас условия, обстановка, самый размах событий не имеют ничего общего с тогдашним. В 12-м году маневрировали отдельные армии, причем район их действий ограничивался сравнительно небольшими площадями. Теперь же существует сплошной фронт от Балтийского чуть ли не до Черного моря, захватывающий огромные пространства, на сотни верст. Опустошать десятки губерний и выгонять их население в глубь страны — равносильно осуждению всей России на страшные бедствия. Но логика и веления государственных интересов не в фаворе у Ставки. Штатские рассуждения должны умолкать перед "военной необходимостью", какие бы ужасы под нею ни скрывались. В конце концов, внешний разгром России дополняется внутренним...»

А вот текстуальное заявление, сделанное на этих же заседаниях одним из наиболее влиятельных министров, А. В. Кривошеиным[2].

«Из всех тяжких последствий войны — это явление[3] самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое. И что ужаснее всего — оно не вызвано действительною необходимостью

[1] *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив революции. Т. XVIII. С. 32.

[2] Там же. С. 37.

[3] Беженство. (*Прим. Н. Г.*)

или народным порывом, а придумано мудрыми стратегами для устрашения неприятеля. Хороший способ борьбы! По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику, угашаются последние остатки подъема первых месяцев войны, Идут они сплошной стеной, топчут хлеб, портят луга, леса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла либо Тамерлановы полчища. Железные дороги забиты, передвижение даже воинских грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными, не знаю, что творится в оставляемых неприятелю местностях, но знаю, что не только ближний, но и глубокий тыл нашей армии опустошен, разорен, лишен последних запасов. Я думаю, что немцы не без удовольствия наблюдают повторение 1812 года. Если даже они лишаются некоторых местных запасов, то вместе с тем они освобождаются от заботы о населении и получают полную свободу действий в безлюдных районах. Впрочем, эти подробности не в моей компетенции. Очевидно, они были своевременно взвешены Ставкою и были тогда признаны несущественными. Но в моей компетенции, как члена Совета министров, заявить, что устраиваемое Ставкой великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели».

Изучение протоколов секретных заседаний Совета министров крайне интересно не только в отношении того падения духа и растерянности, которые были вызваны в тылу отступлением наших армий. Это изучение вскрывает также и то недовольство Ставкою, которое все растет. Несомненно, что Ставкой было сделано раньше много ошибок. Делалось также много ошибок и в период отступления 1915 г. Мы согласны даже с мыслью, что наша Ставка как высший орган Генерального штаба была по сравнению с такими же органами французской, британской, германской и австро-венгерской армий хуже подготовлена. Но размах самих событий был столь велик, что ошибки были вполне естественны, и не в пылу самого исполнения труднейшей стратегической операции допустима была такая беспощадная критика в центральном органе правительства. Странно видеть то, что члены правительства говорят о «размахе событий» и не хотят видеть, что ведение войны в таких условиях требует и «размаха жертв».

Собеседования министров чрезвычайно показательны в социально-психологическом отношении.

Члены Совета министров, нападая на Ставку, не отдавали себе отчета, как мы увидим далее, что они собственными руками подготовляют смену Верховного главнокомандующего. Председатель Совета министров это чувствует и предупреждает своих коллег по Совету[1].

«Я не возражаю против такой постановки, — говорит И. Л. Горемыкин по поводу решения Совета министров просить Государя о созыве заседания под Высочайшим председательством для того, чтобы «открыть Царю правду», — но считаю долгом еще раз повторить перед Советом министров мой настойчивый совет с чрезвычайной осторожностью говорить перед Государем о делах и вопросах, касающихся Ставки и Великого князя. Раздражение против него принимает в Царском Селе характер, грозный последствиями. Боюсь, как бы наши выступления не явились поводом к тяжелым осложнениям».

КРИЗИС В ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОМ КОМАНДОВАНИИ

Изучаемые нами протоколы вскрывают, что сами министры, несомненно, подготовляли кризис Верховного главнокомандования. Но делали это они бессознательно, ибо они так же, как и вся Россия, глубоко почитали самого Верховного главнокомандующего, Великого князя Николая Николаевича.

В заседании 6 (19) августа генерал Поливанов, обрисовав самыми сгущенными красками тяжелое положение армии, заявил[2]:

«Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно, гораздо более страшное событие, которое угрожает России. Я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязан предупредить правительство, что сегодня утром на докладе Его Величество объявил мне о принятом им решении устранить Великого князя и лично вступить в командование армией».

«Это сообщение военного министра, — записывает дальше А. Н. Яхонтов, — вызвало в Совете сильнейшее волнение. Все заговорили сразу, и поднялся такой перекрестный разговор, что невозможно было уловить отдельных выступлений. Видно было, до какой степени большинство потрясено услышанной новостью,

[1] Заседание 24 июля 1915 г. А. Н. Яхонтов. Тяжелые дни. С. 25, 26.
[2] Там же. С. 52, 53.

которая явилась последним оглушительным ударом среди переживаемых военных несчастий и внутренних осложнений».

Мы не приводим здесь полностью того обмена мнений, который произошел вслед за тем между министрами и который слово в слово записан А. Н. Яхонтовым. Это привело бы к слишком большому удлинению выдержек из работы последнего. Этот обмен мнений чрезвычайно показателен. Из него видно, каким общим доверием пользуется имя Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича.

«...Великий князь Николай Николаевич, — говорит министр внутренних дел князь Щербатов, — несмотря на все происходящее на фронте, не потерял своей популярности, и как в армии, так и в широких кругах населения с его именем связаны надежды на будущее»[1].

В таком же духе говорят все министры, и в том числе А. В. Кривошеин, резкое осуждение Ставки которого мы выше приводили; теперь он говорит[2]: «...популярность Великого князя еще крепка, и он является лозунгом, вокруг которого объединяются последние надежды. Армия тоже, возмущаясь командирами и штабами, считает Николая Николаевича истинным вождем. И вдруг смена Верховного главнокомандования. Какое безотрадное впечатление и в обществе, и в народных массах, и в войсках. Я понимаю тех, кто говорит, что потеряешь равновесие душевное. Нужно иметь особенные нервы, чтобы выдерживать все происходящее. Россия переживала более тяжелые эпохи, но никогда не было такой, когда все делается к тому, чтобы еще усложнить и запутать и без того безвыходное положение».

В течение целого ряда последующих заседаний Совет министров нервно обсуждает вопрос о предстоящей смене Верховного главнокомандования. Он даже боится возмущения в стране.

Московская городская дума посылает приветствие Великому князю Николаю Николаевичу с выражением к нему непоколебимого доверия. Генерал Поливанов в секретном заседании 19 августа (1 сентября) на предложение председателя Совета министров И. Л. Горемыкина «не отвечать всем этим болтунам и не обращать на них внимания...» заявляет[3]:

---

[1] *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив революции. Т. XVIII. С. 53.

[2] Там же. С. 55.

[3] Там же. С. 82, 83.

«Не могу согласиться с предлагаемым г. председателем Совета министров упрощенным решением вопроса величайшей политической важности. Важно иметь в виду, что Городское управление Первопрестольной столицы на всю Россию заявляет о своем непоколебимом доверии к Великому князю, Верховному главнокомандующему, как вождю наших армий против врага. На этот факт мы должны обратить внимание Его Величества и просить отложить свой отъезд в Ставку и смену командования».

«Нельзя не считаться с тем, — говорит вслед за этим обер-прокурор Светлейшего синода А. Д. Самарин, — что постановление о доверии Великому князю было принято Московской городской думой единогласно. Даже Шмаков и его приверженцы голосовали за резолюцию. При таких условиях было бы трудно квалифицировать ее как революционную. Не революция, а бесконечный страх за будущее. Нам нужно честно, без утайки и оговорок объяснить Государю, что задуманный им шаг, помимо всего прочего, является величайшим риском для династии. Как верноподданные слуги Русского Царя, с которым связаны все судьбы нашей Родины, мы обязаны сказать, что увольнение Великого князя недопустимо, что мы не отвечаем за порядок и безопасность в стране»[1]. В результате министры в заседании 20 августа (2 сентября), происходившем под личным председательством Государя, обратились к нему с просьбой не производить смены Верховного главнокомандующего.

21 же августа (3 сентября) все министры, за исключением председателя Совета министров И. Л. Горемыкина и министра юстиции А. А. Хвостова, послали Государю Императору коллективное всеподданнейшее письмо следующего содержания[2]:

«Всемилостивейший Государь,

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывают верноподданнический долг и любовь к Вам и Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий.

Вчера, в заседании Совета министров, под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную прось-

[1] *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив революции. Т. XVIII. С. 85.
[2] Там же. С. 98.

бу о том, чтобы Великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в Верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями.

В том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни гибельно.

Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине.

Вашего Императорского Величества верноподданные:

Петр Харитонов[1]
Александр Кривошеин[2]
Сергей Сазонов[3]
Петр Барк[4]
Князь Н. Щербатов[5]
Александр Самарин[6]
Граф Павел Игнатьев[7]
Князь Всеволод Шаховской[8]».

Так говорят и действуют те же лица, которые только что перед этим буквально поносили Ставку и при этом в своей критике затрагивали не только вопрос исполнения, но и принципиальные стратегические решения. Таким принципиальным решением явился отвод Русской армии в глубь страны, и это решение могло исходить только от самого Верховного главнокомандующего. Таким

[1] Государственный контролер.
[2] Главноуправляющий землеустройством и земледелием.
[3] Министр иностранных дел.
[4] Министр финансов.
[5] Министр внутренних дел.
[6] Обер-прокурор Святейшего синода.
[7] Министр народного просвещения.
[8] Министр торговли и промышленности.

образом, в своей критике министры, по существу дела, нападали и на Верховное главнокомандование.

Интересно проследить по мемуарам самого военного министра Поливанова, как он относился к вопросу о смене Великого князя. В этих мемуарах генерал Поливанов является противником смены. Он рассказывает, как он старался ее предотвратить, и нет основания заподозривать искренность его записей.

Но как же тогда совместить его доклады в Совете министров? Ведь они являются тем маслом, которое все время подливалось в огонь.

Мы уже говорили выше о том психологическом явлении, которое наблюдалось не только на русском, но на других фронтах: пессимизм растет по мере удаления от боевых линий. Общее отступление наших армий вызывает панику в тылу и в том числе в Совете министров. О паническом настроении самого генерала Поливанова свидетельствует один поразительный факт. В заседании Совета министров 12 (25) августа, рассказывая о своей поездке в Ставку с письмом Государя к Великому князю, в котором писалось о смене Верховного главнокомандующего, генерал Поливанов говорит[1]:

«Должен сознаться, что я отправлялся в Ставку с весьма смутным чувством, отнюдь не будучи уверен в благополучном исходе моей миссии. К счастью, мои опасения не оправдались. Великий князь, как я подозреваю по некоторым признакам, уже был предупрежден об ожидающейся перемене, но не знал, в какой форме она произойдет, и, по-видимому, боялся худшего. Прочтя письмо, Его Высочество обрадовался и принял меня как вестника милости необычайной. Ни о какой возможности *сопротивления или неповиновения не может быть и речи*».

Каждому бывшему в те времена на фронте хорошо известно, что не было абсолютно никаких данных опасаться какого бы то ни было переворота. Кроме того, рыцарский и лояльный характер самого Великого князя должен был бы заставить откинуть всякое опасение подобного рода. Между тем из слов генерала Поливанова видно, что он именно опасался неподчинения Великого князя повелению Государя императора, т.е., по существу дела, переворота. Такое опасение могло родиться только в панически настроенном воображении.

[1] *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни // Архив революции. Т. XVIII. С. 66.

Таково было настроение лишь непосредственно стоявших у власти. Посмотрим теперь, как переживалось наше отступление в общественных и обывательских кругах. Для оценки этого настроения может послужить чрезвычайно ценный документ, найденный в личном архиве императора Николая II[1]. Это доклад членов Военно-морской комиссии Государственной думы, поданный Государю в августе 1915 г. Доклад не помечен датой, но, судя по упоминанию о сдаче Ковно, он не мог быть представлен ранее чем в августе 1915 г. Вместе с тем он, как видно из текста, относится к тому времени, когда Верховным главнокомандующим был еще Великий князь Николай Николаевич. Таким образом, этот доклад выражает собой настроение руководящих общественных кругов как раз в тот момент, когда наверху назревала смена Верховного главнокомандования. Полностью текст этого доклада воспроизведен в приложении № 1 к настоящей главе.

Из этого доклада можно убедиться, что наши общественные круги переживали отступление наших армий в глубь страны с большим спокойствием, нежели само правительство. На них сильное впечатление производит не самый факт отхода, а те причины, которые его вызвали. На первом месте среди этих причин ставится катастрофа в боевом снабжении. Поэтому красной нитью проходят в докладе осуждение правящих верхов и стремление общественности захватить руководство тыловой работой в свои руки. Правда, последняя мысль не высказывается прямо. Составители доклада ходят около нее окольными путями, высказывая ее наиболее ярко только в вопросе о рытье окопов внутри страны.

Но тем не менее эта мысль является лейтмотивом всего доклада. Нужно помнить, что разбираемый нами доклад совпадает с начальным периодом промышленной мобилизации, поднятой общественными же кругами.

Внимательно изучая доклад, нельзя не заметить, что он весь представляет собой сложный переплет действительно серьезных обвинений правительства и Главнокомандования с указанием на упущения более чем ничтожного характера. Таким прямо комическим моментом в трагическом тоне доклада является, например, упоминание о «потрясающей речи одного из членов Государственной думы» о плохом укреплении Пскова.

[1] Монархия перед крушением. 1914–1917. М., 1927.

Но все эти отклонения доклада от серьезного тона свидетельствуют о той тревоге, которая распространяется в стране. Несомненно, что нервность этого настроения и привела к малой отчетливости редакции его основной мысли. Насколько форма доклада не отвечает его содержанию, лучшим примером может служить его конец. Этот конец говорит о том, что «только непререкаемой Царскою властью можно установить согласие между Ставкою Великого князя, Верховного главнокомандующего и правительством». Император Николай II, прочитав доклад, имел полное право сделать логический вывод о том, что русские общественные круги желают, чтобы монарх в своем лице совместил управление страной и Верховное главнокомандование.

Несомненно, что удаление Великого князя Николая Николаевича обуславливалось также и влиянием, идущим из непосредственного окружения императора. Напечатанные ныне письма императрицы Александры Федоровны не оставляют в этом сомнения. Но мы настаиваем на том, что под влиянием революционных настроений эта смена слишком исключительно приписывалась влияниям личного характера. Несомненно, что общие причины в вопросе смены Верховного главнокомандующего имели на Государя большее влияние, чем личные мотивы, и нет никаких оснований заподозрить искренность слов Государя, объявившего свое вступление в командование армией желанием лично стать во главе войск в минуты катастрофы.

УВОЛЬНЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА И ВСТУПЛЕНИЕ В ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Смена Верховного главнокомандующего произошла 23 августа. Верховным главнокомандующим стал Государь с начальником Штаба генералом Алексеевым. По существу говоря, последний и становился теперь Верховным главнокомандующим. Это понимала вся армия, и это в известной степени примирило с происшедшей переменой, так как высшие лица Штаба Великого князя Николая Николаевича были крайне непопулярны.

Какое впечатление произвела эта смена на самую армию?

«Этот значительный по существу акт, — пишет генерал Деникин в своем труде «Очерки русской Смуты»[1], — не произвел большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе ясный отчет в том, что личное участие Государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: кто будет начальником Штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство. Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления; для нее Царь и раньше был верховным вождем армии, и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что Царь несчастлив».

Эти строки, написанные одним из наиболее видных вождей белого движения, грешат тем же непониманием народных масс, которое привело затем самого автора цитированных выше строк к крушению. То, что при смене Верховного главнокомандования снаружи царило полное спокойствие, это верно. Более того, мы сами были свидетелями, с каким энтузиазмом встречали войска Государя впервые после того, как он стал Верховным главнокомандующим. Но это нисколько не противоречило тому, что удаление Великого князя Николая Николаевича сопровождалось глубоким сожалением именно солдатской массы. В представлении этой массы Великий князь Николай Николаевич носил благородный облик поборника правды, решительного искоренителя лжи — грозного для всех и в то же время справедливого для всех.

«Прошло три-четыре месяца войны, — записывает один большевистский писатель[2], — и Николай Николаевич стал просто популярен. В армии о нем говорили не иначе как с восторгом, а часто с благоговением».

Вокруг имени Великого князя стали создаваться легенды. Народные массы стремились воплотить в нем черты любимого вождя.

Вот свидетельство иностранного наблюдателя Русской армии. Оно принадлежит перу неоднократно нами цитированного британского генерала А. Нокса; приводимые строки написаны им для Британской энциклопедии.

---

[1] *Деникин.* Очерки русской Смуты. Т. I. С. 34.

[2] *Мих. Лемке.* 250 дней в Царской Ставке. С. 82.

«Великий князь Николай Николаевич был прежде всего патриотом с сильно развитым чувством долга. Хотя благодаря принадлежности к Царской Семье ему было гарантировано высокое положение в армии, он тем не менее посвятил себя научному изучению своей профессии. Его служебная деятельность показывает, что он обладал всеми качествами военного вождя. Обладая импонирующей внешностью, он обладал неограниченной энергией, сильной волей и способностью быстро решаться. Всякая интрига была абсолютно чужда его благородному характеру. Он обладал исключительным даром внушать веру в себя и любовь. Его справедливость одинаково притягивала и сердца генералов и сердца солдат. Многочисленные рассказы про него, распространявшиеся среди русских солдат, крестьян, рисовали его легендарным героем, защитником Святой России против германизма и развращенности Двора. Солдаты верили, что он, очень строгий в вопросах воинской дисциплины, одинаково требователен в этом отношении к генералам, а также и к самому себе».

Популярность Алексеева была иная. В армии она распространялась, главным образом, на офицерские круги. Командный состав видел в нем наиболее знающего из всех русских генералов руководителя. Армейский рядовой офицер видел в нем своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии исключительно благодаря личным заслугам.

Солдатская масса его мало знала; в нем не было тех внешних черт, которые требуются малокультурным массам для облика их героев. То же самое происходило и в стране: все мало-мальски образованные слои знали Алексеева, уважали и верили ему; народные же массы его совсем не знали.

Вот почему и в армии и в общественных кругах, как свидетельствуют о том многочисленные мемуары, наилучшим разрешением вопроса считалось оставление Верховным главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича и назначение к нему нового начальника Штаба в лице Алексеева.

Устраняя от должности Верховного главнокомандующего, Великого князя Николая Николаевича, Государь отказывался от содействия чрезвычайно важной моральной силы. Он думал, что эта моральная сила, заключавшаяся в народной популярности Великого князя, может быть вполне заменена монархической традицией. Эта мысль была в свое время отлично сформулирована в

английской газете «Daily Chronicle», так объяснявшей английской публике состоявшуюся в русском Верховном главнокомандовании перемену:

«Царская власть обладает какими-то мистическими и отеческими свойствами, неотразимо действующими на душу русского народа. Решение Царя вновь свидетельствует о тесных узах, существующих между народом и царем-батюшкою. Принимая на себя Верховное командование, Царь ясно доказал, что не может быть сомнения в решимости России довести войну до конца».

Ошибка в подобной точке зрения заключалась прежде всего в том, что для успешного доведения войны до победного конца необходима не замена сил, а сложение всех имеющихся в распоряжении сил. Испытания, предъявленные России, были слишком велики для того, чтобы позволять себе отказ от какой бы то ни было из имеющихся в распоряжении сил. Несомненно, что здесь мы видим одно из наиболее ярких проявлений *того примитивного отношения* к современной сложной социальной жизни, которое мы обнаруживали во всех областях государственной жизни России.

НАСТРОЕНИЕ СОЛДАТСКИХ МАСС

Когда окончилось намеченное Верховным главнокомандованием отступление, по мере того как войска устраивались на новых линиях обороны и спокойная рука генерала Алексеева приводила все в порядок, настроение армии стало улучшаться.

Особое свойство русского солдата быстро оправляться от тяжелых поражений замечено было еще немцами и включено было ими в характеристику Русской армии.

Вот в каких словах в 1913 г. отмечено это свойство германским Большим Генеральным штабом:

«Русский солдат очень вынослив в физическом отношении и мало требователен. Вместе с этим *русская военная часть обладает исключительной способностью быстро оправляться после неудачных боев и быть опять способной к упорной обороне*»[1].

Интересно сравнить эту оценку русского солдата, написанную до войны внимательно изучившим Русскую армию немецким Генеральным штабом, с заметкой, записанной тоже внимательным

[1] *Von Kuhl.* Der deutsche Generalstab. S. 68.

иностранным наблюдателем Русской армии в 1915 г. генералом Ноксом. В октябре 1915 г. он заносит в свои воспоминания[1]:

«Хотя после долгих напряжений русский солдат выглядит печально (невзрачно), тем не менее он обладает исключительной способностью к быстрому восстановлению своей боеспособности».

Мы вполне отдаем себе отчет, как трудно оценивать настроение солдатских масс, в особенности русских масс того времени. Единственным показателем этого настроения могли являться только отчеты военной цензуры о письмах, посылаемых из армии. К глубокому сожалению, мы лишены возможности использовать этот богатый архивный материал, остатки которого хранятся в России и ждут своего исследования. По ним можно было бы дать общую картину изменения в настроении армии.

Некоторые интересующие нас указания можно найти в записи генерала Нокса, сделанной им в начале февраля 1916 г.:

«Во время моего посещения Северного фронта в феврале я был поражен тем восторгом, с которым офицеры говорили о духе солдат. Цензоры 12-й армии (по-видимому — крайне правые) читают все письма и классифицируют по отражающимся в них настроениям так: а — хорошее, б — недовольство или подавленность, в — жалобы на офицеров, г — жалобы на пищу... и т.д. В большинстве частей 80 % писем должны быть отнесены к первой категории (хорошее настроение); в некоторых же частях эта категория занимает все 100 %».

Эта заметка генерала Нокса подтверждается и из другого источника. В книге Лемке «250 дней в Царской Ставке»[2] упоминается о сводке военно-цензурного отчета Штаба армии Западного фронта, относящейся тоже к началу февраля 1916 г.

Согласно этой сводке, корреспонденция, посланная из армий Западного фронта, была распределена так:

2,15 %	—	писем в угнетенном настроении,
30,25 %	—	писем бодрых,
67,60 %	—	писем уравновешенных, но содержащих в себе спокойную веру в конечный успех Русской армии.

[1] With the Russian Army in 1914—1917. P. 350.

[2] *Мих. Лемке.* 250 дней в Царской Ставке. С. 545.

Эти данные тем более интересны, что они относятся к фронтам, совершившим наибольший отход в летнюю кампанию 1915 г.

Последние месяцы 1915 г. сопровождались относительным затишьем на нашем театре. Были некоторые частные операции, коих масштаб был небольшой, и, в общем, можно установить с несомненностью, что русские армии морально отдохнули и к началу 1916 г. настроение масс Русской армии оправилось. Оно не носило на себе печати того горячего порыва, который был присущ началу войны, оно представляло собой спокойную уверенность. Это как раз отвечает той громадной организационной работе, которая творилась генералом Алексеевым по восстановлению нашей вооруженной силы после катастрофы в лето 1915 г.

Но в этом восстановившемся настроении армии ярко проглядывают два тревожных симптома:

а) Общее недовольство «тылом», под которым прежде всего понималась деятельность правительства. Это недовольство подготовляло во всех слоях армии почву, чрезвычайно благоприятную для всякого рода слухов о бездарности, злоупотреблениях и даже изменах в верхах страны. Всякая критика быстро передается из уст в уста. Одним словом, армия, морально восстановившись в военном отношении, в политическом отношении представляет собою разболевающийся организм, к которому легко может привиться всякая зараза. Армия все более и более превращается в резонатор, в котором всякое революционное настроение тыла находит быстрый и многократный отзвук.

б) Второй тревожный симптом, который обнаруживается в настроениях нашей армии к концу 1915 г., это разочарование в союзниках. В самом деле, полные жертвенного порыва действия Русской армии в 1914 г. заставили немцев перенести центр тяжести своих действий в летнюю кампанию 1915 г. против России. Это резко меняет распределение немецких сил между Французским и Русским фронтами. Как мы говорили выше, в августе 1914 г. это взаимоотношение выражалось так:

79 % германских сил, действующих против французской, британской и бельгийской армий и

21 % германских сил, действующих против России.

В 1915 г. это взаимоотношение изменяется так[1]:

	Против французской, британской и бельгийской армий	Против русской армии	Против сербской и итальянской армий
В январе	69 %	31 %	—
феврале	67 %	33 %	—
марте	66 %	34 %	—
апреле	65 %	35 %	—
мае	62 %	38 %	—
июне	62 %	38 %	—
июле	61 %	39 %	—
августе	60 %	40 %	—
сентябре	62 %	38 %	5 %

Таким образом, наши союзники не смогли помешать германцам удвоить свои силы против России и навалиться на нее как раз в самое критическое для Русской армии время.

Прежняя жертвенная готовность по отношению к своим союзникам сменяется в Русской армии чувством горькой обиды и разочарования.

Пусть об этом разочаровании в союзниках свидетельствует один из их представителей, а именно — неоднократно цитированный нами генерал Нокс. В своих воспоминаниях он записывает свой разговор 1 октября 1915 г. с генерал-квартирмейстером Штаба армий Западного фронта:

«Разговор коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников, и маленький Лебедев[2], горячий патриот, увлекся вовсю. Он сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами притаились, как зайцы в своих норах, свалив всю тяжесть на Россию. Я, конечно, спорил с ним и указывал ему, что если бы не Англия, то Архангельск и Владивосток были бы заблокированы и Россия вынуждена была бы заключить мир весной 1915 г. Я напомнил ему, что, хотя в мирное время мы имели лишь ничтожную армию, сейчас мы развернули ее до численной силы, почти равной Русской, и это несмотря на то что численность нашего населения всего 45 000 000, а России — 180 000 000. От-

[1] *Général Buat*. L'armée allemande pendant la guerre, 1914—1918.

[2] Генерал Павел Лебедев. (*Прим. Н. Г.*)

носительно Франции я повторил слова Делькассе, что для того, чтобы усилия России достигли уровня напряжения Франции, первая должна была бы мобилизовать 17 000 000.

Лебедев ответил, что не желает сравнивать, что сейчас делает каждая из армий, но он сожалеет, что в Англии не понимают, что текущая война непосредственно грозит ее существованию. Несомненно, что Англия делает много, но она не делает всего, что она могла бы делать. Россия же ничего не бережет и все отдает; что может быть ей дороже, чем жизнь ее сынов? Но она широко ими жертвует. Англия же широко дает деньги, а людей свои сберегает. Число людей, которыми Россия готова жертвовать, ограничивается лишь возможностями их вооружения. Эти возможности, как я знаю, ограничены. Англия ведет эту войну, как будто это обыкновенная война; но это не так. Из всех союзников России легче всего заключить сепаратный мир. Правда, она при этом может потерять Польшу, но Польша России совсем не нужна. России придется заплатить контрибуцию; но через 20 лет после этого Россия восстановит все свои силы. Не таково положение Англии. Если Германия выиграет войну, то через 20 лет Германия будет иметь флот в три раза сильнее английского. Затем он сказал: "Мы же продолжаем войну. Мы отдаем все. Думаете ли вы, что нам легко видеть длинные колонны населения, убегающего перед вторгающимися немцами? Мы прекрасно сознаем, что дети на этих повозках не доживут до весны". Что мог я ответить на это, ибо я знал, что многое из того, что говорил Лебедев, была правда. Я говорил, что мог. Я надеюсь только, что говорил не глупее того, что высказывали некоторые из наших государственных деятелей, на беседах которых я присутствовал».

В толще армии и в глубинах народа широко всходила мысль, что будто бы война нам была ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию. Автору часто приходилось слышать начиная с зимы 1915—1916 годов циркулировавшую среди солдатской массы фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата».

Мысль о том, что русский народ втравлен в войну вопреки его интересам, особенно легко прививалась к темным народным массам, в которых доверие к правительству было в корне подорвано.

КАМПАНИЯ 1916 ГОДА

Кампания 1916 г. начинается опять требованием со стороны союзников помощи от России.

Германские атаки на Верден ускоряют начало наступательных операций на наших Северном и Западном фронтах. Несмотря на то что время года делало невозможным ведение в России каких-либо наступательных операций, русское Верховное главнокомандование решило все-таки произвести таковую в широком размере.для отвлечения на себя немецких сил с французского театра. Атаки начались на Западном фронте, в районе озера Нарочь 15 марта и на Северном фронте, в районе Якобштадта и Двинска 21 марта. Прорывы не удались. Захват 2—3 тысяч пленных и оттеснение противника на некоторых участках на 2—3 версты, конечно, не отвечали тем громадным потерям, которые понесли русские армии. 30 марта приказано было приостановить наступление. Правда, помощь французам была осуществлена, так как с 22 по 30 марта германские атаки у Вердена прекратились, но неудача наступления не могла не оказать влияния на моральную сторону русского командования[1].

В этом мы можем убедиться из одного характерного разговора с генералом Алексеевым, записанного М. Лемке в его книге «250 дней в Царской Ставке»[2]. Этот разговор происходит 29 марта[3], т.е. непосредственно под впечатлением вышеупомянутых наступлений на наших Северном и Западном фронтах.

М. Лемке, состоявший офицером военно-цензурного отделения Ставки, беседовал со своим начальником, генерал-квартирмейстером Ставки, генералом Пустовойтенко, когда в комнату вошел М. В. Алексеев.

В завязавшемся разговоре М. В. Алексеев сказал:

«— Да, настоящее не весело...

— Лучше ли будущее, Ваше Высокопревосходительство? — спросил М. Лемке.

— Ну, это как знать... — ответил М. В. Алексеев. — О, если бы мы могли его предупредить без серьезных ошибок. Это было бы величайшим счастьем для человека дела и величайшим несчастьем для человека чувства...

---

[1] *Зайончковский.* Мировая война. С. 253—254.

[2] *Мих. Лемке.* 250 дней в Царской Ставке. С. 648—650.

[3] По новому стилю.

— Верующие люди не должны смущаться таким заглядыванием, потому что всегда будут верить в исправление всего Высшею Волею, — вставил Пустовойтенко.

— Это совершенно верно, — ответил Алексеев, — и вы знаете, только ведь и живешь мыслью об этой Высшей Воле, как вы сказали. А вы, вероятно, не из верующих? — спросил он М. Лемке.

— Просто атеист, — посмеялся Пустовойтенко...

— Нет, а я вот счастлив, что верю, и глубоко верю в Бога, и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную Судьбу. Вот вижу, знаю, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим, но, вы думаете, меня это охлаждает хоть на минуту в исполнении своего долга? Нисколько, потому что страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой Божьей Помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра.

— Вы верите также в это богатейшее нутро? — спросил Лемке.

— Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли и моем положении... Я человек простой, знаю жизнь низов гораздо больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я знаю, что низы ропщут, но знаю и то, что они так испакощены, так развращены, так обезумлены всем нашим прошлым, что я им такой же враг, как Михаил Савич[1], как вы, как все мы...

— А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

— Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии... Скорее, Америке, которой до нас нет никакого дела... Нет, батюшка, вытерпеть все до конца — вот наше предназначение, вот что нам предопределено, если человек вообще может говорить об этом... Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой армией в ее целом можно только погибать. И вся задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы узнаем ее, поймем, какого

[1] Ген. Пустовойтенко. (*Прим. Н. Г.*)

зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками...

— Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь же принять меры к спасению самого дорогого, к меньшему краху хоть нашей наносной культуры? — спросил Лемке.

— Вы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю хотя бы о моменте демобилизации армии? Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, которого никто не остановит. Я докладывал об этом несколько раз в общих выражениях, мне говорят, что будет время все сообразить и что ничего страшного не произойдет; все так-де будут рады вернуться домой, что о каких-то эксцессах никому в голову не придет... А между тем к окончанию войны у нас не будет ни железных дорог, ни пароходов, ничего — все износили и изгадили своими собственными руками».

Может быть, при передаче этого разговора М. Лемке сгустил краски. Но мы думаем, что все-таки он верно рисует пессимистическое настроение в верхах нашего Главного командования, явившееся результатом неудач нашего наступления против немцев.

Это влияние ярко сказалось и на совещании главнокомандующих, собранном в Ставке 14 апреля. Если внимательно проштудировать протокол этого совещания, станет совершенно очевидным, что Главнокомандующий Северного фронта генерал Куропаткин и Главнокомандующий Западного фронта генерал Эверт «потеряли сердце»; они не верят в успех, хотя и не смеют это сказать прямо. Один только Главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Брусилов бодро смотрит на предполагаемое в мае общее наступление.

Тем не менее генерал Алексеев настаивает на том, что главный удар должен быть произведен на нашем Западном фронте. Но пониженное настроение духа Главнокомандующего Западного фронта генерала Эверта сказывается на том, что время начала общего наступления откладывается[1].

Тем временем на итальянском театре произошла катастрофа. От России снова требуется экстренная помощь.

---

[1] *Клембовский.* Стратегический очерк войны 1914—1917 гг. Ч. 5. С. 29.

Для того чтобы дать полную и точную картину тех условий, в которых началось победоносное, но в то же время чрезвычайно кровавое наступление Русской армии в Галиции в летнюю кампанию 1916 г., мы приведем в приложении № 2 к настоящей главе Всеподданнейший доклад генерала М. В. Алексеева, поданный им Государю 13 (26) мая 1916 г. Этот доклад чрезвычайно характерен для обрисовки постоянной требовательности союзников по отношению к России.

Упоминаемый нами документ чрезвычайно важен также как доказательство того, что план наступления, намеченный генералом Алексеевым на лето 1916 г., был нарушен требованием ускоренной помощи итальянцам. Это нарушение расчетов генерала Алексеева, несомненно, должно было отразиться на всем стратегическом ходе событий в Галиции и помешать генералу Алексееву использовать в полной мере достигнутые в Галиции тактические результаты.

22 мая (4 июня) четыре русские армии (8-я, 11-я, 7-я и 9-я) Юго-Западного фронта начали свои атаки, которые и привели к Величайшей Галицийской битве 1916 г., продолжавшейся около 4 месяцев. Тактические результаты этой битвы были громадными. Взяты были в плен 8924 офицера, 408 000 нижних чинов, захвачены 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Отнята у противника территория более чем в 25 000 кв. километров[1]. Таких результатов не достигла ни одна наступательная операция наших союзников в 1915, 1916 и 1917 гг.

С общесоюзной точки зрения стратегические результаты нашего наступления в Галиции были также большими.

Во-первых, итальянская армия была спасена, так как австро-венгры должны были прекратить свое наступление в Италии и перебросить против России до 15 дивизий.

Во-вторых, положение французской армии было сильно облегчено, так как немцы вынуждены были перебросить с французского театра на наш 18 дивизий[2] и четыре дивизии, сформированные внутри страны.

---

[1] См. схему № 13.

[2] Снимая 18 дивизий с Французского фронта, немцы немедленно же формируют там новые 18 дивизий, но эти формирования производятся за счет уничтожения егерских батальонов во всех дивизиях; таким образом, общая сила немцев во Франции все-таки уменьшилась на число отправленных против России дивизий.

В-третьих, положение союзников на Салоникском фронте тоже значительно облегчено, так как с этого фронта было увезено против России 3,5 германские дивизии и 2 лучшие турецкие.

В-четвертых, новое решительное поражение австро-венгерских армий вынуждало Германию усилить постоянную поддержку своего близкого к окончательному крушению союзника.

В-пятых, успех Русской армии обусловил выступление Румынии против центральных держав.

НАДЛОМ ДУХА В СТРАНЕ

Но все перечисленные стратегические *выгоды выпадают не на сторону России, а на долю союзников.* Даже выступление Румынии было для России менее выгодным, чем пребывание ее в нейтралитете, ибо это выступление заставило нас уступить Румынии часть нашего заграничного ввоза, который и без того был катастрофически ограниченным.

Боевые успехи, достигнутые на Юго-Западном фронте, вызвали подъем настроения в тех частях Русской армии, которые дрались на Юго-Западном фронте. В противоположность этому влиянию неудача попыток прорыва германских позиций на нашем Западном и Северном фронтах отразилась отрицательно на духе дравшихся там войск. На Западном фронте после ряда колебаний Главнокомандующего этим фронтом генерала Эверта была произведена атака в середине июня на Барановичском направлении, повторенная затем после перегруппировки в первых числах июля. При обоих этих наступлениях мы не имели того превосходства в артиллерийском огне, которое требуется современными условиями огневого боя. Неся громадные потери, наши войска продвинулись лишь на незначительное расстояние, после чего атаки и были прекращены. Но даже в таких неблагоприятных условиях наши наступления поставили немцев в очень трудное положение. Сам Людендорф признает, что положение немцев было близким к критическому.

Неудачи попыток прорыва немецких позиций на Северном и Западном фронтах чувствительнее отражались в нашем тылу и на общественном настроении, нежели победы в Галиции и на Кавказе (Эрзерум).

В растущем пессимизме все ошибки нашего командного состава рассматривались в увеличительное стекло. При этом совершенно упускалось из виду, что *атаки наших союзников не приводили к большим результатам, чем наши атаки против немцев*, несмотря на то что в распоряжении союзных генералов было такое обилие технических средств, о котором у нас даже мечтать не смели.

Характерным документом, пропитанным этим преувеличенно критическим отношением к нашему командному составу, является Записка председателя Государственной думы М. В. Родзянко, составленная в конце 1916 г.[1]. В ней много несправедливого, фактически неверного, и тем не менее она исторически чрезвычайно интересна как показатель тех настроений, которые господствовали в наших общественных кругах и которые, несомненно, влияли и на настроения армии. Охарактеризовать эти настроения можно так: вера в окончательный успех и доверие к командному составу совершенно подорваны. Вот те выводы, к которым приходит в своей Записке М. В. Родзянко:

«Подводя итоги вышесказанному, — пишет он, — приходится прийти к нижеследующим основным положениям, которыми Армия объясняет себе неудачи 1916 года.

1) Русское Высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо, если их имеет, то их не выполняет (Ковельская операция).

2) Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию на вновь открывающемся фронте, частью за неимением достаточных сведений, частью за полной хозяйственной беспомощностью военных властей (Румынская операция).

3) Высшее командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет подготовлять наступление.

4) В деле назначения и смены командного состава нет системы, и назначения на высшие посты носят часто случайный характер, благодаря чему посты занимаются лицами, не соответствующими занимаемому посту.

5) Высшее командование не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах.

---

[1] Эта Записка еще нигде не напечатана; одна из ее копий хранится в Hoover War Library; эта Записка представляет собой тот доклад, посланный в Ставку, о котором М. В. Родзянко упоминает в своих воспоминаниях (Архив Русской революции. Т. XVII. С. 135).

Эти основные причины, повлекшие за собой остановку наступления генерал-адъютанта Брусилова, повлекли за собой наш разгром в Румынии. Те же причины, которые потушили величайший в истории этой войны прорыв войск в начале 1916 г., ликвидировали и наши румынские операции. Устранение этих общих причин неудач необходимо для победы, ибо армия отчетливо сознает, что если эти причины не будут устранены, то победы мы, несмотря ни на какие жертвы, не добьемся. Сознание это проникло глубоко в ряды армии, и не только в ряды офицеров, но и в ряды простых солдат, и это обстоятельство при обсуждении вопроса о дальнейшем продолжении войны нужно всегда иметь в виду. Армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно, Армия находится в таком состоянии, что всякий злой слух, всякая клевета комментируется и принимается как лишнее доказательство полной неспособности командного состава побороть встречающиеся на их пути затруднения и вести армию к победе. В силу этого в армии появляются вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры, во-первых, к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тех, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если же та же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года, как и летом 1916 года, ожидать не приходится».

Читая теперь эти строки, трудно даже представить себе, что они написаны после *величайшей* из побед, равной которой не было одержано за 1914, 1915 и 1916 гг. ни одним из союзников. Так смотрело на создавшееся положение вещей подавляющее большинство сознательной части армии и страны.

Что же происходило в темных солдатских и народных массах?

И в армии и в стране ощущались потери, понесенные в 1916 г., которые достигали 2 060 000 убитых и раненых и 344 000 пленных[1]. Эти потери были тем более чувствительными, чем слабее

[1] В одну только летнюю кампанию 1916 г. потери достигли 1 200 000 убитых и раненых и 212 000 пленных.

было сознание в необходимости их для России; последнее же являлось непосредственным следствием того, что в народных массах доверие к правительству и вера в союзников были окончательно подорваны.

Осознание приносимых жертв является одним из основных условий для увеличения жертвенной способности народных масс — это социально-психический закон, общий для всех народов. Вот вывод, сделанный одним французским военным писателем, генералом Сериньи на основании его наблюдений за происходившим во Франции[1]:

«Объясните народу, что требования национальной охраны вынуждают применить всю совокупность Коммерческого флота для перевозки американских войск и что вследствие этого размеры продовольствия должны быть сокращены до минимума, — он поймет это и примет это как неизбежность; но если вы отдадите резкий приказ сжать свои животы — он возмутится. В течение трех лет Германия испытывала с изумительной выдержкой гораздо худшие лишения, и это потому, что путем речей, газетных статей, лекций ее народу дали уразуметь всю необходимость требуемых жертв...»

В этом отношении существовавшее в России положение вещей было крайне неблагоприятным. Ни правительство, ни сами народные массы не были подготовлены к современным сложным формам управления. Представители первого привыкли только приказывать, считая даже, что всякие излишние рассуждения только подрывают авторитет власти; вторые — вследствие своей малой культурности не были способны подняться выше интересов «своей колокольни» и осознать интересы широкого государственного значения. Положение же ухудшалось еще тем, что все представители русской интеллигенции были отброшены к концу 1916 г. правительством в лагерь оппозиции. И в результате вместо того, чтобы слышать из уст представителей своих более образованных классов слова бодрости и разъяснения, народные массы слышали только критику, осуждение и предсказания неминуемой катастрофы.

Мы считаем, что для оценки настроения наших общественных кругов чрезвычайно характерны выдержки из письма А. И. Гуч-

[1] *Gēnēral Serigny*. Reflexions sur 1'art de la guerre.

кова, написанного 15 (28) августа 1916 г. генералу М. В. Алексееву[1]:

«Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведовании г. Трепова, хорошей работы нашей промышленности на попечении князя Шаховского, процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки продовольственного дела в руках гр. Бобринского. А если Вы подумаете, что вся власть возглавляется Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, — что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, а следовательно, и вся наша будущность, — то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль и народные настроения.

Мы в тылу бессильны, или почти бессильны, бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализировать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны, — надвигается потоп, и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и открывают зонтик.

Можете ли Вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и, в частности, наша отечественная, знает тому немало грозных примеров».

Выражение всеобщего недовольства, окончательное падение авторитета власти, предчувствие, даже уверенность в надвигающейся страшной катастрофе можно прочесть решительно во всех мемуарах, относящихся к этому времени. Во всех слоях общества

[1] Монархия перед крушением 1914—1917 гг. С. 282.

и народа ползли слухи один мрачнее другого. Почти открыто говорилось о необходимости династического переворота.

Страна была окончательно деморализована. Из такого тыла не мог уже вливаться в армию дух бодрости; такой тыл мог только вносить в армию дух разложения.

Приложение № 1

ДОКЛАД ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II ЧЛЕНОВ ВОЕННО-МОРСКОЙ КОМИССИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Членов Военно-Морской комиссии Государственной думы, входящих в состав Особого совещания для обсуждения мероприятий по обороне государства

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД

Ваше Императорское Величество,

Тяжелые испытания, переживаемые сейчас доблестной Русской армией, а вместе с нею и всей Россией, побудили нас просить Вас, Государь, принять настоящую записку, в которой мы кратко выразили все то, что стало нам известным о настоящей войне и о способах ее ведения, приведших к трудному положению, и то, чем можно помочь тяжелой беде, переживаемой нашим Отечеством.

В заседаниях Комиссии Государственной думы по военным и морским делам из объяснений представителей Военного ведомства и из речей членов Государственной думы стали нам очевидны размеры постигшего нас несчастья.

Мы узнали, что доблестная наша армия, истекая кровью и потеряв уже свыше 4 000 000 воинов убитыми, ранеными и пленными, не только отступает, но, быть может, будет еще отступать. Мы узнали и причины этого горестного отступления. Мы узнали,

что армия наша сражается с неприятелем не равным оружием, что в то время, как наш враг засыпает нас непрерывным градом свинца и стали, мы посылаем ему в ответ во много раз меньшее число пуль и снарядов.

Мы узнали, что в то время, как у врага нашего изобилие пушек легких и тяжелых, у нас последних совершенно недостаточно, а легкие пушки выпустили уже столько снарядов, что скоро начнут одна за другой выходить из строя.

Мы узнали, что в то время, как враг наш с каждым днем увеличивает число своих пулеметов и довел их уже, по сведениям, сообщенным нам Военным ведомством, до грозного числа 55 000, у нас едва хватает пулеметов для пополнения утрачиваемых и пришедших в негодность.

Мы узнали, что в то время, как неприятель богато снабжен ружьями, имея винтовку на каждого солдата, у нас сотни тысяч наших воинов стоят безоружными в ожидании той минуты, когда можно будет взять винтовку, выпавшую из рук пораженных товарищей.

Мы узнали также и то, что если многое в этой войне вышло за пределы человеческого разумения и не могло быть предвидено, то, с другой стороны, многое могло бы быть избегнуто, если бы некоторые военные начальники не проявили столько преступной нерадивости.

Мы узнали, что из действующей армии еще с сентября месяца прошлого года доносили, что не хватит снарядов, и умоляли вовремя подумать об этом. Но этого совета не послушали, а когда беда пришла и стала неминучей, только тогда спохватились и стали исправлять дело. Но мы знаем, что еще много месяцев пройдет, пока мы если не сравняемся с врагом, то по крайней мере приблизимся к силе его вооружения.

Мы узнали и другое. Мы узнали, как совершилось наше отступление из Галиции. Мы узнали, что войска, отступая, почти нигде не находили приготовленных укрепленных позиций. Мы узнали, что после тяжких переходов войска должны были сами рыть себе наспех, на скорую руку жалкие окопы, пока неприятель не подходил снова и не засыпал снова истомленных, обессиленных людей смерчем тяжелых снарядов, против которых не могли защитить только что вырытые земляные канавы.

Мы узнали, что даже самые важные места, большие города на нашей родной земле не укреплялись совсем или укреплялись недостаточно.

Мы выслушали потрясающую речь одного из членов Государственной думы, только что приехавшего из Пскова и рассказывавшего нам, что Псков, древний Псков укрепляется только теперь, на скорую руку, кое-как, впопыхах, при общем беспорядке и сумятице.

Мы узнали также, что еще год тому назад и 10 дней после начала войны один из дальновидных военачальников требовал начать работы по укреплению Киева. Ему было отказано. Между тем, если бы его послушались, сейчас Киев был бы окружен кольцом почти неприступных окопов, и тогда у нас было бы сознание, что все в пределах человеческих сил сделано ради того, чтобы сберечь древнюю Святыню и Матерь Городов Русских.

Мы узнали и то, что в этом деле укрепления, как и в остальных, непроходимая стена разделяла две власти, которые должны были бы работать рука об руку: власть военно-полевую и власть центральную.

Вследствие необычайной глубины тылов армии огромные пространства считались театром войны, и в то же время, как войска наши подходили к Кракову, Киев все же почитался на театре военных действий. При этих условиях, при разобщенности Штаба Верховного главнокомандующего от Военного министерства последнее не могло приступить к укреплению тыловых позиций, даже если полагало это нужным. Военачальники же, увлекаясь движением вперед, не думали об условиях отступления, не думали о том, как они будут оборонять родную страну. При этих условиях и создалось то горестное явление, что год войны почти потерян для возведения тыловых укреплений, которые создаются только вблизи уже подступившего врага, а потому делаются поспешно и несовершенно.

Это же разъединение властей привело к грозным последствиям и в других областях. Огромное пространство, целое государство явилось подчиненным военным начальникам — так называемым начальникам тыла — не только в военном, но и во всех отношениях.

Неопытные в гражданских и особенно в хозяйственных делах, но облеченные огромной властью, эти люди привели в расстрой-

ство обширный край своими распоряжениями. Центральная же власть, даже видя явную несообразность совершаемого, не имела права вступиться и прекратить зло.

В таком положении оказался вопрос о миллионах беженцев, поднявшихся со своих мест при нашествии врага. Военные власти, неопытные в этих делах, неумелые в управлении, при помощи властей гражданских не сумели устроить это дело, а центральная власть была бессильна помочь им.

Мы узнали также и то, что дело пополнения наших армий, несущих тяжкие потери, стоит не на должной высоте. Люди, призываемые в войска, обучаются в очень краткий срок, обыкновенно не свыше четырех недель. Обучение их поставлено плохо вследствие недостаточности запасных батальонов, а в сих последних обучающих — как офицеров, так и унтер-офицеров — и в силу отсутствия руководящих начал в воспитании молодых солдат.

Кроме того, вследствие недостаточности винтовок новобранцы обучаются по несколько солдат на одну винтовку, что при краткости срока обучения не может не влиять самым губительным образом на дело боевой подготовки людей. То же обстоятельство, что эти люди отправляются на театр военных действий не вооруженные, без винтовок и долго стоят в тылу, ожидая получения оружия, глубоко влияет на их душевное состояние и приучает их смотреть на себя как на обреченных, которым суждено умереть, но не дано возможности обороняться.

Мы узнали также и то, что замещение ответственных военных должностей, как то: начальников дивизий и командиров корпусов, совершается по старшинству в чинах, по особому списку, в котором изображено старшинство генералов, и если делается исключение, то только для тех, кто имеет сильных покровителей и заступников.

Таким образом, не доблесть, не талант, не знание, не военное искусство, явленное на деле, служат руководящим началом при движении на служебной лестнице, а иные соображения. При этих условиях действительно способные люди, настоящие военачальники, могущие вести войска к победе, только в редких случаях подымались на высшие ступени командования, высшие же должности обыкновенно отдавались офицерам хотя и менее даровитым, но зато старшим в чинах. Меж тем в военном деле, быть может, три четверти успеха лежит в искусном подборе командного состава,

и потому нынешний порядок назначения является губительным для дела победы.

Мы узнали все это, Государь, но мы узнали и нечто горшее. Мы узнали, что от всего этого, от всех этих бед и настроений заколебался самый дух войск и дух народный. Видя нерадение, непредусмотрительность, отсутствие порядка, войска стали утрачивать доверие к своим начальникам.

Отсутствие снарядов, неприготовленность укреплений, сбивчивые, противоречивые действия относительно мирного населения — все это заронило сомнение в умах воинов, как офицеров, так и нижних чинов, в способности высших начальников защищать страну.

Со стесненным сердцем узнали мы, Государь, о том, что свыше 1 200 000 русских воинов находятся в плену у врага. И еще более были мы подавлены, когда узнали о позорной сдаче Ковны, о том, что комендант крепости бежал, о том, что необученные и плохо вооруженные войска были поставлены на защиту этой столь важной крепости.

Тот же самый дух недоверия, недовольства и раздражения, но еще в большей степени стал замечаться и в среде самого народа. Народ знает, что снарядов и пуль мало, он знает, что кто-то в этом виноват, но он видит, что общественные круги горячо принялись за исправление старых ошибок, стараются наверстать потерянное и привлекают все силы на дело снаряжения армий, — и не прошлые недочеты волнуют его в настоящее время.

Народ не понимает, почему роют недостаточные окопы и только тогда, когда неприятель близко, почему при этом происходят такие большие неурядицы, почему, собрав десятки тысяч людей, их по несколько дней держат без работы или отсылают обратно по домам.

Народ готов работать над защитой Родины и с радостью будет копать каждую пядь русской земли, чтобы закрыть ее непроходимой полосой укреплений, как сделали это наши союзники французы у себя на родине. Народ просит для этого только руководителей, только необходимые чертежи и незначительное число военных инженеров, а все остальное мы сами, Государь, мы — граждане, обыватели, при помощи земств, городов и гражданских властей, выполним своими руками.

Народ не понимает, почему не строят железных дорог, необходимых для обороны. Народ крепко опасается за судьбу столичных

военных заводов и не понимает, почему в глубине России не подготовляется теперь же все необходимое на тот случай, если бы враг угрожал Петрограду.

Народ не понимает, почему такая безнадежная путаница происходит с несчастными беженцами, почему они занимают дороги, нужные войскам, почему их не выселяют вовремя, если их нужно выселять, и почему земля, оставляемая врагу, то опустошается дотла, то отдается нетронутой, со всеми ее богатствами.

Народ не понимает, почему из Юго-Западного края и Бессарабии, которые Бог благословил урожаем в 300 миллионов пудов пшеницы, почти все это огромное богатство не вывезено и почему это произошло — от нерадивости ли и беспорядка или от невозможности выполнить это дело.

Государь, долг наш, как Ваших верноподданных, и горячая любовь к Отечеству побудили нас высказать все то, от чего кровью обливается наше сердце и смущается ум, но мы верим, что можно победить, можно сломить упорство врага, противопоставивши ему старую русскую доблесть.

Мы не слышали от представителей народа в самых скорбных и горьких речах их ни единого слова о заключении мира. Неизведанные силы таятся в глубинах русского народа. Но нужно устроение и направление этих сил по плодотворному руслу.

Ваше Императорское Величество! Приемлем смелость сказать Вам: понимая неизбежность обособления власти, стоящей во главе Армии, от власти, управляющей страной, мы твердо знаем, однако, что без высшей власти, все объединяющей, невозможно правильное направление дела обороны. Только непререкаемой Царской властью можно установить согласие между Ставкой Великого князя, Верховного главнокомандующего и правительством.

Царь может повелеть своим военачальникам и правителям составить расчет будущих действий на продолжительное время, с предвидением всей сложности и многообразности последствий предпринятых решений и положить конец беспорядочным действиям, рассчитанным на несколько дней и не имеющим основной, далеко хватающей мысли.

Царь может расширить рамки расчетов и соображений. Царь может побудить, чтобы стремились не к робкому подражанию врагу, а к напряжению всех усилий огромной и мощной страны,

желающей победить ценою всяческих жертв, чтобы превзойти врага и снаряжением и дальновидным расчетом.

Только Царь может повелеть, чтобы на ответственные должности выбирались те, кто уже выказал свою доблесть в боях, а не люди, часто не способные вести тяжкое дело войны. Царь может призвать все силы Великой России, чтобы создать те неприступные преграды, которые одна за другой будут защищать Родину до того предела, где Провидению угодно будет даровать нам окончательную победу над истощенным нашим упорством врагом.

В эту победу мы верим, Государь.

Вашего Императорского Величества верноподданные:
Председатель Военно-морской комиссии
Государственной думы:
Андрей Шингарев
Товарищи председателя:
Василий Шульгин, Никандр Савич
Члены Комиссии:
Дмитрий Сверчков, Иван Ефремов,
Дмитрий Чихачев, Анатолий Добровольский,
Николай Марков 2-й.

Приложение № 2

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА

Первая итальянская армия, занимавшая позиции на левом фланге общего итальянского фронта, в Трентино, и, в общем, в течение года бездействовавшая, 6-го сего мая была атакована превосходными силами австрийцев, располагавших многочисленною тяжелою артиллериею, и потерпела серьезную неудачу. Армия потеряла до 16 000 пленных и 80 орудий.

Операция противников еще развивается, и возможные последствия дальнейшего наступления, по-видимому, сильно тревожат высшее итальянское командование, которое как через генерала Жоффра и нашего военного агента в Италии полковника Энкеля, так и непосредственно обратилось к нам с настойчивыми

просьбами оказать содействие путем *немедленного*[1] перехода в наступление по крайней мере армиями Юго-Западного фронта.

Всеподданнейше докладываю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ суть полученных мною телеграмм.

Уже 7 мая генерал Кадорна[2], вернувшись из Трентино, ознакомив военных агентов с обстановкою, *признал ее серьезною и тогда же* высказал, что:

1) не предвидит возможности осуществить установленную общим планом действий атаку на Изонцо и

2) просит Русскую армию помочь итальянцам, согласно условий, выработанных в Шантильи[3].

Но еще до этого разговора генерал Кадорна обратился к генералу Жоффру с просьбой повлиять на русское высшее командование, чтобы наша армия перешла в наступление *«в возможно непродолжительном времени»*.

Однако генерал Жоффр ответил, что причины, по которым Русская армия отсрочила начало своего наступления, слишком важны, чтобы были основания менять ныне установленный срок для выполнения операции[4].

Узнав из ответов военных агентов, русского и французского, что начало наступления отсрочено примерно на месяц, генерал Кадорна успокоился, заявив, что при таких обстоятельствах он вполне разделяет *мнение о совершенной нежелательности нарушения общего плана союзников, с которыми он более, чем когда-либо, желает действовать в полном единении*. Однако генерал Кадорна закончил просьбой ныне же на нашем фронте произвести возможно сильное давление на австрийцев, дабы помешать переброске ими в Тироль дальнейших подкреплений[5].

Таково было, в общем, настроение 7 мая высшего итальянского командования, соглашавшегося, что общий план действий союзников не должен быть нарушен существенным образом событиями на Итальянском фронте.

---

[1] Здесь и далее напечатанное курсивом подчеркнуто в подлиннике. (*Прим. Н. Г.*)

[2] Нач. Штаба итальянской армии. (*Прим. Н. Г.*)

[3] Конференция в Шантильи представителей союзных армий происходила под председательством генерала Жоффра, 6—8 декабря 1915 г. Дальнейшие выноски принадлежат подлиннику доклада. (*Прим. Н. Г.*)

[4] Сообщение генерала Лагиша от 8 мая 1916 г.

[5] Телеграмма полковника Энкеля от 7 мая, № 530.

Надеждам этим не суждено было осуществиться. 8 мая атакованные итальянцы в силу тех или других причин отошли с потерями на линию Чима Ундичи—Чима делла Кальдиера—местечко Оспедалетто—гора Чимон Рава—Чима д'Аста[1].

Вечером 9 мая высшее итальянское командование сообщило французскому военному агенту, что положение еще ухудшилось, так как XIV корпус очистил линию гора Верена — гора Камполонго, на левом берегу Астико, что предполагается задержаться на левом берегу долины Валь д'Асса, а в крайности отойти на линию местечко Вальстания в долине Бренты — гора Монте Ченджию в долине Астико. Резервную армию решено усилить до 5 корпусов и атаковать ею дебуширующие колонны австрийцев.

Вместе с тем французскому агенту было поручено передать генералу Жоффру просьбу *повлиять в смысле немедленного перехода Русской армии в наступление.*

Полковник Энкель считал 10 мая положение весьма серьезным вследствие обнаруженной войсками малой стойкости, при которой катастрофа может стать вопросом немногих дней[2].

С 10 мая начинают поступать от полковника Ромеи (из Петрограда) и через полковника Энкеля просьбы высшего итальянского командования, по своему тону близкие к требованиям, о немедленном наступлении нашей армии.

«Если давление австрийцев будет продолжаться с той же силою, — говорит полковник Ромеи, — положение наше может стать очень опасным и может заставить нас выбрать новую позицию еще далее в тылу, что, безусловно, лишит нас возможности перейти в наступление на Изонцо одновременно с Русской и другими союзными армиями. *Единственным средством для предотвращения этой опасности является производство сейчас же сильного давления* на австрийцев войсками южных русских армий. Подобные действия России вполне соответствовали бы условиям, заключенным между союзниками, согласно которым, каждый союзник, а в частности, Россия, обязан произвести сильнейшее давление, как только другой союзник будет атаковать»[3].

[1] Телеграмма полковника Энкеля от 9 мая, № 535.

[2] Телеграмма полковника Энкеля от 10 мая, № 537.

[3] Телеграмма полковника Ромеи от 10 мая (Ромеи — итальянский военный агент в России. — *Прим. Н. Г.*).

Еще более требовательный тон телеграммы полковника Ромеи от 11 мая:

«Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы *Русская армия немедленно начала наступление* на австрийском фронте, и утверждает, что нынешнее затишье в действиях русских армий создает весьма серьезную опасность для союзников. Если энергичное наступление австрийцев продолжится, то не только будет исключена всякая возможность наступления итальянцев на Изонцо, но в недалеком будущем предвидится необходимость для итальянцев быть вынужденными оставить эту линию. Если Россия будет продолжать настаивать на том, что она в настоящее время не может перейти в решительное наступление, то необходимо, чтобы она по крайней мере теперь же произвела демонстративное наступление с целью удержать против себя силы австрийцев и оттянуть те силы, которые, вероятно, находятся в пути на Итальянский фронт»[1].

В таком же смысле получил заявление и полковник Энкель с особым указанием на то, что настоящие события, если Россия не окажет немедленной помощи, повлекут за собою невозможность для итальянцев принять какое-либо серьезное участие в последующем наступлении союзников[2].

Содержание этих переговоров указывает на растерянность высшего итальянского командования и отсутствие готовности, прежде всего в своих средствах, искать выхода из создавшегося положения, несмотря на то что и в настоящее время превосходство сил остается на его стороне. Только немедленный переход в наступление Русской армии считается единственным средством изменить положение; не учитывается то, что в ближайшее время австрийцы не могут по условиям железнодорожных перевозок серьезно усилить свои войска на Итальянском фронте даже при совершенно успешном ходе нашей атаки.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было соизволить на определение времени начала нашей операции в конце мая, даже в первых числах июня. Соответственно с этим выполняется постепенное перемещение войск и распределение артиллерии, ведется устройство исходного положения для производства атаки.

---

[1] Телеграмма полковника Ромеи от 11 мая.

[2] Телеграмма полковника Энкеля от 10 мая, № 539.

Выполнение *немедленной атаки*, согласно настояний итальянской главной квартиры, неподготовленное и при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии производимое только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие *поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме.*

Можно с уверенностью теперь сказать, что итальянская армия не способна уже принять участие в предстоящих общих наступательных действиях союзников, что было высказано генералом Кадорна союзным военным агентам еще 7 мая, т.е. в самом начале операции, когда размеры неудачи не были столь определенны, как в настоящее время. Между тем итальянская армия имеет достаточные силы и средства, чтобы переменою плана и группировки войск парировать опасность и нанести сильный удар австрийцам, наступающим из Трентино.

Тем не менее я сообщил 11 мая главнокомандующим, что обстановка потребует более скорого начала нашей операции, чем было установлено на совещании 1 апреля, и просил генерал-адъютанта Брусилова сообщить, когда по общему положению дел на фронте он может начать свою атаку.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом[1] известил, что артиллерийскую подготоpку он может начать 19 мая, просит подкрепить его от других фронтов *одним корпусом войск у Проскурова* и обильнее снабдить огнестрельными припасами.

Некоторое упреждение в начале атаки не должно, однако, изменить общего плана наших действий, уже намеченного и одобренного на совещании 1 апреля. Поэтому назначение от того или другого фронта корпуса войск в распоряжение генерал-адъютанта Брусилова не может быть допущено без ущерба подготовки удара на главнейшем направлении. Можно допустить одно выделение в непосредственное распоряжение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, кроме гвардии, по одному корпусу на Северном и Западном фронтах для спешной переброски впоследствии в район Ровно или Проскурова для развития успеха атаки и расширения первоначальной задачи, возложенной на Юго-Западный фронт. Тогда, быть может, можно будет несколько ограничить размер операции, намеченной в Двинском районе, или даже ограничиться здесь сильными демонстративными действиями.

---

[1] Брусилов. (*Прим. Н. Г.*)

Докладываю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о последнем только в виде предположения. Главнокомандующим же мною сообщено, что общий план действий остается и ныне неизменным, почему Юго-Западный фронт должен выполнять атаку *своими силами*, обеспечив соответствующею группировкою превосходство на главном направлении, т.е. в VIII армии, не рассчитывая теперь на усиление его корпусом за счет других фронтов, — подготовка к атаке должна быть закончена 19 мая, для начала же действий надлежит ожидать указаний от штаба Верховного главнокомандующего; прочим фронтам ускорить свою подготовку, чтобы между началом атаки Юго-Западного и Западного фронтов не было большого промежутка времени.

Благоугодно ли будет ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ дать мне *телеграммою* полномочия начать Юго-Западным фронтом артиллерийскую подготовку к атаке 19 мая, если ход событий на Итальянском фронте потребует этого, и сообразно с этим вести нашу подготовку на всех фронтах, равно разрешить назначить по одному корпусу Северного и Западного фронтов в ВАШЕ распоряжение.

Генерал-Адъютант Алексеев

13 мая[1] 1916 года.

[1] Старый стиль. (*Прим. Н. Г.*)

Глава одиннадцатая

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ В 1917 ГОДУ.

Революция. — Фронт и тыл. — Совет рабочих и солдатских депутатов. — Доклады членов Государственной думы. — А. Ф. Керенский. — Нежелание народных масс продолжать войну. — Мнения военачальников. — Вопрос о наступлении. — Ударные добровольческие части. — Дальнейшее падение духа в солдатской массе. — Коллективное заявление главнокомандующих. — Перемены в Верховном управлении вооруженными силами России. — Катастрофа на фронте. — Генерал Л. Г. Корнилов. — Офицерство. — Корниловское выступление. — Окончательный развал.

РЕВОЛЮЦИЯ

События, разыгравшиеся в Петрограде в первых числах марта (по новому стилю) и приведшие к падению царского правительства, разразились для армии неожиданно. Войска были ошеломлены быстротой совершившегося переворота.

«Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, — записывает в своих воспоминаниях[1] генерал Деникин, командовавший в это время VII арм. корпусом, — что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи... Мне известно только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в

[1] *Деникин.* Очерки русской Смуты. Т. I. Вып. 1. С. 61.

Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные Государю командирами 3-го Конного и Гвардейского конного корпусов, графом Келлером и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение Государя для подавления "мятежа"... Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временно "демократической республики", что в ней не было "верных частей" и "верных начальников", которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были. Но сдерживающим началом для всех явилось два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения[1], причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, "облеченному всей полнотой власти", выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть. Вновь назначенный Верховный главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич, в первом приказе своем говорил: "Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог даст нам победу"».

Так оценивает в своей книге «Очерки русской Смуты» генерал Деникин настроение офицерской среды.

Солдатская масса была слишком темна и инертна, чтобы сразу разобраться в событиях. Поэтому можно было наблюдать в различных частях армии совершенно противоречивые проявления. Тот же генерал Деникин утверждает, что во время чтения манифеста об отречении Государя «местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...»[2]. Мы же сами отлично помним донесения нескольких командиров полков, доносивших в Штаб армии о том, что их солдаты отказывались присягать Временному правитель-

[1] Манифесты императора Николая II и Великого князя Михаила Александровича. (*Прим. Н. Г.*)

[2] *Деникин.* Очерки русской Смуты. Т. I. Вып. 1. С. 60.

ству перед своим полковым знаменем, требуя немедленного уничтожения на его полотнище вензеля отрекшегося императора.

Но, несмотря на всю разноречивость внешних проявлений солдатских настроений, одно может считаться несомненным: доверие к бывшему царскому правительству было окончательно подорвано и внутреннее единство традиционной формулы «за Веру, Царя и Отечество» было разрушено. Царь противопоставлялся Отечеству. Слухи об измене императрицы Александры Феодоровны, о грязной роли Распутина, хотя и ложные, сыграли особенно разлагающую роль. Самое убийство Распутина членами Царской Семьи объяснялось в солдатских массах как доказательство справедливости циркулирующих слухов. Дезорганизация, наблюдаемая в тылу, недостаток в снабжении, расстройство транспорта, озлобленная критика правительства во всех слоях интеллигенции, с другой стороны — отталкивание общественных сил самим правительством, министерская чехарда и самое ничтожество выдвигаемых на эти посты лиц — все это широко проникало в гущу солдатской массы и атрофировало в ней всякое чувство доверия и уважения к правительственной власти. Мистический ореол царской власти был разрушен.

«Ваше Величество, — телеграфирует Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал Эверт[1], — на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя... Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столице не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столице нет никаких».

ФРОНТ И ТЫЛ

Изучая настроение солдатских масс на фронте в первые дни революции, нельзя не заметить, что степень революционизирования и податливости к разлагающим влияниям этих масс росла по мере удаления от боевой линии в тыл. Это явление имело место в течение всего 1917 г. и обуславливало то, что каждая новая волна разложения армии приходила с тыла. Это явление представляет собой как бы общий психологический закон процесса развала

[1] Архив Русской революции. Т. III. С. 261.

армии. Генерал Сериньи в своем труде, выдержку из которого мы уже приводили[1], обратил внимание на подобное же явление на французском театре:

«Это явление очень ясно обнаружилось у нас во время пораженческой пропаганды, имевшей место в 1917 году; войсковые части, которые первыми ей поддались, были те, которые, выведенные из боевых линий, находилисЬ на отдыхе; эта гангрена была принесена к ним укомплектованиями и вернувшимися из отпусков внутри страны. То же самое имело место у наших врагов в октябре 1918 года. Германия была в полном разложении. Тыловые части и запасные полки подняли красные флаги и срывали с офицеров погоны; в это же самое время войска боевой линии продолжали упорно драться. После заключения перемирия эти войска перешли в полном порядке Рейн и, не успев заразиться, способствовали восстановлению порядка в империи...»

Закон распространения разложения армии с тыла к фронту проявляется в России в том, что быстрее всего идет процесс разложения в солдатских массах Северного фронта, в непосредственном тылу которого находился главный очаг революции — Петроград. Второе место по своей «разлагаемости» занимают армии нашего Западного фронта, в тылу которого находился второй революционный центр — Москва. Юго-Западный фронт, имевший в своем тылу Киев, был здоровее, и волны разложения по сравнению с Северным и Западным фронтами сюда запаздывали. Наконец, в наилучшем моральном состоянии находились наши армии Румынского фронта; пребывание на территории чужого государства значительно задерживало проникновение заразы.

Движущей силой революции оказался петроградский гарнизон (запасные части), мятеж которого и привел к такой молниеносной победе революции. В таком же разложении оказались ближайшие соседи Петроградского гарнизона — Балтийский флот и Кронштадт.

СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Руководящим органом революции с первых же дней стал образовавшийся из революционных главарей петроградский Совет

[1] *Gēnēral Serigny*. Reflexions sur 1'art de la guerre. P. 45.

рабочих депутатов. Этот Совет сразу же присоединил к своему наименованию слова «и солдатских депутатов» и употребил все усилия для того, чтобы захватить в свои руки руководство восставшими частями. 1/14 марта от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов отдается приказ по войскам Петроградского гарнизона, хорошо всем известный под названием «приказ № 1»[1].

Начальные пункты этого приказа гласили:

«1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не должно выдаваться офицерам, даже по их требованиям».

Непосредственным следствием «приказа № 1» является фактический захват власти в столице Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство очутилось, по существу дела, на втором плане, сохраняя лишь до поры до времени видимость власти. И одной из первых уступок, которую Временное правительство вынуждено было сделать Совету рабочих и солдатских депутатов, является смещение только что назначенного на пост Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича.

---

[1] Одновременно с опубликованием «приказа № 1» в Петрограде Совет принял меры по распространению его текста в частях фронта.

«Уже в первые десять дней, — пишет большевистский писатель Я. Яковлев[1], — Ставка становится центром заговора, пытающимся сохранить Николая Николаевича в качестве Верховного главнокомандующего... Эту Ставку бьет солдатская и рабочая масса». Внесем только исправление — не солдатская масса, а Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов пытался сразу же распространить действие «приказа № 1» и на всю армию. Но это ему не удалось, и Петроградскому Совету пришлось отдать «приказ № 2», в котором объявлялось, что «приказ № 1» относится только к войскам Петроградского гарнизона.

Тем не менее, несмотря на первоначальную внешнюю неудачу, «приказ № 1» сыграл громадную роль в разложении армии.

Во-первых, он наталкивал солдатскую массу на самочинное образование «солдатских советов».

Во-вторых, он в корне подрывал установленную воинскую дисциплину.

Уже в цитированном выше параграфе 5 этого приказа говорилось, что всякого рода оружие «ни в коем случае не должно выдаваться офицерам, даже по их требованиям»... Таким образом, узаконивалось неповиновение, и в то же время офицеры обрисовывались опасными врагами солдат.

Во всех параграфах «приказа № 1» составители этого приказа вели демагогическую игру с темной солдатской массой, которая с особенным восторгом принимала все, что освобождало ее от каких-либо обязательств, в особенности от всякого проявления воинской дисциплины; последняя являлась особенно ненавистной, ибо с началом революции, когда все темные инстинкты народных масс стремились разнуздаться, воинская дисциплина оставалась в армии единственным задерживающим началом.

Многие из членов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов так и смотрели на «приказ № 1» как на разлагающее старую армию начало. Об этом откровенно свидетельствует один из этих депутатов, г-н Гольденберг[2] (редактор газеты «Новая жизнь»). «"Приказ № 1", — заявляет Гольденберг, — являлся

[1] Разложение армии в 1917 году. С. 5.

[2] Цитировано в кн.: *Деникин*. Очерки русской Смуты. Т. I. Вып. 1. С. 66.

единодушным выражением воли Совета. В день, когда началась революция, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство».

ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Дабы дать хотя бы приблизительную картину солдатских настроений в первый месяц революции, мы используем доклад члена Государственной думы Н. О. Янушкевича[1] о его объезде вместе с другими членами Государственной думы частей фронта. Этот доклад был заслушан 13/26 марта Временным комитетом Государственной думы, пытавшимся в первый месяц революции всячески поддерживать Временное правительство кн. Львова.

Доклад Н. О. Янушкевича типичен. Если просмотреть доклады всех членов Государственной думы, объезжавших в марте месяце по поручению Временного правительства нашу Действующую армию, то мы увидим большое сходство их между собой.

Несомненно, что однородность возложенной задачи на всех этих посланцев Временного правительства накладывает на них один и тот же отпечаток. Эти посланцы должны были укрепить веру армии во Временное правительство, вышедшее из недр Государственной думы. Искание этого доверия прежде всего в солдатской массе приводит посланцев Временного правительства к некоторой демагогии. У Янушкевича это отражается в стремлении объяснить всякие солдатские волнения «бестактностью» офицеров, не принявших революции; характерна одна мелочь: он называет комитеты «солдатскими и офицерскими», а не в обратном порядке; тенденция понравиться солдатским массам проявляется и во многом другом.

Но, в общем, нельзя не считать, что все эти посланцы Временного правительства ехали с глубоким и искренним патриотическим желанием помочь армии пережить предстоящий ей кризис.

Доклад Янушкевича позволяет проследить тот психически-социальный закон, о котором мы говорили выше, устанавливающий, что разложение армии происходит с тыла.

---

[1] См. приложение № 1.

По мере сближения с фронтом Янушкевич свидетельствует все улучшающееся настроение, которое на самых боевых линиях «такое веселое, радостное и хорошее, что отрадно становится».

Общее политическое настроение солдатской массы характеризуется Янушкевичем: «Солдаты чего-то ждут...»

Это выжидательное настроение солдатской массы в первые дни после падения старого режима констатируется во всех мемуарах. Психологически оно чрезвычайно характерно. Народные массы привыкли до сих пор совершенно пассивно относиться ко всем вопросам государственного значения; решали все Царь и его правительство. Такое отношение было освящено веками. И вдруг в несколько дней все это рушилось. Все газеты, на которые теперь с жадностью набросилась солдатская масса, все ораторы на митингах, на которых часами она простаивала, заговорили о свободе и о том, что народ должен решать все сам. Солдатская масса, ошеломленная, прислушивалась и еще не знала, куда идти. Где-то в ее глубине шевелились чисто эгоистичные устремления: получить землю у помещиков, ограбить «буржуя», уйти с фронта домой... Но задерживающие начала хотя и надтреснутой, но еще не развалившейся государственности сдерживали анархические тенденции, заставляя их укрываться в подсознании. В таких условиях благоразумная часть солдатской массы, находившейся на фронтах, потянулась к Государственной думе и Временному правительству. Овации, упоминаниями о которых полон доклад Янушкевича, были вполне искренними. Солдатская масса на фронте еще не знала, что карта Временного правительства в это время уже была бита Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Но среди этой массы крайние революционные элементы уже чувствуют это. В этом можно убедиться в мимолетной заметке Янушкевича: «...Затем к нам обращались с просьбой предоставить им возможность послать кого-нибудь от какой-либо части в Петроград, узнать, в чем дело». Подобные посылки были осуществлены во всех армиях; этим способом сторонники «углубления» революции устанавливали связь с Петроградским Советом, стремившимся стать во главе всего революционного движения.

Член Государственной думы Янушкевич не видит этого. Он упоен внешним фасадом встречи, совершенно забывая, что всякие

проявления толпы всегда крайне эмоциональны и бурны и что эта внешность вовсе не гарантирует от того, что через кратчайший промежуток времени та же толпа столь же горячо будет приветствовать совершенно противоположное.

Не видит также Янушкевич, что образовавшийся между офицерами и солдатами разрыв имеет причины более глубокие, нежели «бестактность» офицеров. Не видит он, что здесь намечается уже начало вражды, приведшей впоследствии к Гражданской войне.

Не видит он также, что в разговорах об отпусках, в просьбах старых солдат отпустить их домой выбивается наружу нежелание продолжать войну. Этот «отказ от войны» еще запрятан в глубине подсознания солдатской массы — он не смеет еще откровенно высказываться, но он существует в виде потенциальной отрицательной силы, и при этом уже большого напряжения.

Для того чтобы убедиться в правильности нашего анализа, мы приведем выдержку из доклада о поездке на фронт другого члена Государственной думы, Масленникова, объехавшего часть Юго-Западного фронта в сопровождении П. Н. Шмакова. Этот объезд совершен на месяц позже (в конце апреля нов. ст.), и потому те процессы в солдатской массе, о которых мы говорили, разбирая доклад Янушкевича, и которые проявлялись только в виде отдельных, неотчетливых признаков, теперь выявляются яснее. Это тем более показательно, что Масленников объезжал Юго-Западный фронт, который в своем «революционном созревании» несколько запаздывал по сравнению с Северным фронтом, имевшим в своем непосредственном тылу Петроград.

Но прежде чем приступить к разбору доклада Масленникова и Шмакова[1], мы должны упомянуть о том, что в течение первого же месяца революции во всех частях фронта образовались солдатские советы. Командный состав решил взять это стихийное движение солдатской массы в свои руки, создав войсковые комитеты и введя туда также представителей офицерского состава. Предполагали, что этим способом удастся восстановить сильно пошатнувшееся с началом революции доверие солдатской массы к командному составу и перекинуть мост через образовавшийся разрыв между солдатами и офицерами.

---

[1] Обширные выдержки из этого доклада приведены в приложении № 2 к настоящей главе.

В этом духе и были даны указания из Ставки генералом Алексеевым, заменившим Великого князя Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего.

Ко времени объезда части Юго-Западного фронта Масленниковым и Шмаковым в полках, в дивизиях, в корпусах, в армиях и во фронтах комитеты уже были вполне сформированы. Вследствие этого для того, чтобы определить настроения солдатских масс, господа Масленников и Шмаков находятся в более легком положении, нежели Янушкевич, объезжавший фронт в ту пору, когда подобные комитеты формировались в полном беспорядке, а потому как выразители солдатских настроений мало отличались от митингов, настроение которых почти всецело обуславливалось удачным выкриком случайных вожаков толпы.

При посещении первых же двух полков, о которых Масленников и Шмаков отзываются как о вполне боеспособных, им приходится уже столкнуться с формулой «война без аннексий и контрибуций», в которую вылилась первая пораженческая пропаганда большевиков.

Насколько содержание этой формулы своеобразно трактовалось солдатской массой, свидетельствуют многочисленные случаи, когда под предлогом этой формулы солдаты отказывались выносить вперед на несколько шагов окопы, требуемые для обороноспособности наших позиций. Говоря про Полоцкий полк[1], депутаты выражаются так:

«Общее впечатление от полка говорит в его пользу... В речах верное понимание смысла девиза “без аннексий и контрибуций”...»

Относительно же посещения следующего полка той же дивизии депутаты записывают:

«Командир полка, приветствуя депутатов, говорит, что девизом полка служит “война без аннексий и контрибуций”...»

Впечатление от посещения остальных частей V армейского корпуса формулируется депутатами как благоприятное; тем не менее в их докладе опять встречаются упоминания о формуле «без аннексий и контрибуций», которую все солдаты «ставят девизом».

Хотя депутаты вслед за тем и успокаивают, что солдаты, «несомненно, в наступление пойдут», но этот оптимизм является

[1] 7-й пехотной дивизии.

следствием желания видеть вещи не такими, какими они суть, а такими, какими им хотелось, чтобы они были.

Откровенное пояснение, что значит в солдатских умах формула «без аннексий и контрибуций», депутаты слышат в речи председателя Съезда представителей комитетов 11-й армии. Речь председателя этого съезда, прапорщика 11-го Финляндского стрелкового полка, «носила явный характер направления большевиков. Охарактеризовав IV Думу как представительницу интересов буржуазных классов и капитала, он высказал, что армия будет драться до конца только в случае выяснения истинных намерений наших союзников, чтобы России дана была гарантия, что борьба идет не за капиталистические цели союзников. Вообще в речи председателя чувствовалось, быть может, невольное намерение подорвать авторитет Думы, Временного правительства и доверие к союзникам. Последнее встретилось депутатам впервые. Речь председателя имела грандиозный успех...».

Подтверждение этому тревожному явлению, обнаруженному депутатами «впервые», было получено через день при посещении гвардейских саперов. «Политическое направление президиума[1] показало себя крайне левым, большевистского толка. На собрании впервые за всю поездку был очень остро затронут вопрос о мире. Член президиума, редактор латышской газеты, указывал на мирную конференцию как на скорейший способ ликвидировать войну. Другие ораторы требовали обнародования наших условий с союзниками для гарантии, что мы не боремся за империалистические и капиталистические стремления наших союзников. К последним чувствовалось явное недоверие. В речах ни одного слова, враждебного Германии. Тем не менее в конце собрания — крик "ура"».

Дальше гг. Масленникову и Шмакову пришлось уже вплотную подойти к очень ярким проявлениям пораженчества: «...Солдаты пехоты часто перерезали телефонные провода артиллерийских наблюдательных пунктов. Грозят артиллерии в случае стрельбы в противника поднять артиллеристов на штыки. Не позволяют под угрозой штыков открывать пулеметный огонь. Братания продолжаются, хотя и в значительно меньшей степени, чем на Пасху, когда братания приняли прямо уродливые формы... Рассказывают,

[1] Президиума их войскового комитета. (*Прим. Н. Г.*)

что в наших окопах, удаленных от немецких шагов на 30, пулеметы в чехлах...»

Все это заставляет гг. Масленникова и Шмакова прийти к следующему общему заключению о боеспособности фронта:

«Резюмируя общее впечатление от посещения указанных частей, можно сделать следующий вывод.

Сравнивая дух Армии в настоящее время и в первые дни революции, при посещении Северного фронта, к сожалению, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германия у нас в тылу через своих вольных и невольных провокаторов и шпионов, а также пропаганда на фронте под видом перемирий и братаний сделала свое губительное дело. Солдаты более не рвутся в бой, чтобы доказать, как русский гражданин защищает свою свободную Россию, а идут разговоры лишь об обороне, да и то с боязнью защищать мифические французские и английские капиталы. Тылы этой пропагандой уже заражены в значительной степени. Чужды этой пропаганды наши доблестные артиллерия и казачество. О духе кавалерии мы не знаем. Боевая пехота в некоторых частях начинает поддаваться этой пропаганде, если не совсем подпала, то только благодаря героическим элементам среди солдат и беззаветной службе на благо Родины нашего доблестного офицерства, ставящего свой долг выше незаслуженных обид, клеветы и оскорблений. Успех нежелательной пропаганды в пехотных частях лежит в том, что он бьет по самому больному месту. *Все устали воевать* — большевистская пропаганда проповедует скорейшее прекращение активных военных действий (оборонительная война и мирный конгресс). Главные пункты этой пропаганды: подорвать веру в правительство, союзников, Государственную думу и внести рознь и разлад во внутреннюю жизнь войск. Устав воевать, но слыша из России голоса о необходимости защищать свободу, стараются найти компромисс, угодить и чувству самосохранения и необходимости воевать. Вот почему так крепко укоренилось неправильное понимание мира без аннексий как отказа от всякой наступательной войны. Отсюда недоверие к власти и союзникам, и этим же объясняется недоброжелательное отношение к офицерскому составу. Наряду с этим огромная масса солдат рада верить в то, что немцы пойдут на все требования, выставляемые русской демократией.

Немцы, отлично учтя это настроение, всячески стараются его поддержать и развить, прекратив обстрел наших позиций и проповедуя свое миролюбие организованным и планомерно проводимым братанием.

Зараза, идущая из тыла, одинаковая с пропагандой немцев, убеждает менее сознательную часть солдат в возможности их мыслей и чаяний. Твердое желание союзников воевать и призыв Временного правительства к исполнению долга перед ними отдаляют мир, вот почему скрещивающаяся пропаганда о недоверии к Англии нравится.

Офицерство, в большинстве ратующее за войну до победы, сочувствия не встречает, и агитация против него падает на подготовленную почву. Характерно отметить, что в большинстве случаев наиболее подозреваемые офицеры — в боевом отношении лучше. Это явление объясняется невольной боязнью, что хорошие офицеры сумеют заставить наступать».

В рассматриваемом нами докладе гг. Масленникова и Шмакова можно отчетливо проследить связь между пораженческими настроениями войск и их отношением к Временному правительству.

В V корпусе, с которого начали свой объезд депутаты и общее впечатление о войсках которого, как мы видели выше, сложилось благоприятное, «политические воззрения, в общем, сходятся с воззрениями правого крыла Совета солдатских и рабочих депутатов. Отношение к Думе и Временному правительству (подчеркивается иногда необходимость единения последнего с Советом солдатских и рабочих депутатов) — благожелательное. Отношение к депутатам восторженное. Обыкновенное явление — спрашивают, к каким партиям принадлежат депутаты. Всюду одни и те же вопросы: будущая форма правления, Учредительное собрание, земля, отношения Временного правительства с Советом рабочих и солдатских депутатов...».

Но уже в конце своего объезда в объединенном заседании 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий они слышат «среди речей солдат фразы: штык против немцев, приклад против внутреннего врага. Далее следуют две крайние речи солдат. Первая заключает в себе угрозу Временному правительству, если оно не пойдет рука об руку с Советом рабочих и солдатских депутатов, удалить его вон...».

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Как мы указывали выше, солдатская масса в первые дни революции была ошеломлена быстротой и легкостью, с которой пала Царская власть. По инерции она бурно приветствует новую власть в лице Временного правительства. Но вскоре до нее уже доходят сведения, что истинная власть не там, а в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Она не хочет порвать с Временным правительством, вынесенным на гребне первой волны революции, но ее симпатии на стороне Совета рабочих и солдатских депутатов. Крайне характерно указание доклада на то, что настроения солдатских представителей в комитетах войсковых частей, сохранивших большую боеспособность, соответствуют политическим воззрениям правого крыла Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Так оно и было повсеместно. Большевистский писатель Яковлев в предисловии к книге «Разложение армии в 1917 году»[1] подтверждает это, заявляя, что «в первые дни революции во главе этих (войсковых) комитетов стали сначала эсеровские и меньшевистские интеллигентские элементы[2], которые пытались вложить революцию в прокрустово ложе буржуазных полуреформ». Эти элементы создали ту громадную популярность, которой начал пользоваться с первых же дней революции в солдатских массах, находившихся на фронте, А. Ф. Керенский. Это и выдвинуло его в июле месяце во главу правительства, несмотря на то что он уже не отвечал революционным устремлениям Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В этом и являлась трагичность роли Керенского. Вся сила его была в солдатских массах на фронте; эта масса запаздывала в своем разложении по сравнению с главным очагом революции, Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов; всякое дальнейшее «углубление» революции подрывало силу Керенского и увеличивало силу Петроградского Совдепа. Вот почему солдатская масса на фронте и является теперь ареной борьбы двух направлений: одного — старающегося задержать революцию в ее политической стадии; другого — стремящегося ускорить ее превращение из политической в социальную. Несо-

[1] Разложение армии в 1917 году. С. 5.

[2] Эти элементы как раз и составляли правое крыло Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (*Прим. Н. Г.*)

мненно, что представители первого направления, к числу которых должен быть отнесен и Керенский, бессознательно тоже толкали революцию к переходу в социальную. Керенский неоднократно кричал на солдатских митингах: «Товарищи, углубляйте революцию». Но здесь так же, как и в других подобных случаях, нужно видеть лишь демагогию, посредством которой он и его политические единомышленники думали захватить власть над стихией толпы. Такой же неразумной демагогией должны быть объяснены распоряжения Керенского, заменившего в мае месяце Гучкова на посту военного и морского министра, ведшие к подрыву авторитета военных начальников, к падению дисциплины и к дальнейшему разложению армии. Керенский совершенно не отдавал себе отчета в том психологическом процессе, который происходил в армии с начала революции. Положение же в этом отношении было исключительно трудным; причина этой исключительной трудности заключалась в том, что войска, заболевшие революционным психозом, должны были в то же время воевать. Совершенно естественно, что то бремя, которое выпало на долю России в первые три года войны, при малом понимании целей и задач войны самой народной массой должно было вызвать сначала неудовлетворенность, а затем и недовольство войной. Таким образом, наряду со стимулами политического, экономического и социального содержания, свойственными всякой революции, в русской народной и солдатской массах с начала революции усиленным темпом нарастает желание окончить войну.

НЕЖЕЛАНИЕ НАРОДНЫХ МАСС ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ

С первых же дней революции начались на Русском фронте так называемые братания. Немцы очень умело пользуются этим для ведения пропаганды среди нашей солдатской массы. В первые месяцы командному составу удается еще бороться с этим злом при посредстве огня артиллерийских частей, дольше сохранявших порядок. В приложении[1] приведены выдержки из донесений о братании, имевшем место на нашем Северном фронте в марте и апреле 1917 г.

[1] Приложение № 3 к настоящей главе.

Насколько сильно было стремление солдатской массы «кончить войну», свидетельствует тот колоссальный рост дезертирства и уклонения, который начался в Русской армии с начала революции. Напомним некоторые цифры, которые мы уже приводили в предыдущих главах.

Средняя заболеваемость в месяц с началом революции увеличилась на 120 %, хотя никаких эпидемических болезней в Русской армии не было и санитарное состояние продолжало оставаться благополучным.

Среднее число зарегистрированных дезертиров в месяц с началом революции увеличилось на 400 %.

Кроме того, с марта 1917 г. начались громадная «утечка» солдат с фронта и отказ идти на фронт из тыла под самыми различными предлогами.

В воспоминаниях[1] генерала Половцева, командовавшего войсками Петроградского военного округа в июне и июле 1917 г., встречается описание одного из видов такого дезертирства, происходившего под самым носом Временного правительства: «...По армии прошел слух, что всех солдат старше 40 лет отпустят домой, да какая-то агитация в этом смысле пошла из Совета. И вот 40-летние начали дезертировать и являться в столицы с требованием о том, чтобы их на законном основании уволили. Поселились они лагерем на Семеновском плацу, разбились на роты, основали собственную республику, начали сначала посылать повсюду депутации, но, потерпев неудачу, стали устраивать огромные шествия, более 50 рот. Чернов[2] их обнадежил. Керенский с яростью прогнал. Я начал морить голодом, прекратив отпуск у воинского начальника всякого для них пропитания, но оказалось, что их республика может жить самостоятельно на заработки от торговли папиросами, от ношения багажа на вокзалах и проч.».

Как мы указывали в конце главы, посвященной изучению распределения призванных на военную службу людей между войсками и тылом, с началом революции утекло самовольно или под различными предлогами из Действующей армии в тыл около 2 000 000 человек.

---

[1] *Половцев*. Дни затмения. С. 81.

[2] Чернов, социалист-революционер, был в правительстве Керенского министром. (*Прим. Н. Г.*)

Этот повальный уход в тыл нельзя назвать иначе как стихийно начавшейся демобилизацией.

Приводимые выше цифры позволяют совершенно определенно утверждать, что «отказ от войны» русских масс вскоре же после начала революции стал основным процессом революции. Политические деятели, вынесенные к власти на гребне первой волны революции, принадлежавшие по преимуществу к либеральной буржуазии, этого не поняли. Не понял этого и Керенский, заменивший в июле месяце кн. Львова и ставший вместе с правыми социалистами-революционерами распорядителем судеб России.

Все они продолжали призывать русские народные массы к продолжению войны до окончательной победы. Одна только кучка большевиков, имея во главе привезенного из Германии в запломбированном вагоне Ленина, поставила свою ставку на призыв русской солдатской массы к немедленному прекращению войны с центральными державами.

МНЕНИЯ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ

Посмотрим теперь, как оценивались настроения войск в конце марта и в начале апреля самими военачальниками. В приложении[1] приведены выдержки из некоторых донесений некоторых из войсковых начальников Западного фронта. Как мы говорили уже выше, войска нашего Западного фронта в отношении своего разложения могут быть поставлены на среднее место между быстро разваливавшимся Северным фронтом и более медленно разлагавшимися Юго-Западным и Румынским. На основании всех полученных Штабом Западного фронта донесений войсковых начальников им было составлено в середине апреля (по новому стилю) следующее заключение:

«Мнения большинства начальствующих лиц сходятся на том, что дисциплина в войсках упала; доверие между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеспособность войск значительно понизились. В настоящее время войска пригодны только к обороне, наступление будет возможно через 1—2 месяца после того, как возбуждение, вызванное переворотом, уляжется.

[1] Приложение № 4.

Однако на успех наступления можно рассчитывать при непременном условии самой тщательной подготовки.

Почти все начальники указывают на то, что масса всякого рода литературы, хлынувшей в Армию, в частности, «Известия»[1], воззвания и приказы Советов рабочих и солдатских депутатов, приносит громадный вред, так как отвлекает части от боевого дела и расшатывает их, потому что масса солдат во многом плохо разбирается, многое принимает на веру и усваивает из прочитанного лишь то, что ей в данный момент нравится. Организующиеся офицерско-солдатские комитеты вносят заметное успокоение.

Многие начальники утверждают, что после переворота стремление войск к победе осталось, а в некоторых частях даже усилилось.

Дух новых дивизий[2] несколько слабее, чем в старых коренных дивизиях; большая часть их пока пригодна лишь к обороне.

Некоторые дивизии (83, 62 и 69), подолгу (1—1,5 года) занимающие один и тот же участок, жалуются на сильное утомление и прежде всего нуждаются в продолжительном отдыхе.

Большинство начальствующих лиц смотрит на будущее спокойно и надеется, что через 1—2 месяца (к половине мая) боеспособность войск будет восстановлена; к их числу относятся во 2-й армии комкоры[3] 9, 10 и Сводного, начдивы 7 Сибирской, 1 Гренадерской, 169-й и Уральской казачьей; в 3-й армии командарм[4] 3, комкоры 31, 4-го конного, 3 и 46, начдивы — 75, 172, 1-й Кубанской казачьей, 16-й кавалерийской, 100, Пограничной и 5-й Донской казачьей; в 10-й армии — командарм 10, комкоры — 2 Кавказской, 20 и 35; начдивы — 1 Кавказской гренадерской, 51, 134, 11-й Сибирской, 29, 133 и инаркор[5] 2-го Кавказского.

Некоторые начальники признают, что войска и в настоящее время находятся на должной высоте, в том числе комкоры Грена-

---

[1] Газета, издаваемая Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. (*Прим. Н. Г.*)

[2] Здесь речь идет о тех «третьих дивизиях», которые были сформированы в 1917 г. по мысли генерала Гурко и о которых мы говорили в предыдущих главах. (*Прим. Н. Г.*)

[3] Командиры корпусов. (*Прим. Н. Г.*)

[4] Командующий армией. (*Прим. Н. Г.*)

[5] Инспектор артиллерии корпуса. (*Прим. Н. Г.*)

дерского, 3-го Сибирского, 38-го и 1-го Сибирского, начдивы 5-й, 42-й, 129-й, 7-й Туркестанской, 9-й, 67-й, 2-й Кубанской казачьей, 2-й Туркестанской, Казачьей и комбриг[1] 42-й артиллерийской.

Наконец, есть начальники, которые смотрят на состояние войск более мрачно; к таковым относятся командарм 2-й, начдивы 168-й, 8-й Сибирской, 17-й Сибирской, 2-й Гренадерской, 15-й Сибирской, 112-й, 130-й, 83-й, 2-й сводной казачьей, 27-й, 77-й, 2-й Кавказской гренадерской, 62-й, 69-й, 175-й, 28-й, 55-й, 170-й; 31-й; 2-й кавалерийской и командиры полков 167-го, 168-го, 669-го, 670-го и 671-го».

Для того чтобы судить, как оценивалось в самом Штабе Верховного главнокомандующего общее положение на всех фронтах, служит приводимый в приложении документ[2]. Последний представляет собой запротоколированное заключение совещания, имевшего место в Ставке 18 марта (1 апреля) 1917 г. Относительно состояния армии в этом документе говорится следующее:

«Армия переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через 2—3 месяца.

Пока же замечаются упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство.

Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдет вперед, очень трудно.

Таким образом:

1) Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции *недопустимо*.

2) Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления Северного фронта.

3) На всех фронтах до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов необходимо перейти к обороне.

4) Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронтах.

Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях.

---

[1] Командир бригады. (*Прим. Н. Г.*)

[2] Приложение № 5.

5) Надо, чтобы правительство все это совершенно определенно и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде».

Если внимательно вчитаться в донесения военачальников в период первых месяцев революции, то нельзя не заметить одно очень существенное противоречие: с одной стороны, многие начальники утверждают, что после переворота стремление к победе осталось и даже в некоторых частях усилилось, с другой стороны, почти все начальники заявляют, что сейчас войска неспособны к наступлению. Странное усиление «стремления к победе»!

Только что замеченное нами противоречие объясняется двумя причинами: во-первых, многие начальники сочли некоторый подъем духа, с которым приняла в первые дни революции солдатская масса объявление всякого рода свобод, за истинное патриотическое воодушевление. Во-вторых, с началом революции начальники, выражавшие пессимистические взгляды на революцию, брались под подозрение в «контрреволюции». Военные министры — Гучков, а затем в еще большей мере Керенский, искавшие популярности в солдатских массах, немедленно увольняли[1] таких начальников. Таким образом, создавался «отбор» начальников, заигрывающих с революцией или по крайней мере не смеющих высказывать всей правды.

Только что указанное нами нужно учесть при изучении донесений войсковых начальников того времени и считать, как правило, что эти донесения рисуют положение дел более оптимистично, чем оно было в действительности.

Несомненно, что это должно было отразиться на сводках высших штабов и заключениях старших начальников. Сказалось оно и на Ставке, и на самом Верховном главнокомандующем, генерале Алексееве. В письме от 12/25 марта № 2188 к военному министру Гучкову генерал Алексеев пишет:

«Моральное состояние армии недостаточно определилось вследствие всего пережитого и не усвоенного еще умами офи-

[1] В течение нескольких недель Гучков уволил до полутораста старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий.

церов и солдат, равно вследствие проникающей в ряды армии пропаганды идей, нарушающих веками установившийся военный порядок. Бог даст, армия переживет острый кризис более или менее благополучно, но нужно предусматривать возможность и *понижения боеспособности армии*[1], хотя бы и временного. Это в общем ходе событий явится наиболее опасным моментом для России. Хорошо осведомленный противник, конечно, учтя это обстоятельство, постарается использовать наш период слабости для нанесения решительного удара. Неизвестно, кого обвинит тогда в поражении общее мнение армии».

В этом отрывке из письма генерала Алексеева мы читаем осуждение пропаганды, но в нем нет решительного указания на то, что начавшаяся революция несет с собой разложение армии, весьма вероятно, ее гибель. Генерал Алексеев говорит только о «возможности» временного понижения боеспособности армии и только об остром кризисе, который, Бог даст, армия переживет.

Интересно сопоставить здесь это недостаточное понимание нашими руководящими политическими и военными верхами всей силы разложения, которую несет с собой революция, с точкой зрения германских политических руководителей.

«...Правительство, — пишет в своих воспоминаниях генерал Людендорф[2], — опасалось, как бы наше наступление не задержало процесса разложения России. В начале апреля, в период сильного развития на фронте братания, армейская группа Лизингера произвела частную атаку тет-де-пона на р. Стоход, остававшегося в руках у русских со времени боев 1916 г., к северо-востоку от Ковеля. Эта операция сама по себе не имела сколько-нибудь серьезного значения, но число русских, захваченных здесь в плен, было столь велико, что вызвало даже мое удивление. Канцлер просил меня делать возможно менее шума по поводу этого дела. Скрепя сердце я согласился. Войска, участвовавшие в этой атаке, не заслуживали этой сдержанности. Появившиеся в газетах наши урезанные описания боя на Стоходе многим показались странными. Я предвидел это впечатление, но считал себя обязанным подчиниться желанию канцлера не разрушать надежды[3] на мир. На этом же основании

[1] Подчеркнуто в подлиннике.

[2] *Ludendorf.* Meine Kriegserinnerungen. S. 343.

[3] Русской солдатской массы. (*Прим. Н. Г.*)

Штаб Верховного главнокомандующего запретил всякую другую подобную операцию».

Пусть читатель сравнит высказанное в только что приведенных строках с мнением генерала Алексеева, высказанным в письме Гучкову, о том, что неприятель, конечно, воспользуется понижением боеспособности нашей армии, чтобы в первые же месяцы нанести нам решительный удар.

Мы здесь имеем перед собой два различных мировоззрения: одно — учитывающее грозную силу разрушения, присущую революционному процессу; другое — примитивно низводящее этот процесс в рамки временного кризиса.

ВОПРОС О НАСТУПЛЕНИИ

Это ограниченное понимание психически-социальной природы революции привело наши высшие военные круги к мысли об излечении армии от революционного процесса путем перехода в наступление; это наступление было отложено на июнь месяц ввиду заявления большинства войсковых начальников о необходимости 1—3 месяцев для того, чтобы пережить революционный кризис.

Вот как обосновывает необходимость наступления для Русской армии в 1917 г. генерал Деникин[1], бывший в это время начальником Штаба Верховного главнокомандующего: «...В пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, Русская армия несомненно и быстро догнила бы окончательно, в то время как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством победы. Это чувство могло разрушить все интернациональные догмы, посеянные врагом на благодарной почве пораженческих настроений социалистических партий. Победа давала мир внешний и некоторую возможность внутреннего. Поражение открывало перед государством бездонную пропасть. Риск был неизбежен и оправдывался целью — спасение Родины. Верховный главнокомандующий, я и генерал-квартирмейстер (Юзефович) совершенно единомышленно считали необходимым наступление. Старший командный со-

[1] *Деникин*. Очерки русской Смуты. Т. I. Вып. 1. С. 178.

став принципиально разделял этот взгляд. Колебания, и довольно большие при этом, на разных фронтах были лишь в определении степени боеспособности войск и их готовности».

Эта выдержка чрезвычайно характерно обрисовывает указанную нами примитивность мышления, с которой подходил высший командный состав к революционному процессу. В самом деле, из слов генерала Деникина видно, что весь расчет на спасение Русской армии был основан на одержании окончательной победы, приводящей к миру. Между тем в 1917 г. война находилась еще в той стадии, когда была применима только стратегия изнурения и когда наполеоновские сокрушительные удары, решающие сразу судьбу войны, были абсолютно невозможны. В особенности это было невозможно для Русской армии, которая, несмотря на то что вышла из катастрофы в боевом снабжении, все-таки оказывалась в 1917 г. по сравнению с немцами в отношении своего вооружения более отсталой, чем в 1914 г. Эта отсталость Русской армии не позволяла не только рассчитывать на всесокрушающую победу на Русском фронте, но и вообще на большой успех, который, по словам генерала Деникина, оздоровил бы настроение армии «если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством большой победы». Наоборот, нужно было ожидать, что в лучшем случае наше наступление быстро замрет, не приведя ни к каким видимым для массы успехам.

«Риск был неизбежен и оправдывался целью — спасение Родины», — пишет генерал Деникин. Но риск бывает осмысленным и бессмысленным. Второго рода он и был в данном случае.

Мотивом, который тоже выставляли в пользу наступления, являлось то, что будто бы оно необходимо было для союзников. В данном случае этот мотив отпадает, так как наше наступление было бы полезным для общесоюзного дела только в том случае, если бы оно произошло в апреле или мае 1917 г. На это и указывает в своих воспоминаниях генерал Людендорф. В июне же месяце оно представляло собой лишь изолированный удар, который немцам легко было парировать присылкой против Русского фронта требуемых подкреплений.

Поэтому наступление на Русском фронте в июне месяце для общесоюзной стратегии было совершенно бесцельно, а для самой России представлялось чрезвычайно опасной авантюрой.

Относительно утверждения генерала Деникина, что Верховный главнокомандующий генерал Алексеев был также ярым сторонником наступления, как и его начальник Штаба, генерал Деникин, мы позволим себе очень и очень усомниться.

Вот как высказывается генерал Алексеев о предположенном наступлении в своем письме от 12/25 марта № 2188, адресованном военному министру Гучкову:

«Что касается до намечаемых мною совместно с союзными нашими армиями оперативных планов, то об этом в данную минуту говорить уже поздно, ибо решения были приняты на конференции в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 г. и на конференции в Петрограде в феврале 1917 г. Мы приняли на этих конференциях известные обязательства, и *теперь дело сводится к тому*, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, *или совсем уклониться от исполнения их*[1].

Обязательства эти сводятся к следующему положению: Русская армия обязуется не позже как через три недели после начала наступления союзников, решительно атаковать противника. Уже пришлось сообщить, что вследствие организационных работ, расстройства транспорта и запасов мы можем начать активные действия не раньше первых чисел мая.

Данные Вашего письма говорят, что и этого *измененного обязательства мы исполнить не можем*. Без укомплектования начинать какую-либо операцию обширного размера немыслимо. Придется высказать союзникам, что ранее июня они не могут на нас рассчитывать, объяснив это теми или другими благовидными предлогами.

Таким образом, сила обстоятельств приводит нас к выводу, что в ближайшие четыре месяца (т.е. апрель, май, июнь и июль. — *Прим. Н. Г.*) наши армии должны бы сидеть спокойно, не предпринимая решительной, широкого масштаба операции».

Проповедь наступления в среде русского командного состава отвечала желаниям новых политических руководителей страны. Это была своего рода революционная демагогия, посредством которой многие сторонники наступления делали карьеру и выдвигались на высшие должности. Среди таковых на первом месте следует указать на генерала Брусилова, сменившего в июле месяце генерала Алексеева на посту Верховного главнокомандующего.

[1] Курсив наш. (*Прим. Н. Г.*)

УДАРНЫЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ЧАСТИ

Вера в возможность спасти армию от разложения при посредстве наступления породила мысль сформировать для участия в этом наступлении ударные части из добровольцев. Согласно настроению того времени, эти части получали различные революционные наименования. Особенно горячим сторонником таких формирований был генерал Брусилов. 22 мая/4 июня 1917 г. он отдает приказ по фронту № 561, в котором говорится: «Для поднятия революционного наступательного духа армии является необходимым сформирование особых ударных революционных батальонов, навербованных из волонтеров в центре России, чтобы этим вселить в армии веру, что весь русский народ идет за нею во имя скорого мира и братства народов с тем, чтобы при наступлении революционные батальоны, поставленные на важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собой колеблющихся».

Генерал Алексеев не сочувствовал этой мере. В своей телеграмме № 3738 от 18/31 мая он пишет в ответ генералу Брусилову на его предположения: «Совершенно не разделяю надежд Ваших на пользу для лихой, самоотверженной, доблестной и искусной борьбы с врагом предложенной меры. Разрешаю только потому, что Вы мысль эту поддерживаете...»

Телеграммой же № 3813 от 21 мая/3 июня генерал Алексеев сообщает генералу Брусилову: «Сбор в тылу армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может принести вред для ближнего тыла Ваших армий. Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования. Таков мой взгляд, который не могут изменить Ваши соображения».

Генерал Алексеев оказался прав. С тыла могло прийти очень мало полезного элемента. Те, кто ожидал другого, а именно — того, что из страны придут массы энтузиастов-добровольцев подобно тому, как это было в большую Французскую революцию, ошибались в основной вещи: скрытой, но в то же время главной движущей силой русской революции являлось нежелание народных масс продолжать войну.

Формирование добровольческих частей вскоре же приняло тот характер, который и указывал генерал Алексеев. В ударные

батальоны поступили лучшие элементы из разлагающихся пехотных частей. Среди последних далеко на первом месте в смысле разложения находились так называемые третьи дивизии, которые, как мы в своем месте говорили, были сформированы по инициативе генерала Гурко в бытность его начальником Штаба Верховного главнокомандующего. В этих разлагающихся частях положение офицеров, а также тех унтер-офицеров и солдат, которые продолжали сознавать свой патриотический долг, становилось буквально нестерпимым. Повлиять на затопившую их массу разнузданной солдатни они были совершенно бессильны. Более того, самое их пребывание в рядах своих частей угрожало их жизни, так как обезумевшая солдатская масса видела в них помеху братаний, дезертирства, всякого рода бесчинств и немедленного прекращения войны.

Уходя в ударные батальоны, эти лучшие элементы получали возможность не только продолжать исполнять свой долг, но попросту жить без постоянной угрозы избиения.

Казалось бы, что подобный оборот дела должен был подсказать нашему высшему командному составу мысль об ином употреблении формировавшихся отборных частей, чем это было предположено Брусиловым и другими инициаторами.

Эти отборные части должны были бы послужить той силой, на которую можно было опереться для того, чтобы остановить революцию и привести армию и страну в порядок. В этом отношении эти ударные батальоны послужили бы ценнейшей поддержкой для казачьих, кавалерийских и артиллерийских частей, разлагавшихся гораздо медленнее, чем пехота, в которой за время войны выбыл почти весь кадровый состав.

Какую пользу именно в этом отношении могли принести сформированные отборные батальоны, нам пришлось убедиться на личном опыте в качестве начальника Штаба армий Румынского фронта.

В первых числах июня в 163-й пехотной дивизии (одна из упомянутых выше «третьих дивизий») вспыхнул бунт. Большевик, прапорщик Филиппов, руководивший этим мятежом, объявил даже в месте расположения штаба дивизии, в г. Кагуле, независимую социалистическую республику. Немедленно же мною[1] было

[1] Генерал Щербачев, Главнокомандующий фронтом, был в отъезде.

отдано распоряжение окружить взбунтовавшуюся дивизию полками 3-й кавалерийской дивизии, двумя ударными батальонами и несколькими батареями. После нескольких артиллерийских выстрелов взбунтовавшаяся дивизия сдалась и выдала зачинщиков и затем сейчас же была расформирована.

Такое же применение получили через несколько дней ударные батальоны и на Юго-Западном фронте, в VII армии, против взбунтовавшегося VII Сибирского корпуса.

Было несколько подобных случаев и в других армиях.

Легкость, с которой происходили все эти усмирения, ясно подсказывала ту мысль, о которой мы упоминали выше, а именно — что на формирующиеся отборные части нужно было смотреть как на единственную реальную возможность остановить происходящий развал армии и страны. Но для этого требовалось сохранение этих частей, а между тем проповедуемое большинством командного состава наступление являлось смертным приговором для этих отборных частей, так как не могло быть никакого сомнения, что эти части, примененные как ударные, вынесут на себе всю тяжесть потерь. Если же вся остальная пехота их не поддержит, отборным частям грозило полное истребление.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПАДЕНИЕ ДУХА В СОЛДАТСКОЙ МАССЕ

Каково было настроение пехотной солдатской массы, свидетельствуют те многочисленные воззвания, которые тысячами распространялись среди рот. Мы приведем здесь текст одного из них, как очень характерного по своему содержанию, а также потому, что составитель его является весьма типичным представителем солдатской массы того времени.

«Братья, — говорится в этом воззвании[1], — просим вас не подписываться которому закону хочут нас погубить, хочут делать наступление, не нужно ходить, нет тех прав, что раньше было, газеты печатают, чтобы не было нигде наступление по фронту, нас хотят сгубить начальство. Они изменники, наши враги внутренние, они

[1] Это воззвание цитировано в телеграмме № 01 225 от 20 апреля командующего 9-й армией генерала Лечицкого военному министру; напечатано в кн.: Разложение армии в 1917 г. С. 35—36.

хотят опять, чтобы было по старому закону. Вы хорошо знаете, что каждому генералу скостили жалованье, вот и они хочут сгубить нас, мы только выйдем до проволочных заграждений, нас тут вот побьют, нам все равно не порвать фронт неприятеля, нас всех тут сгубят, я разведчик хорошо знаю, что у неприятеля поставлено в десять рядов рогаток и наплетено заграждение и через 15 шагов пулемет от пулемета. Нам нечего наступать, пользы не будет; если пойдем, то перебьют, а потом некому будет держать фронт, передавайте, братья, и пишите сами это немедленно».

КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ

2/15 мая Верховный главнокомандующий генерал Алексеев в сопровождении главнокомандующих фронтами, а именно: Северного — генерала А. М. Драгомирова, Западного — генерала Гурко, Юго-Западного — генерала Брусилова и Румынского — генерала Щербачева, приехал в Петроград для того, чтобы в заседании Временного правительства и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов открыто заявить о том развале, который происходил в армии. Полный текст отчета этого знаменательного заседания помещен в книге генерала Деникина[1]. Он представляет собой громадный исторический интерес, так как в нем собраны оценки состояния Русской армии, сделанные лицами высшего командного состава.

Вот главнейшие выдержки из высказанных мнений.

Генерал Алексеев:

«Вера в наших союзников падает. С этим приходится считаться в области дипломатической, а мне особенно в области военной.

Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема "порыва", но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах Родины и ее будущем забывается. Причина этого явления та, что теоретические соображения были брошены в массу, истолковавшую их неправильно. Лозунг — без аннексий и контрибуций — приводит толпу к выводу: для чего жертвовать теперь жизнью?..

Армия на краю гибели. Еще шаг, и она, ввергнутая в бездну, увлечет за собою Россию и ее свободы, и возврата не будет...»

[1] *Деникин.* Очерки русской Смуты. Т. I. Вып. 2. Гл. XXII. С. 48—78.

Генерал А. Драгомиров:

«Господствующее настроение в армии — жажда мира. Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедовать мир без аннексий и предоставление самоопределения народностям. Своеобразно поняв лозунг — без аннексий, — не будучи в состоянии уразуметь положение различных народов, темная масса все чаще и чаще задает вопрос: почему к нашему заявлению не присоединяется демократия наших союзников? Стремление к миру является настолько сильным, что приходящие пополнения отказываются брать вооружение — зачем нам, мы воевать не собираемся. Работы прекратились. Необходимо принимать даже меры, чтобы не разбирали обшивку в окопах и чинили дороги.

В одном из отличных полков на принятом участке оказалось красное знамя с надписью: "Мир во что бы то ни стало". Офицер, разорвавший это знамя, должен был спасаться бегством. Целую ночь группы солдат-пятигорцев разыскивали этого офицера по Двинску, укрытого штабом.

Ужасные слова — приверженцы старого режима — выбросили из армии лучших офицеров. Мы все ждали переворота, а между тем много хороших офицеров, составлявших гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала или же не умели приспособиться.

Но еще более опасны медленные, тягучие настроения. Страшно развился эгоизм. Каждая часть думает только о себе. Ежедневно приходит масса депутаций — о смене, о снабжении и т.п. Всех приходится убеждать, и это чрезвычайно затрудняет работу командного состава. То, что раньше выполнялось беспрекословно, теперь вызывает целый торг. Приказание о переводе батареи на другой участок сейчас же вызывает волнение: "Вы ослабляете нас, значит — изменники". Когда оказалось необходимым вывести в резерв на случай десанта противника ввиду слабости Балтийского флота один корпус, то сделать этого было нельзя, все заявляли: "Мы и без того растянуты, а если еще растянемся, то не удержим противника". А между тем раньше перегруппировки удавались нам совершенно легко. В сентябре 1915 г. с Западного фронта было выведено 11 корпусов, и это спасло нас от разгрома, который мог бы решить участь всей войны. Теперь это невозможно. Каждая часть реагирует на малейшее изменение.

Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов Родины. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми разнообразными предлогами: плохая погода, не все вымылись в бане. Был даже такой случай, что одна часть отказалась идти на фронт под тем предлогом, что два года тому назад уже стояла на позиции под Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетов заинтересованных частей.

Наряду с этим сильно развилось искание места полегче. Когда распространился слух о формировании армии в Финляндии, то были устранены солдатами командиры нескольких полков, отказавшиеся будто бы идти в Финляндию и пожелавшие ради личных выгод занять позицию.

Гордость принадлежности к великому народу потеряна, особенно в населении Поволжских губерний, — "нам не надо немецкой земли, а до нас немцы не дойдут; не дойдет и японец".

С отдельными лицами можно говорить и удается добиваться желательных результатов, но с общим настроением удается справиться лишь с большим трудом.

Недостойно ведет себя лишь очень незначительная часть офицеров, стараясь захватить толпу и играть на ее низменных чувствах. В одном из полков был вынесен приговор суда общества офицеров об удалении из полка одного из офицеров. Офицер тот, собрав группу солдат, апеллировал к ним, призывая заступиться за него, изгоняемого из полка за то будто бы, что он защищал солдатские интересы. С большим трудом удалось успокоить собравшуюся толпу солдат, но офицера пришлось оставить в полку.

Выборное начало нигде не было проведено полностью, но явочным порядком местами вытесняли неугодных, обвиняя их в приверженности к старому режиму, а местами оставили начальников, признанных, безусловно, непригодными и подлежащими увольнению. Не было никакой возможности заставить отказаться от просьб об оставлении таких непригодных лиц.

Что касается эксцессов, то были отдельные попытки стрельбы по своим офицерам...

Чувство самосохранения развивается до потери самого элементарного стыда и принимает панический характер.

Немцы учли это и отлично использовали стремление к миру. В период развала и разрухи началось братание, поддерживавшее

это мирное направление, а затем уже с чисто провокационными целями германцы стали присылать парламентеров».

Генерал Гурко:

«...Армия накануне разложения. Отечество в опасности и близко к гибели. Вы должны помочь нам. Разрушать легче, и если вы умели разрушить, то умейте и восстановить».

Генерал Брусилов:

«...Кавалерия, артиллерия и инженерные войска сохранили 50 % кадровых. Но совершенно иное в пехоте, которая составляет главную массу армии. Большие потери — убитыми, ранеными и пленными, значительное число дезертиров — все это привело к тому, что попадаются полки, где состав обернулся 9—10 раз, причем в ротах уцелели только от 3 до 10 кадровых солдат. Что касается прибывающих пополнений, то обучены они плохо, дисциплина у них еще хуже. Из кадровых офицеров в полках уцелели по 2—4, да и то зачастую раненых. Остальные офицеры — молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом ввиду неопытности.

И вот на эту среду выпала задача перестроиться на новый лад. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворот, необходимость которого чувствовалась, который даже запоздал, упал все-таки на неподготовленную почву. Малоразвитый солдат понял это как освобождение "от офицерского гнета". Офицеру же нанесли обиду — его лишили прав воздействия на подчиненных. Начались недоразумения. Были, конечно, виноватые из старых начальников, но все старались идти навстречу перевороту. Если и были шероховатости, то объясняется это влиянием со стороны. Приказ Совета № 1 смутил армию. Приказ № 2 отменил этот приказ для фронта. Но у солдат явилась мысль, что начальство что-то скрывает: одни хотят дать права, другие отнимают.

Офицеры встретили переворот радостно. Если бы мы не пошли навстречу перевороту так охотно, то, может быть, он и не прошел бы так гладко. А между тем оказалось, что свобода дана только солдатам, а офицерам пришлось довольствоваться только ролью каких-то париев свободы.

Свобода на несознательную массу подействовала одуряюще. Все знают, что даны большие права, но не знают — какие, не интересуются и обязанностями. Офицерский состав оказался в

трудном положении. 15—20 % быстро приспособились к новым порядкам по убеждению; вера в них солдат была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же, около 75 %, не умело приспособиться сразу, обиделось, спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать. Мы принимаем меры, чтобы освободить их из этой скорлупы и слить с солдатами, так как офицеров у нас сейчас нет. Многие из офицеров не подготовлены политически, многие не умеют говорить — все это мешает взаимному пониманию. Необходимо разъяснять и внушать массе, что свобода дана всем. Я знаю солдата 45 лет, люблю его и постараюсь слить с офицерами, но Временное правительство, Государственная дума и особенно Совет солдатских и рабочих депутатов должны приложить все силы, чтобы помочь слиянию, которое нельзя отсрочивать во имя любви к Родине.

Это необходимо еще потому, что заявление — без аннексий и контрибуций — необразованная масса поняла своеобразно.

Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сменят. Я долго убеждал полк, и когда спросил, согласны ли со мной, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мной появился плакат — "Мир во что бы то ни стало, долой войну".

При дальнейшей беседе одним из солдат было заявлено: "Сказано — без аннексий и контрибуций, зачем же нам эта гора?" Я ответил: "Мне эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающего ее противника".

В результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя так: "Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей, зачем же нам калечиться".

...Воззвания противника, написанные хорошим русским языком, братание с противником и распространяемая в большом количестве газета "Правда"[1] приводят к тому, что, несмотря на то что офицерский состав желает драться, влияния он не имеет».

[1] Большевистская газета. (*Прим. Н. Г.*)

Генерал Щербачев:

«...Недавно назначенный, я успел объехать все подчиненные мне русские армии, и впечатление, которое составилось у меня о нравственном состоянии войск и их боеспособности, совпадает с теми, которые только что были вам подробно изложены.

Главнейшая причина этого явления — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он не образован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопрос просвещения глазами Министерства внутренних дел. Но с фактами малого понимания массой серьезности нашего положения, с фактами неправильного истолкования даже верных идей необходимо считаться.

Я не буду приводить вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий Русской армии, заслужившую в прежних войнах название "железной" и блестяще поддержавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать.

Подобный же случай произошел на днях в соседней с этой дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии подготовительные работы были прекращены после того, как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление — прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления».

ПЕРЕМЕНЫ В ВЕРХОВНОМ УПРАВЛЕНИИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РОССИИ

1/14 мая оставил свой пост военный министр Гучков. «Мы хотели, — так объясняет он смысл проводимой им «демократизации» армии, — проснувшемуся духу самостоятельности, самодеятельности и свободы, который охватил всех, дать организованные формы и известные каналы, по которым он должен идти. Но есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия».

Не подлежит сомнению, что эта линия была перейдена еще до 1/14 мая, т.е. самим Гучковым. Но нужно при этом учесть, что Гучков, как военный министр Временного правительства князя

Львова, с первых же дней, по существу, никакой власти не имел. Он мог только лавировать между требованиями Совета рабочих и солдатских депутатов и тайно «саботировать» те действия, которые явно вели к развалу армии. Вот как сам Гучков объясняет свою деятельность в письме к генералу Корнилову, написанном в июне 1917 г., т.е. вскоре после своего ухода: «Удержать армию от полного развала под влиянием того напора, который шел от социалистов, в частности, из их цитадели — Совета рабочих и солдатских депутатов, — выиграть время, дать рассосаться болезненному процессу, помочь окрепнуть здоровым элементам — такова была моя задача».

Военным министром вместо Гучкова стал Керенский. Первые же его шаги на новом поприще ознаменовались рядом мер чисто демагогического свойства (объявление по армии «Декларации прав солдата»).

22 мая/4 июня по настоянию Керенского Временное правительство удалило с должности Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, заменив его генералом Брусиловым.

КАТАСТРОФА НА ФРОНТЕ

Главный удар на Русском театре в летнюю кампанию должен был наноситься армиями Юго-Западного фронта на Львовском направлении. Северный, Западный и Румынский фронты должны были вести лишь вспомогательные удары.

18 июня/1 июля две центральные армии Юго-Западного фронта — XI и VII перешли в наступление.

Разработка штабами этого наступления была произведена образцово. Для подготовки атаки были сосредоточены еще небывалые в Русской армии артиллерийские и технические средства. Артиллерия буквально смела с лица земли все укрепления противника. Только тогда двинулась наша пехота вперед, причем самое наступление в сфере неприятельского огня велось главным образом отборными частями. Остальная пехота следовала неохотно, причем были случаи, когда полки, подойдя к бывшим позициям противника, возвращались назад под предлогом, что наша артиллерия так разрушила неприятельские окопы, что ночевать негде. Но все-таки благодаря мощной артиллерийской подготовке

и самоотверженной работе отборных частей в течение первых двух дней наступления участки позиций противника были нами захвачены. В дальнейшем XI и VII армии топчутся на месте, так как пехота явно не хочет наступать. «Считаю своим долгом донести, — пишет командующий XI армией, — что, несмотря на победу 18 и 19 июня (1 и 2 июля), которая должна была укрепить дух частей и наступательный порыв, этого в большинстве полков не замечается и в некоторых частях господствует определенное убеждение, что они свое дело сделали и вести непрерывно дальнейшее наступление не должны». Тем временем 23 июня/6 июля в дело вступила VIII армия, находившаяся на левом фланге Юго-Западного фронта. Командующий этой армией генерал Корнилов сосредоточил для производства прорыва все свои отборные части. Здесь повторилась та же картина. Сразу наша атака имеет успех. Последний принимает даже сначала большие размеры, так как против нашей VIII армии находились австро-венгерские дивизии слабой боеспособности. В первый же день атаки нами захватывается 7000 пленных и 48 орудий, и прорвавшиеся войска проникают глубоко в расположение противника. Но по мере продвижения вперед отборные части тают от потерь, а сзади идущая прочая пехота приходит в такой беспорядок, что самый небольшой нажим неприятеля заставляет всю VIII армию в величайшем беспорядке отхлынуть назад.

К 1—2 июля (14—15 июля) наше наступление на Юго-Западном фронте замерло окончательно. Потери всех трех армий за время операции выражались цифрами 1222 офицера и 37 500 солдат. По сравнению с потерями, которые выдерживала Русская армия до революции, эти цифры невелики. Но дело в том, что эти потери должны быть отнесены всецело на долю отборных частей и тех немногочисленных полков пехоты, которые устояли еще от заразы разложения. В этом случае приведенные выше цифры велики, ибо они означают почти полное уничтожение всех элементов долга и порядка, посредством которых командный состав мог еще кое-как поддерживать в армии хотя бы небольшой порядок.

С выбытием этих элементов XI, VII и VIII армии превратились в совершенно неустойчивые толпы, готовые бежать от первого же нажима неприятеля.

Такой нажим был произведен немцами 6/19 июля подведенными к ним дивизиями. Этот нажим был произведен на левый фланг

нашей XI армии, где в это время стояло 7 корпусов (5 на фронте и 2 в резерве), т.е. 20 дивизий. Несмотря на наше превосходство в силах, части XI армии начали самовольно отходить назад.

Войсковые части, получавшие боевые приказы, обсуждали их на митингах, в комитетах, упускали время, а еще чаще просто отказывались выполнять их. Началось неудержимое паническое отступление всей XI армии. До какой степени эта армия утратила свою боеспособность, свидетельствует следующий факт. 9/22 июля отступающая XI армия находилась на р. Серет. Атака трех немецких рот обратила в бегство 126-ю и 2-ю финляндскую стрелковые дивизии. Противника сдерживали кавалерия, а также пехотные офицеры с оставшимися при них унтер-офицерами и одиночными солдатами. Вся остальная пехота бежала, заполняя своими дезертирующими толпами все дороги. Каково было число этих дезертиров, свидетельствует то, что один ударный батальон, прибывший в тыл XI армии, задержал за одну ночь в окрестностях местечка Волочиск 12 000 дезертиров. Эти бегущие толпы дезертиров, предводимые большевиками, производили по пути величайшие зверства. Они убивали попадавшихся офицеров, грабили местных жителей, насиловали женщин и детей под большевистский крик: «Режь буржуя!»

В этот день (9/22 июля) комитеты и комиссары XI армии телеграфировали Временному правительству: «Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте XI армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Положение требует самых серьезных мер... Сегодня главнокомандующим с согласия комиссаров и комитетов отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит и предает Россию и революцию».

Наступательные попытки на Северном фронте окончились в самом же своем зачатке. Они имели место 8—10 (21—23) июля. «Только две дивизии из шести, — доносит в Ставку Штаб Северного фронта, — были способны для операции. Из остальных же дивизий: 36-я дивизия, взявшая две линии неприятельских окопов и шедшая на третью, повернула назад под влиянием окриков сзади; 182-я дивизия загонялась на плацдармы силой оружия; когда же противник открыл по частям дивизии артиллерийский огонь, то они открыли беспорядочный огонь по своим. Из 120-й дивизии в атаку пошел только один батальон. Нейшлотский полк (22-й дивизии) не только не хотел сам наступать, но препятствовал и другим, арестовывая походные кухни частей боевой линии».

То же самое произошло на нашем Западном фронте. Главнокомандующим этого фронта в это время был генерал Деникин. На совещании в Ставке 16/29 июля он в следующих выражениях описывает картину неудачной попытки своего фронта перейти в наступление: «Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две, три линии окопов противника и... вернулись в свои окопы. Операция была сорвана. Я на 19-верстном участке имел 184 батальона и 900 орудий; у врага было 17 батальонов в первой линии и 12 в резерве при 300 орудиях. В бой было введено 138 батальонов против 17 и 900 орудий против 300».

Наступление на Румынском фронте началось 10/23 июля. Это наступление велось на иных основаниях, чем на прочих наших фронтах. В атаке участвовали не только русские, но и румынские войска. Пример последних, несомненно, отрезвляющим образом действовал на первых. Это и было должным образом учтено Штабом фронта, организовавшим все атаки так, что в них совместно с русскими участвовали и румынские части. Вместе с этим Главнокомандование фронта держалось иной точки зрения на отборные формирования, чем та, которая господствовала на других фронтах; оно не пускало их как ударные части в бой и, таким образом, сохраняло в своих руках хотя бы небольшую часть пехоты для прекращения мятежей и бесчинств в разлагающихся частях Русской армии. Наступление на Румынском фронте началось удачно. Позиции немцев были прорваны, взяты пленные и более 100 орудий. Но 13/26 июля в Штаб фронта пришла телеграмма, подписанная Керенским, в которой именем Временного правительства приказывалось прекратить наступление. Вызвана была эта телеграмма

требованием генерала Корнилова, который после разгрома наших армий Юго-Западного фронта в Галиции сменил на посту Верховного главнокомандующего генерала Брусилова.

ГЕНЕРАЛ Л. Г. КОРНИЛОВ

Вступление генерала Корнилова в Верховное главнокомандование означало поворот к восстановлению дисциплины в армии. В этом отношении генерал Корнилов проявил большое гражданское мужество и настойчивость. Прежде чем принять предложенное ему Временным правительством Верховное главнокомандование, он поставил последнему совершенно определенные требования, выполнение которых он считал необходимым для восстановления дисциплины в армии и без которых он категорически отказывался принять командование. В числе этих мер генерал Корнилов требовал восстановления отмененных в начале революции полевых судов и смертной казни.

12/25 июля Временное правительство издает соответствующее постановление, которое начинается следующими словами:

«Позорное поведение некоторых войсковых частей как в тылу, так и на фронте, забывших свой долг перед Родиной, поставив Россию и революцию на край гибели, вынуждает Временное правительство принять чрезвычайные меры для восстановления в рядах армии порядка и дисциплины. В полном сознании тяжести лежащей на нем ответственности за судьбу Родины Временное правительство признает необходимым:

1) Восстановить смертную казнь на время войны для военнослужащих за некоторые тягчайшие преступления.

2) Учредить для немедленного суждения за те же преступления военно-революционные суды из солдат и офицеров».

Нужно иметь в виду, что эта перемена линии поведения Временного правительства, во главе которого с 8/21 июля стоит уже не кн. Львов, а Керенский, объясняется не только понесенными поражениями на фронте.

3/16—5/18 июля состоялось в Петрограде выступление большевиков. Эта первая их серьезная попытка окончилась неудачей, так как она встретила отрицательное отношение среди большинства Совета солдатских и рабочих депутатов. Несколько выстре-

лов двух орудий казачьей конной батареи, юнкерский батальон и казачьи полки быстро ликвидировали этот мятеж[1].

Только что понесенные поражения отрезвляюще подействовали главным образом на сознательные круги армии и народа. Правое крыло представителей в войсковых комитетах стало понимать, что дальнейшая игра в революцию в самой армии неминуемо ведет страну к гибели. Но в солдатской массе нежелание воевать осталось в прежней силе.

Генерал Корнилов продолжает настойчиво работать над оздоровлением армии, но его героические попытки встречают неимоверные трудности.

Немногочисленный солдатский состав, оставшийся верным своему долгу, был перебит в неудачных наступлениях. Приходилось теперь вновь «нарастить» эти силы, использовав для этого изменения в благоприятную сторону в сознательных слоях армии и народа. Но без самого полного содействия Керенского и его правительства прочных результатов по оздоровлению армии достигнуть было нельзя.

Между тем вместо такой поддержки генерал Корнилов вскоре же начинает встречать противодействие со стороны Керенского, который боится рассориться с крайними левыми революционными кругами. Такое поведение главы правительства неминуемо должно было привести к скорому кризису, так как теперь не могло уже быть никаких сомнений, что народные и солдатские массы продолжать войну не хотят. Керенский не нашел в себе гражданского мужества открыто сказать союзникам, что русский народ не хочет продолжения войны, и в то же время боялся ссориться и с левыми революционными кругами. До какой степени этого боялся Керенский, свидетельствует следующий факт. После июльского восстания большевиков командующему войсками Петроградского военного округа генералу Половцову удалось получить постановление правительства об аресте главнейших большевиков, уличенных в том, что они получали деньги от германского Генерального штаба.

«... Не без удовольствия принимаю из рук Керенского список 20 с лишним большевиков, — записывает в своих воспоминаниях

[1] Дни затмения. Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Половцова в 1917 г. С. 120—130.

генерал Половцов[1], — подлежащих аресту, с Лениным и Троцким во главе...

Только что рассылка автомобилей закончилась, как Керенский возвращается ко мне в кабинет и говорит, что аресты Троцкого (Бронштейна) и Стеклова (Нахамкеса) нужно отменить, так как они — члены Совета...[2] Керенский быстро удаляется и куда-то уносится на автомобиле. А на следующий день Балабин[3] мне докладывает, что офицер, явившийся в квартиру Троцкого для ареста, нашел там Керенского, который мой ордер об аресте отменил. Куда девались грозные речи Керенского о необходимости твердой власти...»

Колеблющееся поведение Керенского привело к двойственности его роли. Последнее же не могло не привести к тому кризису в Русской армии, который известен под названием Корниловского выступления.

ОФИЦЕРСТВО

Чтобы понять психологическую сторону Корниловского выступления, нужно взглянуть на те процессы, которые происходили в русской офицерской среде.

Русское офицерство и до войны, по существу, не было закрытой кастой. Даже в числе генералов на видных постах находились люди, вышедшие, в полном смысле слова, из рядов простого народа. Сам генерал Корнилов был сыном простого казака-крестьянина. Условия службы, корпоративная честь, наличие гвардии придавали тот внешний кастовый облик, который вводил в заблуждение тех, кто, не зная нашей армии, читал про нее только памфлеты.

Русское офицерство в основе своей было очень демократично. Обычаи, установившиеся в нашей армии, часто расходились с уставами, изданными под сильным немецким влиянием. Обычай не только смягчал их, но заставлял в дальнейшей переработке принимать дух нашей армии. Не упоминая уже о казаках, в укладе жизни которых демократический дух был особенно силен, но

[1] *Половцев*. Дни затмения. С. 143.

[2] Совет солдатских и рабочих депутатов. (*Прим. Н. Г.*)

[3] Начальник Штаба Петроградского военного округа. (*Прим. Н. Г.*)

даже в регулярной армии для некоторых вопросов было узаконено выборное начало; оно существовало в артельном хозяйстве рот, эскадронов, батарей — для солдат, для вопросов чести (суды чести) — для офицеров.

К концу 1915 г. наше кадровое офицерство было в значительной мере перебито. На смену пришел новый тип офицера — офицер военного времени. Если и раньше состав нашего офицерства был демократичен, то теперь новое офицерство было таким в еще большей степени. Это был офицер из народа. Зимой 1915—1916 гг., когда мы восстанавливали нашу армию после катастрофы в лето 1915 г., пришлось обратить особое внимание на пополнение офицерских рядов. Ввиду того, что с тыла присылались прапорщики, очень мало подготовленные, мною в качестве начальника Штаба VII армии была принята следующая мера. Все прибывавшие из тыла прапорщики должны были проходить шестинедельный курс особой тактической школы, учрежденной мною в ближайшем тылу. Согласно данным сохранившихся у меня отчетов о работе этой школы, 80 % обучавшихся прапорщиков происходили из крестьян и только 4 % из дворян.

С этим «прапорщиком военного времени» и были одержаны победы в Галиции летом 1916 г. Потоками самоотверженно пролитой крови прочно спаялось это новое офицерство с остатками кадровых офицеров. Эта прочная спайка облегчалась причинами социально-психологического характера. К началу 1916 г. создалось такое положение. Первоначальное воодушевление прошло. Впереди виднелись только большие испытания. Все малопатриотичное устраивалось и пристраивалось на тыловые и нестроевые должности. Как мы говорили уже выше, для нашей интеллигенции «амбюскирование» являлось делом очень легким. Но вся патриотически настроенная интеллигентная молодежь шла в армию и пополняла ряды нашего поредевшего офицерства. Происходил своего рода социальный отбор. Армия качественно очень выигрывала. Этим и объясняется, почему наскоро испеченные прапорщики так скоро сливались со старыми боевыми офицерами в одно духовное целое.

Вот каково было офицерство в ту минуту, когда произошла революция. Гонения, которым начал систематически подвергаться командный состав со стороны Гучкова и в особенности Керенского, толкали офицерство на путь оппозиции к Временному правительству.

Глухой протест, накапливавшийся в офицерской среде, должен был в конце концов разразиться. Раньше-позже, по тем или другим ближайшим причинам, но он был неминуем, и тем в большей степени, что это не был протест офицеров-профессионалов, выступающих на защиту каких-либо профессиональных или классовых интересов; это был протест патриотов. Близорукость Керенского и его ближайших сотрудников и сказалась в том, что они, оставаясь в партийных наглазниках, не поняли этого, и вместо того, чтобы суметь использовать эту силу, они повернули ее против себя. В свое время они осуждали за подобную линию поведения против них царское правительство. Теперь, оказавшись сами у власти, они буквально повторили ту же ошибку по отношению к другим.

КОРНИЛОВСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Как выразился впервые этот протест в Корниловском выступлении — хорошо всем известно. В Петрограде ожидалось выступление большевиков. Керенский согласился с Корниловым, что к Петрограду будут подведены верные войска, при посредстве которых будет поддержан порядок. Вместе с тем нужно было положить конец пленению правительства Петроградским гарнизоном, выговорившим себе условие не идти на позиции под предлогом «защиты революции» и фактически державшим в плену правительство Керенского. В последнюю минуту Керенский испугался и, придравшись к переговорам с Корниловым, веденным через Львова, об упрочении власти, он послал Корнилову телеграмму, отрешающую его от Верховного командования. Корнилов отказался повиноваться и призвал войска к восстанию против Временного правительства. Керенский, в свою очередь, послал во все войсковые комитеты телеграмму, объявлявшую Корнилова изменником.

За Корнилова стояла небольшая группа горячо любящих Родину офицеров, которые могли представлять собой только очень маленькую силу в Ставке; остальные сочувствующие ему были разбросаны в войсках, в полной зависимости от солдатской массы.

Эта же масса вся была, определенно, против Корнилова. На Румынском фронте мы получили телеграмму Корнилова, призывающую к восстанию против Временного правительства, около

полуночи; через час передана была телеграмма Керенского, объявляющая Корнилова изменником. На следующий день, около полудня, от всех комитетов всех армий были посланы Временному правительству телеграммы, требующие предания Корнилова военно-революционному суду как изменника. В тот же день вечером Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин, его начальник Штаба и старшие генералы, а также командующие всех армий этого фронта и их начальники штабов были арестованы солдатами. На позициях началось избиение лучших офицеров под предлогом, что они «корниловцы».

Выступление Корнилова было более чем преждевременным. Оно губило соль Русской армии и русской интеллигенции. Чтобы спасти положение вещей, генерал Алексеев вынужден был выступить против генерала Корнилова. Нужно отдать справедливость генералу Алексееву: в этом своем шаге он показал, что он спасение России ставит выше, чем политические и личные симпатии. Своим государственным умом он понимал, что как это ни было тяжело, но Корнилов должен был подчиниться Керенскому. Алексеев вызвал по аппарату Корнилова и уговорил его не идти на дальнейшее сопротивление. Михаилу Васильевичу Алексееву, этому кристаллически честному человеку, пришлось выслушать от горячившегося Корнилова даже такие слова: «Вы идете по линии, разграничивающей порядочного человека от непорядочного...»

После сдачи Корнилова Верховным главнокомандующим сделался сам Керенский. Развал армии пошел уже полным ходом. Прежние войсковые комитеты казались солдатам слишком «правыми». Везде начали самочинно возникать «революционные трибуналы», переименовавшиеся вскоре затем в военно-революционные комитеты, в состав которых вошли по преимуществу лица крайне левого направления и в еще большей мере авантюристы, собиравшиеся половить в замутившейся воде рыбку и сделать революционную карьеру.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗВАЛ

После Корниловского выступления разрыв между офицерским составом и солдатской массой происходит уже полный и окончательный. Эта масса видит в офицерах не только контррево-

люционеров, но и главную помеху к немедленному прекращению войны. Большевики и немцы энергично эксплуатируют создавшееся положение. «Настроение войск фронта,— доносит в своей сводке комиссар Западного фронта Жданов[1], — ухудшается в связи с пораженческой агитацией, вливающейся в войска путем печати и проповеди большевизма; распространяются газеты: "Буревестник", "Товарищ", немецкая газета "Русский Вестник"...»

Для того чтобы судить о настроениях в армии к моменту большевистского переворота, мы отсылаем читателя к приведенной в приложении[2] сводке донесений военно-политического отдела Ставки.

«Общее настроение в армии, — говорится в этом отчете, — продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным, каким оно было в первой половине этого месяца. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, *по-прежнему является неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл*, желание поскорее прийти к какой-либо развязке... Армия представляет собой огромную, усталую, плохо одетую и плохо прокармливающуюся, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием. Такая характеристика без особой натяжки может быть применена ко всему фронту вообще...»

25 октября/7 ноября в Петрограде большевики, опираясь на сочувствующий им гарнизон, произвели переворот. Загорается кровавая борьба, в которой Керенскому приходится опираться на силы, подорванные им же самим во время борьбы с Корниловым. Победа большевикам была обеспечена, так как они прельщают массы обещанием немедленного же окончания войны.

«Солдаты, — пишет в своей радиотелеграмме Совет народных комиссаров, — дело мира, великое дело мира в ваших руках, вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет народных комиссаров дает вам право на это... Солдаты, дело мира в наших руках...»[3]

---

[1] Сводка сведений о настроении частей войск армий Западного фронта с 12 (25) по 15 (28) октября 1917 года.

[2] Приложение № 6 к настоящей главе. С. 517.

[3] Полный текст этой радиограммы приведен в приложении № 7 к настоящей главе. С. 395.

На этом кончается для России участие в мировой войне. Но ее народные массы не увидели обетованного мира, так как с появлением у власти большевиков сейчас же началась в России одна из самых жестоких во всей мировой истории гражданских войн.

Приложение № 1

ВЫДЕРЖКА ИЗ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ДОКЛАДА ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ Н. О. ЯНУШКЕВИЧА О ЕГО ПОЕЗДКЕ НА ФРОНТ

(Доклад этот был заслушан Временным комитетом Государственной думы 13 марта 1917 года)

Получив предложение выехать на фронт, мы опасались, что нам придется увидеть там кое-что, что произведет на нас самое скверное впечатление, что мы увидим тяжелую картину. Но то, что нам пришлось увидеть при приближении к фронту, с самого начала нашего путешествия подействовало на нас совершенно обратным образом. Отъехав от Петрограда, мы заметили, что, как только стало известно о нашей поездке, на каждой станции стали собираться толпы народа и солдат, чтобы нас приветствовать. Перед Псковом, например, приветствовали нас, посылали привет Государственной думе, председателю Государственной думы, Временному правительству и т.д. Наконец мы добрались до Пскова и отправились к генералу Рузскому[1], который сказал, что присутствие нас, депутатов, или кого-либо другого чрезвычайно необходимо. В настоящее время волна захватила Петроград и Россию, докатывается до фронта и в некоторых местах возникают недоразумения в связи с приказом № 1 и в связи со всевозможными листками и воззваниями, которые проникают все-таки в армию...

В Пскове мы разделились на партии. Одна направилась к Риге, другая на Двинские позиции, а мы в район Глобачево, Воропаево, ближе к Поставам...

Чем дальше мы ехали от Пскова к Двинску, тем более было оваций на каждой станции... В Режице мы были встречены чрезвычайными овациями; нас попросили зайти в город на митинг.

[1] Главнокомандующий Северным фронтом. (*Прим. Н. Г.*)

Войска были выстроены с музыкой, была масса народу. Нас приветствовали, мы произносили речи. Оставались мы там довольно долгое время. Там же в кинематографе было устроено заседание солдатских и офицерских депутатов. В Режице было несколько инцидентов, между прочим, был убит командир Сумского полка. Когда стали обезоруживать полицию и собираться на митинг, появилась отдельная вооруженная группа лиц, которая вела себя довольно беспокойно. Так как никто не знал, зачем они приехали, то был командирован Сумской полк. Между тем распространился слух, что последний пришел усмирять. Стали грозить тяжелой артиллерией, если он не скажет, зачем пришел. Солдаты присоединились, но недоразумение возникло с офицерами, которые резко отзывались о солдатах и о красных бантиках. В результате командир полка был убит...

На собрании солдат и офицеров дебатировалась масса вопросов. Между прочим, у нас был в руках приказ Гучкова[1] о вежливом обращении. Мы обратили внимание, насколько эти вопросы затрагивают солдатскую массу. Когда мы прочли приказ, солдаты стали задавать вопросы относительно (отдания) чести, розог и т.д., как Временное правительство на это смотрит, что оно будет делать. Мы сказали, что оно все, вероятно, разъяснит в соответствующих приказах. Когда мы прочли приказ Гучкова, раздалось громовое «ура», но солдаты интересовались, почему о чести[2] ничего не сказано. Надо сказать, что комендант Режицы отдание чести отменил сам, заявив в приказе по гарнизону, что оно не обязательно. На этом митинге мы давали объяснения на предъявляемые вопросы... Мы предложили самовольно арестов не производить, объясняя, что это самосуд и что таких арестованных нужно освободить.

Затем мы двинулись дальше, к Двинску. Там тоже были самые невероятные овации по адресу Государственной думы. Двое из нас остались в Двинске, а мы направились в Полоцк. Мы изумлялись: такой был царский прием. Царя, вероятно, так не принимали. Нас носили на руках, склоняли знамена — и все это по адресу Государственной думы. Мы пришли к убеждению, что авторитет Государственной думы в войсках и в населении огромный. Имя

---

[1] Приказ военного министра Временного правительства А. И. Гучкова об обращении к солдатам не на ты, а на вы.

[2] Об отмене отдания чести офицерам, чего добивались крайние революционные элементы. (*Прим. Н. Г.*)

депутатов, представителей Государственной думы, связывается с чем-то освободительным. Дальше тоже на каждой станции были овации. Тут же выяснилось, что известное настроение существует; с одной стороны, этому способствовал приказ № 1, с другой стороны, неправильное истолкование событий. Некоторые офицеры, когда поступали эти приказы и известия о событиях, например, об отречении императора, истолковывали их так, что возбуждали в солдатах к себе недоверие, например, отречение императора истолковывалось как его добрая воля, что он хороший и т.д.[1]...

Приехав к фронту, мы переночевали и отправились в те части, которые расположены на боевых позициях. Нас везде принимали весьма торжественно, с музыкой; мы были страшно смущены. Выяснилось, что знаменитый приказ № 1 и всевозможные слухи породили известную дезорганизацию в «зеленых» частях, где мужики. В частях более революционных ничего подобного не было. Там и с офицерами уживаются хорошо. Мы подметили одну черту: несмотря на то что Временное правительство существует, что переворот — совершившийся факт, в среде высшего офицерства есть такие, которые ведут себя чрезвычайно нетактично. Везде приходилось слышать жалобу на то, что если и одевается красный бантик, то он срывается... Но все-таки нужно заметить, что у солдат есть сдерживающее чувство. *Они ждут чего-то; чрезвычайно интересуются тем, что сейчас происходит.* Нам задавали вопросы на всякие темы. Сначала мы произносили приветствия, а потом объясняли, что все кардинальные вопросы решит Учредительное собрание. Временное же правительство озабочено тем-то и тем-то. Приходили офицеры, но мы их просили удалиться. Мы беседовали с каждой частью солдат. Они приходили со своими жалобами и пожеланиями, мы старались им все разъяснить и в конце концов успокаивали почти всех.

Высказывалось пожелание относительно военно-полевых судов. Они сознают, что без серьезных мер на фронте нельзя, но они желают, чтобы там был представитель от солдат, тогда всякой мере наказания будут подчиняться с удовольствием. Теперь суд — чисто офицерский и внушает им много недоверия. Затем к нам обращались с просьбой предоставить им возможность по-

[1] Н. О. Янушкевич принадлежал к одной из социалистических партий, чем и объясняется это его озлобленное отношение к павшему царскому правительству. (*Прим. Н. Г.*)

слать кого-нибудь от какой-либо части в Петроград узнать, в чем дело.

Очень остро стоит вопрос об отпусках. Как только произошли последние события, сейчас же были прекращены отпуска; в некоторых частях теперь снова разрешают отпуск, *но, в общем, вопрос этот страшно волнует солдат*: у них к начальству подозрительное отношение. Есть части, где верят командиру, но многих приходилось убеждать в том, что к старому возврата быть не может. *Что касается общего настроения войск, то вблизи позиций оно у них такое веселое, радостное и хорошее, что отрадно становится.* Там мы видали настоящие революционные полки с полнейшей дисциплиной, полное объединение с офицерами. Они понимали, что дисциплину нужно соблюдать не за страх, а за совесть. У них у всех общее настроение, все понимают, что нужно воевать, чтобы защитить свободу...

Из бесед с солдатами, с отдельными группами, с их депутатами выяснилось, что так или иначе, но Военному министерству нужно считаться с настроением солдат, с их недоверием к некоторым из командиров...

Мы объехали почти все части 1-й армии, беседовали с каждой частью по часу, по два, потеряли голоса, но внесли известное успокоение... Мы начинали объезд с 8 часов утра, кончали в 1 час ночи. *Настроение недурное, только некоторые старые солдаты просили, нельзя ли похлопотать, чтобы отпустили домой.* В общем, настроение боевое. Это произвело на нас хорошее впечатление. Мы ожидали встретить другое. Дисциплина есть, но надо организовать ее на новых началах...

Общие выводы такие: настроение не пессимистическое, дисциплина держится, но *солдаты чего-то ждут*...

Приложение № 2

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОКЛАДА О ПОЕЗДКЕ НА ФРОНТ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А. М. МАСЛЕННИКОВА И П. М. ШМАКОВА

11 апреля

Утром депутаты были приняты генералом Балуевым. Генерал с большой похвалой отозвался о деятельности комитета Особой армии, председателем которого по избранию состоит главный

инициатор и организатор съезда Особой армии, командир 2-го дивизиона 7-й артиллерийской бригады полковник Малыхин. Комитет Особой армии имеет собственные «Известия выборных Особой армии» и заключает в себе ряд комиссий, продуктивно работающих. Следует отметить комиссию, ведающую разбором различных конфликтов, возникающих на почве отношений между солдатами и офицерами. Как пример ее деятельности, можно привести случай, происшедший в одном из полков. Солдатами был смещен командир полка, и на место его ими же выбран молодой, неопытный обер-офицер, видимо, сам агитировавший в пользу смещения командира и избрания себя на его место. Для разбора конфликта был командирован полковник Малыхин, который благодаря авторитету согласительной комиссии посредством строгого выговора обер-офицеру и переговоров с солдатами быстро добился подчинения солдат новому командиру, назначенному генералом Балуевым.

После завтрака депутатов приветствовал комитет Особой армии. Среди приветствий депутатов нужно отметить речь левого направления одного из солдат, видимо, по убеждениям большевика, и речь офицера от имени казачества, решившего всемерно поддерживать Временное правительство и отстаивать свои права и привилегии. При обсуждении порядка посещения воинских частей и на фронте депутатами было решено направиться сначала в 5-й корпус, а потом во 2-й и 1-й гвардейские корпуса. Вечером того же дня депутаты прибыли в штаб 5-го корпуса. При проезде в автомобилях к месту квартирования штаба корпуса депутатами было обращено внимание на неудовлетворительное состояние шоссе, которое, видимо, совсем не чинят.

Перед отправлением в штаб 7-й дивизии депутаты сказали краткие приветствия чинам корпусных учреждений. Крики «ура». Депутатов подымают на руки. В штабе 7-й дивизии были собраны чины штаба с оркестром. Временно исполняющий должность начальника дивизии генерал-майор Скерский и начальник штаба полковник Лебедев обратились к депутатам с краткими приветственными речами. Далее депутаты проследовали в штаб Полоцкого полка, где к ним обратились с теплыми речами члены полкового комитета: солдаты и офицеры. Речи депутатов к комитету и к полку. Крики «ура», качают, несут до экипажей.

Общее впечатление от полка говорит в его пользу. Заметны организованность и желание солдат защищать Родину. В речах верное понимание смысла девиза «без аннексий и контрибуций», отсутствуют речи большевистского направления. Выделяется речь офицера Жарикова (члена согласительной секции комитета армии). Завтрак в штабе дивизии и посещение дивизионного комитета. Приходит телефонограмма, что 10-я дивизия в лице Тобольского полка, стоящего в резерве, и собравшихся там же комитетов остальных полков дивизии настоятельно просит депутатов посетить ее. По дороге туда посещение 1-го дивизиона 7-й артиллерийской бригады. Офицеры обратили внимание депутатов на угрожающий недостаток фуража. Есть опасение, что лошади слишком ослабнут и могут не снести трудных переходов. Речи, теплый прием.

Депутаты следуют в Тобольский полк. Вечереет. Издали слышна канонада. На опушке леса в каре выстроен Тобольский полк. Встречи. Обход полка. Командир полка, приветствуя депутатов, говорит, что девизом полка служит «война до победного конца, без аннексий и контрибуций». После приветственной речи солдат и офицеров Тобольский полк в образцовом порядке с отличным равнением (что особенно нужно отметить, так как после революции полк вряд ли занимался упражнением в церемониальном марше) проходит во главе с командиром под звуки Марсельезы. Далее заседание дивизионного комитета 10-й дивизии. Возвращение в штаб корпуса, где, несмотря на поздний час, состоялось заседание комитета 5-го корпуса (в местной синагоге), затянувшееся за полночь.

13 апреля

Посещение 2-го дивизиона 7-й артиллерийской бригады и Могилевского полка, стоящего в окопах. Следует отметить блестящее состояние окопов. Отличные широкие ходы сообщений, позволяющие подвоз в окопы на лошадях. Служба, видимо, несется образцово. Депутаты обходят солдат, стоящих в окопах, пожимая им руки, и благодарят от имени Государственной думы. При посещении артиллерийского наблюдательного пункта была произведена стрельба из орудий, причем следует отметить необыкновенно скорое (менее 1 минуты) после телефона последование выстрела. Возвращение в Луцк.

Общее впечатление от посещения 5-го корпуса благоприятное. Всюду налажена деятельность комитетов, не вызывающая столкновений с начальством. Видно стремление офицеров идти навстречу солдатам в культурно-просветительном смысле. Всюду прямо голод в смысле политической литературы. В смысле боеспособности солдаты, хотя и ставят девизом «без аннексий и контрибуций», тем не менее, несомненно, в наступление пойдут. Объясняется это интенсивной борьбой комитетов с пропагандой большевиков. Политические воззрения, в общем, сходятся с воззрениями правого крыла С.С. и Р.Д. Отношение к Думе и Временному правительству (подчеркивается иногда необходимость единения последнего с С.С. и Р.Д.) крайне благожелательное. Отношение к депутатам восторженное. Обыкновенное явление — спрашивают, к каким партиям принадлежат депутаты. Всюду одни и те же вопросы: будущая форма правления. Учредительное собрание, земля, отношение Временного правительства и С.С. и Р.Д. Следует отметить, что в 5-м корпусе *нигде* не был поднят вопрос об отношении *союзников* к формуле «без аннексий и контрибуций» и их договорах с Россией. Ответы депутатов, что вопросы формы правления и земельный составляют предмет исключительной компетенции Учредительного собрания, участие в котором Действующей армии необходимо, вполне удовлетворяют солдат. То же нужно сказать и об отзыве депутата Масленникова о С.С. и Р.Д. как об учреждении, сыгравшем громадную организационную роль в дни революции, теперь же представляющем голос демократических масс. Замечание депутата, что С.С. и Р.Д. не должен стремиться к законодательной власти и тем более управлению страной ввиду опасности двоевластия, не вызывает протеста, наоборот, одобряется. Солдаты всюду выставляют своим девизом демократическую республику.

15 апреля

В ночь с 14-го на 15-е депутаты прибыли в Штаб 11-й армии в г. Кременец, чтобы посетить генерала Гутора.

15 апреля в Кременце начались заседания съезда 11-й армии. По просьбе съезда депутаты вместе с генералом Гутором[1] посетили съезд 11-й армии. Съезд открылся речью генерала Гутора, где он призывал избегать в Д. армии политической борьбы, пагубно

[1] Командующий XI армией.

отзывающейся на боеспособности войск. Все политические вопросы должны быть решены Учредительным собранием. После речей депутатов им ответил от имени Съезда председатель, прапорщик 11-го финляндского полка, бывший секретарь крайних левых фракции Государственной думы. Речь носила явный характер направления большевиков. Охарактеризовав 4-ю Думу как представительницу интересов буржуазных классов и капитала, он высказал, что армия будет драться до конца («Мы будем голы, босы, но будем драться за свободу пролетариата») только в случае выяснения истинных намерений наших союзников, дабы России была дана гарантия, что борьба идет не за капиталистические цели союзников. Вообще в речи председателя чувствовалось, быть может, невольное намерение подорвать авторитет Думы, Временного правительства и доверие к союзникам. Последнее встретилось депутатам впервые. Речь председателя имела громадный успех. Ответ депутата Масленникова все же удовлетворил съезд. Крики «ура». Депутатов выносят на руках. Впечатление от настроения съезда совершенно обратное настроению 5-го корпуса. Чувствуется деятельная пропаганда большевиков.

16 апреля

Прибытие в штаб 2-го гвардейского корпуса. Радушный прием. Посещение Волынского полка и представителей Кексгольмского и Петроградского полков. Восторженный прием.

17 апреля

Посещение гвардии 1-го стрелкового полка и гвардии 4-го стрелкового полка. Последний стоял на позиции. Депутаты прошли в окопы полка, благодарили стрелков от имени Государственной думы, пожимая им руки. Окопы 4-го полка значительно хуже виденных депутатами окопов Могилевского полка. Это отчасти объясняется тем, что их пришлось заново рыть весной, так как все ходы сообщений и большинство окопов были залиты водой и обвалились, грунт неблагоприятный, сыпучий, окопы недостаточно глубоки. В ходе сообщений депутаты были обстреляны ружейным и пулеметным огнем. Депутатами было обращено внимание на то, что вследствие недостатка дров солдатами сожжены частью колья проволочных заграждений. Из 170 лисьих нор только 30 остались неприкосновенными. По возвращении в

штаб полка депутаты прошли к собранным полковому и ротным комитетам. Солдаты в речах постановили об удалении «всех баронов, фонов и прочих шпионов», а также офицеров, коим было выражено недоверие запасным батальоном в Царском Селе. Солдаты жаловались на невозможность организовать правильную работу комитетов полкового и ротных ввиду неустановившейся формы выборов в комитеты и частой отмены одной официальной инструкции другой. Пришлось комитеты переизбирать несколько раз. Также не выяснена компетенция комитетов.

Солдатам желательна хозяйственная комиссия, которая полученной инструкцией не допускается.

Далее говорили 2 некадровых офицера (один прикомандированный, другой — произведенный подпрапорщик) против кадровых офицеров, якобы не желающих идти навстречу солдатам и прикомандированным офицерам. Общая тенденция комитетов против коренных кадровых офицеров.

Из разговоров с кадровыми офицерами выяснилось, что недопущение командиром полка полковником Драгомировым хозяйственной комиссии и полкового комитета имеет основанием поддержание авторитета последней инструкции и вообще авторитета высшего командного состава начальства, значительно павшего в настоящее время.

Возвращаясь к недоверию солдат к офицерам, не признанным запасным батальоном, нужно отметить, что причиной этого служит заметное желание солдат сохранить добрые отношения с запасным батальоном, в который в целях отдыха все стрелки стремятся попасть.

18 апреля

Состоявшееся 18 апреля заседание комитета 2 гв. корпуса нужно отметить как одно из наиболее характерных в смысле настроения крестьян-солдат Д. армии. Видимо, здесь в противоположность другим комитетам крестьяне представлены в большинстве. Разгорается спор о сроке созыва Учредительного собрания. Один из рабочих-солдат (большевистского направления), говоря, что рабочий крестьянина не обманет в смысле решения земельного вопроса, призывает депутатов настаивать на *скорейшем* созыве Учредительного собрания. Большинство решительно отклоняют его предложение и просят депутатов ходатайствовать от имени

крестьян Д. армии отложить созыв до окончания войны ввиду невозможности теперь посредством правильной агитации провести в Учредительное собрание нужные элементы, которые представили бы действительный голос крестьянства. Победа преобладающего голоса крестьян очень характерна, как характерно, в общем, и *крайне благожелательное* настроение всего собрания. Нужно еще отметить следующие просьбы, обращенные к депутатам:

1) Передать, что Гвардия не цепляется за свои *материальные* привилегии и с нетерпением ждет их отмены, находя поднявшуюся на нее в этом смысле травлю несправедливой и бессмысленной.

2) Указать на невозможное положение всех войсковых комитетов ввиду того, что приходилось переизбирать состав до четырех раз, согласно инструкциям. Поэтому продуктивная работа в комитетах до сих пор не может наладиться. Не выяснена окончательно и компетенция комитетов. Всего пришлось переизбрать комитеты до четырех раз, и предвидятся еще переизбрания. Вот перечень выборов: первые выборы были по собственному почину (обыкновенно с разрешения командиров полков); вторые — согласно указу Особой армии; третьи — по указу 11-й армии после перехода 2-го корпуса в ее состав; четвертые — по указу генерала Алексеева (общий голос против последнего). Находят его нежизненным. Упрекают в нарушении принципа прямых выборов). Кроме всего этого, предвидится указ о выборах комиссии генерала Поливанова.

3) Указать на необеспеченность семей многих солдат как на причину дезертирства.

4) Довести до сведения, что солдат волнуют «негласные» исчезновения офицеров (подразумевается отбытие офицеров, не выбранных солдатами).

5) Солдат беспокоят вопросы продовольствия в дальнейшем.

Заседание комитета оканчивается бурными овациями депутатам.

Посещение Кексгольмского и гв. зап. стрелкового полка. Характерно отметить, что на собрании нескольких рот этого полка выступил с краткой речью крайнего направления солдат чужого полка, типа агитатора.

В 11 часов вечера депутаты прибыли в штаб 1-го гв. корпуса.

19 апреля

Прибытие в штаб 2-й гв. дивизии, посещение гв. Гренадерского полка. Крики «ура». Овации. В 4 часа соединенное заседание комитетов 1-й и 2-й гв. дивизий. Ряд прекрасных речей, особенно председателя, офицера Клеймана, превосходного оратора. Среди речей солдат фразы: «Штык против немцев, приклад против внутреннего врага». Далее следуют две крайние речи солдат. Первая заключает в себе угрозу Временному правительству, если оно не пойдет об руку с С.С. и Р.Д., удалить его «вон». Вторая настаивает на заключении Николая II в Петропавловскую крепость («Пусть испытает сам то, что заставлял испытывать других»). Возражение депутата Масленникова встречает полное сочувствие собрания. Овации и «ура». Вечером посещение 2-й гв. артиллерийской бригады.

После посещения Преображенского полка депутатов ожидали в с. Несвиже президиум комитета учреждений штаба и гвардейских саперов с собравшимися солдатами. Политическое направление президиума, судя по речам, показало себя крайне левым, большевистского толка. На собрании впервые за всю поездку был очень остро затронут вопрос о мире. Член президиума, редактор латышской газеты, указывал на мирную конференцию как на скорейший способ ликвидировать войну. Другие ораторы требовали обнародования наших условий с союзниками для гарантии, что мы не боремся за империалистические и капиталистические стремления наших союзников.

К последним чувствовалось явное недоверие. В речах ни одного слова, враждебного Германии. Тем не менее в конце собрания крик «ура».

В связи с обнаружившимся крайним направлением солдат в штабе I корпуса нельзя не сопоставить ряд заявлений в I корпусе, обнаружившихся из рассказов лиц близких или очевидцев этих явлений. По их словам, солдаты пехоты часто перерезывают телефонные провода артиллерийских наблюдательных пунктов. Грозят артиллерии в случае стрельбы в противника поднять артиллеристов на штыки. Не позволяют под угрозой штыков открывать пулеметный огонь. Братания продолжаются, хотя и в значительно меньшей степени, чем на Пасху, когда братания приняли прямо уродливые формы. Германцы часто выходят из окопов. Следует упомянуть характерный случай. Германские офицеры предлагают

нашим офицерам сняться (этим германцы, видимо, пользуются, чтобы сфотографировать наши боевые линии). Наши соглашаются. На ответную просьбу сняться германские офицеры становятся в позы, повернувшись задом. Рассказывают, что в наших окопах, удаленных от немецких шагов на 30, пулеметы в чехлах. Видимо, германцами сделано все, чтобы усыпить нашу бдительность и придать себе характер мирного настроения. Наряду с этим следует отметить обстрел на 12 верст в глубину фронта гв. стр. дивизии вновь подвезенной германской тяжелой артиллерией. Нужно отметить замечание одного генерала, георгиевского кавалера, что солдаты без солидной подготовки тяжелой артиллерией в атаку не пойдут.

Возвращаясь к характеристике комитета штаба I корпуса, следует отметить благотворную деятельность членов просветительной комиссии прапорщиков Архангельского и Рудакова, читающих солдатам лекции по государственному и рабочим вопросам.

Оба по убеждениям кадеты, с высшим образованием.

По возвращении в Луцк депутаты узнали от полковника Малыхина о собравшемся съезде Ос. армии, на котором хотят отстаивать успевшую сплотиться организацию комитетов Особой армии, могущую распасться вследствие перечисления некоторых частей в 11-ю армию. Кроме того, на съезде предполагается провести формулу о необходимости созыва съезда всей Действующей армии. Краткие положения о целях съезда следующие: 1) Создание мощной организации, являющейся действительным голосом армии и опирающейся на ее реальную силу. 2) Координация действий отдельных групп, ставящих своею целью разумное с точки зрения блага широких масс русского народа окончание войны. 3) Создание обстановки для работы Учредительного собрания в смысле ограждения его от посягательств со стороны отдельных групп. 4) Подготовка армии для участия в Учредительном собрании. 5) Место съезда — Москва или другой город, за исключением Петрограда. Депутаты на съезде избираются прямыми выборами по одному от собранных полковых комитетов каждой дивизии, от округов и пропорционально от штабов. Предполагаемые работы съезда: 1) Выработка устава Всероссийского Совета военных депутатов. 2) Выделение комиссии для временного обслуживания нужд и

интересов армии. 3) Установление тесной связи с Советами рабочих и крестьянских депутатов, а также и другими политическими и профессиональными организациями на правах совещательного голоса.

Резюмируя общее впечатление от посещения указанных частей, можно сделать следующий вывод:

1) Сравнивая дух армии в настоящее время и в первые дни революции при посещении Северного фронта, к сожалению, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германия у нас в тылу через своих вольных и невольных провокаторов и шпионов, а также пропаганда на фронте под видом перемирий и братаний сделала свое губительное дело. Солдаты более не рвутся в бой, чтобы доказать, как русский гражданин защищает свою свободную Россию, а идут разговоры лишь об обороне, да и то с боязнью защитить мифические английские и французские капиталы. Тылы этой пропагандой уже заражены в значительной степени. Чужды этой пропаганде наши доблестные артиллерия и казачество. О духе кавалерии мы не знаем. Боевая пехота в некоторых частях начинает поддаваться этой пропаганде, и если не совсем подпала, то только благодаря героическим элементам среди солдат и беззаветной службе на благо Родине нашего доблестного офицерства, ставящего свой долг выше незаслуженных обид, клеветы и оскорблений. Успех нежелательной пропаганды в пехотных частях лежит в том, что он бьет по самому больному месту. Все устали воевать — большевистская пропаганда проповедует скорейшее прекращение активных военных действий (оборонительная война и мирный конгресс). Главные пункты этой пропаганды: подорвать веру в правительство, союзников, Государственную думу и внести рознь и разлады во внутреннюю жизнь войска. Устав воевать, но слыша из России голоса о необходимости защищать свободу, стараются найти компромисс и угодить чувству самосохранения и необходимости воевать. Вот почему так крепко укоренилось неправильное понимание мира без аннексий как отказ от всякой наступательной войны. Отсюда недоверие к власти и союзникам, и этим же объясняется недоброжелательное отношение к офицерскому составу. Наряду с этим огромная масса солдат рада верить в то, что немцы пойдут на все требования, выставляемые русской демократией.

Немцы, отлично учтя это настроение, всячески стараются его поддерживать и развивать, прекратив обстрел наших позиций и проповедуя свое миролюбие организованным и планомерно проводимым братанием.

Зараза, идущая из тыла, одинаковая с пропагандой немцев, убеждает менее сознательную часть солдат в возможности их мыслей и чаяний. Твердое желание союзников воевать и призыв Временного правительства к исполнению долга перед ними отдаляют мир, вот почему скрещивающаяся пропаганда о недоверии Англии нравится.

Офицерство, в большинстве ратующее за войну до победы, сочувствия не встречает, и агитация против него падает на подготовленную почву.

Характерно отметить, что в большинстве случаев наиболее подозреваемые офицеры в боевом отношении лучшие. Это явление объясняется невольною боязнью, что хорошие офицеры сумеют заставить наступать.

Приложение № 3

ИЗ СВОДКИ СВЕДЕНИЙ О БРАТАНИИ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ С 1 (14) МАРТА ПО 1 (14) МАЯ 1917 ГОДА

5-я АРМИЯ
22 апреля

В районе д. Антоны (на Свенцянском направлении, участок 137-й дивизии) партия немцев, пытавшаяся вступить с нашими солдатами в разговоры, была разогнана огнем.

10-я АРМИЯ
25 марта

На участке Колодино—Стаховцы (к югу от оз. Нарочь, район 67-й дивизии, ныне входящей в 3-ю армию) партия немцев дважды выходила из своих окопов с белыми флагами и манила наших солдат к себе руками и шапками; оба раза немцы загонялись в свои окопы нашим ружейным и пулеметным огнем.

2 апреля

На участке у д. Ушивцы (12 верст к северо-востоку от Сморгони, участок 29-й дивизии XX корпуса) немцы обменялись с нашими солдатами хлебом и колбасой, а на участке 16-го Мингрельского полка (1-я Кав. грен. дивиз. 2-го Кавк. корп. у Сморгони) немцы успели вручить нашим двум солдатам прокламации. Все сходившиеся сейчас же разгонялись нашим артиллерийским огнем.

27 апреля

Около 15 часов на участке 81-й дивизии, на р. Березине, близ дер. Фурсы, из окопов противника вышли два немца и махали белыми флагами. Огнем нашей артиллерии таковые были загнаны обратно в свои окопы.

29 апреля

На участке Шалудьки—Кунава (2-я Кавк. грен. див. 2-го Кавк. корп.) наши и немецкие солдаты пытались выйти друг другу навстречу, но огнем нашей легкой батареи и те и другие были разогнаны.

29 апреля

В районе Сутково (участок 2-й Кавказской гренадерской дивизии, к югу от Сморгони) наши солдаты и немцы пытались, выйдя из окопов, сблизиться, но были разогнаны несколькими выстрелами нашей легкой батареи.

30 апреля

В районе Шалудьки—Кунава (участок 2-й Кавк. грен. дивиз.) нашей батареей несколько раз разгонялись немецкие и наши солдаты, пытавшиеся выходить из окопов.

12-я АРМИЯ

14 марта

Против острова, что восточное Вевер, высунулся немец с белым флагом и начал что-то кричать, но после обстрела нашим огнем скрылся.

27 марта

Западнее Икскюльского предмостного укрепления противник подбросил прокламации с выдержками из речи канцлера, произнесенной 16 марта, и пробовал заговорить с нами, но по нему был открыт огонь.

28 марта

На участке 2-го Сибирского корпуса, близ реки Кеккау, немцы вышли с белыми флагами, а на участке 21-го корпуса в Икскюльском предмостном укреплении подбросили прокламации, в которых приглашали солдтаских депутатов войти с ними в непосредственное сношение и пытались заговорить с нашими солдатами, но в обоих случаях были разогнаны нашим огнем.

29 марта

На Приморском участке немцы пытались отдельными людьми вступить в переговоры, но нашими солдатами были приняты меры к прекращению этой попытки огнем. На фронте 21-го корпуса, у Икскюльского предмостного укрепления, немцы пытались вызвать наших солдат на разговоры, но после обстрела их окопов прекратили свои попытки.

30 марта

Немцы пытались вступить в разговоры с нашими войсками на всем фронте 12-й армии, для чего выходили группами из окопов с белыми флагами, но нашим огнем загонялись обратно в свои окопы.

31 марта

На фронте 43-го корпуса на Приморском участке появилась партия немцев с белым флагом. На фронте 2-го Сибирского корпуса попытки противника войти в сношение с нашими войсками прекращались нашим огнем.

1 апреля

На фронте 43-го корпуса, близ берега моря, к нашим окопам подошли два немца с целью вступить в переговоры; оба немца

были захвачены. Во 2-м Сибирском корпусе немцы выходили с белыми флагами, желая вступить в переговоры, но нашим огнем были загнаны обратно в свои окопы.

25 апреля

На участке 21-го корпуса 3 наших солдата 129-го полка сели на лодку с тем, чтобы поехать в гости к немцам, но после уговоров и угроз своих товарищей вернулись обратно.

Приложение № 4

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОНЕСЕНИЙ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ ЛИЦ О НАСТРОЕНИИ ВОЙСК В АРМИЯХ ЗАПАДНОГО ФРОНТА[1]

Вр. командующего 2-й армией генерала Данилова

Стремление войск к победе осталось, в некоторых частях даже усилилось. Дисциплина пала. Между офицерами и солдатами установилось недоверие. Вредно влияют приказы и воззвания Совета солдатских и рабочих депутатов. Офицерско-солдатские комитеты только налаживаются. Нравственная упругость войск сдала. Наступательные действия желательно отложить до тех пор, когда острое положение уляжется (1—3 месяца); наступление должно быть тщательно подготовлено техническими средствами, т.к. крайне важно обеспечение первой удачи. Дух новых частей слабее, применять их для наступления преждевременно. Из пополнения доходит 50 %; если они будут так же таять и впредь и будут так же недисциплинированны, на успех наступления рассчитывать нельзя (19 марта—2 апреля, № 8053).

Командующего армией генерала Леша

Настроение войск хорошее, отношения офицеров и солдат начинают налаживаться. Сознание вести войну до победы есть. Идеи противодисциплинарных течений расшатывают войска. Вредно отзывается печатание в газетах предполагаемых изменений уставов. Престиж офицера сильно пал. Активные действия пока невозможны. При помощи организующихся комитетов удастся,

[1] Заимствовано из: Разложение армии в 1917 году. С. 25—26.

вероятно, привести жизнь армии в нормальную колею и утвердить сознательную дисциплину (25 марта — 8 апреля, № 1345).

Из донесения начальника 5-й пехотной дивизии генерала Славочинского

Настроение в дивизии хорошее; через одну, две недели дивизию можно будет считать еще более прочной и надежной. Необходимо оградить армию от приказов Совета рабочих депутатов (17/30 марта, № 51).

Начальника 42-й пехотной дивизии генерала Ельшина

Все солдаты одушевлены желанием поддержать дисциплину и порядок и вести войну до победного конца. Несмотря на мрачные донесения командиров 167-го и 168-го полков, начдив[1] надеется, что все же настроение будет терпимым. Офицеры чувствуют себя не в своей роли. Боеспособность войск не уменьшилась, но солдаты отлично сознают неравенство средств наших и противника, это действует угнетающе. Желание идти в бой есть — но есть и раздумье, что жертвы не принесут ожидаемой пользы. Пополнение плохо обучено и поступает в незначительных размерах (18 марта — 1 апреля, № 9326).

Начальника 1-й Кавказской гренадерской дивизии генерала князя Макаева

Наравне с высоким подъемом духа замечаются упадок дисциплины и взаимное недоверие между офицерами и солдатами. Наступательные операции до восстановления полного спокойствия в полках невозможны (26 марта — 9 апреля, № 77).

Начальника 2-й Кавказской гренадерской дивизии генерала Никольского

Боеспособность полков сильно понизилась; порядок не нарушался. Дисциплина упала. Солдаты определенно высказывают взгляд — что мы можем только обороняться, а не наступать; рассчитывать на упорство обороны можно (23 марта — 6 апреля, № 52).

Начальника 51-й пехотной дивизии генерала Бенескуля

Дух в частях дивизии отличный: порядок не нарушался. С наступательными операциями следовало бы выждать, пока не бу-

[1] Начальник дивизии. (*Прим. Н. Г.*)

дут даны твердые основы хотя бы на главнейшие стороны боевой жизни. Необходимо избавить армию от влияния солдатских и рабочих депутатов. К оборонительным действиям дивизия вполне способна (27 марта — 10 апреля, № 293).

Начальника 2-й Туркестанской казачьей дивизии генерала Челокова

Дух бодрый. Боеспособность на высоком уровне (17/30 марта, № 106 а).

Начальника 112-й пехотной дивизии генерала Хвостова

На нравственности и духе войск последние события отразились отрицательно; худшие элементы получили возможность будировать; начальство лишено реальных средств борьбы с этими людьми. Замечаются ослабление дисциплины, недоверие между офицерами и солдатами и упадок наступательного духа в частях. Вообще настроение загадочное, и трудно сказать, во что оно выльется. Для наступления нужна самая сильная поддержка артиллерии (27 марта — 10 апреля, № 60).

Приложение № 5

СОВЕЩАНИЕ В СТАВКЕ 18 МАРТА (1 АПРЕЛЯ) 1917 ГОДА

Секретно

I. Доклады представителей центральных учреждений выяснили:

1) **По интендантской части**. — Запасов в стране для полного продовольствия армии недостаточно.

Мы не только не можем образовать на фронтах запасов, но не будем получать ежесуточную потребность.

Надо: или уменьшить в районе армии число ртов и число лошадей или уменьшить дачу.

Последнее опасно, а потому надо уменьшить число едоков.

2) **По артиллерийской части**. — Вследствие недостатка угля, металла, расстройства транспорта и переживаемых событий производство снарядов (крупных калибров), патронов, ружей и орудий значительно понизится.

Формирование артиллерийских частей сильно задержится.

3) **Укомплектование людьми.** — В ближайшие месяцы подавать на фронт в потребном числе нельзя, ибо во всех запасных частях происходят брожения.

4) **Укомплектование лошадьми** будет задержано, так как по условиям внутреннего транспорта и необходимости не ослаблять полевые работы все реквизиции лошадей задержаны.

II. Железнодорожный транспорт

Находится в значительном расстройстве, и даже при условии отыскания запасов мы не можем подавать одновременно на фронт запасы для ежедневного довольствия и для образования запасов, без наличия коих (хотя бы на двухнедельную потребность) нельзя начинать каких-либо операций.

Затем состояние железных дорог не допускает одновременных больших оперативных перевозок и подачи на фронт нужных запасов.

III. Балтийский флот — потерял боеспособность, и нет никакой надежды на скорое приведение его в порядок.

Поступление мин (для минных заграждений) совершенно недостаточно, и минная оборона Балтийского моря будет весной 1917 года совершенно не налажена.

IV. Состояние армии

Армия переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через 2—3 месяца.

Пока же замечаются упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство.

Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдет вперед, очень трудно.

Таким образом:

1) Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции *недопустимо*.

2) Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления Северного фронта.

3) На всех фронтах до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов необходимо перейти к обороне.

4) Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронтах.

Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях.

5) Надо, чтобы правительство все это совершенно определенно и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде.

6) Необходимо немедленно прекратить отправку союзникам пшеницы, которая нужна нам самим.

Генерал-квартирмейстер
Штаба Верховного главнокомандующего
генерал-лейтенант
Лукомский

Приложение № 6

СВОДКА ДОНЕСЕНИЙ О НАСТРОЕНИИ АРМИИ С 15 (28) ОКТЯБРЯ ПО 30 ОКТЯБРЯ (13 НОЯБРЯ) 1917 ГОДА

За отчетный период подробные и систематические сведения поступили с Юго-Западного и Северного фронтов, от остальных фронтов доставлялись только эпизодические сведения; таким образом, настоящая сводка не может дать правильной картины о состоянии армии всех фронтов, а отображает лишь положение дела в отдельных частях.

Общее настроение армий продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным, каким оно было в первой половине месяца. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира угнетающе действуют

на настроение и приводят к разочарованию. В этом отношении особенно характерный отзыв дает командир 12-й армии, который говорит, что армия представляет собой «огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием». Такая же характеристика без особой натяжки может быть применима ко всему фронту вообще. На почве этого разочарования наблюдается усиленное развитие в частях войск национальных притязаний: украинцев, литовцев, латышей и поляков; особенного обострения указанные притязания достигли в 12-й армии. Переходя к перечислению отдельных фактов, рисующих состояние армии, необходимо указать прежде всего на значительное число случаев отказа от исполнения боевых распоряжений относительно смены тех или иных частей с позиций. Таких случаев было зарегистрировано: в 12-й армии — 2, 1-й — 3, Особой и в 11-й — по 1-му, в 7-й — 4, 9-й — 2. Кроме того, со стороны многих частей раздаются настойчивые требования отвода в тыл под угрозой оставления к определенному сроку позиций (1-я Кавказская стр. див. 1-й армии, 13-я Сиб. див., 431-й и 432-й пех. п. 108-й див. 7 армии); самовольно оставили позиции части 11-й Сиб. див. 10-й армии, причем увещания местных комитетов, членов Ревкома, командного состава не достигли цели; тоже 296-й Грязовецкий полк и одна рота 431-го полка 7-й армии, 691-й полк и 306-й полк 46-го корпуса Особой армии отказались выступить на позиции. Между прочим, в 141-м полку 12-й армии был выработан план ухода в тыл, согласно которому, в случае отказа ротных командиров постановлено их убить, а затем обратиться к батальонным и полковому командирам, потребовать особый поезд и ехать в Псков. Мотивом этого ухода было выставлено, с одной стороны, перемирие, делающее лишним стояние полка на фронте, а с другой — необходимость участия в выборах в Учредительное собрание. План пока не приведен в исполнение.

Случаи братания участились и распределяются между отдельными армиями следующим образом: в Особой — 7, 11-й — 3, 7-й — 7 и по всему Румынскому фронту. Командный состав и комитеты принимали все меры к недопущению или прекращению братания. В некоторых случаях на участке 74-го и 76-го п.п. 12-го корпуса, 296-го п. 41-го корпуса и 13-й сиб. див. 7-й армии

братание происходило по инициативе противника с провокационной целью; это было замечено членами Ревкома, которые обратились к противнику с воззванием о недопустимости братания ввиду общих переговоров о мире. На территории упомянутого 296-го п. была организована сходка наших солдат и противника, которая длилась 20 минут.

Во 2-й дивизии 1-го Туркестанского корпуса Особой армии наши и немецкие солдаты разгуливают вместе, причем последние доходят до наших резервных рот; то же наблюдается и на участке 431-го полка 108-й див. 7-й армии. Особенно усиленное братание наблюдается на территории 19-й див. 12-го корпуса 7-й армии, где за неделю — с 20 по 27 октября — было два случая увода в плен наших солдат во время братания; кроме того, пользуясь легкомысленным доверием наших солдат, австрийские офицеры 21 октября ходили по своему берегу реки Збруч с планшетками и фотографическими аппаратами и снимали наши окопы. Уговоры и увещания офицеров и комитетов вызывают озлобление. В районе 432-го полка завязана меновая торговля с неприятелем, окопы украшены белыми флагами, раздается музыка. В 442-м полку 57-й див. Особой армии офицерам, протестовавшим против братания, угрожали штыками. К прискорбным результатам привело братание на территории 6-й армии, где три наших солдата пошли к проволочным заграждениям противника, здесь их сфотографировали и дали табаку. Возвращаясь, они нашли головку дистанционной трубки, при разборке которой все три были ранены.

Отношение к командному составу по-прежнему недоверчивое. Наиболее печальные факты с этой точки зрения имели место в следующих случаях: в 237-м полку Особой армии на глазах командира полка и офицеров убит прапорщик Баранов; рядовой 43-го полка 7-й армии убил двумя выстрелами из винтовки подпоручика 123-го полка; при попытке арестовать его солдаты оказали сопротивление, и убийца скрылся. Во второй батарее 39-го корпуса Особой армии в землянку командира была брошена бомба, которой контужены три офицера; в 1-й Кавказской артиллерийской бригаде 1-й армии выстрелом через окно ранен командир батареи. Кроме того, подвергнуты аресту 50 офицеров 126-й дивизии Особой армии, двигавшейся на Луцк (впоследствии все офицеры освобождены после ликвидации самого выступления дивизии);

командир 541-го Велижского полка и 6 офицеров (12-й армии) по обвинению в контрреволюционности; командир 37-го Грайворонского полка и командир 9-й роты того же полка (1-й армии).

Предупреждая закон о выборности командного состава, некоторые части стали осуществлять у себя это право ранее его официальной санкции. Так, в 4-м самокатном батальоне (Особой армии) были отстранены командир 3-й роты и заведующий хозяйственной частью и на их место избраны солдаты; в 648-й дружине командиром избран комиссар; комитет летучего пункта 3-й гвардейской дивизии отстранил начальника и завладел всем имуществом; комитет санитарного поезда сместил старшего врача, заведующего хозяйством и сестер милосердия и избрал новых лиц (11-я армия); в 5-й Кавказской дивизии был смещен делопроизводитель хозчасти за отказ выдать несколько перьев, в чем было усмотрено желание со стороны делопроизводителя помешать выборам в Учредительное собрание (12-я армия); в 74-й див. 41-го корпуса было вынесено постановление об упразднении должностей дивизионного интенданта и начальника хозчасти с передачей их функций особым комиссиям (7-я армия); в 53-м Сиб. стрелк. полку отказались принять прибывшего после эвакуации командира; комитет частей штаба 11-й армии постановил реквизировать собственных офицерских лошадей, обыскивать уезжающих офицеров и отбирать у них оружие, перевести офицеров на общежитие.

Параллельно с приведенными фактами нельзя не отметить отрадного явления полной солидарности командного состава 32-й дивизии 8-й армии с комитетами и дружной работы офицеров наравне с солдатами во всех организациях; точно так же полное соглашение достигнуто между командным составом и Ревкомом 12-й армии, где командарм Новицкий и все комкоры беспрекословно подчинились власти Ревкома.

Что касается работ и занятий, то, как сказано в вводной части, таковые вообще не производятся, за весьма ничтожными исключениями; везде мотивом выставляется ненужность работ ввиду скорого мира, в некоторых же случаях сверх того в качестве мотивов приводится малая дача хлеба (737-й Абловинский полк 1-й армии).

Погромное движение заметно растет и принимает организованный характер на территории 11-й дивизии 7-й армии, где

разоряется и уничтожается имущество как помещиков, так и крестьян. Командный состав и комитеты бессильны в борьбе с этим злом. Между прочим, солдатами 13-й Сибирской дивизии той же армии был произведен еврейский погром в районе расположения штадива, дальнейшее развитие которого было приостановлено с помощью пулеметной команды. На участке 10-й армии в имении Дуброво солдаты, вооруженные ружьями и бомбами, разграбили все имущество: домашнюю птицу, скот, белье, посуду и деньги. Вместе с тем для предотвращения погромов национальный блок 12-й армии признал желательным образование при армии и Ставке комиссии из представителей национальных организаций, по одному от каждой, для охраны местного населения от грабежей национальными полками.

Обращаясь в заключение к тем фактам, которые характеризуют отношение армии к новому политическому строю, надлежит прежде всего заметить, что симпатии солдатских масс, определенно, склоняются на сторону этого строя, приобретающего с каждым днем все большее и большее число приверженцев, начиная с крупных войсковых частей — фронтов, армий и кончая более мелкими единицами: полками, ротами и т.п. Сделанный вывод иллюстрируется следующими конкретными данными.

В 3-м Сибирском корпусе 2-й армии вся власть перешла в руки Военно-революционного комитета, над командным составом установлен контроль, выделена особая оперативная комиссия, выборы командного состава прошли без особых трений; в 7-й армии тоже власть в руках Ревкома; во всех войсковых частях 3-й армии образованы ревкомы, к которым перешла вся полнота власти, армейский комитет пользуется громадным влиянием и авторитетом; во все учреждения назначены комиссары. Такой же комитет образован на всей территории 11-й армии. 32-я пех. див. 6-й армии вынесла постановление о бесповоротном признании власти Совета; съезд Юго-Западного фронта признал необходимым передать всю власть на фронте вновь избранному общеармейскому комитету и установить контроль над оперативной деятельностью в контакте с секретариатом украинской Рады.

Центральный комитет служащих почтово-телеграфных учреждений Северного фронта, протестуя против требования комиссара, чтобы все распоряжения п.-т. отдела были санкционированы им,

обращает внимание Ревкома на пагубные действия его агента и призывает к правильной работе и тесному сплочению вокруг своих организаций для защиты Учредительного собрания, верховного хозяина Земли Русской.

За начальника военно-политического отдела
упонаштаверха (подпись).

Приложение № 7

РАДИОТЕЛЕГРАММА СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ОТ 9 НОЯБРЯ 1917 ГОДА

Всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам. Всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота. — 7 ноября ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму Главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях. Эта радиотелеграмма была получена Ставкой 8 ноября в 5 час. 5 мин. утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совету Народных Комиссаров ход переговоров и подписать акт перемирия только после утверждения его Советом Народных Комиссаров. Одновременно такое предложение заключить перемирие было формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде. Не получив от Духонина ответа до вечера 8 ноября, Совет Народных Комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления. Переговоры велись от 2 до 4.30 часов утра 9 ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснения своего поведения и акта дачи точного ответа на предписания правительства. Но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской Республики и по поручению Совета Народных Комиссаров Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Вместе с тем Духонину

было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый Главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым Главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. Солдаты, дело мира в ваших руках, вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок. Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами; подписать окончательный договор о перемирии может только Совет Народных Комиссаров. Солдаты, дело мира в ваших руках; бдительность, выдержка, энергия, дело мира победит.

Именем Правительства Российской Республики

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
Народный Комиссар по военным делам
и Верховный главнокомандующий Н. Крыленко

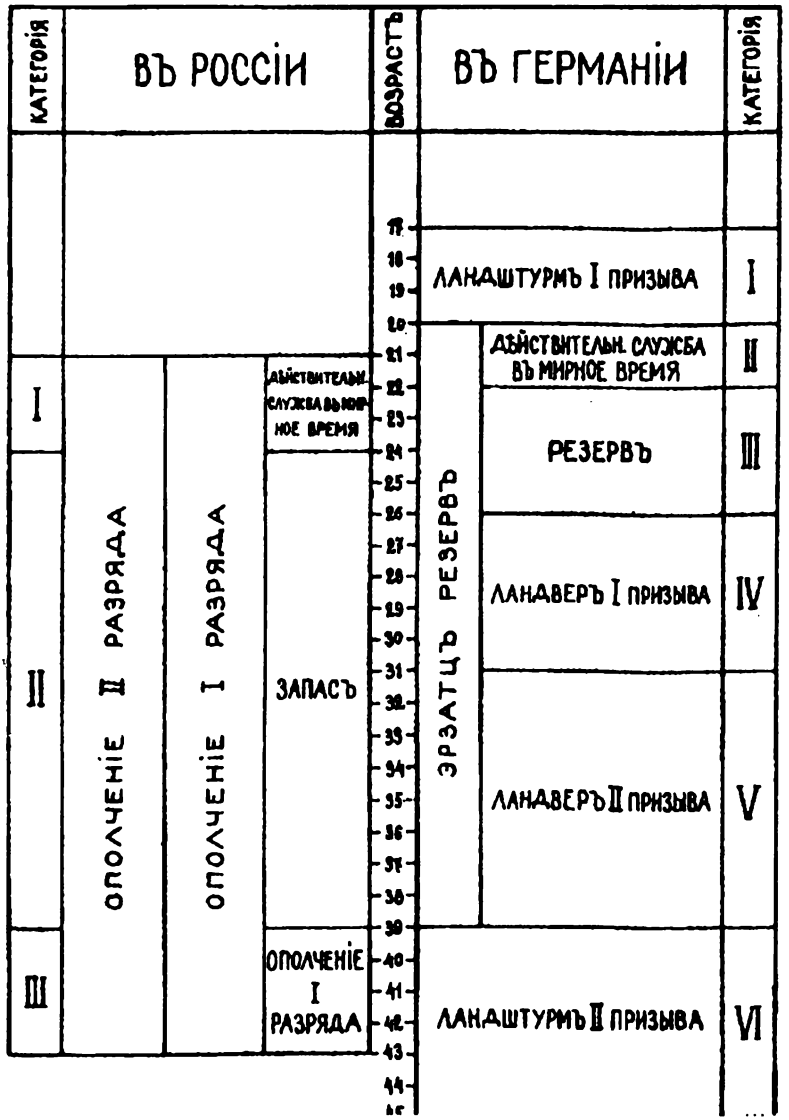


Схема № 1. Распределение обязанностей воинской службы согласно русскому и германскому законодательствам

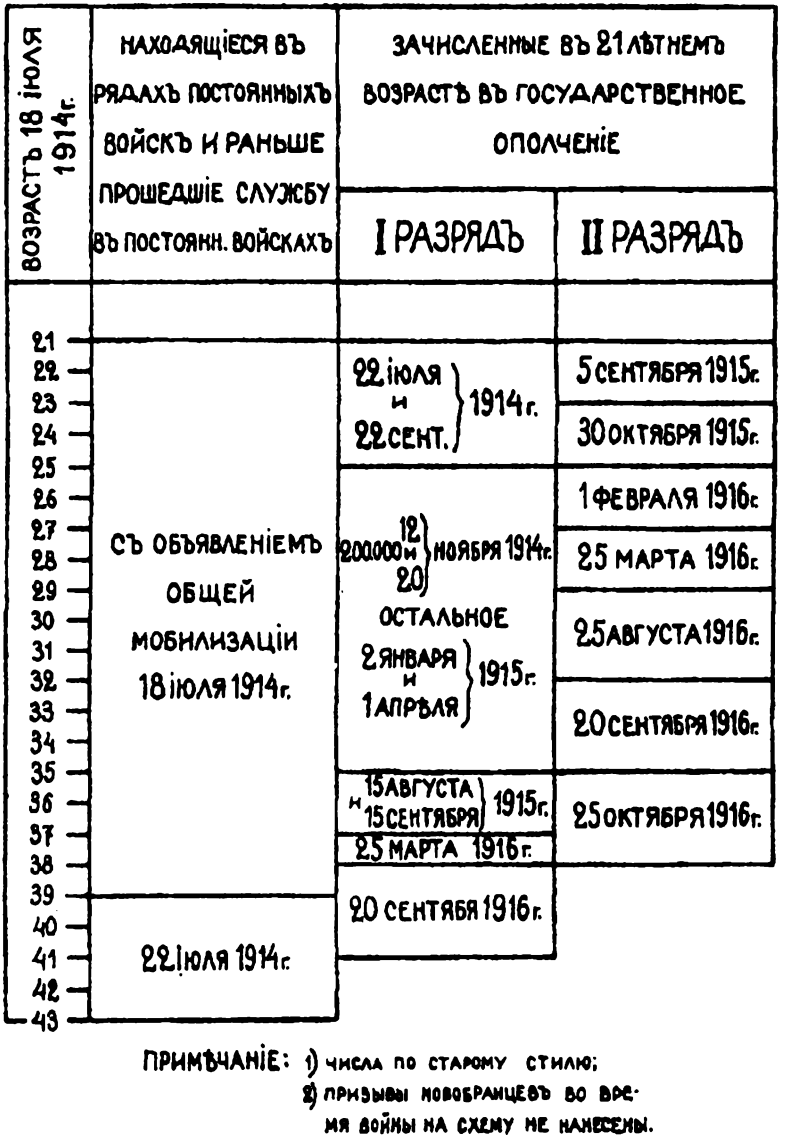


Схема № 2. Сроки призывов в России во время войны 1914—1916 гг.

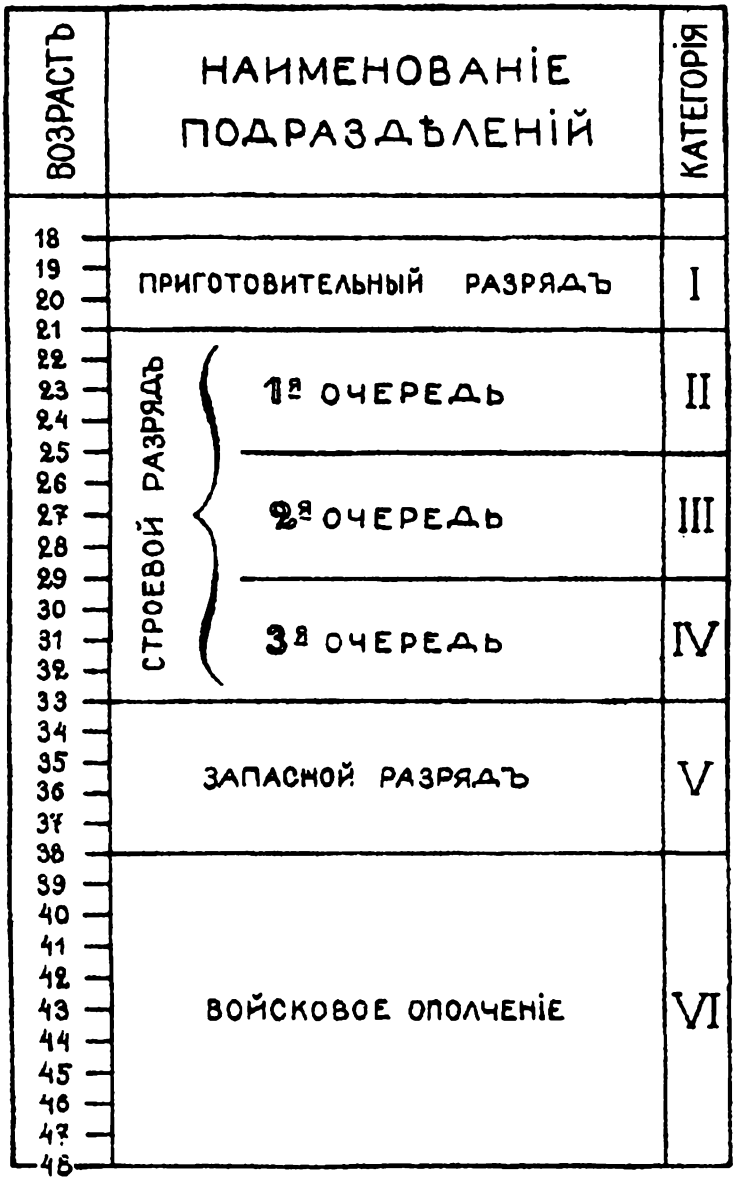


Схема № 3. Распределение обязанностей воинской службы согласно Уставу о воинской службе Войска Донского (1875 г.)

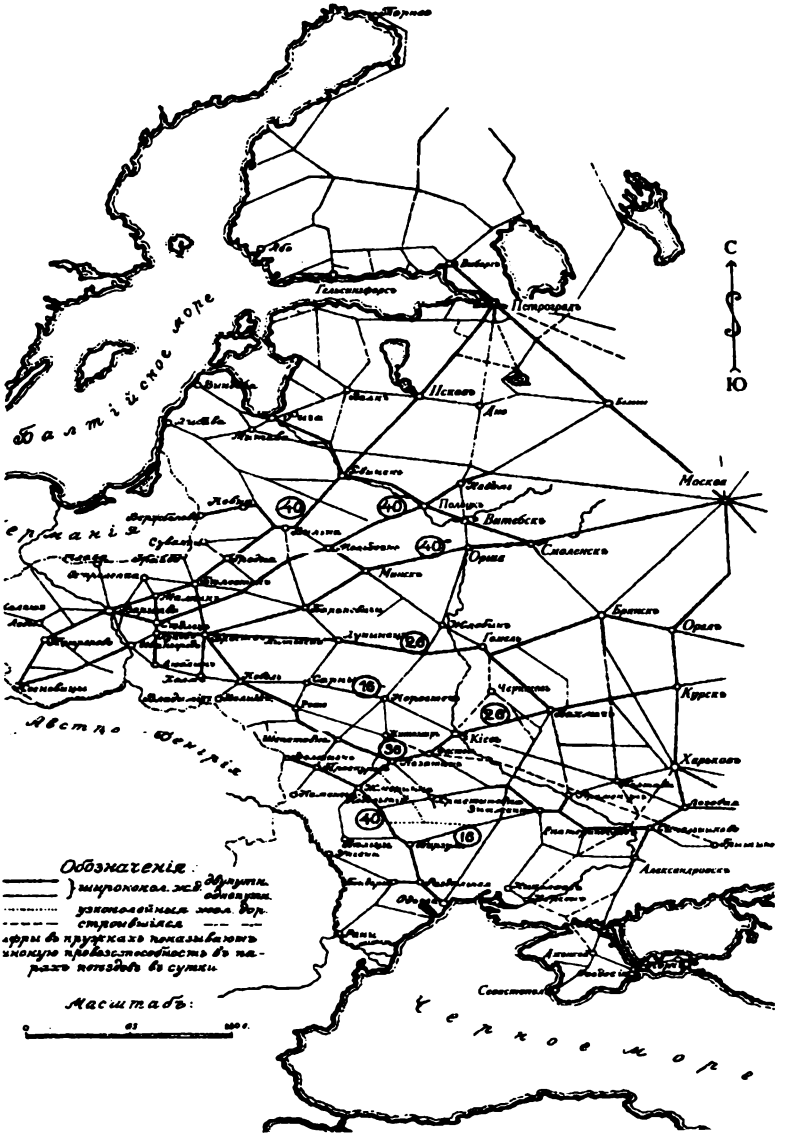


Схема № 4. Железные дороги театра военных действий

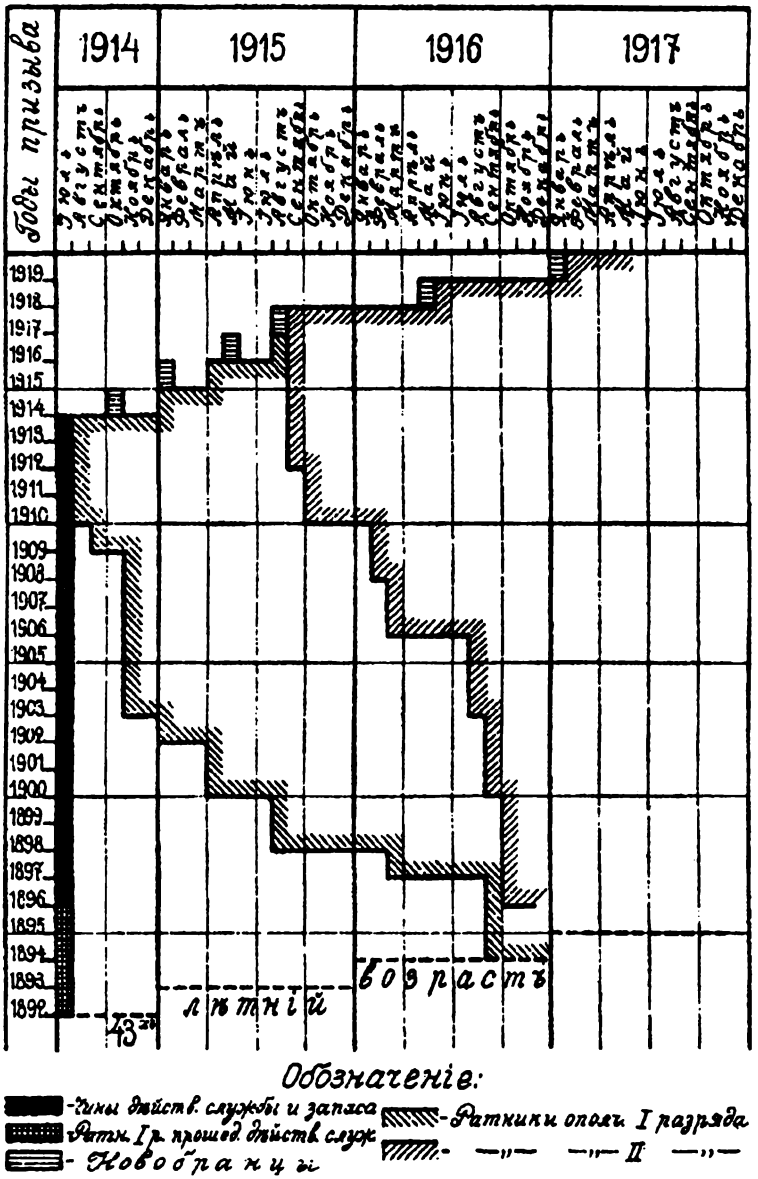


Схема № 5. Сроки призыва различных категорий нашей людской силы

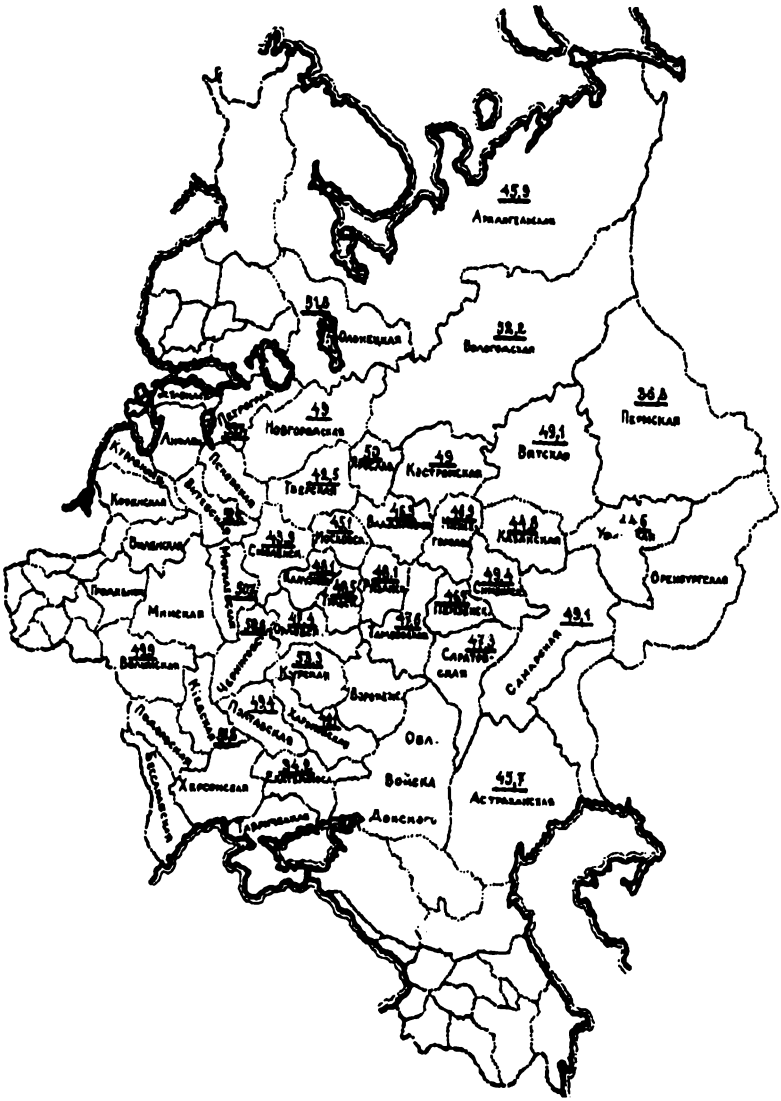


Схема № 6. Какой процент трудоспособных мужчин был призван в армию в различных губерниях Европейской России

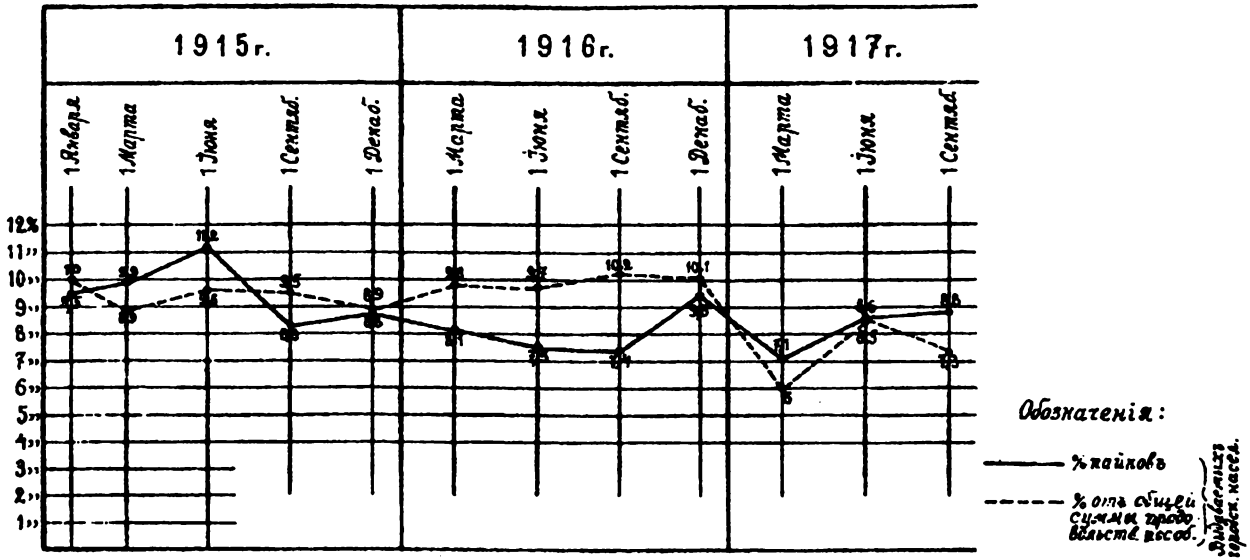


Схема № 7. Какой процент общего числа пайков и сумм продовольственного пособия по Закону 25 июня 1912 г. выдавался в городах семействам нижних чинов

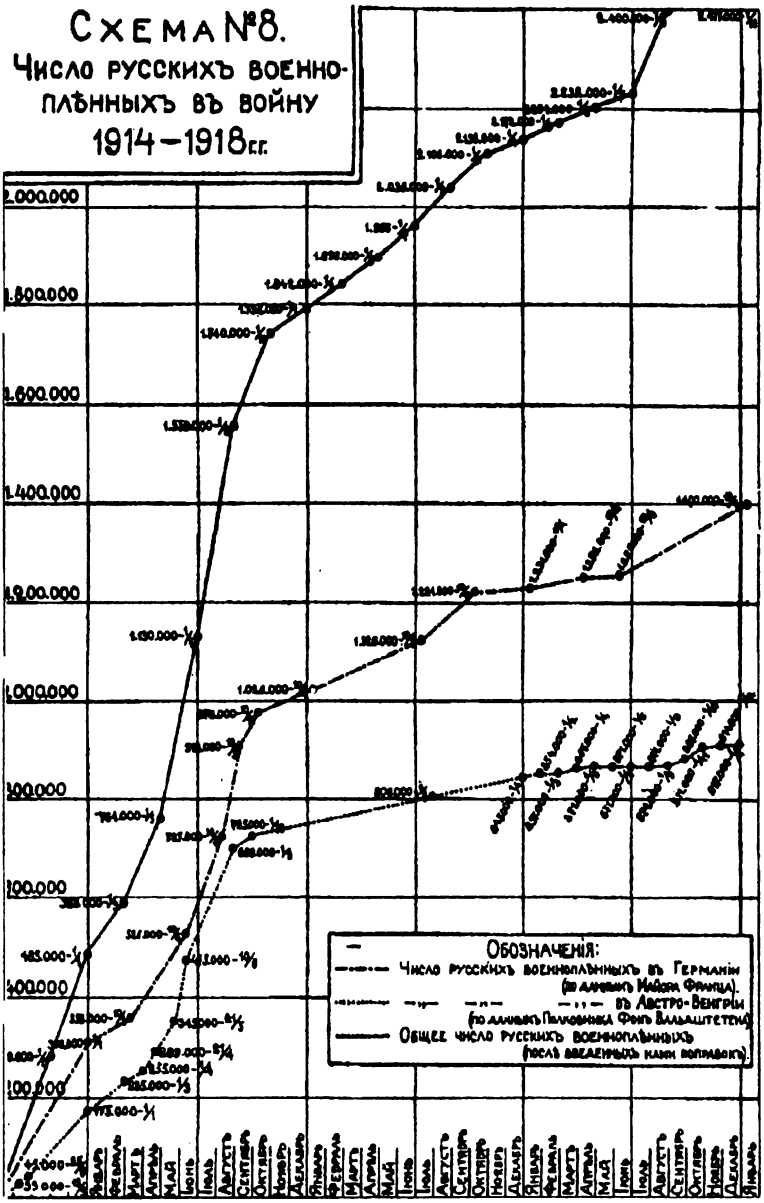


Схема № 8. Число русских военнопленных в войну 1914—1918 гг.

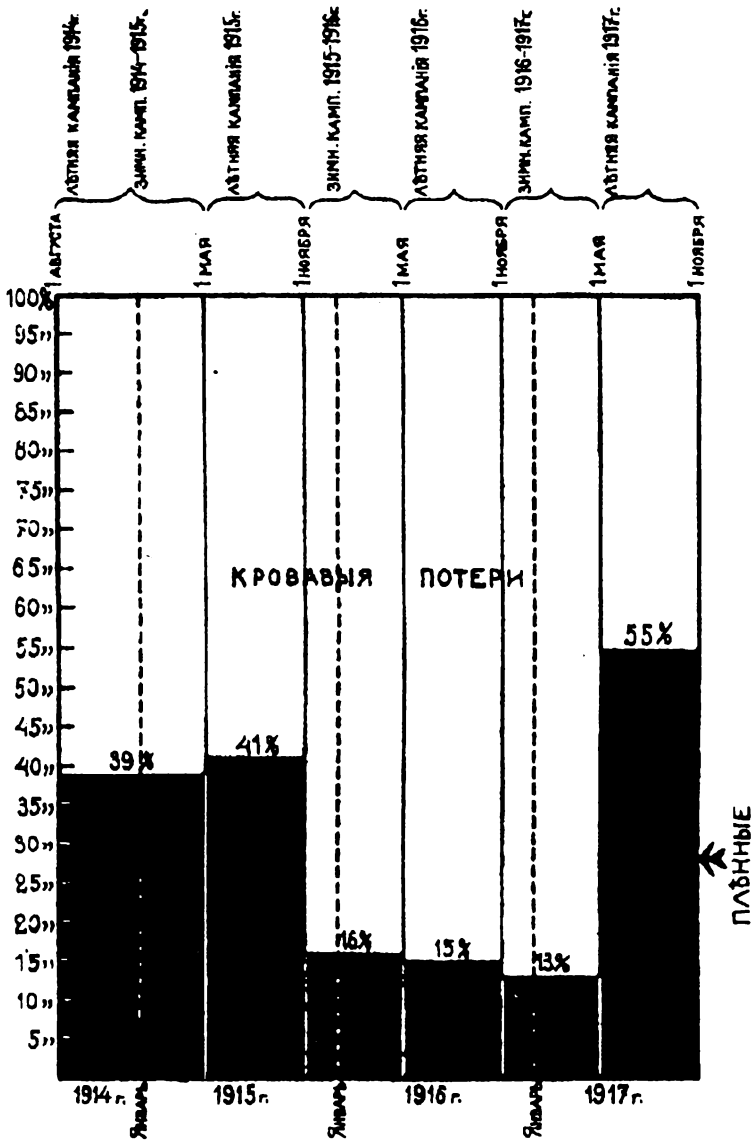


Схема № 9. Взаимоотношение между числом кровавых потерь и числом попавших в плен чинов Русской армии в различные кампании войны 1914—1917 гг.

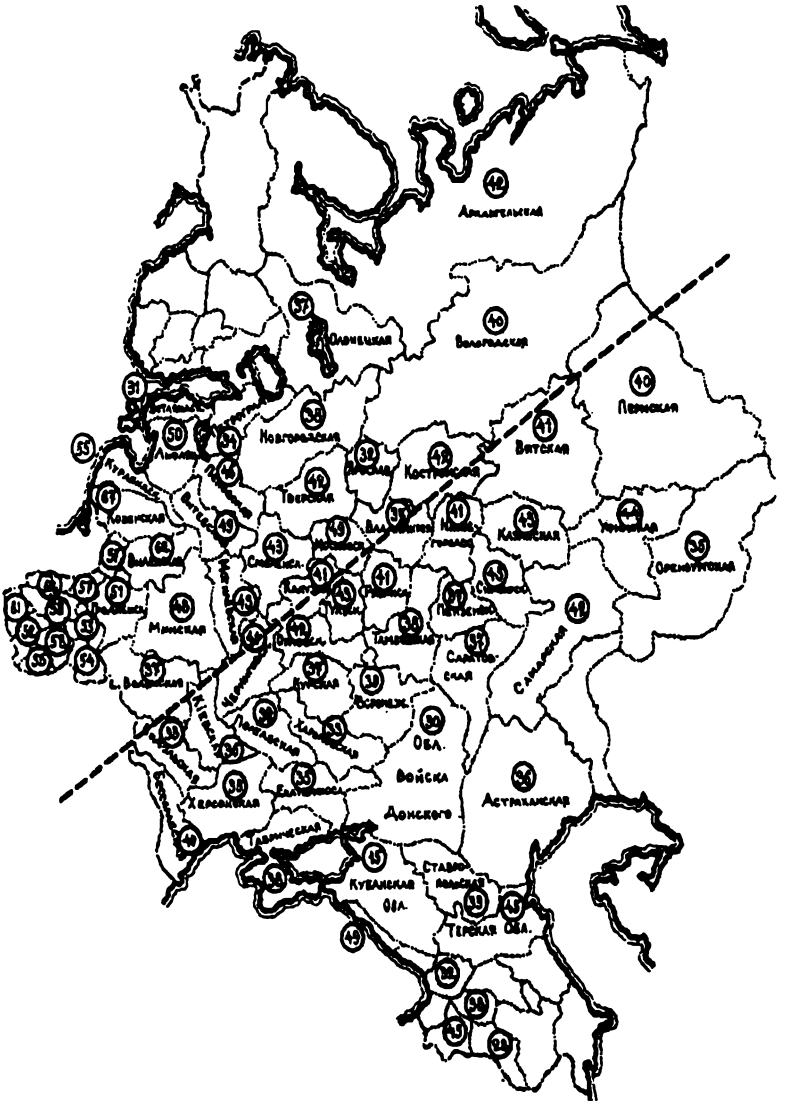


Схема № 10. Какой процент составляли пленные из боевых потерь, понесенных контингентами различных губерний Европейской России (с начала войны до весны 1915 г.)

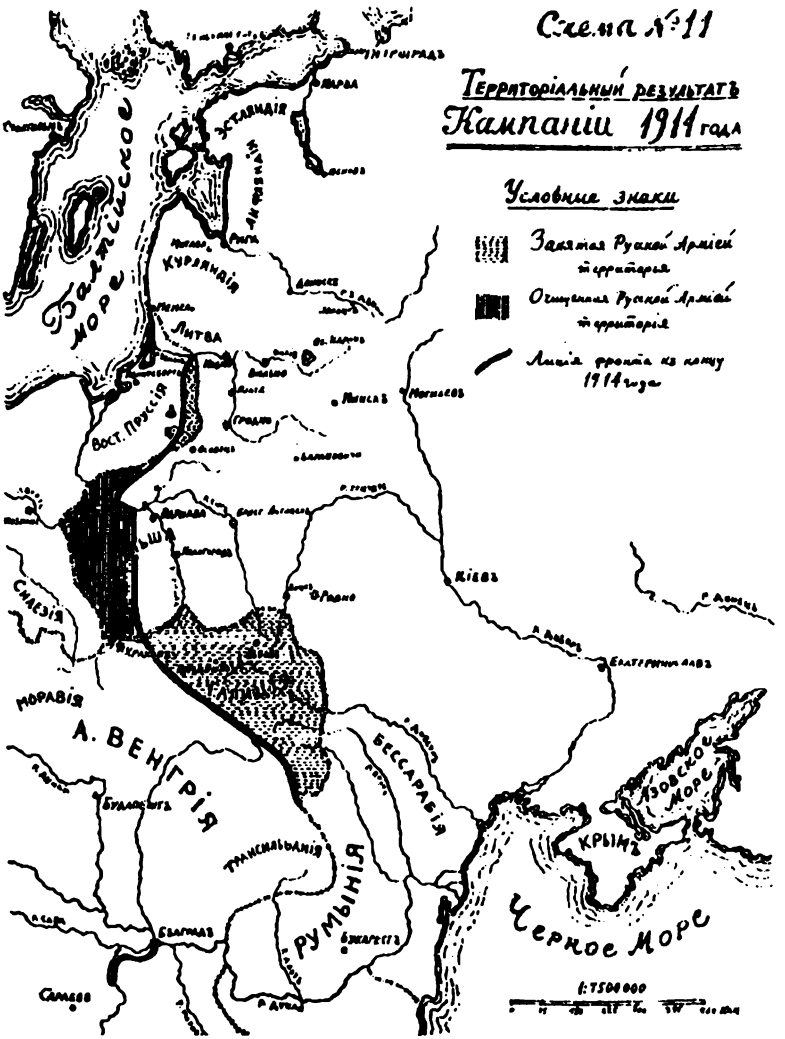


Схема № 11. Территориальный результат кампании 1914 года

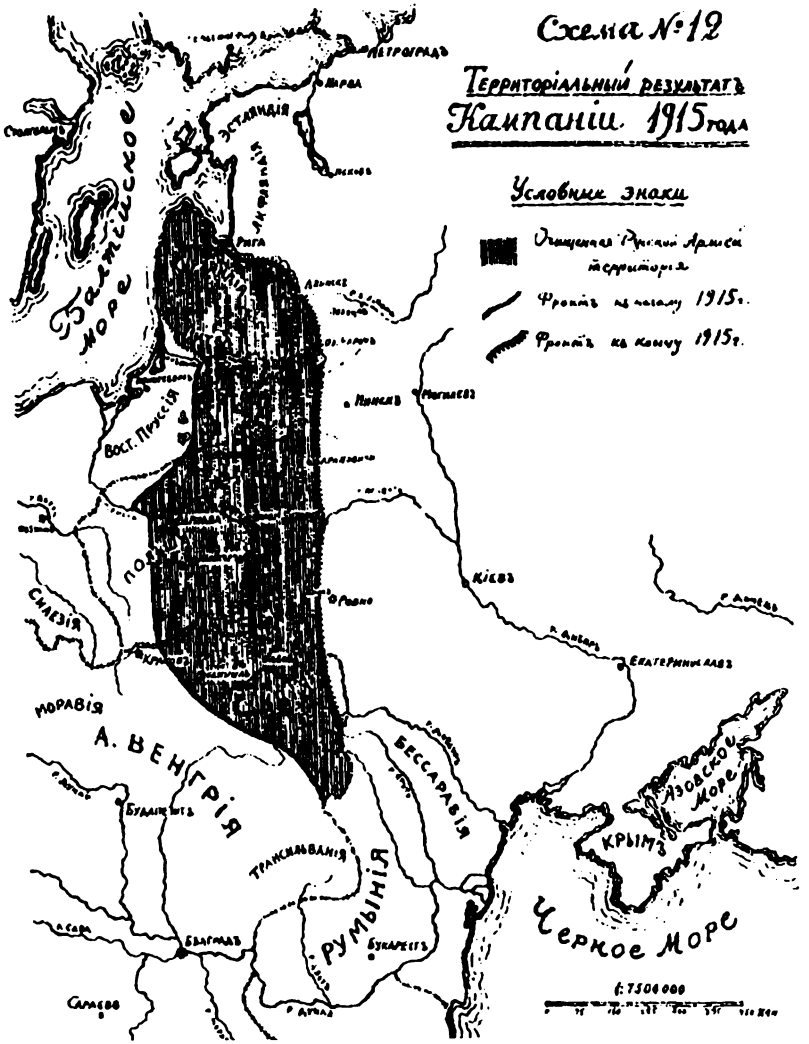


Схема № 12. Территориальный результат кампании 1915 года

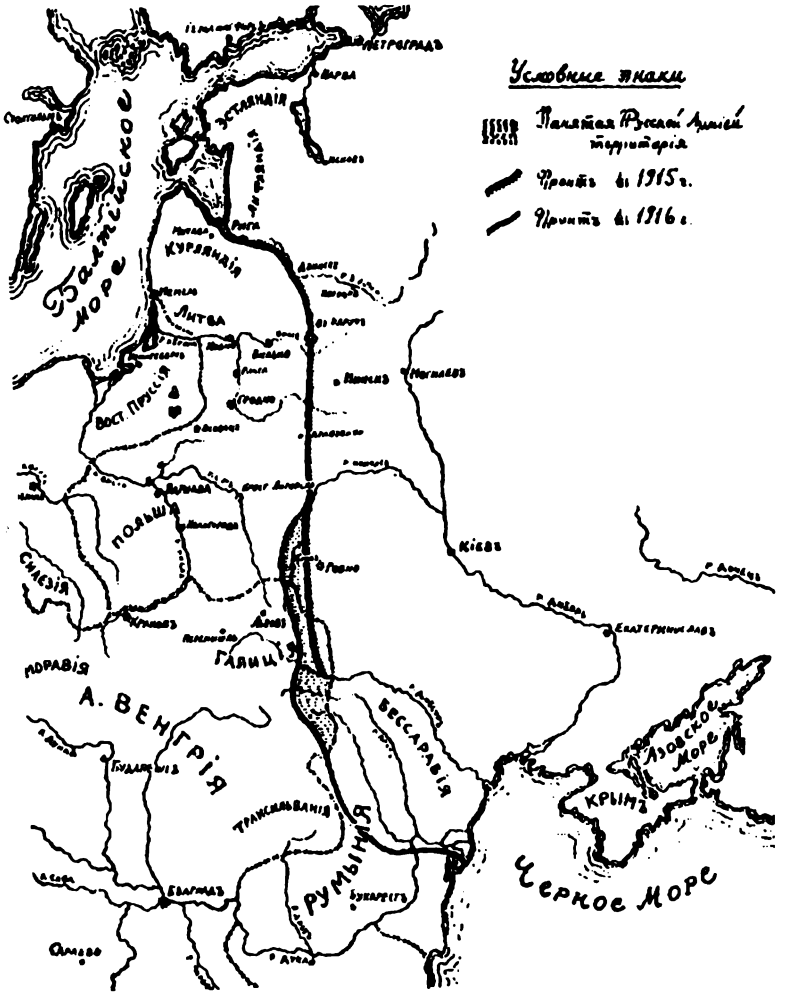


Схема № 13. Территориальный результат кампании 1916 года

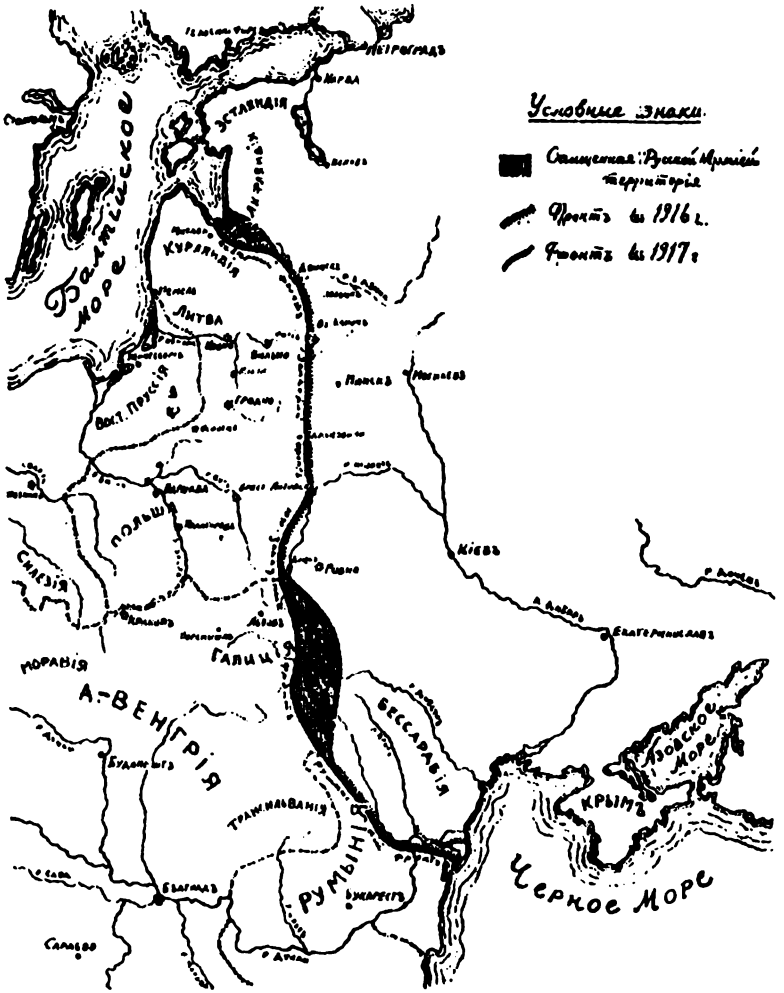


Схема № 14. Территориальный результат кампании 1917 года

СОДЕРЖАНИЕ

Генерал Головин и его книга 3

ПРЕДИСЛОВИЕ 10

Глава первая
РУССКИЕ ЗАКОНЫ О ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ 13

Устав 1874 года и его предшественники 13
Территориальное распределение тягот воинской службы 16
Сроки службы 17
Сравнение с германским законом 19
Распределение тягот воинской службы по возрастам 22
Казачьи уставы о воинской службе 26
Военный министр генерал В. А. Сухомлинов 31

Глава вторая
УСЛОВИЯ, ЗАТРУДНЯВШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИИ В ПОЛНОЙ МЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ 35

Оценка способности России к напряжению «людьми» 35
Льготы по семейному положению 38
Изменения, внесенные в Устав 1874 года 41
Физическая годность призываемых 45
Льготы по образованию 49
Закон 1912 года 55

Глава третья
УСЛОВИЯ, ЗАТРУДНЯВШИЕ НАДЛЕЖАЩЕЕ УСТРОЙСТВО И ОБОРУДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ 60

«Дешевизна» 60
Экономия и артиллерийское вооружение 64
Недостаточность железных дорог 67
Ограниченность доступов к морю 74
Несостоятельность расчетов мирного времени 75
Слабость военной промышленности 79
Попытки реформ 83
Отсутствие прочной веры в военную науку 86

Глава четвертая
ЧИСЛЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ 89

Призывы 89
Распределение призывов по возрастам 100
Территориальное распределение тяготы призывов 102
«Мираж» многолюдья 104
Пополнение Действующей армии ратниками II разряда 106
Речь члена Государственной думы А. И. Шингарева 110
Доклад Особого совещания о приближающемся исчерпании людского запаса 116
Письмо военного министра генерала Шуваева 127
Революция 131
Освобожденные от призыва 135
Добавочная живая сила в лице взятых нами пленных 141

Глава пятая
ПОТЕРИ РУССКОЙ АРМИИ В ЛИЧНОМ СОСТАВЕ 149

Трудность проблемы 149
Данные советской статистики 152

Число раненых ... 158
Исчисление доктора В. Г. Аврамова ... 160
Число умерших от ран ... 164
Число убитых ... 167
Число пленных ... 168
Итоги боевых потерь ... 178
Сравнение русских кровавых потерь с французскими и германскими ... 179
Распределение боевых потерь по различным периодам войны ... 182
Взаимоотношение офицерских и солдатских потерь ... 188
Характеристика боевых потерь в различных родах войск ... 192
Характеристика боевых потерь командного состава ... 194
Характеристика боевых потерь по губерниям Европейской России ... 196
Заболевшие ... 199
Инвалиды ... 203

Глава шестая
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ЛЮДЕЙ МЕЖДУ ВОЙСКАМИ И ТЫЛОМ ... 208

Численность Действующей армии ... 208
Численность боевого и обслуживающего элемента в Действующей армии ... 218
Численность людей в общественных и тыловых организациях ... 221
Окончательный расчет соотношения между боевым и обслуживающим элементами ... 224
Численность людей в глубоком военном тылу (в подчиненных Военному министерству запасных войсках, заведениях и учреждениях) ... 227
Численность военнообязанных, работавших в оборонной промышленности ... 231

Возвращаемость личного состава
Действующей армии ... 232
Дезертирство ... 239

Глава седьмая
ПОТРЕБНОСТИ РУССКОЙ АРМИИ
В ВООРУЖЕНИИ И В РАЗНОГО РОДА
БОЕВОМ ТЕХНИЧЕСКОМ СНАБЖЕНИИ ... 247

Кризис в боевом снабжении ... 247
Винтовки ... 248
Пулеметы ... 255
Ружейные патроны ... 257
Артиллерия ... 264
Артиллерийские огнеприпасы ... 282
Военно-техническое снабжение ... 292
Автомобили ... 294
Авиация ... 296
Квалифицированные рабочие ... 300
Отсутствие единства в организации работы тыла ... 303
Особые совещания ... 306
Мобилизация промышленности ... 310
Бессилие правительства ... 314
Революция ... 317
Насколько повысился уровень
военно-технического оснащения
Русской армии к 1917 году? ... 319

Глава восьмая
ПОТРЕБНОСТИ РУССКОЙ АРМИИ
В ПРОДОВОЛЬСТВИИ
И ПРОЧЕМ СНАБЖЕНИИ ... 323

Встреченные затруднения ... 323
Довольствие хлебом ... 325
Мясо ... 327
Прочие виды продовольствия ... 331
Фураж ... 332
Особые совещания ... 333
Потребность в сильной власти ... 336

Революция ... 338
Вещевое довольствие ... 343
Отношение солдатской массы к казенному имуществу ... 349
Заключение помощника главного интенданта генерала Богатко ... 353

Глава девятая
ТРАНСПОРТ ... 358

Перевозки по мобилизации и сосредоточению ... 358
Осенняя кампания 1914 г. и зимняя кампания 1914—1915 гг. ... 359
Летняя кампания 1915 года ... 362
Зимняя кампания 1915—1916 гг. и летняя кампания 1916 года ... 364
Зимняя кампания 1916—1917 гг. ... 367
Отсутствие дисциплины в использовании железных дорог ... 370
Недостатки в организации и в руководстве железнодорожным транспортом ... 371
Революция ... 373
Постройка новых железнодорожных путей ... 376
Доставки заграничного снабжения ... 379

Глава десятая
ХОД ВОЙНЫ И НАСТРОЕНИЯ АРМИИ И ТЫЛА В КАМПАНИИ 1914, 1915 И 1916 ГГ. ... 382

Мобилизация ... 382
Характеристика русского патриотизма ... 386
Взаимоотношение столкнувшихся сил ... 390
Начальные операции ... 396
Осень 1914 года ... 399
Кампания 1915 года ... 403
Великое отступление ... 406
Моральное воздействие этого отступления на армию ... 410
Моральное воздействие этого отступления в тылу ... 413

Кризис в Верховном Главном командовании 418
Увольнение Великого князя
Николая Николаевича и вступление
в Верховное Главнокомандование
Государя императора 424
Настроения солдатских масс 427
Кампания 1916 года 432
Надлом духа в стране 436

Глава одиннадцатая
РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ В 1 917 ГОДУ 453

Революция 453
Фронт и тыл 455
Совет рабочих и солдатских депутатов 456
Доклады членов Государственной думы 459
А. Ф. Керенский 466
Нежелание народных масс продолжать войну 467
Мнения военачальников 469
Вопрос о наступлении 474
Ударные добровольческие части 477
Дальнейшее падение духа в солдатской массе 479
Коллективное заявление главнокомандующих 480
Перемены в Верховном управлении
вооруженными силами России 485
Катастрофа на фронте 486
Генерал Л. Г. Корнилов 490
Офицерство 492
Корниловское выступление 494
Окончательный развал 495

Научно-популярное издание

Военные мемуары

Головин Николай Николаевич

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*
Корректор *С.В. Цыганова*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 29.11.2013. Формат 84 $108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Печ. л. 17.
Тираж 3000 экз. Заказ 7964.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

История Первой мировой войны в отечественной и зарубежной литературе в основном представлена работами, анализирующими преимущественно военно-политическую, стратегическую, оперативно-тактическую и социально-экономическую составляющие. Социологическая и социально-психологическая сторона проблемы, связанная с изучением войны как социального явления, оставалась, как правило, вне поля зрения исследователей. А между тем сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась ни в лагере победителей, ни в стане побежденных, лежит именно в области анализа ее «живой силы» — психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте и гражданского населения в тылу.

Этот пробел во многом восполняется фундаментальной работой, принадлежащей перу русского военного теоретика Николая Николаевича Головина (1875—1944).

ISBN 978-5-4444-1667-9

9 785444 416679

Вече